

Ф. В. Булгарин

Воспоминания 2

РОСИЯ В
МУЗЕЯХ

Воспоминания Мемуарные очерки Том 2 //Новое литературное обозрение,
Москва, 2021
ISBN: 978-5-4448-1525-0
FB2: , 28.06.2021, version 1
UUID: 05ffb582-e5fe-11eb-a246-441ea152441c
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Фаддей Венедиктович Булгарин

Воспоминания. Мемуарные очерки. Том 2 (Россия в мемуарах)

Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859) – одна из ключевых фигур русской литературы первой половины XIX века. Ожесточенная полемика с А. С. Пушкиным и действия в качестве агента Третьего отделения способствовали ухудшению его репутации, но не следует забывать, что он был одним из самых читаемых авторов своего времени, крупным издателем и редактором – в частности, первым сумел «провести в печать» фрагменты «Горя от ума» А. С. Грибоедова и ввел в русскую литературу ряд жанров. Занявшись публикацией своих мемуаров, Булгарин совершил беспрецедентный поступок: впервые в России мемуарист при жизни издал автобиографию. «Воспоминания», вошедшие в первый том этого издания, повествуют о начальном этапе бурной жизни автора, достойной плутовского романа: детстве в польской семье в Белоруссии, обучении в кадетском корпусе в Петербурге, участии в войнах с Францией и Швецией, службе в Кронштадте, петербургском быте и развлечениях начала XIX века, встречах с известными людьми и лю-

бовных увлечениях. Более поздний этап жизненного пути Булгарина отражен в мемуарных очерках, составляющих второй том книги. Они посвящены Наполеону, Карамзину, Аракчееву, Крылову, Грибоедову и др. В качестве приложения публикуются письма Булгарина цензорам «Воспоминаний», донос М. А. Корфа на мнение писателя о М. М. Сперанском, отклики Н. А. Полевого и Я. К. Грота на «Воспоминания» и ответы им автора.

Содержание

МЕМУАРНЫЕ ОЧЕРКИ	0007
ЗНАКОМСТВО С НАПОЛЕОНОМ НА АВАНПОСТАХ ПОД БАУЦЕНОМ 21 МАЯ (Н. С.) 1813 ГОДА	0007
ВСТРЕЧА С КАРАМЗИНЫМ (Из литературных воспоминаний)	0014
К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА	0035
ПОЕЗДКА В ГРУЗИНО В 1824 ГОДУ (Из воспоминаний)	0057
ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ГРИБОЕДОВЕ	0083
КАК ЛЮДИ ДРУЖАТСЯ (Справедливый рассказ)	0123
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ АНДРЕЕВИЧЕ КРЫЛОВЕ И БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕРИСТИКУ ЕГО СОЧИНЕНИЙ	0134
[ВОСПОМИНАНИЯ О ПИСАТЕЛЯХ]	0173
[ВОСПОМИНАНИЯ О КНИГОПРОДАВЦАХ И ИЗДАТЕЛЯХ]	0237
ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛЬЕ АНДРЕЕВИЧЕ КАРАТЫГИНЕ	0256
КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЕНЕРАЛ- ЛЕЙТЕНАНТА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА МИХАЙЛОВСКОГО-ДАНИЛЕВСКОГО	0270

ПРИЛОЖЕНИЯ	0291
ПИСЬМА Ф. В. БУЛГАРИНА ЦЕНЗОРАМ «ВОСПОМИНАНИЙ»	0291
ПОЛЕМИКА Н. А. ПОЛЕВОГО И Ф. В. БУЛГАРИНА ПО ПОВОДУ БУЛГАРИНСКИХ «ВОСПОМИНАНИЙ»	0327
КРИТИКА М. А. КОРФОМ ВОСПОМИНАНИЙ Ф. В. БУЛГАРИНА О М. М. СПЕРАНСКОМ И ОТВЕТ БУЛГАРИНА	0463
ПОЛЕМИКА Я. К. ГРОТА С Ф. В. БУЛГАРИНЫМ ПО ПОВОДУ БУЛГАРИНСКИХ «ВОСПОМИНАНИЙ»	0516
КОММЕНТАРИИ	0558
АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	0583

Ф. В. Булгарин
Воспоминания Мемуарные
очерки Том 2

МЕМУАРНЫЕ ОЧЕРКИ

ЗНАКОМСТВО С НАПОЛЕОНОМ НА АВАНПОСТАХ ПОД БАУЦЕНОМ 21 МАЯ (Н. С.) 1813 ГОДА

(Из воспоминаний старого воина)

Город Бауцен лежит у подошвы гор, возвышающихся со стороны Герлица[1] перед городом; по обеим сторонам Дрезденской дороги простирается обширная долина, пересекаемая с правой стороны глубокими оврагами, застроенная маленькими чистыми деревушками и покрытая небольшими возвышениями. Долина сия со стороны Дрездена оканчивается также горами и лесом. Российская армия, расположенная при Бауцене, правым крылом примыкала к горам, а левым к оврагам. Французская армия занимала позицию в конце долины за деревнями Аурец, Надевиц и Бург, по лесам и возвышениям. Ночью с 20 на 21 число (н. с.) дан был приказ во французской армии готовиться к сражению[2]. Солдаты нетерпеливо ожидали дня, долженство-

вавшего решить их участь, ибо вообще говорили, что после победы австрийцы соединятся с французами и что мир должен быть наградой победителей.

Я с тридцатью уланами стоял на аванпостах позади небольшого холма, на пистолетный выстрел от казацкого пикета[3]. В три часа утра адъютант генерала Лабрюйера[4] привез ко мне приказ следующего содержания: «Наполеон будет осматривать посты; солдаты не должны делать ни малейшего движения, могущего открыть присутствие императора; они должны вовсе не примечать его и заниматься своим делом». В три часа с половиною два эскадрона польских гвардейских улан выстроились в полуверсте от моего поста, и четыре всадника, отделившись от сих эскадронов, шагом приближались к нам. Стоявшие противу нас казаки не заметили, кажется, сих движений и спокойно в руках кормили своих лошадей, прохаживаясь с ними по засеянному хлебу. Вскоре прибыл к моему холму Наполеон в сером сюртуке и малой треугольной шляпе, без всяких воинских отличий; он был на буланой лошади. С ним приехали мар-

шалы Бертье и Ней и наш дивизионный генерал Лабрюйер, племянник первого[5]. Они слезли с лошадей позади холма, и как с ними не было ни лакея, ни ординарца, то мой унтер-офицер должен был держать лошадей. Вследствие приказа солдаты мои будто бы не примечали сих гостей. Половина была при лошадях, другие сидели у огня, жарили мясо и спокойно пили вино. Я прохаживался по холмику с моею трубкою, приложив руку к козырьку, приветствовал императора и продолжал прохаживаться. Четверо моих гостей расположились на земле за большими камнями. Бертье разложил карту и подал Наполеону зрительную трубу. Поговорив несколько между собою и посмотрев на карту, генерал Лабрюйер стал на одно колено, а Наполеон, положив подзорную трубу на его правое плечо, с четверть часа, согнувшись, смотрел на русскую позицию, на город Бауцен, лежащий противу холма в прямой линии, и на возвышения, усеянные русскими пушками и пехотою. После сего они все сели на камни, и Наполеон подозвал меня: «Давно ли вы служите?» – спросил он меня. «Это мое ремесло, ва-

ше величество: имея шестнадцать лет от роду, я познакомился с пушечными выстрелами»[6]. – «Что вы думаете о казаках?» – «Они храбрые солдаты, приносят, однако ж, больше пользы в лагерной службе, нежели в генеральном сражении». – «Правда! Случалось ли вам драться с русской пехотой?» – «Случалось, ваше величество! Отличная пехота и достойная соперница пехоты вашего величества». – «Он прав!» – сказал Наполеон, оборотясь к Нею. «Вы, поляки, говорите почти одним языком с русскими!» – продолжал Наполеон. «Точно так, ваше величество, мы легко понимаем друг друга, как швед датчанина, а немец голландца». – «А проpros[7], говорите ли вы по-немецки?» – спросил Наполеон. «Говорю, ваше величество!» – «Итак, садитесь на лошадь и привезите мне из деревушки, которая от вас в ста шагах, какого-нибудь мужика, я в вашем отсутствии буду командовать постом».

Моя лошадь была замуштучена[8]; я вспрыгнул на нее и помчался во весь дух в деревушку. Приезжаю туда и вижу, что на одном конце русские егери варят кашу, а на дру-

гом французские стрелки спокойно переходят из дома в дом. На мое счастье полуодетый немец вышел из одного дома. «Любезный друг! Хочешь ли получить денег от нашего генерала?» – сказал я ему. «Денег? Хорошо! – отвечал он. – Но за что?» – «Только поговори с ним несколько минут». – «Может быть он возьмет меня в проводники?» – «Не бойся! Уверю тебя честью, что только поговорит и сейчас отпустит домой. Впрочем, соглашайся добровольно или я раздроблю тебе голову». (Я хотел только пострелять его и вынул пистолет из за пояса.) «Извольте! я готов следовать за вами!» – сказал дрожащий от страха крестьянин. «Ну так садись же за мною на лошадь». Я подъехал к забору. Немец вскарабкался, и я полетел стрелою к моему посту. «Браво, господин офицер! – сказал мне Наполеон. – Благодарю вас». Крестьянин поклонился и с трепетом ожидал своей участи. Наполеон оборотился к нему спиною и через Нея начал делать ему следующие вопросы: «Глубок ли ручей, протекающий в овраге, находящемся на правой стороне?» (на левом фланге русском). – «Не глубже колена», – отве-

чал немец. «Проезжаете ли вы когда через него в телегах?» – «Всегда, исключая весны и осени, когда вода собирается». – «Везде ли можно проезжать вброд?» – «Нет! В некоторых местах на дне лежит множество камней, но от мостика вправо, на четверть мили, дно чистое». Наполеон был весьма доволен ответами и, по-видимому, находился в веселом расположении духа. Он спросил денег у Бертье, взял целую горсть луидоров[9] и отдал мужику, сказав: «На! пей за здоровье французского императора!» Мужик хотел ему броситься в ноги. «Постой! – сказал Наполеон. – Знаешь ли ты императора?» – «Нет, а хотел бы его видеть». – «Ну так смотри!» – сказал он, указывая на маршала Нея, который в это время растегнул сюртук и показал золотом шитый мундир. Мужик бросился ему в ноги. Ней усмехнулся: «Этот господин тебя обманывает: вот император!» – примолвил он, указывая на Бертье. Мужик опять кинулся в ноги. «Не трудись напрасно, – сказал Бертье весьма дурным немецким языком. – Вот император!» – и указал на Лабрюйера. Мужик опять хотел упасть к ногам. «Я молод, чтоб быть импера-

тором, но ты кланяйся тому, кто тебе дал деньги». – «Das ist recht![10] – сказал немец и, схватив за руку Наполеона, примолвил: – Das ist ein goldenes handchen (вот золотая ручка!)» – и поцеловал ее. Мои гости посмеялись от доброго сердца, отпустили мужика домой и сошли вниз с холма. Наполеон приказал Бертье дать моим солдатам по луидору каждому, что и было исполнено на месте. «Бертье, запишите имя господина офицера!», – сказал Наполеон. Потом, сев на лошадь и оборотясь ко мне, примолвил: «Я говорил об вас с вашими подчиненными и доволен вами. Если вы будете в чем иметь нужду, отнесите прямо ко мне и припомните наше знакомство под Бауценом, прощайте! желаю вам скоро быть капитаном!» Я поклонился, и Наполеон уехал шагом к эскадронам гвардейских улан, которые во все это время сидели на конях. Через час конные егери пришли сменить меня; я прибыл в полк, и первое слово, которым меня встретил мой полковник, было: «Здравствуйте, господин капитан!» В полку уже был прочитан приказ о моем производстве[11]; мы с приятелями распили от радости

несколько кувшинов старого вина и чрез час пошли встречать лбом пули, которые не разбирают ни капитанов, ни поручиков[12].

ВСТРЕЧА С КАРАМЗИНЫМ **(Из литературных воспоминаний)**

...de mortuis nil nisi vere...[13]

В 1819 году, в зимние вечера собирались к одному держателю пансиона в Петербурге (французскому дворянину)[14] любители словесности, из находившихся в то время в столице французских путешественников, чиновников и нескольких дам и мужчин из высшего класса русского общества. В сем пансионе воспитывались дети знатных и богатых людей, и потому хозяин имел обширный круг знакомства. Время на сих литературных вечерах проводили чрезвычайно весело. Читали переводы с русского языка и небольшие оригинальные статьи; разговаривали, шутили, и наконец за ужином, по древнему афинскому и нынешнему французскому обычаю, пели куплеты, всегда остроумные, весьма ча-

сто забавные. Присутствие дам, прекрасных и умных, одушевляло беседу.

Не имея никаких притязаний на звание французского автора, я, по просьбе хозяина и некоторых приятелей, должен был писать по-французски небольшие статьи, которые исправлял (в грамматическом отношении) г-н Сен-Мор[15] [16] и сам читал их в нашей беседе. Прекрасному его чтению я обязан тем, что некоторые из моих статей имели успех. Впрочем, общество наше было весьма невзыскательное. Немножко ума, немножко веселости, занимательное происшествие – и слушатели были довольны.

Однажды хозяин объявил нам, что в будущее заседание один известный русский чтец [17] будет декламировать сцены из Мольеровой комедии и что несколько отличных русских литераторов посетят нашу беседу. Я тогда только что возвратился из долговременного странствия по Европе и не знал в лицо ни одного русского литератора. С нетерпением ожидал я дня собрания и первый туда явился. По мере появления новых лиц в зале я спрашивал об именах и, к удивлению мое-

му, слышал одни звонкие имена в адрес-календаре, а не встретил ни одного известного в литературе. В досаде, я уселся в углу комнаты и погрузился в размышления.

Итак, хозяин сам обманулся и нас обманул, думал я, обещая украсить круг наш присутствием литераторов. Но он знаком в свете, а не на Парнасе. В свете достоинство литератора определяется другим образом, нежели в ученом кабинете. Сочинители нескольких незначущих печатных страничек или стишков (при помощи приятелей), смелые и многоязычные говоруны, дерзкие судьи дарований, которых все достоинство составляет память, испещренная беспорядочными узорами различных словесностей и выдержками из остроумных иностранных журналов – вот люди, которые между литераторами называются *опрокинутою библиотекою* (Bibliothèque renversée), а в свете слывят умниками, созревшими судьями литературы. Так называемый большой свет можно уподобить крепости. Комендант в ней – *приличие*. Этот комендант не впускает в ограду никого, кто не принадлежит к гарнизону, но сдает на капитуляцию

целую крепость первому смельчаку, который устремится на приступ, с толпою своих робких поклонников. Успехи в большом свете в отношении к уму весьма не трудны, ибо они зависят от положения человека в обществе. Родство, связи, покровительство доставляют рукоплескателей, и обыкновенно случается, что эти рукоплескания света превращаются в пронзительный свист публики образованной.

Между тем как я размышлял таким образом, началось чтение Мольеровой пьесы. Вдруг дверь в зале потихоньку отворяется, и входит человек высокого роста, немолодых лет и прекрасной наружности. Он так тихо вошел, что нимало не расстроил чтения, и, пробираясь за рядом кресел, присел в самом конце полукруга. Орденская звезда блестела на темном фраке и еще более возвышала его скромность. Другой вошел бы с шумом и шарканьем, чтоб обратить на себя внимание и получить почетное место. Незнакомец никого не обеспокоил. Я смотрел на него с любопытством и участием. Черты его лица казались мне знакомыми, но я не мог вспомнить, где и когда видел его. Лицо его было продол-

говатое; чело высокое, открытое, нос правильный, римский. Рот и уста имели какую-то особенную приятность и, так сказать, дышали добродушием.

Глаза небольшие, несколько сжатые, но прекрасного разреза, блестели умом и живостью. Вполовину поседелые волосы зачесаны были с боков на верх головы. Физиономия его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительными чертами его лица были две большие морщины при окончании щек, по обеим сторонам рта. Я, по невольному влечению, искал его взгляда, который, казалось, говорил душе что-то сладостное, утешительное.

На его одушевленной физиономии живо отражались все впечатления, производимые чтением. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера не ускользнули от его внимания. Неудовольствие изображалось на лице, как облако в чистой воде, когда чтец дошел до некоторых плоскостей, встречающихся в комедиях Мольера, жертвовавшего иногда вкусу своего современного партера. Я не сводил глаз с

незнакомца и размерял по его ощущениям мои собственные. Пришла очередь до моей статьи. Она была написана мною вследствие моего спора с французами о немецкой трагедии и заключала в себе обзор и краткий разбор Шиллеровых драматических творений[18]. Прежде я хладнокровно представлял мои безделки на суд снисходительных любителей словесности, но на этот раз сердце мое забилося сильнее: я чувствовал, что в незнакомце имею знающего и опытного судью. Во время чтения г. Сен-Мора я с боязнию поглядывал на незнакомца и старался вычитать мой приговор на его лице. Счастье мне благоприятствовало: я с радостью заметил, что незнакомец был доволен.

Кончилось чтение, – слушатели встали с мест своих, и начался разговор. С нетерпением подбежал я к хозяину, чтобы спросить об имени занимательного незнакомца. «*Это Карамзин!*» – отвечал хозяин и поспешил к нему поблагодарить за посещение.

«Карамзин!» – воскликнул я так громко, что он обернулся и посмотрел на меня. Вся нервическая моя система потряслась при сем

магическом имени, и все усыпленные воспоминания моей юности вспорхнули в одно время. Есть ли один грамотный человек в России, в хижине и в чертогах, от берегов Камчатки до Вислы, который бы не знал имени Карамзина? Есть ли один образованный иностранец, который бы не соединял имени Карамзина с воспоминанием о просвещении России? Я видал гравированный его портрет и теперь поверял давно знакомые черты писателя[19], которого каждая печатная строка прочтена мною по нескольку раз. С юности моей я был свидетелем его успехов, его славы. Я член того поколения, в котором он сделал литературный переворот. Он заставил нас читать русские журналы своим «Московским журналом» и «Вестником Европы»; он своими «Аонидами» и «Аглаей» ввел в обычай альманахи; он «Письмами русского путешественника» научил нас описывать легко и приятно наши странствия; он своими *несравненными* повестями привязал светских людей и прекрасный пол к русскому чтению; он сотворил легкую, так сказать, общежительную прозу; он первый возжег светильник грамматиче-

ской точности и правильности в слогe, представив образцы во всех родах; он познакомил все состояния россиян с отечественною историею, очистив ее от архивной пыли. Так вот Карамзин! Вот исполин русской словесности! Различие в мнениях насчет изложения «Истории» нимало не ослабляло во мне чувства уважения к великому мужу и не затемняло его великих заслуг и дарований. Я смотрел на него с таким же благоговением, как древние взирали на изображение олицетворенной *Славы* и *Заслуги*[20] [21].

Г. Сен-Мор знаком был с Карамзиным. Я попросил г-на Сен-Мора представить меня великому писателю, что и было тотчас исполнено.

– Я согласен с вами насчет трагедии, – сказал он мне после первого приветствия. – Классики требуют слишком точного соблюдения трех единств; романтики отвергают все условия искусства. Вы справедливо говорите, что надлежало бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишком стесняют круг действия; соединение отдаленных эпох в драме развлекает внимание и ослабля-

ет занимательность целого. Пусть появится другой Расин во Франции – и он сделает переворот в мнениях, ибо людей должно убеждать не теориями изящного, а примерами.

При сих словах Карамзин приятно улыбнулся и примолвил:

– Я говорю не насчет вашей теории: говорить правду все-таки надобно. Следствия приходят после.

Карамзин сделал мне несколько вопросов насчет моего пребывания за границею, но как ни время, ни место не позволяли распространяться в разговорах – то я должен был с горестью отстать от Карамзина и уступить свое место другим. Я просил у него позволения посетить его. Он пожал мне руку и сказал:

– В девять часов вечера я пью чай в кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости просим: я всегда буду рад вам. Прошу запросто – без предварительных визитов[22].

Я не преминул воспользоваться этим позволением и чрез несколько дней отправился к Карамзину. Он жил тогда на Фонтанке, близ Аничкова моста, в доме г-жи Муравьевой, в верхнем этаже. Меня впустили в залу без до-

клада. В первой комнате, за круглым чайным столиком, на котором стоял самовар, помещалось целое семейство Карамзина; сам он сидел в некотором отдалении, в полукруге посетителей.

Карамзин встретил меня в половине комнаты, дружески пожал руку, произнес громкою фамилию, представляя другим собеседникам, и просил садиться. В его приемах, обращении и во всех движениях соединялось глубокое познание светских приличий с каким-то необыкновенным добродушием и простою патриархальных времен. Каждое его слово, каждое движение шло прямо от сердца, находясь в обществе незнакомых людей, в первый раз в доме, я не чувствовал ни малейшего смущения и принуждения. Общество составлено было из людей разного звания и происхождения, русских первоклассных чиновников, литераторов и иностранцев; но все сии разнородные части *сплавались* в одно целое умом и душою хозяина. В обращении его не видно было, чтобы он отдавал кому-либо преимущество насчет другого. Добродушная его вежливость разливалась равно на всех.

Он говорил со всяким одним тоном и слушал каждого с одинаким вниманием. Люди сближались между собою Карамзиным. Все преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень в его присутствии. Он был душою и располагал движениями членов своего общества.

При воспоминании о беседе Карамзина почитаю неизлишним сказать несколько слов о обществах вообще. Не только у нас, но и во Франции, сем древнем отечестве общежития, жалуются, что *искусство беседовать* (*l'art de la conversation*) упало, и даже тайна оного исчезла. К кому ныне ездят на беседу? Кто составляет общества? Знатные и богатые зовут гостей на обед, на вечер, где пресыщаются, играют в карты, танцуют – но не беседуют. Зовут людей знатных, случайных, их детей и родственников. В сих обществах не требуется ни от хозяина, ни от гостей ума и познаний для поддержания беседы. Напротив того – *молчание* почитается достоинством. Большие обеды похожи на всенародные жертвоприношения, балы на театральные представления: они сухи – и безжизненны. Во Франции и в

Англии еще ум и дарования составляют почетное качество человека и отворяют ему вход во все общества. Но политические прения поглощают приятность бесед, и ум *работает*, а не *забавляется* в обществах. У нас, в России, литераторы и ученые приглашаются в общества и занимают места по чинам, по связям, а не по дарованиям. У нас знатные приглашают литератора тогда только, когда надобно посоветоваться с ним в каком-нибудь *письменном* деле, точно так, как призывают медика во время недуга. Захочет ли литератор и ученый с умом, с дарованием, с чувством собственного достоинства добиваться чести занимать уголок за пышным столом, играть в вист в позлащенных комнатах и быть безмолвным свидетелем светских забав? Без сомнения, нет. С другой стороны, людям знатным, должностным, богатым *некогда* заниматься беседами с литераторами о предметах, с которыми первые или расстались, или вообще малознакомы. Знатные и должностные люди, оказывая покровительство литераторам, обходятся с ними, как с подчиненными.

Все сии и другие причины, о которых я умалчиваю, воздвигнули род Китайской стены между так называемым большим светом и литераторами. Литераторы ничего от этого не теряют, напротив того, выигрывают драгоценное время; но знатные люди, издерживающие значительные суммы на балы и праздники и жертвою половины жизни добивающиеся степеней для приобретения известности, не постигают своих выгод, пренебрегая умом и дарованиями. Много громких имен забудется навсегда в другом поколении, вместе с адрес-календарями на лето от Рождества Христова такое-то; но имена Шувалова, Строганова, Румянцева перейдут к потомству с уважением, единственно оттого, что они любили собирать в своем доме и покровительствовали ученых, литераторов и артистов. Без Горация мы не знали бы о существовании Мецената.

В то время, когда я познакомился с Карамзиным, весьма в немногих домах в Петербурге принимали литераторов и вообще всех гостей по их внутреннему достоинству. Я говорю теперь о Карамзине[23]. Сей великий пи-

сатель был любезнейшим человеком в обществе. Он знал в совершенстве *искусство беседовать*, которое вовсе различно с *искусством рассказывать*. Хороший рассказчик нравится нам иногда, когда мы расположены *слушать*; но человек, умеющий поддерживать разговор и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо он умеет быть и слушателем и рассказчиком.

Карамзин охотно говорил по-русски, и говорил прекрасно. Иностранные языки он употреблял только с иностранцами. В его речах не было изысканных выражений и ссылок на авторов, столь утомительных в разговоре; но речения его сами по себе имели полноту и круглость; он никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровие в разговорах, он воспламенялся только, когда речь заходила о России, об истории и об его старинных друзьях. Тогда физиономия его одушевлялась особенною выразительностию и взоры искрели. Он никогда из вежливости не соглашался с чужим мнением, вопреки собственному убеждению, но не спорил, а умел своему противоречию сообщать такую неж-

ность и снисходительность, что всегда побеждал своего противника, который, если не переменил мнения, то по крайней мере должен был замолчать. Карамзин никогда не хотел торжествовать в разговоре и если примечал, что противник его уклонялся от противоречий, то нежно, ласково и постепенно, не перекакивая быстро к другому предмету, переменил разговор, выводя всегда своих собеседников на самые блестящие места разговорного поприща.

В этот вечер разговор начался о сравнительном состоянии простого народа в России и во Франции. Я сказал: Францию вообще можно сравнить с галантерейною вещью, лучшей филаграммовой работы, с финифтью, а Россию можно уподобить слитку золота. На вид Франция имеет преимущество, на вес – Россия.

Карамзин улыбнулся.

– Правда, – сказал он, – что Россия тяжела на политических весах Европы и что массивное ее состояние надолго предохранит ее от ломки и измятия. Но, извините, – промолвил он, – в сравнении своем вы позабыли сказать,

какой формы слиток?

– Каждая форма приятна для глаз, – отвечал я, – если в ней соблюдена гармония.

– Если так, согласен, – сказал Карамзин.

Один из собеседников распространился в похвалах веселости и уму французского народа.

Карамзин сказал:

– Вы правы, но в русском народе веселость и ум – также врожденные качества. Немудрено веселиться под светлым небом Франции, под тенью каштанов, среди виноградников, поблизости больших городов; но у нас, среди трескучих морозов, в дымных избах или в тяжком труде краткого лета, крестьянин всегда весел, всегда поет или шутит. У нас без школ поселяне выучиваются самоучкою грамоте, и разряд наших сельских поэтов и романистов едва ли не многочисленнее класса привилегированных литераторов. Много ли можно насчитать тех счастливцев, чьи сочинения сохраняются столь долго, как русские песни и сказки? Общее правило: счастье состоит в том, чтобы довольствоваться малым, а нет человека в мире, который имел бы

менее нужд, как русский крестьянин, и который бы так охотно и так весело трудился.

Разговор обратился на русские песни и сказки, и Карамзин, объясняя красоты некоторых из песен и занимательность сказок, примолвил:

— Я давно уже имел намерение собрать и издать лучшие русские песни, если возможно расположив хронологическим порядком, и присоединить к ним исторические и эстетические замечания. Другие занятия отвлекли меня от сего предприятия, но я не отказался от него. Я не доволен всеми нашими собраниями, в которых нет ни выбора, ни порядка!
[24]

Само по себе разумеется, что все мы искренно пожелали, чтобы Карамзин исполнил свое предприятие.

Если б какой-нибудь *отличный* литератор исполнил сию мысль великого писателя, он бы оказал большую услугу отечественной словесности. Можно было бы сделать также собрание русских простонародных сказов, уже напечатанных и остающихся в изустном предании, очистив оныя от некоторых грубых

местностей, но соблюдая в точности слог и рассказ. Это были бы памятники народные. Но, повторяю, для сего предприятия надобно не литературных спекуляторов, а отличных литераторов, совершенно знающих Россию.

Первое мое посещение продолжалось *два часа*. Я не мог решиться оставить беседу. Мне так было хорошо и весело. Ум и сердце беспрестанно имели новые, легкие, приятные занятия. Я хотел, по модному обычаю, выйти из комнаты, не простясь с хозяином, но Карамзин не допустил меня до этого. Он встал с своего места, подошел ко мне, пожал руку (по-английски) и пригласил посещать его. Я видел почти всех знаменитых ученых и литераторов на твердой земле Европы, во время моего странствия, но признаюсь, что весьма немногие из них произвели во мне такое впечатление при первой встрече, как Карамзин, и это оттого, что весьма немногие люди имеют такое добродушие в обращении, такую простоту в приемах, какие имел Карамзин, что он при обширных сведениях знал *искусство беседовать*, и наконец, что в каждом его слове видна была *душа* добрая, благородная. Вот маг-

нит сердец!

Несколько дней спустя после первого моего посещения я встретил Карамзина в одной из отдаленных улиц, пешком, поутру, в 8 часов. Погода была самая несносная: мокрый снег падал комками и ударял в лицо. Оттепель испортила зимний путь. Один только процесс или другая какая беда могли выгнать человека из дому в эту пору. Я думал, что Карамзин меня не узнает, ибо он два раза только видел меня, и то вечером. Но он узнал меня. Я изъясил ему мое удивление, что встречаю его в такое время.

– Я имею обыкновение, – сказал Карамзин, – прогуливаться пешком поутру до девяти часов. В эту пору я возвращаюсь домой, к завтраку. Если я здоров, то дурная погода не мешает мне; напротив того, после такой прогулки лучше чувствуешь приятность теплого кабинета.

– Но должно сознаться, – возразил я, – что вы выбираете не лучшие улицы в городе для своей прогулки.

– Необыкновенный случай завел меня сюда, – отвечал Карамзин, – чтобы не показаться

вам слишком скрытным, я должен сказать, что отыскиваю одного бедного человека, который часто останавливает меня на улице, называет себя чиновником и просит подаянья именем голодных детей. Я взял его адрес и хочу посмотреть, что могу для него сделать.

Я взялся сопровождать Карамзину. Мы отыскивали квартиру бедного человека, но не застали его дома. Семейство его в самом деле было в жалком положении. Карамзин дал денег старухе и расспросил ее о некоторых обстоятельствах жизни отца семейства. Выходя из ворот, мы встретили его, но в таком виде, который тотчас объяснил нам загадку его бедности. Карамзин не хотел обременять его упреками: он покачал только головою и прошел мимо.

— Досадно, — сказал Карамзин, улыбаясь, — что мои деньги не попадали туда, куда я назначал их. Но я сам виноват; мне надлежало бы прежде осведомиться об его положении. Теперь буду умнее и не дам денег ему в руки, а в дом.

Благородный человек! Вот как он услаждал свои прогулки перед утреннею работою.

Мудрено ли после этого, что каждая его строка дышит любовью к человечеству, ко всему доброму, полезному. Бюффон справедливо сказал, и Карамзин повторил: что человек изображается в слоге своем[25]. Правильность, нежность, простота, занимательность слога Карамзина были отпечатками его характера. Различие в мнениях никогда не могло ослабить уважения к нему в человеке благомыслящем. Отдаленное потомство скажет: Карамзин был великий писатель и – благородный, добрый человек. Одно стоит другого. Но какое счастье, если это соединено в одном лице!

К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА

До выпуска в свет собрания своих сочинений Н. Н. Греч принес их ко мне и сказал: «Ты был свидетелем рождения всех этих чад моих, а некоторых из них знал и до рождения. Ты охотно слушал планы моих сочинений и даже торопил меня исполнением. За то вот тебе первый экземпляр!» – «Спасибо, друг!..» Но, по авторской привычке рассмотрев механизм издания, я воскликнул: «Veto! не позволяю выпустить в свет!» – «Это что значит?» – «А вот что: когда издатель твоих сочинений приложил к ним твой портрет, то должно приложить и биографию»[26]. – «Помилуй, статочное ли это дело! – сказал Греч. – Могу ли я сам писать свою биографию!» – «Нет, ты должен писать, а напишу я, друг твой и товарищ, в течение восемнадцатилетней литературной жизни». – «Но что скажут люди о биографии, написанной *другом*?» – «Неужели ж ты хочешь, чтобы биографии наши писали *враги*? Довольно лжей и клевет рассеяно об нас по свету: пусть же хоть раз появится

правда. Почти во всех иностранных энциклопедических и биографических лексиконах напечатаны наши биографии неполные или искаженные[27], а московские наши приятели не устыдились даже напечатать на нас за границу самый гнусный пасквиль, поручив редакцию полуграмотному израильтянину[28]. Это самое возлагает на меня обязанность высказать истину, тем более что, составляя историю русской литературы[29], я собрал все нужные к твоей биографии материалы. Позволь, братец, сделать это! Противники наши могут уличить меня, если я скажу неправду. Помни, что тебе пятьдесят лет от роду, что ты более тридцати лет трудишься в литературе, что ты имеешь детей, для которых доброе твое имя составляет все наследство, что ты имеешь искренних друзей, которые...» Греч махнул рукою и сказал: «Делай, что хочешь! Ты зачинщик, ты и ответчик! Подожду несколько дней с выпуском книг, но знать не хочу, что ты напишешь. Пиши, печатай – все позволяю – тебе в угоду!» Вот как было дело и как родилось это краткое, но верное биографическое известие об авторе предлагаемых

ныне публике сочинений.

Николай Иванович Греч происходит от древней благородной чешской, т. е. богемской фамилии. Все древние славянские названия имели какое-нибудь значение. До XII века в балтийской славянщине был город *Греч*, итак это прозвание *урочищное*, но этимологический смысл его потерян. Стефан Баторий, король польский, неизвестно по какому случаю принял фамилию Греч в польское рыцарское сословие (т. е. шляхетство), что доказывается печатными актами. В XVII веке эта фамилия, обратившись в протестантскую веру, принуждена была оставить отечество, Богемию, и переселилась в Пруссию. Прадед Николая Ивановича был камеральным советником в Кенигсберге, а дед, Иван Михайлович Греч, учился в Лейпциге и Марбурге, познакомился там с русскими студентами и, как бы по влечению славянского сердца, стал учиться русскому языку. В 1730 году он был определен профессором при Митавской гимназии, а в 1736 поступил профессором нравственных и политических наук в высшие классы Сухопутного кадетского корпуса (ныне 1♦й кадет-

ский), называвшиеся тогда Военною академиею[30], и потом был там же инспектором классов. Под просвещенным его руководством образовались многие русские герои, украшающие своими именами наши военные летописи. В то же время преподавал он политическую историю великой княгине Екатерине Алексеевне, которая весьма его жаловала и, по смерти его, будучи уже императрицею, благодетельствовала его семейству. Он сочинил и издал политическую географию, напечатанную на русском языке, в 1758 году [31]. Отец Николая Ивановича получил хорошее образование, служил по финансовой части при тогдашнем генерал-прокуроре князе Вяземском и был неоднократно послан за границу, с важными поручениями государыни. По присоединении Литовских губерний к России Иван Иванович Греч был секретарем и потом обер-секретарем в Сенате, по польским и немецким делам. Для иных такое местечко было мексиканским рудником, а для этого человека только трудною должностью. Ябеда была тогда в полном разгуле. Польские паны превратили все прежние свои политические

распри в процессы и часто, из одного пустого тщеславия, жертвовали имением, чтобы только надоесть своему противнику. Зато не дремали и щуки в море! Быстро обогащались тогда дельцы и ходатаи по делам. Но обер-секретарь Сената по польским делам, Иван Иванович Греч, не хотел знать этих проделок, жил более нежели скромно, работал много и, когда скончался, в 1803 году, все его имущество продано было с публичного торгу за 41 рубль. Память этого события сохранилась в газетах того времени. Детям его остались в наследство: Библия, математическая готвальня и честное имя отца. Дед Н. И. Греча по матери, Яков Филиппович Фрейгольд, воспитанный в Сухопутном кадетском корпусе, посвятил себя военной службе, был тяжело ранен в Семилетнюю войну под Цорндорфом и страдал от ран в течение тридцати лет. Принужденный оставить военную службу, он был назначен директором скарбовой канцелярии в Глухове, при существовавшем тогда войске малороссийском, а потом был экономии директором в Киеве. Места сии назывались тогда доходными, однако ж по смерти

Фрейгольда не осталось семейству его ни гроша. Дядя Греча, по отцу, воспитывался также в Сухопутном кадетском корпусе (имя его, как отличного кадета, изображено на мраморной доске). Он погиб на поле чести в первую турецкую войну, в царствование императрицы Екатерины II[32]. Дядя по матери был также военным, храбро дрался со шведами в девяностых годах и умер от последствий этого похода. Родной брат Н. И. Греча, Александр Иванович, тяжело раненный в Бородинской битве, в 1812 году, перенесен был в Москву и там умер. Вот права фамилии Греча на гражданство и дворянство России! Эта фамилия не приобрела знаменитости ни брачными союзами, ни *благоприобретенным* на службе богатством. Честь и труд – девиз ее. Замечательно, что герб этой фамилии – *писчее перо*.

Николай Иванович Греч родился в С. Петербурге 3 августа 1787 года и получил первоначальное воспитание, имеющее всегда влияние на целую жизнь, под непосредственным руководством умной, образованной и благородной матери, которая доныне составляет счастье его и всего семейства, любима и ува-

жаема всеми, кто только ее знает. Дядя его, Александр Яковлевич Фрейгольд, артиллерийский офицер, человек умный, благородный и хороший математик, преподавал ему первые уроки в науках. Отец замышлял дать Николаю Ивановичу блистательное воспитание, но обстоятельства того не позволили, и он отдал его в существовавшую тогда Юнкерскую школу, где образовались юристы, а второго сына определил во 2-й кадетский корпус. В Юнкерской школе Греч нашел добрых начальников и наставников[33]. Директором был нынешний президент Академии художеств Алексей Николаевич Оленин; инспектором Михаил Никитич Цветков; учителями Б. И. Иваницкий, П. Х. Шлейснер, П. П. Острогорский, люди сведущие в своем деле, умевшие пробудить в Грече его способности и поддержать в нем охоту к учению. Он учился прилежно, страстно, но ограниченность курса в этом учебном заведении не могла удовлетворить любви его к словесным наукам. В 1804 году вступил он в канцелярию одного министерства[34], но страсть к наукам отвлекла его от единообразной службы. Он за-

писался слушателем в Педагогический институт[35], утром слушал лекции, после обеда учил других, для снискания насущного хлеба и для воспитания осиротевших сестер и младшего брата ночи проводил в повторении слышанных лекций и в чтении. Тяжела была его юность. В те лета, когда другие наслаждаются жизнью, он должен был пещись о своем содержании и образовании, и притом идти впереди в области наук. В то же время он стал испытывать силы свои в словесности: посылал статьи в журналы, занимался переводами. Ныне молодой человек с подобным трудолюбием и познаниями мог бы безбедно существовать литературною работою. Но тогда было не то. В числе книгопродавцев не было ни Новикова, ни нашего доброго Смирдина, которые поставляют себе за долг чести делиться выгодами с литераторами. Журналы издавались тогда на другом основании. Только чистая и бескорыстная любовь к словесности могла тогда удержать человека на поприще литературы. Греч не оставлял ее, боролся с трудностями, и когда (в 1806) за один перевод был награжден часами[36], от щедрот импе-

ратора Александра, по представительству М. Н. Муравьева, это так обрадовало литератора, что он решился совершенно посвятить себя словесности. Часы сии сохраняет он с благоговением поныне. Так действует луч солнца на юное прозябение, так милость и влияние свыше ободряют и поддерживают дарование, колеблющееся от ударов судьбы! В 1807 году Греч участвовал в издании газеты «Гений времен»[37], в 1808 году перевел роман Коцебу «Леонтина»[38]. В 1809 году написал первые опыты грамматические – «Таблицу русских склонений» и «Опыт русских спряжений»[39]. В том же 1809 году поступил он старшим учителем русского языка в училище при Петровской лютеранской церкви. В то время это было одно из лучших учебных заведений в России. Многие из учеников Греча занимают ныне значительные места по всем отраслям государственной службы и не забывают своего старого наставника. Метода его преподавания была ясная, легкая и приятная. Юноши охотно учились у своего добродушного учителя, который казался им старшим братом, в котором видели любовь к ним, друже-

ское снисхождение к их возрасту, и притом искусство в преподавании. В Петровском училище Греч оставался до 1813 года. В этом году вступил в ту же должность в С. Петербургской гимназии и занимался ею до 1816 года. Но литература всегда составляла его отраду и услаждение. В 1811 году участвовал он в издании «С. Петербургского вестника»[40]. В 1812 году предложено было издавать в Петербурге журнал для помещения реляций и частных известий из армии, для опровержения вредных толков на счет хода происшествий, для сосредоточения патриотических мнений. Непосредственные тогдашние начальники Греча попечитель С. Петербургского учебного округа С. С. Уваров, директор гимназии И. О. Тимковский и прежний начальник его А. Н. Оленин избрали в редакторы нового журнала Николая Ивановича. Как назвать журнал? Греч получил в это время письмо из армии от брата; молодой воин, как бы в предчувствии своей судьбы, писал: «Умру – как истинный сын *отечества!*» – и журнал получил название «Сына Отечества». До взятия Парижа и заключения мира он был журналом

только политическим. Когда политический интерес упал, к журналу присоединено было литературное отделение. По недостатку объема (три печатные листа в неделю) журнал не мог вмещать в себе длинных статей. В нем вовсе не было повестей. Отличительными чертами его были чистота языка, приятность слога и острая, веселая, игривая критика, которою занимался сам Н. И. Греч. Умными эпиграммами смертельно поражал он безграмотные сочинения. Шутки его были не натянуты, притом чужды всякой личности, и от того чрезвычайно нравились публике. Разумеется, что между словесниками Греч нажил себе противников, которые, как всегда и везде водится, не имея возможности действовать противу Греча тем же оружием, прибегали к клевете, и за вред, нанесенный им в области словесности, вредили ему в свете. Но первейшие наши литераторы, Державин, Карамзин, Дмитриев, Крылов, Батюшков, Жуковский, впоследствии А. С. Пушкин, всегда сохраняли к Гречу дружественное расположение, и первый знаток русского языка, Н. М. Карамзин, удостоивал Греча совещаниями о таинствах

русского слова, которое теперь так немилосердно терзают новые писатели. Гнедич, Грибоедов, Головнин и другие отличные писатели и ученые были его искренними друзьями. От издания «Сына Отечества» авторитет Греча в русском языке сделался очень важен, и деятельность его, в сем отношении, была признана полезною всеми грамотными людьми в России. Труды по изданию журнала и педагогические занятия расстроили его здоровье. В 1816 году он вышел в отставку, а в 1817 отправился за границу, на нашем военном флоте, посланном во Францию, для перевоза в Россию войск, занимавших тогда французские области. «Сын Отечества» поручил он издавать А. Е. Измайлову. Веселые и приятные письма Греча из чужих краев, памятные современникам, помещены в нынешнем собрании его сочинений[41]. Из-за границы привез он ланкастерскую методу взаимного обучения, которую ввел в Воспитательном доме[42], в полковых гвардейских училищах, в училищах поселенных войск и солдатских дочерей и в народном училище, составленном по подписке[43]. При этом случае Греч вошел в сно-

шения со многими высшими чиновниками, военными и гражданскими и, что весьма замечательно, сохранил до сих пор дружеское их к себе расположение. Покойная императрица Мария Феодоровна была весьма милостива в Гречу и за труды его по учебной части в Воспитательном доме неоднократно ободряла его своим всемилостивейшим вниманием.

Я познакомился с Н. И. Гречем 5 февраля 1820 года. Постороннее дело привело меня в его кабинет[44]. Мы сами до сих пор не знаем и не постигаем, как это случилось, что при первом свидании мы так прились друг другу по плечу и по сердцу, что просидели несколько часов, в жару разговора стали говорить друг другу *ты* и расстались искренними друзьями! В первое наше свидание мы, так сказать, проэкзаменовали друг друга в нашем образе мыслей, в наших понятиях о различных предметах, и результат этой взаимной исповеди был тот, что мы обнялись и сделались неразлучными. С того времени прошло восемнадцать лет! Много радостей, но много и горя разделили мы вместе, много пережили страшных годин, и дружба наша не поблекла

ни на одну минуту. Во всяком случае, один готов был жертвовать всем для другого. Все, что только в свете расстраивает самые прочные связи, было брошено судьбою между нами: денежные расчеты, авторское самолюбие, сплетни, клеветы, даже опасения за все существование. Все напрасно! Ни одно облачко не затемнило нашей дружбы. Оба пылкие и горячие, мы можем сердиться друг на друга, но не любить друг друга никак не можем. Что бы ни случилось, при первом свидании конец *недоразумению*, ибо, заметьте, поводом к неудовольствию между друзьями может быть только *недоразумение*. Всю честь этой едва ли не *беспримерной дружбы* между литераторами и журналистами приписываю я Н. И. Гречу. Ему труднее было справиться с уланом, который в течение десяти лет сряду (от 1805 до 1815) жил в пороховом дыме[45], нежели мне с литератором, ратоборствовавшим только на бумажном поприще.

Дружба наша не была бесполезна для литературы. Греч, по необыкновенному своему добродушию и мягкости характера, был всегда первым двигателем каждого нового ли-

тературного предприятия, когда издатель прибегал к его опытности, советам и дружеской помощи. Почти все новые журналы рождались под руководством Греча. Таким образом родился и «Северный архив», который даже противники мои поставляют в число важных и полезных периодических изданий[46]. Занимаясь моим образованием, я весьма не радел о русском языке, которому учился в молодости у отличных учителей. Греч был окончательным моим наставником, и ему именно обязан я тем, что теперь не иду путем так называемых нововведений, т. е. что знаю дух и свойство русского языка. Многие литераторы обязаны Гречу основанием и упрочением своей литературной славы, и чтоб выбросить из памяти тяжкое бремя литературного искусства, предпочли неблагодарность приятной обязанности быть признательными к своему наставнику. Бог с ними!

В 1822 году Греч издал свою «Учебную книгу русской словесности», при которой находился «Опыт краткой истории русской литературы»[47]. Все черпают поныне из этого источника, потому что это единственный ука-

затель нашей литературы, и в то же время единственный порядочный биографический словарь наших писателей. Кто только хочет говорить о литературе, должен прибегнуть к «Истории...» Греча. Ему стоило это чрезвычайных трудов и стараний, и все благомыслящие люди благодарны ему за этот первый опыт. Без него были бы мы как в лесу.

С 1825 года издает Н. И. Греч вместе со мною «Северную пчелу»[48], которой существование утвердил покойный император Александр Благословенный, по предстательству бывшего министра народного просвещения А. С. Шишкова и графа А. А. Аракчеева. Без самохвальства, но в полном душевном убеждении скажу, что «Северная пчела» не бесполезное издание в России. Не судите по одному листку, а пересмотрите двадцать, тридцать листов, целое годовое издание. Вы найдете тут *все*, что только произошло важного в России и за границею, по части современной истории, статистики, законодательства и литературы. В газете господствует дух истинно русский, непричастный нелепым, модным теориям, но не чуждый общих евро-

пейских усовершенствований, приличных устройству нашего отечества, нашим нравам и обычаям. В 1827 Греч напечатал «Грамматику подробную и практическую», плод двадцатилетних постоянных трудов, изысканий и опытности[49]. В 1830 году издал он «Краткую русскую грамматику», которой поныне разошлось более сорока тысяч экземпляров. В 1831 вышли «Практические уроки русской грамматики»[50]. Труды сии оценены по достоинству всеми благомыслящими людьми, всеми знатоками дела, и жало злости притупилось на прочном памятнике, воздвигнутом Гречем русскому слову[51]. В 1830 году Греч издал роман «Поездка в Германию», а в 1834 другой – «Черная женщина». Здесь не место распространяться о достоинствах сих романов. Замечательнейшее в них – слог – ровный, гладкий, чистый; по нем, как говорится по-русски, хоть *шаром покати*. В сем отношении романы эти переживут другие подобные сочинения, ибо всегда будут служить *образцами слога*. Удивительно, что у веселого, острого Греча лучшие места в романах те, где выражается чувство! Что это значит? Юмор свой

он издерживает в обществе, а глубокое чувство, таящееся в душе его, переливает только в недра дружбы и увлекается им тогда, когда предаётся вдохновению в тишине кабинета. Решительно, Греч лучше в сценах *чувствительных*, нежели в юмористических. Это решили даже женщины, а они самые опытные и беспристрастные судьи в деле чувства. Греч, по складу своего ума и характера, есть олицетворенный юмор, но когда надобно сводить смысл с сердцем – там чувство подавляет юмор. В 1837 напечатал он «Действительную поездку в Германию».

К числу ученых его занятий должно причислить редакцию «Журнала Министерства внутренних дел», с 1829 по 1831 год, и редакцию «Энциклопедического лексикона», в 1835 и 1836 годах[52], а с 1837 редакцию «Военного энциклопедического лексикона». При рождении «Библиотеки для чтения», которая издавалась сперва *от имени всех русских литераторов*, Греч единодушно был выбран в редакторы всеми бывшими в Петербурге литераторами[53]. Слог в первый год «Библиотеки» был как жемчуг! Удивительно, что Греч умел

давать различным слогам литераторов, печатавших свои произведения в «Библиотеке», какое-то равенство, которое однако же не мешало колориту.

Пусть станет пред нами кто-нибудь и скажет, что Греч отказал ему в помощи, в содействии, в совете, с пожертвованием собственного труда и времени, а часто и достояния, когда видел в предприятии пользу, честь и славу литературы! Весьма часто случалось, что эта готовность к помощи ближнему была перетолкована в дурную сторону и что те, которых он поставил на ноги, делались его врагами, находя в том свои собственные выгоды. Смело скажу, что из всех русских литераторов никто более его не испытал неблагодарности. Но это не сделало его человеконенавистником. Посердясь в первые минуты, он обыкновенно заключает дело эпиграммою или каламбуром, и никогда месть не приходила ему в голову. Сердце его всегда открыто для добрых людей, а бумажник для неимущих. Те крайне ошибаются, которые рассчитывают, что Греч имеет столько, сколько он мог бы иметь, если б не был тем, что он в самом деле.

У него, по русской поговорке, последняя копейка ребром! Главный его (т. е. наш) недостаток есть тот, что мы *думаем вслух* и все вещи называем *по имени!* Ни лета, ни рассудок, ни опытность, ни претерпенные нами горести не исправили нас, и на нас сбылась поговорка: *горбатого исправит могила*. Мы беспрерывно советуем друг другу придержать язычок – и грешим, так сказать, забываясь. Но никогда не жалили мы эпиграммой чести, правды, заслуги, истинного достоинства и таланта, никогда не насмехались над полезным, высоким, благородным! Зато не попадйся *ворона в павьих перьях, лиса в львиной шкуре* или *волк в пастушеском наряде*[54] [55]. Тотчас разоблачим! Виноваты – извините, такова натура!

Ф. Н. Глинка говорил о Грече: «Он как Пенелопа: все, что в день соткёт своим умом и добрым сердцем, то в вечер распустит языком»[56]. Правда, да что ж делать? Лучше быть таким, каков есть, чем казаться лучшим. Зато Греч не говорит за глаза того, чего не сказал бы в глаза, и прижимает к сердцу только тех, кого любит и уважает. Рассказы-

вают, что какой-то римский гражданин построил для себя стеклянный дом, чтоб все видели, что он делает, и слышали, что он говорит: Греч всю жизнь живет в таком стеклянном доме.

Бог наделил Греча веселым, беспечным характером и гибким умом, которые в самых затруднительных положениях спасают его от отчаяния. Странно видеть в нем смешение самых основательных, как говорится в просторечии, *серьезных* познаний с шутливостью, и тяжелые труды, переплетаемые хохотом и каламбурами. В тяжких испытаниях судьбы Греч утешался всегда мыслию о *краткости жизни* и надеждою на Провидение, и находил средства утешать сетующих родных и друзей. В мелочах он раздражителен, но в важных случаях тверд и непоколебим, и готов скорее лишиться жизни, чем унизиться, не из высокомерия, но из благородной гордости и чувства своей правоты. Все это я видел на деле! Бог наградил его высочайшим благом, какое только доступно человеку с умом и с душою, умными и добрыми детьми. Сын его, Алексей, уже помощник наш при издании «Северной

пчелы». Он образовался в литературной школе отца и, по счастью, мягче нас характером. Младшего сына, Николая, юноши с большими способностями, Греч лишился в январе 1837 года. Грусть заставила его бежать за границу, чтоб хотя на время удалиться из тех мест, которые припоминали ему о потере милого детища.

Вынудив у Греча позволение написать его краткую биографию и задержав выпуск в свет его книги, я вдруг раскаялся в моем поступке. Прочитав написанное, вижу, что не сказал и десятой доли того, что надлежало бы мне сказать о друге моем, по диктовке сердца и по законам критического ума. Сказано мало, да и за это осудят, подумал я, и уже готовился уничтожить, но друзья мои убедили меня напечатать эти строки, и я согласился. Они правы, говоря, что Н. И. Греч *старожил петербургский*, так известен в городе, что о нем нельзя сказать ничего несправедливого; что всяк, кто только его хорошо знает, точно так же об нем судит, как я, и что зависть может шипеть в углу, но не найдет эха. «Пиши и печатай смело – Греча все знают!» – раздалось со всех

сторон: «А твоя статья только для *иногородных!* С Богом!»

1 февраля 1838

ПОЕЗДКА В ГРУЗИНО В 1824 ГОДУ **(Из воспоминаний)**

Грузино никогда не видывало незваных или нежданных гостей. Приглашение в Грузино почиталось особенною милостью или вниманием хозяина его, графа А. А. Аракчеева, и весьма многие дорожили этим приглашением. Мне также было весьма приятно это внимание вельможи; но меня влекло туда любопытство, а не иная какая цель. Я ничего не искал! Отправился я туда с Н. И. Кусовым, бывшим тогда с.-петербургским градским главою, который также был приглашен и, при этом случае, вез вклад в церковь Грузина. Это было в конце августа.

На станции Чудове нам не давали лошадей до тех пор, пока не последовало на то соизволение графа. На крыше станционного дома устроен был телеграф[57], который немед-

ленно приведен был в движение, и чрез несколько минут получен приказ, также посредством телеграфа: *дать лошадей*. По прекраснейшей дороге прибыли мы к берегу реки Волхова; проскакав девять верст и переправившись чрез реку на пароме, мы уже были в Грузине. Господский дом, небольшое каменное четвероугольное здание в три этажа, с бельведером, возвышался на холме конической фигуры. На платформе холма были флигели и церковь, а по косогору и вокруг холма разлегался обширный английский сад. Несколько строений находилось у подножия холма, на берегу, поблизости перевоза, и между прочими гостиница и инвалидный дом. На берегу реки встретил нас полицеймейстер Грузина, отставной гвардии унтер-офицер, и стал расспрашивать: кто мы, откуда приехали и куда едем. Вследствие ответа нашего, что мы приехали в гости к графу, полицеймейстер повел нас в гостиницу и отвел комнаты для нашего помещения. Гостиница эта не трактир, но просто дом для помещения гостей. Комнаты в ней чистые, светлые и удобные; меблировка простая.

Было около 12 часов утра, когда мы приехали в Грузино. Графа не было дома: он отправился на торжество освящения новопостроенной церкви в военных поселениях с несколькими из гостей своих, между которыми был М. М. Сперанский. Графа ждали к обеду. К нам пришел в гостиницу один из приятелей моих, служивший при графе и пользовавшийся особенно его благосклонностью[58]. Он стал учить нас, а особенно меня, врага всех возможных курбетов[59], этикету, наблюдаемому в Грузии. Вот главные пункты: 1) не должно самому начинать говорить, но только отвечать на вопросы графа; 2) садиться в его присутствии тогда только, как он прикажет и где укажет; 3) не следовать за ним в другую комнату или куда бы ни было, но оставаться в том месте, где гости собраны хозяином; 4) ни о чем не спрашивать и не расспрашивать графа; 5) не разговаривать с другими в его присутствии, не улыбаться и не смеяться до тех пор, пока улыбка не покажется на устах графа... Наконец этот приятель натолковал столько, что наскучил мне, и я решительно объявил, что не берусь за исполнение всех

этих условий, потому что это не в моей натуре. Фамильярность не люблю я с старшими и гнушаюсь фанфаронством, которое не чтит ни лет, ни заслуг, ни звания, но не умею также играть ни роли лакея, ни серальского немого, ни бездушного льстеца. В жизни моей я имел случай быть в близких сношениях с несколькими не только сильными людьми, но истинно великими мужчинами и всегда приближался к ним бестрепетно и не заикался в разговоре именно потому, что никогда и никому не навязывался.

На убеждения приятеля вести себя как возможно осторожнее, чтоб не заслужить неблаговоления хозяина, я отвечал одною французскою поговоркою: «Qui se porte bien, ne craint pas le médecin», то есть: «Здоровому доктор не страшен».

Еще мы не успели переодеться, явился лакей графский, вроде шута, называвшийся *домашним стихотворцем*. Он непременно хотел заставить нас прослушать нелепые свои стихи, которые весьма многие из почетных гостей Грузина выслушивали терпеливо, но мы, узнав от приятеля, что этот поэт любит

более ассигнации, нежели похвалы и внимание слушателей, отделались от него подарком и стихов не слушали. В три часа пошли мы на эспланаду[60] перед домом и застали тут многочисленное общество, несколько генералов, офицеров и петербургских гостей. Ждали графа. Все были в мундирах, только один я безмундирный, в черном фраке. Это место перед крыльцом прелестное: огромные липы, в два ряда, составляют широкую аллею, которая ведет к флигелям или службам. Вид вокруг бесподобный! Сад как на ладони. Волхов виден на необозримом пространстве, посреди обширных лугов, между холмами. На реке фрегат, перевезенный сюда сухим путем из Петербурга[61]. Кой-где селения и шпицы церквей. Везде богатая зелень и превосходные, рослые деревья. Но главная прелесть – это разнообразие ландшафтов с каждой точки этой вершины, господствующей над окрестностями. Все господские строения в Грузии каменные и красивые – это подлинно жилище вельможи.

Наконец приехал граф, в линейке. Он был подвязан черным платком, страдая зубной бо-

лью. Мы все приосанились и стали вполкруга. Граф подошел к толпе, поклонился всем, потом стал быстрым взглядом всматриваться в толпу, поздоровался отдельно с каждым из приезжих из Петербурга и, к великому удивлению моему и всех присутствовавших, подошел прямо ко мне и, сказав: «А! очень рад любезному гостю!» – взял меня под руку и повел в комнаты. Можно представить себе, в каком я был положении! Я в первой паре с графом – перед всеми, иду с ним рука об руку, как будто старый приятель и товарищ! Но граф любил следовать евангельскому правилу, по которому возвышающийся унижается, а унижающийся возвышается[62]. Не в темя я бит – и тотчас постигнул, что граф возвышает меня для примера другим и чтоб показать, что милость его зависит не от степени или звания в обществе. Я чувствовал, что на этот раз буду заглавною буквою в его нравоучении, то есть что обращение графа со мною должно быть уроком для других и что на них же должен падать смысл его речей, обращаемый ко мне. Я уже видывал в жизни моей людей с подобным характером и с первого раза смекнул, в

чем дело. Это было исполнение русской поговорки в обратном смысле: «Кошку бьют, а невестке намеки дают».

Итак, прошу каждого, читающего сии строки, не приписывать самолюбию моему, тщеславию или чванству приведение речей графа, весьма лестных для меня, и рассказ о необыкновенной его ко мне ласковости. Я попал в добрый для меня час – и только! Но собственные слова графа и его обращение со мною послужат к характеристике этого необыкновенного человека, стоявшего на первых ступенях величия в продолжение двух царствований. Граф А. А. Аракчеев принадлежит истории и под пером историка-философа займет в ней весьма важное место. Главнейшее достоинство графа А. А. Аракчеева состояло в том, по моему мнению, что он был *настоящий русак*, как мы говорим в просторечии. Все русское радовало его, и все, что, по его мнению, споспешествовало славе России, находило в нем покровительство. Не надобно было только ложиться поперек на том пути, по которому он шествовал! Да это вряд ли кто любит! Другое важное достоинство

графа состояло в ненависти к всякому фанфаронству и самохвальству. А неусыпность его, а быстрота в исполнении!.. Но я позабыл, что пишу не историю и не биографию. Итак, обратимся к нашему делу.

В зале граф подозвал к себе воспитанника своего[63] и сказал ему: «Познакомься, братец, с ним (указывая на меня): ты от него научишься чему-нибудь хорошему». Воспитанник был молодой человек весьма привлекательной наружности и приятный в обхождении. Граф разговаривал с гостями, а я стоял возле него, помня наставление приятеля не перемещать места без приказания.

Дали знать, что кушанье подано. Граф взял под руку М. М. Сперанского и повел вверх, а мне велел следовать за собою. Мы шли рука об руку с его воспитанником. Когда все вошли в столовую, граф сел посредине овального стола, посадил возле себя М. М. Сперанского по правую сторону, по левую – одного из своих подчиненных генералов, потом каждому гостю указал рукою и мановением головы место, где он должен сесть, то есть на каком конце и на какой стороне стола, а мне словес-

но приказал сесть насупротив его, между своим воспитанником и любимым чиновником, приятелем моим, который встретил нас в гостинице. Граф сказал моим соседям: «Угощайте моего любезного гостя!» Н. И. Кусову, с которым граф обходился чрезвычайно милостиво, указано место возле моего соседа, то есть от меня чрез человека.

Кушанье было отличное, вина превосходные, десерт богатый, и хозяин находился в хорошем расположении духа, был разговорчив и любезен. Радужие с гостем – отличительная черта русского характера, и я ссылаюсь на всех, бывавших в доме графа А. А. Аракчеева, что невозможно быть гостеприимнее его и любезнее, когда он принимал человека не как начальник, а как хозяин дома. После первого кушанья он тотчас завел со мною разговор: «Выкушай, братец, – сказал он, указывая на бутылку, – ведь я у тебя в долгу. Ты уже давно потчевашь меня своими сочинениями, за которые не раз сказал я тебе, за глаза, спасибо!» Веселое расположение графа привело и меня к веселости. Я отвечал ему шуткою: «Благодарю вас, граф, за доброе слово, и охотно готов

почаще меняться с вами угощением!» Шутки посыпались одна за другою, и граф чрезвычайно развеселился. Но между тем сосед мой и приятель, то есть чиновник, любимый графом, отдал мне ногу, желая удержать порывы моей веселости, и нашел даже случай шепнуть мне, прикрывая рот салфеткою: «Ради Бога не начинай сам разговаривать и шутить! граф не любит этого и может тебя озадачить!» Я не мог слушаться этого совета, потому что был, как говорится, на ходу (j'étais en train). «Скажи правду, ты, верно, намерен описать Грузино? – сказал мне граф. – Пожалуй-ста, не ври же так, как наврал кто-то, сделавший из Грузина какую-то святыню, суший рай[64] – а Грузино село-селом, важное только тем, что принадлежит мне по царской милости, украшено царскими щедротами и тем еще, что добрые люди меня здесь навещают». При последних словах граф обратился к М. М. Сперанскому. «На этот раз вы не угадали, граф, – отвечал я. – Уверяю вас честью, что у меня и в уме не было описывать Грузино и что я не возьмусь за это, хотя бы даже вы пожелали!» Граф поднял голову и, сделав се-

ррезную мину, спросил меня: «А почему же это?» Между тем сосед мой, приятель, любитель графа, жестоко жал мою ногу. Я отвечал графу прехладнокровно: «Описывать здания, сады, виды в Грузии было бы напрасно. Вся Россия знает, что здесь все это превосходно. Выдумывать пошлые истории о древностях Грузина, которых не осталось никакого следа, я не в состоянии, а говорить о любезном хозяине – неприлично. Похвалу сочтут лестью, потому что когда критика невозможна, то и похвала не может иметь никакой цены, и лучшая статья о Грузии есть безмолвная благодарность за радушие и любезность хозяина». Лицо графа оживилось улыбкою; он поднес рюмку к губам и сказал: «За твоё здоровье!» Посыпались снова шутки, между которыми открыл я весьма важное для меня обстоятельство, а именно, что я оклеветан был пред графом, и притом самым гнусным образом, насчет моего образа мыслей. «Мне что-то не хотелось верить этим толкам, читая твои сочинения», – сказал граф. «И вы не ошиблись, – отвечал я, – с моим образом мыслей я никогда не скрываюсь, не скрывался и до гробовой

доски скрываться не стану, не по излишеству благоразумия, а по характеру. Если б мне нравился образ правления Северо-Американских штатов, то, не обвинуясь, я поехал бы в Америку и поселился б в ней. Наполеона я полюбил именно за то, что он оковал гидру Французской революции и держал теоретиков на привязи. По мне, там хорошо, где нет воли страстям человеческим, где личность и имущество каждого гражданина ограждены законом и где сила блюдет за исполнением закона. В России живем мы тихо, смиренно, без всяких потрясений, никого у нас не тронут понапрасну; а если иногда закон не так истолкован и исполнен, то виновны мы сами, ибо нам же вверено истолкование и исполнение законов. Но люди везде не ангелы, и везде есть жертвы страстей, интриг, злобы! Сократа отравили в республике, а Велисария ослепили в империи[65]. Все улучшения приходят со временем, и только безумные или заблужденные могут желать притянуть к себе *насильно* будущее время. А я, слава Богу, не безумный и не восторженный и потому прошу у вашего сиятельства позволения выпить эту рюмку

вина за благоденствие сильной и единой державной России!» Графу понравилась речь моя. Подали десерт, и граф, наложив плодов на тарелку, подозвал служителя и велел подать мне, сказав, улыбаясь: «Тарелка эта поставлена передо мною неправильно; она твоя – по принадлежности!» На тарелке изображен был Цицерон! «Принимаю сходство мое с Цицероном в одном только отношении, а именно в ненависти к Катилине и всем подобным ему!» – сказал я, поблагодарив графа за вежливость. «А знаешь ли, кто во сто раз хуже Катилины и всех возможных карбонаров?» – спросил меня граф. «Мне кажется, дураки, которые лезут насильно к занятию мест не по силам...» – «Браво, – воскликнул граф, – ты у меня с языка сорвал! – примолвил он. – Вот теперь, брат, ты доконал меня! – примолвил он, смеясь громко. – Тебе и книги в руки! А имел ли ты дело с дураками, набитыми премудрою мудростью?» – спросил граф. «Я имею дело с самыми опасными из них, – отвечал я. – Вы не можете вообразить себе, граф, до какой степени сумасбродства доводит самолюбие, шепчущее безграмотному и бесталантно-

му глупцу (который, по несчастью, окунулся в омут наук), что он должен быть писателем! Это ужасно! Он почитает злодеем каждого, кто только намекнет ему о его ничтожности». – «Это все игрушки! – сказал граф. – А вот когда глупцу поручишь дело важное, государственное, а он, идя ощупью, опираясь на чужие плечи, на родство и другие костыли, падает в яму и верит сам и уверяет других, что взлетел за облака! Я сам человек не из пречуеных, учился в Артиллерийском корпусе, зато и не возьмусь написать статьи в журнал, потому что не умею этого. А у меня есть такие орлы, которые возьмутся пролететь сквозь шар земной, если на том конце земного шара будет аренда[66] или орден!» Граф хохотал, и собеседники хохотали – но не все, кажется, искренно.

Из столовой мы перешли в залу с балконом на противоположную сторону от эспланады. В одном конце залы, по правую сторону, выходя из столовой, стоял стол, с ящичками со стеклом, в которых хранились собственноручные письма к графу императоров Павла Петровича и Александра Павловича, и

рубаша, которую император Александр Павлович, будучи наследником престола и с.-петербургским военным губернатором, переменял однажды у графа Аракчеева, проведя весь день на службе. Зала украшена была двумя прекрасными портретами, во весь рост, императоров Павла I и Александра I.

Подали кофе. Гости остались в зале, а граф Алексей Андреевич перешел с М. М. Сперанским на балкон. Любимый чиновник графа, мой приятель и сосед за столом, который отдал мне ногу своими предосторожностями, подошел ко мне и стал мне пенять... за что бы вы думали?.. за мое свободное обхождение за столом и веселое расположение духа, говоря, что я некоторым образом ввел его в ответственность перед графом, потому что он всегда говорил ему обо мне хорошо и опровергал дурные внушения... «Помилуй, да что же я сделал?» – «Я тебе уже сказывал, что не должно заводить первому речи, а только отвечать графу, – возразил чиновник, – просил не входить ни в какие состязания и возражения, – примолвил он, – и если все это так благополучно кончилось, то благодари счастье!..» Ме-

ня это просто взбесило. «Послушай, – отвечал я, – я уже сказывал тебе сто раз, что не могу терпеть фамильярности не только между начальником и подчиненным, но даже между родителями и детьми; но при всем том никогда не стану вести себя таким образом в гостиной и в столовой, как в приемной или в кабинете, куда я прихожу только по делу. За честь, сделанную мне графом, я не мог ничем отплатить ему, как только моей доверенностью, которая не могла иначе обнаружиться, как непринужденностью в обхождении. Ни за какие земные блага не пойду я туда, где я должен играть жалкую и безмолвную фигуру... быть кариатидом в зале! Я не рожден безгласным! Ведь я не барабанщик же и не писарь, а дворянин и офицер...»

Видя, что приятель хочет прервать речь мою и спорить, я отошел от него будто для того, чтоб взять чашку кофе с подноса, и в полном забвении от досады вышел на балкон. Признаюсь, что, увидев здесь графа А. А. Аракчеева с М. М. Сперанским, сидящих рядом в углу балкона, я испугался после всего того, что мне наговорил приятель, но граф весьма

милостиво сказал мне: «Возьми, братец, стул и садись с нами!» Я ожил!..

«Мне говорили много кое-чего о тебе, – сказал граф, – расскажи-ка нам о своих странствиях верно и откровенно». – «Я иначе и не умею рассказывать о себе», – отвечал я и начал повествование о моих военных похождениях и странствиях от Лапландии до скал Гибралтара[67], сокращая рассказ по возможности. Но граф сам заставлял меня распространяться об Испании. Когда я кончил, граф, помолчав несколько, сказал: «Да, братец, я по себе знаю, как судьба располагает человеком и как малейшее обстоятельство может иметь влияние на всю жизнь. Отец мой, бедный дворянин, – продолжал граф Алексей Андреевич, – не прочил меня в военную службу. У нас был родственник в Москве, к которому меня хотели выслать, потому что он обещал записать меня в какую-то канцелярию. Из меня хотели сделать подьячего, то есть доставить мне средства к снискиванию пропитания пером и крючками. Не имея понятия ни о какой службе, я даже не думал прекословить отцу. Между тем приехали в наше соседство,

в отпуск, два брата Корсаковы, кадеты Артиллерийского кадетского корпуса (ныне 2-го кадетского)[68]. Мы с отцом поехали в гости к их родителям. Лишь только я увидел Корсаковых в красных мундирах с черными лацканами и обшлагами, сердце мое разгорелось. Я не отходил ни на минуту от кадет, наблюдал каждый их шаг, каждое движение, не проронил ни одного слова, когда они рассказывали об ученье, о лагерях, о пальбе из пушек. Возвратясь домой, я был в лихорадке; несколько дней сряду кадеты днем и ночью виделись мне, и наконец я не мог преодолеть себя, бросился отцу в ноги и, рыдая, сказал, что умру с горя, если он не отдаст меня в кадеты. Мне был тогда тринадцатый год от роду, и я знал только русскую грамоту и четыре правила арифметики. Единственными моими учителями были отец мой и дьячок. Отец старался обучить меня хорошему почерку, но я никак не мог достигнуть до этого, и хотя впоследствии я изредка чертил планы, но никогда не мог писать красиво. Это самое приводило отца моего в отчаянье, потому что красивое письмо необходимо человеку, который дол-

жен выслуживаться в канцеляриях. Отец выслушал меня, поднял, посадил возле себя и сказал: “Я не прочь; да как попасть в Петербург, как определить тебя? У меня нет ни денег, ни покровителей!” – “Позвольте мне пойти пешком, – возразил я, – я дойду как-нибудь, брошусь в ноги государыне, и она, верно, сжалятся надо мною. Вы мне столько рассказывали о ее благости!..” – “Нет, если уж идти пешком, так идти вместе, да и терпеть вместе!” – сказал мой добрый отец, заплакал и прижал меня к сердцу. Продав все, что можно было продать, и запасшись нужными бумагами, отец мой отправился со мною на долгих в Петербург[69]. Я был в восторге и тогда только призадумался, когда пришлось прощаться с доброю моею матерью. Рыдая, благословила она меня образом, который ношу до сих пор и который никогда не сходил с груди моей, и дала мне одно увещание: молиться и надеяться на Бога. Всю жизнь мою следовал я ее совету!

В Петербурге мы остановились в Ямской, на постоялом дворе, и по нашим деньгам наняли уголок за перегородкой. На другой день

отец мой нашел писца, который написал нам просьбу, и после того, отслужив молебен, мы пошли хлопотать по нашему делу. Много нам стоило ходьбы и терпенья, пока от нас приняли просьбу. О решенье не было ни слуху ни духу, а между тем мы каждый день из Ямской ходили на Петербургскую сторону и ожидали на лестнице директора корпуса, Петра Ивановича Мелиссино, чтоб поклониться ему и припомнить о нашей просьбе. При этом ожидании скудный денежный запас моего отца все таял да таял и наконец вовсе растаял, так что нам не осталось ни копейки. Положение было отчаянное! Отец мой слышал, что тогдашний митрополит Гавриил помогает бедным. Нужда заставила отца моего прибегнуть к прошению помощи. Мы отправились в Лавру. Множество бедных стояли вокруг крыльца. Отец мой просил доложить высокопреосвященному, что дворянин желает видеть его. Нас впустили. Отец мой рассказал о несчастном своем положении и просил помощи. Высокопреосвященный отправил нас к казначею, и нам выдали рубль серебром. Вышед на улицу, отец мой поднес этот рубль к

глазам, сжал его и горько заплакал. Я также плакал, смотря на отца. Одним рублем мы прожили втроем, то есть со служителем нашим, целые девять дней! Не стало и рубля. Мы пошли опять на Петербургскую сторону и опять поместились на директорской лестнице. Вышел Мелиссино, я не дал отцу моему говорить, выступил вперед и в отчаянье сказал: “Ваше превосходительство! примите меня в кадеты! Мы ждать более не можем, потому что нам придется умереть с голоду. Всю жизнь буду благодарен вашему превосходительству и буду молиться за вас Богу! Батюшка мой не вытерпит и умрет здесь, а я за ним!” Слезы градом полились у меня. Мелиссино посмотрел на меня пристально. Я рыдал, а отец мой также утирал слезы в безмолвии. Мелиссино спросил меня о фамилии и когда подана просьба, и потом воротился в комнаты, велел нам подождать. Через несколько минут он вышел и, подавая нам записку, сказал: “Ступай с этим в канцелярию: ты принят в корпус”. Я бросился целовать его руки – но он ускользнул, сел в карету и уехал.

Прежде чем идти в канцелярию, мы по-

шли с отцом в церковь и, не имея на что поставить свечки пред образом, помолились Богу с земными поклонами и вышли из церкви с радостным сердцем. На другой день я был принят в корпус. Исстари говорят, что счастье и несчастье приходят всегда со свитою своею. Отец мой в тот же день встретился с одним родственником, приехавшим из Москвы с туго набитою мошною и давшим ему денег на проезд в деревню. Бог помиловал нас!» Граф при этих словах перекрестился и продолжал: «Этот первый урок бедности и беспомощного состояния сильно подействовал на меня. Я старался заслуживать милость моих начальников, и Мелиссино особенно полюбил меня за мою исправность. Я был произведен в унтер-офицеры, потом в корпусные офицеры и им же рекомендован наследнику престола [70] в Гатчине. Там была служба тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено и знание дела, исправность отличены. Наследник престола жаловал меня, но иногда и журил крепко, всегда почти за неисправность других. Однажды, когда мне крепко досталось за упущение по службе карауль-

ного офицера, я побежал с горя в церковь и стал молиться, класть земные поклоны и, чувствуя свою безвинность и думая, что лишился навсегда милости наследника престола, не мог удержать слез и даже зарыдал. В церкви не было никого, кроме пономаря, который тушил свечи. Вдруг послышались за мною шаги и звук шпор. Я вскочил и утер слезы, оглянулся и вижу наследника престола! “О чем ты плачешь?” – спросил он меня ласково. “Мне больно лишиться милости вашего императорского высочества...” – “Да ты вовсе не лишился ее! – примолвил наследник, положив мне руку на плечо. – И никогда не лишишься, когда будешь вести себя и служить так, как до сих пор. Молись Богу и служи верно; а ты знаешь, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадают!..” Я бросился на колени перед наследником и, в избытке чувств, воскликнул: “У меня только и есть, что Бог да вы!..” Наследник велел мне встать и идти за собою из церкви. Я шел за ним в молчании; наконец он остановился, быстро посмотрел на меня и сказал: “Ступай домой... Со временем я сделаю из тебя человека!..”

Он сдержал слово, но за то и я был привязан к нему душою, и теперь обожаю память его! Он осыпал меня милостями не по заслугам, а по благодати своей...»

Граф замолчал, вздохнул и потупил глаза. Через несколько минут он сказал: «В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами. Никогда не рассуждал по службе, когда не спрашивали моего совета, и всегда исполнял приказания с буквальной точностью, посвящая все время и все силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, – да что делать? Таким меня Бог создал! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодарен. *Мягкими французскими речами не выкуешь дело!* (собственные слова графа). Никогда я ничего не просил для себя, и милостью Божьею дано мне все! Утешаюсь мыслью, что я был полезен...» При сих словах граф встал, и мы тоже встали. Он подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал с улыбкою: «С пылкостью, брат, недалеко залетишь! Терпенье, терпенье, терпенье!» Потом сказал несколько слов М. М. Сперанскому и, призвав из залы своего воспитанника, сказал

ему: «Поведи его (указывая на меня) и градского главу в сад и покажи им все в Грузине». Я поклонился и вышел.

Гру́зинский английский сад бесподобен; он лежит вокруг горы, на которой построена усадьба. Сад вмещает в себе пруды, беседки, павильоны и прелестные рощи. Цветов множество, растительность богатая. С разных пунктов открываются прекрасные виды на Волхов и на окрестности. Мы обошли весь сад. Меня удивило, что в саду нет ни одного сторожа. Но воспитанник графа захлопал в ладоши – и в разных местах показались сторожа[71]. Будки для них устроены в ямах и закрыты кустами. Это что-то необыкновенное! Осмотрев чугунный портик, под которым стоит лик Андрея Первозванного, мы зашли в церковь, подивились ее великолепию и полюбовались памятником работы знаменитого Мартоса[72]. Ризница богата драгоценною старинною утварью. Отсюда мы прошли в деревню или на село. Улицы выметены; дома прекрасные и выстроены в линию; в домах такая чистота, как в самых лучших казармах. В одном крестьянском доме нас попотчевали

сота́ми. Крестья́нский хлеб прево́сходный. Крестья́не показались мне зажиточными. Потом осмотрели мы инвали́дный дом и госпиталь. Инвалиды одеты в форму, бывшую при императоре Павле Петровиче. Везде удивительная чистота, порядок, дисциплина, все на военную ногу. Окрестные поля возделаны превосходно.

Чай пили мы в гостинице, в нашей квартире, и к вечеру отправились в обратный путь, потому что и меня и товарища моего дела призывали в Петербург. Оба мы остались довольны нашею поездкою. До конца своей жизни граф был ко мне милостив и радовался, когда появилась «Северная пчела»[73]. Соизволение на издание ее шло чрез его руки. Когда программа вышла в свет, он, встретив меня однажды на Невском проспекте, возвращаясь пешком домой из Государственного совета, изъявил мне свое удовольствие и сказал, что ждет с нетерпением первого номера. Когда стали появляться в «Северной пчеле» статьи мои о нравах[74], он читал их и, встречая меня, всегда говорил, шутя: «Коли, брат, руби! Истребляй крапивное семя!» Я со-

бирался ехать к нему в Грузино в 1826 году, но дела воспрепятствовали мне, а между тем с точностью посылал к графу, до самой его кончины, издаваемые мною журналы и все выходявшие в свет мои сочинения.

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ГРИБОЕДОВЕ

После плачевного события, лишившего Россию одного из избранных сынов ее, а нас, друзей Грибоедова, повергнувшего в вечную горечь, — часто собирался я написать несколько строк в память незабвенного; но при каждом воспоминании о нем глубокая скорбь, объяв душу, заглушала в ней все другие ощущения, затемняла разум и лишала возможности мыслить... я мог только проливать слезы...

Наконец время, не исцелив ран сердечных, освоило меня с горечью, как увечного с его недугом. Я решился представить очерк жизни, или, лучше сказать, нравственного бытия Грибоедова, не для утешения друзей его (ибо

нам невозможно утешиться), но исполняя долг гражданина, друга и писателя. Чувствую, что, при всей моей любви к Грибоедову, при всем познании его характера, я не могу изобразить верно его нравственный портрет. Горжусь и тем, что мог постигнуть возвышенную его душу и оценить необыкновенный ум и дарования.

Жизнь Грибоедова обильна чувствованиями, мыслями, мечтами высокими, но не богата происшествиями. Грибоедов родился около 1793 года[75]. Род его ведет свое происхождение из Польши, от фамилии Грибовских, переселившихся в Россию, кажется, в начале царствования рода Романовых[76]. Один из предков Грибоедова[77] подписался на Уложении царя Алексея Михайловича[78], припоминающем, во многих местах, Статут Литовский[79], сочиненный литовским канцлером Львом Сапегой в XVI веке[80]. Это заставляет думать, что предок Грибоедова, писавший Уложение, мог быть нарочно вызван в Россию для этого дела, как муж искусный в правоведении. Впрочем, это одно предположение, о котором мы неоднократно говорили

с покойным другом. Герб его и надпись на нем[81] объясняют происхождение и древность его рода, который отныне получает новый блеск дарованиями и душевными качествами покойного Александра Сергеевича, лучшими правами на уважение соотечественников. Воспоминание о знаменитых предках служит укором недостойным потомкам, которые гордятся чужими заслугами. А. С. Грибоедов облагородил бы всякое происхождение[82].

Он получил первоначальное воспитание в Москве, в доме родительском. Лучшие профессора Московского университета и частные учителя преподавали ему уроки[83]. После он стал посещать университетские публичные лекции как вольнослушающий студент, учился прилежно, страстно[84]. Более всех спешествовал к развитию способностей Грибоедова знаменитый московский профессор Буле. У него Грибоедов брал частные уроки в философических и политических науках, на дому, и руководствовался его советами по всем отраслям познаний.

Наступление отечественной войны пре-

кратило учебные занятия Грибоедова. Получив по экзамену степень кандидата прав, с чином 12♦го класса, А. С. Грибоедов в 1812 г., июля 26, вступил в военную службу корнетом, в сформированный графом Салтыковым Московский гусарский полк, который вскоре был распущен по смерти графа, в Казани, и Грибоедов поступил, в декабре того же года, в Иркутский гусарский полк.

Эскадрон, в который он был определен, находился тогда в Литве, в Резервном кавалерийском корпусе, состоявшем под начальством генерала от кавалерии Андрея Семеновича Кологривова; главная корпусная квартира была в Бресте-Литовском. Здесь для Грибоедова началась новая жизнь[85]. Пламенная душа требовала деятельности, ум – пищи, но ни место, ни обстоятельства не могли удовлетворить его желаниям. Надлежало чем-нибудь наполнить пустоту сердца, и юность представила ему в радужных цветах мечты наслаждений, которых истинная цена познается только с годами и опытом. Дружба спасла Грибоедова от сетей, в которые часто попадают пылкие и благородные, но неопыт-

ные юноши, в начале светского поприща. В это время Грибоедов познакомился и подружился с Степаном Никитичем Бегичевым, бывшим тогда адъютантом при генерале Кологривове, и нашел в нем истинного друга и ментора. Дружба эта продолжалась до смерти Грибоедова и длится за гробом[86]. В свете не поверили бы и стали удивляться такой дружбе, какая существовала между Грибоедовым, Бегичевым и еще некоторыми близкими к сердцу покойного. Чувства, мысли, труды, имущество, все было общим в дружбе с Грибоедовым. Нет тех жертвований, на которые бы не решился Грибоедов для дружбы; всем жертвовали друзья для Грибоедова. Его нельзя было любить иначе, как страстно, с энтузиазмом, потому что пламенная душа его согревала и воспламеняла все вокруг себя. С Грибоедовым благородный человек делался лучше, благороднее. Его нежная привязанность к другу, внимание, искренность, светлые, чистые мысли, высокие чувствования переливались в душу и зарождали ощущения новой, сладостной жизни. Его голос, взгляд, улыбка, приемы имели какую-то необыкновен-

венную прелесть; звук его голоса проникал в душу, убеждение лилось из уст... Не могу написать ничего связного о Грибоедове, ибо когда только должен вспомнить о душе его, о его качествах, сердце мое разрывается на части... Но я обещал сказать что-нибудь – исполняю!

Грибоедова любили многие, но, кроме родных, ближе всех к нему были: С. Н. Бегичев, Андрей Андреевич Жандр и я. Познав Грибоедова, я прилепился к нему душою, был совершенно счастлив его дружбою, жил новою жизнью в другом лучшем мире – и осиротел навеки!..

Но первое право на дружбу Грибоедова имел Бегичев. Он узнал его прежде других, прежде постигнул его и в юношеском пламени открыл нетленное сокровище, душу благородную. С. Н. Бегичев разбудил Грибоедова от очарованного сна и обратил к деятельности. Грибоедов писал стихи, еще посещая университет, но не собирал их и не печатал. В Польше он снова обратился к русской словесности и написал комедию «Молодые супруги», которая была играна в первый раз в С.-Петербурге,

сентября 29, 1815 года, в пользу актрисы Семеновской м[еньшей][87]. Грибоедов приехал в Петербург в 1815 году. В Польше познакомился он с князем А. А. Шаховским, а в Петербурге с Н. И. Хмельницким и А. А. Жандром. Связь с этими литераторами заставила его снова приняться за перо и трудиться общими силами для театра, по примеру французских писателей. Грибоедов участвовал с князем А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким в сочинении комедии «Своя семья», представленной в первый раз на С. П. Б. театре января 24, 1818 г. [88]; а с А. А. Жандром перевел с франц[узско-го] комедию «Притворная неверность», соч[инения] Барта, представленную в первый раз на С. П. Петербургском театре в феврале 1817 г.[89]

Тотчас по приезде в С.-Петербург Грибоедов познакомился с Н. И. Гречем, издававшим «Сын Отечества», в котором Грибоедов поместил несколько театральных статей[90]. Грибоедов душевно любил и уважал Греча, был с ним искренен, как с другом. Греч имел случай оказать ему на деле свою дружбу, и если я не поместил Греча в числе самых близ-

ких, то это потому только, что он по обстоятельствам реже бывал с Грибоедовым, нежели Жандр и я[91].

В 1816 году в марте Грибоедов вышел в отставку из военной службы. Проживая в Петербурге, он не столько занимался литературою, сколько побуждала его к тому врожденная склонность. Он жил более в свете и для света, и только малые урывки времени посвящал музам. В 1817 году он поступил на службу в ведомство Коллегии иностранных дел, с чином губернского секретаря; в следующем году определен секретарем персидской миссии, произведен в титулярные советники, и отправился в Таврис. Российским поверенным в делах в Персии был тогда стат[ский] сов[етник] Мазарович.

Грибоедов знал совершенно немецкий, французский, итальянский и английский языки и понимал латинский. В Персии он стал обучаться по-персидски и в скором времени не только объяснялся свободно на сем языке, но и понимал персидских авторов. Поведением своим и характером он снискал себе уважение целой английской миссии в Тав-

ризе и приобрел особенную благосклонность наследника престола, принца Аббаса-Мирзы, который истинно любил Грибоедова и находил удовольствие в его беседе. Все отличнейшие сановники персидские также уважали Грибоедова; он много способствовал к поддержанию доброго согласия между Аббас-Мирзою и правлением нашим в Грузии.

Во время пребывания своего в Персии Грибоедов убедил множество русских, поселившихся в Персии и вступивших в военную службу, возвратиться на лоно отечества. Ему поручено было проводить этот отряд в российские пределы, и Грибоедов неоднократно подвергался опасности лишиться жизни в сем походе от озлобленных персиян, которым неприятно было возвращение сих переселенцев[92]. Однако ж это дело нимало не ослабило благосклонности Аббаса-Мирзы, который даже упросил шаха, родителя своего[93], пожаловать Грибоедову персидский орден Льва и Солнца 2-й степени. В 1822 [году], января 3, он произведен за отличие в коллежские ассесоры, и в том же году, в марте месяце, получил дозволение носить персидский орден. В

феврале 1822 [года] Грибоедов выбыл, по собственному желанию, из персидской миссии и по Высочайшему повелению определен по дипломатической части к г. главноуправляющему в Грузии, А. П. Ермолову.

Я до сих пор не говорил о достоинстве литературных опытов Грибоедова и вовсе умолчу о прежних его произведениях, потому что они меркнут перед бессмертным трудом его, комедией «Горе от ума», известною в рукописи, в целой России, всем грамотным людям. Вот каким образом родилась эта комедия.

Будучи в Персии, в 1821 году, Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план «Горя от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта. Комедия сия за-

няла все его досуги, и он кончил ее в Тифлисе, в 1822 году[94]. В марте 1823 г. он получил отпуск в Москву и Петербург на 4 месяца. Приехав в Москву, Грибоедов стал посещать общества и в то же время почувствовал недостатки своей комедии и начал ее переделывать. Каждый выезд в свет представлял ему новые материалы к усовершенствованию своего труда, и часто случалось, что он, возвратясь поздно домой, писал целые сцены по ночам, так сказать, в один присест. Таким образом составилось сие бессмертное творение, отпечаток чувствований, впечатлений и характера незабвенного автора[95]. Любовь к родине и ко всему похвальному, глубокое презрение к нравственному ничтожеству, прикрывающемуся лаком иноземной образованности, презрение к закоренелым предрассудкам и низкому идолопоклонству – вот характер сей комедии, написанной таким разговорным языком, какого поныне не было в нашей литературе. Первый списанный экземпляр сей комедии быстро распространился по России, и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка всей

комедии, по несчастью, искаженного переписчиками[96]. Этот удивительный успех – первый пример в России! Комедия «Горе от ума» была напечатана отрывками в «Русской Талии»[97] и нашла противников в Москве [98], где с изумительным постоянством восстают против всего, что выходит из обыкновенного круга. Есть и в Петербурге украшенные лаврами литераторы, которые не понимают, как может существовать комедия, в которой, по обыкновению, никто не женится, где нет пролазов-слуг, шалунов-племянников, старого опекуна, хитрого любовника и нежной любовницы, которой свадьба предшествует закрытию завесы. Наши письменные люди, дамы и мужчины, обученные мудрости по курсу Лагарпа[99], точно так же рассуждают. Есть добрые и умные люди, которые увлекаются чужими суждениями. Жестокий приговор комедии «Горе от ума», произносимый завистью, невежеством, оскорбленным самолюбием и легковерным простодушием, есть лучшее доказательство ее высокого достоинства. Я не хочу распространяться в разборе этого произведения Грибоедова, потому что оно

хотя и всем известно, но – поныне не напечатано[100].

Находясь при особе А. П. Ермолова, Грибоедов снискал его доверенность и родительскую любовь. Грибоедов был также привязан и к Алексею Петровичу, как к отцу, а не начальнику, был с ним безотлучно, и даже сопутствовал ему в военных экспедициях. В 1824 [году], в мае, Грибоедов получил позволение отправиться за границу до излечения болезни; но, прибыв в Петербург, остался там и прожил около года[101].

Уединенная жизнь в Персии и Грузии совершенно преобразила характер Грибоедова. Он не хотел появляться более в свете, посвятил себя наукам и, при необыкновенной памяти и прилежании, приобрел глубокие познания, продолжая изучать то, чему положены были хорошие начала профессором Буле. Грибоедов, сверх занятий изящною словесностью и поэзией, трудился беспрестанно над изучением предметов важных. Правоведение, философия, история, политические и финансовые науки составляли его всегдашнее упражнение. Он читал не для препровожде-

ния времени, но для того, чтобы научиться, и умел из всего извлекать полезное для ума и сердца. Изъясняясь приятно и правильно на всех языках, он отлично хорошо говорил по-русски, достоинство весьма редкое между образованными русскими. Красноречие его, всегда пламенное, было убедительно, потому что основывалось на здоровом смысле и глубокой учености. Трудно было не согласиться с ним в мнении. Он имел особенный дар, как все необыкновенные люди, убеждать и привлекать сердца. Знать его было то же, что любить. Более всего привязывало к нему его непритворное добродушие, которое, при необыкновенном уме, действовало на сердце, как теплота на природу. От того-то, во время пребывания своего в Петербурге, Грибоедов, почувствовав ничтожность светских связей, подружился с литераторами и любителями наук и словесности, снискал их привязанность и уважение и жил только в литературном кругу. Грибоедова не умели ценить в свете, не умели ценить его и некоторые литераторы, которые думают возвыситься тем, что выходят из природного своего круга и в при-

емных и гостиных ищут награды за свои труды, в благосклонности людей, не постигающих другого достоинства в человеке, кроме связей, богатства и почестей. Грибоедов был выше всех этих мелочей: они казались ему смешными и жалкими, столько же, как и люди, забывающие для них предопределение таланта. Он купил познание света опытностью; чтит и уважал звание и почести в людях заслуженных и достойных и никогда не склонял чела перед временными любимцами фортуны или счастливыми пронырами. Разумеется, что с этими чувствами Грибоедов долженствовал иметь врагов. Он имел их, не сделав никому ни малейшего зла, но единственно за то, что был выше других умом и душою. За это самое Сократ испил цикуту.

Грибоедов написал в это время прекрасное стихотворение на балет «Руслан и Людмила», напечатанное в «Сыне Отечества», и перевел пролог к Гетеву «Фаусту», напечатанный в альманахе «Полярная звезда»[102]. Он отказался от намерения ехать за границу и решил возвратиться в Грузию, побывав в Южной России и в Крыму. Он любил величе-

ственную природу Грузии. Возвратясь туда, он был в экспедиции с генералом Вельяминовым против горских народов, в 1825 году, и в виду вершин Кавказа и неприятельского стана написал прелестное стихотворение «Хищники на Чегеме», напечатанное в «Северной пчеле»[103].

Происшествия, опечалившие Россию в конце 1825 года, потребовали присутствия его в Петербурге[104]. Не знали Грибоедова и узнали его. Благородный образ мыслей, откровенность и чистота всех дел его и помыслов снискали ему милостивое внимание правосудного и великодушного монарха. Грибоедов имел счастье представляться государю императору и с этой минуты душою полюбил августейшего монарха, как государя и как человека. При отправлении на службу, по собственному его желанию, обратно в Грузию, Грибоедов всемилостивейше награжден чином надворного советника, 8 июня 1826 года.

В это время он жил со мною, на даче, в уединенном домике на Выборгской стороне [105], видался только с близкими людьми, проводил время в чтении, в дружеской бесе-

де, в прогулках[106] и занимался музыкою. Все изящное имело доступ к душе Грибоедова; он страстно любил музыку, будучи сам искусен в игре на фортепиано. Фантазии его и импровизации отзывались глубоким чувством меланхолии.

Часто он бывал недоволен собою, говоря, что чувствует, как мало сделал для словесности. «Время летит, любезный друг, – говорил он. – В душе моей горит пламя, в голове рождаются мысли, а между тем я не могу приняться за дело, ибо науки идут вперед, а я не успеваю даже учиться, не только работать. Но я должен что-нибудь сделать... сделаю!» Вот как думал Грибоедов. Он не мог без сожаления вспоминать о том, что некоторые наши писатели, особенно поэты, думают, что им должно следовать одному вдохновению и ничему не учиться. Грибоедов указывал на Байрона, Гёте, Шиллера, которые оттого именно вознеслись выше своих совместников, что гений их равнялся их учености. Грибоедов судил здраво, беспристрастно и с особенным жаром. У него наворачивались слезы, когда он говорил о бесплодной почве нашей словесно-

сти. «Жизнь народа, как жизнь человека, есть деятельность умственная и физическая», – говорил Грибоедов. «Словесность – мысль народа об изящном. Греки, римляне, евреи не погибли от того, что оставили по себе словесность, а мы... мы не пишем, а только *переписываем!* Какой результат наших литературных трудов по истечении года, столетия? Что мы сделали и что могли бы сделать!..» Рассуждая о сих предметах, Грибоедов становился грустен, угрюм, брал шляпу и уходил один гулять в поле или в рощу.

Мне не случалось в жизни ни в одном народе видеть человека, который бы так пламенно, так страстно любил свое отечество, как Грибоедов любил Россию. Он в полном значении *обожал* ее. Каждый благородный подвиг, каждое высокое чувство, каждая мысль в русском приводила его в восторг. Если бы знали враги его, раздиравшие его литературную славу, как он радовался, находя в них хорошее! Грибоедов, зная столько иностранных языков, любил читать русские книги, особенно переводы (даже самые плохие) великих писателей. Когда я изъяснил ему мое

удивление на этот счет, он отвечал: «Мне любопытно знать, как изъяснены высокие мысли и наставления мудрецов, и может ли понимать их класс народа, не знающий иностранных языков? Это археологические и этнографические изыскания, любезный друг», – прибавил он с улыбкою.

Грибоедов чрезвычайно любил простой русский народ и находил особенное удовольствие в обществе образованных молодых людей, не испорченных еще искательством и светскими приличиями. Он находил особенное наслаждение в посещении храмов Божьих. Кроме христианского долга, он привлекаем был туда особенным чувством патриотизма. «Любезный друг! – говорил он мне. – Только в храмах Божьих собираются русские люди; думают и молятся по-русски. В русской церкви я в отечестве, в России! Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Димитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы русские только в церкви, – а я хочу

быть русским!..»

Но эта любовь к отечеству не заставляла его ненавидеть чужеземцев, подобно тем грубым невеждам, которые почитают врагом каждого, кто не родился на берегах Волги или Оки. Напротив того, Грибоедов радовался, когда чужеземец посвящал свои таланты на пользу России, и был признателен к каждому, оказавшему услуги его отечеству. Разумеется само по себе, что Грибоедов не почитал чужеземцами жителей областей, присоединенных к России оружием или трактатами[107]. Такая мысль не может родиться в голове образованного человека. Но как всякий человек имеет свой особенный образ мыслей, то он любил более славянские поколения и желал, чтобы из двух человек одинакового достоинства соплеменник предпочитался был иноплеменнику. Грибоедов вообще не любил разделения между славянскими племенами и почитал их одною семьею. Ему нравилась мысль моя, что все славянские поколения родные сестры, из которых одна замужем за единоплеменником, другая – за немцем, третья – за турком [108], но это не должно препятствовать род-

ственной любви и согласию.

Приехав в Грузию при начале войны с Персией[109], Грибоедов находился при особе графа Паскевича-Эриванского, своего родственника[110], любившего его, как родного брата. Деятельность графа и пламенное желание быть полезным тому краю обрадовали Грибоедова и заставили его трудиться. Я намерен сообщить здесь отрывки из нескольких его писем, в которых изображается характер и душа Грибоедова лучше, нежели в чужом описании. Вот что он писал ко мне из Тифлиса, от 16 апреля 1827 года[111]:

«Любезный друг, Фаддей Венедиктович! Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потом уже благодарность за дружеское твое внимание к скитальцу в восточных краях. Пришли мне, пожалуйста, статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по лучшей, новейшей системе, какого-нибудь округа Южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края наиболее возделанного и благоустроенного), на каком хочешь языке, и адресуй в канце-

лярию главноуправляющего, на мое имя. Очень меня обяжешь; я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мере порядочную, которую бы разослал к нашим окружным начальникам, с кадрами, которые им надлежит наполнить [112]... При Алексее Петровиче [113] у меня много досуга было, и если я не много наслужил, так вдоволь читался. Авось теперь, с божиею помощью, употреблю это в пользу. – Стихов Жандра в № 1 “С[ына] О[тчества]” я нигде не мог отыскать [114]; ты не прислал мне; а другие – “К Музе” [115] я, еще не зная, чьи они, читал здесь вслух у Ховена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием. Я надеюсь, что, возвратясь из похода, как-нибудь его сюда выпишу. Не могу довольно я отблагодарить тебя за приятное твое письмо и за присылку журналов. Желал бы иметь целого “Годунова” [116]... В первой сцене “Бориса” мне нравится Пимен, старец. Не ожидай от меня стихов; горцы, персиане, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника

поглощают все мое внимание. Не надолго, разумеется: кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гожусь: и не моя вина: люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща... I глава твоей «Сиротки»[117] так с натуры списана, что (прости, душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с кудлашкой. Тьфу пропасть! Как это смешно, и жалко, и справедливо![118] Многие просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть».

Наконец, началась война. Грибоедов был безотлучно при графе Паскевиче-Эриванском, охотно переносил трудности военные и не прятался от опасностей. Он прослужил кампанию как отличный гражданский чиновник и как храбрый воин[119]. По представлению графа он награжден был за отличие чином коллежского советника, в декабре 1827 года. Он был послан в лагерь Аббаса-Мирзы для пе-

реговоров о мире и имел с ним занимательные сношения. При заключении Туркманчайского трактата[120] Грибоедов трудился непрерывно и оказал важные услуги. В награду за сие он избран был графом Паскевичем-Эриванским поднести мирный трактат государю императору.

В Петербурге получено было прежде известие, что Грибоедов отправился с трактатом в Петербург. Дурная дорога воспрепятствовала ему прибыть в срочное время для курьерской езды. С нетерпением ожидали его. Не могу без умиления вспомнить о той радостной минуте, в которую я встретил его. По какому-то инстинкту я несколько дней сряду ходил в заездный дом Демута[121] и ожидал моего друга. Наконец 14 марта около полудня подъехала кибитка, и я принял его в мои объятия... Мы плакали, как дети... от радости![122]

Государь император наградил по-царски Грибоедова: пожаловал ему чин статского советника, орден св. Анны 2ой степени с алмазами, медаль за Персидскую войну и 4000 червонных[123]. В апреле сего же 1828 года мудрый монарх наш благоволил назначить его

полномочным министром при дворе персидском.

Все предвещало счастливый успех. Грибоедов знал персидский язык, страну, нравы и обычаи, характер двора и главных сановников. Грибоедов вовсе не предугадывал о сем блестящем назначении и намеревался выйти в отставку, посвятить себя совершенно наукам и словесности и поселиться со мною, по крайней мере на некоторое время, возле ученого Дерпта, в моем тихом убежище[124]. Мы утешались этою мыслию, делали планы, как будем провождать время, как будем ездить в гости в Москву, в Петербург, в деревню к С. Н. Бегичеву и проч. Повинуясь воле обожаемого государя и желая служить ему усердно, Грибоедов отсрочил свое намерение жить для наук и словесности, но не отказался от них совершенно. Пламенея ревностью к службе, он однако ж с мрачным предчувствием вспоминал о Персии и предсказывал, что не возвратится оттуда, что там должен окончить жизнь, в отдалении от милых сердцу, и часто повторял: «Там моя могила! Чувствую, что не увижу более России!..»

Из прощального письма в деревню, к жене моей, которую он любил как сестру, можно видеть его предчувствия и надежды.

«Прощайте, милый друг, прощайте! Расстаюсь с вами на три года, а может быть – навсегда! О боже, неужели я должен навсегда остаться в стране, чуждой моим чувствованиям! Я еще не теряю надежды укрыться в вашем Карлове от всего, что тяготит меня в жизни! Но когда? Еще далеко до этого! В ожидании, прощайте, и будьте счастливы. С. П. б. 5 июня 1828»[125].

Во время военных и дипломатических занятий Грибоедов, в часы досуга, уносился душою в мир фантазии. В последнее пребывание свое в Грузии он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь»; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока,

бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке; припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы, и, наконец, по княжескому обычаю – забывает обещание. Но мать помнит, что у нее отторжено от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает дели, злых духов Грузии[126], и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет дели вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы Св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но дели несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтобы поразить князя, – и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан

небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила мстью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если бы была так кончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором!.. [127]

Н. И. Греч, услышав отрывки из этой трагедии и ценя талант Грибоедова, сказал в его отсутствие: «Грибоедов только попробовал перо на комедии “Горе от ума”. Он займет такую степень в литературе, до которой еще никто не приближался у нас: у него, сверх ума и гения творческого, есть – душа, а без этого нет поэзии!»

Наконец, Грибоедов поехал к своему назначению, но по обстоятельствам не мог отправиться прямо в Персию и должен был свидеться прежде с графом Паскевичем-Эриван-

ским. Отрывки из двух писем ко мне покажут, как Грибоедов смотрел на дела и какими чувствами одушевлялось его русское сердце.

«Ставрополь, 27 июня 1828.

Любезнейшая Пчела[128]! Вчера я сюда прибыл с мухами, с жаром, с пылью! Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений, Dandy петербургского Bondsstreet[129] – Невского проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы[130]. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожит безопасностью здешнего края. В последнее время закубанцы сделали дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Незлобную[131], обременили себя пленными и добычею. Наши пошли к ним наперерез, с 1000 конными и с 4♦ мя орудиями, но не успели. Пехота стала действовать от-

дельно, растянулась длиною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тотчас напасть на неприятеля, утомленного быстрым переходом. Горцы расположены были табором в виду, но, заметив несовокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудью, бывшему при пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, которые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четыремя орудиями; потом хотел напасть на них со всеми казаками линейными и донскими, но, не быв подкреплен, ударил на них только с горстью донцев своих и заплатил жизнью за великодушную смелость[132]. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулю прострелили шею; он свалился с лошади и был изрублен. Однако отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих Вод [133], которым они угрожали нападением. Я знал лично Родионова: жаль его, отличный офицер, исполинского роста и храбрейший. Тело его привезли

на Воды. Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как избавителя, до могилы. Теперь, после падения Анапы, все переменилось: разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Генерал Эмануэль отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани толпами к нему выходили навстречу все горские народы с покорностью и подданством. Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы...

Прощай. Лошади готовы. Коли к моему приезду граф Эриванский[134] возьмет Карс[135], то это немало послужит в пользу моего посольства. Здесь я уже в его улусах[136]; все меня приветствуют с новым начальником. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен и бездну добра делает частного и общего. А у нас чиновники народ добрый! Прощай, еще раз, любезный друг».

Сообщив известие для «Северной пчелы» о взятии Карса[137], Грибоедов приписал сле-

дующее:

«Ура! Любезнейший друг! мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом! Читай реляцию и проповедай ее всенародно. Это столько чести приносит войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят.

Верный друг твой А. Г.

*Владикавказ,
30 июня 1828 г.»*

Грибоедов, будучи в последний раз в Петербурге, открылся верным друзьям своим, что он любит. Он был как родной в доме той, которая занимала его сердце, видел ее ребенком и привык обходиться с нею, как с меньшою сестрою[138]. В Петербурге он не знал еще, что сделает с собою, но одна минута решила судьбу его. Сообщаю любопытное письмо его ко мне по сему предмету. Это самый верный отпечаток сердца Грибоедова и его самобытного, необыкновенного характера. Читая его письмо – кажется, видишь его!

«Биваки при Казанче, на турецкой гра-

нице, 24 июля 1828.

Любезный друг! пишу к тебе под открытым небом, и благодарность водит моим пером; иначе никак бы не принялся за эту работу, после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе документать. Покупать, заказывать, отсылать!

Я тебя из Владикавказа уведомил о взятии Карса. С тех пор прибыл в Тифлис. Чума, которая начала свирепствовать в действующем отряде, задержала меня на месте; от графа Паскевича-Эриванского ни слова, и я пустился к нему наудачу. В душной долине, где протекают Храм и Алгет, лошади мои стали; далее, поднимаясь к Шулаверам, никак нельзя было понудить их идти в гору. Я в реке ночевал; рассердился, побросал экипажи, воротился в Тифлис, купил себе верховых и вьючных лошадей, с тем чтобы тотчас пуститься снова в путь, а с поста казачьего отправил депешу к графу... Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы А[хвердовой], за столом сидел против

Нины Чевчевадзевой, все на нее глядел, задумался, сердце забилося; не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое, придало мне решительность необычайную: выходя из за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire!»[139] Она меня послушалась, как и всегда: верно, думала, что я ее усажу за фортепиано, – вышло не то. Дом ее матери[140] возле; мы туда уклонились, вошли в комнату; щеки у меня разгорелись, дыханье занялось; я не помню, что я начал ей говорить, и все живее и живее; она заплакала, засмеялась, потом к матушке ее, к бабушке[141], к ее второй матери Пр. Н. А[хвердовой]; нас благословили...; отправил курьера к ее отцу[142], в Эривань, с письмами от нас обоих и от родных. Между тем вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу; во вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад. На дороге получил письмо летучее от графа Паскевича, кото-

рым он меня уведомляет, что намерен сделать движение под Ахалкалаки. На самой крутизне Безобдала[143] гроза сильнейшая продержала меня всю ночь; мы промокли до костей. В Гумрах[144] я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано. Граф оставил Карский пашалык[145], и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов; в самый день моего прихода была жаркая стычка, у Басова Черноморского полка[146], в горах за Арпачаем[147]. Под Гумрами я наткнулся на отрядец из 2♦х рот Козловского, 2♦х [рот] 7♦го карабинерного и 100 человек выздоровевших; все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти; я их тотчас взял всех под команду, 4♦х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки; всякую минуту ожидаем нападения. Коли в целости доведу, дай Бог. Мальцов в восхищении: воображает себе, что он воюет.

В Гумрах же нагнал меня ответ от князя Чевчевадзева, отца, из Эривани:

он благословляет меня и Нину и радуется нашей любви. – Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою В[арвару] С[еменовну] и Андрея[148]. Но не говори Р[одофиникину], он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее служить, за себя и за нее».

По возвращении в Тифлис Грибоедов писал ко мне:

«Строфы XIII, XIV, XV[149].

.....
Промежуток 1½ месяца.

Дорогой мой Фаддей! Я по возвращении из действующего отряда сюда в Тифлис, 6 августа, занемог жестокою лихорадкою. К 22♦му получил облегчение. Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился. Но в самый день свадьбы, под венцом уже, опять посетил меня пароксизм, и с тех пор нет отдыха: я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови здоровой во мне не осталось».

Наконец он отправился с супругою в Тегеран. Мрачные предчувствия стесняли сердце его более нежели когда-нибудь, и он с каждым днем становился все грустнее, как будто знал, что приближается к гробу. Выписки из письма его к почтенной даме, которую он любил как мать, к В. С. М[иклашевиче]вой, дадут полное понятие о том, что происходило в душе его.

*«Эчмядзин[150], 17 сент[ября] 1828.
Друг мой, В[арвара] С[еменовна]! Не пеняйте же на долгое мое молчание, милый друг! Видите ли, в какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и мулов; ночуем под шатрами, на высоте гор, где холод зимний. Нина моя не жалуется, всем довольна и весела: для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несетя, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось. Ныне нас принял весь клир монастырский в Эчмядзине, с крестами, иконами и хоругвями, пенцем и проч.; и здесь, под сводами этой древ-*

ней обители, первое мое помышление об вас и Андрее. Помиритесь с моею ленью.

Как все это случилось! Где я, что и с кем!.. Простительно ли мне, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь бросаться в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей, и все далее от успокоения души и рассудка! А независимость – которой я также был страшный любитель – исчезла, может быть, навсегда, и как ни мило и утешительно делить все с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди так темно, неопределенно!! Всегда ли так будет!! Бросьте вашего Трапёра и Куперову “Prairie”[151]! Мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мною сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал.

Таврис, 3 декабря

Как я себя виню, что не послал вам написанных этих строчек три месяца назад! Вы бы не сердились на меня, а теперь, верно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться. Андрей! Ты помоги мне умилоствивить нашего общего друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете, и не много надобно слов, чтобы согреть в вас те же чувства, ту же любовь, которые от вас, моих милых, нежных друзей, я испытал в течение стольких лет – и как нежно и как бескорыстно! Верно, сами догадаетесь, неоцененная В[арвара] С[еменовна], что я пишу к вам не в обыкновенном положении души. Слезы градом льются... Неужели я для того рожден, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притом), за невнимание, за эгоизм от тех, за которых бы охотно жизнь отдал? Александр наш что должен обо мне думать! [152] И это кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою участь и страдает самую мучительную беременностью:

кто знает, может быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по так называемым делам, на короткое время, но после время продлится, обстоятельства завлекут, забудусь, не стану писать; что проку, что чувства мои неизменны, когда видимые поступки тому противоречат? Кто поверит!..»

Сбылись предчувствия Грибоедова: он погиб жертвою народного неистовства в Тегеране. Не имея официальных известий о сем ужасном происшествии, я не могу писать об этом. Знаю только, что вражда возникла за армян, русских подданных, которые укрывались в доме посланника. Не только русские, но и добрые персиане, знавшие Грибоедова, сожалеют о нем. Целая Грузия оплакивает Грибоедова[153].

Известие о смерти Грибоедова привезено в С.-П[етер]бург 14 марта 1829 [года], того же самого числа, ровно через год, когда он приехал с трактатом Туркманчайским!

Раны сердца моего растворились... я не могу писать более... писал только для друзей,

для знавших Грибоедова, в надежде, что все добрые, чувствительные люди извинят несвязность, сбивчивость этой статьи. Я был сам не свой! Мог ли я думать о холодных людях?

КАК ЛЮДИ ДРУЖАТСЯ (Справедливый рассказ)

Мы уже до того дожили на белом свете, что философы и моралисты усомнились в существовании дружбы, а поэты и романисты загнали ее в книги и так изуродовали ее, что кто не видал ее в глаза, тот никоим образом ее не узнает. В самом деле, неужели можно назвать священным именем дружбы эти связи, основанные на мелких расчетах самолюбия, эгоизма или взаимных выгод?

Мы видим людей, которые живут двадцать, тридцать лет в добром согласии, действуют заодно, *никогда не ссорятся*, доверяют один другому, и говорим: вот *истинные друзья*! Таких друзей много! Есть люди, которые входят в тесный союз, с тем чтобы ненавидеть третьего и вредить ему. И этот союз на-

зывают в свете *дружбою!* Есть сто различных родов подобной дружбы, и вы от подобных друзей услышите повторение избитых речений: «Чтобы узнать человека, надобно съесть с ним две бочки соли». Испытанные друзья! Другой вам скажет: «Деньги оселок дружбы, а мы уже не один миллион разделили согласно». О, нежные друзья! «Я и дети мои обязаны другу моему местами и наградами. Он воспользовался милостью своего покровителя и облагодетельствовал нас». Тут нет уже дружбы. Дружба не вмешивается ни в дела, ни в расчеты. Да что ж такое *дружба?* Право, не умею истолковать. Нет никакого сомнения в том, что все мы, т. е. *люди*, чрезвычайно любим себя и ужасно нравимся *самим себе*. Дружба есть *волшебство, чародейство*. посредством непостижимого *очарования* дружба представляет нам *вас самих* в другом *лице*, и вы привязываетесь к этому лицу как к *самому себе*: вот вам и *дружба!* Друг ваш не похож на вас, ни лицом, ни нравом, нет нужды. В вас самих лета и болезнь изменяют лицо, вы сами не всегда одинакового нрава. Но главное: *чувствования и образ мыслей* у вас и

друга одни и те же. Вот где моральное *тождество* и *сходство*! Вы скажете: мало ли людей с одним образом мыслей и с одними чувствованиями; неужели все это друзья? Дело в том, что эти чувствования и мысли не стоят гроша. Дружба не принимает чувствований и мыслей на вес, на меру и по тарифу. Истинные друзья могут ссориться между собою, гневаться один на другого, даже бранить друг друга, точно так же, как мы бываем недовольны *собою*, гневаемся *на себя* и сознаемся в *своих ошибках*. Сказать о друге: он не способен ни к чему дурному, а в этом случае поступил неблагоприятно, есть то же, что сказать: сознаюсь, что я поступил неосторожно. Вы будете ссориться, гневаться и будете душевно любить друг друга... Это настоящая дружба, а дружба есть точь-в-точь любовь. Истинной любви нет без дружбы, а дружбы – без любви.

Но как люди дружатся? Уже верно не за шампанским, не за красным сукном, не в беседах и не *вследствие* *долговременного испытания*. Сошлись, увиделись и полюбили друг друга навеки... За что? А бог знает... так... ни за что. Ему *что-то* во мне понравилось; мне

нравится в нем *все*, голос, приемы, движения, мысли, чувства, образ изъяснения. Наконец, чем долее мы узнаем друг друга, тем более привязываемся, и все-таки не зная *за что*. Если он имеет сатирический дух, то даже замечает мои смешные стороны и хохочет. На другого я бы гневался, а с ним хохочу сам над собою, подшучиваю над ним... то есть: мы думаем и чувствуем вслух, разделяем все, не думая о разделе, доверяем вполне друг другу, не помышляя о доверенности и недоверчивости, а все это потому, что в нем я вижу себя и притом в лучшем виде. Я уверен даже, что он лучше меня, т. е. это я *в праздничном наряде*.

Я вам расскажу, как я подружился...

Я жил в Варшаве, на Свентоюрской улице, в небольшом каменном доме на улицу, принадлежавшем в то время почтенному старику немцу, г. Каминскому, который каждый праздник присылал мне цветов из своего садика и удивлялся, что я предпочитаю прогулки в поле и в лесу на Белянах, на Воле[154] и т. п. спокойному наслаждению видом цветов и зелени из его беседки. В один день, когда тучи угрожали дождем, я, вместо обыкновен-

ной прогулки за город, пошел в ближайший публичный сад, называемый садом Красинского. Это было в 8 часов утра. Прогуливающих не было вовсе. Обошед несколько раз весь сад, я сел отдохнуть на скамье. На другом конце сидел молодой человек, в гусарском долмане[155], с унтер-офицерскими галунами. Он был бледен как труп. На лице его изображались яркими чертами недуг телесный и скорбь душевная. Взор его был полупомеркший. Но лицо его сохраняло остатки красоты необыкновенной. Черты его имели правильную азиатскую форму; черные волосы вились в кудри, и в физиономии отражались ум и добродушие. Ему было около двадцати лет. Пушок едва твердел на усах. Взглянув на него несколько раз, я не мог отвести от него взоров моих. Сердце мое сжималось, смотря на его страдание. И я так же, почти в детских летах, ходил в уланской куртке, по свету, за тридцать земель в тридесятое царство. Я знал, что такое *чужая сторона, чужие люди*. Кому призреть больного юношу *на чужбине*. У него, быть может, есть мать, есть сестра, которые бы пеклись о нем, если б недуг посетил его

под родительским кровом... А здесь госпиталь... Бедный юноша. Мне стало жалко, и я заговорил с ним.

Я узнал, что он родом из самой Москвы, где имеет родителей, и что он определился в И[ркутский] гусарский полк юнкером, в 1812 году, но не попал в действующую армию и теперь находится в резервном кавалерийском корпусе под начальством генерала Кологривова. Этот гусарский полк стоял, не помню, возле Ковно или Бреста (теперь этому минуло 20 лет)[156]. Юнкер отпросился для излечения в Варшаву, надеясь найти здесь одного майора, знакомого с его родителями, и занять у него денег, пока пришлют ему из дому. По несчастью, майор выехал из Варшавы, а между тем болезнь усиливалась; итак, бедный юнкер решился идти в госпиталь. Я предложил ему мою квартиру и, водясь дружески с медиками от самой молодости (потому что между ними всегда более образованных людей), обещал ему доставить хорошего доктора. «Но у меня вовсе нет денег», – сказал юнкер. «А на что вам они, – отвечал я. – Доктор мне приятель, да и притом он и без того не

взял бы ни копейки, ни миллиона с бедного воина. Лекарство даст нам каждый аптекарь, а на прочее... Бог даст! Пойдемте со мною. Я живу близехонько». Он пожал мою руку, со слезами на глазах, и мы отправились.

Я велел моему слуге принести с постоялого двора чемодан моего больного приятеля, сладил ему походную постель, поместил в моей спальне, а сам перенесся в так называемую гостиную, призвал доктора, и дело пошло на лад.

Кухарка моего хозяина стряпала для больного суп и бульон; я с моим слугою (честным и израненным отставным уланом) ухаживал за больным. С первого дня переселения ко мне юноша лег в постель и три месяца не вставал. Усилия медицины были бесполезны. Открылась жестокая чахотка, и он умер...

В течение трех месяцев я часто беседовал с ним. Он был чрезвычайно образован, начитан, имел удивительную память и был страстен к словесности, к поэзии, любил все высокое, благородное. Рассказывая мне о Москве, о своей жизни, он с восторгом говорил об одном молодом офицере своего полка,

которого он знал в Москве, еще будучи в пансионе. Из дружбы к этому офицеру он пошел в военную службу и ему обязан был всем своим образованием, любовью к изящному, высокому, к поэзии природы. Мой жилец писал несколько раз к этому офицеру и однажды получил от него письмо, в котором он уведомлял его, что приедет к нему в Варшаву. Больной прижимал это письмо к устам, плакал от радости... Я удивлялся этой необыкновенной привязанности и утешался. Моему сердцу было теплее.

Наконец, протекло лет шесть; я уже был в Петербурге и занимался словесностью, издавал «Северный архив»[157]. Однажды прихожу к другу и товарищу моему, Н. И. Г[речу] и нахожу у него незнакомого человека. Добродушный хозяин познакомил нас *по-своему*, т. е. таким образом, что мы знали, с первой минуты, как обойтись друг с другом. Мой новый знакомец был тогда не тот человек, каким он сделался после. Но бессмертие уже было в его портфеле.

Услышав первый раз его фамилию, мне показалось, будто где-то и когда-то я слышал об

ней, но не мог вспомнить. Мы стали разговаривать и в первую четверть часа стали называть друг друга *ты*[158], не зная сами и не постигая, каким образом мы дошли до этой фамильярности. Ничего не помню, а помню только, что мы несколько раз пожимали друг другу руки и обнимались. Я просто *влюбился* в моего нового знакомца... Это был – *Грибоедов!*

Жесточайшие мои противники литературные были старые приятели, родственники или даже питомцы Грибоедова. Он даже хотел помирить меня с одним из них, воображая, что у этого человека душа *Грибоедова*... он ошибся!

Все, что окружало Грибоедова, говорило ему противу меня, потому что я тогда занимался литературной критикой, я говорил *резкие истины*. За дружбу со мной Грибоедов приобрел даже литературных врагов; он хохотал и говорил только: *хороши ребята!* Грибоедова просили, чтобы он развязался со мною... Он улыбался и сидел у меня по восьми часов сряду. Признаюсь, что зато и я никогда не любил никого в мире больше Грибоедо-

ва, потому что не в состоянии любить более, почитая это невозможностью. Право, не знаю, люблю ли я более детей моих... Я люблю их как Грибоедова, а Грибоедова любил как детей моих, как все, что есть святого и драгоценного в мире. Душа его была рай, ум – солнце.

Когда он отправлялся последний раз в Персию, я сказал ему накануне: «Ты пойдешь высоко; я навсегда останусь там, что теперь, т. е. *ничем*, в полном смысле Пироновой эпитафии[159]. Мои противники мучат тебя...» Он быстро взглянул на меня, схватил за руку и сказал: «Ничто в мире не разлучит нас. Помнишь ли Генисс[ъена], которого ты призрел в Варшаве. Он писал ко мне о тебе... Я давно искал тебя... *Наша дружба не провалится: она имеет основание*». Это собственные слова незабвенного. Ах, как малы перед ним его соперники! Он весь жил для добра и добром.

Сочинитель этой статьи излишним почитает предуведомлять своих читателей, что в ней нет никаких личностей, что имена и разговор выдуманы и на самом деле никогда не существовали. Многие молодые люди, напи-

сав несколько куплетов по инстинкту, пре-
возносимые в кругу друзей и знакомых, осы-
паемые похвалами от услужливых журнали-
стов, почитают себя гениями, от юности бро-
сают науки, всю жизнь проводят в бездей-
ствии и, воображая себя вдохновенными, су-
дят обо всем решительно, пишут совершен-
ный вздор, без всякой пользы для себя и для
отечества. Но что всего хуже, эти так называ-
емые поэты уловляют других юношей в свои
сети, вперяют им лень, отвращение от науки
и полезных занятий. Искоренение сего зла
есть цель сей статьи.

Итак, офицер, о котором говорил с востор-
гом мой больной жилец, к которому он писал,
был *Грибоедов...*

Как люди дружатся? Очень скоро, но проч-
но, когда есть *основание*.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ АНДРЕЕВИЧЕ КРЫЛОВЕ И БЕГЛЫЙ ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕРИСТИКУ ЕГО СОЧИНЕНИЙ

Жизнь, характер, ум И. А. Крылова, дух и склад его сочинений, все это вместе взятое составляет *верный отпечаток русской народности*. Во всех отношениях он был человек необыкновенный, оригинальный, отличавшийся от всех своих современников, обыкновенных светских людей, и речью, и манерою, и привычками, и образом жизни, и взглядом на людей и на их дела. Представитель двух, почти противоположных эпох русской образованности, видевший первые лучи русской литературы, полный блеск ее и временное ее затмение[160], Крылов невредимо прошел сквозь тучи, бури, мрак, занял самое блистательное место на солнечной стороне и один из всех русских писателей высказал все вполне, что у него было в уме и на душе, и, украшая великие, вековые истины драгоценными погремушками, наставлял отцов, обра-

щая речь к детям! Крылов есть настоящий образец (type) умного, смышленного, опытного русского человека и всемирного практического философа. Если б можно было характеристикою *одного человека* изобразить жизнь, характер и даже историю *целого народа*, то в представители русского народа и русской истории пред человечеством я избрал бы Крылова. Но как трудно изучать жизнь и характер целого народа, столь же нелегко изобразить Крылова! Двадцать три года знал я его и даже сближался с ним (как это будет изложено в этом очерке), изучал Крылова, как редкое явление в природе, и иногда, хотя редко, проникал моим умственным взором в его душу, которую он умел прикрывать от неуместного любопытства какою-то апологическою оболочкою, как раковиною, защищавшею его от жизненных смут и бурь. Взглянем на жизнь его, чтоб лучше выразуметь эту чудную натуру. Будем откровенны и беспристрастны: для таких людей, как Крылов, на свежей могиле уже настает потомство!

И. А. Крылов родился в Москве, 2 февраля 1768 года[161]. Отец его был капитаном, веро-

ятно в Великолуцком пехотном полку[162], потому что, по сохранившимся известиям, он отправился в Заволжский край, во время усмирения Пугачевского бунта, с генерал-майором Фрейманом, а Фрейман выехал из Москвы в 1772 году с гренадерскою ротою Великолуцкого полка, которую везли на почтовых на место назначения. Жена капитана Крылова, с детьми и в том числе с четырехлетним Иваном, отправилась на житье в Оренбург, а сам капитан Крылов прикомандирован был к полковнику Симонову, в Яицк. Славу геройской защиты сего города[163] капитан Крылов по всей справедливости должен разделять с Симоновым. Капитан Крылов показал в самом затруднительном положении еще более твердости духа и мужества, нежели Симонов. За это самое Пугачев преждевременно осудил на смерть капитана Крылова и все его семейство, и если б самозванцу удалось взять Оренбург, мы не имели бы «Басен Крылова». Но Провидение судило Ивану Андреевичу жить долго и прославить русскую литературу. После усмирения Пугачевского бунта отец его, вероятно, занимал ка-

кую-нибудь гражданскую должность в Тверской губернии[164], потому что здесь начинается служебное поприще Ивана Андреевича. Воспитывался он дома, по тогдашнему обычаю, т. е. был *вскормлен и обучен русской грамоте*, четырем правилам арифметики и молитвам. Иван Андреевич сказывал мне, что этим обязан он своей матери, доброй, тихой и набожной женщине. Отец его был человек добродушный, храбрый, но крутого нрава, и мало занимался семейством. Тринадцать лет от рождения определили Ивана Андреевича на службу, подканцеляристом (т. е. писцом) в Калязинский уездный суд, 2 февраля 1781 года[165]. Здесь мы должны оглянуться на Россию 1781 года, т. е. за *шестьдесят четыре* года пред сим.

Иван Андреевич Крылов родился спустя только *сорок три года* после кончины Петра Великого. Над Россиею еще тяготел туман старинного азиатского невежества и прежних предрассудков, и только вершины озарены были лучами просвещения. Петр Великий положил всему одни начала, но не мог, на своем веку, видеть полезных плодов насажденного

им просвещения. Он учредил 51 народное училище по губерниям и провинциальным городам для детей разночинцев, 56 гарнизонных школ для солдатских детей, 26 училищ для детей духовного звания, а для дворян Артиллерийско-инженерное училище и Морскую академию. При императрице Анне Иоанновне учрежден был Сухопутный шляхетный (ныне Первый) кадетский корпус. При императрице Елисавете Петровне учреждено Мореходное училище, преобразованное в Морской кадетский корпус, и основан Московский университет, а при императрице Екатерине II, по 1781 год, преобразована Артиллерийская школа и названа Артиллерийским и инженерным кадетским корпусом; учреждены Воспитательный дом, Академия художеств и Горное училище, или Горный кадетский корпус. Но во всех дворянских заведениях был тогда весьма ограниченный комплект воспитанников (например, в Артиллерийско-инженерном, что ныне 2-й кадетский корпус, только на 150, а в Сухопутном шляхетном корпусе на 250 дворян). Помещение в эти учебные заведения сопряжено было

с большими трудностями и зависело от сильного покровительства, а кроме того, большая часть мелкого и даже среднего дворянства и чиновников не постигали всех выгод высшего, систематического образования и боялись просвещения, как заразы. Детей обучали только счётам и русской грамоте, большею частью дома, и самую важную роль на сцене тогдашнего русского просвещения занимал приходский дьячок. Обучив детей грамоте, отдавали их на службу, в первом юношеском или даже отроческом возрасте, или в полк, или в канцелярию. Гораздо позже, когда народные училища распространились, и наместники и губернаторы, по приказанию императрицы Екатерины II, принуждали дворян и купцов посылать детей в школу, родители рыдали, провожая их, как будто отправляли на погибель. Старики и провинциалы почитали безверие, разврат и просвещение синонимами, и все чужеземное казалось им обаянием[166] и кознями нечистого духа. И наш Иван Андреевич Крылов подвергнулся участи большинства и, будучи сыном бедного, незначительного, хотя и заслуженного чиновника,

следовавшего за общим предрассудком, не получил никакого воспитания. С самой нижней ступени начал он свое гражданское поприще, и с самой нижней точки образования должен был пробиваться до первого места в литературе, предоставленный почти в детском возрасте своим собственным силам, руководствуясь собственным умом и опираясь на свой характер! Это настоящее олицетворение истории русского народа, то же татарское иго, тот же быстрый переход от невежества к образованности, та же сила воли, та же борьба и победа природного русского ума и русской смышленности! Не получив школьного образования, И. А. Крылов вознамерился образовать ум свой чтением. В конце того же 1781 года он переведен был из Калязина в Тверской губернский магистрат, канцеляристом[167]. Родители его переехали также в Тверь, и Иван Андреевич нашел здесь случай доставать книги для прочтения. День и ночь занимался он чтением, и часто даже пренебрегал для того службою. Иван Андреевич сказывал мне, что повытчик[168] его был человек грубый и сердитый, и не только журил его за *пустые и*

бесполезные занятия, т. е. за чтение, но, застав за книгою, иногда бивал его по голове и по плечам, а сверх того жаловался отцу, который также наказывал его за нерадение к службе.

Что читал Крылов в первой своей юности? Тогда Ломоносов и Сумароков красовались, как два светила первой величины, на мрачном горизонте русской словесности, и вокруг их сияли, хотя и не столь ярко, Петров, Богданович, Поповский, фон-Визин, Костров, Княжнин, Николев, Майков (В. И.), Аблессимов, Клушин, Плавильщиков[169], Елагин и некоторые другие. По части русской истории известны были Татищев, князь Щербатов и Болтин. В образованном сословии, тогда малочисленном, было сильное стремление к утверждению в России самостоятельной словесности, и государыня[170] не только употребляла к тому все средства, но даже содействовала собственными трудами. Все лучшие чужеземные сочинения по части истории, путешествий, законоведения и даже философии, равно как и произведения возникавшей знаменитой тогда секты энциклопедистов пе-

реводились на русский язык и печатались отчасти на казенный счет. В отношении к переводам тогдашняя эпоха была даже выше нынешней. Были и журналы: «Санкт-Петербургский вестник» и «Собеседник любителей русского слова», в котором сама государыня помещала статьи своего сочинения[171]. И так, и с одним русским языком можно было образоваться или, по крайней мере, прозреть на свет, и Крылов с жадностью пользовался всем, что могло послужить к просвещению его ума. Конечно, при таком отрывистом образовании не могло быть ни связи, ни систематического порядка, и Крылов, в первые годы своей образованности, был точно в таком положении, как Россия, когда в ней внезапно отворили настежь все входы для чужеземных людей и нововведений, т. е. голова Крылова уподоблялась тогда степи или пустыне, с несколькими цветущими долинами или оазисами; но в этой пустыне была превосходная почва, на которой каждое брошенное зерно созревало и приносило обильный плод. Скоро ум Крылова почувствовал в себе творческую силу, и чтение возбудило в Крылове охоту к

авторству.

В эту эпоху весь образованный мир еще считал Вольтера оракулом в литературе и философии, и если не везде следовали его направлению, то всеми признано было, что орудие, употребленное им к разрушению старинного гражданского порядка в Европе и католицизма, есть орудие самое сильное и действительное. Это орудие составлено было из сатиры и насмешки, и то, чем действовал Вольтер ко вреду человечества, Екатерина Великая употребила для блага людей, для поражения старинных, закоренелых предрассудков в России, для уничтожения невежества и искоренения злоупотреблений и лихоимства в администрации, которые, переходя от татарских баскаков[172] к воеводам, дьякам и подьячим, утвердились в присутственных местах, как чума в Египте. Лучшего средства к истреблению нравственной заразы люди еще не выдумали! Законы везде мудры и воспрепятствуют зло, но они наказывают только открытые и доказанные проступки, а сатира, заглядывая в сердце человека, представляет его пороки в волшебном зеркале на суд и на посме-

ание народа. Действием сатиры образуется *общее мнение* и пробуждаются уснувшие в человеке стыд и совесть, которые страшатся солнечного света. Нет нужды, что личность каждого гражданина ограждена: сатира преследует только порок, не трогая личности, и общее мнение провозглашает имена и предаст их насмешке и презрению. Театр и журнал суть два фокуса, или точки, где сосредоточиваются и откуда расходятся лучи общего мнения. Екатерина Великая всеми средствами возбуждала в народе любовь к театру и к чтению периодических изданий, и трудилась сама, с избранными людьми, для театра и журналов. Это направление действовало на все умы, и И. А. Крылов начал свое литературное поприще театром: на *шестнадцатом* году от рождения написал он, в Твери, комическую оперу «Кофейница». Не знаю, куда девалась эта опера; она никогда не была играна и не напечатана, но рукопись ее еще существовала в 1825 году. Когда я издавал «Русскую Талию», Иван Андреевич сам предложил мне напечатать из нее отрывки или куплеты, и даже самую оперу, по моему благоусмотрению.

нию, и предложил *отыскать* рукопись в его квартире. В бумагах И. А. Крылова не было порядка, и это было почти то же, что искать золота в песчаной степи. Два дня рылся я в кучах разных вещей, между которыми находились кое-какие старинные бумаги, перебрал весь хлам в старом сундуке, хранившемся на чердаке, и не нашел рукописи. «Нечего делать, братец, пропала, так пропала!» – сказал мне И. А. Крылов, с обыкновенною своею беспечностью. «А жаль, – примолвил он, – там было кое-что забавное, и нравы эпохи верны: я списывал с натуры». Н. И. Гнедич знал наизусть несколько куплетов из этой оперы, которые слышал из уст самого Крылова, но сам автор забыл их, а я не мог воспользоваться бессвязными отрывками. И так это первое сочинение Крылова, вероятно, пропало навеки!

[173] Стишками и остроумными речами Крылов сделался известен в Твери, нашел покровителей, которые перевели его на службу в Петербург и определили тем же канцеляристом в С.П[етер]бургскую казенную палату, в 1785 году[174]. В 1788 перешел он на службу в Кабинет ее императорского величества и,

прослужив до 1790 года, марта 11 дня, вышел в отставку и оставался без службы до конца 1801 года. Что делал Крылов в эти девять лет и чем жил? Он помещал статьи в журналах «Почта духов» (1789), «Зритель» (1792) и «С. Петербургском Меркурии» (1793 года)[175], но только журналисты не платили тогда за статьи и не имели постоянных сотрудников на таком основании, как теперь; следовательно, журнальная работа не могла доставлять Крылову доходов. Мы *первые*[176] ввели этот обычай в России, который ныне дошел уже до злоупотребления. Тогдашние книгопродавцы платили за заказную работу не многим более, сколько ныне платят за *переписку рукописей*. Писатели почитали за честь помещать свои сочинения в журналах и искали этого с бóльшими усилиями, чем ныне журналисты ищут статей, потому что тогда одна журнальная статья могла доставить известность. Если ныне обвиняют литературу в меркантильности, то в то время ее можно было упрекнуть в совершенной бесценности. Литературный труд не приносил ничего, но как ум и дарование всегда берут свое, даже при самых небла-

гоприятных обстоятельствах, то нынешнее возмездие за литературные труды и время заменялось тогда покровительством первых лиц в государстве, старавшихся доставлять даровитым и бедным писателям средства к своему содержанию. Крылов в это время занимался главнейше собственным образованием и изучил основательно французский язык, хотя никогда не говорил на нем в обществах, будучи не в силах победить трудностей французского произношения. Некоторые сатирические статьи его, в прозе, помещенные в «С. Петербургском Меркурии», обратили на него внимание читающего сословия и петербургского общества, которое тогда не оказывало хладнокровия к русской словесности, входившей в число занятий самой государыни. Из первых его статей замечательны: «Похвальная речь, как убивать время», будто говоренная кем-то на новый 1793 год; «Похвальная речь Ермалофиду, говоренная (будто бы) в собрании молодых писателей» (напечатанная также в 1793 году)[177]. Эти статьи – сатиры на тогдашние нравы, если б и теперь были повторены, были бы кстати. В первой статье

Крылов изображает празднолюбцев, расточающих деньги и убивающих время без пользы для себя и для других, а во второй представлены молодые люди с притязанием на авторство, которые, не сделав ничего порядочного, судят и рядят превратно обо всем, не уважая ни таланта, ни заслуги. Слог этих статей хотя и тяжел, но лучше слога тогдашних профессоров красноречия. Кажется, Иван Андреевич был тогда и влюблен, как можно судить по его стихам: «Утешение Аняте» и «Мое оправдание к Аняте», напечатанным в тогдашних журналах[178]. Не знаем, как сильны были чувства молодого Крылова, но любовные стишки его больно плохи!

Из одного анекдота, рассказанного мне И. А. Крыловым, насчет обыска, бывшего в последние годы царствования императрицы Екатерины II в типографиях[179], узнал я, что он содержал с кем-то (едва ли не с Похорским) пополам типографию, что и доставляло ему, без сомнения, доход, потому что от родителей он не получил ничего, и жалованье его было чрезвычайно ограничено, а без службы ему жить было нечем[180].

Императрица Екатерина II не пропускала без внимания ничего замечательного в своем государстве и хотела знать лично каждого человека с необыкновенным умом или дарованием. Современники рассказывали мне, что государыня, слушая доклады генерал-прокурора князя Вяземского, когда изложение и заключение дела ей нравились, спрашивала, кто составлял бумагу, и приказывала умному делопроизводителю докладывать себе дело, чтоб узнать короче человека. Иногда начальники войск или областей получали приказание государыни прислать немедленно сочинителя такой-то реляции или такого-то рапорта. Справясь о характере этих людей, государыня повышала достойных и часто возводила в высокие звания. Таким образом вывела она в люди Безбородка, Троицкого, В. С. Попова и множество других. Всех русских писателей с дарованием государыня знала лично, и хотя И. А. Крылов не сделал еще тогда ничего важного, но журнальные его статьи, комедии «Проказники» (в пяти актах, в прозе, 1793 года), «Сочинитель в прихожей» (в трех актах, в прозе, 1794 года) и опера «Бешеная се-

мья» (в трех действиях, 1795 года)[181] обратили на себя внимание государыни и доставили автору счастье представляться ей. Екатерина Великая приняла ласково молодого писателя, поощрила к дальнейшим занятиям литературою, но никак не могла предвидеть, что этот незаметный человек затмит славу всех литературных знаменитостей ее блистательного века! Не помышлял об этом и сам Крылов, блуждая, так сказать, на поприще словесности, не избрав для себя верного пути.

И. А. Крылов рассказывал мне, что в молодости своей он был пристрастен к карточной игре, вовсе не из корыстолюбия, но ради сильных ощущений. В то время азартные игры не были запрещены, и банкометы явно занимались своим ремеслом в трактирах, разъезжали по ярмаркам и как хищные звери искали везде добычи. Не зная ни света, ни людей, Крылов попался в одну из этих шаек, и его обобрали, как говорится, будто липочку! И. А. Крылов любил рассказывать об этой неопределенной эпохе своей жизни и сообщил мне несколько игрецких анекдотов и справедливых происшествий, которые я по-

местил в «Иване Выжигине». История *Ножева* в этом романе основана также на справедливом событии, которого Крылов был свидетелем в молодости. Проживая без службы, он, прижатый обстоятельствами, определился в 1801 году секретарем к князю Сергию Федоровичу Голицыну, генералу от инфантерии, лифляндскому военному генерал-губернатору, и отправился с ним в Ригу, где, прожив два года и получив чин губернского секретаря, вышел в отставку в 1803 году[182] и приехал снова на житье в Петербург. В Риге Иван Андреевич изучал немецкий язык, но он ему не дался; зато он усовершенствовал себя в игре на скрипке и впоследствии даже играл порядочно, как он сам говорил. Игры его я не слышал, но суждения его о музыке были всегда основательны. Под старость он совершенно бросил музыку. До 1808 года Иван Андреевич жил без службы в Петербурге, в котором году (в октябре) снова определился на службу, на Монетном дворе, где прослужил до конца 1810 года и, получив чин титулярного советника высочайшим указом, вышел в отставку.

В эти пять лет (от 1803 до 1808 года) Н. А.

Крылов уже выступил из толпы *обыкновенных* писателей и обратил на себя общее внимание превосходными своими комедиями «Модная лавка» (в 3♦х действиях, в прозе, напеч[атана в] 1807 году) и «Урок дочкам» (в одном действии, в прозе, напеч[атана] в 1807 году)[183]. Я помню эффект, произведенный этими комедиями, бывшими долгое время любимыми на русской сцене, которая тогда обращала на себя внимание всей знати и всего высшего общества, невзирая на то, что в Петербурге существовали весьма хорошая Итальянская опера и превосходные труппы французская и немецкая. Имя Крылова сделалось уже *известным* во всех гостиных, а в литературе он приобрел вес участием в издании «Драматического вестника»[184]. Первые *басни*, написанные им только для пробы, как говорил сам И. А. Крылов, и посланные на суд к *первому тогда* баснописцу, И. И. Дмитриеву, заслужили похвалу со стороны благородного соперника и отданы им для напечатания (однако ж, без имени автора) в периодическое издание (вроде нынешних альманахов) «Аглаю», издававшуюся Н. М. Карамзиным.

Эти басни приняты были с величайшими похвалами и приписаны И. И. Дмитриеву[185]. В 1809 году появилось в свет первое издание басен И. А. Крылова, в одной книжке (в осьмушку), и оно обратило на себя всеобщее внимание. В. А. Жуковский, хотя пламенный приверженец И. И. Дмитриева, сделал весьма справедливый разбор «Басен Крылова» в «Вестнике Европы» и признал в авторе необыкновенное дарование, заметив также некоторые недостатки басен[186]. В 1811 году И. А. Крылов издал в свет свои «Исправленные басни» и в том же году «Новые басни» [187]. Все сии издания ныне весьма редки. С первого издания басен слава Крылова уже утвердилась на прочном основании, и он приобрел покровителя в особе графа Александра Сергеевича Строгонова и истинного друга в Алексее Николаевиче Оленине, которые, при учреждении Императорской публичной библиотеки, в 1812 году, дали ему в ней место помощника библиотекаря[188]. При торжественном акте открытия библиотеки[189] в многочисленном собрании высших сановников И. А. Крылов прочел басню свою

«Водолазы», которая привела всех в восхищение. С этой поры И. А. Крылов отказался от всех других литературных занятий и посвятил себя одним басням, которые упрочили навек его славу и прославили русскую словесность.

С поступления на службу в Императорскую публичную библиотеку кончились у И. А. Крылова все заботы и хлопоты о мелких потребностях жизни, весьма часто удерживающие развитие таланта и отвращающие его от свойственного ему поприща или даже подавляющие его вдохновения[190]. И. А. Крылов получил хорошую квартиру, достаточное жалованье и, сверх того, от высочайших щедрот, пенсioen в 1500 рублей ассигнациями. В три торжественные собрания, бывшие потом в Императорской публичной библиотеке, залы не могли вмещать в себе посетителей, собиравшихся слушать *басни Крылова*[191]. Он читал их и в «Беседе [любителей] русского слова»[192], в доме Г. Р. Державина. И. А. Крылов читал их превосходно, как никто никогда не прочтет, с каким-то особенным простодушием и наивностью, точно так, как они писа-

ны. В 1814 году, по высочайшему повелению, в уважение отличных дарований (как сказано в указе), произведен И. А. Крылов в коллежские асессоры; в 1816 году занял вакантное место библиотекаря; в 1819 году произведен в надворные советники, а в 1830, марта 27-го дня, одним высочайшим указом пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й степени и получил в прибавок к прежнему пенсиону еще по 1500 рублей ассигнациями, что составило 3000 рублей в год. В нынешнее благополучное царствование И. А. Крылов осыпан был монаршими милостями. В 1825 году, в декабре, произведен он в коллежские советники; в 1828 [году] получил орден Св. Анны 2-й степени; в 1830 году произведен в статские советники и за заслуги в словесности награжден прибавкою к прежнему пенсиону по 3000 рублей в год, а всего 6000 рублей ассигнациями]. В 1836 году получил орден Св. Владимира 3-й степени.

Между тем И. А. Крылов писал *басни*, и почти ежегодно выходило *новое их издание*, в разных видах и форматах, с картинками и без картинок. Едва ли есть одно грамотное семей-

ство в России, в котором бы не было «Басен Крылова», и во всех училищах они принадлежат к *учебным книгам*. Известный книгопродавец А. Ф. Смирдин, с 1822 года приобрел книжный магазин Плавильщикова[193], сделал переворот в книжной торговле, начав платить авторам за сочинения по их достоинству, и за издание «Басен Крылова» в числе 40 000 экземпляров заплатил 40 000 рублей асс[игнациями], купив их на десять лет[194]. Событие дотоле небывалое в России! Все книгопродавцы ужаснулись! Наслаждаясь милостями августейшего покровителя наук и словесности в России и благоволением всей императорской фамилии, пользуясь любовью и уважением не только всех русских истинных литераторов, но и всей грамотной России, И. А. Крылов спокойно и беспечно проводил жизнь свою, невзирая на визг зависти, выказывавшей не раз жало свое из разных журналов. Один только раз он оскорбился, когда дух литературной партии, всегда противный справедливости, восстал на него не в журнале, а в жизнеописании уважаемого Крыловым писателя, И. И. Дмитриева. Один стихо-

творец (но не поэт), впрочем человек остроумный, выпустил в свет стишки, в которых говорит, что в литературе *три* великие баснописца, и все *трое* *Иваны*: Иван Лафонтен, Иван Хемницер и Иван Дмитриев. Об Иване Крылове, уже наслаждавшемся полною славою – ни помина! [195] Это был только первый выстрел. Тот же самый стихотворец, при новом издании «Стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева» (издании *шестом*, исправленном и уменьшенном, напечатанном в С. Петербурге в 1823 году), вместо предисловия поместил «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» [196]. Превознося И. И. Дмитриева, впрочем по заслугам, сочинитель «Известия», желая отдать ему преимущество пред всеми и *в баснях*, напечатал, между прочим, следующее: «По счастью, совершенство нашего баснописца (здесь идет речь об И. И. Дмитриеве) не испугало, а подстрекнуло к соревнованию многих истинных поэтов; прибавим, к сожалению, многих и подложных; но они неизбежные галеры, следующие по пятам за каждым образцовым творением. В числе первых сыскался

один, который не только последовал и, так сказать, бороться дерзнул (!?) с нашим поэтом (т. е. И. И. Дмитриевым), перерабатывая басни, уже им (т. е. И. И. Дмитриевым) переведенные, и басни превосходные, и мы благодарны ему (т. е. последователю И. И. Дмитриева) за его смелость[197]». После нескольких похвал дарованию И. А. Крылова, в общих выражениях, сочинитель «Известия» заключал суждение о нем тем, что хотя достоинство слога и языка Крылова *не так велико* в отношении к предместнику его (т. е. И. И. Дмитриеву), который был изобретателем своего слога, то оно *велико* в сравнении с теми, которые не изобрели ни слога, ни содержания своих басен (см. стр. XL и XLI). Как ни вежливо все это было высказано, но ясно было, что И. А. Крылова ставили только *выше бесталанных баснописцев*, не создавших ни своего слога, ни содержания своих басен, признавая достоинства его *не большими*, в отношении к И. И. Дмитриеву. Это тронуло И. А. Крылова потому только, что сочинитель «Известия» был в близких сношениях с Н. М. Карамзиным, с И. И. Дмитриевым и В. А. Жуковским, коновода-

ми русской словесности, и потому И. А. Крылов мог думать, что это печатное суждение о нем есть отголосок мнения первых трех русских литераторов и всех их многочисленных почитателей. Однако ж И. А. Крылов не жаловался, не входил в полемику, хотя из речей его и можно было догадываться, что сердце его уязвлено. Надлежало предостеречь общественное мнение и охранить его от влияния несправедливости. Я издавал тогда при «Северном архиве» «Литературные листки» и хотя находился в самых приятных отношениях к сочинителю «Известия» и ко всем его приятелям, но, почитая обязанностью журналиста ратовать за истину, невзирая ни на какие житейские виды, решился высказать всю правду и на основании общего мнения определить достоинство обоих баснописцев[198]. После появления в свет моей статьи поднялась суматоха в журналах, и на меня посыпались жестокие критики, сатиры и эпиграммы, но я твердо стоял в защите правового дела, и публика явно приняла мою сторону. Тогда еще (см. «Литер[атурные] листки» 1824 года, стр. 64) писал я: «Ни один из нынешних журнали-

стов не сделал поныне замечаний на сию статью (т. е. “Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева”), отличную по многим отношениям, и я ласкаю себя надеждою, что беспристрастные любители словесности увидят из слов моих одно только желание объяснить то, что *мне кажется* истиною. Не зная ни каких партий, ни личностей в литературе, я без робости иду по избранному мною пути, принимая охотно и с благодарностью советы и замечания, и смеюсь от чистого сердца эпиграммам, хотя бы они прямо были написаны на меня». Очевидно, что если на критические прения о достоинстве первоклассных сочинений отвечают эпиграммами и сатирами, то уже не находят справедливых аргументов для поражения противника, и партия, восставшая на меня за защиту Крылова, была не права: победа принадлежала стороне Крылова. Но что делал тогда он, когда спорили о нем в журналах? Он *не говорил ни слова* об этом, даже со мною, своим ратоборцем, хотя читал все, что было писано! Я тоже молчал, как будто ничего не бывало, и иногда только читал ему написанные на меня эпиграммы, кото-

рые он нарочно похваливал. Однажды только он сказал мне: «Напрасно ты за меня поссорился и раздражил противу себя сильных словесников: мне, право, это больно!» – «Бог милостив, Иван Андреевич, хоть и укусят, а не съедят», – отвечал я. «А все же тебе нельзя жить долее в *этом приходе*», – примолвил он. Через несколько дней, на вечере у А. Н. Оленина, И. А. Крылов прочел *новую басню* свою, одну из превосходнейших: «Прихожанин»[199]. Когда И. А. Крылов кончил последние стихи:

*Да плакать мне какая статья:
Ведь я не здешнего прихода!*

я подошел к нему и поклонился с улыбкою. И. А. Крылов будто не понимал меня, хотя все догадались, что значит эта *басня*[200]. С тех пор дух партии замолк насчет И. А. Крылова, и вся тяжесть литературной вражды пала на его ратоборца[201].

Многое изменилось в литературе, явились новые писатели, журналистика приняла другое направление, но Крылов оставался по-прежнему *первым и единственным в своем роде* и наслаждался полною и тихою славой,

потому что при всех литературных раздорах критика уже не посмела коснуться любимца всей России.

Наконец он дожид до утешения, какое не многие из тружеников словесности испытали в жизни: он перенесся заживо в потомство и видел предназначенное ему место в веках! Я говорю о юбилее. В начале 1838 года И. А. Крылов в разговорах как-то вспомнил, что за *пятьдесят лет* пред сим, именно в феврале 1788 года, он напечатал первую свою статью в «Почте духов» [202]. При рассказе об этом в питической голове Н. В. Кукольника вспорхнула счастливая мысль юбилея ветерана русской словесности. Н. В. Кукольник немедленно сообщил свою идею Н. И. Гречу, одному из старейших приятелей И. А. Крылова, а Н. И. Греч составил записку от имени литераторов и представил графу А. Х. Бенкендорфу. Усердный поборник всего доброго, благородный граф А. Х. Бенкендорф поднес записку его императорскому величеству государю императору, и августейший покровитель словесности благоволил изъявить свое согласие и предоставил исполнение господину мини-

стру народного просвещения[203], который составил комитет для устройства праздника. Открыта была подписка и на собранную сумму вычеканена медаль, поднесенная И. А. Крылову за обеденным столом, данным ему в Дворянском собрании, находившемся тогда в доме г-жи Энгельгардт. За столом читаны были приличные стихи, и Крылов, в собрании вельмож, многих литераторов, высших чиновников и вообще почетнейших жителей столицы, увенчан лавровым венком[204]. При этом случае И. А. Крылову пожалована звезда ордена Св. Станислава 2 й степени, при весьма милостивом и лестном рескрипте. Из остаточной суммы от юбилея учреждена на вечные времена в гимназии Крыловская стипендия, для воспитания одного юноши[205]. Почтенный старец был вполне счастлив и на другой день сказал мне: «Не думал и не гадал я, когда написал первые мои басни, чтоб они повели меня так высоко!.. Если это слава... то, воля твоя... а она очень приятна... Никогда не испытывал я подобного чувства, как вчера... Мне даже хотелось умереть...» – «И из другого прихода люди плакали», – примолвил я. И. А.

Крылов улыбнулся и махнул рукою.

В 1841 году, чувствуя тяжесть старости, И. А. Крылов вышел в отставку из Императорской публичной библиотеки, с полным содержанием, и оставил казенную квартиру, в которой он прожил безвыездно *тридцать девять лет*[206], ведя всегда одинаковый образ жизни. Он ложился спать поздно и вставал нередко около полудня. Все утро, до трех или четырех часов пополудни, лежал он на своей софе, в своем любезном старом халате, курил трубку (потом сигары, когда они вошли в общее употребление), запивая кофе со сливками, и читал какую-нибудь книгу. Весьма странно, что он с особенным удовольствием читал глупейшие русские сочинения, говоря, что это смешит его, развлекает и забавляет. Поутру он принимал *всех* и со всеми обходился *одинаково ласково*, с человеком ему преданным и приятным и с тем, который не имел права на его благосклонность или был несносен. Около четырех часов И. А. Крылов выходил со двора и отправлялся или на званый обед, или в Английский клуб. Незванный ходил он обедать только к А. Н. Оленину, в се-

мействе которого он был как родной. Но чаще всего И. А. Крылов обедал в Английском клубе, а после обеда отдыхал в креслах, всегда на одном месте, которое и получило прозвание *Крыловского* места. Он мог спать в креслах, невзирая на шум и говор. И. А. Крылов был разборчивый гастроном, любил хороший стол и рюмку доброго вина, но не предавался излишеству и, будучи весьма сильного и здорового сложения, весьма редко подвергался недугам. Он, однако ж, был склонен к параличу. Однажды в молодости он страдал онемением всех членов и вылечился диетой, а в 1824 году, поехав зимою с партией охотников на медведя, в окрестностях Петербурга, принужден был бежать несколько верст по глубокому снегу от разъяренного зверя и от внезапного задержания испарины подвергся апоплексическому удару, от которого у него скривило нижнюю часть лица[207]. От этого излечился он движением: стал ходить много пешком и даже ходил в *Приютино*, имение А. Н. Оленина, верстах в тридцати от Петербурга; но по излечении снова перестал ходить пешком и даже в первый раз в жизни завел эки-

паж. Вечера, если И. А. Крылов не был отозван в гости, проводил он в Английском клубе и вообще редко сидел дома. По смерти А. Н. Оленина[208] образ жизни его во многом переменялся, и он чаще проводил время в клубе. Театры навещал он весьма редко, концерты также. Сигары, тихая беседа и чтение составляли единственное его наслаждение. В одежде и в причёске И. А. Крылов был небрежен и не любил, чтоб в комнатах его шарили или, как говорят, убирали комнаты; оттого порядка в них было не много, и пыль лежала повсюду. Такой же вкус имел Гёте! Замечательно, что кроме последнего времени, в которое Иван Андреевич принял кучера, он *никогда* не имел при себе слуг мужского пола и любил, чтоб ему прислуживали женщины. Однажды, когда я спросил его о причине, он сказал: «Женщины, братец, во всем *лучше нас*, мужчин, а худшая порода мужская – это наемные лакеи».

После отставки из Императорской библиотеки и переселения на вольную квартиру, на Васильевский остров, в 1-ю линию, в дом Блинова, И. А. Крылов совершенно изменил свой

образ жизни. Он взял к себе в дом воспитанницу свою, с мужем ее[209], которых он облагодетельствовал еще при жизни своей, жил, так сказать, в семействе, почти отстал от света и реже навещал Английский клуб, проводя большую часть времени дома. В эти последние восемь лет[210] он чаще всего видался с Яковом Ивановичем Ростовцовым, которого полюбил душевно и пред кончиною назначил его своим душеприказчиком, отказав все свое состояние, по неимению родственников, своей воспитаннице[211].

Когда же сочинял и писал свои *басни* И. А. Крылов, при таком образе жизни? – спросят меня. Он сочинял и обдумывал между людьми, в обществе или за обедом, и не сидел долго над бумагою: у него не было ни кабинета, ни даже письменных приборов, а чаще всего он писал на лоскутках. Он писал, *когда писалось*, т. е. когда идея басни сама лезла в голову и просилась оттуда на свет, как он сказал мне однажды.

И. А. Крылов был вполне добрый и благородный человек, всегда верный своему долгу и чести. Можно смело сказать, пред целым

светом, что Крылов никого не обидел и не сделал никому зла. Пройдя все ступени общества, от самой нижней, вытерпев нужду и долгое время находясь в зависимости не только от людских прихотей, но даже недостатков, исследовав, так сказать, *анатомически* природу человеческую, он был весьма бережлив на откровенность. Он вообще никогда и ничего не порицал явно и громогласно, а отделялся или молчанием или незначащим, двусмысленным ответом, когда требовали его мнения в серьезном деле, где надлежало судить о лицах. По-русски говорил Крылов в полном смысле *мастерски*, как весьма немногие говорят. Весьма приятно было слушать его в беседе. В приятных прениях о незначительных предметах Крылов всегда одерживал верх, хотя бы даже был и не прав, потому только, что он увлекал слушателей *сравнениями*, метафорами, всегда блистательными, и анекдотцами, всегда приведенными кстати. У него на всякий случай был анекдотец, и всегда остроумный. Весьма забавно слышать, когда иные бездарные писатели похваляются тем, что Крылов *ободрял* и *хвалил*

их труды. Эти добрые люди не знали Крылова! Он всегда хвалил плохое, и только тем говорил правду в глаза, кого любил. Чаще всего он спорил с Н. И. Гнедичем и приводил его иногда в отчаяние критикою его перевода «Илиады», а покойного Олина хвалил торжественно! Когда однажды я заметил И. А. Крылову, что, похваливая бездарность, он порождает в ней гордость и самонадеяние, Иван Андреевич отвечал: «Правда – дорогая вещь, не каждый стоит ее!» На этом же основании Крылов был чрезвычайно осторожен в обхождении с людьми[212].

Характеристику *басен Крылова* представлю я в нескольких словах... *Басни Крылова* – это современная история в *апологах*, картина современных нравов в *сатирах* и верный снимок с сердца человеческого в *баснях*, принимая *басню* в тесном ее смысле, т. е. что басня есть приноровление действия зверей, по их природному инстинкту, к делам житейским, для извлечения нравственного поучения. И. А. Крылов не разделял своих рассказов на *роды* и все облек именем *басни*, и сатиру, и аполог. Но в литературном отношении между

ими большая разница. В сочинениях Крылова, носящих название *басен*, вы найдете и важные эпизоды из Отечественной войны, и административные наши нравы, и очерк духа наших литературных партий, и всю жизнь человеческую. Все басни, апологи и сатиры собственного своего сочинения Крылов написал по какому-нибудь случаю. Что сильно поразило его, то и отразилось в апологе, сатире или басне. Так писали и так будут писать все моралисты в мире: басни, аполога и сатиры *не сочиняют!* Правду должно брать с природы, по русской пословице: «С мира по нитке, голому рубашка». Крылов никогда и никому не рассказывал, по какому случаю написана им какая басня, но когда близкий или приятный ему человек сообщал ему свою догадку, он отрицал таким образом, что отрицание его можно было принять за подтверждение догадки. «Быть может и похоже!» – говорил Крылов. «Случай, и только!» Из разных источников я собрал ключи к тридцати с небольшим его басням[213]. Только от подлинного смысла басни «Голик» Крылов не отпирался [214]. Слог Крылова есть *образец* русизма, а

картины его – русская натура *живьем*. В защите Крылова, в 1824 году (см. выше), я сказал, что «в баснях Крылова медведь – русский медведь и курица – русская курица»[215]. Над этим смеялись *тогда* мои противники[216], а после того сами же повторили мои слова! Никто лучше Крылова не знал *духа русского языка*, всех его тонкостей и оборотов, никто лучше его не умел облагородить русского просторечия, которое он знал в совершенстве, и никто лучше Крылова не соблюдал логического смысла в речах и постепенности рассказа. Но при всем этом Крылов никогда не мог победить механизма письменного языка, и в грамматике русской не мог назваться большим знатоком. И сам Наполеон не мог *победить* грамматики! Конечно, Крылов никогда не мог сделать таких ошибок, какие ныне выдают нам за *правильные формы речи*, искажая падежи в *склонениях*, изменяя произвольно буквы, уничтожая *предлоги*; Крылов не мог сделать этого потому, что это совершенно противно *духу русского языка и главнейшим его стихиям*, но Крылов был иногда в разладе с *ятями* и даже вовсе не употреблял пунктуа-

ций, не зная, как справиться с двоеточием, запятыми и точкою с запятою. Рукописные его басни (у меня есть *две*) без пунктуации. Другие исправляли для него эту *черную работу*.

Немногие писатели в целом мире достигли до такой высоты, как Крылов. На земле *нет совершенства*, повторяют все, многие тысячи лет! Оно редко, но есть: *совершенство в баснях Крылова!* Ни Эзоп, ни Пильпай, ни Лафонтен не выше Крылова, и Крылов имеет пред всеми то преимущество, что он баснописец и *всемирный и народный*. Крылов первый в ряду всех русских писателей, потому что *совершен* в своем роде!

Весною прошлого года встретил я на Исаакиевском мосту И. А. Крылова. Мы остановились и разговорились. «Недавно попало мне случайно под руку твое «Воспоминание о Грибоедове»[217], – сказал Крылов. – Спасибо, брат, спасибо! Да ведь ты всех нас отпеваешь, – примолвил он с улыбкою: – Не помяни лихом... старею и слабею...» С горестью исполняю долг мой... Нет Крылова... плачь *правда!* [218]

[ВОСПОМИНАНИЯ О ПИСАТЕЛЯХ]

[А. Е. Измайлов] [219]

<...> К «Полному собранию сочинений русских авторов»[220], издаваемому нашим единственным Смирдиным, присовокуплены в нынешнем году Сочинения бывшего журналиста Александра Ефимовича Измайлова, в двух томах[221]. О предприятии Смирдина говорить мне нечего. Я уже сказал, что это истинно патриотический подвиг, который, без сомнения, оценят все русские, которым дороги русское слово и русская слава[222]. Ведь и финны, и эстонцы, и латыши имеют свою литературу, а как же нам не дорожить своею литературою, плодом нашего умственного существования? Поговорю с тобою[223] о А. Е. Измайлове. Может быть ты помнишь фигуру покойного Измайлова, но знать его ты не мог, потому что был ребенком, когда он выехал из Петербурга в провинцию на службу, а по возвращении в Петербург он вскоре умер[224]. Измайлов стоял того, чтоб знать его коротко!

Во всем он был оригинален, и по фигуре, и

по одежде, и по образу жизни, и по речам, и по изложению в своих сочинениях, и даже по голосу. Лучшие из всех его оригинальностей были: его удивительная честность и праводушие. Почти всех баснописцев, древних и новых, изображают *наивными*[225] и жестоко в этом ошибаются. Например Эзоп, который, будучи отправлен в путь с другими рабами своего господина, для перенесения тяжестей, выбрал самую тяжелую ношу – хлеб для своих спутников, зная, что тяжесть его ноши скоро уменьшится – Эзоп далек был от *наивности*! Лафонтен и Крылов, два первые баснописца новых времен, были люди глубокого ума и под покровом *наивности* высказали в баснях все, чего бы не высказали ни в истории, ни в сатире. А. Е. Измайлов хотя и ниже их дарованием, однако *наивностью* выше всех баснописцев, журналистов, поэтов и вообще всех писателей. Он говорил и писал, что у него было на уме и на сердце, и если чего не высказал или не написал, то это значило, что не мог.

Родился он 14 апреля 1779 года и воспитывался в Горном кадетском корпусе[226]. По то-

гдашнему обычаю он был записан на седьмом году от рождения каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк; произведен в сержанты в 1791 году, а в 1797 году, т. е. осьмнадцати лет от роду, уволен от военной службы для определения к статским делам, с чином губернского секретаря. С тех пор, до конца 1830 года, т. е. тридцать три года, служил он в Министерстве финансов, занимаясь постоянно русскою словесностью. В 1799 году вышло в свет первое его сочинение: «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества», повесть в двух частях, которая удостоилась второго издания, в 1801 году[227]. Это верная картина дурного воспитания и вследствие того развратной жизни *тогдашнего* времени, когда пороков не скрывали тщательно, но хвастали ими, как молодечеством. Повесть эта изобилует картинами, которые в последнее время принялась *литграфировать* так называемая *натуральная школа*[228], с тою разницею, что Измайлов никогда не искажал русского языка, писал правильно и всегда с нравственной целью. Повесть «Евгений» имела в свое время много

читателей, потому что проказы *кутилы* были для многих занимательны, а вывод повести нравственный, и она доставила автору известность. «Бедная Маша», повесть, как мы в шутку называли ее, *раздирающая* (т. е. чувствительная), написана в 1801 году, в подражание заглавию повести Карамзина «Бедная Лиза». Вывод из повести также самый нравственный, а рассказ анекдотический. Некто Милов приезжает в чужой город и женится на сироте, внучке отставного обер-офицера. Прожив несколько месяцев с женою, Милов уезжает, оставляя беременную жену, и исчезает. Наконец открывается, что Милов женат был прежде, на немке. Маша отправляется к Милову с ребенком и находит его в нежностях с другою женою. Дело кончается тем, что первая жена Милова перерезывает себе горло, Милов перерезывает себе жилы на руках и на ногах, а бедная Маша чрез несколько месяцев умирает с грусти, *et le combat finit, faute de combattants*[229]. В этой повести сцена провинциального сватовства и вообще домашний быт провинциала мастерски списаны с натуры, т. е. в чувствительной повести луч-

шая сторона юмористическая. «Рассуждение о нищих, т. е. каким способом уменьшить число их в России» и проч., написанное в 1804 году, и «Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованиях и пенсиях», в 1807 году[230], исполнены прекрасных мыслей, полезных истин и благородных патриотических чувств. Добрый А. Е. Измайлов простодушно просит господ отставных чиновников, имеющих родовое имение или наживших в продолжение службы *благоприобретенное* состояние, отказаться от незначительных вещей, не составляющих для них никакого счета, а богатых молодых людей уговаривает отказаться от жалованья в пользу бедных чиновников, не умеющих *благоприобретать* ничего, кроме общего уважения и наград по службе. Вот как рассуждал об этом деле благородный А. Е. Измайлов (см. Собр[ание] сочин[ений][231]. Часть II, стр. 429–431): «И давеча он еще, говоря о повесе, своем сыне Иване Власьиче, сказал: разве мы даром, дворяне, служить обязаны? Да для чего же и не так? Я сам природный дворянин, однако же служил без жалованья, когда был в гвардии сержан-

том, и нисколько тем не обижался. Жалованье должно производиться только тем людям, которые предоставили себя единственно на службу отечеству и, занимаясь должностью, не имея собственного достатка, не имеют и никаких способов доставать нужное к своему содержанию; а кто богат, кто имеет, например, как Власий Кириллович, 10 000 рублей годового дохода, не стыдно ли тому брать жалованья 1200 рублей и половинную при отставке пенсию? Так ли служили старинные дворяне, наши предки? Они тратили в службе собственное свое иждивение, лили собственную свою кровь – и из чего? из одного благородного честолюбия, усердия к государю и Отечеству. Удовольствие оказать услуги своему государю и народу составляло самую лучшую награду, а благоволения государя, каким бы образом они изъявлены ни были, почитались за величайшие милости, и серебряный кубок или другая какая вещь хранилась из роду в род, как священная драгоценность».

В этой статье виден весь человек с обнаженным сердцем.

В 1809 году Измайлов вместе с Беницким (прославившимся *одною* восточною повестью, им написанною[232]) издавал журнал «Цветник», а в следующем 1810 году продолжал тот же журнал вместе с Никольским, весьма остроумным и даровитым молодым человеком, рано слегшим в могилу, к ущербу русской словесности. В 1814 году вышли в свет «Басни и сказки А. Е. Измайлова», а второе их издание, исправленное и умноженное, появилось чрез два года (1816), с виньетками. «Новые басни и сказки с разными стихотворениями» изданы в 1817 году, а в 1821 году изданы *четвертым* изданием «Басни и сказки с присовокуплением Опыта о рассказе басни и разбора некоторых образцовых басен лучших русских фабулистов», в трех частях. В 1826 году вышло *пятое* их издание. «Сочинения в прозе» изданы в том же 1826 году[233]. С 1818 до 1827 года А. Е. издавал журнал, под заглавием «Благонамеренный», сперва по 12 книжек, потом по 24, а наконец по 52 книжки в год. Книжки выходили в свет неисправно, и издатель всегда представлял своим читателям извинения, заставлявшие всех хохотать

[234]. Наконец Измайлов начал недодавать книжек. В 1824 году не вышли № 23 и 24; в 1825 году с № 41 по конец года, а в 1826 году журнал не выходил в свет с № 13 до конца года. Но А. Е. Измайлов имел свой круг читателей, которые весьма любили его и прощали ему неисправность. На 1826 и 1827 годы он издал альманах «Календарь муз»[235]. В 1829 году изданы «Басни и сказки» Измайлова в крошечном формате, с портретом автора[236].

Характер всех его сочинений, верный отпечаток его собственного характера, добродушие и чистосердечие (наивность). А. Е. Измайлов не был богат вымыслом, не анатомировал сердца человеческого и, будучи самым добрым и чувствительным человеком, не имел дара тронуть сердце и извлечь слезы у читателя, но рассказ его в прозе и в стихах всегда прост, увлекателен и проникнут неподдельным русским юмором, т. е. веселостью и непринужденностью. Главный недостаток его – отступление от изящного вкуса. Это говорил я ему в глаза, печатал при его жизни и теперь должен высказать после его смерти. Но все же картины его во сто раз чи-

ще картин Гоголя и его подражателей. А. Е. Измайлов грешил более выражениями, но не изображал никогда таких неопрятных сцен, как находим, например, в «Мертвых душах» Гоголя или в стихотворениях Некрасова. Начало и весь рассказ басен и сказок Измайлова всегда хороши и естественны, но конец не соответствует началу и середине. Некоторые его стихи знали наизусть все современные литераторы, потому что эти стихи того заслуживали. Например:

*Жила-была собака пребольшая,
Предобрая, презлая [237],
Ласкала всех своих,
Бросалась на чужих —
И только что бросалась,
    А не кусала.
Затем, что на цепи привязана была.
(«Собака и вор»)*

Предобрая, презлая – это прелесть! Мы обыкновенно называем дворовую собаку доброю, когда она зла к чужим людям. А кто не хохотал от сказки: «Пьяница» и не помнил стихов

*Вот вечером его [по улице] ведут
Два воина осанки важной,
С секирами, в броне сермяжной!*

Может ли быть что-нибудь естественнее и забавнее рассказа в сказке «Встреча двух по-друг»:

*Две дамы встретились в рядах.
«Ах!
Прасковья Марковна! Вы ль это?»
«Я, Анна Дмитриевна, вот нынеш-
нее лето
Из Твери приплыла». – «Ах, Боже
мой, лет пять
Мы с вами не видались!
Привел же Бог увидеться опять!»
(Тут три раза они поцеловались.)
«Как рада я!.. Но как перемене-
лись вы!
Ужасно похудели!..»
«И вы не очень подобрали!
Конечно замужем?» – «Увы!
Четвертый год», и проч.*

Натура! Есть некоторые сказки и басни, ко-
торые без обиняков назову совершенством.
В этом числе первое место занимает сказка
«Лгун», начинающаяся стихом «Павлушка

медный лоб (приличное прозвание!)»[238].
Это настоящий chef-d'oeuvre!

Во второй части сочинений А. Е. Измайлова, в письме о бывшем в Петербурге наводнении, на стр. 506 напечатано: «Впрочем, справедливость требует сказать, что все нынешние литераторы сохраняют всегда на словах должную благопристойность. Пишут друг на друга эпиграммы, сказки, воюют в журналах, но в обществе никогда не сделают друг другу ни малейшей грубости, ни малейшей невежливости». Добрый А. Е. Измайлов, как все писатели, сам был весьма раздражителен и написал несколько сказок, басен и эпиграмм на своих критиков и соперников. Если б объяснить, когда, на кого и по какому случаю написано было много подобного, в то время, когда были и литература и страстные ее любители, – это было бы весьма любопытно и занимательно. Но теперь, может быть, еще рано поднимать завесу нашего времени, и я скажу только о том, что в полной моей власти, т. е. о себе.

Александр Ефимович задел в своем «Благонамеренном» одного из самых коротких моих

приятелей, человека с необыкновенным дарованием и остроумием, теперь уже покоящегося в земле[239]. Я вступился за приятеля в издаваемых мною при «Северном архиве» «Литературных листках», и между прочим уколол А. Е. Измайлова его собственным стихом из сказки: «Пьяница и судьба».

*В ночь темную, зимой,
Подьячий пьяный шел через реку
домой;
С прямой дороги сбился
И где ж? – у полыньи каналья
очутился[240].*

Разумеется, что последний стих привел я иронически, как образец изящного. Александр Ефимович разгневался, и общие наши приятели сказали мне, что он читал у себя на вечере[241] басню на мой счет. Замечу при этом случае, что в то время все журналисты имели у себя *назначенные дни*, в которые собирались к ним литераторы. Через несколько дней встречаюсь я с Александром Ефимовичем в книжной лавке покойного Сленина[242]. Мы были с Измайловым на самой короткой ноге и говорили друг другу *ты*. «Здорово, брат

Ефимыч!» – «Здравствуй!» – «Ты написал на меня басню?» – «А ты почему знаешь?» – «Сказали те, которым ты читал». – «Виноват – написал!» – «Прочти же, пожалуйста!» – «Сердиться станешь!» – «Как тебе не стыдно! Разве ты меня не знаешь?» – «Хочешь – так изволь!» Тут Александр Ефимович снял свои серебряные очки, протер их перед светом, потом вынул огромную кипу[243] бумаг из бокового кармана (он никогда не выходил из дому без кипы бумаг), отыскал басню и прочел мне. Я хохотал от души и просил позволения напечатать в моем журнале, но он на это не согласился и при жизни своей не печатал ее[244]. Впервые напечатал ее, после кончины доброго Измайлова, А. Ф. Воейков, не помню в «Славянине» или в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». Басня эта помещена теперь в первой части собрания сочинений, на стр. 78, под заглавием «Слон и собака»[245]. Не постигаю, почему прекрасная эта сказка искажена в печати, даже до собственных имен! В печати собака Брылан, а в подлиннике Барбос. Разве это не все равно? В подлиннике сказано, *какой породы собака*, а какой

свинья, и это весьма важно для характеристики[246]. Словом, сказка искажена, а все же очень хороша![247] Вскоре я залил целебным бальзамом царапину, нанесенную мною авторскому самолюбию Измайлова. А. Ф. Воейков прибавил несколько куплетов к своему «Дому сумасшедших», в котором помещены все известнейшие литераторы, и дал местечко А. Е. Измайлову, сказав о нем следующее:

*Вот Измайлов, автор басен,
Рассуждений, эпиграмм;
Он пищит мне: «Я согласен,
Я писатель не для дам», и проч.*

Добрый А. Е. Измайлов, при всей дородности своей и при всем пренебрежении утонченностей туалета, был страстный обожатель, разумеется платонический, прекрасного пола, писал послания к дамам, украшал их альбомы стихами и не скрывался с притязаниями на их благоволение, т. е. хотел нравиться женщинам. Стих «Я писатель не для дам» жестоко растревожил его. В день его рождения я послал ему шуточные стишки, в которых после каждого куплета был припев (refrain):

*Нет, нет! ты вопреки врагам,
Писатель для мужчин и дам!*

Измайлов был в восторге! Стишки напечатал в «Благонамеренном» (без моей воли)[248], а припев приказал вырезать на своей серебряной табакерке, которую всегда носил с собою. На другой же день он явился ко мне и, пыхтя и утирая пот, катившийся градом с лица, бросился в мои объятия, восклицая: «Спасибо, Фаддей! Вот друг, сослужил службу!» [249] С этих пор ни одно облачко не промчалось между нами[250].

Во всю свою жизнь Измайлов не выезжал из Петербурга и вдруг вздумал служить в провинции. В конце 1826 г. назначен он был (в чине статского советника) в вице-губернаторы в Тверь, а в 1828 году в том же звании переведен в Архангельск. Но он не мог ужиться в провинции. Там не понимали его шуток, самые невинные стишки называли *критикою* (!!!), а честный Измайлов не понимал и не хотел понимать подьячества, *благоприобретаемых* доходов по питейной части и т. п. В 1829 он причислен был к Министерству финансов для особых поручений, а в конце 1830 года

уволен вовсе от службы, с пенсионом по 2000 руб. ассигнациями в год. Этим трудно было прожить в столице, и он взялся преподавать русскую словесность в Пажеском корпусе. На одной из лекций (в первой половине января 1831 года) он почувствовал, что ему дурно, его отвезли домой, и он скончался от апоплексического удара, к искреннему сожалению всех знавших его.

Я сказал выше, что, будучи добрым и чувствительным, он не умел в своих сочинениях трогать сердца и извлекать слезы. Так было при жизни его, но когда я теперь стал перечитывать его сочинения, то, нахохотавшись досыта, невольно прослезился, находя благодарность к благодетелям, искреннюю любовь к человечеству, простодушие и честность во всех его помыслах. Дети его должны написать на надгробном памятнике Александра Ефимовича ту самую эпитафию, которую он сочинил для своего отца:

Здесь прах покоится честного человека:

Он зла не делал и врагам;

Служил отечеству с усердием

*полвека
И имя доброе оставил только
нам[251].*

В моих «Воспоминаниях» я скажу о А. Е. Измайлове больше[252], а теперь и так слишком расписался сам не знаю как! Как вспомнил о том времени, когда у нас были и *лето* [253] и *литература*, когда мы, т. е. пишущая братия, собирались в дружеские кружки, проводили время без карт, шутили, забавлялись, печатали друг противу друга шутки, не оскорбляя притом чести *намеками* и *иносказаниями*... уважали друг друга... вспомнил, и забылся! <...>

[О. И. Сенковский] [254]

Некоторые почитатели покойного Осипа Ивановича Сенковского, желая составить полную его биографию[255], просят всех знавших его сообщить известные им о нем сведения не позже 1 сентября сего года в книжный магазин А. Смирдина сына[256] и Комп. Я знал покойного О. И. Сенковского с начала 1817 года[257], т. е. сорок с лишком лет, прочел все, что он написал по-русски, по-польски и по-французски, и могу утвердительно ска-

зять, что находился с ним всегда в самых коротких отношениях. И на этот торжественный вызов гг. почитателей покойного Сенковского обязан я сказать все, что знаю.

Обращаюсь сначала к почитателям О. И. Сенковского с краткою речью: «Каких же сведений о покойном требуете вы, господа, когда в Справочном энциклопедическом словаре, изданном под редакциею А. Старчевского (том IX, часть II, на странице 370 до 377)[258], премелким шрифтом напечатана полная и преполная биография О. И. Сенковского?» В этой биографии род Сенковских выведен из известного рода *Сарбевских*, в котором процветал знаменитый поэт *Сарбевский* (Sarb[i]evius). Исчисление предков его начинается со времен польского короля Сигизмунда I. По исчислению всех предков покойного Осипа Ивановича видно, что многочисленные отрасли Сенковских из Сарбева, из Великого Сенкова, из Болемина, из Войнова[259] были, по уверению биографа, близкие между собою родственники. В этом жизнеописании прибавлено, что все они были *великие писатели* и люди *близкие к польской королевской*

фамилии и что один из Сенковских[260] был другом Коперника и Гозиуса. Чудное сочетание великих мужей в одном роде! Дед О. И. Сенковского, по удостоверению биографа, находился в *тесных дружеских связях* с бывшим королем польским Станиславом Понятовским, а отец Осипа Ивановича, по словам биографа, [был] камергером короля, славился с ранних лет отличным образованием и необыкновенным остроумием. Женщины в роде Сенковских, по словам биографа, были немки, итальянки и француженки. Вступление в биографию О. И. Сенковского – настоящая «Илиада»! Недостает только доказательства происхождения героя от Юпитера. Но мы, благоговей пред возгласами биографа, осмелимся сказать, что слышали от покойного нашего дяди, подконюшего Великого княжества Литовского и маршала трибунальского Павла Булгарина, как он, рассказывая самому О. И. Сенковскому об его отце, припомнил, что отец Сенковского, родовой дворянин, служил прежде у известного богача Тизенгауза, потом исправлял у моего дяди звание комиссара, или эконома в поместье его. Это ни-

сколько не унижает Осипа Ивановича, потому что в старинной Польше обедневшие члены весьма хороших фамилий служили у других богатых дворян, хотя и обедали за одним столом с ними и составляли общество хозяина (jak wolny z wolnym, jak równy z równym [261]).

По окончании курса наук в Минской гимназии[262] О. И. Сенковский поступил в Виленский университет и, оказав необыкновенные успехи в науках, обратил на себя внимание профессоров университета, славившихся тогда в Вильне. В это время Сенковский, пристрастившись к восточным языкам, познакомился с одним ученым татаринном и под его руководством перевел с арабского на польский язык басни Пильпая, снабдил их комментариями и напечатал[263]. Виленский университет не имел тогда профессора восточных языков, и этот перевод Пильпая подал мысль ученым основать в университете кафедру восточных языков, на что с радостью согласился бывший тогда попечителем университета князь Адам Адамович Чарторийский, пользовавшийся особенною милостию

императора Александра Павловича. Образованная публика, которая на зиму собиралась в Вильне и всегда живо сочувствовала успехам тамошнего университета, содействовала исполнению этого предприятия. Добровольными складчинами собрана была значительная сумма, чтоб отправить О. И. Сенковского на Восток для изучения восточных языков, с одним только условием, чтобы он издал, на польском языке, знаменитое сочинение д'Оссона о Турции, с комментариями[264]. В 1819 году Сенковский отправился в Константинополь, а оттуда на Ливанские горы, где, между племенем друзов[265], жил известный ученый ориенталист Арида. В Ливанских горах Сенковский изучил древний арабский язык и новое его наречие, также и язык турецкий. Потом совершил путешествие по Египту и Нубии. Из Константинополя послал в виленский журнал («Dziennik Wileński») статью о своем путешествии из Вильны до Одессы, в которой описаны помещичий быт и состояние поселян в губерниях, от Польши присоединенных. В этой статье жестоко отделаны все помещики, которые подписались на его путешествие

[266]. Некоторое время О. И. Сенковский находился при нашей миссии в Константинополе, под начальством посла нашего в Турции барона (впоследствии графа) Г. А. Строгонова. В конце 1821 года, при разрыве с Турциею, Сенковский возвратился в Вильну, но, вооружив против себя прежнее статью всех виленских ученых и виленскую публику, нашел весьма неблагоприятное к себе расположение. Мысль об определении его профессором восточных языков в Вильне была весьма отринута – хотя его биограф в «Справочном энциклопедическом словаре» и утверждает, что ему предоставлено было это место[267]. При таком расположении виленского общества Осип Иванович решился отправиться в Петербург и прибыл сюда в 1823 году[268]. На другой день по прибытии он навестил меня. Я должен был поделиться с О. И. Сенковским, как говорится, *последними крохами*, и он принял за то участие в моих трудах. Первая статья его, напечатанная в «Сыне Отечества», наделала много хлопот. Сенковский написал известие о путешественнике по Египту г. Бельзони, опровергая все его заслуги и достоин-

ства[269]. И в это самое время Бельзони прибыл в Петербург. Трудно себе представить, до какой степени ожесточился Бельзони! Он непременно хотел убить Сенковского, и мне стоило немало труда и хлопот успокоить раздраженного итальянца[270].

В начале 1824 года навестил я бывшего тогда попечителем С. Петербургского учебного округа Дмитрия Павловича Рунича[271] и застал его, пишущего письмо в Вену, к известному ориенталисту Гаммеру, с просьбою прислать ориенталиста для замещения гг. Деманжа и Шармуа, которые в это время перешли из университета в Министерство иностранных дел. Узнав о содержании письма, я сказал Руничу, что он может заменить этих иностранных профессоров русским подданным, который на счет виленского дворянства обучался восточным языкам на месте и находится теперь в Петербурге. Д. П. Рунич весьма обрадовался этому известию и поручил мне на другой же день привезти к нему молодого ориенталиста. Я исполнил поручение. Сенковский отправлен был к академику Френу для испытания и вслед за тем определен ор-

динарным профессором восточных языков в С. Петербургском университете[272]. В 1826 году Сенковский издал на польском языке сочинение под заглавием «Collectanea» или извлечение из турецких летописей разных отрывков, касающихся до сношений и столкновений Турции с Россией и Польшею[273]. Эта книга произвела величайшее негодование во всех провинциях, составлявших древнюю Польшу. Все ложные и превратные рассказы турецких историков относительно сношений Турции с Польшею представлены были Сенковским как суцая правда, и польские победы над турками превращены в поражения. В 1828 году Осип Иванович издал, на французском языке, забавную, но при том злую статью против известного венского ориенталиста Гаммера, написавшего книги: «Des origines russes» и «Supplément à l'Histoire des Huns, des Turcs et des Mongols»[274]. В 1830 г. издал он перевод или, правильнее, переделку романа Мориера, под заглавием: «Гаджи-Баба», который имел два издания[275]. В то время О. И. еще плохо владел русским языком, и перевод его был исправлен или, лучше ска-

зять, переделан Н. И. Гречем. В 1829 г. Сенковский назначен был членом ценсурного комитета, в котором звании находился до 1833 года[276]. Он был отличный цензор, руководствовал и предостерегал писателей, стараясь по возможности расширить круг их деятельности. После издания «Гаджи-Баба» Сенковский начал писать по-русски и помещал статьи в издававшихся тогда альманахах и журналах[277]. Он особенно был замечателен так называемым юмором (humour); хотя многие статьи его не отличались безукоризненной чистотою и правильностью слога, но везде проявлялись его ум, начитанность, познания и наблюдательность. Так называемой *сердечной стороны* в его сочинениях вовсе не заметно. В 1833 году начал он издавать журнал «Библиотека для чтения» с книгопродавцем А. Ф. Смирдиным, который взял на себя все издержки. В первом году издания (1834) участвовал в нем Н. И. Греч[278].

Не стану разбирать подробно «Библиотеки для чтения»; скажу только, что между многими остроумными ее статьями было бесчисленное множество парадоксов и вообще

несправедливых мыслей и суждений. Не зная вовсе России и нравственного ее состояния, изучив русский язык только поверхностно, в зрелом возрасте, Осип Иванович вздумал быть *преобразователем* и *законодателем* русского языка! Сенковский начал свое *преобразование* русского языка с уничтожения местоимений *сей* и *оный!*[279] Это понравилось молодым писакам. Между тем употребление этих местоимений не противно духу русского языка, и иногда одно такое местоимение дает, как говорится, тон целой речи. Все юмористические статьи он стал подписывать вымышленным прозванием *Барон Брамбеус*. Это прозвание пришло ему в голову при следующем случае. Однажды он пришел ко мне и застал моего мальчика Ефимку, читающего в передней сказку о *Францэле Венециане*[280]. Сенковский взял книгу и нашел в ней прозвание *Брамбеус*; оно ему чрезвычайно понравилось; он вошел ко мне в комнату с хохотом, повторяя: «Брамбеус! Брамбеус!» и потом усвоил себе этот псевдоним. «Библиотека для чтения», несмотря на все несообразности и множество в ней неправды, была журналом заниматель-

ным, когда ею заведовал сам Осип Иванович. По несчастью, большей части его изысканий нельзя верить на слово. Ни с одним литератором ни в Вильне, ни в С. Петербурге не был он никогда в дружеских, близких отношениях и всегда, так сказать, жил *особняком*. Только я был так счастлив, что с 1817 года, до самой своей смерти, О. И. Сенковский никогда не писал против меня, так чтобы поколебать мой литературный авторитет. Напротив, я, грешный, иногда не мог вытерпеть его ложных выходов и писал против него в «Северной пчеле»[281]. Надобно отдать справедливость Осипу Ивановичу, что он никогда за это на меня не гневался и при встрече всегда с улыбкою говорил: «Перестань горячиться из пустяков!» Впоследствии, как известно, Сенковский избрал в соиздатели «Библиотеки для чтения» г. А. Старчевского, который, вероятно из благодарности к Осипу Ивановичу, поместил в изданном им Справочном энциклопедическом словаре (Том IX. Часть II. Стр. 370–377) так называемую биографию Сенковского. Право не знаю, как назвать эту статью! Полагаю, что ни в одном из языков всего ми-

ра нет статьи, в которой все было бы искажено и изложено таким превратным образом. Всем известно, что Сенковский знал языки русский, польский, латинский, французский, арабский и турецкий. И этого уже довольно для ученого человека. Но кроме того весьма порядочно разумел языки итальянский и английский. Только один немецкий язык ему никак не давался. Послушайте его панегириков. Господин А. Старчевский уверяет (Справочный энциклопедический словарь. Том IX. Часть II. Стр. 371), что Сенковский, будучи уже профессором Петербургского университета, изучал: китайский, монгольский, манджурский, тибетский, санскритский и многие другие языки. Новый редактор «Библиотеки для чтения» (в книжке за апрель сего года) в похвальном слове основателю этого журнала [282] утверждает, что Сенковский знал совершенно *немецкий* язык и удивлял медиков своими познаниями в области медицинских наук. Это точно такая же правда, как и показание, что Сенковский знал санскритский язык! Но удивляюсь, как он при жизни своей позволил господину А. Старчевскому напечатать

себе заживо панегирик, основанный на лжи и проникнутый хитросплетениями. Нет спора, что Осип Иванович знал много, но зато г. Старчевский написал о нем такие небылицы, какие не могли бы даже войти в хорошо составленную сказку. Ожидаем полной биографии О. И. Сенковского, человека ученого, умного, но более остроумного, трудолюбивого, деятельного, обладавшего многосторонними и разнообразными сведениями, вообще человека с большими дарованиями, но... довольно о нем; придерживаюсь буквально сказанного Стерном: «Варвара мне тетка, а правда сестра»[283]. Dixi![284]

[П. А. Катенин] [285]

<...> мы весьма благодарны П. А. Плетневу за сообщение биографий литераторов в Известиях Императорской академии наук, по Отделению русского языка и словесности. В томе III, на листах 1, 2 и 3, помещены *биографические записки* о трех членах академии по Отделению русского языка и словесности[286]: о бывшем министре народного просвещения князе Платоне Александровиче Ширинском-Шихматове, о Петре Александровиче Ка-

тенине (отставном генерал-майоре) и о корреспонденте Модесте Андреевиче[287] Резвом, инженер-полковнике и вице-директоре Строительного департамента Морского министерства. Литературные труды князя П. А. Ширинского-Шихматова, хотя и похвальные, не имели влияния на ход и направление современной литературы, а о служебной его деятельности по части Министерства народного просвещения я не имею права говорить, тем более, что все похвальное высказано в краткой его биографии. Модест Андреевич Резвой усердно содействовал к полноте Словаря русского и церковнославянского языка[288] объяснением и составлением музыкальных терминов, вовсе не участвуя в движении русской литературы. Петр Александрович Катенин в свое время действовал усердно в литературе и драматургии и имел сильное влияние на литературу драматическую, и потому я останавливаюсь на нем, с замечанием, что все три упоминаемые здесь литератора начали свое поприще в военной службе.

П. А. Катенин родился 11 декабря 1792 года, скончался в деревне своей, в Костромской гу-

бернии, 23 мая 1853 года, на *шестьдесят первом* году своей жизни. В 1810 году он поступил из гражданской службы в военную портупей-прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк и после десятилетней примерной службы произведен в том же полку в полковники, на *двадцать девятом* году жизни. Он отличался храбростью в сражениях при Бородине, Люцене, Бауцене, Кульме и Лейпциге[289], и достиг бы, без сомнения, высоких чинов, если б непрерывно продолжал военную службу. Но непреодолимая страсть к литературе отвлекла его, в мирное время, от военной службы[290]. Он был самою природою создан поэтом, одарен самою счастливою памятью, живым воображением и тонким вкусом изящного. Поэты и некоторые писатели славного Карамзинского периода[291] составляли его общество в отставке, и главное занятие его было драматическая литература. П. А. Катенин перевел стихами из Расина «Эсфирь» [292], и в этой трагедии играли еще две драматические наши знаменитости Яковлев и Семенова (Катерина Семеновна). Из Расина же он перевел «Баязета», из Корнеля «Сида»

и четвертое действие «Горациев». Для комической сцены переведены П. А. Катениным «Les fausses confidences»[293] из Мариво (под русским заглавием «Обман в пользу любви»), «Le méchant»[294] Грессета, под заглавием «Сплетни», и три комедии: «Недоверчивый», «Говорить правду, потерять дружбу» и «Нечаянный заклад»[295]. Из собственных сочинений П. А. Катенина для театра известны: «Андромаха», трагедия в пяти действиях в стихах, «Пир у Иоанна Безземельного», пролог к драме князя А. А. Шаховского «Иваноэ»[296]. Без всякого сомнения, эти литературные труды составляют большую заслугу в литературе, но, как справедливо замечает П. А. Плетнев (стр. 23): «Важнейшая заслуга его драматическому искусству в России состояла в образовании знаменитого Каратыгина, с которым он во всю жизнь оставался в дружеских сношениях». Разумеется, таланты от Бога, но талант требует возделания, как все усовершенствованное в природе. Дикая природа может быть хороша, но в приятных искусствах и художествах талант требует возделания и образования. Покойный Василий Андреевич Караты-

гин сам сознавался своим приятелям, что он, под руководством П. А. Катенина, прошел заново и с большою пользою русскую грамматику, риторику и пиитику, весь курс декламации, научился, по указаниям П. А. Катенина, писать стихи, и по его совету стал изучать в истории характеры тех лиц, которые надлежало представлять на сцене[297]. Повторяю с П. А. Плетневым: большая заслуга! Десять лет прожил П. А. Катенин в своей деревне, в уединении, с своими книгами и идеями, начал писать комедию «Вражда и любовь», которая осталась неконченою[298], и в это же время написал «Размышления и разборы», которые помещены в «Литературной газете», издававшейся бароном Дельвигом, в 1830 году[299]. В этой статье изложены замечания: 1) об изящных искусствах, о поэзии вообще и о поэзии еврейской; 2) о поэзии греческой; [3) о поэзии латинской;] 4) о поэзии новой; 5) о поэзии итальянской; 6) о поэзии испанской и португальской и 7) о театре. П. А. Катенин знал языки французский, немецкий, итальянский, испанский и латинский. П. А. Плетнев в своем биографическом очерке (стр. 23) говорит: «В

числе немногих из писателей наших он рано почувствовал необходимость пользоваться в языке русском теми разнообразными красками, которые сообщаются ему искусным слиянием наречий старинного и нового, книжного и устного». В этой краткой статейке я вовсе не намерен разбирать, *необходимо* ли, для разнообразия современной речи, употреблять *старинные* слова и старинное *книжное* наречие. По моему мнению, давно уже изложенному, старинная русская письменность есть подражание церковному языку, созданному из наречий болгарского и сербского. Таким языком никогда не говорили на Руси, и это был язык *условный*, или *книжный*. Каждый писатель, в старину, умышленно старался отдаляться от изустного наречия и приближаться к языку *книжному*, или *условному*, составленному южными и юго-западными славянами. Это был обычай. По моему мнению, в нынешнее время должно писать так, как *правильно* (NB правильно!) говорится на великороссийском наречии. Так писали Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Пушкин и лучшие наши поэты и прозаики. И поэтому многие из

русских писателей, современных П. А. Катенину, не соглашались с ним насчет введения старинных слов и оборотов, находящихся в церковных книгах и старинных русских летописях, в новый русский гражданский язык. Вот и вся причина литературных недоразумений и распрей, по случаю выхода в свет, в 1832 году, «Сочинений и переводов» П. А. Катенина, в двух частях. В этом собрании помещены: 1) «Пир у Иоанна Безземельного»; 2) отрывок из комедии «Вражда и любовь»; 3) четвертое действие из трагедии «Горации», четвертое действие из трагедии «Медея», рассказ Терамена из «Федры», три отрывка из «Гофоллии». Прочих переводов П. А. Катенина и собственных его сочинений, прежде изданных, равномерно как и прозы его, нет в этом собрании сочинений, и потому издание неполное [300]. На счет содержания пьес П. А. Катенина никогда не было спора, и все в этом отношении признавали их достоинство. Спорили только о словах, т. е. о введении старинных или устарелых слов в новый русский гражданский язык, признавая заслуги П. А. Катенина в русской литературе и отдавая полную

справедливость его полезной деятельности. В 1833 году Императорская Российская академия (которой председателем был известный любитель и поборник церковного языка и вообще всех славянских языков адмирал Александр Семенович Шишков) избрала П. А. Катенина в число своих действительных членов, и он в том же году вступил снова в военную службу и отправился на Кавказ, поступив в Эриванский карабинерный полк. В 1836 году он назначен был комендантом в крепость Кизляр, и чрез два года вышел в отставку с чином генерал-майора и поселился снова в своей деревне, где и кончил свою полезную и трудолюбивую жизнь, в продолжение которой заслужил почетное имя и в военной службе, и в русской литературе.

По смерти П. А. Катенина один из близких его родственников сообщил мне его стихотворение, написанное незадолго до его кончины. Это была *элегия*, в которой покойный, описывая старое дерево, уже лишшающееся жизненных сил, намекал на свое положение. Я намеревался напечатать это прекрасное стихотворение в «Северной пчеле», но желал при этом

сообщить биографические известия о жизни поэта и потому обратился к его старинному другу, В. А. Каратыгину. Он взял у меня стихотворение покойного П. А. Катенина, обещал собрать все материалы для его биографии, но этим и кончилось дело! Занятый своею службою, В. А. Каратыгин не мог в скором времени удовлетворить моего желания – я ждал, а между тем умер, почти внезапно, и В. А. Каратыгин! Прекрасное стихотворение не отыскано в бумагах покойного [301]. Искренно сожалея о потере этого стихотворения, я чрезвычайно благодарен П. А. Плетневу за биографический очерк П. А. Катенина, доставляющий мне случай выразить мое искреннее уважение к писателю, любившему пламенно русскую литературу и оказавшему ей значительные услуги. П. А. Плетнев в своем биографическом очерке упомянул о твердом и благородном характере П. А. Катенина, о его живом воображении (стр. 22) и сказал, что «он был поэт не только в стихах, но и в разговорах и в действиях». Все это совершенно справедливо. П. А. Катенин был честен и благороден во всех своих поступках, храбр в боях, приятен в бесе-

дах, но иногда пламенное воображение увлекало его в литературных спорах, когда пытались опровергнуть его литературное мнение на счет так называемой классической литературы, которой он строго придерживался, и на счет русского языка, в который он желал ввести старинные формы и устаревшие слова. Впрочем, П. А. Катенин никогда не переступал за черту вежливости и деликатности, которыми отличается человек благовоспитанный. Словом, П. А. Катенин оставил по себе память на трех поприщах, на которых он действовал, память храброго и расторопного офицера, отличного литератора, честного человека и доброго помещика. Этого довольно! [302]

[А. А. Дельви́г] [303]

<...> В № 1 «Современника» на 1854 год бросилось мне в глаза прежде всего: «Дельви́г, статья третья. Соч. В. П. Гаевского» [304]. Мы вовсе не знаем почтенного автора этой статьи, но из существа ее заключаем, что он писал по слухам и по известиям, напечатанным в современных журналах, но сам не находился в литературном кругу той близкой к нам эпохи, которую описывает, и потому можем

смело сказать, что эта *блистательная эпоха* нашей литературы представлена автором в не надлежащем свете, а действовавшие в ней лица поставлены вовсе не на тех местах, которые они занимали в литературном кругу [305]. Удивляюсь только терпению и трудолюбию автора, который перечитал множество журналов, хрестоматий, альманахов и т. п. для составления своей статьи! Труд истинно исполинский! Скажу вкратце мое мнение об этом труде.

Барон Антон Антонович [306] Дельвиг, воспитаник Императорского Царскосельского лицея, был очень добрый малый, веселый собеседник приятельских пирушек, человек с талантом, хотя и весьма ограниченным, и главное – задушевный друг *первого русского поэта* А. С. Пушкина, друг и товарищ Пушкина от детства, по лицею. Эта дружба, которую со стороны Пушкина можно назвать даже слабостью, доставила Дельвигу известность в литературном кругу и некоторое значение в современной литературе. Но как о поэте, о Дельвиге можно только приятно вспомнить в истории литературы. Мелочные его стихотво-

рения написаны гладко, как и все, что тогда выходило из-под пера современников Пушкина, но не заключают в себе ни глубоких мыслей, ни сильных ощущений, ни ярких картин. Песенки, послания, куплеты, эпиграммы и другие стихотворения Дельвига – мелкие вкусные конфеты, но не крепительная пища для ума и сердца. Такую огромную и старательную статью можно было бы написать только о Карамзине, Державине и т. п., а не о бароне Дельвиге, которого все, знавшие его лично, приятно вспоминают как доброго и умного человека, но вовсе не как гениального поэта, которого, так сказать, каждый шаг, каждое движение, каждое слово дорого для потомства. В этом невольно сознается и сам автор статьи (на стр. 12). Излагая содержание письма Пушкина к Дельвигу, автор статьи говорит: «Он (т. е. Пушкин) называет Дельвига талантом прекрасным и *ленивым* [307], спрашивает, долго ли он будет шалить и разменивать свой гений “на серебряные четвертаки” [308], и, находя, что поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая – истинный удел Дельвига, – *зablуждение, объ-*

ясняемое только пристрастием дружбы[309], – советует ему написать своего “Монаха” [310], умертвить в себе ветхого человека, но не убивать вдохновенного поэта»[311].

В примечании к стр. 15 автор статьи говорит: «Оговорка эта может служить доказательством равнодушия Пушкина к журнальным мнениям». Утверждаю, на основании личного знакомства с Пушкиным и целой кипе его писем ко мне, что никто более Пушкина не дорожил и не огорчился журнальным мнением! На меня, нижеподписавшегося, который находился в литературном кругу тогдашней эпохи и бывал во всех домах, где собирались литераторы[312], автор статьи ссылается *много раз*, т. е. на мои напечатанные рассказы[313], однако ж я должен сказать, что литературное общество у А. Ф. Воейкова[314] описано иначе нежели как было, и лица, которые, по словам автора статьи, украшали собою вечера А. Ф. Воейкова, в то время вовсе ничего не значили ни в свете, ни в литературе. Литературное общество у С. Д. П.[315], которое автор статьи поставляет *рядом* с собраниями у Карамзина, А. Н. Оленина[316] и

Александры Андреевны[317] Воейковой (лицетворенной музы!), – принадлежало к задней шеренге, или, как написал Воейков, к 15 классу[318]. Там не бывал даже ни один журналист, кроме А. Е. Измайлова! Автор статьи, весьма часто ссылаясь на *меня*, нижеподписавшегося, весьма не благоволит к моему слабому дарованию. Доказательства *езде*, и особенно на 33♦й стран[ице], в примечании. Приводя сонет Дельвига к С. Д. П. при посылке сочинения Булгарина «Воспоминания об Испании»[319], автор статьи говорит в примечании: «В “Полярной звезде”, во “Взгляде на русскую словесность” в течение 1823 года, напечатано (стр. 4–5) несколько слов о сочинении г. Булгарина, доказывающих, что оно имело в *свое время (!!!) некоторый успех, благодаря новости предмета и легкости изложения*». Это говорит автор статьи. Благодарю его покорно! Не желаю я большего для современной брошюры, как *легкости* в изложении и *современного успеха*, а статье о Дельвиге – предоставляю бессмертие и вечное торжество, как «Илиаде» Гомера! Каким образом автор статьи помещает Батюшкова в число дея-

телей литературной эпохи с 1819 до 1825 года, когда он совершенно уже исчез с литературного поприща[320], и каким образом издание альманахов «Полярная звезда» и потом «Северные цветы» приписывает *упадку* тогдашних журналов и *разладу* их с ходом тогдашней литературы??? Все это совершенно несправедливо.

В басне А. Е. Измайлова «Слон и собака» стихи Крылова:

*...в родню хоть толст
Да не в родню был прост[321],*

вовсе не намек на барона Дельвига, как утверждает автор статьи. Я знаю, на кого этот намек[322] – но не имею нужды объясняться. На стр. 42 напечатано: «*постоянным и желанным* гостем (т. е. у Александры Андреевны Воейковой) был В. А. Жуковский, *встретившийся* (??!) с ней еще в Дерпте, в 1815 году, и посвятивший ей свою “Светлану” и несколько других стихотворений». Замечу автору статьи, что В. А. Жуковский не *встретился* в Дерпте с Александрой Андреевной Воейковой, но *нарочно приехал жить в Дерпт*, в ко-

тором А. Ф. Воейков был профессором русской литературы в тамошнем университете. В семье А. Ф. Воейкова жила его теща, Катерина Афанасьевна Протасова (урожденная Бунина), сестра Жуковского, и другая дочь ее, Мария Андреевна Протасова, вышедшая замуж за профессора Мойера[323]. Когда А. Ф. Воейков поселился в Петербурге, В. А. Жуковский был не *гостем* у него, а жил в одной квартире[324]. На стр. 16 статьи, в примечании, между прочим напечатано: «Опечатки, обесмыслившие эти два стихотворения, так беспокоили Пушкина, что он просил г. Булгарина поместить их в надлежащем виде в издававшихся г. Булгариным “Литературных листках”, где оба стихотворения и были напечатаны в 1824 году, № IV, стр. 134 и 135. Они были доставлены г. Булгарину при письме Пушкина от 1 февраля 1824 года, из Одессы [325]. Это *неизданное и любопытное письмо* было сообщено нам в *копии*, но мы не считаем себя вправе напечатать его теперь, не имея на то согласия г. Булгарина».

Возражаю во всеуслышание: А. С. Пушкин писал письма всегда в *один присест, наскоро*

и никогда не оставляла у себя копий этих мимолетных импровизаций. Я же никому не давал копий с письма ко мне Пушкина. Каким образом копия письма Пушкина ко мне могла попасть к сочинителю статьи о Дельвиге??!

Меня же, Ф. Булгарина, никто не спрашивал о подлинности письма и о позволении напечатать его! Иной подумает, будто меня спрашивали, а я отказал. У меня находится в собрании автографов целый пук писем А. С. Пушкина[326], из которых я и напечатаю некоторые, если Господу Богу угодно будет продлить жизнь мою до того тома моих «Воспоминаний», в котором будут изложены литературные мои отношения. Оканчиваю мое суждение о статье о Дельвиге.

[Н. М. Языков] [327]

Вот умер и Языков, на сороковом году возраста! Два литератора говорили о нем на его свежей могиле: г. Губер, в Петербурге (в № 5 Ак[адемических] в[едомостей][328]) и г. профессор Шевырев, в Москве, в «Московском городском листке»[329], и оба не сказали ничего определительного. Г. Губер, по случаю смерти Языкова, высказал несколько мыслей о про-

плом и настоящим состоянии нашей литературы, назвал Языкова *сподвижником* Пушкина, вместе с Дельвигом и Баратынским, пожалел о положении поэта и художника, являющегося не вовремя (а NB все поэты и художники верят, что они *опередили* свой век), изложил несколько прекрасных истин на счет должного уважения к трудам и заслугам каждого литератора и заключил тем, что, говоря о Языкове, он (т. е. г. Губер) именно не хочет говорить о Языкове: Ergo: ex nihilo nihil est (т. е. следовательно, из ничего и вышло ничего). Г. Шевырев, напротив, *собственными стихами* Языкова хотел определить и литературное развитие, и характер Языкова как поэта и как человека. По нашему мнению, это самое неверное и даже обманчивое средство к определению характеристики человека и поэта. Вы возьмете *одни* отрывки, а я возьму *другие*, и характеристика выйдет двусторонняя. Особенно опасно это средство к изображению таких поэтов, каковы были Языков, Дельвиг и Баратынский, которые в своих стихах клепали сами на себя небылицы и принужденно представлялись певцами полных чаш, дев и

лени. Это были три божества, которых жрецами называли сами себя Языков, Баратынский и Дельвиг, назло благонамеренной критике, веря, что призвание поэта – *петь лень, вино и любовь!* Не вовсе чужд был этого предрассудка и Пушкин. В свое время мы были сильными противниками этой *любовно-винно-ленивой* школы и смело можем сказать, что много содействовали к обращению Пушкина на отечественные предметы, вопия громогласно, что поэзия должна приносить первые и лучшие жертвы пред алтарем живого Бога и Отечества[330]. Когда мы дойдем в наших «Воспоминаниях» до литературной эпохи[331], то приложим, в подлиннике, письма к нам Пушкина, и тогда самые противники наши удостоверятся в истине слов наших. То же самое говорили мы в глаза покойному Языкову, с которым познакомились в Дерпте, в 1828 году, где он доживал тогда свою студенческую жизнь. Познакомил нас друг Языкова, отличный художник-любитель, оригинально-умный и добрый старый дерптский студент и русский дворянин, Александр Дмитриевич Хрипков, который, окончив курс в Дерптском

университете, лет двадцать собирался выехать из Дерпта и никак не мог решиться оставить ливонские Афины, где все мы жили тихо, мирно и приятно, по поговорке – как у Христа за пазухой[332]. Языков долго не решился приходить в мое мирное и богоспасаемое[333] Карлово[334], на дружескую хлеб-соль, и по произведении следствия о таком отчуждении оказалось, что причиною этого была привычка развязывать галстух после обеда, а когда мы уверили его, что в кабинете можно не только снять галстух, но и фрак, Языков стал часто навещать нас в Карлове. Это маловажное обстоятельство – важная характеристическая черта! Языков точно любил полениться и понежиться, любил хороший стол и веселую беседу, но был притом добрый, благородный, добродушный человек и оставил по себе в Дерпте, где он жил лет десять[335], самые приятные воспоминания. Тогда было в Дерпте другое время. Многие жили в Дерпте по десяти и по пятнадцати лет, считались студентами и не посещали лекций. Языков также не весьма усердно посещал их и не сдал экзамена; но все же пребывание в

Дерпте было для него полезно. Он узнал немецкий язык и немецкую литературу, и если не изучил глубоко наук, то освоился с ними. Я уже говорил однажды, что кажется, будто дерптский воздух напитан ученостью, и даже не делая ничего, а только прислушиваясь к разговорам, в Дерпте можно приобрести некоторые сведения. Лежать, читать кое-что и писать стихи, когда поэзия навевала свои вдохновения, между сном и пищеварением, составляли существо жизни Языкова в Дерпте, и все лучшее написано им в эту эпоху. По выезде Языкова из Дерпта мы потеряли его из вида, и не знаем, где он жил, что делал и каким образом, будучи сильного и крепкого, геркулесовского сложения, впал в расслабление, которое заставило его искать исцеления за границею и потом свело в раннюю могилу. Но литературная его жизнь разделяется на две половины, точно так же, как и вышедшие поныне его стихотворения разделяются на два тома. Первый том издан в С. Петербурге, в 1833 году, второй в Москве, в 1845[336]. В первом томе Языков является удалым юношею, пламенным, живым, красноречивым поэтом;

во втором томе умным (а иногда даже и утомительным) стихотворцем, усталым и пресыщенным жизнью человеком, ни юношею, ни зрелым, ни стариком. Кажется, что по выезде Языкова из Дерпта пламя поэзии в нем угасло; остались одни искры.

Во всех странах, где растет виноград, нет столько вина, в Магометовом раю нет столько гурий и на всем Востоке нет столько кейфа, а в Италии *far niente* (т. е. лени), как в стихах Языкова. Все алмазы его поэзии надобно отыскивать между пенистыми чашами, черноокими девами и дремлющею ленью. Тошно и приторно, но зато если отыщешь алмаз, так он уж не поддельный и высокой цены! Много ли таких стихотворений у самого Пушкина, как Языкова «Ливония», написанная в Дерпте, в 1824 году, и напечатанная в первом томе (петербургского издания, 1833 г.) на стр. 117.

*Не встанешь ты из векового пра-
ха,
Ты не блеснешь под знаменем кре-
ста,
Тяжелый меч наследников Рорба-*

ха[337],
Ливонии прекрасной красота!
Прошла пора твоих завоеваний,
Когда в огнях тревоги боевой
Вожди побед, смирители Казани,
Смирялися, бледнея, пред тобой!

Но тишина постыдного забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черные дела опустошенья,
И доблести возвышенной дела...
Они живут для музы песнопенья,
Для гордости поэтава чела!

Рукою лет разбитые громады
[338],
Где бранная воспитывалась
честь,
Где торжество не ведало пощады,
И грозную разгорячало месть, —
Несмелый внук ливонца удалого
Глядит на ваш красноречивый
прах...
И нет в груди волнения живого,
И нет огня в безмысленных очах!

Таков ли взор любимца вдохнове-
нья,

*В душе его такая ль тишина,
Когда ему, под рубищем забвенья,
Является святая старина!
Исполненный божественной от-
рады,
Он зрит в мечтах минувшие века;
Душа кипит; горят, яснеют
взгляды...
И падает к струнам его рука[339].*

Вот истинное вдохновение! Таких стихотворений и еще выше по содержанию, как например: «Моя родина»[340] и т. п., есть много у Языкова; есть и стихи нежные и сладкогласные, трогаящие душу, как, например, на смерть А. А. Воейковой[341]. Нет никакого сомнения, что Языков родился поэтом и хотя не создал ничего великого, могучего, но все же ознаменовал свое существование незабвенными памятниками ума и чувства, и имя его, как тихая звезда, останется навсегда на горизонте нашей литературы. В житейском быту Языков был неприметною точкой. Почтенный г. Шевырев представил (в № 6 «Моск[овского] город[ского] листка») весьма любопытный документ, а именно послужной список Языкова. Это также поэзия и притом высокая!

Вот этот формуляр слово в слово: «Канцелярист Николай Языков поступил в Канцелярию Главного директора Межевой канцелярии 1831 года, сентября 12; 1832 года, сентября 17, за № 1757, представлен бывшим главным директором, сенатором Гермесом г-ну министру юстиции[342] о награждении его Языкова чином коллежского регистратора, а 18 ноября 1833 года, он, Языков, уволен, по прошению, от службы». – Обширное служебное поприще оставил *перед собою* Языков – да недалеко ушел на нем! – Не будь он поэтом, к нему можно было бы применить эпитафию И. И. Дмитриева:

*Жил, жил, и только что в газетах
Осталось: выехал в Ростов[343].*

Но теперь мы вспоминаем и о благородных качествах души, и о прекрасном характере, и о светлом уме поэта, и имя его становится почетным. Если б у Языкова были дети, и сын его пришел к нам требовать помощи именем отца-поэта, мы бы разделили с ним последний кусок хлеба!.. Жизнь в памяти лю-

дей – вот награда умного и благонамеренного писателя по смерти!

Новая наша критика жестоко и бесчужденно осудила поэзию Языкова[344], но эта критика истлеет, не оставив после себя следов, а имя Языкова останется навсегда в русской литературе в числе имен милых, умных и даровитых поэтов.

[Н. В. Гоголь] [345]

<...> Господин биограф <...> утверждает [346], что Гоголь, прожив год в Петербурге, определился на службу в Департамент уделов, заняв место столоначальника, но не прослужил в этом месте даже одного года[347]. Не знаю, по какому случаю господин биограф Гоголя, описывая величайшие мелочи, позабыл одно важное обстоятельство, которое я ему напому.

В конце 1829 или в начале 1830 года, хорошо не помню, один из наших журналистов [348], живший тогда в Почтамтской, в доме господ Яковлевых[349] (ныне А. М. Княжевича), сидел утром за литературною работою, как вдруг зазвенел в передней колокольчик, и в комнату вошел молодой человек, белоку-

рый, низкого роста, расшаркался и подал журналисту бумагу. Журналист, попросив посетителя присесть, стал читать поданную ему бумагу – это были похвальные стихи, в которых журналиста сравнивали с Вальтер-Скоттом, Адиссоном и так далее. Разумеется, что журналист поблагодарил посетителя, автора стихов за лестное об нем мнение, и спросил, чем он может ему служить. Тут посетитель рассказал, что он прибыл в столицу из учебного заведения искать места и не знает, к кому обратиться с просьбою. Журналист просил посетителя прийти чрез два дня, обещая в это время похлопотать у людей, которые могут определять на места. Журналист в тот же день пошел к покойному Максиму Яковлевичу Фон-Фоку, управлявшему III отделением Собственной канцелярии его императорского величества, рассказал о несчастном положении молодого человека и усердно просил спасти его и пристроить к месту, потому что молодой человек казался близким к отчаянию. Кто только знал покойного М. Я. Фон-Фока, тот умел ценить его добрую, благородную, нежную душу. Журналиста знал М. Я. Фон-

Фок еще в детстве, в родительском доме, быв сам молодым человеком и офицером в Легкоконном Харьковском полку, и потому охотно согласился помочь приезжему из провинции, и дал место Гоголю в канцелярии III отделения. Не помню, сколько времени прослужил Гоголь в этой канцелярии, в которую он являлся только за получением жалованья; но знаю, что какой-то приятель Гоголя принес в канцелярию просьбу об отставке и взял обратно его бумаги[350]. Сам же Гоголь исчез куда неизвестно! У журналиста до сих пор хранятся похвальные стихи Гоголя и два его письма (о содержании которых почитаю излишним извещать)[351]; но более Гоголь журналиста не навещал. Вот истина, которую можно подтвердить стихами и двумя письмами![352]

* * *

<...> Г. Гоголь, приехав в Петербург, явился к первому ко мне, с тетрадью «малороссийских повестей и рассказов», по названию родового села одного вельможи. <...> г. Гоголь весьма плохо знал язык великороссийский, что ваш покорный слуга и сказал ему в глаза,

когда прочел в рукописи «Вечера на хуторе». Надобно отдать справедливость покойному Гоголю: он знал, чему обязан своею известностью, даже знал настоящее достоинство своих сочинений, весьма был недоволен преувеличенными похвалами и отдавал справедливость своим критикам, которые никогда не отнимали у него таланта смешить своими рассказами и рисовать карикатуры.

* * *

<...> Я был действителем в литературе, когда Гоголь только начал писать, и хотя биограф его[353] умалчивает, но Гоголь явился к *первому ко мне* с рукописью «Вечера на Диканьке»[354], и я хорошо знаю степень образования Гоголя и его взгляд на литературу. В одной части сочинения моего «Воспоминания» и проч., которая может быть выйдет в свет лет через пятьдесят по моей смерти, я расскажу подробно, как и почему совершилось это чудо, а теперь приподнимаю только кончик завесы, за которою скрывается это происшествие.

Публика наша любит сатиру и насмешку, и в большинстве публики эстетическое чув-

ство, любовь к прекрасному и высокому или
выспреннему (l'amour du beau et du sublime)
еще не довольно развиты. В этом надобно со-
знаться. Однако ж, по словам самого г. Писем-
ского (Отеч[ественные] зап[иски]. Октябрь.
Отд. III. Стр. 60)[355], публика не сочувствова-
ла при появлении в свете сочинений Гоголя: «
Скучно и непонятно! говорили одни. *Сально и*
тривиально![356] повторяли другие. *Социаль-*
но-безнравственно! решили третьи. Критики
и рецензенты почти повторяли то же». Это го-
ворит г. Писемский! Каким же образом и пуб-
лика, и критики, и рецензенты вдруг переме-
нили мнение и стали превозносить то, что
прежде унижали? Вот сокращенный ответ. В
это время в литературе были люди, которые
писали статьи юмористические и критиче-
ские[357], и не хотели подчиниться рабски
литературной партии, называемой *москов-*
скою. В этой партии были люди с высокими
талантами; они прежде проживали в Москве
и переселились в Петербург в то время, когда
переехал сюда же Карамзин[358]. Каждый пи-
сатель имеет хотя малую долю самолюбия.
Новые сатирические писатели и критики за-

дели самолюбие членов *московской партии*, и они стали превозносить Гоголя, чтоб им, так сказать, затереть или уничтожить всякое влияние на публику новых непокорных юмористов и критиков. Гоголь, с появлением своего сочинения «Вечера на Диканьке», нашел ласковый прием в высшем кругу общества, а вследствие того покровительство и защиту у литераторов, которые посещали этот круг. Никого не называю. Ударили в набат и накликали славу Гоголю! Наша публика любит потешное, охотница похохотать, а малороссийский юмор Гоголя точно забавен, хотя иногда и является неумытым, небритым и непричесанным. Уверяли, что карикатуры Гоголя *народность*, и многие поверили, что на Руси есть такие люди, каких выводит на сцену Гоголь.

* * *

В главе изящной словесности (разумея под этим названием роман, повесть и рассказ или повествование) стояли, в самую блистательную эпоху литературы, Карамзин и Жуковский. Когда Карамзин занялся исключительно историею, а Жуковский поэзиею, начали

постепенно появляться беллетристы Карамзинской школы, т. е. школы, предписывающей чистоту языка и соблюдение литературных приличий. Пушкин появился поздно с своею прозою, но двумя своими повестями: «Пиковою дамой» и «Капитанскою дочкой», занял первое место после основателей нынешней прозы (т. е. Карамзина и Жуковского), а между тем на горизонте русской словесности появлялись, как звезды, отличные прозаические сочинения гг. Глинки (Ф. Н.), Загоскина, Лажечникова, Павлова (автора повестей), Перовского (автора «Монастырки» и «Двойника»), князя Одоевского, Масальского, Квитки (под именем Грицка Основьяненка), Кукольника и некоторых других. Три журналиста, Греч, Булгарин и Полевой, а впоследствии г. Сенковский, также действовали сами на поприще романа и повести. Литература разделилась на два стана, на петербургскую и московскую партии. Что в Москве почиталось совершенством, в Петербурге едва признавали недурным и обратно. Прения имели свою хорошую сторону. Писатели обоих станов были осторожны и друг перед другом старались ще-

голять если не изобретением, то изящностью форм. Так называемая московская партия существовала не в одной Москве, но и в самом Петербурге, и главою ее сделался Пушкин, действуя сперва в «Литературной газете» (барона Дельвига), а потом в «Современнике». Главная цель этой партии состояла в том, чтобы уничтожить влияние на литературу, сперва «Сына Отечества» и «Литературных листов» (изд[ававшихся] при «Северном архиве» [359]), а потом «Северной пчелы». Партия не достигла своей цели, но, после смерти Пушкина продолжая борьбу, принялась за другие средства, о которых сказано будет ниже.

За несколько лет до смерти Пушкина появился на поприще изящной словесности г. Гоголь, с собранием рассказов под заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки». Это бесспорно лучшее из всего, что написал г. Гоголь, и сочинению отдана была полная справедливость во всех журналах. Особый малороссийский юмор, свойственный только уроженцам Малороссии, верные очерки малороссийских нравов и занимательность рассказа, отличающие это сочинение, замечены были

всеми критиками, и г. Гоголь с первого раза поставлен был в число даровитых писателей. Не всем известно, что Диканька есть наследственная вотчина знаменитого рода Кочубеев, принадлежавшая еще врагу Мазепы[360]. Заглавием книги заменялось посвящение ее просвещенному вельможе, покойному князю В. П. Кочубею. В продолжение этого времени выступили на литературное поприще десятка полтора молодых людей, без *определенного опыта*, с полударованиями и полупознаниями, с огромными притязаниями на известность и даровитость, и с весьма малыми средствами. Им удалось основать журнал, в котором все они приняли деятельное участие[361]. Чтоб уничтожить влияние прежних писателей и критиков, они вознамерились отвлечь внимание публики от старых ее знакомцев и обратить это внимание на новых людей, чуждающихся всякого влияния и не действующих на поприще критики. Для этой цели избрали они г. Гоголя, против его воли и желания, и стали провозглашать его *первым русским* писателем, выше всех прежних, даже выше Карамзина, Жуковского и Пушкина, на-

звали его *основателем* новой школы и даже *современным русским Гомером*, а сказку его «Мертвые души» *современною русскою «Илиадою»*[362]. Эти средства удались в некоторых отношениях, и неразборчивые люди отчасти поверили этой забавной мистификации, но она более повредила, чем помогла г. Гоголю, потому что настоящая критика, для уничтожения мистификации, должна была обнаружить истину[363]. Критика доказала, что хотя г. Гоголь писатель с умом и дарованием, одаренный изобретательностью и воображением, но не обладает этими способностями в такой силе, чтоб мог быть основателем литературной школы, во-первых, потому что он весьма небольшой знаток русского языка; во-вторых, что он односторонен и видит в свете одно смешное или карикатурное, забавляет или занимает читателя одними картинами, не трогая его чувства, не действуя на сердце; в-третьих, что он вовсе не знает России и что во всех его рассказах видны одни малороссияне; в-четвертых, что картины его не изящны, т. е., что и в природе, и в гражданском обществе он ищет более грязной стороны и будто

не видит светлой; в-пятых, что картины эти, хотя и мастерски нарисованы, но неверны и списаны не с натуры, а созданы воображением автора, и наконец, в-шестых, что во всех сочинениях его нет высокой или выпренней идеи человечества. Место г. Гоголя в ряду писателей критика определила по заслугам не выше гг. Загоскина, Лажечникова, Павлова, Перовского и равных им, а в отношении к малороссийскому юмору рядом с ним поставила Квитку. На этом истинная критика остановилась, между тем как в некоторых журналах в течение осьми лет печатался *ряд статей о Гоголе*, в которых говорили всегда одно и то же, провозглашая, назло всем мыслящим людям, что он *первый* русский писатель, основатель новой школы и Гомер нашего времени!

[364] Вот краткая история всей нашей литературы в течение двадцати пяти лет.

[ВОСПОМИНАНИЯ О КНИГОПРОДАВЦАХ И ИЗДАТЕЛЯХ]

Воспоминание о добром книгопродавце, московском купце Василье Алексеевиче Плавильщикове, содержателе типографии, книжного магазина и библиотеки
для чтения [365]

Августа 14-го дня 1823 г.[366] скончался в С. Петербурге, на 56-м году от рождения, всеми любимый и уважаемый В. А. Плавильщиков. Сие имя прославил на русской сцене и в литературе старший брат его, Петр Алексеевич[367], отличный актер и сочинитель многих театральных пьес, заслуживший любовь публики и внимание императрицы Екатерины II. Покойный Василий Алексеевич равно любил словесность, как и брат его, но, не чувствуя в себе довольно способностей, чтобы следовать его примеру, вознамерился сделаться посредником между публикою и сочинителями, избрав себе состояние типографщика и книгопродавца. Прибыв из Москвы в С. Петербург лет 30 тому назад, он сперва взял

на откуп губернскую, а после театральную типографию, и завел книжную торговлю в Гостином дворе. Видя недостаток средств к распространению охоты к чтению и удовлетворению оной между небогатыми людьми, Плавильщиков решился устроить библиотеку для чтения русских книг, по примеру иностранных сего рода заведений[368]. Между частными людьми ему принадлежит слава *первого основателя* сего полезного учреждения в России. До открытия его библиотеки, воследовавшего 10 сентября 1816 года, книги для чтения можно было получать по неопределенному условию из книжных лавок, не по выбору читателей, но по воле книгопродавцев, обыкновенно из числа книг испорченных или устаревших. В. А. Плавильщиков при своей библиотеке имел и типографию и занимался изданием полезных и учебных книг; так, например, он издал: «Курс математики» Лакроа, «Всеобщую историю» Шрека, грамматики латинскую и малороссийскую, «Римскую историю» Гольдсмита, сочинения к[нязя] И. М. Долгорукова, «Рассуждение о старом и новом слоге» А. С. Шишкова

[369] и проч.

Плавильщиков вел жизнь деятельную, но скромную и единообразную, а потому она небогата приключениями и анекдотами, которые в глазах публики составляют занимательность жизнеописаний. Жизнь его исполнена добрыми делами христианского благочестия и примерами честности и благотворительности, которые имеют достоинство пред лицом Всевышнего и будут повторяться в молитвах – а не в книгах!

Мы видели заслуги Плавильщикова в области просвещения; не станем говорить о его частной жизни, в продолжение коей он своею честностью, любезностью и просвещенным умом снискал друзей и почитателей, пребывших ему верными до пределов гроба, но мы должны упомянуть в пример его собратиям о его поведении в торговых сношениях и оборотах. Плавильщиков никогда не задерживал, под разными предлогами, чужой собственности, напротив того, охотно делился своею с друзьями и литераторами. Он не промышлял мелкими средствами под пышною вывескою; без верных способов не предпринимал огром-

ных изданий и делился, но не присваивал себе чужих выгод. Его магазин представлял тихий кабинет муз, где собирались ученые и литераторы делать выправки, выписки и взаимно совещаться, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры. С поведением хозяина сообразовались посетители, и в его магазине не произошло никогда ни одного неприятного случая. Все почти литераторы безденежно пользовались его библиотекою, и почтенный Плавильщиков, имея всегда в виду полезную цель оной, на смертном одре изъявил волю, чтобы она по его кончине оставалась на прежнем положении. На погребении сего честного книгопродавца, последовавшем 17 августа, присутствовали почти все литераторы и любители российской словесности, и оплакивали его кончину. Мы поставляем себе приятною обязанностию от имени всех друзей покойного Плавильщикова изъяснить душевную благодарность почтенным и отличным врачам сей столицы О. О. Реману, С. Ф. Гаевскому, Н. Ф. Арендту и И. Я. Геннингу, которые по первому призыванию друзей по-

койного немедленно явились на помощь страдавшему и к облегчению его употребили все свое искусство, увы, бессильное противу непреложных законов природы!

При сей невозвратной потере одно утешение остается для друзей Плавильщикова и любителей отечественной словесности: его библиотека и книжная торговля остается в прежнем виде и на прежнем основании. А. Ф. Смирдин, заведовавший вполне делами Плавильщикова при его жизни, часть библиотеки получил по духовному завещанию, а остальное приобрел от наследников и возвысил достоинство сего заведения и добрую его славу своею предприимчивостию и честностью в оборотах. Цветущее состояние книжной торговли, типографии и библиотеки, основанных Плавильщиковым, есть лучший для него памятник. За сие друзья просвещения и Плавильщикова обязаны г-ну Смирдину.

[А. Ф. Смирдин] [370]

Было золотое время для русских книгопродавцев (покоящихся уже в могиле), когда они наживали каменные дома и огромные капи-

талы изданием сонников, песенников, гада-
тельных книг, письмовников, всеобщих
стряпчих и секретарей, и жизнеописаний из-
вестных воров и мошенников, каковы были
Ванька Каин и Картуш[371]. Книгопродавцы
имели свою ватагу, составляемую из недо-
учившихся и праздношатающихся усердных
поклонников Бахуса[372]. Их набирали для
работы и щедрою рукою выплачивали по пя-
ти рублей ассигнациями за печатный лист
перевода и по десяти рублей ассигнациями за
печатный оригинальный лист. Истинные, да-
ровитые литераторы печатали свои сочине-
ния на собственный счет или на счет доста-
точных покровителей литературы, которых
тогда было много. Важнейшие иностранные
сочинения переводились и печатались на
счет правительства или также на счет меце-
натов. Книгопродавцы только продавали вы-
шедшие в свет книги, побирая от 50 до 20 про-
центов за комиссию, и не входили в дела с ли-
тераторами. За особенное счастье почитал
литератор, если книгопродавец, напечатав
его сочинение или перевод в свою пользу, да-
рил автору несколько экземпляров! Н. И. Греч

в своем «Опыте краткой истории русской литературы» (издание 1822 г., стр. 203) рассказывает, что Костров предлагал книгопродавцу перевод остальных шести песней «Илиады» и что «варвар не давал за них более полутора ста рублей (ассигнациями), и оскорбленный поэт бросил их в огонь»[373].

Прошло много времени, и никто не полагал, чтоб книгопродавцы стали когда-либо действовать по-европейски в литературе, и вдруг, в двадцатых годах, разнесся слух, что молодой книгопродавец Александр Филиппович Смирдин, приняв книжную торговлю после Плавильщикова, по его завещанию, купил у И. А. Крылова его басни за 40 000 рублей ассигнациями[374] и платит по червонцу за каждый стих А. С. Пушкина! Можно себе представить, какой поднялся шум в литературном мире! В Петербурге, в Москве, внутри России никто не хотел верить этой баснословной вести. Кто таков этот Смирдин? что это за человек? – спрашивали повсюду. А вот кто был этот Смирдин.

С 1807 г. он находился в книжной торговле, сперва мальчиком, потом приказчиком, впо-

следствии управляющим всею торговлею Плавильщикова, который, чувствуя приближение своей кончины, призвал к себе двух старинных своих приятелей литераторов, И. И. Ястребцова и В. М. Федорова, и при них сделал завещание, которым отказал своему приказчику Смирдину, за его *честность* и истинную любовь к литературе, весь свой книжный товар, с некоторыми условиями на счет своей родни, и Александр Филиппович Смирдин стал самостоятельным книгопродавцем. Первою его мыслью и первым делом было — двинуть русскую литературу и дать ей ход. Само по себе разумеется, что каждый недостаточный человек посвящает свое время и труды тому, что доставляет ему и его семейству честное пропитание. Произведения словесности, составленные *на досуге*, в промежутки между главными занятиями жизни, всегда носят на себе печать *недосуга*. Карамзин посвятил всю свою жизнь, всю свою деятельность литературе, и он у нас образцовый писатель (не во гнев будь сказано натуральной школе). В. А. Жуковский воспевал славу русскую, *во стане русских воинов*, в буквальном

смысле[375], т. е. повсюду и всегда занимался литературою. Но на что тут примеры, когда во всех странах мира, в древние и новые времена, принято за аксиому, что литература требует от своих сынов жертвования всей их жизни и всего их времени! Dulce est et decorum labore honesti victum comparare[376]. Щедрым и благородным возмездием за труды А. Ф. Смирдин вознамерился привлечь все дарования, все способности на поприще литературы – и успел в этом. Русская литература быстро возвысилась. У меня нет места в «Пчелке»[377] для исчисления всего, что издал Смирдин, с приличным возмездием за труды писателям. «История» Карамзина, сочинения Жуковского, Пушкина, Батюшкова, Козлова[378], словом все, что было и вновь появлялось лучшего в стихах и прозе, в течение двадцати лет, издано Смирдиным. Мало этого: он вознамерился соединить труды всех русских писателей и основал журнал «Библиотека для чтения», в котором, в первые и славные годы его существования, участвовали своими трудами все без исключения русские писатели[379]. Дело не пошло – не по ви-

не Смирдина! Потом он соединял труды всех русских писателей в своих превосходных изданиях «Сто русских литераторов» и «Новоселье»[380]. Одним словом, Смирдин сообщил литературе русской жизнь и движение, и во время своей деятельности приобрел общую любовь, неограниченную доверенность и уважение всех русских литераторов и любовь публики. Редкий пример в целом мире, единственный в России!

Богатые издания и предприятия, вследствие чужих советов, поручительства за других, несостоятельность многих книгопродавцев и разные неудачи, истощив капитал Смирдина, заставили его прибегнуть к займам, чрезвычайно обременительным, и огромная книжная его торговля кончилась книжною лотереею, дозволенною отеческим нашим правительством доброму, честному и полезному человеку[381]. Изменились обстоятельства Смирдина, и все изменилось. Никогда не хотел Смирдин, возросший в кругу истинных литераторов, быть глашатаем и производителем так называемой *натуральной школы*, и теперь, приближаясь к старости, он

вознамерился окончить свою полезную деятельность делом колоссальным, в полном смысле патриотическим – сооружением нетленного памятника русскому уму и русскому чувству, проявившимся в литературе народной, и предпринял издание «Полного собрания сочинений русских авторов»[382].

[В. В. Логинов] [383]

Здесь получено известие, что в Москве умер скоропостижно (4 февраля) весьма замечательный человек в русском книгоделии, Василий Васильевич Логинов, лет пятидесяти от рождения. Он имел в Москве свою типографию, книжную лавку, библиотеку для чтения, литографию и гравировальню. Более пятисот человек русских мужичков разносили и развозили по всему Русскому царству русские книги и картинки, принадлежащие Логинову. У него был в ведении особый класс писателей и граверов, работавших по его заказам. Например, «Иван Выжигин» имел успех[384], и в Москве тотчас появилась книга «Семейство Ивана Выжигина»[385]. Повести Александра Марлинского приняты были хорошо публикою[386], и в Москве появились немед-

ленно: Новые повести А. М.[387] И все это укладывалось на возы или в коробки, и кружило по всей России, по усадьбам, по уездным и заштатным городам. Парижские карикатуры, портреты великих мужей, военные сцены и т. п. немедленно переделывались в гравировальном заведении г. Логинова, раскрашивались и пускались в ход в новом виде. Покойный Логинов был последним прибежищем для петербургских и московских книгопродавцев. Они обращались к нему, как мусульмане обращаются к имаму Мекки, только не за пастырским наставлением, а за ходячею монетою. Не пошла книга, марш в Москву, к В. В. Логинову, и он покупал книги, большею частью на вес[388], и рассылал по России с красноречивыми объявлениями, сочиняемыми его писателями. Не знаем, издал ли что покойный Логинов замечательное[389], как А. Ф. Смирдин, покойный И. В. Сленин и нынешний деятель в нашей литературе М. Л. Ольхин, но знаем, что огромная типография, литография и гравировальное заведение г. Логинова были всегда завалены работою. Он доставлял умственную пищу читателям пятна-

дцатого класса (как выразился некогда покойный А. Ф. Воейков)[390]. Почти все простонародные сказки, сонники, песенники и т. п. выходили с фабрики г. Логинова, доставлявшего работу и занятия более тысячи человекам и сильно поддерживавшего бумажные фабрики. Миллионы рублей перекатились через руки покойного Логинова в течение его деятельной жизни. Не наше дело знать, сколько из этого осталось, но из тысячи его изданий в литературе не останется ничего. Все же покойный Логинов заслуживает благодарность за то, что, рассылая книги по России, многих научил читать и во многих возбуждал охоту к чтению, а случается, что начинающий «Бовою Королевичем»[391] кончит «Историей» Карамзина. Только бы читали!

[И. П. Песоцкий] [392]

<...> Я вспомнил об «Экономе», за который мне нет покоя ни днем, ни ночью, а вот человек, предложивший мне основать его, уже в могиле! Говорю об Иване Петровиче Песоцком, которого большая часть русских читателей почитала писателем и журналистом. Он был не писатель и не напечатал трех строк в

жизни[393], не был журналистом, как мы понимаем это звание, веря, что журналистом может быть только литератор. Иван Петрович Песоцкий был добрый, любезный человек и издатель чужих сочинений, то, что по-французски называется *éditeur*, т. е. он покупал у авторов их литературные труды и издавал или отдельно, или в принадлежавших ему журналах, состоявших под редакциею литераторов. Песоцкий имел неограниченные качества издателя, а именно: любовь к литературе и уважение к литераторам, и притом много изящного вкуса или, правильнее, чутья. Ему не доставало безделицы: столько денег, сколько нужно было, чтоб двинуть литературу. Это маленькое обстоятельство затрудняло ход его предприятий и подрывало крылья его предприимчивости. Отец Песоцкого, честный московский купец, лишился большей части своего достояния во время нашествия французов. Последнее отдал он своим кредиторам, хотя и мог бы утаить оставшийся капитал, и остался беден. Иван Петрович Песоцкий воспитывался в Московском коммерческом училище и по выходе оттуда

продолжал вести дело отца своего, но недолго. Связи его с некоторыми московскими литераторами увлекли его на литературное поприще, и он вознамерился сделаться издателем книг. В начале тридцатых годов Песоцкий переехал в Петербург, почти в одно время с некоторыми московскими литераторами и литературными спекуляторами. Он начал свою деятельность печатанием театральных пьес и небольших сочинений[394], и потом выхлопотал позволение основать «Репертуар русского театра»[395], издания полезного и почти необходимого, если б оно было *специальное*, как советовали Песоцкому многие опытные литераторы. Но, вошед в разряд обыкновенных литературных периодических изданий, «Репертуар» не мог выдержать их совместничества. Песоцкий передал его Ф. А. Кони, нынешнему его редактору, который переименовал «Репертуар» в «Пантеон», основанный им прежде с книгопродавцем В. П. Поляковым и слитый потом с «Репертуаром» [396]. После того Песоцкий предложил мне основать «Эконом, общепользную хозяйственную библиотеку», на что я и согласился, по

любви моей к сельскому хозяйству[397]. Польза «Эконома» доказывается его успехом, а между тем даже и «Литературная газета», принадлежащая г. Краевскому, и «Сын Отечества», бывший под редакциею К. А. Полевого [398], переняли программу «Эконома» и начали толковать о *сельском и женском хозяйстве!* Не упоминаю о множестве книг и книжек, изданных Песоцким, потому что не имею под рукою материалов[399]. Довольно вспомнить о важном и истинно народном. Так, например, он предпринял издание «Русских песен», с словами, мелодиею и вариациями на них для фортепиано, поручив редакцию двум известным музыкантам: народному композитору г. Варламову и ученому знатоку музыки г. Кажинскому[400]. Цена изданию положена была самая дешевая, в той надежде, что каждое образованное русское семейство захочет иметь народные русские песни с мотивами и вариациями; но надежда Песоцкого не оправдалась. Хладнокровие образованного сословия к этому изданию было причиною его остановки. Почти та же участь постигла другое издание Песоцкого, в полном

смысле народное и столь же высокое по идее, сколь прекрасное по исполнению, а именно издание: «Император Александр I и его сподвижники в 1812–1814 годах». Главную редакцию принял на себя знаменитый наш военный историк, генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский, а для рисования портретов на камне Песоцкий пригласил из Парижа одного из лучших тамошних рисовальщиков. Дело выполнено превосходно: Песоцкий надеялся на поддержку со стороны публики – и снова обманулся в своих ожиданиях. Подписка не вознаграждала издержек по изданию, и оно перешло в другие руки. Скажем мимоходом, что теперешний издатель ведет дело также отлично, и должно надеяться, что наконец издание, предпринятое во славу храброго русского воинства и великого его вождя, найдет доступ к русскому сердцу, особенно в нынешнее время, когда слава прошедшего времени, основанная на вере и верности, должна руководствовать нас в будущем[401]. О «Литературной газете» нечего упоминать. Она беспрерывно переходит из рук в руки [402].

За два года пред сим Песоцкий вздумал лечиться от ревматизма в ногах паровыми ваннами из сильных веществ, употребил их чрезмеру и расстроил не только нервы, но и мускулы, и лишился употребления ног. Болезнь сообщилась всему организму, и он скончался нынешним летом. Песоцкий был добрый малый, в полном смысле этого слова, весельчак, услужлив в высочайшей степени, благодарен за каждое добро, и если б судьба наделила его богатством, то он верно сделал бы весьма много полезного для отечественной литературы, которую любил страстно. Впрочем, все высокие искусства действовали сильно на его душу. Он любил музыку, живопись и скульптуру. Особенно музыка составляла его высокое наслаждение. Н. А. Полевой искренно любил Песоцкого, который предан был ему душевно. Превосходный наш водевилист Ленский также любил Песоцкого и написал для него и на него много прекрасных и остроумных куплетов, которые Песоцкий сам певал в обществах. В холостой беседе Песоцкий был золотой человек! Впрочем, едва ли кто помянет его иначе, как добром. Могли случаться

неточности в делах, – но в коммерческом мире иногда и добрый человек попадает в необходимость не сдержать слова. Зло в умысле или в разврате. Иные, отложив в сторону мясо, бросают кости кредиторам или проматывают чужое достояние. Песоцкий, напротив, отдавал все, что имел, и если б публика поддержала некоторые из его прекрасных предприятий, то все, имевшие с ним дела, были бы довольны. Из трудовой копейки он поддерживал свое семейство, престарелую мать, пекся об образовании меньшего брата и никогда не отказывал бедному. Деятельность его была баснословная. Когда он был здоров, весь день, с утра до ночи, был на ногах, посещая книжные лавки, типографии, литераторов, артистов, художников, и всегда был весел, любезен, забавен, невзирая ни на какие обстоятельства. Недавно один почтенный русский купец, посетивший меня в моем уединении, сказал мне: «Песоцкий умел влезть в душу человека!» – Это совершенная правда. На него нельзя было даже сердиться! Он умер лет тридцати шести или тридцати семи от рождения, следовательно мог бы еще долго

действовать. Последние годы его жизни и тяжкое время болезни услаждала жена его, милая и благовоспитанная француженка, отличная музыкантша. – Мне искренне жаль Песоцкого: он мог быть и полезным, и счастливым в жизни...

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛЬЕ АНДРЕЕВИЧЕ КАРАТЫГИНЕ

Он сын драматических артистов С. Петербургского театра, Андрея Васильевича и Александры Дмитриевны Каратыгиных, служивших в Дирекции Императорских театров с 1794 года по 1820 год. Андрей Васильевич занимал амплуа первых любовников в комедиях и выполнял роли, особенно в благородных комедиях, с величайшим успехом. Он скончался в 1831 году. Родительница Василья Андреевича, Александра Дмитриевна, живет и поныне, имея 76 лет от роду, и в свое время была знаменитою артисткою, тем же для драмы, чем была Катерина Семеновна Семенова для классической трагедии. Счастливая до сих пор мать, которая с удивительною христианскою твердостью перенесла самый же-

стокий удар судьбы, воспитала четырех сыновей: Александра, Василия, Владимира и Петра, и дочь Елисавету (в замужестве за Евгением Макаровичем Семеновым).

Василий Андреевич родился 26 февраля 1802 года. Первоначально он воспитывался в Горном корпусе и кончил свое образование в гимназии. Родители назначили его в гражданскую службу, и он определился во Временный департамент внешней торговли, в 1817 году, где и получил первый офицерский чин. Страсть к театру была в нем, так сказать, врожденная, и отец его, видя в нем сценические способности, устроил домашний театр, на котором Василий Андреевич играл, следуя наставлениям отца. С семейством Каратыгиных был знаком в то время пламенный любитель драматического искусства, известный литератор и переводчик многих театральных пьес, Павел Александрович Катенин, служивший тогда капитаном лейб-гвардии в Преображенском полку. Он занялся сценическим образованием Василия Андреевича по господствовавшим тогда формам классической трагедии. Василий Андреевич вышел в отставку,

определился на службу в Дирекцию Императорских театров 3 мая 1820 года и в том же году дебютировал в «Фингале», трагедии Озерова, с большим успехом. Публика с первого раза увидела в нем признаки того гения, который должен был воскресить и поддержать русскую драму, клонившуюся к упадку после смерти Яковлева.

По окончании Отечественной войны и возвращении победоносных русских войск из Франции, лет десять сряду были самыми счастливыми и плодоносными годами в русской литературе. Возникло какое-то общее рвение к возвышению русской словесности на степень, равную с иностранною, и возродилась в публике любовь к литературе и к русскому театру. В это самое время Н. М. Карамзин издал девять томов «Истории государства Российского»[403], которая возбудила во всех сословиях привязанность ко всему отечественному и была, так сказать, кодексом русского слога. Для сцены трудились князь А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, Н. И. Гнедич, П. А. Катенин, Н. И. Хмельницкий, А. С. Грибоедов, А. А. Жандр, Ф. Ф. Кокошкин, С. И. Виско-

ватов и другие. В Петербурге занимались деятельно словесностью А. С. Шишков, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин (его поэма «Руслан и Людмила» вышла в свет в 1820 году), Н. И. Греч, Ф. Н. Глинка, А. Е. Измайлов, А. Ф. Воейков, П. А. Плетнев, В. И. Панаев, А. Х. Востоков, Н. Ф. Остолопов, Д. И. Языков, П. А. Никольский, М. Е. Лобанов, М. В. Милонов и множество других, о которых я не упоминаю. Литераторы сходились в Обществе любителей словесности и в Обществе соревнователей просвещения и благотворения, которое выдавало свой журнал[404]. Кроме того, у некоторых литераторов, особенно у журналистов, были еженедельно вечера, на которых проводили время в приятных беседах. Каждый вечер патриарх русской литературы, Н. М. Карамзин, принимал у себя знакомых ему литераторов, а у президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, А. Н. Оленина, собирались, каждое воскресенье, литераторы и художники. Граф Н. П. Румянцев, графиня Софья Владимировна Строгонова (сестра незабвенного вельможи, князя Дмитрия Владимировича

Голицына, бывшего московского военного генерал-губернатора), М. М. Сперанский и другие особы высшего разряда охотно принимали и покровительствовали литераторов, художников и артистов[405]. В это счастливое время и нижеподписавшийся вступил на литературное поприще (в 1820 году) и на следующий год познакомился с В. А. Каратыгиным, которого все литераторы любили, ласкали и ободряли на трудном его пути.

Еще повторяю – счастливое было время для литературы! Все литераторы и журналисты были знакомы между собою, и хотя иногда перестреливались в журналах, но сходились всегда дружески и старались, по возможности, помогать друг другу! В беседах с литераторами В. А. Каратыгин, кончивший курс своего образования на шестнадцатом году от рождения, приобрел вкус к умственным занятиям и тяжким трудом достиг до того, что наконец сам был отличным деятелем в литературе. В начале своего сценического поприща В. А. Каратыгин безвинно подвергнулся многим неприятностям. Н. И. Гнедич, который почитался тогда отличным декламатором, хотел

учить Василья Андреевича декламации, а князь А. А. Шаховской, который в то время имел самое сильное влияние на театр, желал присвоить себе честь быть учителем Каратыгина. Но Василий Андреевич, пока господствовала на сцене классическая декламация, придерживался наставлений П. А. Катенина, с которым остался дружен до конца своей жизни[406].

В классической трагедии Василий Андреевич особенно восхищал публику в роли Фингала (трагедии Озерова), в трагедии (Грузинцева) «Эдип-царь», в роли Ореста (в «Андромахе» Расина), в «Радамисте», в «Сиде» (Корнель), в «Димитрии Донском» (Озерова)[407] и других. Помню я, как театр, так сказать, трещал от рукоплесканий, когда В. А. Каратыгин произносил последний стих «Димитрия Донского»:

*Языки, ведайте, велик Российский
Бог!*

Казалось, гром и молния заключались в этих словах. А когда Василий Андреевич, в той же трагедии, отвечал с благородною гор-

достью на дерзкую речь татарского посла:

Татарин дерзостный, и проч.

рука невольно хваталась за саблю! Публика, одушевленная игрою В. А. Каратыгина, громогласными воплями изъясляла свой восторг!

Вообще в классической трагедии В. А. Каратыгин нисколько не уступал предшественнику своему Яковлеву[408] и, смело говорю, подходил в некоторых ролях к Тальме, которого я много раз видел в Париже[409], хотя Тальма имел за собою то преимущество, что играл трагедии Расина, Корнеля, Кребилиона и других *в подлиннике*, на языке утонченном и, так сказать, заполированном для классической трагедии, в которой иногда одна фраза доставляет торжество артисту, как, например, в «Горациях и Куриациях»[410]: «Qu'il mourût!...»[411]

Когда вкус в публике изменился и настала эпоха романтическая, на русском театре появились трагедии Шекспира и сродной ему немецкой драматической школы. Талант В. А. Каратыгина выказался в большем еще блеске

в свободном борении и столкновении страстей. Лучшие его роли в романтической трагедии и драме были Гамлет, Лудовик XI (в «Заколдованном доме»[412]), Карл Моор (в трагедии Шиллера «Разбойники»), Фердинанд (в драме Шиллера «Коварство и любовь»), в «Доне Карлосе» (Шиллера), граф Эссекс[413], Неизвестный (в драме Н. А. Полевого «Параша Сибирячка»), Бидерман (в драме того же автора «Смерть или честь»), Ломоносов, Ермак (Хомякова)[414], Нино (в драме «Уголино» Н. А. Полевого), Ляпунов (в драме Н. В. Кукольника «Скопин-Шуйский»), Пожарский (в драме того же автора «Рука всевышнего отечество спасла»), Денщик (в драме того же автора[415]), Ляпунов (в драме «Смерть Ляпунова» С. А. Гедеонова), Кузьма Рощин (князя А. А. Шаховского), Кин, Жорж де Жермани (в драме «Жизнь игрока»), Бенвенуто Челлини, Велисарий[416] и т. д. Пьесы, которые перевел и переделал сам В. А. Каратыгин и в которых он играл бесподобно в ролях, им самим избранных: «Лир», «Кин», «Замок Плесси-Летур»[417] (стихами, из Делавиня «Louis XI»), «Антоний» (Александра Дюма), «Бургграфы» (В. Гюго), «Ко-

риолан», «Нашла коса на камень» (комедия стихами), «Двое за четверых», стихами[418], и проч.

Я означил здесь роли, которые производили более впечатления на публику, но можно утвердительно сказать, что В. А. Каратыгин был хорош и даже неподражаем во всем, что только играл.

Жизнь артиста, так сказать, прикованного любовью к своей сцене, не может быть разнообразна и богата приключениями. В. А. Каратыгин женился в 1827 году, апреля 10-го, на дочери камер-музыканта и знаменитой в свое время балетной танцовщицы Колосовых, Александре Михайловне Колосовой, вступившей года за два пред тем на сцену, женщине высокого образования, обладавшей необыкновенным драматическим талантом. С тех пор, как существует русский театр, у нас не было такой артистки для высокой комедии, как А. М. Каратыгина, урожденная Колосова. Никто в таком совершенстве не играл ролей больших барынь, как она. В драме она также была у нас *первая*, в свое время. От этого брака родились четверо детей, из коих три сына

умерли в младенчестве. Осталась одна дочь, Евгения Васильевна, которая находится в замужестве за отставным полковником фон дер Паленом. В прошлом феврале (1853 г.) В. А. Каратыгин имел утешение крестить первого своего внука, который во святом крещении назван Васильем. Радостно провели мы у него вечер на крестинах и никак не думали, что вскоре в этом семействе воцарится вечное горе!

По истечении блистательной двадцатилетней службы в театральной дирекции В. А. Каратыгин, с женою и дочерью, отправился в первый раз в чужие края в 1845 году, и чрез полгода возвратился, в ноябре того же года. В другой раз В. А. Каратыгин ездил за границу в 1850 году и, отправившись в мае, возвратился в октябре.

Великих артистов уже не было в Европе, и присматриваться для науки было не к кому. С наслаждением припоминал В. А. Каратыгин о пребывании своем у знаменитого Рубини, в его вилле на берегу озера Комо[419]. В. А. Каратыгин подружился еще в Петербурге с добрым Рубини, который был то же в пении, что

В. А. Каратыгин в драматической игре.

В. А. Каратыгин был приятный собеседник в каждом образованном обществе, и в домашней жизни примерный сын, брат, муж и отец, прибавлю – и примерный друг. Кто пользовался его дружбою, тот испытывал это. Иные стыдятся признаваться, что испытали от людей добро, а я горжусь этим. При перестройке моего Карлова архитектурская смета оказалась недостаточною, и мне надлежало разложить на несколько лет работы, которые я намеревался кончить в два года[420], потому что требовалась значительная сумма денег, которой у меня не было в готовности. Я ни у кого не просил займы и решился подождать. Внезапно является ко мне В. А. Каратыгин с упреками, что я забываю своих друзей, не имею к ним доверенности и тем оскорбляю их. Я не догадался сначала, в чем дело. «Я знаю, – сказал Василий Андреевич, – что вам нужны деньги, что вы сокрушаетесь об этом, и, признаюсь, досажую, что вы мне не сказали! Вы знаете, что у меня есть кое-какие деньги в запасе, следовательно вам надлежало бы отнестись к первому ко мне! Сколько

вам нужно?» – Признаюсь, я ошаломел, молчал и уже на повторенный вопрос отвечал: «Десять тысяч ассигнациями!» – «Вот они!» – сказал Василий Андреевич, обнял меня, поцеловал и ушел поспешно, сказав, что торопится на пробу. На другой день я послал ему земное письмо, но Василий Андреевич возвратил мне надодранным и с надписью карандашом: «Между друзьями не считаются». Наконец, когда я возвратил ему деньги и стал благодарить, Василий Андреевич сказал: «Мне надобно благодарить вас, это вы доставили мне случай дать хоть малое доказательство моей к вам дружбы»[421]. Вот каков был В. А. Каратыгин с людьми, в привязанности которых к себе был уверен!

Высоко уважал талант В. А. Каратыгина и любил его, как умного и доброго человека, покойный Александр Сергеевич Грибоедов; по моему мнению, *образец* просвещенного европейца. Какие приятные минуты провели мы летом 1826 года, когда Грибоедов жил у меня на даче, в последнее свое пребывание в Петербурге (на Петербургской стороне, на берегу Невы, в доме г. Коссова). В. А. Каратыгин ино-

гда декламировал нам, и Грибоедову особенно нравились сцены из «Эдипа-царя»[422]. Язык Грузинцева хотя тяжел, но в трагедии его много истинно драматических положений, которые Василий Андреевич передавал чрезвычайно умно. Главное, что В. А. Каратыгин совершенно понимал то, что должен был выражать, и тем возвышал каждую роль, не упуская малейших ее оттенков.

Он простудился на Масленице, но уже больной играл еще дня четыре, полагая, что недуг пройдет. Развился жестокий тифус, и доктора, призванные за двое суток до его кончины, уже не могли спасти его. С 12 на 13 марта он отдал Богу душу.

Странно, что последняя роль, которую учил В. А. Каратыгин – роль генерала Прямыкова в пьесе «Последняя песнь лебедя»[423]. Последняя роль, которую он играл, уже больной, была – *Денщик*[424]. На другой день он должен был играть «Смерть Ляпунова» – но уже не мог и слег в постель – чтоб самому умереть!

В 1840 году В. А. Каратыгин получил пенсию в 4000 рублей ассигнациями. В 1842 году,

щедротами августейшего покровителя всех народных талантов, положено ему 3000 рублей серебром жалованья, а в 1845 году государь император еще благоволил прибавить 3000 рублей серебром; таким образом В. А. Каратыгин получал от монарших милостей 6000 руб[лей] сер[ебром] жалованья.

С тех пор, как существует Петербург, не видали еще таких похорон частного человека. Вся Благовещенская площадь, весь Благовещенский мост и набережная на Васильевском острове покрыты были народом, которого примерно было до 50 000 человек. Генерал-адъютанты, полные генералы, высшие гражданские сановники, литераторы и именитое купечество наполняли церковь, вынесли гроб, не позволили поставить его на дроги и понесли до самого Смоленского кладбища, куда сопровождала усопшего вся масса народа. Дам было множество, карет необозримый ряд. Гробовщикам нечего было делать: народ засыпал могилу пригоршнями. Повсюду видны были слезы и слышны были рыдания.

О своих чувствах не говорю! Я знал его — следовательно искренне любил!

Честь и слава русскому народу, который таким образом умеет воздавать последнюю почесть таланту! Это явный знак, что изящное проникло в сердца русские и что они благодарны тем, которые доставляли им высокое нравственное наслаждение. <...> Мир праху твоему, благородный человек и великий артист!

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА МИХАЙЛОВСКОГО-ДАНИЛЕВСКОГО

Предоставляю военным историкам оценить военные и гражданские заслуги покойного. Я скажу о нем только то, что знаю, и буду говорить, как литератор о литераторе, как человек, хорошо знавший покойного Александра Ивановича, с 1822 года.

Из рассказов покойного я знаю, что он родился в 1790 году; в 1848 году ему был пятьдесят девятый год от рождения; следовательно, если найдутся историки, которые вознамерятся спорить со мною о годе и дне рождения,

полагая всю важность жизнеописания в верности чисел и т. п.[425], – отвечать не стану [426]. Верю и верить буду более собственным показаниям уважаемого мною человека, нежели заугольным сведениям. Отец покойного, Иван Лукьянович, имел чин действительного статского советника и служил в Государственном заемном банке старшим советником, в звании, которое впоследствии переименовано в директорское[427]. Александр Иванович родился в Петербурге и был единственный сын у отца, который любил его страстно и нежил в высшей степени; это не нравилось другу отца Александра Ивановича, товарищу по службе, советнику банка Крюкову, человеку благородному, строгих правил, истинному христианину. Умирая, отец Александра Ивановича поручил единственное свое детище другу своему, Александру Семеновичу Крюкову[428], умоляя на смертном одре заступить сироте место отца. Александру Ивановичу был тогда семнадцатый год от рождения. Крюков дал слово и свято исполнил свое обещание. Взяв к себе в дом сироту, Крюков занялся и образованием его, и устрой-

ством оставленного отцом небольшого состояния. Будучи назначен вице-губернатором в Нижний Новгород, Крюков отдал своего питомца в Петровское училище[429], продал деревянный дом отца и вещи, взыскал долги и оставшийся капитал, в 85 тысяч рублей ассигнациями, положил в ломбард. Через полтора года Крюков переместил своего питомца из Петровского училища в Московский университетский пансион[430], на попечение знаменитого Антона Антоновича Прокоповича-Антонского, и в вакантное время[431] брал к себе в Нижний Новгород, где занимал уже место гражданского губернатора. Из Московского университетского пансиона А. С. Крюков отправил своего питомца за границу, в Геттингенский университет, для усовершенствования в науках и в иностранных языках. По возвращении Александра Ивановича из за границы Крюков поместил его на службу в Министерство финансов и отдал в полное распоряжение принадлежавший ему капитал, возросший от процентов до ста двадцати тысяч рублей ассигнациями. Немного на свете подобных опекунов!

На двадцатом году от рождения А. И. Михайловский-Данилевский записан был на службу канцеляристом в правление Государственного заемного банка (1801 год), произведен в коллежские регистраторы в 1803 и в губернские секретари 1806 года, и вышел в отставку в 1807 году, ноября 8-го, и награжден чином титулярного советника 29 января 1808 [года] уже по выезде за границу. До сего времени он только считался в службе, продолжая учиться. В феврале 1812 года он поступил уже в действительную гражданскую службу, в Канцелярию министра финансов помощником ученого секретаря, в прежнем чине губернского секретаря. Когда светлейший князь М. И. Голенищев-Кутузов назначен был начальником С.♦Петербургского ополчения, А. И. Михайловский-Данилевский вступил в ополчение в чине подпоручика и назначен был в должность адъютанта к знаменитому фельдмаршалу в начале августа 1812 года. О способностях Александра Ивановича свидетельствовал перед Кутузовым Михаил Андреевич Балугьянский.

Когда знаменитому Кутузову поручено бы-

ло главное начальство над всем русским воинством, А. И. Данилевский отправился с ним в армию и находился при его штабе, почти без всякого назначения, нося мундир ополчения[432]. Необыкновенный случай приблизил его к фельдмаршалу.

По дипломатической части, для иностранной переписки, находился при фельдмаршале известный сочинениями своими о Суворове Е. Б. Фукс[433]. Надобно было написать, без отлагательства, дипломатическую бумагу на французском языке. Была ночь. Фельдмаршал послал за Фуксом, но он не мог явиться к нему по нездоровью. Фельдмаршал спросил (кажется, у генерала Коновницына), нет ли при штабе человека, сильного во французском языке. Указали на А. И. Михайловского-Данилевского. Вот как рассказал мне покойный А. И. об этом обстоятельстве, открывшем ему блистательное поприще: «Я лежал в крестьянской избе, на попоне, имея чемодан вместо изголовья, и при свете воскового огарка (который я сохранил, как сокровище, в кармане) читал какую-то нелепую английскую брошюру противу Наполеона, веря, в из-

бытке моего патриотизма, во все клеветы и самую злую ложь, распространяемую тогда англичанами во всей Европе о Наполеоне. Является донской казак. “Здесь ли господин советник Данилевский?” – спросил казак. “Здесь”. – “Пожалуйста на совет к фельдмаршалу”. Товарищи все, – говорил А. И. Михайловский-Данилевский, – расхохотались и я с ними, однако ж я поспешно оделся и побежал в квартиру Кутузова. Доблестный старец сидел возле стола, покрытого бумагами и географическими картами. “Можешь ли ты, любезнейший, написать бумагу по-французски?” – спросил меня фельдмаршал. “Извольте испытать, кажется, могу”, – отвечал я. Фельдмаршал сказал содержание бумаги и примолвил: “Надобно, чтоб к рассвету было готово”. – “Исполню приказание, но прошу тихого уголка, бумаги и чернил, потому что нас человек десять в избе и письменных припасов нет вовсе”. Фельдмаршал велел мне поместиться в избе, занимаемой его канцелярией, и распорядиться по моему произволу. Когда фельдмаршал проснулся, я уже ждал у дверей с бумагою. Меня впустили. “Читай,

братец!» Я стал читать, поглядывая во время чтения на Кутузова, и заметил выражение удивления и удовольствия на его лице. “Этот ты состряпал в эту ночь?” – сказал фельдмаршал. “Не знаю, понял ли я вас и угодил ли”, – сказал я в сильном волнении. “Подойди ко мне поближе”. Я приблизился, и фельдмаршал взял меня обеими руками за голову, поцеловал в лоб и сказал: “Спасибо, спасибо, братец! Ты дельный человек и будешь полезен государю и Отечеству”».

Рассказывая это, А. И. Михайловский-Данилевский назвал число и название деревни, где это происходило, но и то и другое ускользнуло из моей памяти. Знаю только, что это было незадолго до Тарутинского дела[434].

Занимаясь письменными делами, А. И. Михайловский-Данилевский исполнял адъютантскую должность при главнокомандующем и вместе с штабом его участвовал во всех знаменитых битвах. И какие люди были тогда при Кутузове! Коновницын, Ермолов, Кайсаров, Толь, поэт (В. А.) Жуковский находились при лице знаменитого полководца. Иван Никитич Скобелев (ныне генерал от ин-

фантерии), глава русских инвалидов, народный военный писатель, был также в штабе Кутузова. От пронизательного ума Кутузова не укрывалось ни одно дарование, и он все способности, все качества, открываемые им в людях, направлял к одной цели – благу и славе Отечества.

За сражение при Бородине А. И. Михайловский-Данилевский награжден орденом Св. Анны 4-й степени, и за Тарутинскую битву, в которой он находился при дежурном генерале Коновницыне и ранен пулею в правую руку навывлет, орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Наконец, в 1813 году (в апреле), исполнилось пламенное желание А. И. Михайловского-Данилевского, а именно, он поступил в действительную военную службу и из ополчения переведен в чине штабс-капитана в Свиту его императорского величества по квартирмейстерской части (что ныне Генеральный штаб), и в том же году поступил в канцелярию генерал-адъютанта князя (ныне светлейшего) Петра Михайловича Волконского. Находясь при его светлости, А. И. Михайловский-Данилевский был с ним во всех сра-

жениях 1813 и 1814 годов: при Люцене (за которое сражение награжден золотою шпагою с надписью «За храбрость» и прусским орденом Военного достоинства), при Бауцене, под Дрезденом, под Кульмом, под Лейпцигом (за которое сражение награжден орденом Св. Анны 2-й степени и австрийским Св. Леопольда 3-й степени), под Бриеном, под Арсисом, при Фершампенуазе (где имел счастье исполнять личные приказания императора Александра), и наконец под Парижем[435], за что и награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами.

По окончании знаменитой войны 1812, 1813 и 1814 годов, прославившей навеки Россию, и в которой А. И. Михайловский-Данилевский в малых чинах имел счастье находиться в лучезарном военном кругу, т. е. сперва при главнокомандующем, а потом при приближенном к государю императору лице, он (т. е. А. И. Михайловский-Данилевский) удостоился особенного счастья находиться с походною канцеляриею светлейшего князя Петра Михайловича Волконского во всех вояжах императора Александра. С 1 октября 1814

г. по 13 мая 1815 [г.] А. И. Михайловский-Данилевский находился на Венском конгрессе[436] и во вторичном походе во Францию в 1815 году. Потом был с его императорским величеством в вояже из Парижа чрез Брюссель, Дижон, Швейцарию и Богемию в Берлин, а оттуда чрез Варшаву в С.-Петербург[437]. С 9 августа по 14 октября 1816 года и с 25 августа по 1 октября 1817 г. находился с государем императором в путешествии по разным российским губерниям и в Царстве Польском, а с марта по 1 июня 1819 г. в Варшаве, Бессарабии, Таврическом полуострове и земле донских казаков. В том же году находился с государем императором на конгрессе в Аахене[438]. Во время этих поездок А. И. Михайловский-Данилевский, в полковничьем чине, награжден орденом Св. Станислава 2-й степени со звездой.

Еще в 1814 году А. И. Михайловский-Данилевский переведен был в Гвардейский генеральный штаб, в капитанском чине, полученном за отличие, в 1813 году. В 1815 [году] был произведен в полковники, а 15 октября 1818 года назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству, будучи уже, как го-

ворится, обвешан иностранными орденами. Итак, в четыре года (с 1812 по 1816) отставной титулярный советник, сирота, без блистательных родственных связей, без всякого особенного покровительства, личными своими достоинствами достиг чина полковника гвардии, неоцененного звания флигель-адъютанта и стал известен первому монарху в Европе, даровавшему ей мир и спокойствие низвержением могущественного и гениального Наполеона! Невозможно быть счастливее на поприще службы; но счастье не утомлялось изливать дары на своего любимца. Заступавший А. И. Михайловскому-Данилевскому место отца г. Крюков[439], бывший, как выше сказано, нижегородским гражданским губернатором, приискал и высватал своему питомцу прекрасную, умную и добрую, как ангел, невесту, Анну Павловну Чемоданову (дочь отставного гвардии прапорщика), также сироту, с 3428 душами (в губерниях Нижегородской, Владимирской, Симбирской, Казанской и Пензенской). Недоставало одной славы А. И. Михайловскому-Данилевскому, и он приобрел ее своими военно-историческими труда-

ми, за которые принялся по окончании Отечественной войны.

Судьба дала ему все, чтоб быть хорошим современным историком. От природы он одарен был умом глубоким, проницательным, необыкновенною памятью, рассудком здравым и холодным, способным удерживать порывы воображения. Прилежным, систематическим учением А. И. Михайловский-Данилевский возделал и возвысил свои природные способности до такой степени, что по всей справедливости мог занимать почетное место между европейскими учеными. Он знал превосходно языки латинский, французский, немецкий и английский, читал и изучал древних писателей, а по-французски и по-немецки не только говорил, но и писал прекрасно. В Геттингенском университете он слушал курсы нравственно-политических и исторических наук у знаменитейших мужей своего времени: Геерена, Шлецера, Мартенса и Сарториуса, и был первым учеником у них. Счастливые обстоятельства поставили А. И. Михайловского-Данилевского в такое положение, что он мог видеть вблизи тайные пружины

жины, приводившие в движение великие события своего времени, и узнать великих двигателей всемирных интересов. Удел редкий, доставшийся не многим историкам!

А. И. Михайловский-Данилевский сочинил «Описание Отечественной войны 1812 года» [440]. Творение сие, основанное на официальных документах, на изустных рассказах участвовавших в войне и на собственных наблюдениях автора, чрезвычайно драгоценно относительно исторических событий; но мне кажется, что некоторые подвиги вождей выставлены слишком ярко, а другие, равного достоинства, поставлены в полусвете и даже в тени. Все это высказал я откровенно А. И. Михайловскому-Данилевскому, когда он *потребовал моего искреннего мнения*. Он соглашался с великою истиною, что современник, участвовавший в событиях, может лишь собирать богатые материалы для истории, но что беспристрастная история может быть написана только человеком посторонним. «История кампании 1813 и 1814 годов» [441], написанная А. И. Михайловским-Данилевским, имеет все достоинства описания Отечествен-

ной войны 1812 года, стою разницею, что богаче дипломатическими событиями. Но две «Истории войн с Наполеоном 1805, 1806 и 1807 годов» и «История войны Финляндской 1808 и 1809 годов»[442] – совершенно отличаются от прежних творений А. И. Михайловского-Данилевского. Ни на одном из европейских языков нет истории войны 1805 года (Аустерлицкой кампании), столь верно, беспристрастно и живо описанной, как история А. И. Михайловского-Данилевского. Это лучшее его творение и одна из лучших европейских военных историй. Кампания 1806 и 1807 года описана столь же правдиво и живо, и только необыкновенное стечение обстоятельств придает более интереса описанию войны 1805 года. Финляндская война – превосходное творение. «Описание Турецкой войны с 1806 по 1812 год»[443] весьма важно для истории, составлено прекрасно, но, по существу самого дела, не могло возбудить общего любопытства. У турок нет великих полководцев, и война с ними не представляет занимательной борьбы талантов. Самое любопытное сочинение А. И. Михайловского-Данилев-

ского – «Записки 1814 и 1815 годов»[444]. Верность во всем официальная, и предметы и изложение увлекательные.

В последнее время А. И. Михайловский-Данилевский занимался редакциею «Военной галереи», предпринятой сперва Песоцким, потом издававшейся Песоцким с бывшим книгопродавцем Ольхиным, и ныне перешедшей к П. А. Печаткину[445]. А. И. Михайловский-Данилевский написал для этой галереи истинно превосходные биографии императора Александра и светлейшего князя П. М. Волконского. Прочие биографии писаны другими литераторами, по материалам, доставляемым А. В. Висковатовым, который также написал большую часть жизнеописаний. А. И. Михайловский-Данилевский только перечитывал биографии, доставляемые литераторами, и исправлял кое-что в историческом отношении. Главным его занятием в последнее время было описание похода Суворова в Италию, 1799, из которого он читал мне несколько весьма замечательных отрывков. Конченное уже им «Описание участия русских войск в войне Наполеона с Австрией, в 1809 году» еще

не издано в свет[446].

Величайшую важность всех военно-исторических сочинений А. И. Михайловского-Данилевского составляет их официальность. Ему открыты были все государственные архивы, из которых он мог и умел черпать все драгоценности. Кроме того, он пользовался, как я уже говорил, изустными пояснениями людей, участвовавших в войнах и в дипломатических сношениях государств. А. И. Михайловский-Данилевский обладал в полной силе даром слова и излагал свои мысли и события красноречиво и занимательно. Он обладал *слогом*, но в русском языке не был так силен, как в слоге и в исторических науках, в чем он публично признавался, и не скрытно, а явно отдавал свои сочинения некоторым литераторам для очистки, до издания их в свет. Это несколько не уменьшает высоких достоинств нашего знаменитого военного историка. В каждой французской типографии находится грамотный корректор, которого обязанность состоит в исправлении погрешностей противу правил языка, и сочинения весьма многих известных писателей не могли бы показаться

в газете без этих исправлений. Известный немецкий писатель и знаток языка Зейме исправлял сочинения Клопштока и Виланда, которые пользуются гораздо вышею, нежели их корректор, славою. Стратегическая часть в военно-исторических сочинениях А. И. Михайловского-Данилевского основана единственно на официальных документах и известиях, сообщенных людьми, деятельно участвовавшими в войнах; сам он никогда не представлял собственных суждений о стратегических действиях полководцев и поступал в этом весьма благоразумно, потому что был только военным историком, а не принимал на себя звание стратегического судьи и наставника. Вообще все сочинения А. И. Михайловского-Данилевского имеют высокое достоинство современности и в целом отличаются верностью и необыкновенною занимательностью изложения. Он, поистине, принадлежит к первому разряду писателей европейских по части военной истории.

Занимаясь важными и полезными литературными трудами, А. И. Михайловский-Данилевский продолжал служить с честью госуда-

рю и Отечеству. В декабре 1823 года он был произведен в генерал-майоры, с назначением командиром 3-й бригады 7-й пехотной дивизии; в 1829 году, во время Турецкой войны, командовал 2-ю бригадою 6-й пехотной дивизии и потом находился при главнокомандующем графе Дибиче-Забалканском, исправляя должность дежурного генерала, и за отличие и усердие награжден орденом Св. Анны 1-й степени. В январе 1831 года, по ходатайству фельдмаршала графа Дибича-Забалканского, высочайше командирован в армию, действовавшую противу польских мятежников, находился в кровопролитном сражении под Гроховым[447], получил сильную контузию ядром в левое плечо, с переломлением кости, и за отличие награжден золотою алмазами украшенною шпагою, с надписью: «За храбрость». По возвращении в Петербург, для излечения раны, во время свирепствовавшей в столице холеры, назначен был (в июне 1831) попечителем Охтинской части и за усердное исполнение своей обязанности удостоился получить табакерку, украшенную вензелем его императорского величества. В 1835 году

(декабря 5-го) произведен в генерал-лейтенанты, с высочайшим повелением присутствовать в Правительствующем сенате, и в том же году (декабря 9-го) высочайше назначен председателем Военно-ценсурного комитета, а в 1839 году членом Военного совета, с оставлением по армии. За литературные и служебные труды награжден он орденом Св. Владимира 2-й степени (в 1836 году), Белого Орла (1838 г.), Александра Невского (1843 г.) и алмазными знаками сего ордена (в 1846 году). За 25-летнюю службу получил орден Св. Георгия (в 1836 году)[448] и имел медали: за кампанию 1812 года, за взятие Парижа, за Турецкую войну, Польский знак отличия за военные достоинства 2-й степени и знак беспорочной службы за XXV лет.

А. И. Михайловский-Данилевский непрерывно следил за ходом отечественной и всех иностранных литератур во всем их объеме, и читал весьма много. Нельзя было не удивляться, как доставало ему времени на столько умственных трудов и занятий. Он любил беседу литераторов и вообще людей умных и начитанных, и сам был неоцененным собесед-

ником в непринужденном обществе. При глубоком уме, основательных познаниях, светской опытности А. И. Михайловский-Данилевский обладал необыкновенным остроумием и тою юмористическою игривостью ума, которая по-французски называется *causticité*, а у нас очень неправильно переводится *колкостью* и *язвительностью*. Юмористическая игривость ума, напротив, избегает колкости и язвительности, которые оскорбляют, никого не забавляя. Иногда А. И. Михайловский-Данилевский одною фразою, составлявшею бессмертную эпиграмму, характеризовал человека, не трогая при том его нравственного достоинства. Он умел быть столь же любезным в домашнем обществе, как и в кабинетной беседе. Многие из русских литераторов, которых А. И. Михайловский-Данилевский принимал ласково и для ободрения осыпал похвалами, не могли возвыситься до того, чтоб постигнуть и оценить этого необыкновенного человека, не могли понять, что он всех их выше и снисходит к ним с высоты из сострадания! Потомству предоставляется судить обо всех качествах исторического лица, но я сме-

ло могу сказать, всенародно, что А. И. Михайловский-Данилевский никому не сделал умышленно зла. Бесспорно, что Россия лишилась в нем одного из самых умных, ученых, даровитых и полезных деятелей. Потеря важная, которая долгое время будет ощутительна! [449]

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА Ф. В. БУЛГАРИНА ЦЕНЗОРАМ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Сорок лет Булгарин выступал в качестве журналиста, причем почти все это время не только как автор, но и как редактор-издатель. И все эти годы одной из главных проблем для него была цензура, которая регулярно запрещала те или иные предназначенные для его изданий материалы, в том числе и самого Булгарина. Вот лишь несколько эпизодов из его цензурных мытарств.

18 октября 1832 г. цензор В. Н. Семенов доложил Петербургскому цензурному комитету, что в очерке «Чиновник», предназначенном для «Северной пчелы», Булгарин «изображает в смешном виде такие предметы, которые не только не заслуживают осмеяния, но еще могут некоторым образом служить к чести чиновников, имеющих ограниченные средства к удовлетворению своих нужд». В результате комитет запретил очерк, поскольку в нем

«осмеивается целое сословие чиновников», а Главное управление цензуры 31 октября утвердило это мнение[450]. В следующем году 22 сентября Главное управление цензуры запретило статью Булгарина о романе П. П. Свинына «Шемякин суд»[451]. В мае 1836 г. по докладу цензора А. В. Никитенко комитет запретил его статью «Успехи разума», представляющую собой «жестокую личность против одного из литераторов московских»[452]. Булгарин в 1852 г. написал отрицательную рецензию на книгу И. И. Давыдова «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1851), но министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов не разрешил печатать ее, так как книга Давыдова была издана Академией наук[453]. И таких цензурных запретов текстов Булгарина и других авторов «Северной пчелы» были сотни. А цензурных вычеркиваний и изменений на порядок больше.

В переписке Греча и Булгарина масса сообщений о том или ином запрете и сетований на придирчивость и трусость цензоров. Цитируем лишь одно из них. 1 июня 1844 г.

Греч писал Булгарину: «Мои работы идут хорошо и без затруднений. Только приводит меня в отчаяние цензура. Запретили статью Полевого о судьбе Долгоруких при Анне Иоанновне, и только потому, что статья предполагается для газеты. В твоей статье [цензор А. Л.] Крылов исключил все, что ты говоришь о пользе простой пицци: он требовал одобрения медицинского начальства. Ужасная судьба! И мы сльем европейцами! Это хуже киргизского и готтентотского просвещения»[454]. А вот сетования Булгарина в письме А. В. Никитенко от 11 января 1839 г.: «...что г. Фрейганг делает с нами, это ужас! Только что принесли к нему “Пчелу”, тотчас за красные чернила и пошел чертить, не обращая внимания на конец и выводы»[455].

В то же время получение цензурного разрешения не снимало с Булгарина ответственности. Он не раз получал выговоры за публикации, хотя они были разрешены цензором. Например, когда Булгарин по поводу смерти попечителя Дерптского учебного округа Е. Б. Крафстрема позволил себе «публичное суждение об умершем сановнике, толки о направ-

лении его деятельности и даже намеки на недостаток в нем учености», министр народного просвещения А. С. Норов 23 ноября 1854 г. предписал попечителю Петербургского учебного округа сделать ему «строгий выговор с объявлением, что в случае дальнейших с его стороны нарушений цензурных правил он подвергнется строжайшему по законам взысканию»[456].

Но и цензоры не раз страдали из-за того, что разрешили напечатать в газете тот или иной материал. Например, в 1825 г. цензурный комитет получил замечание за публикацию в «Северной пчеле» (№ 60) «Военной новгородской песни 1170 года»[457], в 1834 г. министр народного просвещения С. С. Уваров предписал попечителю Петербургского учебного округа «внушить цензору, рассматривающему “Северную пчелу”, наблюдать большую осторожность насчет статей», «неприятных к высшим классам»[458], о чем и было объявлено цензору В. Н. Семенову, а в следующем году Семенов получил выговор за то, что в объявлении об издании книги Булгарина «Россия в историческом, статистическом,

географическом и литературном отношении» пропустил фразу о том, что в книге будет рассмотрено отношение верховной власти и церкви к государству[459], в 1840 г. цензоры Крылов и Е. И. Ольдекоп получили выговор за помещенные в № 220 «Северной пчелы» «Фельетонные заметки о Москве»[460], в 1851 г. цензор Крылов получил выговор за публикацию в «Северной пчеле» перевода с немецкого статьи «Императорская публичная библиотека в С.Петербурге» (№ 236)[461], и т. д.

Казалось бы, как человек умный, понимающий желания властей и хорошо чувствующий, что можно и что нельзя печатать в данное время, Булгарин не должен был конфликтовать с цензурой. Однако все было не так просто. Как опытный журналист, он стремился привлечь читателей и печатать интересные и по возможности острые материалы, а цензуру именно такие материалы и не устраивали. Кроме того, как публицист с определенной идеологической программой, он стремился пропагандировать свои взгляды, вполне лояльные и направленные на поддержку действий власти. Но император не нуждался

даже в похвалах и одобрении своих действий, потому что считал, что подданные должны повиноваться без рассуждений, их дело исполнять, а не думать. И наконец, среди цензоров было немало недалеких и трусливых людей, которые перестраховывались и не пропускали даже то, что вполне можно было печатать. Вот характерный случай, о котором Булгарин писал 26 октября 1848 г. профессору истории Петербургского университета и члену-корреспонденту Петербургской академии наук Михаилу Семеновичу Куторге: «Посылаю Вам важный документ для истории просвещения в России! Беда только, что потомки не поверят истине. Прости Господи тех, которые выбрали в цензоры гг. Крылова, Елагина [462] et consorts! Гунны, авары и аланы[463] в сравнении с ними – англичане! Особенно велик Елагин! – Он всеми силами стремится к тому, чтоб с нами сбылось то, что Тацит говорит о римлянах (в “Жизни Агриколы”, на 1 стр.): “Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus”[464]. Полюбуйтесь, как этот мудрый Елагин вычеркнул объявление о вашей книге[465] и с какою щедростью разлил,

при этом случае, красные чернила!! Попечитель [М. Н. Мусин-Пушкин] – человек умный и добрый – но не употребляет своей власти для обуздания своеволия глупейших в мире цензоров!»[466]

Поэтому Булгарину приходилось выстраивать сложную линию поведения, чтобы по возможности максимально успешно преодолевать цензурные препоны и минимизировать потери. Для этого он использовал несколько методов:

– в записках в III отделение добивался смягчения цензурных порядков. Опираясь на М. Я. фон Фока, Булгарин вел длительную борьбу против старого («чугунного») Цензурного устава 1826 г. и внес немалый вклад в создание нового, значительно более либерального устава 1828 г.[467] Кроме того, он не раз высказывался в пользу снятия запрета на публикацию театральных рецензий и добился своей цели[468];

– в этих же записках настаивал на изменении персонального состава цензоров – устранении малокультурных и консервативных цензоров и замене их здравомыслящими и

образованными[469]; эти пожелания при реформе цензуры были, видимо, учтены; по крайней мере, его рекомендации по отстранению одних и назначению других лиц совпали с тем, что было сделано;

– использовал тот факт, что «Северная пчела» была официозом. III отделение либо заказывало ее редакторам, либо передавало в редакцию написанные другими лицами статьи, в которых под видом частных мнений проводилась правительственная точка зрения на важные государственные события – войны, эпидемии, смерти и бракосочетания членов императорской семьи и т. п. Пользуясь этим, Булгарин нередко апеллировал к руководству III отделения, доказывая, что цензура вмешивается в сферу его компетенции, или нарушает прерогативы этого учреждения, или вредит государственным интересам. В некоторых случаях он действовал в обход тех или иных цензурных инстанций и через А. Х. Бенкендорфа получал у императора разрешение на публикацию;

– устанавливал дружеские личные отношения с цензорами, льстил им, оказывал

услуги и т. д.;

– угрожал цензорам жалобами их начальству или императору;

– в случае необходимости апеллировал к руководителям Петербургского цензурного комитета.

Учитывая ряд названных обстоятельств (готовность Булгарина к спорам и жалобам, возможность поддержки его III отделением и т. п.), цензоры нередко пропускали то, что не пропустили бы у другого.

Богатый материал для понимания булгаринской цензурной стратегии дают его письма цензорам «Воспоминаний». Всего эту книгу цензурировали в разное время три человека.

Первые две части (СПб., 1846) – Александр Васильевич Никитенко, с которым Булгарин был давно и хорошо знаком. Никитенко дебютировал в печати своей диссертацией «О политической экономии <...>», опубликованной в булгаринском «Северном архиве» (1827. № 23, 24), вскоре он поместил в «Северной пчеле» некролог профессору П. Д. Лодию (1829. № 86). В 1832 г. он стал профессором рус-

ской словесности Петербургского университета, а в 1833 г. и цензором. Он цензурировал «Северную пчелу» в 1838–1839 гг., а также романы: 2-ю часть «Мазепы» (СПб., 1833) и «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>» (СПб., 1835). Булгарин долгое время поддерживал с ним дружественные отношения, но через год после цензурирования «Воспоминаний», в 1847 г., Никитенко стал официальным редактором «Современника», который критиковал «Северную пчелу» и Булгарина, и Булгарин начал выступать против него. После появления в булгаринской газете отрицательной рецензии на одну из его книг (1848. № 20) Никитенко поместил в «С.-Петербургских ведомостях» обширную статью «Объяснение, однажды навсегда» (1848. № 46–48) с резко отрицательной характеристикой Булгарина. Обширная подборка писем Булгарина Никитенко сохранилась в Пушкинском Доме [470] и частично опубликована [471], ниже печатаются как опубликованные, так и не публиковавшиеся письма Булгарина, касающиеся цензурирования «Воспоминаний».

Третью–пятую части «Воспоминаний» (СПб., 1847–1848) цензурировал другой хороший знакомый Булгарина – журналист и переводчик Амплий Николаевич Очкин (1791–1865), который был постоянным переводчиком в его журнале «Северный архив», а во второй половине 1820-х гг. и в «Северной пчеле». В 1841 г. он стал цензором и в 1842–1848 гг. цензурировал «Северную пчелу». Но его архив не сохранился, и известно лишь одно письмо Булгарина к нему[472], но оно не связано с публикацией воспоминаний.

Был знаком Булгарину по газетным делам и филолог, профессор Петербургского университета, академик с 1849 г. Измаил Иванович Срезневский, цензурировавший шестую часть «Воспоминаний» (СПб., 1849). Он еще в 1835 г. поместил в «Северной пчеле» отрывки из своей «Истории Малороссии» (№ 165, 178, 179). Срезневский в 1846–1850 гг. служил цензором Петербургского цензурного комитета и цензурировал в 1849–1850 гг. «Северную пчелу». Письма Булгарина ему сохранились в личном фонде Срезневского[473].

Завершает подборку письмо Булгарина в

Санкт-Петербургский цензурный комитет, формально являющееся просьбой, а на деле – жалобой цензорам на самих цензоров.

В публикуемых письмах присутствуют многие элементы болгаринской стратегии в отношении цензуры. Тут есть и стремление подчеркнуть свою лояльность правительству, и попытки наладить приятельские отношения, и угрозы. Они наглядно демонстрируют, с какими трудностями проходили в печать его «Воспоминания», казалось бы далекие от современных событий и острых тем, и как Булгарин отстаивал важные для него сюжеты, не забывая о чисто меркантильных задачах – успешно провести книгу в печать и получить солидный гонорар за нее.

Ф. В. Булгарин – А. В. Никитенко [474]

1

Отец и командир!

Больно мне самому беспокоить Вас больного – но как тут произошла *ошибка* – то и должен решиться на это. Вы мне прислали *последнюю главу*, сиречь: *конец* первой части – а у Вас есть еще 8-я глава – и как эта 8-я глава *не подписана* – то и есть *недоразумение*[475].

Молю Бога, да возвратит Вам здоровье, драгоценное для русской литературы и всех честных людей.

Душевно преданный Ф. Булгарин.

11 мая 1845

2

Почтеннейший и добрейший Александр Васильевич!

Если б Вы знали, сколь важно для меня в моих семейных делах скорый выход в свет моих «Воспоминаний», то по душевной доброте Вашей и по всегдашней ко мне благосклонности, невзирая на многочисленность Ваших занятий, – прочли бы скоро мою рукопись. Прилагаю окончание 1♦й части[476], умоляю поспешить! Имей я весь манускрипт в руках – в две недели было бы напечатано.

Отче мой, не оставь мя вскуе[477]!

С душевным уважением и искреннею преданностию есмь навсегда верный Ф. Булгарин.

15 окт[ября] 1845 СПб.

3

Отец и командир Александр Васильевич!

Я был жестоко болен. Теперь выздоравливаю. Ольхин[478], мой полномочный посол, сказал мне, что Вы хотели возвратить рукопись в понедельник.

Благоволите же назначить, в котором часу явиться мне к Вам! Ой, нужно, нужно, нужно!

Отче! я перед Вами аки овца – не спорю и не прекословлю, но смиренно протягиваю выю. Делайте, что хотите, я Вам верю и без консультации комитета[479], где один голос премудрого Крылова испортит дело, как ложка дегтя в бочке меду! А милый мой Фрейганг!

Господи! Вскуе мя создал еси! Душевно преданный Ф. Булгарин.

Воскресенье. 28 окт[ября] 1845

Дом Меняева № 93 на Невском проспекте за Аничковым мостом[480].

4

Отец и командир Александр Васильевич!

В понедельник «зван бых и приидох»[481] – с утра посылал посланца, а ввечеру сам явился, хотя и знал, что услышу роковое: *дома нет!*

*Сжался, ах, отец родной!
Над несчастным сиротой.
Прекрати мои стенанья,
Возврати «Воспоминанья»!
А я, истину любя,
Вспомню сердцем про тебя!*

Много ли у Вас? Всего – пять глав, не более 6-ти печатных листов! В час можете прочесть. Ужели там так много *страшного*? Этого я и не подозревал, хотя и ремесло и положение наше постигнул.

Ради Бога, назначьте $\frac{1}{4}$ часа на свидание. И этого много! Пяти минут довольно. Как прикажете, так и будет сделано – без малейшего *возражения*. Я – питомец школы Александра Лукича Крылова et consorté[482] —

и душевно преданный Вам Ф. Булгарин.

29 окт[ября] 1845

СПб.

5

Отец и командир Александр Васильевич!

У меня такая система, что после каждой *правды* я помещаю *облегчительные обстоятельства*: *circonstance atténuante*[483], следо-

вательно, если Вы прочтете *полное изложение* какого дела, то оно представится Вам в другом виде. Зная вашу благонамеренность и просвещение, я убежден, что Вы так и делаете, но простите мне, как прощает доктор больному: что у кого болит, тот о том и говорит!

На место исключенных мест препровождаю заметки, которые прошу покорнейше пересмотреть, и при сем честь имею препроводить 1-ю главу 2-й части.

Вчера я никак не мог быть у Вас к крайнему моему сожалению и, как в течение целой недели Вы заняты и не принимаете, то я в отчаянии! Нельзя ли Вам назначить мне свидание на неделе, вечерком, только на 10 минут, чем крайне меня обяжете.

С истинным уважением и душевною привязанностью ваш покорный слуга Ф. Булгарин.

3 ноября 1845

СПб.

6

Благороднейший и добрейший Александр Васильевич!

Ради Христа умоляю о возвращении двух последних глав (8 и 9) первой части «Воспоминаний» – и двух вставных листов – об экономе *Боброве* и *воздухоплавании*, и почту это личным одолжением. Крайняя нужда до зарезу!

Душевно уважающий и преданный Фаддей Булгарин

11 ноября 1845

СПб.

7

Отец и командир Александр Васильевич!

Да ниспошлет Вам Господь здоровье, для блага литературы и на радость всем добрым людям!

Вы были так добры, что сообщили мне 9-ю, т. е. *последнюю* главу 1♦й части «Воспоминаний» – но без 8♦й главы я не могу печатать – и *дело остановилось*. 8-я глава самая пустая – тут только *кадетские рассказы*. Если б Вам было тяжело читать: позвольте сообщить Вам в корректуре![484]

Извините, что надоедаю!

Душевно преданный Ф. Булгарин

13 ноября 1845 СПб.

8

Отец и командир Александр Васильевич!

В моих «Воспоминаниях» в VIII главе сказано было, что в начале царствования императора Александра – *первым щеголем* в гвардии был тогдашний плац-майор *Иван Савич Горголи*. Вы изволили вымарать имя, отчество и фамилию и оставили только заглавные буквы. Я видался с И. С. Горголием и спросил его, не противно ли ему будет, если я скажу, что он в свое время был *первым щеголем*? Он решительно отвечал, что, напротив, на старости лет это будет ему даже приятно, а потому, если Вы позволите, то я впишу его фамилию. Впрочем, это – маловажность, которую я поместил только для потехи доброго старика, потому что он сам любит об этом рассказывать [485].

Знаю, как Вы заняты и что Вам некогда переписываться с авторами, – но как я без спроса не смею прибавить ни *одного слова* после цензуры, то и прошу вашего разрешения на этом же письме:

Можно
или
Нельзя. —

Зачеркните одно из этих слов и баста!
Истинно уважающий и душевно любящий
Вас Ф. Булгарин.

СПб.

22 нояб[ря] 1845

9 Отец и командир Александр Васи- льевич!

Если сие письмо мое не застанет Вас дома, то благоволите или сказать вашему человеку, когда я должен прислать за корректурами – к Вам мною доставленными, или напишите одно словцо – карандашиком. Прошу об одном: если Вам что не понравится – *вычеркните сами* – без всяких комитетов: ибо Вы один из всей *санта-германдады*[486] пользуетесь неограниченною моею доверенностью.

С чувством истинного уважения и душевной привязанности весь ваш Ф. Булгарин
27 ноября 1845 СПб.

NB. Увы! Только три дня остается до 1 де-

кабря, когда должна выйти в свет книжка – вместе с «Биб[блиотекой] для чтения»[487]! Отец родной! Молюсь: «Господи, спаси люди твоя и благослови достояние твое!»[488]

10

Отец и командир Александр Васильевич!

Право, не постигаю той удивительной вольности, которую пользуются «Отеч[ественные] записки», и той неприкосновенности, которою обеспечен г-н Краевский! Крылов (цензор) был сегодня у меня и показал мне исключения из статьи об «Отеч[ественных] записках»[489]! Я решился перенести суд повыше и всеподданнейше просить моего личного благодетеля, Царя православного, разрешить: почему Краевскому позволено печатно *поносить меня самым гнусным образом*, топтать мое имя в грязь, употреблять самые низкие выражения[490], – а мне запрещено даже защищаться![491] Дело это должно принять самый серьезный оборот, потому что у меня собраны акты. Наконец вывели меня из терпенья!

Прошу всепокорнейше о возвращении

метрики моей или свидетельства о крещении [492]. Я сообщил вам вместе с корректурными листами. Во всем покоряюсь вашей воле, скорблю, что должен надоедать Вам – но что же делать. Вольно же Вам быть честным, умным и благородным человеком!

28 нояб[ря] 1845

СПб.

11

Отец и командир Александр Васильевич!

Хоть вовсе запретите предисловие, но только *разрешите дело*, чтоб я мог выдать книжку вместе с «Библиотекой для чтения». Уж когда так суждено, что каждая ракалия может ругать меня и поносить, когда в «Иллюстрации» можно печатать, что я *подделываю к себе письма артистов* (в «Пчеле» на той же неделе было напечатано письмо Рубини) [493], когда Вяземский может печатать также на меня эпиграммы [494], а Белинский лаять как собака в «Отечественных записках», а мне безыменно даже нельзя сказать, что на меня клеветают, – пусть будет так! Уж теперь дело только в механизме! Ради бога *решите*, –

это предисловие! Ужели даже нельзя сказать, *на каких правах я говорю о современности*, что критика и лай меня не сбили с толку? Вычеркните что угодно – оставьте *два слова* – *запретите* *вовсе* печатать – только разрешите! Об этом слезно умоляет душевно преданный Вам Ф. Булгарин[495].

29 нояб[ря] 1845

12

Отец и командир Александр Васильевич!

Сегодня, в ценсурный *вторник*[496], отправился я в ценсурный комитет и пустился чрез Неву, не скажу *с опасностью жизни*, но *с неприятностью*, потому что мостки чинили в середине, и мы должны были пробираться *вокруг*, по льду. Нет комитета! Биржа есть – и *все*, что составляет *присутствие* – есть, а комитета – нет!

Некто, мне *вовсе* незнакомый, Николай Иванович Анисимов, сжалился надо мной, *поверил* *рукопись* *с книгой* и внял моей просьбе – *отправить* *к Вам билет* *на выпуск книги*, для отдачи билета мне, если Вы найдете, что в рукописи все исправно. Но явился другой чело-

век, объявил, что он секретарь комитета[497] и не соглашается на это! День мой пропал!

Так ли было в старину в цензуре? Мы выдавали в свет книжки и брали билеты – месяца два позже! Тогда еще верили честному слову!

У нас с Ольхиным заключено условие, что кто будет виноват, если «Биб[блиотека] для чт[ения]» и «Воспоминания» не выйдут вместе, тот платит другому 4000 руб. сер[ебром]. Виноват ли я, что не было комитета, когда есть сообщение с Васильевским островом?

Я облегчил Вам весь труд: положил заметки в книге, где опущены вычеркнутые места, и загнул страницы в рукописи, где места вычеркнуты. В $\frac{1}{4}$ часа можно поверить!

Отец и командир, не задерживайте, ради Бога и всего для Вас святого, здесь идет дело о 4000 руб. серебром!

Вы, верно, ужаснетесь *множеству* замечток, как и я ужаснулся! Не обвиняю Вас! Время!!! А мы, дураки и скоты, плакали во времена Магницкого и Руничя! Да это был золотой век литературы в сравнении с нынешним! Не завидую я месту Уварова в истории! А исто-

рия – живет, видит и пишет на меди! Имя Торквемады, в сравнении с именем Уварова, есть то же, что имя Людовика XIV в сравнении с именем Омара! Набросил на все тень, навел страх и ужас на умы и сердца – истребил мысль и чувство... Поневоле вспомнишь первую страницу из «Жизни Агриколы» – Тацита: «Хотели бы лишить нас способности мыслить, как лишили средств говорить, если бы можно было заставить человека не думать, как можно заставить его молчать?»[498]

Вовсе не гневаюсь на Вас, смотря на этот букет заметок, напротив, зная Вас, столько же сожалею об Вас, как и о себе! Amen![499]

Душевно преданный и искренне уважающий
Ф. Булгарин

4 дек[абря] 1845

СПб.

13

Отец и командир Александр Васильевич!

Мучил и терзал я Вас моими «Воспоминаниями», так что думаю и вовек не забудете – но что же и мне бедному делать! Теперь бью челом и повторяю русскую поговорку: «Дал

яичко – дай же и облупленное!»

И прошу покорнейше прочесть поскорее – последние строки 2♦го тома – и баста! Чтоб Вам легче было читать – прилагаю и корректурные листы. От Вас зависит – чтоб книга вышла в срок, т. е. 1 января. Стоит посидеть один часик и делу конец!

Ради бога не откажите в этом искренно преданному и высоко уважающему Вас

Ф. Булгарину

26 декабря 1845

СПб.

14

Отец и командир Александр Васильевич!

Дай Бог Вам в *Новом году* того, чего я Вам желаю. Более и себе не хочу!

Сотворите последнюю благостыню и благословите на выход в свет мои бедные «Воспоминания», которые Вас так измучили. Я *приготовил* и *облегчил* все, стоит только *перевернуть страницы* и поверить [500], хотя и слово мое твердо. За сто миллионов не согласился бы *вставить одно слово*, зачеркнутое ценсурой, ибо это была бы *фальшь*.

Душевно приветствую и обнимаю Вас. *Фаддей Булгарин.*

2 января 1845[501]. СПб.

NB. Если, паче чаянья, «Пчелы» Вам не принесут, как всегда бывает в начале года непорядок, пожалуйста, дайте знать. Я своей рукой вписал Вас.

Ф. В. Булгарин – И. И. Срезневскому
[502]

1

Милостивый государь Измаил Иванович!

Я заготовил это письмо на случай, если б не застал Вас дома. Соредактор «Библиотеки для чтения»[503] сказал мне, будто Вы известили его, что отрывок из VI части моих «Воспоминаний» запрещен к напечатанию господином попечителем М. Н. Мусиным-Пушкиным[504]. Вероятно г. Старчевский не уразумел дела. Вчера виделся с его превосходительством Михаилом Николаевичем, и он сказал мне, что прочел с удовольствием мой отрывок, но согласился с Вашим мнением, что надобно смягчить *вступление* и изменить рассказ о Кучаеве[505], поручив Вам объявить

мне об этом. Уважая Ваши познания и характер, я охотно приму все Ваши замечания и исправлю все по желанию Вашему, а потому прошу покорнейше назначить мне *день и час* свидания. Я явлюсь к Вам тем охотнее, что давно желал лично с Вами познакомиться, но не имел к тому случая.

С истинным уважением и преданностью честь имею быть Вашим покорным слугою
Фаддей Булгарин

21 февраля 1849 СПб.

На Невском проспекте за Аничковым мостом, противу канцелярии обер-прокурора правительствующего Синода в доме коммерции советника Меняева, № 93.

2

Милостивый государь Измаил Иванович!

По отметкам Вашим, красным карандашом, я вычеркнул или исправил *все*, исключая двух, трех мест, которых не умею исправить, а исключение их почитаю убийственным для *связи* целого и притом не вижу в этом ничего даже *сомнительного!* Впрочем — *воля Ваша!* Истребите: подчиняюсь беспреко-

словно и без апелляции. Но, зная ваше просвещение, вашу благонамеренность и благородный характер, обращаю внимание ваше на два следующие обстоятельства:

1. Полагаю, что сатира или охудждение *современности* могли бы в *нынешнее время* возбудить толки. Но когда *восхваляется* нынешнее, а представляется в тени *прошлое*, показывая успехи России в гражданственности, это совершенно в духе правительства, ибо уничтожает ропот и жалобы, т. е. по крайней мере стремится к уничтожению. В моей благонамеренности никто еще не сомневался – и я действую совершенно в духе правительства.

2. Исторические факты уничтожать совершенно невозможно, особенно если они *в духе правительства*. Польша сама виновата в падении своем[506], и это надобно непрерывно доказывать, особенно теперь, когда Европа обвиняет в этом Россию и когда в России многие так думают.

Впрочем, предоставляю все Вашему просвещенному вниманию и честь имею быть с истинным уважением и преданностью Вашим покорным слугою Фаддей Булгарин

22 февраля 1849 СПбург[507].

3

Милостивый государь Измаил Иванович!

Если б отец мой или сын были цензорами, то я бы никогда не предпринял совращать их от исполнения их обязанностей, по совести и по крайнему их разумению. Однако ж позволил бы себе объяснить о деле. Вполне уважая Вас, как человека и как ученого – прошу у Вас позволения объяснить.

Вычеркнутые Вами места в моих «Воспоминаниях» принудили меня, для комплекта листов 6♦й части, которую я должен по условию книгопродавцу Печаткину[508], – дополнить листами из седьмой части. Извините, но вычеркнуто именно то, за что правительства не гневаются, а жалуют, *доказательства*, что герцогство Варшавское[509] было при Наполеоне *бедное и несчастное* – и прежнее название Царства Польского *благоденствовало* под русским правительством; вычеркнуты причины падения Польши – подтвержденные польскими писателями – наконец вычеркнут эпизод о злодее Пугачеве (когда в то же время

пропущен Соллогубу в драме его бунт и грабеж на сцене и побуждение стрельцов к избиению бояр и похищению имущества[510]) – когда я доказывал, что Пугачев ничтожный злодей и пьянюга![511] Вы, почтеннейший Измаил Иванович, человек высокопросвещенный, хорошо знаете, что такое *история*, а что *современная* политика – однакож у меня в VI части «Воспоминаний» вычеркнуты все *исторические воспоминания*, приведенные в *русском духе* и *сообразно современным обстоятельствам*. Ужели и в посылаемом отрывке все историческое должно быть вычеркнуто? Ужели воля правительства истребить *память о прошедшем*, чтоб, как сказал Тацит, «*memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus*»[512]? – Этому я не поверю, хотя бы мне объявили об этом при колокольном звоне[513]! Я знаю разум нашего доброго царя – действовал во все его царствование и буду действовать до моей смерти в его духе и по его образу мыслей – и убежден твердо, что излагаю мнения, полезные для России и что так на дело смотрит и само правительство. Скажу Вам по сердцу: между нашими цензорами Вы

как алмаз в капусте – и почему же именно на меня одного Вы взглянули сквозь черное стекло! – Будьте строги, как только быть возможно строгим – но взгляните на мой труд *Вашим светлым взором!* Впрочем и совершившаяся беда с моею бедною рукописью – также что бы ни было вперед – не помешают мне любить и высоко уважать Вас – и с сими чувствами остаюсь навсегда Вам покорный слуга Ф. Булгарин

2 августа 1849 Карлово возле Дерпта

4

Почтеннейший, добрейший и благороднейший Измаил Иванович!

Мне весьма прискорбно, что мое евангелище о прильвицких истуканах, о которых мы не одного с Вами мнения, причинило Вам неудовольствие. Но мне показалось, что Вы слишком жестко осудили противников Вашего мнения – и перо увлекло! [514] А книга Ваша все-таки хорошая, и я усердно советовал бы Вам распространиться. Например: слон по-польски słoń – а солнце по-польски słońce. Известно, что слон в Индии животное, посвященное солнцу. А символика? – Предмет бога-

тый и Вам совершенно принадлежащий! Но об этом потолкуем при свидании.

Ваше милое письмо ко мне, из Царского Села, от 13 августа заключается следующим: «Возвращаю окончание 6♦й части “Воспоминаний”, что касается до начала, то сделайте одолжение, отнесите к г. председателю ценсур[ного] комитета – Михаил Николаевич разрешит, без сомнения, все, что может быть разрешено ценсурой».

Извините, почтеннейший Измаил Иванович, но я не понимаю и не догадываюсь, о каком *начале* Вы говорите в письме! Если о том, что исключено из представленного к напечатанию в «Библиотеке для чтения» – то я об этом и думать перестал. Что с воза упало – то пропало!

Что же касается до присланного Вами окончания, то я вымарал вовсе то, что говорится о неохоте славян сражаться в чужих рядах, под начальством чужеместных начальников, чтоб не было применения к Австрии [515]. Что же касается замечания о том, что сами немецкие правительства покровительствовали Тугендбунду[516] и ввели политику

в университет – то это история, приведенная нашим графом Уваровым[517] и повторенная в нынешних обстоятельствах во всех русских газетах. Правительство наше никогда не одобряло этого и никогда не допускало политики в университете – а я говорю совершенно в духе правительства, защищая притом наши университеты, не упоминая об них. Позвольте оставить и верьте, что этого не перетолкуют в дурную сторону. Ведь я человек опытный, отец семейства и из пустой фразеологии не пожертвовал бы своею личностью! Но так было, и так это былое произвело нынешнее лихо. Весь мир вопит об этом и все наши высшие убеждены, что тайные общества и их главы развратили германское юношество – а я видел, как варили и пекли этот яд. Толкую же я после графа Уварова! Misericordia![518]

Вы живете в Царском Селе, среди великолепных садов и царской роскоши – а если б мне удалось залучить Вас в мое Карлово – я бы потешил Вас природою. Авось и сбудется когда-либо моя надежда![519]

С истинным уважением и душевною преданностью честь имею быть вашим покор-

ным слугою Фаддей Булгарин

16 августа 1849

Письмо Булгарина в Санкт-Петербургский цензурный комитет [520]

В СПетербургский цензурный комитет надворного советника Фаддея Булгарина покорнейшая просьба

Критика имеет полное право насмехаться на сочинения автора, почитать и объявлять его произведения дурными, противными изящному вкусу и т. п., но если критика обвиняет человека во *лжи*, т. е. что он *небылицы* выдает за *быль*, то должно представить доказательства, ибо тут дело идет не о достоинстве сочинения, но о *чести* и *характере* автора. «Отечественные записки», «Финский вестник» и «Иллюстрация» вместо того, чтобы критиковать мои сочинения, создали себе *идеал* *какого-то злодея* и беспрестанно намекают на меня, разбирая и представляя в ложном свете мою жизнь, не только литературную, но и частную, искажая истину ложью и самыми гнусными выдумками[521]. Что бы я ни сказал о журналах или отдельных сочинениях, «Отечественные записки», «Финский

вестник» и «Иллюстрация» приписывают *зависти, корыстолюбию и другим гнусным страстям*. Позволено ли это ценсурным уставом?

В моих критиках я говорю *только о деле*, почитая себя не вправе входить в побудительные причины автора. Представляю самый легкий образчик злобных противу меня намеков[522]. По какому праву «Иллюстрация» *без доказательства* называет меня *лжецом и обманщиком*, говоря, что я в моих «Воспоминаниях» *выдаю за быль небылицы?* Таким образом позволено будет каждому, умеющему написать три строки, подорвать доверие читателей к автору, сказав, *без доказательств*, что в таком-то сочинении, выдаваемом за *правду*, — *ложь и выдумка!*

Во Франции я бы позвал гг. Кукольника, Краевского и Дершау в суд исправительной полиции, но здесь должен обратиться в ценсурный комитет, с покорнейшею просьбою прекратить частые противу меня личности. Пусть действуют противу меня тем же благородным оружием (т. е. пусть критикуют и осмеивают написанное мною), каким я про-

тиву них действую. Однажды в статье о сочинении г. Кукольника кем-то кстати было упомянуто о *винном спирте*, и А. М. Фрейганг вымарал это, и весьма справедливо, опасаясь, чтоб не было применения к автору[523]. Напротив, про *мое и меня* в критике «Отеч[ественных] записок», «Финского вестника» и «Иллюстрации» исчисляются все гнусные пороки, чтоб бросить на меня *тень подозрения!* За доказательствами дело не станет! Противники мои, не умея подорвать моей литературной репутации, стараются *печатною клеветою* повредить моей частной репутации, между тем как ни печатно, ни словесно *не могут представить никакого доказательства.* Долготерпенье мое усиливает их тактику.

Прошу покорнейше позволять печатать всевозможные насмешки над моим *словом, языком, ученостью*, но в отношении *характера и частной жизни* прошу защитить меня настолько же от *клевет*, насколько «Отеч[ественные] записки», «Финский вестник» и «Иллюстрация» защищаются господами членами ценсурного комитета даже от са-

мых неумышленных выражений, могущих подать повод к намекам. Прошу только *равного права* в цензуре с моими противниками, противу которых мне часто запрещается приводить даже *полные фразы* из их сочинений, как будто их *ошибки* и *неприличия* должны быть покровителем, а противу меня и *клевета* должна иметь *свободу* в русском книгопечатании!

СПетербург, 3 декабря 1846

Надворный советник Ф. Булгарин[524]

ПОЛЕМИКА Н. А. ПОЛЕВОГО И Ф. В. БУЛГАРИНА ПО ПОВОДУ БУЛГАРИНСКИХ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Одним из самых содержательных откликов на «Воспоминания» Булгарина была рецензия Н. А. Полевого. Фоном ее были сложные и противоречивые отношения Полевого и Булгарина.

Познакомились они летом 1821 г., Полевой поместил в болгаринском «Северном архиве» (1824. № 13) рецензию на издание летописи

Нестора. Появление у Полевого с 1825 г. собственного журнала и особенно публикация там содержащей серьезные упреки рецензии Н. Полевого и П. Вяземского на изданный Булгариным альманах «Русская Талия» (Московский телеграф. 1825. № 2; без подписи) привели к ухудшению отношений. В «Северной пчеле» были помещены направленные против Полевого памфлет NN (Ф. Булгарина?) «Горе от “Московского телеграфа”» (1825. № 80) и статья Греча и Булгарина «Антикритика на замечание во II-ой книжке “Московского телеграфа”» (1825. № 82). В ответ в качестве приложения к № 13 «Московского телеграфа» вышла брошюра Н. Полевого (без подписи) «Особенное прибавление к “Московскому телеграфу”. Обзорение критических и антикритических статей и замечаний на “Московский телеграф” <...>» (продолжения ее были приложены к № 15, 16), а в «Московском телеграфе» был помещен памфлет Я. Сидоренко [Н. Полевого?] «Матюша – журналоучка, или учение свет, а неучение тьма» (1825. № 15; см. также продолжение в № 22). После этого разгорелась ожесточенная полемика; в «Московском теле-

графе», «Северной пчеле», «Северном архиве» и «Сыне Отечества» в 1825–1827 гг. увидели свет десятки материалов на данную тему. По справедливому замечанию К. А. Полевого в его воспоминаниях, «в основании спора не было глубокой литературной идеи, не было какого-нибудь богатого последствиями направления. Хотели оспорить друг друга, или, лучше сказать, обвинить, унижить неприятеля и, конечно, достигли этого хоть отчасти, потому что указывали на ошибки, обмолвки, слабые и смешные стороны <...>»[525]. Но был прав и Булгарин, когда указывал, что «это оживило литературу и обратило на нее всеобщее внимание»[526].

В апреле 1827 г. Булгарин прислал Полевою на отзыв свои недавно вышедшие Сочинения, сопроводив книгу письмом, в котором предлагал заключить мир. Полевой поместил сочувственный отзыв (Московский телеграф. 1827. № 24), и с 1828 г. их отношения вновь приобрели дружественный характер. Н. Полевой, один из немногих, написал хвалебную рецензию на «Ивана Выжигина» (Московский телеграф. 1829. № 13. Подписана N. N.), сочув-

ственно отозвался он и о 2-м издании Сочинений Булгарина (Московский телеграф. 1830. № 9). Булгарин дважды с одобрением писал об «Истории русского народа» Н. Полевого (Северная пчела. 1829. № 129, 130; 1830. № 110). Отрицательный отзыв Н. Полевого о «Петре Ивановиче Выжигине» (Московский телеграф. 1831. № 6; без подписи) вновь испортил отношения, началась полемика, и Булгарин раскритиковал роман Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» в статье «Критический взгляд на новые русские романы» (Северная пчела. 1833. № 151–154).

Булгарин так вспоминал о своих отношениях с Полевым в этот период: «...возник в Москве журнал: “Московский телеграф”, который начал издавать покойный Н. А. Полевой. De mortuis aut bene, aut nihil [О мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*)], но я никак не могу промолчать, что “Московский телеграф” первый изобрел роль литературы или, правильнее, письменности, который можно назвать *раздражительным*, заимствуя выражение из медицины. Н. А. Полевой был человек неученый, но с большими природными спо-

способностями, и обладал качеством *природно русским*, которым Господь наделил великороссиян более, нежели все другие народы и племена. Н. А. Полевой был человек *смышленный*. Он тотчас смекнул делом и взял за образец “Revue Encyclopédique” (которого издателем был Julien de Paris), бывший тогда в моде, прибавил к своему образцу повести, как говорится, *скуки ради*, и “Московский телеграф” заговорил *обо всем*, как сказано было в обозрении литературы за 1824 год (в “Полярной звезде”): от петушьих гребешков до трансцендентальной германской философии, сочинив в то же время *высшие взгляды*[527]. Эти высшие взгляды были приманкою для молодых воробьев, бросающихся на мякину. Успех “Московского телеграфа” в первые годы был огромный, и все недоучившиеся юноши, все претенденты на самородную ученость поступили под его знамена. Не могу и не хочу распространиться об этом предмете, а скажу только, что убежденный в неправильном направлении “Московского телеграфа” и в сбивчивости и запутанности его мнимой философии и учености, я, с друзьями моими и многи-

ми из незнакомых мне поборников истинного просвещения, восстал противу “Московского телеграфа” в “Северной пчеле” и “Сыне Отечества”, и борьба эта продолжалась от начала до конца существования “Московского телеграфа”»[528].

После запрещения журнала Полевого в 1834 г. отношения между ним и Булгариным вновь улучшились, в 1835 г. в «Северной пчеле» была помещена статья Полевого «Посещение московской выставки произведений отечественной промышленности Государем Императором» (№ 131–134), важная для его «реабилитации». В 1838 г. Смирдин, взяв на себя издание «Северной пчелы», а также «Сына Отечества и Северного архива», поручил Полевому редактирование литературной части этих изданий, но из «Северной пчелы» Полевому, после конфликтов с Булгариным, в марте пришлось уйти. В дальнейшем Булгарин еще несколько раз ссорился и мирился с Полевым, то хвалил, то ругал его в печати[529]. Аналогичным образом вел себя и Полевой [530]. Вместе они начали писать нравственно-описательный роман «Счастье лучше бога-

тырства» (Библиотека для чтения. 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82), оставшийся из-за смерти Полевого неоконченным.

Републикуемые рецензии были одними из последних печатных выступлений Полевого (Литературная газета. 1846. № 1, 3. 1, 19 янв.). Булгарин 4 января написал Полевому письмо по поводу его краткого отклика на первую часть, после появления рецензии на вторую часть опубликовал «Ответ Воспоминаний Фаддея Булгарина на поминаниям Н. А. Полевого» (Северная пчела. 1846. № 20, 21. 24, 25 янв.), на что Полевой отозвался статьей «Полевотип, или Нечто о Воспоминаниях Ф. В. Булгарина» (Литературная газета. 1846. № 4, 5. 26 янв., 2 февр.). Булгарин, скорее всего, продолжил бы полемику, но на следующий день после публикации последней статьи, 3 февраля, Полевой «упал, как будто пораженный каким-то громовым ударом, на диван; лишился сна, пищи и впал в какое-то небытие нравственное и телесное»[531], а 22 февраля умер. По свидетельству П. П. Каратыгина, «на смертном одре, в предчувствии и сознании близкой смерти, Полевой спросил у кого-то из

окружающих: “Не сердится ли на меня Булгарин?” Эти слова были последним воспоминанием умирающего о покидаемом навеки литературном поприще»[532].

Булгарин напечатал некролог ему (Северная пчела. 1846. № 49), ходатайствовал (и успешно) в III отделении о назначении пенсии его семье[533] и в дальнейшем не раз писал о нем[534].

Н. А. Полевой

[Рецензия на первую часть «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина]

Воспоминания Фаддея Булгарина. Орывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Часть I. СПб. в тип. Э. Праца, 1845, в 12, стр. XXIII и 332

Дожидаясь выхода 2♦й части, мы только порекомендуем эту книгу любопытству читателей. Впрочем, надобна ли даже наша рекомендация? Чьего любопытства не возбудит жизнь человека, который родился поляком, воспитан в русском кадетском корпусе, после покорения Польши был в русской службе,

сражался в русских рядах, увлечен потом судьбою под знамена Наполеона, бился под орлами его в Испании и, когда смолкли битвы, променял саблю на перо, сделался сперва польским, а потом русским литератором, грозным журналистом, и вот уже двадцать пять лет не сходит с боевого журнального прища[535]? Если записки Ф. В. Булгарина не любопытны, то ничего в мире нет любопытного. Вот почему нам не понравилось предисловие к «Воспоминаниям». Во-первых, открытый бой противникам, оправдание в критиках, жалобы на клевету и проч. Для чего все это? Приближаясь к шестидесяти годам (Ф. В. Булгарин родился в 1789 году), пора укрощать пылкие порывы страстей, а двадцать пять лет бывши журналистом, можно привыкнуть хладнокровно читать критики самые справедливые – об несправедливых и говорить не стоит! Второе, описывая, как писались «Воспоминания», Ф. В. Булгарин говорит: «Я прочел написанное несколькими искренним приятелям... “Печатайте!” – сказали они в один голос. “Печатай! Печатай!” – повторили в семье. Явился *мой добрый* М. Д.

Ольхин и *решил*: “Печатать!” – Печатаю!» Нам думается, что другие, гораздо более важные причины могли и *должны были* побудить Ф. В. Булгарина писать и печатать свои «Воспоминания». Ему, и *ему* именно, *надобно было* написать и издать свои записки. Какие же были эти *причины*? А вот поговорим при *второй части* «Воспоминаний».

Письмо Ф. В. Булгарина Н. А. Полевому 4 января 1846 г. [536]

Почтенный Николай Алексеевич.

Пишу к Вам без всякого гнева, хладнокровно, как будто ничего не бывало, – пишу для того, что почитаю это нужным, как и не нравящееся Вам предисловие в моих «Воспоминаниях».

Итак, скажу Вам: лучше бы Вы попросту разругали мою книгу – тогда бы, по крайней мере, не были бы виноваты пред Вашею совестью. Зачем эти *nicht bestim[m]t sagen*[537]? Я не Суворов, а больше его гнушаюсь *нихтбештимтзагерством*[538]! Или кулаком в морду, или братский поцелуй – а зачем это *плеванье пятясь назад*! Что Вам считать мои годы, как у бракованной лошади, – зачем Вам выстав-

лять на сцену мое полячество, мое наполеонство, не сказав ни слова: хороша или дурна книга – принес ли я пользу русской литературе в 25 лет! Разве это библиография и критика? Вспомните, с каким теплым чувством я говорил о Вас, когда Вы создали свою *автобиографию* – я поставил Вас наряду с Ломоносовым[539] – я говорил как человек – без нихтбештимтзагерства!

Говоря о книге – Вы указали только на то, что Вам *не нравится* – на предисловие! Честь имею уведомить, что и «Воспоминания» писаны для *предисловия*, а не *предисловие* – для «Воспоминаний», и что на чужих языках предисловие выйдет в 12 печатных листов – с *именами*[540].

Великий Вы грешник, почтенный Николай Алексеевич, и да простит Вас Бог! Будьте уверены, что я не трону Вас в «Пчеле», ни Вас, ни «Лит[ературной] газеты», тем паче, что мне сказывали, якобы Краевский просматривает Ваши писания! До этого бы я не дожился – имея [слово нрзб] и Неву под боком!

Я даже не читал сам «Литер[атурной] газеты» – принесли друзья и показали, примол-

вив: «Esse homo!»[541] О матушка Рассея! Ты изобрела чудную и характеристическую по-словицу: водись, а камень за пазухой держи! – Написать бы в гербе России!

Ваш [нрзб; старый друг?] Ф. Булгарин
4 дек[абря][542] 1846

Н. Полевой

[Рецензия на вторую часть «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина]

**Воспоминания Фаддея Булгарина.
Отрывки из виденного, слышанного
и испытанного в жизни. Часть вто-
рая. С. Петербург. 1846 г., в тип. Э.
Праца, в 12-ю, 349 стр., с нотами мар-
ша**

Прочитав теперь две части «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина, мы скажем, что давно не читали русской книги, которая в исторической раме, описывая действительность, была бы при том так занимательна подробностями, как вымышленный роман. Прибавьте, что в то же время видите здесь живую, яркую, подвижную картину нравов, и в лицах галерею современников больше нежели за полве-

ка, ибо, не довольствуясь тем, что *видел* сам, автор рассказывает и то, что *слышал* от других. Можно вообразить себе, как будет любопытна книга, если автор проведет нас таким образом по всем изменениям своей бурной, деятельной, разнообразной жизни! Не знаем, сколькими томами ограничатся воспоминания Ф. В. Булгарина, а вероятно, томов будет немало, и тем лучше! Нетерпеливо ждем их, ибо, вероятно, интерес рассказа будет возрастать по мере того, как автор будет знакомить нас с дальнейшими подробностями жизни своей. В двух вышедших томах он доводит рассказ только до выпуска своего из кадетского корпуса в октябре 1806 года и выступления своего в поход в рядах русской гвардии в феврале 1807 года. Он изображает нам картину быта польских дворян в конце прошедшего столетия, жизнь кадетскую, петербургское высшее и офицерское общество, описывая свое детство в отцовском доме, воспитание в кадетском корпусе и пребывание прежде и после того в Петербурге. Рассказ прост, добродушен и носит все признаки, что автор говорит искренно. Он не скрывает от нас ни

странностей польских панов, ни кадетских проказ своих, ни уланского разгуля с товарищами. Как любопытно будет увидеть автора «в чистом поле под шатрами»[543], в кровавых битвах на берегах Алле и потом на скалах Финляндии, и слышать рассказы о его боевой, бивачной его жизни! А потом Париж при Наполеоне, Сарагоса, Березина, Бауцен — мы помним, какое живое участие возбуждал Ф. В. Булгарин, рассказывая отрывки из бывшего в «Воспоминаниях об Испании» и в «Знакомстве с Наполеоном под Бауценом»[544]. Меньше ли любопытен будет рассказ его о литературном поприще за четверть столетия? Тут мы увидим и услышим историю нашей литературы, в которой деятельным участником был и есть Ф. В. Булгарин. Повторим, что сказали прежде: ему *надобно* было написать свою биографию как поверку, оправдание, *разгадку* многого. Многие портреты и характеристики обрисованы автором мастерски, а действующих лиц является обширная, разнообразная галерея, начиная от Карла XII, о котором рассказывала автору бабушка, до Лантинга, наставника его в кадетском корпусе, от

Ферзена, которого видел автор в детстве, до Дибича, которого знал офицером, Озерова, Крюковского и Яковлева, с которыми был современником, пел и гулял. Мы постараемся передать нашим читателям содержание любопытных «Воспоминаний» Ф. В. Булгарина в особенных извлечениях, а теперь по праву, по невольной, даже грустной *обязанности* критика хотим, ибо обязаны, заметить некоторые ошибки и недостатки автора. Блажен читатель, читающий просто и не обязанный отдавать другим отчета в своем чтаньи! У критика *обязанность* другая, ибо он должен *отчетом* своим читателям. Между тем такой отчет нередко ставит критика в положение затруднительное. Не говорим о *критикантах*, у которых одна *обязанность*: *отделать* книгу порядком, и своя публика, которая в восторге, если любимец ее *отвалял* кого-нибудь – браво! и делу конец![545] Критикантов должно отделять от *критиков* настоящих. Здесь совсем другое дело, и *обязанность* гораздо труднее. Главное не в том, что потребны знание дела, осмотрительность и беспристрастие. Главное в том, что нередко оправдывается

русская пословица: «Говорить правду, потерять дружбу». Смешивая голос беспристрастного ценителя с воплем литературных удалцов, многие говорят: *отделал*, при самых умеренных и осторожных замечаниях. Найдутся друзья, которые рады поработать язычком, а ведь всякий автор человек! Еще Гораций утвердил, что «поэты народ раздражительный»[546], а все авторы сродни поэтам. Всего менее можем мы опасаться, что Ф. В. Булгарин почтет наши замечания внушенными неприязнью. Он видит, как почтительно оценили мы его «Воспоминания» и как отдаем мы справедливость их литературному и историческому достоинству. Он сам всегда говорит и твердит нам, что даже нравственный недостаток его составляет *страсть к правде*, неумолимая правдивость и неуменье скрывать правду. Но ужели он после сего может сердиться за правду? Не верим и будем говорить ее Ф. В. Булгарину, как он говорит ее другим – без запинки!

Мы не будем спорить там, где автор сказывает *свое* мнение об разных предметах и по *нашему* мнению решительно ошибается. Так,

например, рассуждая (стр. 160–161) о слоге и слогах, автор утверждает, что «пока Карамзин был *независимым литератором*, был прост, мил, летуч, естествен в слоге, а когда в звании историографа захотел казаться важным, *серьезным*, красноречивым, по тогдашнему времени, то сделался до 7♦го тома Истории государства Российского *надут, напыщен и неестествен в слоге!* С 8♦го тома «Истории» Карамзин снова вошел в свой *натуральный* характер, и, за исключением некоторых мест, слог его в этом и последующих томах естествен и прост». Нам кажется, что мнение автора неверно, а способ изложения этого мнения оскорбителен для памяти бессмертного историографа нашего. Карамзин был *независим* и был хорош, сделался историографом и захотел казаться *красноречивым*, по тогдашнему убеждению, когда «педанты верили, что тот слог образцовый, который составлен из периодов», а с VIII тома Карамзин опять исправляется! Повторим: неверно, оскорбительно и прибавим еще – смешно! И когда же было это *тогдашнее время*? В 1816 году, когда писали Жуковский, Батюшков, наши образцы

и учителя, князь П. А. Вяземский, также образец слога в своем роде, когда было лучшее время нашей прозы, когда явились лучшие прозаики наши, Сперанский, Дашков, Гнедич, Греч? И неужели нынешний слог, нынешняя проза наша, хотя бы, например, слог самого Ф. В. Булгарина можно почесть более усовершенствованным, и наших нынешних прозаиков, против которых беспрестанно сражается Ф. В. Булгарин, шагнувшими в понятия о слоге и прозе далее Карамзина? «Педанты верили и верят, что только тот слог образцовый, который *составлен из периодов*». Не страшась *трех восклицательных знаков*, которыми вооружился здесь автор, просим записать нас в педанты и спрашиваем: где нашел он слог или просто речь *без периодов*? Странные понятия о самых первых началах грамматики!

Не менее странно читать, когда автор утверждает, что «чувство и воображение *не только не нужны в делах, но даже вредны*», что «в делах нужны только здравый ум, ясное суждение и *искусство изложения*» и что «нет и не может быть поэзии ни в *обществе*, ни в

службе» (стр. 238, 239). Так может думать только какая-нибудь приказная строка[547], поседевшая в приказах, чиновник, который далее своей канцелярии ничего не видит, но не образованный и просвещенный военный и гражданский чиновник. И мы уже вовсе не понимаем, что за общество изображает Ф. В. Булгарин, в котором нет *ни поэзии, ни чувства, ни воображения!* Если он сам не замечал их ни в службе, ни в обществе, это вина не службы и не общества, а его самого. Зачем же по себе мерять всех! Сердитый на нынешнее общество вообще, автор, описывая быт 1807 года, восклицает: «Образованное общество *не было погружено в расчеты и спекуляциях* и слова: “Россия”, “слава”, “народная честь” звучали в ушах приятнее золота и *пробуждали чувство, не уснувшее глубоким сном на лоне эгоизма*» (стр. 246). Смеем уверить и беремся доказать несправедливость такого мнения об нынешнем обществе, которое опять-таки в сущности неверно. Здесь опять довольно будет прибавить, что по собственным своим понятиям или, лучше сказать, *по себе*, о других судить не должно и что такие

элегии о прежнем золотом времени и о современном падении нравов, такие сетования «о братии, в мирской погибшей суете», смешны и жалки!

Входя в психологическо-физиологические суждения о народных характерах и темпераментах, автор восклицает: «Ничего нет забавнее объяснения слов: характер и темперамент, в *наших* (?) лексиконах. Одни их смешивают, другие говорят *такой вздор, что уши вянут!*» Следуют открытия автора, что темперамент, живость, веселость французов «суть последствия их *легкого* (?), приятного климата и *пищи*», ибо «французский *превосходный суп* (pot au feu), их пряные приправы, *трюфели, чеснок* и, наконец, вино способствуют живости, когда, напротив, самый климат Германии, здоровый, но слишком *однообразный* (?), иногда *угрюмый* (?), грубая, тяжелая немецкая пища и неумеренное употребление пива способствуют к сгущению крови и какой-то неподвижной холодности!» Не знаем мы определения темпераментов народных и причин, от которых они выводятся в каких-то *наших лексиконах*, но от определения Ф. В. Бул-

гарина – повторим его слова – невольно «уши вянут!».

Предоставляем другим вступаться за нашу современную драму, уничтожаемую Ф. В. Булгариным. Восхваляя Озерова и уверяя, что ему не было преемников, Ф. В. говорит: «Есть у нас драмы, и *даже некоторые из них очень хорошие*, но русской трагедии в новом вкусе и в новом духе – нет! Нет ничего такого, что бы мы могли поставить, хотя на низшей ступени, за “Валленштейном”, “Орлеанскою девою”, “Дон-Карлосом” и проч.» Бедная русская драма, да, стократно бедная! выслушай свой приговор и причины его! «Нынешние русские драмы или трагедии (не знаю как их назвать) мне *не нравятся!*» Кончено с русской драмой! Внимайте вы все, Кукольник, Хомяков, Розен, Ободовский, Муравьев, Гедеонов, Полевой, Ротчев, вы все, внимавшие иногда рукоплескания «нынешнего общества, уснувшего на лоне эгоизма»: вы *не нравитесь* Ф. В. Булгарину, хоть он иногда и сам похваливал вас! В грозном гневе на русские драмы, «из которых есть даже некоторые очень хорошие», он не пощадил даже самого себя. Литературный

Брут! Он забыл даже *свою драму*, свою «Шхуну Ньюкарлеби»[548] и возвел ее на костер осуждения вместе с другими русскими драмами! За что же гнев? Вот за что: «Нас уверяют, что *они* писаны стихами, пятистопными ямбами, а я вижу в них...» Страшно повторить, что видит в них Ф. В. Булгарин, но так и быть – повторим: «вижу в них *напыщенную, раздутую, рубленую, или крошеную прозу*, вроде “Гонзальва Кордуанского” или “Кадма и Гармонии” Хераскова. Один писатель (попался, бедняк!), впрочем, талантливый (где гнев, тут и милость – добрый Фаддей Венедиктович!) пошел в наше время еще *дальше*. Он даже отверг ритм, или размер в своих драмах, на заглавии которых выставлено, что они писаны стихами!!!» Три восклицательных знака! Беда! Это Геркулесова палица[549] в руках Ф. В. Булгарина, с которою он, как мы выше говорили, не страшится даже изгонять *периоды* из языка. А ты, «один писатель, впрочем талантливый!», внимай и знай: «*Стих без меры (ритма) и без рифмы еще хуже, нежели музыка без гармонии*». Как, что такое? скажешь ты – *рифма в стихах* то же, что *гармо-*

ния в музыке? Ф. В. не удостоит тебя ответом и прибавит: «Но в наше время все сходит с рук!» В самом деле, не всегда, но иногда «все сходит с рук», но за что так сердится Ф. В. на наше время? Неужели по привычке всех тех, кому шестой десяток лет на исходе? Но он должен быть выше подобной участи обыкновенных стариков, похожих на подагрика в басне Дмитриева[550]. Осуждать русские драмы за то, что они писаны стихами без рифм... Боже мой! да ведь не все же? Вот «Шхуна Ньюкарлеби» писана прозою. Уж не для таких ли *прозаических* драм оставлен уголок, что из драм есть у нас «некоторые очень хорошие»? Умно, но справедливо ли?

Впрочем, обо всем, что мы здесь мимоходом заметили, о слоге Карамзина, о темпераментах, о деловых людях, о современной драме, о современном обществе и о многом другом, мы спорить не станем и даже не назовем всего этого погрешностями в «Воспоминаниях» Ф. В. Булгарина. Так он думает, так ему кажется. Вольному воля! Но мы не можем пропустить без замечания, что оба тома «Воспоминаний» обилуют – как бы здесь выразить-

ся? – неправдами не неправдами, а ошибками, обмолвками, *омылками*, как говорят поляки[551], словом, чем-то таким, чего истинной назвать нельзя. И тем строже надобно здесь быть, что автор наперед говорит читателям: «Мои почтенные читатели! верьте мне, что *все сказанное в моих воспоминаниях* *сущая истина*. Пусть современники уличат меня во лжи. Где нельзя сказать правды, там я молчу, а не лгу. Вообще в моих “Воспоминаниях” *нет ничего выдуманного мною, все здесь справедливо*. Я должен пропускать многое, но не обязан прибавлять или искажать истину». Прекрасно, благородно, иначе нельзя, никто и не «обязывает» автора «прибавлять» или «искажать истину», но вот задача: «*Ошибиться я мог в числах, в именах, в порядке происшествий, потому что пишу не из книг, но из памяти, но в существе все правда*». Здесь трудно положить математическое разделение между *ошибкою* и *неправдою*. Что такое *ошибка*, если не *неправда*? И если меня уличают в *неправде*, могу ли я оправдаться тем, что это не «неправда», а *ошибка*? Дело темное! Вы пишете не из книг, а «из памяти»,

но, слушая вас, мы вправе сказать: «Говорите, да оглядывайтесь». Память наша слаба, и для чего не заглянуть вам иногда в книгу? Если мы находим такие ошибки, которых простить не можем, *в том, что мы знаем*, плохое вам извинение, что вы «пишете из памяти»! И кто же нам поручится после того, что в рассказах ваших *о том, чего мы не видали и не знаем*, нет также – положим, *ошибок*, чтобы не спорить в словах? Оставляя все дальнейшие изъяснения, обращаемся к делу и попросим Ф. В. растолковать нам, например, следующее.

«Император Павел Петрович *отозвал* Суворова из Италии и генерала Германа из Голландии» (стр. 201). Когда же это было? Известно, что Суворова из Италии не отзывали. Ему велено было идти в Швейцарию и, видя разбитие Корсакова под Цюрихом, он принужден был поневоле оставить Швейцарию. Еще менее могли отзывать Германа, когда он был разбит и в плену! Император Павел не только не думал отзывать войск из Голландии, но, боясь за дарования Германа, послал туда лучшего генерала своего после Суворова, М. Л. Голенищева-Кутузова.

«Император Александр, в угодность первому консулу, *отозвал* Колычева из Парижа, на *гордость* которого (*гордость Парижа?*) он жаловался» (стр. 203). Ф. В. приписывает Колычеву событие с графом Марковым, действительно отозванным за горделивое обращение с Наполеоном, в 1803 году. Колычева просто сменил Марков в звании посла в 1801 году.

На стр. 217 находим, что после Пресбургского мира «*император германский* лишился прежнего титула и стал называться *императором австрийским*». Он никогда и не назывался «императором германским», а если речь о титуле «римского императора», то отречение от сего титула последовало не по Пресбургскому трактату, но через полгода потом, августа 6 1806 года, при учреждении Рейнского союза. Пресбургский трактат подписан 20 декабря 1805 года.

«Блистательные победы Фридриха Великого, *успехи над русскими при Кунерсдорфе и Цорндорфе*» (стр. 221). Помилуйте, Ф. В.! Да если уж и Цорндорфскую битву включать в число Фридриховых побед, позвольте вам напомнить, что никогда Фридрих не был так страш-

но разбит, как во Франкфуртской, или Кунерсдорфской битве! Странная будет ошибка памяти, если назвать Полтавскую битву победою Карла XII, а ведь это одно и то же, что Кунерсдорф назвать победою Фридриха!

«Фридрих Великий *изобрел конную артиллерию*» (стр. 154). Извините! Не бывши военными людьми, мы знаем, и как же вам, военному человеку, не знать, что конная артиллерия есть *наше, русское* изобретение, которое перенял у нас Фридрих!

Но удивление наше было неизъяснимо, когда на стр. 232–233 читали мы следующее: «*Пущено в свет (в 1806 г.) род* объявления, без подписи, для воспламенения народа противу нарушителя общего спокойствия Наполеона Бонапарте... Этот современный акт *чрезвычайно любопытен и редок. Я удержал в памяти несколько выражений.* Начинаясь он сими словами: “Неистовый враг, Наполеон Бонапарте, *уподобишася Сатане...*” Представив его (Наполеона) *каким-то Картушем*, объявляли, что он *идет на Россию*, и приглашали *ополчиться за дом Пресвятыя Богородицы и за царя православного...*» Начать с того, что в нача-

ле этого акта было сказано, *от кого именно* издается он. Далее, этот акт не только не редок, и особенно *не чрезвычайно редок*, но напечатан в «Собрании законов Российской империи», том XXIX, № 22, 394, стр. 928–930. *Картушем* в нем Наполеона не представляли, а изображали его гордым завоевателем и нарушителем мира, и сражаться «за дом Богородицы» в нем не приглашали.

Уж читал ли полно его Ф. В.? Здесь всего страннее, что Ф. В. *удержал в памяти выражение*, будто Наполеон «уподобишася Сатане», а этих слов там *не было и нет!* Как же они *удержались в памяти* Ф. В.? Вот что значит – «писать из памяти!». Припомнить то, чего вовсе не бывало!

Не знаем, злодейка ли память или что другое виновато, но мы находим в «Воспоминаниях» даже целые ряды событий, представленные превратно и с такими неточностями или неправдами – виноваты, *ошибками*, что, читая их, не понимаете, как мог допустить их автор. И пусть бы о старине шла речь, а то говорится о том, что делалось почти в глазах автора или рассказывалось ему самими дей-

ствователями! Говорим не о таких делах, где хотя истина и видна, но можно понимать ее иначе и спорить. Так Ф. В., говоря о Питте и оспаривая, что не личная ненависть к Наполеону и не глубокая политика эгоизма, думавшая только о величии Англии и постигнувшая, что его можно основать только на падении Наполеона и Франции, утверждает, что какое-то аркадское желание[552] «утвердить во Франции *миролюбивое правительство*» руководило Питта. Что тут сказать? Пожалеть, что Ф. В. несправедливо (что легко можно доказать) обвиняет при сем случае Биньона, но убедить его в несправедливости его слов невозможно. Он скажет: «Все так, но я знаю, что Питт иначе думал!» Тогда останется поклониться и сказать: «Может быть, потому что Питта лично мы не знали, и он нам своих мыслей не сказывал!» Нет! в «Воспоминаниях» Ф. В. найдем мы многие места, где он говорит, чего вовсе не бывало, когда истина вполне известна и открыта всем и каждому – указываем для примера на его описание Прусской войны 1806 года: это ряд ошибок, в историческом и военном отношении, ошибок

непростительных! Ф. В. говорит, что он рассказывает то, что *слышал* от маршала Сюше и «одного из лучших прусских офицеров, любимца Блюхерова, майора Коломба». Может быть! Если очевидный свидетель иногда «цветит, украшает, даже иногда творит, не боясь обличения, и скажет нам: я так видел, так слышал – критика безмолвствует», по словам Карамзина[553], но *могли* ль Сюше и Коломба рассказывать Ф. В. следующее:

1) Что при начале Прусской войны Наполеон чрезвычайно ласкал Пруссию и обещал ей большие выходы, уговаривая ее не воевать (стр. 221).

2) Что герцог Брауншвейгский воротился из похода во Францию, в 1792 г., потому что был разбит при Вальми Келлерманом (стр. 222–223).

3) Что пруссаки, судя о войсках Наполеона по английским карикатурам, ожидали встретить в победителях при Ульме и Аустерлице «*французских маркизов с их поварами и парикмахерами*» (стр. 227)!

4) Что Наполеон перед Иенскою битвою, «подавив свое огорчение, написал письмо ко-

ролю прусскому, где приглашал его к союзу, предоставлял ему не только Ганновер, но и полное влияние в северной Германии» (стр. 228).

5) Что после битв при Зальцбурге, Шлейце и Заальфельде пруссаки «лишились магазинов, от чего водворились в прусской армии не только недостаток, но даже голод» (стр. 230)!

6) Что когда пруссаки дрались при Иене и Ауерштедте, то они были *тылом* к Рейну, к которому прежде *шли фронтом*, а французы стояли *тылом* к Эльбе, а к Рейну *лицом*! Можете взглянуть на стр. 230, если нам не верите!

7) Что в Иенском сражении герцог Брауншвейгский *был убит* (стр. 231).

Не исчисляя ничего далее, осмеливаемся утверждать, что указанных нами семи подробностей не могли передать Ф. В. ни Сюше, ни Коломб. Положим, что они вовсе не знали событий похода герцога Брауншвейгского в Шампанию, переговоров и дел Наполеона с Пруссией в 1805 и 1806 годах, и обстоятельств письма Наполеонова к прусскому королю; ве-

рим, наконец, мнению пруссаков, что Даву, Бернадотт и Ланн похожи на французских маркизов – пусть так: они не были историки, политики, дипломаты. Но как же они, *самовидцы*, могли говорить, что герцог Брауншвейгский был убит под Иеною, когда он был только ранен, бежал и умер в Альтоне уже в ноябре месяце? Как могли они рассказывать, что со взятием Шлейца и Заальфельда *водворился голод* в прусской армии, когда Шлейц и Заальфельд были передовые места при расположении прусской армии, магазинов запасных там не было – да и кто упреждает магазины в авангарде? – а были магазины в тылу прусской армии, и именно в Эрфурте, а главные в Наумбурге, Лейпциге и Магдебурге, что все досталось Наполеону уже по разбитии прусской армии? Наконец, если бы Сюше и Коломб говорили нам, положим, о повороте французов *тылом к Эльбе*, а пруссаков *тылом к Рейну*, мы осмелились бы им отвечать: мм. гг., позвольте доложить: Рейн и Эльба текут параллельно. Прусская армия составляла угол, стоя от Эрфурта до Лейпцига, с запада на восток, и от Эрфурта до Иены, с севера на юг.

Наполеон повернул к Иене фронтом главной армии. Следовательно, пруссаки всячески были *левым флангом к Эльбе и правым к Рейну*, а Наполеон *правым к Эльбе, а левым к Рейну*. Тут что-нибудь да не так, и мы удивляемся, слыша подобную небылицу от вас, военных людей и самовидцев!

Но оставим поля битв и обратимся на что-нибудь ближе к нам, что даже мы сами можем поверить, как самовидцы. На стр. 196–197 находим в «Воспоминаниях» историю двух известных моряков, Хвостова и Давыдова, и – да простит нам почтеннейший Ф. В. нашу откровенность, хоть он и говорит, что *«вся гвардия знала похождения Хвостова и Давыдова»* и что он, Ф. В., *«знал хорошо Хвостова и Давыдова»*, но рассказ его об них – ошибка на ошибке!

1. Начинается тем, что Рязанов, а не Резанов, находясь в Петропавловском порте, за столом, говорит: *«Русская честь требует отомстить варварам!»* – *«Дайте только позволение, а я заставлю японцов раскаяться!»* – отвечает Хвостов. Рязанов в порыве гнева пишет *несколько строк в виде позволения* и отдает

Хвостову. Тот бежит на свой бриг и собирается в поход. На другое утро Рязанов хочет взять позволение, но Хвостов не соглашается и немедленно отплывает в Японию.

Это что-то вроде повести о Бове королевиче[554]. Если бы так было дело, Рязанова и Хвостова надобно бы почесть сумасшедшими. План Рязанова был веден издалека, для него издавна готовили суда на острове Ситхе, и одно, тендер[555], построили нарочно, а другое, бриг, купили у американца Вульфа. Рязанов предписал после того Хвостову идти на Сахалин и другие острова, по словам его принадлежащие России, и если найдут они там селения японские, истребить их, стараясь щадить японцов, и потом, давши им почувствовать силу России, завести с ними сношения и торговлю. Давыдов немедленно отправился по назначению, а Хвостов повез Рязанова в Охотск. По прибытии сюда Хвостов готовился к отплытию, когда Рязанов потребовал к себе инструкцию, ему данную, и возвратил ее с двусмысленною припискою. Хвостов хотел объясниться, но Рязанов уже уехал из Охотска в Россию. Инструкцию можно было толко-

вать положительно и отрицательно. Хвостов истолковал ее положительно и поплыл к Сахалину.

2. «С одним бригом Хвостов наделал столько хлопот японцам, что *все их государство пришло в движение, брал суда, делал высадки, жег города и селения* и только за недостатком боевых запасов возвратился в *Петропавловский порт с богатейшею добычею*».

Ничего этого не было. Хвостов нашел японцев на одном из Курильских островов, считаемых принадлежащими России. Японцы встретили его неприязненно. Он сразился с ними. Ночью японцы без бою бежали и оставили крепость. Хвостов забрал себе припасы, сжег крепость и возвратился в Петропавловский порт. *Богатейшая добыча* состояла в немногих японских редкостях.

3. «В Петропавловском порте начальствовал тогда известный всему флоту капитан *Бухарин*. Тогда в Сибири бог весть что делалось!»

Мы сами были тогда в Сибири и смеем уверить, что в Сибири *бог весть чего* тогда ничего не делалось. Бухарин начальствовал в

Охотске, а не в Камчатке, где был тогда начальником генерал-майор Кошелев.

4. «Бухарин посадил тогда под крепкий караул Хвостова и Давыдова и овладел всем их грузом!»

Нет! Они спокойно перезимовали в Камчатке, летом осмотрели Сахалин и осенью 1807 года прибыли в *Охотск*, а не в Петропавловский порт, где Бухарин, боясь ответственности за их поступки, арестовал их.

5. «Хвостов и Давыдов ушли из тюрьмы и *пешком пробрались через всю Сибирь, не показываясь в городах и следуя проселочными дорогами.* Они встретились в сибирских пустынях с известным в то время разбойником, начальствовавшим толпою беглецов. Присутствие духа и молодечество Хвостова и Давыдова понравились разбойнику, и *он помог им пробраться в Россию!*»

Почтеннейший Фаддей Венедиктович! Ведь это что-то вроде «сказки», а не похождения людей, которых вы *знали хорошо* в Финляндии и в Петербурге (стр. 197), похождения, которые «*знали вся армия и гвардия!*».

Правда, что нетерпеливые, пылкие Хво-

стов и Давыдов при помощи охотских жителей ушли из тюрьмы и пешком достигли реки Алдана. Здесь, в Якутске, явились они к почтенному тогдашнему начальнику Якутска Г. И. Карташевскому, и он отправил их в Иркутск, где их с почетом приняли бывший тогда губернатором Н. И. Трескин и все жители. Они оставались в Иркутске, пока не получено было повеление отправить их в Петербург. Тогда они спокойно поехали, с казенною подорожною, в удобной кибитке, провожаемые множеством друзей иркутских за Ангару.

Если все сии подробности не были известны Ф. В., если кто обезобразил ему историю Хвостова и Давыдова, как же мог он всему поверить – поверить, что Хвостов и Давыдов «прошли пешком из Камчатки через всю Сибирь, не показываясь в городах, проселочными дорогами» (которых нет в Сибири) и что им «помог пробраться в Россию известный разбойник, начальствовавший толпою беглецов», как будто этот разбойник был какой-нибудь воевода сибирский! Положим, Ф. В. верит, что «тогда в Сибири бог весть что делалось», но чем же воображает он себе Сибирь и

еще более, за кого он нас принимает, рассказывая подобные небылицы, если он и не сам выдумал их?

Так же неверно представлена остальная часть истории Хвостова и Давыдова и самая смерть сих храбрых офицеров. И тут уж не чужие рассказы, не в Сибири происходило дело, а в Финляндии, перед глазами самого Ф. В. Что ж мы находим? Ф. В. уверяет, что после морской битвы, где храбрецы отличились, «главнокомандующий граф Буксгевден *привез обоих друзей в главную квартиру и в награду за их подвиги велел отдать им гауптвахте генеральскую почесть!*». Почтеннейший Ф. В.! разве какой-нибудь главнокомандующий имеет власть позволить подобные почести? И если Хвостову и Давыдову за их, согласимся, храбрый подвиг Буксгевден отдал такой почет, то что же должен был делать другим? Дело все происходило так: бывший тогда морской министр П. В. Чичагов, когда Хвостов и Давыдов приехали в Петербург (а не «внезапно явились» и «под суд отданы не были»), представил государю императору все дело и испросил им дозволение отправиться в Фин-

ляндию, государь император позволил, повелевая до времени оставить все дальнейшие исследования. Удальцы отправились и показали чудеса храбрости в деле с шведами между островами Суццалом и Ворцеллом, августа 18-го 1808 года. Главкомандовавший флотилиею капитан 1-го ранга Селиванов, донося обо всем главнокомандующему, послал с донесением Хвостова. Заставши главнокомандующего на прибрежной пристани, Хвостов так восхитил его рассказом, что когда шли они в то время мимо гауптвахты и караул выбежал отдавать честь, Буксгевден обратился к окружавшим его и сказал с улыбкою, указывая на Хвостова: «Господа! честь сию отдают не мне, но победителю!» Вот все, а то ли находим в «Воспоминаниях» *самовидца*?

Так, в каком-то мифическом рассказе представлена смерть Хвостова и Давыдова... Но, довольно! Представленных нами замечаний достаточно для убеждения, что в книге Ф. В. Булгарина находятся не только что «ошибки в числах и именах», но и такие, которые не знаем чем может он оправдать! Сохрани нас Бог основать на этих ошибках обвинение про-

тив всего, что воспоминает Ф. В., но грустно думать, что если мы находим *ошибки* в том, что мы хорошо знаем, автор «Воспоминаний» дает нам право подозревать ошибки и в том, чего мы не знаем, но что знают другие... Для чего же вводить нас в такое грустное искушение? Для чего свое прекрасное, легкое, живое творение безобразить странными мнениями, не справиться ни о чем хорошенько – для чего вообще *торопиться вспоминать*?

Да не здесь ли тайна всего? Торопливость и поспешность отказываются[556] в подробностях, в общности, даже в слоге «Воспоминаний». Автор скачет на почтовых и забывает подорожную почти на всякой станции, а без подорожной смотритель почтовых станций литературы, критика не может дать ему лошадей, хотя он ехал бы даже по казенной надобности. Автор избрал в эпиграф свои слова: «Отцы и братие! еже ся где описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправливая Бога ддя, а не кляните!» Эпиграф несколько не оправдывает автора. Слова, им приведенные, написал смиренный инок, списывавший Несторову летопись, и прибавил далее к сло-

вам, приводимым Ф. В. Булгариным: «Зане ум молод, не домысли, а книги беша ветшаны», то есть: «Я молодым умом не домыслил, а книги, с которых списывал, были ветхие». Но Ф. В. не с ветхих книг списывал, и ум его, зрелый ум старца, не мог *не домыслить*. Следовательно, эпиграф ему не оправдание.

Заклучим. Все, что заметили мы, должно показать почтенному автору «Воспоминаний» старание не вредить его книге, но полезным указанием недостатков ее заставить его быть осмотрительнее. Как ни охотно желаем мы видеть следующие томы «Воспоминаний», но лучше согласимся ждать долее, пусть только явятся они в виде более усовершенствованном. Ложка дегтя портит бочку меду. Да примет автор девизом: *festina lente*, Августово, помнится, и весьма мудрое изречение[557]. Пусть он устранил от себя странные мнения, будет менее резким и более осторожным в решениях. Пусть «Воспоминания» из памяти поверяет письменными и печатными фактами. Пусть особенно будет он осторожен, передавая рассказы других, ибо мы верим, что сам он не *прибавляет*, не *искажает* и не

выдумывает, да нам от того не легче. Здесь должен он помнить русскую пословицу: *Не всякому слуху верь*. Мы уверены, что какой-нибудь враль пересказал ему историю, например, Хвостова и Давыдова, но как мог он поверить безотчетно и пересказывать ее за достоверное? Почтенный автор согласится, что мы не к мелочам привязывались, и охотно готовы выслушать его оправдание, даже сердечно желаем, чтобы он оправдался, ибо замечания наши внушены были нам не неприязнью, но желанием добра. Мы также и не выбрали всего, что можно заметить – осталось еще многое! Рады будем, если заметки наши побудят Ф. В. Булгарина быть снисходительнее к другим. Возглашая себя поборником правды, он беспрерывно воюет с другими за мелочи, за обмолвки, за журнальные пустяки. Как без ошибок? «Врачу! исцелися прежде сам!»[558] Вот, например, речь об языке: мы ни слова не говорим о небрежностях языка, какие беспрестанно встречаются в «Воспоминаниях», а тем менее думаем выводить из них доказательства незнания русского языка, как нередко делает с другими Ф. В.

Булгарин, и вовсе не приписываем ошибок его против языка отсутствию Н. И. Греча[559]. Другой пример: на стр. 236–237 Ф. В. приводит слова Гамлета и пишет так: *to bee, or not to bee*, но глагол *быть* пишется по-английски *to be*. Вышла смешная ошибка. Слово *a bee* значит по-английски *пчела*, и следовательно вместо: *быть иль не быть* Ф. В. заставляет Гамлета говорить: *пчела иль не пчела!* Это похоже на известную ошибку немца, который на щите в честь королевы Виктории написал вместо: *God save the Queen* (*Боже! спаси королеву!*), *God shave the Queen* (*Боже! выбрей королеву!*). Выведем ли из этого, что Ф. В. не знает по-английски? Нимало: ошибка, хоть и забавная! Да избавит только его Бог от опечаток другого рода, а подобные мы рады прощать!

Ответ Воспоминаний Фаддея Булгарина
напоминаниям Н. А. Полевого

Алексей, не буди яр!

См. «Очерки русской литер[атуры]»,
Предисловие, стр. XXIX [560]

Сто раз русские журналы повторяли знаменитое восклицание г. Полевого: «Я знаю

Русь и Русь меня знает!»[561], равняющееся Цесареву: «Veni, vidi, vici»[562]. Кажется, однако ж, что Русь не все знает. С удивлением смотрит она на множество томов, томиков и томишков, которыми известный ей г. Полевой обогащает русскую письменность и книгопечатание, и не знает, почему эти томы, томики и томишки, развозимые, разносимые и рассылаемые по всей Руси, не переходят из пределов письменности и книгопечатания в область литературы. Кстати, мы скажем причину. Есть сочинения, которые производятся головою и сердцем, и есть сочинения, которые составляются руками и смышленостью. Первые, дело ума и чувства, составляют *капитал невестественный*; вторые, дело рук человеческих, образуют *капитал вещественный*, что весьма хорошо изложено г-м Полевым в его работе «О невестественном капитале»[563]. Капитал невестественный принадлежит литературе, или, как мы говорим, области изящного, а капитал вещественный письменности и книгопечатанию, составляющим часть той силы, которая необходима для движения гражданских обществ – промышленности.

Неизвестно нам, знает ли Русь, что в письменности есть инструмент, вроде дагерротипа[564], посредством которого можно производить многие томы, независимо от науки, размышления и убеждения. Положите на стол несколько стоп бумаги и, например, «Историю государства Российского», соч. Н. М. Карамзина; наведите инструмент на эту «Историю», и на бумаге выльется «История русского народа»[565], наоборот или превратно, как в дагерротипной живописи[566]. Черты будут те же, но наоборот, т. е. если подлинник смотрел вправо, то сколок смотрит влево, где в подлиннике бело, там в сколке черно, и т. д. Наведя этот инструмент на сочинение Шмита (Friederich von Smitt) «Suworow's Leben und Heerzüge»[567] и на русскую книгу «Победы князя италийского, графа А. В. Суворова-Рымникского», и проч. (Москва, 1818 года)[568], вы произведете «Историю Суворова»[569]; устремив инструмент на Голикова «Деяния Петра Великого», на сочинение г. Бантыша-Каменского «Жизнеописания российских фельдмаршалов» и изданную братьями Заикиными книгу «Жизнь русских генералов»[570], вы бу-

дете иметь «Историю Петра Великого», «Русские полководцы»[571] и проч. и проч. Даже устремив его на красивые тетрадочки под заглавием «Картинки русских нравов»[572], произведете «Были и небылицы, или Свет и люди, под редакциею Ивана Балакирева» (Н. Полевой)[573]. Все будет то же, да не так, т. е. черты и порядок будут те же, но белое будет черным, а черное белым. Инструмент этот, с переменою нескольких оптических снарядов, можно употребить и для сколков созданий воображения. Например, из характера *Карла Моора*[574] можно вылить для сцены *Ермака* [575]; из «Коварства и любви» Шиллера русскую «Смерть или честь»[576]; из польской пьесы «Милость государева»[577] и повести г. де Местра[578] «Парашу Сибирячку»[579], из романов Вальтер-Скотта и Августа Лафонтена вообще романы и повести, и т. д.

С этим инструментом все равно, писать ли историю, издавать ли журнал или составлять драмы: тут нужны только искусство и ловкость, и вы без всякого внутреннего убеждения можете переменить мнение и образ зрения на вещи и дела. Например, вы сегодня

редактор «Сына Отечества», следовательно, можете порицать сколько угодно «Библиотеку для чтения», а завтра, определившись в сотрудники «Библиотеки для чтения», можете смело порицать прежних товарищей своих по изданию «Сына Отечества», и т. д. Инструмент этот, вровень к *дагерротипу*, мы называем *полево*типом.

Г. Полевой в «Московском телеграфе» порицал *все и всех* и хвалил только *себя и своих* сотрудников. Это доказывалось в «Северной пчеле» в продолжение времени, когда издавался «Телеграф». Переселясь в Петербург, г. Полевой был попеременно сотрудником «Библиот[еки] для чтения», редактором «Сына Отечества», «Русского вестника», «Листка для светских людей» и потом сотрудником «Северной пчелы»[580]. «Сын Отечества», «Русский вестник»... что о них сказать!.. *Mortui, sed non sepulti sunt* (т. е. «Умерли, но не погребены»)[581]. Литературные листки перешли было в другую редакцию, расцвели и снова завяли. Сперва «Библиотека для чтения», а потом и «Северная пчела» откланялись очень вежливо почтенному своему сотруднику, и

вот г. Полевой определился в сотрудники к г. Краевскому (одному из всех журналистов, которому он до сих пор не сотрудничал) и, как мы видели в объявлении, взялся редакторствовать в «Литературной газете». Чем это кончится, не предсказываем, хотя математически, по данным, и можно было бы вывести заключение. Если «Литературная газета» не занимательна (что доказывается неуспехом ее), зато уж судьба «Литературной газеты» по крайней мере столько же занимательна, как «Парижские тайны» и «Вечный жид» Евгения Сю! В который раз «Литер[атурная] газета» переменяет своего редактора, свой формат и свое направление? По пальцам не сосчитаешь. Теперь г. Полевой взялся *поднять* газету, так, как он брался *поднять* журналы «Сын Отечества» и «Русский вестник»... *Поднять*, легко сказать, да ведь надобна сила! Силы не видим, а сметка есть. Надобно обратить на газету *внимание* публики. Чем же? Г. Полевой знает дело. В 3♦м номере «Литер[атурной] газеты», в 4♦м листе, на стр. 25♦й, он пишет: «Не говорим (должно читать: говорим) о критикантах, у которых одна обязанность: *отде-*

лать книгу порядком, и своя публика, которая в восторге, если любимец ее *отвалял* кого-нибудь – браво! и делу конец». В силу этого мудрого правила надобно было, при желании *поднять* газету, *отделать* и *отвалять* (выражения г-на Полевого) что-нибудь такое, что обращает на себя общее внимание, чтоб внимание это отразилось на газету. Не прикидываясь излишне застенчивыми, мы, скромные «Воспоминания» Ф. Б., должны сказать, что нам посчастливилось обратить на себя внимание публики, и вот нас *отделал* и *отвалял* г. Полевой. Ведь иначе нельзя: г. Полевой, будучи сотрудником «Сев[ерной] пчелы», помещал же в ней критики противу изданий г-на Краевского, так будучи теперь его сотрудником, обязан критиковать Ф. Булгарина. Г. Полевой знает хорошо, как и где должно действовать, и не нам учить его.

И вот в третьем номере «Литер[атурной] газеты» напечатана критика на «Воспоминания Ф. Булгарина», критика, которой дух, тон и направление ясно обнаруживают те чувства, какие питал и питает к Ф. В. писатель, который «знает Русь и которого Русь знает».

В приступе к критике г. Полевой говорит: «Главное не в том, что потребны знание дела (т. е. при критике), осмотрительность и беспристрастие», и на этом правиле основал свою критику. Г-н Полевой, автор драмы: «Русский человек добро помнит»[582], оказал, мало сказать, услугу, нет, он оказал *благодетельство* Ф. Булгарину, написав на его «Воспоминания» критику, в которой все обвинения **несправедливы** и в которой видна ясно, как бревно на дороге, побудительная причина к восстанию противу Ф. Булгарина. Вот и доказательства.

1. Г-н Полевой говорит, что император Павел Петрович не отозвал Суворова из Италии и не приказывал русскому войску, составлявшему корпус генерала Германа, воротиться в Россию, но что Суворов по разбитии Корсакова сам *должен был оставить Швейцарию*. Кто только знает *порядок дел*, тот не усомнится, что Суворов *не мог возвратиться в Россию*, не будучи *отозван*. Война имеет свои случайности, и даже по разбитии Корсакова Суворов мог бы продолжить войну и войти вторично в Италию, в соединении с австрийцами, если

б император Павел не прекратил военных действий. В «Воспоминаниях» сказано об *Италии*, потому что военные действия русских в Италии и в Швейцарии известны в военной истории под названием *Итальянской кампании Суворова*. Корпус Германа также был *отозван*. В военном и дипломатическом языке есть выражения, которых знающий человек не может заменять драматическими фразами.

2. Г. Полевой говорит, что австрийские императоры *никогда* не назывались *германскими императорами*, как сказано в «Воспоминаниях», но назывались римскими императорами, и это отречение от сего титула последовало не по Пресбургскому трактату, но чрез полгода потом, августа 6-го 1806 года. Берем первую попавшуюся нам под руки европейскую книгу: Universal-Lexikon, oder vollständiges encyclopädisches Wörterbuch herausgegeben von H. A. Pierer[583] (1835), том XV, стр. 271 и 272, и читаем: «Eine der wichtigsten Folgen des pressburger Friedens war die Errichtung des Rheinbundes (12 Juli 1806) durch Napoleon und die Niederlegung der

teutschen Kaiserwürde (6 August 1806)[584] durch Franz II, Franz nahm nun den Titel Franz I, Kaiser von Oestreich an». Т. е. «Одно из важнейших последствий Пресбургского мира было учреждение Рейнского союза Наполеоном и сложение с себя титула германского (или, пожалуй, немецкого) императора Францем II. Франц назвался *вторым*[585] и принял титул императора австрийского». По-французски австрийские императоры назывались: Empereurs d'Allemagne (см. «Hist[oire] de France» par Bignon, pages 483, etc.). Ясно ли, г. Полевой? Как прикажете перевести teutscher Kaiser или Empereur d'Allemagne?

3. В «Воспоминаниях» (часть 2, стр. 221) сказано: «блистательные его победы (т. е. Фридриха Великого) в Семилетнюю войну над господствовавшим тогда народом в Германии, разбитие французов при Росбахе, успехи над русскими при Кунерсдорфе и Цорндорфе, и проч., давали пруссакам права на гордость». Г. Полевой искажил текст «Воспоминаний» и пишет: «Блистательные победы Фридриха Великого, успехи над русскими при Кунерсдорфе и Цорндорфе», и вслед за этим воскли-

дает: «Помилуйте, Ф. В.! Да если уж Цорндорфскую битву включать в число Фридриховых побед, позвольте вам напомнить, что никогда Фридрих не был так страшно разбит, как во Франкфуртской или Кунерсдорской битве!» И мы, в свою очередь, восклицаем: помилуйте, г-н Полевой, зачем вы *искажаете* текст сочинения, выкинули всё находящееся между словами *победы* и *успехи* и тем дали превратный смысл речи?! Позвольте напомнить вам, что *победы* относятся к австрийцам, а к русским относится слово *успехи*, что вовсе не равно. В «Воспоминаниях» не сказано, что Фридрих Великий *одержал победы* над русскими под Цорндорфом и Кунерсдорфом, и это вы, г. Полевой, сами выдумали. В «Воспоминаниях» говорится о превосходстве прусского войска и тактике Фридриха Великого, что способствовало ему приобретать *успехи* даже над сильнейшим и храбрым неприятелем. Русских ужасно боялись в Германии, и *успех* прусского войска под Кунерсдорфом, в течение более нежели половины дня, убедил Фридриха, даже после проигранного сражения, что если случайно победа была исторгнута у него рус-

скими, в соединении с австрийцами, то солдаты его, однако ж, в состоянии противиться знаменитой русской пехоте. Это найдете вы, г. Полевой, в «Истории Семилетней войны» Архенгольца[586]. Этого сочинения, которое мы хорошо помним, у нас нет теперь под рукою, но мы ссылаемся на Universal-Lexicon того же Пирера, том XXI, стр. 53. У Фридриха было 40 000, а у австрийцев и русских 60 000 человек под ружьем, и союзники стояли в укрепленном лагере. Фридрих атаковал их: «Der König beschloss für dem kommenden Morgen den Angriff; der Feind sollte in der linken Flanke und im Rücken zugleich angegriffen werden, aber unüberwindliche Terrainhindernisse hielten die Preussen auf, ermüdeten sie und brachen ihre Kräfte vor Anbeginn der Schlacht. Indessen wurde der Angriff auf den linken Flügel der Russen mit der gewohnten Tapferkeit ausgeführt; umsonst empfing ein Kartatschenfeuer aus 100 Kanonen die Stürmenden, die Schanzen wurden erstiegen, die Batterien erobert, die Russen vom linken Flügel suchten ihr Heil in der Flucht, und schon waren fast alle Kanonen in den Händen der

Preussen. Es war Abends um 6 Uhr, der Sieg schien entschieden, und schon gingen die Eilboten vom Schlachtfelde mit der Siegesbotschaft ab, als sich das Kriegsglück auf einmal auf eine furchtbare Art wendete». Т. е.: «Король решился атаковать на другое утро неприятеля с левого фланга и с тыла, в одно время; но непреодолимые препятствия, представляемые местоположением, задержали пруссаков, утомили их и истощили их силы перед началом сражения. Между тем атака на левое неприятельское крыло произведена была с обыкновенным мужеством и, невзирая на картечный огонь из 100 неприятельских орудий, шанцы пройдены, батареи взяты, русские с левого фланга обращены в бегство, и почти все неприятельские пушки были в руках у пруссаков. Было 6 часов вечера, победа казалась решительною, и уже с поля сражения высланы были гонцы с известием о победе, когда внезапно военное счастье переменялось ужасным образом». См. то же в Энциклопедическом лексиконе (по-русски), том III [587], стр. 214. Выписывать все будет много. Скажем в нескольких словах, что Лаудон, на-

чальствовавший на правом фланге австрийцами и не принимавший весь день участия в сражении, пользуясь местоположением, удержал в это время картечными выстрелами прусскую кавалерию знаменитого Зейдлица, которая хотела смять австрийцев, и когда Фридрих, не довольствуясь своим успехом на левом фланге, двинулся на возвышения за русскими, чтоб истребить их, то Лаудон бросился в тыл и во фланг пруссакам, разгромил их картечными выстрелами и обратил в бегство. Когда можно говорить правду об Аустерлице, почему же не сознаться в том, что было за *восемьдесят девять лет* пред сим (в 1757 году)? Это было бы недостойно великого народа. Фридрих Великий был разбит под Кунерсдорфом, но имел успех над русскими, находившимися в этом сражении на левом фланге. Это уже напечатано в Энциклопедическом лексиконе. Г-ну Полевому угодно было, *исказив* текст, переделать *успех* в *победу*, вероятно на основании правила, изложенного им в приступе к критике: «Главное (в критике) не в том, что потребны знание дела, осмотрительность и беспристрастие». Исказить текст

сочинения, выкидывать целые предложения, чтоб обвинить противника, дело искусное! Поздравляем г. Полевого, но не завидуем ему.

4. Г. Полевой выписывает из «Воспоминаний»: «Фридрих Великий *изобрел конную артиллерию*» (стр. 224), и говорит: «Извините! Не бывши военными людьми («И по всему заметно!» – стих из «Горя от ума»), мы знаем, и как же вам, военному человеку, не знать, что конная артиллерия есть *наше, русское* изобретение, которое перенял у нас Фридрих!» И мы также восклицаем: извините; мы, как военные люди, знаем, а вы, не быв военными и желая уличить вашего противника в незнании, должны были бы прежде справиться в книгах. Вы знаете, что у нас не много книг в кабинете и что наша библиотека в Карлове, но из этих немногих книг вы можете узнать, кто изобрел *конную артиллерию*. Разверните: «Tafeln der Geschichte»[588], etc., von Dr. Eduard Vehse (1834)[589] и загляните на лист 55♦й, под годом 1740. А если вы предпочитаете справляться в русских книгах, то милости просим заглянуть в III том Энциклопедического лексикона, стр. 214: «Фридриху Велико-

му приписывают введение конной артиллерии, в 1759 году, хотя достоверно известно, что полковые орудия при наших кавалерийских полках, имевшие прислугу, посаженную на верховых лошадей, подали ему первую идею о сем оружии». Это еще не конная артиллерия, и *верховые* лошади здесь прибавка сочинителя статьи. В Военном энциклопедическом лексиконе, части 7♦й, книжке 26[590], на стр. 311 напечатано: «Первые следы ее (т. е. конной артиллерии) являются у нас, в России, при императрице Елисавете Петровне, когда прислугу при легких единорогах приказано было сажать на лошадей. В 1759 году Фридрих Великий учредил у себя одну конную батарею из шести орудий. В 1791 году конная артиллерия была заведена во Франции, а в 1794 году *и у нас*. По докладу генерал-фельдцейхмейстера князя Зубова[591] высочайше повелено учредить пять конно-артиллерийских рот, из 14 орудий каждую, 7 шестифунтовых пушек и 7 четвертипудовых единорогов. Однако же *прежде этого* была сформирована конно-артиллерийская рота в Гатчинском отряде Павлом Петровичем, бывшим еще на-

следником престола», и т. д. Теперь извольте сделать вывод и заключение из всего здесь сказанного. При Елисавете Петровне *сажали на лошадей прислугу* при легких единорогах, а Фридрих Великий *учредил* конно-артиллерийскую батарею в 1759 году, и конная артиллерия заведена у нас около 1794 года, после французской, учрежденной в 1791 году. Из этого следует, что у нас было *нечто вроде* конной артиллерии и что Фридрих Великий *первый* ввел в употребление настоящую конную артиллерию и *изобрел* ее устройство, которое принято французами в 1791 году, а у нас около 1794 года! Вот где суцая правда! Надобно знать основательно дело, чтоб понимать; надобно знать, что значит посадить прислугу на лошадей и что значит иметь настоящих конных артиллеристов при орудиях. Не раз случалось в походах, что солдаты пешей артиллерии, добыв лошадей, ехали на них при орудиях, но это еще не конная артиллерия. Знаете ли вы употребление полевой конной артиллерии в чистом поле, г. Полевой? Весьма сомневаемся, а мы учились артиллерии и истории ее и знаем, что говорим.

5. В «Воспоминаниях» (часть II, стр. 232–233) сказано об объявлении, напечатанном в 1806 году противу Наполеона, вроде бесед графа Ростопчина с московскими жителями в 1812 году. Г. Полевой изволил сомневаться, что Ф. Б. читал это *объявление*, и указывает на XXIX том Собрания законов, где напечатано это объявление. Знали мы об этом, г. Полевой, и справлялись, а на поверку вышло, что это *то*, да не *так*! Что было писано для простого народа, то не внесено в Собрание законов. Далее не хотим пояснять, хотя имеем теперь в руках то *объявление*, о котором говорится в «Воспоминаниях». Ну что было бы, если б все, что было напечатано в 1812 году, внести в Собрание законов и государственных актов? Полноте, г. Полевой, вы не понимаете дела!

6. Г. Полевой изволил печатать, что Ф. Б. в «Воспоминаниях» говорит то, чего *вовсе не бывало*, и приводит эту *небывальщину*. Вот она: «1. Что при начале Прусской войны Наполеон чрезвычайно ласкал Пруссию и обещал ей большие выгоды, уговаривая не воевать». Если это неизвестно г. Полевому, то

пусть он заглянет в сочинение человека, которому Наполеон в завещании своем на острове Св. Елены поручил написать историю дипломатии своего времени. Этот человек – Биньон, деятельно участвовавший во всех дипломатических делах того времени. Просим г. Полевого прочесть в «Histoire de France, depuis le 18 brumaire (Novembre 1799) jusqu'à la paix de Tilsit (Juillet 1807)» par M. Bignon (1836), главу XXXIX, где в заглавии выставлено: «Démonstrations bienveillantes de Napoléon pour la Prusse»[592], и в главе XLVI, стр. 424 и 425; тогда г. Полевой *узнает*, чего не знал. «2. Герцог Брауншвейгский воротился из похода во Францию, в 1792 году, потому что разбит при Вальми Келлерманом». И это кажется г. Полевому *небывальщиной!* Милости просим взглянуть в «Histoire des batailles, sièges et combats des Français, depuis 1792 jusqu'en 1815, etc., par une société de militaires et de gens de lettres, et publiée par Pierre Blanchard» (1818), в томе I, на стр. 44 и 56: «Combat de Valmy, 20 Septembre 1792»[593]. Ужели г. Полевому, который пишет «Историю Наполеона»[594] и разные истории, *неизвестно*, что герцог Бра-

уншвейгский был разбит при Вальми; что по имени этой победы генерал Келлерман при учреждении империи получил звание герцога Вальмийского, Duc de Valmy; что после сражения под Вальми произошло отступление союзников, *retraite des armées coalisées*, 30 Sept[embre] 1792 (стр. 52) и, наконец, знаменитая конвенция? Конечно, недостаток продовольствия и болезни были также причиной отступления, о чем и сказано в «Воспоминаниях» (во 2-м томе, на стр. 225), но если бы союзники одержали победу при Вальми, то дела приняли бы другой оборот. Историк Наполеона не знает о последствиях сражения при Вальми и за что Келлерман награжден титулом герцога Вальмийского! Вот уже это так история!

«4[595]. Что Наполеон перед Иенскою битвою, подавив свое огорчение, написал письмо к королю, приглашал его к союзу, предоставляя ему не только Ганновер, но и полное влияние в Северной Германии». Известно всем и каждому, что перед Аустерлицким сражением предложено было королю прусскому занять Ганновер и что Наполеон обещал не

вмешиваться в дела Северной Германии, если Пруссия приступит с ним к союзу. Прелиминарные[596] пункты были уже готовы, но не подписаны, и Наполеон предлагал королю мир, на прежних условиях, в письме к нему из Бамберга, которое король прусский получил незадолго перед Иенскою битвою, уже после Саальфельдского дела. Как историку Наполеона и разных других историй это обстоятельство неизвестно, то и советуем ему прочесть *отрывки* из письма Наполеона в «Истории» Биньона, стр. 591, а все подробности тогдашних сношений Наполеона с Пруссиею в гл. LXIII. «5. Что после битвы при Заальцбурге (не *Заальцбурге*, а *Саальбурге*, г. Полевой; *Зальцбург* на австрийско-баварской границе, а *Заальцбурга* не существует и не существовало), Шлейце и З(С)аальфельде пруссаки лишились магазинов, отчего водворились в прусской армии не только недостаток, но даже голод». Тут историк Наполеона и разных других историй пускается в рассуждения: «Как-де мог водвориться голод в прусской армии со взятием Шлейца и З(С)аальфельда, когда Шлейц и З(С)аальфельд были передовые ме-

ста при расположении прусской армии, магазинов запасных там не было, да и кто учреждает магазины в авангарде!» Искусство ваше в стратегии мы видели, г. Полевой, при расположении битв в драмах ваших «Ермак», «Елена Глинская»[597] и т. п., но, уж извините, после этого в руки не возьмем вашей «Истории Наполеона». Тут можно повторить вам стих из «Гамлета»: «За человека страшно!» [598] Ведь на поверку выходит, что вы, взявшись написать «Историю Наполеона», вовсе не изучали военной истории наполеоновского времени. Ужели вы не знаете, г. Полевой, что первый и второй планы войны герцога Брауншвейгского были *наступательные* и что он намеревался начать военные действия на Майне и перейти после к Рейну, полагая, что Наполеон будет стоять в оборонительном положении во Франконии[599] (Биньон, стр. 173). В этой цели на пути были заготовлены значительные магазины в Саальбурге, Саальфельде, Шлейце и других местах, хотя главные запасы собраны были в Дрездене, Лейпциге и Наумбурге. Но когда Наполеон *внезапным наступательным движением* ниспро-

вергнул все расчеты герцога Брауншвейгского, тогда он должен был принять *план оборонительный*, и Саальбург, Саальфельд, Шлейц поневоле должны были сделаться передовыми местами, чего прежде вовсе не было в предположении. Что там были магазины, это вы прочтете во всех военных историях: «Le Prince Louis, ignorant encore que Tauenzien avait été la veille chassé de la position de Schleitz, crut devoir défendre Saalfeld où se trouvaient des magasins considérables» (см. Биньона, стр. 594). Т. е.: «Принц Лудовик, не зная, что генерал Тауенцин был прогнан накануне из своей позиции при Шлейце, полагал, что должен защищать Саальфельд, где находились значительные магазины». Ясно ли? Кому верить: Биньону ли, которому Наполеон поручил написать историю своего времени, или г. Полевому, который пишет «Историю Наполеона»? Воля ваша, а уж мы верим более Биньону. Г. Полевой не верит, что в прусской армии водворился недостаток!!! Точно так, милостивый государь, потому что Наполеон из Бамберга быстро двинулся в Саксонию, где были запасы, и принудил прусскую армию отсту-

пать к Веймару и Иене путем, где не было ничего заготовлено.

Займитесь историею войн Наполеоновых, г. Полевой; вы все это увидите в печати, потому что так было на деле. «6. Что когда пруссаки дрались при Иене и Ауерштедте, то они были *тылом* к Рейну, к которому *шли* фронтом, а французы стояли *тылом* к Эльбе, а к Рейну лицом. Можете взглянуть на стр. 230, если не верите!» Это поместил г. Полевой в *небылицы*! О, великий стратегик! Г. Полевой приглашает тех, которые бы не поверили, что это напечатано в «Воспоминаниях», заглянуть на 230 страницу, а мы приглашаем его заглянуть в «Историю» Биньона, на стр. 595, где напечатано: «Par ces marches respectives l'armée Prussienne était complètement tournée; les Prussiens avaient le dos au Rhin; les Français, le dos à l'Elbe». Т. е.: «Этими движениями прусская армия переменяла совершенно дирекцию; пруссаки были тылом к Рейну, а французы тылом к Эльбе». Опять спрашиваем: кому же верить, Биньону или г. Полевому? Уж лучше поверить Биньону! А что говорит г. Полевой о параллельном течении Эльбы с Рейном,

о поворотах армии, о флангах и углах, все так забавно, что мы не могли не расхохотаться, но не выписываем, потому что это уж слишком... «7. Что в Иенском сражении герцог Брауншвейгский был убит». Попали! Чтоб одним словом сказать, что прусская армия лишилась полководца, смертельно раненого и вскоре потом умершего, мы сказали *убит*. Нет, не убит, а смертельно ранен и умер вскоре... Это то же, что: нет, не *ел*, а *кушал*. Ужасное невежество Ф. Булгарина!

7. Окончив все обвинения в военно-историческом отношении, которых *справедливость* здесь обнаружена, г. Полевой переходит к *изустным* преданиям и рассказывает историю о Хвостове и Давыдове *по-своему*, называя рассказ Ф. Б. *небылицей* и чем-то вроде *сказки о Бове королевиче*. Авторитет г. Полевого тот, что он *был в то время* в Сибири. Позвольте не верить вам, г. Полевой. Когда Хвостов и Давыдов были в Сибири, вам было *девять лет* от рождения, вы никак не могли знать о ходе дел военных или политических [600]. Из каких источников почерпал свои известия г. Полевой, который преважно свиде-

тельствует собою, говоря: «Мы сами были тогда в Сибири!» От кого мог слышать о подобных делах *девятилетний* мальчик? Мы же ссылаемся на всех товарищей и сослуживцев, что о Хвостове и Давыдове точно так рассказывали, как напечатано в «Воспоминаниях». Ведь «Воспоминания» не история. В «Воспоминаниях» припоминается о том, что рассказывали в свое время и что всех тогда занимало. Впрочем, рассказ, находящийся в «Воспоминаниях Ф. Б.», подтверждается современным *письмом* В. М. Головнина к адмиралу П. И. Рикорду, напечатанным в конце 2♦го тома «Воспоминаний» (стр. 250 и 251), и точно так же рассказывал нам это дело почтеннейший адмирал П. И. Рикорд, при соредакторе и сотруднике «Сев[ерной] пчелы» Алексее Николаевиче Грече, когда уже печатались «Воспоминания». Кому верить, общему ли мнению и самовидцам-современникам В. М. Головнину и его высокопревосходительству Петру Ивановичу Рикорду, или г. Полевому? Уж лучше поверить общему мнению и двум столь почтенным лицам, каковы В. М. Головнин и П. И. Рикорд. Когда идет дело о морских офице-

рах, то мы верим адмиралам, очевидцам и современникам. Г. Полевой, приводя все обвинения *юридически, по пунктам*, начиная свои *небылицы* о Хвостове и Давыдове, говорит: «Начинается тем, что Рязанов не Резанов». А зачем же вы сами, г. Полевой, называете его Резановым, а не Рязановым? В вашей автобиографии, т. е. в книге «Очерки русской литературы», в статье «Несколько слов предварительно», на стр. XXVII, вы пишете: «Напрасно мирил и ладил дело Н. П. Резанов, зять Шелехова, бывший впоследствии камергером, обер-прокурором и потом послом в Японию(и)». Зачем, г. Полевой, ставить это в *ошибку*, когда вы, *бывшие в Сибири*, так же пишете фамилию Резанова? В письмах В. М. Головина к П. И. Рикорду, в приложениях ко 2-му тому «Воспоминаний», также говорится везде о Резанове, а не о Рязанове.

8. Г. Полевой насмехается и шутит над тем, что в «Воспоминаниях» ссылаются на рассказы маршала Сюшета и прусского майора Коломба. Что ж тут смешного? Полководцы и опытные воины охотно рассказывают о битвах, в которых они участвовали, для настав-

ления молодых офицеров. Притом вы, г. Полевой, поступили несправедливо, приводя *при каждом вашем ложном обвинении* мнимые ссылки Ф. Б. на Сюшета и Коломба. Ф. Б. ссылался на них *только в том*, что и французы, и пруссаки дрались храбро при Иене и Ауерштедте, а в других делах Ф. Б. ссылался на книги, выписывая заглавия и указывая на страницы. Г. Полевой удивляется, как мы могли противоречить Биньону на счет мнения его о Питте. Вероятно, г-н Полевой столько же знает Питта, сколько Биньона. Пусть г. Полевой прочтет в «Revue des Deux Mondes» 1845 года статью о политических мужах Англии, а в том числе и о Питте. Надобно, однако ж, знать язык, а читатели «Северной пчелы», может быть, вспомнят, что в этой газете уже обнаруживали познания г-на Полевого во французском языке. Переводя отрывок из Барантовой «Истории герцогов бургундских» [601], г. Полевой *vaisselle* (*посуду*) называл *бельем*, вывел на сцену *сыров Барских*, и т. п. А *гринусье*? Ужели вы забыли это милое *гринусье* (т. е. *gris-roussière*, тогдашний модный цвет), от которого несколько месяцев хохотала читаю-

щая публика[602]! Г-ну Полевому кажется *непостижимым*, что Питт не доверял правительству, учрежденному во Франции Наполеоном, и советовал союзникам не прежде мириться с ним, как учредив в ней правительство *миролюбивое*, чуждое войны и завоеваний, что, впрочем, и сбылось в 1814 году. Виноват ли Ф. Б., что г-ну Полевому кажется все это *мудреным*!

9. Г. Полевой говорит, что в «Воспоминаниях» встречаются *беспрестанно* небрежности языка, *не указывая, однакож, на них*, и намекает, что это случилось по причине отсутствия Н. И. Греча, который бы поправил эти небрежности. Когда дело идет о языке, не вам бы, г. Полевой, говорить, а не нам бы слушать! Конечно, другой скорее заметит небрежность или обмолвку в языке, нежели сам автор, и Ф. Б. не только не спорил, что Н. И. Греч лучше его знает язык, но даже за честь поставляет себе называться его учеником, и весьма был бы рад, если б Н. И. Греч мог пересмотреть каждое его сочинение. За двадцать лет пред сим даже все первоклассные авторы просили друзей своих пересмат-

ривать вперед их сочинения и делать заметки, потому что, как выше сказано, у самого автора может ускользнуть то, что другому бросается в глаза. Все писания г-на Полевого, когда он был сотрудником «Северной пчелы», выправлял не один Н. И. Греч, а и Ф. Б., и Алексей Николаевич Греч, и даже корректоры. Ссылаемся на всю редакцию «Северной пчелы» и на рукописи г-на Полевого, хранящиеся у нас. Слог у г. Полевого есть, в этом мы не спорим, а напротив, отдаем ему охотно справедливость, но правильности в языке *нет* и *не бывало*, что даже доказывает и критика на «Воспоминания».

Теперь предстоит вопрос: что заставило г. Полевого вооружиться противу «Воспоминаний» Ф. Б. с таким ожесточением, что он даже *искажает* текст, переиначивает смысл в целых периодах и навязывает на автора то, чего он вовсе не думал? Вот где *le pot aux roses*[603]! В «Воспоминаниях» Ф. Б. сказано (стр. 246): «Есть у нас драмы, и даже некоторые из них очень хорошие, но русской трагедии в новом вкусе *нет*. Нет ничего такого, что бы мы могли поставить, хотя на низшей ступени, за

“Валленштейном”, “Орлеанскою девою”, “Вильгельмом Теллем”, “Дон Карлосом» Шиллера, “Эгмонтом” и “Гецем фон Берлихингеном» Гёте. Терпенье, подождем!» Кто дерзнул поставить г. Полевого ниже Шиллера и Гёте? Это разгневало ужасно г. Полевого, и он приплел к «Воспоминаниям» все сказанное Ф. Б. в фельетонах «Северной пчелы» о нынешних драмах, писанных якобы стихами, пятистопными ямбами, а в самом деле рубленую и крошеною прозою, и, перемешав все эти суждения, восклицает: «Кончено с русской(ю) драмой(ю)! Внимайте вы все, Кукольник, Хомяков, Розен, Ободовский, Муравьев, Гедеонов, Полевой, Ротчев» и проч. Зачем вы призываете других внимать, когда догадываетесь, что дело идет о вас, г. Полевой? Зачем вмешали вы сюда С. А. Гедеонова! Он написал только одну драму, и прозою[604]; Ф. Б. именно часто благодарил его в «Сев[ерной] пчеле» [605], и, что всего важнее, драма г-на Гедеонова появилась на сцене, когда «Воспоминания Ф. Б.» уже оканчивались печатанием. В «Воспоминаниях» сказано, что есть драмы хорошие, и точно есть: «Рука Всевышнего отече-

ство спасла» и «Скопин Шуйский»[606] хорошие драмы, потому что г. Кукольник поэт. Его драма «Торквато Тассо»[607], хотя и писана не для сцены, но очень хороша. У г. Кукольника есть и талант, есть и мысль, и чувство; и вся беда в том, что он *слишком много, слишком скоро* пишет и не внемлет ничьим советам. Г. Ободовский только переводит, и переводит прекрасно; он написал одну драму, и преми-ленькую[608]. Драм, сочиненных гг. Розеном и Ротчевым, мы не видали[609], а драмы г. Хомякова и драму г. Муравьева вы же хулили, г. Полевой. Вы написали, т. е. *выкроили* из польской драмы и повести де Местра, одну только хорошую драму: «Параша Сибирячка», и мы отдавали вам, отдаем и будем отдавать за нее полную справедливость.

На прочее почитаем излишним отвечать. Дело в том, что из *множества* упреков «Воспоминаниям» в неточности, несправедливости, незнании истории оказалось *все несправедливым*, и справедлива только *одна опечатка* в английском слове. Великое же дело сотворили вы, г. Полевой. А чай, как радовались! Давно уже сказал Ф. Булгарин, что бла-

годетели его – *враги* его, и вот пример, что самый ожесточенный и непримиримый из его противников сел на мели с *одною опечаткою*, решившись уничтожить, отделать книгу! Покорнейше благодарим!

За похвалы вовсе не благодарим, а за ложные обвинения сто раз повторяем нашу благодарность!

Н. А. Полевой

Полевотип, или Нечто о Воспоминаниях
Ф. В. Булгарина

*Чем тебя я огорчила,
Ты скажи, любезный мой!*

Русская песня [610]

Статья предыдущая, которую прочитали наши почтенные читатели, была уже в наборе, когда нам принесли 20♦й № «Северной пчелы», и в нем увидели мы ответ «Воспоминаний Фаддея Булгарина на поминаниям Н. А. Полевого», то есть ответ Ф. В. Булгарина на нашу критику его «Воспоминаний». Длинно и тяжело растянулся этот ответ на пяти огромных столбцах «Сев[ерной] пчелы», вытеснил

критику, политику, разные известия и грозно устремился – на «Литературную газету»? – скажете вы – нет, на Н. А. Полевого, писавшего критику. «Бедный Н. А. Полевой! Испугается он!» Не бойтесь: Н. А. Полевой чисто русский человек, и ему, как русскому, чувство страха неизвестно. Боится он только худых дел, да того, что на совесть падает, а в остальном помнит русские присловья: «Страшен сон, да милостив Бог!» – «Ступай страху прямо в глаза, страх от тебя побежит!».

Мы решились оставить в «Лит[ературной] газете» статью, писанную нами против замечаний в № 13♦м «Сев[ерной] пчелы». Пусть она покажет, чего мы желали от «Сев[ерной] пчелы», в каких отношениях хотели мы быть с «Сев[ерной] пчелою». Не того хочет «Северная пчела», не того хочет Ф. В. Булгарин! Воля их, и мы уж не виноваты. Жалеем сердечно и с прискорбием думаем, что напрасно увлекается добрая «Сев[ерная] пчела» по пути невыгодному. Позднее раскаяние иногда не выкупает мгновения безрассудной отваги.

Ответ еще не кончен – должно ли отвечать на него? Должно, ибо он делится на несколь-

ко частей и, предполагая опровергнуть его по всем статьям, мы берем теперь некоторые из них, совершенно отдельные от главного дела.

Но почему говорим мы, что ответ устремлен не на критику «Воспоминаний», а на Н. А. Полевого? Какое тут дело до Н. А. Полевого? Какие могут быть отношения между Н. А. Полевым и «Воспоминаниями» Ф. В. Булгарина? Дело в *критике*, а не в том, *кто* писал критику. Н. А. Полевой не думает скрывать, что критика была писана им, но *имя* его не было подписано под статьею. Или, когда автор ответа читал критику, *ex ungue leonem*[611] он узнал руку, писавшую ее? Или он вспомнил *былое* и как говорил Пушкин:

*Воспоминание неволью перед
ним
Свой длинный развивало свиток?
[612]*

Одним словом, почему говорим мы, что по тем или другим причинам ответ устремлен не на критику «Воспоминаний», а на Н. А. Полевого? Не угодно ли прочитать ответ. Так начинается он:

«Сто раз русские журналы повторяли зна-

менитое восклицание г. Полевого: “Я знаю Русь и Русь меня знает”, равняющееся Цесареву: *veni, vidi, vici*. Кажется, однакож, что Русь не все знает. С удивлением смотрит она на множество *томов, томиков и томишков*, которыми *известный* ей г. Полевой обогащает русскую письменность и книгопечатание, и не знает, почему эти *томы, томики и томишки*, развозимые, разносимые и рассылаемые по всей Руси, не переходят из пределов письменности и книгопечатания в область литературы. Кстати, мы скажем причину. Есть сочинения, которые производятся головою и сердцем, и есть сочинения, которые составляются руками и смышленостью. Первые, дело ума и чувства, составляют *капитал невестественный*; вторые, дело рук человеческих, образуют *капитал вещественный*, что весьма хорошо изложено г-м Полевым в его работе: “О невестественном капитале”. Капитал невестественный принадлежит литературе или, как мы говорим, области изящного, а капитал вещественный письменности и книгопечатанию, составляющим часть той силы, которая необходима для движения гражданских об-

цеств, – промышленности.

Неизвестно нам, знает ли Русь, что в письменности есть *инструмент, вроде дагерротипа*, посредством которого можно производить многие томы, независимо от науки, размышления и убеждения. Положите на стол несколько стоп бумаги и, например, “Историю государства Российского”, соч. Н. М. Карамзина; наведите инструмент на эту “Историю”, и на бумаге выльется “История русского народа”, наоборот, или превратно, как в дагерротипной живописи. Черты будут те же, но наоборот, т. е. если подлинник смотрел вправо, то сколок смотрит влево, где в подлиннике бело, там в сколке черно, и т. д. Наведя этот инструмент на сочинение Шмитта (Friedrich von Smitt) “Suworow’s Leben und Heerzüge” и на русскую (?) книгу “Победы князя итальянского, графа А. В. Суворова-Рымникского” и проч. (Москва, 1818 года), вы произведете “Историю Суворова”; устремив инструмент на Голикова “Деяния Петра Великого”, на сочинение г. Бантыша-Каменского “Жизнеописание российских фельдмаршалов” и изданную братьями Заикиными книгу

“Жизнь русских генералов”, вы будете иметь “Историю Петра Великого”, “Русские полководцы” и проч. и проч. Даже устремив его на красивые тетрадочки под заглавием “Картинки русских нравов”, произведете “Были и небылицы, или Свет и люди, под редакцией Ивана Балакирева” (Н. Полевой). Все будет то же, да не так, т. е. черты и порядок будут те же, но белое будет черным, а черное белым. Инструмент этот, с переменою нескольких оптических снарядов, можно употребить и для сколков созданий воображения. Например, из характера *Карла Моора* можно вылить для сцены *Ермака*, из “Коварства и любви” Шиллера русскую “Смерть или честь”, из польской пьесы: “Милость государева” и повести г. де Местра “Парашу Сибирячку”, из романов Вальтер-Скотта и Августа Лафонтена вообще романы и повести, и т. д. Инструмент этот, вровень к *дагерротипу*, мы называем *полевотипом*».

Спрашиваем всякого беспристрастного и даже пристрастного читателя: на критику ли «Воспоминаний» или прямо на *Н. А. Полевого* устремляется ответ? Здесь следуют другие во-

просы: что должен делать Н. А. Полевой? Защищать свою литературную известность, доказывать, что его *томы*, *томики* и *томишки* заслужили некоторое внимание соотечественников; что самые враги его отдавали справедливость его некоторым заслугам; что книгопродавцы (в глазах Ф. В. Булгарина это доказательство литературного достоинства книги, о чем он говорил многократно) не отказываются покупать рукописей Н. А. Полевого; что имя его известно в переводах иностранцам[613] (опять важное доказательство литературной славы в глазах Ф. В. Булгарина!); что даже сам Ф. В. Булгарин удостоивал хвалы Н. А. Полевого, даже назвал его когда-то *вторым Ломоносовым*[614]? К чему все это? Беден, жалок тот писатель, который должен защищать свою славу или известность! В течение двадцати девяти лет занятий литературою томы составились из того, что писали о сочинениях Н. А. Полевого, и *никогда* и *ничего* не писал он в защиту своих сочинений, в защиту достоинства их. Уж, конечно, не трусость заставляла его молчать – нет! уверенность, что тут судьбою должна быть публика.

Да если бы Н. А. Полевой и доказывал, что он великий писатель, идет ли все это к делу и, повторяем, какое отношение между литературною известностью Н. А. Полевого и его критикою на «Воспоминания» Ф. В. Булгарина? Н. А. Полевой может быть плохим писателем, а критика его на «Воспоминания» дельною. Говорите о «Воспоминаниях», оправдайтесь в замечаниях на них, а какое тут дело до *томов, томиков и томишков* Н. А. Полевого? Другой вопрос: к чему тут остроумное превращение Н. А. Полевого в какой-то *полевотип*, инструмент вроде дагерротипа, и уверение, что он переделывает чужое, подражает чужому *без науки и размышления*? *Rira bien qui rira le dernier*[615]. Удивляясь обширной памяти Ф. В. Булгарина, разве Н. А. Полевой также не мог бы сказать, что «инструмент», о котором говорит Ф. В. Булгарин, точно существует, но не один, а многие, и кроме «полево типа» есть еще *булгаротип*, и что им также можно «производить многие томы», независимо от «науки и размышления»; что стоит положить его на статьи о нравах Жуи – явятся статейки о нравах русских; от книги самовидца Сарагос-

ской осады произойдут «Воспоминания об Испании»; от книг каких-нибудь других писателей – «Россия в историческом отношении» [616], а от Статистики Зябловского [617] – в статистическом отношении [618]; от «Юрия Милославского» – явится «Дмитрий Самозванец», от патриотических драм Р. М. Зотова – «Шхуна Ньюкарлеби», от «Парижских тайн» Евгения Сю – «Петербургские нетайны» [619], от «Ос» Альфонса Карра [620] – «Комары» [621] Ф. В. Булгарина, и проч. и проч. Но повторяем, к чему все это? К тому только, чтобы тешить свою досаду? В доказательство, что неостроумная выдумка полевотипа нисколько не оскорбляет нас, мы берем на себя название *Полевотипа*, но, смотрите, почтеннейший Ф. В., может быть, вы раскаетесь в изобретении «полевотипа», да будет поздно – впрочем, продолжим.

«С этим инструментом (Полевотипом) все равно, писать ли историю, издавать ли журнал или составлять драмы: тут нужны только искусство и ловкость, и вы без всякого внутреннего убеждения можете переменять мнение и образ воззрения на вещи и дела. Напри-

мер, вы сегодня редактор “Сына Отечества”, следовательно, можете порицать сколько угодно “Библиотеку для чтения”, а завтра, определившись в сотрудники “Библиотеки для чтения”, можете смело порицать прежних товарищей своих по изданию “Сына Отечества”, и т. д. Г. Полевой в “Московском телеграфе” порицал все и всех и хвалил только себя и своих сотрудников. Это доказывалось в “Северной пчеле” в продолжение времени, когда издавался “Телеграф”. Переселясь в Петербург, г-н Полевой был попеременно сотрудником “Библиотеки для чтения”, редактором “Сына Отечества”, “Русского вестника”, “Листка для светских людей” и потом сотрудником “Северной пчелы”. “Сын Отечества”, “Русский вестник”... Что о них сказать?.. *Mortui, sed non depulti sunt* (т. е. «Умерли, но не погребены»). Литературные листки перешли было в другую редакцию, расцвели и снова завяли».

Вот уж это нехорошо, почтеннейший Ф. В., потому что вы вспомнили то, что говорите на 47 стр. введения ваших «Воспоминаний»; вы приняли средство, впрочем, самое невинное, и иногда верное – иногда, но не всегда, и

здесь оно вовсе не годится. Оставляя в покое «Телеграф» и что доказывалось в «Северной пчеле» – мало ли что не только доказывалось, но даже было доказано и в «Телеграфе» – скажите, что ж тут худого, что Н. А. Полевой был редактором «Сына Отечества» и сотрудником «Библиотеки для чтения», «Русского вестника» и «Северной пчелы»? Нам кажется, это доказательство, с одной стороны, что Н. А. Полевого считали достойным участия в их трудах редакторы упомянутых журналов, и, право, мы не видим тут никакого бесчестия; с другой стороны, здесь доказательство самобытности мнений Н. А. Полевого, ибо именно несоглашение его с литературными мнениями тех изданий, где он участвовал, заставляло его отказываться от участия. Худо то, что Ф. В. Булгарин старается вывести, будто Н. А. Полевой изменял свои мнения и что от его редакции погибли «Сын Отечества» и «Русский вестник», как будто он не знает, что, принявши «Сын Отечества» в 1837 году с 600 подписчиков, Н. А. Полевой оставил его с 2000, и почему именно оставил! Если история «Русского вестника» ему неизвестна, пусть он спросит у

Н. А. Греча. Да что тут спрашивать! Ф. В. очень хорошо *все сам знает*, для чего ж говорит он не то? Но продолжим.

«Сперва “Библиотека для чтения”, а потом и “Северная пчела” *откланялись очень вежливо почтенному своему сотруднику*, и вот г. Полевой *определился в сотрудники* к г. Краевскому (одному из всех журналистов, которому он до сих пор не сотрудничал), и, как мы видели в объявлении, взялся редактировать в “Литературной газете”».

Опять намек, что «Библиотека для чтения» и «Северная пчела» рады были отделаться от навязчивого сотрудника! Мы осмеливаемся напомнить Ф. В. Булгарину, что он просил и умолял Н. А. Полевого (на это есть *свидетели*, есть у Н. А. Полевого и *письменные доказательства*) продолжать сотрудничество в «Северной пчеле», но Н. А. Полевой вежливо отказался, после чего остался и теперь остается в приятельских отношениях с редакторами «Северной пчелы», Н. И. и А. Н. Гречем. Но «Библиотека для чтения»? Что именно Н. А. Полевой, несогласный с мнениями ее, но также сохраняя взаимную приязнь с редакто-

ром ее, отказался сам от участия, ссылаемся на почтенного редактора «Библиотеки для чтения», который и теперь готов допустить мнения и статьи Н. А. Полевого в свой журнал, как с благодарностью готова была принять их, до критики «Воспоминаний», «Северная пчела». *«Определился в сотрудники к г-ну Краевскому»*, сказано довольно неучтиво, но положим, что «определился», не доказательство ли, что А. А. Краевский, которого многие, не понимающие, что можно быть различных мнений и взаимно уважать друг друга, почитали врагом Н. А. Полевого, охотно согласился отдать ему управление редакцией «Литературной газеты», не стесняя его мнений? Ф. В. Булгарин говорит, что будто *«всю жизнь прожил он в стеклянном доме без занавесок»* (Воспоминания, т. I, стр. 45). Н. А. Полевой в стеклянном доме не жил, и жить не согласится, потому что такой дом ломок, не по русскому климату, да и сам он не пчела, которую, как любопытное насекомое, садят в стеклянный улей, но, положа руку на сердце, может сказать, что дети его не постыдятся ни гражданской, ни литературной жизни своего отца.

«Чем это кончится (сотрудничество в “Литературной газете”), не предсказываем, хотя математически, по *данным*, и можно было бы вывести заключение. Если “Литературная газета” не занимательна (что доказывается неуспехом ее), зато уж судьба “Литературной газеты” по крайней мере столько же занимательна, как “Парижские тайны” и “Вечный жид” Евгения Сю! В который раз “Литературная газета” переменяет своего редактора, свой формат и свое направление? По пальцам не считаешь! Теперь г. Полевой взялся *поднять* газету, так, как он брался *поднять* журналы “Сын Отечества” и “Русский вестник”...»

Сказанное о «Литературной газете» до нас не касается, но мы знаем одно, что Н. А. Полевой *не брался* ни ронять, ни *поднимать* «Литературной газеты», а просто решил посвятить труд и время на образование хорошего, дельного повременного издания и быть свободным при изъяснении своих мнений, которые почитает справедливыми и полезными при нынешнем состоянии русской литературы и критики. Если думает кто-либо, что заведывание редакциею «Литературной газеты»

значит признание Н. А. Полевым всех мнений А. А. Краевского, тот ошибается. Самобытность направления была притом первым условием, и такое условие нисколько не удивило г-на Краевского, охотно на него согласившегося.

«Поднять, легко сказать, да ведь надобна сила. Силы не видим, а сметка есть. Надобно обратить на газету *внимание* публики. Чем же? Г. Полевой знает дело. В 3♦м номере “Литературной газеты”, в 4♦м листе, на стр. 25♦й, он пишет: “Не говорим (должно читать: говорим) о критикантах, у которых одна обязанность: *отделать* книгу порядком, и своя публика, которая в восторге, если любимец ее *отвалял* кого-нибудь – bravo! и делу конец”. В силу этого мудрого правила надобно было, при желании *поднять* газету, *отделать* и *отвалять* (выражения г-на Полевого) что-нибудь такое, что *обращает на себя общее внимание*, чтобы *внимание это отразилось на газету*. Не прикидываясь излишне застенчивыми, мы, скромные “Воспоминания” Ф. Б. (О! помилуйте!) должны сказать, что нам *посчастливилось обратить на себя внимание*

публики, и вот нас *отделал* и *отвалял* г. Полевой. Ведь иначе нельзя: г. Полевой, будучи сотрудником «Северной пчелы», помещал же в ней критики противу изданий г-на Краевского, так будучи теперь его сотрудником, обязан критиковать Ф. Булгарина. Г. Полевой знает хорошо, как и где должно действовать, и не нам учить его».

Мы уже объяснили, что независимость мнений была первым условием между А. А. Краевским и Н. А. Полевым. Ссылаемся на А. А. Краевского, и доказательства тому увидят читатели «Литературной газеты» впоследствии, ибо так же свободно будет противоречить «Литературная газета» А. А. Краевскому в том, в чем она с ним не согласна. Но с чего берет Ф. В. Булгарин, что «Литературная газета» *отделала* и *отваляла* его «Воспоминания», дабы *подняться* и *обратить на себя внимание* публики? О «Воспоминаниях» говорено, как говорилось о других книгах, и будет говориться, говорилось потому, что она *новая* и, надобно сознаться, *любопытная* книга. Вот все. Но любопытно, почему, выписывая слова Н. А. Полевого, «Северная пчела» обезобрази-

ла их и придала совершенно противный смысл? По выписке Ф. В. Булгарина выходит, что Н. А. Полевой принимает *правилом*, и даже *мудрым*, «отделать и отвалить» книгу, но то ли сказано было в «Литературной газете»? Именно, как будто предчувствуя, что автор «Воспоминаний» не останется равнодушным к нашей статье, что ему «не поздоровится от таких похвал» (см. «Горе от ума»), мы просили не смешивать «отделыванья» и «отвалыванья» с *критикою*, и притязаний авторского самолюбия с делом. Прочтите 25-ю стр. в III отделении № 3♦го «Литературной газеты». К чему же такие уловки?

«И вот в третьем № “Литературной газеты” напечатана критика на “Воспоминания Ф. Булгарина”, критика, которой дух, тон и направление ясно обнаруживают те чувства, какие питал и питает к Ф. Б. писатель, который “знает Русь, и которого Русь знает”. В приступе к критике г. Полевой говорит: “Главное не в том, что потребны знание дела (т. е. при критике), осмотрительность и беспристрастие”, и на этом правиле основал он свою критику».

Опять перевернуты те же самые слова «Литературной газеты»! В одном месте их выписали без начала и конца, а здесь выписывают одно начало! Но что же выходит наконец из всего этого *вступления* в ответ на критику?

«Г-н Полевой, автор драмы: “Русский человек добро помнит”, оказал, *мало сказать* услугу, нет, он оказал *благоддеяние* Ф. Булгарину, написав на его “Воспоминания” критику, в которой все обвинения **несправедливы** и в которой видна ясно, как бревно на дороге, побудительная причина к восстанию против Ф. Булгарина. Вот и доказательства!»

Боже великий! Какою же длинною, кривою, ухабистою дорогою, каким проселком доехал «Ответ» до самой простой истины, до того, что Н. А. Полевой «написал на “Воспоминания” критику, в которой *все обвинения несправедливы!*» Оставим «бревно на дороге» и *восстание* против Ф. В. Булгарина (как будто против какого-нибудь властителя русской литературы!), но стоило ли, надобно ли было перебрать всю жизнь Н. А. Полевого для приступа к делу? Не дает ли скорее все это подозрения читателям «Северной пчелы», что крити-

ка рассердила автора «Воспоминаний», а ведь известное дело: «Ты сердисься, Юпитер, следовательно, ты не прав!»[622] Невольно вспоминаем русскую песню: «Чем тебя я огорчила!» Не лучше ли было прямо, просто начать словами: «В “Литературной газете” напечатана критика на мои “Воспоминания”. Она обвиняет меня несправедливо, и вот доказательства»? Затем следовало опровергнуть обвинения и сказать: «Видите, мм. гг., что критика несправедлива». Так следовало поступить литератору столь почтенному, старцу по годам и по заслугам в литературе, когда сам Ф. В. сознается притом, что критика «оказала ему благодеяние». Теперь мы уверены, что гнев автора «Воспоминаний» обратил уже в пользу Н. А. Полевого половину судей. Что, если и другая половина... Позвольте: неужели-таки решительно *все обвинения* на «Воспоминания» Ф. В. Булгарина *несправедливы, все до одного?* Что за дивное явление непогрешительности в нашем грешном мире! Что за Ахиллес такой «Воспоминания», что у них даже и пяты уязвимой нет[623]? Неужели критика «Литерат[урной] газеты» все говорила

неправду. Ведь она честно вышла на бой и говорила в виду нескольких тысяч читателей. «*Вот доказательства!*» Смело сказано, но позвольте-ка, м. г. Ф. В., поразобрать ваши *доказательства* и узнать, *доказательны* ли они! Пожалуйте-ка их сюда! Что, если они окажутся на скудельных[624] ногах кривых силлогизмов? Мы осмеливаемся доложить вам еще, что из «Воспоминаний» выбрали мы немного, а если вы и докажете справедливость *немногого*, замеченного в «Воспоминаниях», *многое* осталось еще такого... Словом, хладнокровно, спокойно мы принимаемся за *доказательства* правоты «Воспоминаний», и как ни избиты известные слова Мольера, но они так кстати здесь, что нельзя не повторить их – *tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as voulu, tu l'as bien voulu!*[625] Ждем окончания «ответа» и тогда – поговорим обо всем. До свидания в будущую субботу!

Полевотип.

Января 24, 1846 года

Полевотип
(Статья вторая)

В наше время мы теперь или всё знаем, или хотим всё знать, и если не можем проникнуть истины, то лжем и клеветаем, чтобы только показаться всезнающими.

Слова Ф. В. Булгарина. Воспоминания, ч. II, стр. 178 [626].

Месяца сафара 9♦го дня, 1262 года эгиры [627], а по нашему счислению в пятницу, января 25-го, сего 1846 года, явилось окончание ответа Ф. В. Булгарина, ответа, которым обещал он доказать, что все обвинения наши на «Воспоминания» его несправедливы. Доказал ли он? По крайней мере, он торжествует после каждого доказательства и в конце ответа бьет торжественный марш. «Из всех упреков оказалось все несправедливым», восклицает он, «и справедлива только опечатка в английском слове» (т. е., что Ф. В. заставил Гамлета вместо «быть иль не быть» сказать: «пчела иль не пчела»), и «самый ожесточенный и непримиримый из моих противников сел на мели с одною опечаткою, решившись уничтожить, отделать книгу. Покорнейше благодарим!»

Благодарить еще не за что, почтеннейший Фаддей Венедиктович, можно бы здесь сказать, – успеете еще *поблагодарить* после, но мы почитаем более любопытным указать на слова: «*самый ожесточенный и непримиримый из противников* решил*ся отделать, уничтожить!*» Вот как! За то, что осмелились мы заметить кое-что, мы уже *самый ожесточенный, непримиримый враг!* Как вам это покажется?

*Qui méprise Cotin, n'estime point son
roi,
Et n'a, selon Cotin, ni roi, ni Dieu, ni
foi!*[628]

Истина не новая! Итак, мы теперь *сидим на мели с одною опечаткою?* Что ж тут нам сидеть? Нельзя ли как-нибудь сдвинуться с мели! Велим буксировать нашу ладью пароходу истины, развернем паруса под благоприятный ветер правды, за которую мы стоим. Может быть, «Ответ» Ф. Б. не совсем еще посадил нас на мель, может быть, торжество его не совсем так громко, как он уверяет! Что, если оно успех вроде *успехов Фридриха Великого под Кунерсдорфом*, даже нечто вроде 28♦го

Наполеоновского бюллетеня, за которым следовал знаменитый 29♦й бюллетень [629], данный в Молодечно [630], на родине творца «Воспоминаний» [631]. Сближение любопытное! Ф. В. вообще любит исторические сближения, даже говорит, что самый «год его рождения ознаменован началом переворота, подобно землетрясению и вулканическим взрывам изменившего вид и внутреннее устройство не только Европы, но даже Америки» (т. I, стр. 51). Посмотрим, не увидим ли и здесь какого-нибудь *землетрясения и вулканического взрыва!*

Смотрим и видим, что *кроме опечатки* есть и еще кое-что, на что согласился Ф. В. Он не спорит за мнение свое о Карамзине, за мнение свое об нынешнем обществе, за мнение о способностях деловых людей, за свое изложение характера и темперамента, за небывалый отзыв Колычева из Парижа! Он говорит даже, что маршал Сюше вовсе не рассказывал ему прусского похода, а говорил только о храбрости пруссаков, и что герцог Брауншвейгский точно был *ранен*, а не *убит* в битве октября 14-го. Называя все это «прочим», Ф.

В. сознается, что «на прочее почитает он излишним отвечать»! Довольно странно, однако ж, не отвечать на предметы столь важные, когда нас уличали в незнании или искажении их! Не в «Воспоминаниях» ли напечатано (стр. 210), что описание Аустерлицкого сражения Ф. В. «слышал в 1811 г. из уст знаменитого маршала Сюше»? Не там ли сказано: «Не мое дело описывать подробности несчастного для Пруссии дня 14/26 октября – все мы читали об этом, а кроме того я слышал рассказы самовидцев, маршала Сюшета (т. е. Сюше, Suchet) и одного из лучших прусских офицеров, майора Коломба»? А теперь что говорит Ф. В. Булгарин? «Вы поступили несправедливо, г-н Полевой, приводя при каждом вашем ложном (как это учтиво!) обвинении мнимые ссылки Ф. Б. на Сюшета и Коломба. Ф. Б. ссылался на них только в том, что французы и пруссаки дрались храбро при Иене и Ауерштедте, а в других делах Ф. Б. ссылался на книги, выписывая заглавия и указывая на страницы». Во-первых, выписанные нами слова показывают, что Сюше говорил не об одной храбрости пруссаков, а во-вторых, во

всем описании Прусской войны, занимающем в «Воспоминаниях» стр. от 228 до 232♦й, нет ни одной ссылки на книги! Вот уж подлинно мнимые ссылки!! Еще забавнее оправдание о смерти герцога Брауншвейгского. «“В Иенском сражении герцог Брауншвейгский был убит!” – “Попали!” (Северная пчела, стр. 83). Чтоб одним словом сказать, что прусская армия лишилась полководца, смертельно раненного и вскоре потом умершего, мы сказали: *убит*. Нет, *не убит*, а *смертельно ранен и умер вскоре!* Это *то же, что не ел, а кушал!* Ужасное невежество Ф. Булгарина!» – Не знаем, невежество ли и «ужасное» ли, но, кажется, нельзя сказать: «все равно *ел* или *кушал*», если бы кто сказал, что Багратион *был убит* под Бородиным, как нельзя сказать, что герцог Брауншвейгский *убит* под Иеною, а умер через шесть недель потом. Сознаемся здесь в маленькой хитрости нашей: мы нарочно написали, что герцог был ранен смертельно *под Иеною*, уверенные, что при плохом знании, какое оказывает Ф. В. в военной истории, он не заметит нашей хитрости. Так и сделалось. Ф. В. подтверждает, что герцог *убит* или *ра-*

нен (ведь это все равно – ел или кушал) под Иеною, а он был ранен под Ауерштедтом! Незнание военного дела в «Воспоминаниях» простирается до того, что Ф. В. пишет, будто Иенское и Ауерштедтское сражение происходило 14/26 октября (стр. 230), а оно было 14 октября (2♦го по нашему стилю), а 26♦го Наполеон был уже у Берлина! Как вам кажется, мм. гг., такой рассказ, где до такой степени перепутаны имена, числа и дела? «Воспоминания не история!» – восклицает Ф. В. (С[еверная] п[чела], стр. 102). Что ж они такое? Сказки! «Какой точности ищет г-н Полевой в именах и числах? Просто смешно!» Конечно, смешно, да только от такого смеха не поздоровится «Воспоминаниям», и мы имели право сказать, что некоторые из воспоминаний Ф. В. похожи на сказку о Бове Королевиче!

Таково то, на что Ф. В. даже и отвечать не хочет. Обращаемся к ответам его, к тому, где, как он уверяет, он все ниспроверг и доказал несправедливость обвинений. Таких доказательств является девять. Переберем их все. Позвольте, почтеннейший Ф. В.?

1. Мы сказали, что Суворов не был отозван

из Италии, а Герман из Голландии, как утверждается на стр. 201 «Воспоминаний» («Император Павел Петрович отозвал Суворова из Италии и генерала Германа из Голландии»). – «Кто только знает порядок дел, тот не усомнится, что Суворов не мог возвратиться в Россию, не будучи отозван. Война имеет свои случайности, и по разбитии Корсакова Суворов мог продолжать войну и войти вторично в Италию, если бы император Павел не прекратил военных действий. Корпус Германа также был отозван. В военном и дипломатическом языке есть выражения, которых знающий человек не может заменять драматическими фразами» (С[еверная] п[чела], стр. 79). Боже мой! Что ж это такое? Не Суворов ли беспрестанно просил отзыва из Италии при интригах гофкригсрата, и не император ли Павел писал ему: «Пренебрегите интригами, истребляйте общего врага», к чему Растопчин прибавил от себя: «Молю вас, останьтесь и побеждайте!» Не от 21♦го ли июля император, вместо отзыва, повелел Суворову идти в Швейцарию, говоря: «Здесь главный подвиг войны, разрушение незаконного правления

Франции»? Где же тут *отзыв и прекращение войны*? Но как Суворов мог *возвратиться в Россию*, не будучи *отозван*? Очень просто – он и не думал возвращаться. Сентября 15♦го Суворов двинулся в Швейцарию, дрался на Сен-Готаре, и 16♦го разбил в Мутене французов, узнал о разбитии Корсакова и должен был *отступить*, помышляя только о спасении остатка своих утомленных войск. «Суворов мог *продолжать войну и идти в Италию!*» Вот уж это из рук вон! Как же, по каким *случайностям войны*, мог он идти в Италию обратно, имея едва ли двадцать тысяч, без запасов, без артиллерии, и осенью перебираться обратно за Альпы, ввиду тройного числа победителей Корсакова? Но что «отзыва» не было, доказательство, что, отступив в Граубинден, Суворов получил известие о разрыве России с Австриею, но и тут отзывать его не думали и хотели соединиться с Пруссией и сражаться, и уже 22 октября, когда император уверился в ненадежности союза Австрии и Англии, Суворову велено было идти в Россию. Корпуса же Германова вовсе не отзывали. По разбитии англичан и русских, причем Герман

попался в плен, главнокомандующий герцог Йоркский заключил договор с французами, очистил Голландию, и остаток русских зимовал в Англии, ибо император Павел весной 1800 года снова хотел начать экспедицию, о чем шла деятельная переписка, так что несоглашение Англии было здесь одною из причин разрыва. Как историку, как военному человеку, как литератору, как современнику не знать всех этих подробностей! Не понимаем, какой это *дипломатический язык*, в котором *знающий человек не может заменять выраженный драматическими фразами*, но или упрямство в несоглашении, или, извините, незнание истории видим без всяких фраз!

2. Ф. В. решительно спорит, что *римский император* назывался *германский император* и что отречение *от сего титула* последовало по Пресбургскому трактату. «Берем первую попавшуюся нам под руки *европейскую книгу* – как это громко! – и читаем: Eine der wichtigsten Folgen des pressburger Friedens war die Niederlegung der deutschen Kaiserwürde, а по-французски *австрийские императоры* назывались Empereurs d'Allemagne. Ясно ли, г-

н Полевой?» (С[еверная] п[чела], стр. 79). Да, ясно, что мы правы. «Одним из *последствий Пресбургского мира* было», как говорит *европейская книга*, разве то же, что говорили «Воспоминания», что по условиям Пресбургского мира «император германский лишился титула и стал называться императором австрийским» (стр. 217). Ясно ли, г-н Булгарин? – повторим мы в свою очередь. Мало ли что было *последствием* Пресбургского мира – и война с Пруссией, и Тильзитский мир, и завоевание Испании, и Эрфуртский конгресс, ибо, разбей мы Наполеона, не было бы Пресбургского мира и всех этих *последствий* его. Мы и не спорим, что запросто называли римского императора *немецким, германским*, как великобританского короля называют *английским*, нидерландского *голландским* и российского императора *русским*, и даже *царем* (Sa Majesté Czarienne). У нас называли даже римского императора *цесарским императором*. Но мы говорили о *настоящем титуле* императора, уничтоженном в 1806 году, и который был: «такой-то, Божию милостию, *избранный римский император*, всегда августейший, *король*

германский», и проч., как и *империя* именовалась *Римскою*, *Sacrum Romanum imperium*. Но что это за *европейская книга*, которую так важно берет и читает Ф. В. Булгарин и которая говорит вздор? Это Пиреров *конверсационс-лексикон*[632]!! Пожалуйста, не смейтесь: неловко.

3. Спор о Питте. Ответ Ф. В. утверждает одно: «Г-ну Полевому кажется непостижимым, что Питт не доверял правительству, учрежденному во Франции Наполеоном, и советовал союзникам не прежде мириться с ним, как учредив в ней правительство *миролюбивое*, чуждое войны и завоеваний. Виноват ли Ф. Б., что г-ну Полевому кажется все это *мудреным*!» (С[еверная] п[чела], стр. 83). Виноват Ф. В. в том, что плохо знает историю, говорит за истину небылицы и еще обвиняет других в незнании. Он советует нам прочитать статью о Питте в «*Revue des Deux Mondes*». Мы и ему не посоветуем учиться истории из журнальных статей, а объясним ему историческое значение Питта в немногих словах. Питт первый постиг тайну могущества Англии, состоящую в обладании морями, во всемирной тор-

говле и в государственном внутреннем кредите. Война на материке Европы была средством к развитию могущества Англии во всех отношениях. Никогда Питт не думал о *мире Европы*, еще менее о *миролюбивых правлениях*, а только достигал своей цели. Посмотрите на Англию в 1789 году и на Англию в 1802 году, когда люди, не понимавшие глубиной политики Питта, ни его системы государственного кредита, трепеща побед Наполеона, крича о гибели Англии от долгов, принудили Питта оставить министерство. Он выставлял вместо себя политическую куклу, Аддингтона, и допустил заключить Амиенский мир. Остановка движения капиталов и промышленности, развитие планов Наполеона на Сен-Доминго и Луизиану[633], угрожавшее колониальной системе Англии, мгновенно показали англичанам ошибку мира. Питт тотчас подкрепил волнение умов, усилил его всеми средствами, даже клеветами, сатирами, пасквилями, и война загорелась снова, едва прошел год, и вражда превратилась в остервенелую ненависть против Наполеона. Вспомните заговор Пишегрю и Моро[634], ко-

торым руководил Питт. Теперь уже не тайна и доказано напечатанными актами, что герцог Энгиенский готов был явиться во Францию при первом известии о смерти Наполеона. Наполеон хотел задавить Англию высадкою. Питт вооружил Европу. А остановка пособия Англии в 1805 году союзным державам, когда флоты Англии деятельно рассыпаются всюду, не яркая ли это черта политики Питта, эгоистической, если угодно, но мудрой, имевшей целью величие Англии, и наконец вполне достигнувшей сей цели, ибо мысль Питта продолжили Персеваль и Кастлериг, поставившие Англию выше Франции, среди первых государств Европы. Мудрено ли, что человеку, знакомому с историею, и особенно изучавшему Питта, одно из первых лиц в новейшей истории Европы, мудрено ли, что понятия Ф. В. о Питте, достойные каких-нибудь учебников, показались не *мудреными*, но – *забавными*? За что ж он сердится?

4. Приступаем к предмету, где оправдания Ф. В. маленький *chef d'oeuvre*[635]. Речь о победах Фридриха под Кунерсдорфом и Цорндорфом. Ф. В. (Северная пчела, стр. 79) утвер-

ждает, что он говорил не о *победах*, а об *успехах Фридриха*, которые «давали пруссакам право на гордость». Да какие же тут *успехи*, если при Кунерсдорфе Фридрих был разбит наголову, потерял из 45 тысяч почти 20 тысяч, 13 генералов, более 500 офицеров, 170 пушек и до 30 знамен, бросался в отчаянии в битву, ища смерти, и восклицал: «Ужели для меня не сыщется ядра?» Насильно увлечен он был с поля сражения, и если бы Салтыков пошел тогда в Берлин, то и война кончилась бы покорностью Фридриха. «*Успехи*, г-н Полевой, *успехи!* Я не говорил “*победы*” – вы искажаете мои слова, а *успехи были!*», и в доказательство слов Ф. В. два раза ссылается на Энциклопедический лексикон, том III, стр. 214, и опять на драгоценного Пирера!! Неужели в самом деле Ф. В. учится истории из *конверсационс-лексиконов*? И вот плоды такого учения: «Говорится о превосходстве прусского войска и тактике Фридриха, что способствовало ему *приобретать успехи* даже над *сильнейшим и храбрым неприятелем*. *Русских ужасно боялись*, и *успехи прусского войска* под Кунерсдорфом, в течение более половины дня, убедили Фридриха,

даже после проигранного сражения, что если *случайно* победа была у него исторгнута русскими, в соединении с австрийцами, то солдаты его, однако ж, в состоянии противиться *знаменитой русской пехоте*». Затем следует описание Кунерсдорфской битвы – из Пирера, из Энциклопедического лексикона и из брошюры Архенгольца, изданной в 1793 году. Пирер говорит, что русские были уже разбиты, *als sich das Kriegsglück auf einmal auf eine furchthare Art wendete*[636], а сам Ф. В. изъясняет, что это *Kriegsglück*[637] состояло в том, что, когда русских разбили, Лаудон, не принимавший весь день участия в битве, «бросился в тыл и во фланг пруссакам и *обратил их в бегство*». Нечего сказать! Знаток в тактике Ф. В.! Мы посоветуем ему не изучать Фридриховых битв ни в Энциклопедическом лексиконе, ни у Пирера, ни в брошюре Архенгольца, который был прусский майор и далее своего майорского ранга ничего не видал, ни даже у Темпельгофа и Каусслера[638], которые страстны, как немцы. Пусть Ф. В. достанет и развернет карты и планы, сообразит известия с обеих сторон, поверит их описаниями Жо-

мини, в его обширном и важном творении [639], а также с гениальными замечаниями Наполеона, и тогда он убедится, что успехи Фридриха под Кунерсдорфом были плохие, что Кунерсдорфская битва была выиграна не случайно и не потому, что Лаудон, очертя голову, *бросился* на пруссаков. Главная ошибка Фридриха состояла именно в противоположном тому, что взводит на него Ф. В. Булгарин, именно в том, что Фридрих, вообще презирая своих неприятелей – важный недостаток, бывший в его характере – особенно презирал русских. «Русские [—] толпа грубых варваров!» – говорил он, когда рассуждали о плане войны. «Желаю, чтобы В[аше] В[еличество] не разуверились в том по собственному опыту!» – отвечал ему Кейт, отличный генерал, долго служивший в России, друг Миниха и Ласси. Фридрих не верил и жестоко осуждал Левальда за Эгерсдорфскую битву[640], где мы в первый раз дрались с пруссаками. Под Цорндорфом, при второй встрече нашей с пруссаками, Фридрих сознался в удивительной стойкости русских и сказал свои знаменитые слова: «Мало того, что русских побе-

дишь – всего труднее добить их!» И все еще заблуждение Фридриха было таково, что при Кунерсдорфе он отважился напасть на 80 000 русских и австрийцев с 45 000, и дорого заплатил он здесь за урок. План баталии был составлен превосходно Лаудоном. Салтыков был полководец не гениальный, но умный. Под начальством его находились Фермор и Румянцов, и далеко не *случайность*, не *Kriegsglück*, но верная тактика, мужество русских и безрассудная отвага Фридриха доставили нам победу, которая есть одно из великих событий нашей военной истории. Но положим, что сначала в битве был выигрыш на стороне Фридриха, мог ли он гордиться *успехами*? Вам, Ф. В., «десять лет не сходившему с коня в битвах, с оружием в руках прошедшему всю Европу, от Торнео до Лиссабона, и видевшему вблизи вековых героев» (Воспоминания, т. I, стр. 45), должно быть хорошо известно, что треть битв бывает таких, где счастье кажется сперва склоняющимся на сторону побежденных в окончании, но никогда *побежденные* не приписывают себе успеха, отдавая противнику *победу*. Не говоря о страте-

гических битвах и рассматривая только тактические, в противоположность Аустерлицу, Иене, Ауерштедту вспомните о Маренго, Ваграме, Эйлау, Люцене, Лейпциге, Ватерлоо [641], где была та же самая история, как и под Кунерсдорфом, но скажем ли, что при Маренго Меласу, при Ваграме эрц-герцогу Карлу, при Эйлау Беннигсену, при Люцене Витгенштейну, а при Лейпциге и Ватерлоо Наполеону принадлежали *успехи* и противникам их *победа*? Не желаем таких успехов вашим «Воспоминаниям»!

5. «Знаете ли вы употребление конной артиллерии, г-н Полевой? Весьма сомневаемся, а мы учились *артиллерии и истории ее*, и знаем, что говорим!» Так восклицает Ф. В., когда речь дошла до конной артиллерии. Осмеливаемся отвечать ему: не только употребление артиллерии, но и историю ее мы знаем, а чтобы Ф. В. учился *артиллерии и истории ее* – сомневаемся; если же он и учился, то давно забыл. И, увы! громкое *мы* не повело его далеко! «Вы *знаете*, что у нас немного книг в кабинете и что *наша* библиотека в Карлове, но и из этих немногих книг вы *можете узнать*,

кто изобрел конную артиллерию». Мы не знаем и знать не обязаны, много или мало книг в кабинете Ф. Б. и где его библиотека, и даже есть ли у него какая-нибудь библиотека, а что его изложение истории конной артиллерии неверно и доказывает нашу справедливость – вот это мы знаем очень хорошо. Если Ф. В. берет артиллерию как отдельную часть войска, у которой есть своя тактика, то устроителями ее не были ни русские, ни Фридрих, а французы и Наполеон. Дело в том, кто первый изобрел конную артиллерию, то есть такую, которая есть часть полевой, но для большей подвижности коей впрягается под орудия лишнее число лошадей и прислуга сажается на лошадей? Следы такой артиллерии, как всех почти человеческих изобретений, отыскиваются вдали, и еще король Карл VIII сажал прислугу артиллерии на лошадей. Но у нас, и именно, Миних учредил, а Шувалов[642] утвердил, чтобы прислуга полевой артиллерии при конных полках была на лошадях; тогда введены были и коноводы, коих ныне бывает у нас при легком конном 3, а при батарейном конном орудии 5. Эта артиллерия так вредила прусса-

кам, именно в то время, когда Фридрих *имел успехи*, а мы *побеждали его*, что после блистательных *успехов* при Кунерсдорфе он завел конную артиллерию у себя, и то ограничился одною ротою из 10-ти 6-фунтовых пушек. В первый раз рота эта была употреблена при Ландсгуте, в 1706 году[643], где... Да, жаль, что говорить-то нелегко с людьми, которые плохо знают военную историю, даром что *учились артиллерии и истории ее!* Вот мы теперь сблизились к двум главным статьям, где оказывается уже такое незнание истории современной и военной, что оно непростительно подпрапорщику, не только ротмистру Наполеона[644]!

6. В ответах своих Ф. В. говорит смело, сражает противника, чем попало, и торжествует победу громко, да все это *успехи вроде кунерсдорфских!* Когда дошло до похода герцога Брауншвейгского, он советует нам прочитать «Histoire des batailles, sièges et combats des Français» Бланшара. Мы посоветуем ему самому не читать этой вздорной компиляции, познакомиться с политической историею революции вообще, а для военных дел читать Жо-

мини, Дамаса[645] и Дюмурье[646], бывшего в 1791 году главнокомандующим французских войск. Определим, в чем дело: в «Воспоминаниях» сказано о знаменитом походе австрийцев и пруссаков в 1792 году (стр. 222–223): «В 1792 г. он (герцог Брауншвейгский, *убитый под Иеною*) был назначен главнокомандующим союзной прусско-австрийской армии, но был разбит при Вальми французским генералом Келлерманом, получившим впоследствии (за что?) звание герцога Вальмийского, Duc de Valmy, и, заключив конвенцию с республикою, возвратился в Германию». Так ли? Но как же могло не изумить нас незнание, показываемое сими словами, в таком деле, которое было одним из важнейших, могло изменить весь ход революции и долго оставалось тайною непостижимою! Действительно, не странное ли дело? После несчастной для французов кампании 1791 г. Австрия и Пруссия соединяются. Две австрийские армии во Фландрии и на Рейне, Клерфета и Гогенлоге, и 16 тысяч пруссаков и гессенцов угрожают Франции и наконец 120 000 пруссаков, австрийцев и эмигрантов идут к Парижу. Их по-

ход кажется торжественным шествием. Король прусский и бурбонские принцы ведут войско. Главнокомандующий, герцог Брауншвейгский (который был потом убит под Иеною) объявляет грозный манифест в Кобленце июля 25-го. У французов нет ни денег, ни войск; Лафайет бежит; безначалие достигает высшей степени; Людовика XVI арестуют, объявляют республику, но гибель близка! Союзники почти без сопротивления занимали города, и августа 30-го стали в Вердуне, на половине пути от Рейна до Парижа. Конвент готовился уже оставить Париж. Всю защиту Франции составлял Дюмурье, стоя с 25 тысячами в лагере, в Оргонском лесу. Вдруг проходит две недели без действия. Союзники опять двинутся вперед; Дюмурье отступает, и сентября 14-го укрепляется уже у Сен-Менегула. Сюда приводят к нему Бернонвиль 10 тысяч, Келлерман 20, и при других отрядах составляет до 70 тысяч жалких, оборванных, голодных, неопытных солдат, без запасов, почти без артиллерии. Новое бездействие союзников. Они двинутся наконец на отряд генерала Келлермана при Вальми, 20 сентября. Келлер-

ман трепещет, готов бежать. Начинается пальба, продолжается несколько часов, союзники прекращают ее, и – вот что известно под именем *Вальмийской победы*. Десять дней опять союзники бездействуют и вдруг начинают отступать, бегут, бросают обозы, раненых, гибнут и едва успевают спасти бедные остатки их армии за Рейном. Кюстин берет Майнц и Франкфурт. Дюмурье бьет Клерфета при Жемаппе, занимает Брюссель, Ахен, Монтескиу Савоию, Ансельм Ниццу; Неаполь признает республику; Пруссия с таким упорством отказывается от войны, что успехи других в 1793 году не могли побудить Пруссии на союз; она заключает мир, в апреле 1794 г., и соблюдает его даже до 1806 года. Что могло быть причиной такого переворота, начавшегося с похода 1791 года? В чем была тайна этого похода? Союзники обвиняли взаимно друг друга и ссылались на осеннюю погоду, голод и болезни, но доказано положительно, что все это было несправедливо, и вдруг Ф. В. решает, что всему причиной была *Вальмийская битва*, за которую Келлерману дан Наполеоном титул герцога Вальми. Ему замечают хорошие люди,

что это вздор, а он твердит свое, и – торжествует! «Ужели г-ну Полевому, который пишет “Историю Наполеона” и *разные истории*, неизвестно, что герцог Брауншвейгский был разбит при Вальми; что по имени этой победы генерал Келлерман при учреждении империи (и тут ошибка!) получил звание герцога Вальмийского; что после сражения под Вальми произошло отступление союзников и, наконец, знаменитая конвенция? Конечно, недостаток продовольствия и болезни были также причиною отступления (опять ошибка!), но если бы союзники одержали победу при Вальми, то дела приняли бы другой оборот. Историк Наполеона *не знает о последствиях сражения при Вальми*, за что Келлерман награжден титулом герцога Вальмийского. Вот уж это так история!» – Великий Наполеон! Ты, давший титул герцога плохому генералу Келлерману, за его услужливость тебе в 1796 г. и за подвиги сына его[647] при Маренго (известно ли вам это, Ф. В. Булгарин?), не ты ли, всегда смеявшийся над Келлерманом и его победою, не ты ли говорил, что ты удивляешься походу 1791 г. и не понимаешь

его, s'il n'y eut quelque négociation secrète que nous ignorons[648]. Великий ум Наполеона проникал тайну, которая теперь уже вполне разгадана. Мы не скажем ее Ф. В., нарочно не скажем – пусть разгадывает. Но виноват ли Полевой, что Ф. В. так знает всеобщую историю, что заставляет Фридриха бить русских при Кунерсдорфе, а Келлермана поражать союзников при Вальми!

7. Дивиться ли, однако ж, незнанию событий 1791 года, если такое, и еще хуже незнание оказывается в делах 1806 года, о которых рассказывали Ф. В. маршалы Наполеона? Говорим о прусской кампании, рассказ об коей Ф. В., повторим наши слова, есть «ряд ошибок в историческом и военном отношении». Тут еще беда не велика: чего не знаешь, учись и узнай, и, как говорит Гораций (перевод Мерзлякова):

*Учиться нет стыда – невеждой
стыдно быть![649]*

Но то беда, что многие учиться-то не хотят, а если добрые люди заметят им ошибки их, они готовы спорить донельзя, а не сознаться!

Оправданию рассказа о прусской кампании посвящены *полторы колонны* «С[еверной] п[челы]», и противник Ф. В. осыпан тут колкостями и насмешками. Впрочем, Ф. В. оправдывается только в том, что Наполеон чрезвычайно ласкал Пруссию и перед битвою 14/2 октября умолял не воевать; что он писал письмо прусскому королю и отдавал ему не только Ганновер, но и всю власть в северной Германии; что магазины прусские были в Заальбурге, Заальфельде[650] и Шлейце и что когда пруссаки дрались при Иене и Ауерштедте, они точно стояли *спиною к Рейну, а лицом к Эльбе*. И только! И тут является у Ф. В. один защитник, Биньон, из которого выписывает он историю войны и политики 1806 года. «Прочтите Биньона, узнайте, чего не знали – советуем прочесть Биньона – кому верить, Биньону или Полевому!» И все это пересыпается шуточками, вроде следующих: «Полевой *изволит печатать* – Полевой историк Наполеона и *разных других историй* – искусство ваше, г-н Полевой, в стратегии мы видели в расположении битв в *драмах ваших, а истории вашей в руки не возьмем* (беда! мы чуть не плачем с

горя!) – вы *взялись писать* историю Наполеона, не изучая военной истории Наполеоновой – *за человека страшно – о великий стратегик!*» И в заключение Ф. В. хохочет: «...все это так забавно, что мы не могли не *расхохотаться*, но не выписываем, потому что это уж слишком...» Договаривайте, г-н Ф. Булгарин! Что же: *слишком?*

Мы насмеяться с вами не будем, а поучим вас, Ф. В., как учили теперь уже не раз. Начнем с того, что Биньона знаем мы лучше вас. Его сочинение было бы превосходно, как книга дипломата, если бы не безобразило его пристрастие к Наполеону, а по военной части Биньон хуже вашего Пирера. Ссылаться на Биньона в военном деле, все равно что ссылаться на ваши «Воспоминания», а чтобы доказать вам то и другое, извольте слушать:

Выше мы говорили вам, что после похода 1791 г. и мира в 1794 г. политика Пруссии изменилась. Она сделалась каким-то политическим недоумением. Правда, что и Наполеон до 1805 года всячески, действительно, ласкал Пруссию. Но когда дерзкий переход его через владения Пруссии в 1805 г. возбудил было

негодование пруссаков, колебание политическое не прекратилось, и когда, управившись с Австриею, с конца 1805 Наполеон совершенно изменил свою прежнюю политику с пруссаками, Пруссия явилась в самом затруднительном положении. Укоряя Пруссию в неискренности дружбы и вводя ее в войну с Англиею, Наполеон принудил ее, Шенбрунским договором, взять Ганновер[651], заключить с ним союз, отдать ему Аншпах[652]. Тщетно хотели смягчения условий. Наполеон предложил мир или войну, и союз подтвержден был в Париже февраля 5-го. Англия и Швеция объявили после того Пруссии войну в апреле. Между тем Наполеон отдал Неаполь и Голландию братьям своим, с титулами королей, учредил герцогства своим маршалам, делил Португалию с Князем Мира, возбудил к войне с Россиею Турцию и увлек Пруссию в войну с Англиею, начав в то же время переговоры с Англиею о мире, где первым условием было возвращение Англии Ганновера, за который она воевала с Пруссиею и губила прусскую торговлю. Между тем войска Наполеоновы не только не оставляли Германии, но двигались из

Австрии к границам Пруссии; Наполеон самовластвовал в немецкой земле, даже расстреливал чужих подданных (вспомните историю Пальма[653]) и наконец составил Рейнский союз июля 17-го. Римская империя разрушена была после сего августа 6-го, а Россия заключила мир с Наполеоном 20 июля. Пруссия обратилась с объяснениями к Наполеону. Он предложил ей составить Северный германский союз из Пруссии, Саксонии, Гессена, Ангальта, Мекленбурга. Никто не смел согласиться на предлагаемый союз, а между тем Наполеон тайно уговаривал к Рейнскому союзу Саксонию и Гессен, самовластно занимал прусские города и в конце августа привел свои войска в движение. Оставался выбор между уничтожением или войною. Пруссия обратилась к Австрии и России. Австрия отказалась, но император Александр, не утвердивший мира, заключенного с Наполеоном, готов был на союз, и, ободренная им, августа 10-го Пруссия начала ставить свои войска на военную ногу. Желая отвлечь внимание Наполеона, к нему отправили генерала Кнобельсдорфа говорить о мире. Он оставил его в Париже

переговаривать с другими, сентября 25-го выехал из Парижа и октября 6-го был уже в Бамберге, куда сдвинулось у него 180 000 войска. Король прусский выехал в свою армию 21 сентября. Поздно было тогда думать, откладывать, дожидаться субсидий Англии, с которою шли переговоры, ждать прихода русских войск, не вполне еще оправившихся после похода 1805 года и отчасти занятых в Турции; они не могли начать военных действий ранее ноября. Пруссаки имели до 120 000 войска; к ним обещали присоединиться еще 20 000 гессенцев. Положили вести до времени оборонительную войну и полагали 140 000 достаточным удержать Наполеона. Сентября 25-го король прусский отправил письмо к Наполеону, где исчислял ему все обиды и причины войны, октября 1-го подана о том же нота Кнобельсдорфа. Ответа требовали к 8 октября, и условиями мира предлагали выход французов из Германии прежде всяких переговоров. Октября 9-го издан прусский манифест о войне. Но еще октября 7-го Наполеон известил сенат свой о начале войны, издал гордый приказ по армии и в тот же день на-

чал битвы; 8♦го французы заняли уже Заальбург и Шлейц, а 10♦го Заальфельд. Когда же и где «Франция чрезвычайно ласкалась к Пруссии и обещала большие выгоды, требуя одного неутралитета» (Воспом[инания], стр. 221)? Прежде, до осени 1805 года, так, но с Аустерлицкой битвы дела Наполеона являли только ряд нестерпимых оскорблений Пруссии. Казалось, какую-то ненависть питал к Пруссии Наполеон, хотел не только победить, но унижить ее, и потом истощал он все средства к ее уничтожению, что и совершилось бы без заступления Александра. Во всех переговорах его с Пруссией была какая-то особенная дерзость и наглость, и история находит даже всему этому объяснения в характере Наполеона и тогдашних событиях. «Но Наполеон предлагал королю мир, на прежних условиях (Ганновер и Северный союз), в письме к нему из Бамберга, которое король получил перед Иенскою битвою» (С[еверная] п[чела], стр. 83). Ф. В., помилуйте! Да читали ль вы это письмо? Оно было злобною насмешкою сильного гордеца над беззащитною жертвою. Называя требование выхода войск французских из Герма-

нии бесчестием, Наполеон выхвалял свое миролюбие, свою готовность к миру и предвещал, что пруссаки будут разбиты (V. M. a demandé mon deshonneur, elle devait être certaine de ma réponse. La guerre est donc faite entre nous, l'alliance rompue pour jamais... Sire, V. M. sera vaincue[654]).

Возражать на все то, что далее говорит Ф. В. о первоначальном наступательном плане пруссаков, вследствие чего *запасные* магазины были будто бы в Заальфельде и Шлейце, и о повороте французов *тылом* к Эльбе, а пруссаков к Рейну – нам совестно! План наступательный предполагался вначале, но *исполнять* его и запастись магазины в авангарде никто не думал. Разумеется, что нельзя было не иметь каких-нибудь магазинов в Заальфельде и Шлейце, но главные собраны были в Дрездене, Лейпциге и Наумбурге, что подтверждает и Ф. В. (С[еверная] пч[ела], стр. 83). Каким же образом могли после сего «*водвориться недостаток и почти голод в армии*» (Воспоминания, стр. 230), если Дрезден, Лейпциг, Наумбург и, главное место запасов, Магдебург были в руках пруссаков? Что касается до по-

воротов тылом, мы советуем Ф. В. посмотреть на какую-нибудь карту Германии, а не хохотать, потому что такой смех ничего не доказывает.

8. *«Окончив все обвинения в военно-историческом отношении, несправедливость коих здесь обнаружена (читатели видели, как она обнаружена!), г. Полевой переходит к изустным преданиям и рассказывает по-своему историю о Хвостове и Давыдове. Мы же ссылаемся на всех (?) товарищей и сослуживцов, что о Хвостове и Давыдове точно так рассказывали, как напечатано в “Воспоминаниях”. Ведь “Воспоминания” не история. В “Воспоминаниях” припоминается о том, что рассказывали в свое время и что всех тогда занимало». Следовательно, история Хвостова и Давыдова рассказана так, как ее когда-то кто-то рассказывал, и «Воспоминания» есть сбор всяких небылиц, которые когда-либо в жизнь свою слышал автор? Очень мило! После этого и говорить нечего, подумали мы: «“Воспоминания” не история, пиши что хочешь, бумага стерпит, а уличат в неправде, отвечай: “Так мне рассказывали!”». Но вот что*

остановило нас: «И точно так же рассказывал нам это дело почтеннейший адмирал П. И. Рикорд, при соредакторе и сотруднике «Сев[ерной] пчелы» А. Н. Грече, когда уже печатались «Воспоминания». Кому верить, общему ли мнению, самовидцам-современникам и его высокопревосходительству П. И. Рикорду или г. Полевому? Уж лучше поверить общему мнению и столь почтенному лицу, каков П. И. Рикорд. Когда идет дело о морских офицерах, то мы верим адмиралам, очевидцам и современникам».

Признаемся, это нас сильно изумило! Как? Наш почтенный, знаменитый моряк П. И. Рикорд мог рассказывать все, что напечатано в «Воспоминаниях», и на это есть свидетели? Мы уже хотели обратиться к П. И. Рикорду и просить его объяснений, когда в № 26 «Сев[ерной] пчелы» увидели следующее письмо:

Милостивый государь Фаддей Венедиктович!

В № 21 «Сев[ерной] пчелы» сего года я, к удивлению моему, прочитал, что в литературных спорах, возникших между вами и г. Полевым, касательно издан-

ных вами «Воспоминаний», описывая действия Хвостова и Давыдова при экспедиции в Японию, вы, для удостоверения в истине вашего о них рассказа, выставили и меня посредником между вами. Видя имя мое таким образом помещенное в газете, это изумляет меня еще тем более, что и самый рассказ ваш об упомянутых лицах не вполне верен. Покорнейше прошу вас, м[илостивый] г[осударь], в вашем прении впредь для защиты вашей не употреблять моего имени.
Честь имею быть, и пр.
Петр Рикорд.

Надобны ли здесь какие-нибудь объяснения? Любопытны замечания Ф. В. Булгарина при этом письме, но мы оставляем их, хоть признаемся, здесь и мы неволью смеялись! [655] Спешим к последнему пункту оправданий, последней победе над нами Ф. В. Булгарина, вроде побед кунерсдорфских.

9. «В «Воспоминаниях» (часть II, стр. 232–233) сказано об *объявлении*, напечатанном в 1806 году против Наполеона, вроде бесед графа Растопчина с московскими жителя-

ми в 1812 году. Г. Полевой *изволит сомневаться*, что Ф. Б. читал это *объявление*, и указывает на XXIX том Собрания законов, где напечатано это *объявление*. Знали мы об этом, г. Полевой, и справлялись, а на поверку вышло, что это *то*, да не *так*! Что было писано для простого народа, то не внесено в Собрание законов. Далее не хотим пояснять, хотя *имеем теперь в руках то объявление, о котором говорится в "Воспоминаниях"*. Ну что было бы, если б все, что было напечатано в 1812 году, внести в Собрание законов и государственных актов? Полноте, г. Полевой, вы не понимаете дела!»

Нет, мы дело лучше вашего понимаем и еще раз утверждаем, что *именно то самое объявление* напечатано в Собрании законов, о котором говорит г-н Булгарин, а *другого не было, нет, и он его теперь в руках иметь не может*! Да что далеко откладывать? Напечатайте его в «Пчеле»! Это будет любопытнее сказочек, которые вы печатаете, или всего лучше положите его в магазине М. Д. Ольхина, и пусть рассудит нас народ беспристрастный!

И вот все, что высказал нам ответ Ф. В. Булгарина, вот после чего восклицает он: «Из множества упреков в неточности, несправедливости, незнании истории оказалось *все несправедливым*, и справедлива только опечатка в английском языке!» После того, когда ясными доказательствами не оставили мы ни одного слова живого в ответе г-на Булгарина, справедливы ли слова его, что мы *сели на мель с одною опечаткою?*

По скромности, какую соблюдаем мы в нашем оправдании, удаляя все постороннее и говоря только о деле, не читавшие ответа Ф. В. Булгарина не поверят, какими *приветствиями* нам сопровождает Ф. В. свой ответ. Мы отчасти об некоторых упоминали; о других умалчиваем, из уважения к самим себе. Но вот еще обвинения, требующие ответа:

Ф. В. Булгарин утверждает, что Н. А. Полевого рассердило мнение Булгарина о драмах его, Полевого. Смеем уверить, что Полевой писал замечания свои, руководствуясь желанием раскрыть истину и не сердясь ни за что. Кроме того, оправдание Полевого давно напечатано на 241–242 стр. «Воспоминаний». «Са-

мая заманчивая слава, это слава драматического писателя, – говорит Ф. В. – Нет сомнения, что у драматического писателя бывают завистники, потому что это необходимые спутники в жизни истинного таланта, но если бы не было у него клеветников и завистников, то это означало бы, что пьесы его не имели никакого достоинства и успеха. Но ведь эти завистники всегда так ничтожны; так мелки, что человеку с умом и характером не стоит даже обращать на них внимания. Ужели за несколько эпиграмм и пустых шуток не могут вознаградить его любовь к нему публики и уважение всех, дорожащих народной славою?» Довольно. Собственное сознание паче свидетельства целого света.

На другое обвинение потребно некоторое объяснение. Перебирая всю литературную жизнь Полевого, вспомнив даже знаменитого *Грипусье*, над которым потешался Ф. В. в 1825 году и которого отдаем мы ему на потеху, г-н Булгарин вступает в слова наши, что в «Воспоминаниях» беспрестанно встречаются небрежности языка. «Он не указывает на них и намекает, что это случилось по причине от-

сутствия Н. И. Греча, который поправил бы эти небрежности» (С[еверная] п[чела], стр. 83). Мы и действительно так думаем, но ведь и довольно бы сказать: укажите нам наши небрежности! Так нет! Мы будем утверждать, что небрежностей у нас нет и что сам Полевой грамоте не знает. «Все писания г-на Полевого, когда он был сотрудником “Северной пчелы”, выправлял не один Н. И. Греч, а и Ф. Б., и Алексей Николаевич Греч, и даже корректоры. Ссылаемся на всю редакцию “Северной пчелы” и на *рукописи г-на Полевого, хранящиеся у нас*». Таковую выходку, право, мы не знаем как назвать. Положив себе правилом ни одного слова не говорить без доказательств, беремся за «Воспоминания» и выписываем, что попадет на глаза: *стр. 152*, «скромность и деликатность в обхождении его были превозносимы во всех сословиях»; *стр. 153*, «народ толпился, чтоб видеть», и проч.; *стр. 153*, «при быстрой реакции наступают крайности»; *тут же*, «после прежней покойной (т. е. спокойной) формы – все было преувеличено, как будто для того, чтоб скорее забыть прошлое»; *стр. 153*, «стали носить

превысокие воротники, до самых ушей (уж будто и до ушей?!); вместо широких и длинных *фалд-мундиров* (что это за фалд-мундиры?) мундиры были короткие, с *фалдочками в два пальца* (уж будто в два пальца? не слишком ли коротко обрезал их Ф. В.?)»; *стр. 155, «он мучился, не будучи в состоянии помочь... мрачная меланхолия покрыла его душу»*; *стр. 156, «в каждой массе людей»*; *стр. 157, «Безбородко стал известен государыне по реляциям, которые он сочинял, и Безбородко стал графом и канцлером (и то неправда!)»*; *стр. 158, «благородная гордость, то, что мы называем амбицией (но кто же ныне говорит: амбиция?)»*; *стр. 160, «я глотал романы и повести»* – поздравляем и спрашиваем, что все это и сотня подобного, что могли бы мы выписать, если не барбаризмы, не галлицизмы, словом, не *небрежности языка*? Доказав справедливость наших слов, мы вправе требовать доказательств на то, что статьи Полевого в «Северной пчеле» *выправляли, не только Н. И. Греч, не только Ф. В. Булгарин (!), не только А. Н. Греч, но даже корректоры*. Как ни жаль нам вмешивать имя уважаемого нами

А. Н. Греча, но пусть он подтвердит слова Ф. В. Булгарина. А всего лучше, если у вас целы рукописи Полевого, покажите их, положите их в книжный магазин М. Д. Ольхина, вместе с объявлением, о котором говорено выше, и пусть рассудят нас люди посторонние. Н. Полевой такого суда не боится, и если Ф. В. Булгарин нашего требования не исполнит, мы применим к нему собственные слова его с 178 стр. II тома «Воспоминаний», строки 25–27. Не угодно ли там справиться?[656]

Мы кончили, ждем исполнения наших требований и откланиваемся «Воспоминаниям», желая им всякого добра, предоставляя другим судить о достоверности, подробностях и слоге их. Перебирая их вновь, для нашего ответа, мы находили в них десятки мест вроде кунерсдорфских успехов, смерти герцога Брауншвейгского, рассказа о Хвостове и Давыдове, и проч. и проч., но Бог с ними! Новым опытом научились мы, как не опасно, но скучно трогать авторское самолюбие. Мы должны просить извинения у читателей, что заняли много места в нашей газете объяснением с «Воспоминаниями», место, которое

могло быть отдано чему-нибудь более полезному и прекрасному. Перед нами отечественная и иностранная литературы, перед нами деятельный мир европейской науки. Скажут, что не стоит заниматься репейником, который вырос где-нибудь в уголке обширного поля, когда есть работа важнейшая. Так, но если этот репейник цепляется за ваше платье, не должно ли вам отцепить его? Мы так и делаем, не желая даже впредь знать, что существуют «Воспоминания» в литературном мире!

Полевотип

КРИТИКА М. А. КОРФОМ ВОСПОМИНАНИЙ Ф. В. БУЛГАРИНА О М. М. СПЕРАНСКОМ И ОТВЕТ БУЛГАРИНА

После выхода пятой части «Воспоминаний» Булгарина (отдельным изданием – СПб., 1848 – и в 88-м томе «Библиотеки для чтения»), содержащей мемуар о М. М. Сперанском, член Государственного совета и член негласного Высочайше учрежденного Комитета для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением всех произведений нашего книгопечатания (так называемого Комитета 2 апреля 1848 г.) М. А. Корф, который долго служил под началом Сперанского и после его смерти начал работу над созданием его биографии, выступил с резкой критикой булгаринских воспоминаний. Начал он с газетной статьи, которая была опубликована в газете «Русский инвалид» (1848. № 138. 24 июня) и, редкий случай, вскоре перепечатана в «С.-Петербургских ведомостях» (1848. № 144.

1 июля).

Модест Корф

О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского

В III отделении пятой части «Воспоминаний» г. Булгарина, напечатанном в июньской книжке «Библиотеки для чтения», автор посвятил несколько страничек памяти одного из примечательнейших исторических лиц нашей эпохи – графа М. М. Сперанского.

Мы полагаем, с нашей стороны, что произнесение суда над личностью графа Сперанского, даже и самая оценка или разъяснение многих событий и переворотов его жизни, составляют, покамест, задачу совершенно еще преждевременную. Оттого мы проходим молчанием как собственные суждения и заключения автора «Воспоминаний», так и беседы с ним покойного графа, из которых не все, вероятно, предназначены были к такой скорой гласности. Но мы не могли не обратиться, в интересе исторической истины, к проверке материальной части биографии, т. е. приводимых в «Воспоминаниях» фактов и чисел, и в

этом собственно отношении нашли тут разные неверности и недоразумения, которые считаем долгом исправить перед публикою, — для потомства.

I. В «Воспоминаниях» сказано, что Сперанский родился в 1771 году и что фамилия отца его была *Грамотин*.

Оба эти показания, хотя они и повторяются в большей части напечатанных до ныне биографий, не могут быть признаны верными.

Начнем с того, что сам Сперанский — как очень часто люди простого происхождения — никогда не знал положительно своих лет. Известно ему было, что он родился в самый день нового года, но которого именно? Перед нами два письма, свидетельствующие о его недоумении: в одном, от 6 января 1815 года, благодаря одного из самых старинных и некогда самых близких своих приятелей, Петра Григорьевича Масальского, за поздравление с днем рождения, он прибавлял: «Целым годом вы сделали меня моложе, назначив мне 44 год, тогда как я полагал уже себе 45♦й», в другом от 1 января 1817♦го он писал своей доче-

ри[657]: «Сегодня мне исполнилось 45 или 46 лет». – Эти цифры указывали бы на 1772♦й или даже 1773 год. Но впоследствии Сперанский, неизвестно почему, перешел вдруг к 1771 году.

В собственноручной его записке под названием «Эпохи М. Сперанского», писанной, как сам он на ней отметил, 1 мая 1823 года, сказано: «Родился 1 января 1771-го, почти в полночь». Это же число показано и в автобиографии его, напечатанной (по-французски и по-немецки) в 1822 году. Наконец, оно же выходило бы как по ревизской сказке, поданной 14 июля 1782 года, в которой Сперанский значится 11 лет, так и по ведомости об учителях Александро-Невской семинарии за 1795 год, где он отмечен 24 лет. Но все это, как доказывалось справкою, взятою в 1846 году, из дел Владимирской духовной консистории, несправедливо. Метрических книг за 1771 и 1772 год не отыскано, но сохранились исповедные росписи, а в них за 1771 год у черкутинского священника Михайлы Васильева и жены его Прасковьи Федоровой сына Михаила *еще не показано*, за 1772 же год в росписи,

поданной 6 июля, он означен *полугодовым*: следственно родился 1 января 1772 года. Этот год означен и на надгробном памятнике его в Александро-Невской лавре.

Обращаемся к первоначальной фамилии Сперанского. Мнения на счет ее тоже весьма различны. Один из людей, некогда особенно близких Сперанскому, в служебном отношении, барон Розенкампф, в записках своих (рукописных)[658] уверяет, будто бы родовое прозвание его было *Уткин*; другие называют его *Надеждиным*; но печатные биографии и И. И. Дмитриев[659] принимают, как теперь и г. Булгарин, фамилию *Грамотина*[660]. На это нет, однако ж, никаких доказательств. Предки Сперанского известны в двух только поколениях: *дед*, Василий Михайлов, который в шестидесятых годах прошлого столетия был священником при черкутинской Богородицкой церкви, и *отец*, Михайло Васильев, сперва дьякон, а потом, с 1771 года, тоже священник при Николаевской церкви того же села. Лица белого духовенства иногда имеют у нас особые прозвания, или фамилии, тогда только, когда они происходят из дворянства – фа-

милию их рода – или когда воспитывались в училищах – фамилию, даваемую по назначению духовно-учебного начальства. Но род Сперанского был не дворянский, и ни отец, ни дед его не обучались в тогдашних духовных школах. Сверх того, местные списки, ревизские сказки, исповедные росписи и другие церковные документы означают священников Василия (деда) и Михайлы (отца) единственно по отчеству и нигде не упоминают ни о Грамотиных, ни об Уткиных или Надеждиных. Прибавим, что в семействе черкутинском, как и вообще на месте родины Сперанского, где есть еще живые современники его отца, умершего в 1801 году, и тем более матери, скончавшейся только в 1824 г., также не сохранилось никаких сведений или преданий о родовом его прозвище и, напротив, все *положительно* утверждают, что *такого никогда не было*. Следственно все приведенные выше фамилии нельзя не признать за вымысел позднейших времен, когда прежний черкутинский священник начал уже занимать собою общественное внимание. Что же касается до фамилии *Сперанского*, то письменных

документов о времени, когда она ему присвоена, в делах не найдено; но полагать должно, что местный архиерей – тогда Иероним – нарек ею сына черкутинского священника очень скоро и даже, может быть, тотчас по принятии его во Владимирскую семинарию, по крайней мере тогдашние соученики его (они были еще живы в 1847 году), Федор Федоров и Лаврентий Лавров, утверждают, что *так он назывался с самых первых классов*, а в ревижской сказке, поданной в 1782 году, когда мальчику был только 11♦й год, в числе учеников школы *инфимы*, т. е. низшего отделения семинарии, показан уже «Покровской округи, села Черкутина, попов сын, *Михайло Сперанский*»[661].

П. Г. Булгарин говорит, что Сперанский кончил образование свое в С.♦Петербургской Александро-Невской духовной академии.

Это не совсем точно. Сперанский никогда не был в академии и в самом Петербурге никакой духовной академии тогда еще не существовало. Образование свое он кончил в Александро-Невской *Главной семинарии*, учрежденной в С.-Петербурге по рескрипту 6 мая

1788 года, на имя митрополита Гавриила, взамен семинарий С.-Петербургской и Новгородской. Другим рескриптом, от 10 того же мая, и определением Св. синода 21 июля велено было в эту Главную семинарию присылать учеников и из других епархий – «надежнейших в благонравии, поведении и учении, и лучшего пред другими понятия» – для образования их к учительской в высших классах должности. В эту именно семинарию, в январе 1790 года, прислан был из Суздальской (прежней Владимирской) Сперанский[662], и в ней он и довершил свой учебный курс. В академию Главная семинария преобразована по указу 18 декабря 1797 года, когда его давно уже не было не только между ее учениками, но и между преподавателями[663].

III. Далее у г. Булгарина говорится, что Сперанский изучил в школах языки латинский и греческий, а современным языкам: немецкому, английскому и французскому, обучался у частных учителей на собственный счет, уже занимая в академии звание профессора словесности, а *потом* и математики.

Здесь стекается несколько неточностей

вдруг: 1) французскому языку Сперанский выучился по книжному, еще в Главной семинарии, потом приложил теорию свою к практике, живя в доме князя А. Б. Куракина, и наконец окончательно усовершенствовал познания свои в этом языке, взяв к себе на жительство переведенного им в гражданскую службу молодого кадета Сухопутного корпуса, который умер впоследствии председателем Симферопольской межевой комиссии и известен был всем, кто только знал самого покойного графа. Мы говорим о Франце Ивановиче Цейере, которого судьбы сорок лет неразрывно связаны были с судьбами его благодетеля; 2) по-английски Сперанский стал учиться тогда уже, когда был женихом, т. е. в 1797 году, следовательно не состоя более в преподавательской должности; 3) за немецкий язык, прежде совершенно ему чуждый, Сперанский принялся уже в Пензе, в бытность там губернатором, и выучился ему сам, с помощью только Библии и лексиконов. Доказательством тому письма его к дочери, в зиму с 1818 на 1819 год [664], где чрезвычайно увлекательно описаны ход его успехов в знакомстве с немецким язы-

ком, железное усердие, посредством которого он их достиг, и радость при этом, как он его называл, «новом своем завоевании»[665]; 4) выше упомянуто уже, что Сперанский обучался и обучал не в академии, а в Главной семинарии; прибавим, что преподаватели ее имели титул не профессоров, а учителей; 5) Сперанский *сперва* был учителем математики (с 20 мая 1792), а потом уже (с 19 августа) и учителем физики и красноречия, и наконец (с 8 апреля 1795) еще учителем философии[666]; 6) в заметках г. Булгарина пропущено, точно так же как и в других биографиях, одно очень любопытное обстоятельство, именно, что 8 апреля 1795 года, следственно 23 лет от роду, Сперанский был назначен *префектом* Главной семинарии, должность при тогдашнем устройстве духовно-учебной части чрезвычайно важная, потому что в руках префекта сосредоточивалось все нравственное управление.

IV. «Я никогда не смел, – продолжает г. Булгарин, – спрашивать его (Сперанского) о том, каким образом он вошел на поприще гражданской службы и оставил ученое зва-

ние. Известно, однако ж, что он преподавал уроки в доме князя Алексея Борисовича Куракина, занимавшего важную должность при генерал-прокуроре князе Вяземском. Князь Куракин часто разговаривал с профессором, был очарован его глубокими и разнородными познаниями и возвышенными идеями и предложил ему место частного своего секретаря, которое М. М. Сперанский принял охотно».

Сперанский, вопреки общему мнению, повторенному здесь и г. Булгариным, был взят в дом князя А. Б. Куракина совсем не в качестве учителя и никогда им там не был. Это засвидетельствовал нам единственный сын князя [667], прибавляя, что только при приготовлении его и двух его сестер [668] к первой исповеди Сперанский дал им двенадцать уроков в Законе Божиим. Он поступил к князю прямо и исключительно для переписки по обширным частным его делам, вроде домашнего секретаря, вследствие рекомендации митрополита Гавриила и еще одного служившего при князе земляка; но вместе с тем оставался и при семинарских своих должностях до вступле-

ния на престол императора Павла. Об этих событиях и этой эпохе его жизни сохранилось много любопытных сведений, которые, впрочем, могли бы найти свое место только в более подробной биографии. Ограничимся приведением здесь прошения, поданного им 20 декабря 1796 года митрополиту Гавриилу и решившего участь дальнейшей его жизни. Вот оно, от слова до слова: «В Александро-Невской вашего высокопреосвященства семинарии нахожусь я с 1789 года[669], где, обучаясь и обучая разным предметам, определением вашего высокопреосвященства апреля 8 дня 1795 года данным, поставлен я семинарии префектом, философии и физики учителем и доселе должность мою проходил с возможною ревностью и рачением. Ныне же нахожу я сообразнейшим с склонностями и счастьем моим вступить в статскую службу: того ради ваше высокопреосвященство всепокорнейше прошу сие мое прошение принять и, из Александро-Невской семинарии меня уволив, снабдить аттестатом». – «Жажда учения, – рассказывал он в Перми в 1813 году одному из пользовавшихся особенным его доверием та-

мошных жителей, – жажда учения побудила меня перейти из духовного звания в светское: я надеялся ехать за границу и образовать себя в немецких университетах; но вместо того завлекся службою...»

V. В «Воспоминаниях» приводится, что Сперанский занимал место секретаря при трех генерал-прокурорах: князе А. Б. Куракине, Беклешове и Оболянинове.

В числе генерал-прокуроров пропущен здесь князь Петр Васильевич Лопухин, занимавший должность после князя Куракина, с 8 августа 1798 года до 7 июля 1799 года. Сперанский никогда, впрочем, не имел ни места, ни обязанности секретаря при генерал-прокурорах. Он был экспедитором в генерал-прокурорской канцелярии, что соответствовало теперешней должности начальника отделения. Правителями же этой канцелярии в ту эпоху были: сперва Пшеничный, потом Духовницкий, после Аверин и наконец Безак.

VI. Г. Булгарин слышал, что о назначении Сперанского статс-секретарем в Государственный совет (в 1801 году) ходатайствовал граф В. П. Кочубей. Сперанский назначен был в эту

должность без всякого постороннего ходатайства, по избранию тогдашнего начальника его, Дмитрия Прокофьевича Трощинского, которому поручено было образовать канцелярию Совета.

VII. «В Комиссии о составлении законов, – говорит автор “Воспоминаний”, – Сперанский (до 1812 года) составил две части Гражданского уложения и внес их в Совет. Третья часть, заключающая в себе Коммерческий устав и Уголовное право, требовала только отделки».

Здесь очевидное недоразумение. И по началам теории, и по древним римским делениям, и по системе всех законодательств новейших Гражданское уложение составляется из трех частей, которые под разнообразными, частью несвойственными именованиями объемлют собою в существе всегда три главных предмета: 1) Права личные, 2) Права на имущества, и 3) Права по обязательствам и договорам. Устав коммерческий, а тем более Право уголовное никогда и нигде не входили и не могут входить в состав того разряда законов, который понимает юриспруденция под именем *Гражданского уложения* (Code ou

droit civil, Civilrecht). Сперанским действительно составлены были и Коммерческое уложение, и Уложение уголовное (в отдельном составе); но третья часть Уложения собственно гражданского права по обязательствам и договорам приготовлена была Комиссиею законов уже после него. Рассмотрение всех этих работ возобновилось опять с 1821 года, потом продолжаемо было с разными перерывами, пока наконец, в нынешнее царствование, работам законодательным дано иное, более практическое направление, доставившее России бессмертный памятник «Свода» [670].

VIII. По свидетельству г. Булгарина, Сперанскому «дано было поручение преобразовать все духовные училища в России и устроить прочное их управление, что исполнено им с величайшею мудростию».

Это не совсем так. Сказанное поручение дано было не лично Сперанскому, а особенно-му Комитету *о усовершенствовании духовных училищ*, учрежденному по указу 29 ноября 1807 года из шести членов, в число которых назначили и его. Потом (по указу 26 июня 1808 года) этот временный комитет заменен

был постоянною *Комиссиею духовных училищ*, где Сперанский также заседал только в качестве члена. В комиссии он сперва принял было на себя сочинение устава всех духовных училищ, и 9 февраля 1809 года действительно представил первую часть проекта устава академического – о внутреннем управлении академий. Комиссия совершенно одобрила все его предположения; но сам Сперанский, в то же время, по множеству и разнообразию других своих занятий, принужден был отказаться от составления остальных частей академического устава, равно как и уставов семинарий и училищ уездных и приходских; вследствие чего окончание дела возложено было от комиссии на другого ее члена, архиепископа Калужского (впоследствии Грузинского экзарха) Феофилакта, который и совершил его по первоначальным идеям и указаниям Сперанского[671].

IX. Продолжая далее, что важнейший труд Сперанского состоял в изменении финансовой системы, г. Булгарин излагает в нескольких словах начала его плана и последующую от него пользу.

Финансовые работы Сперанского были столь обширны, достигли такой степени развития и были окружены столь любопытными подробностями, что полное обозрение их могло бы составить предмет целого отдельного сочинения. Это не входило, конечно, в цель г. Булгарина; но и краткие указания, содержащиеся в его статье, далеки от полноты.

Пропущены многие даже из таких мер, которые были тогда всенародно постановлены и частью приведены в исполнение, принадлежа существенно к тому же плану, например: признание ассигнаций действительным государственным долгом; образование особого капитала для погашения избытка ассигнаций чрез продажу государственных имуществ; учреждение Комиссии погашения долгов; открытие внутреннего для того займа; преобразование монетной системы; издание известного положения о нейтральной торговле, и проч. Все это было напечатано в современных правительственных актах и помещено потом и в Полном собрании законов.

Х. Фамилию супруги Сперанского г. Булгарин называет *Стюенс* (Stewenss).

Из множества семейных писем, английских, французских и русских, видно, что фамилия эта писалась *Стивенс* (Stevens). Мать Стивенс, о которой г. Булгарин упоминает, была урожденная Планта – семейство собственно швейцарского происхождения, но издавна поселившееся в Англии. Один из ее братьев, тогда инспектор Британского музея, известен уважаемою до сих пор в ученом мире историею Швейцарии (*Histoire de la confédération Suisse*)[672]. Сама г-жа Стивенс, оставшись после смерти мужа своего, бедного сельского священника близ Ньюкестля, за которого она вышла замуж по страсти, без всяких средств к существованию и еще с тремя малолетними детьми, прибыла в Россию, в 1790 году, для снискания себе здесь пропитания блестящими своими талантами. Упомянутый брат ее, очень подружившийся с известным протоиереем нашим Андреем Афанасьевичем Самборским, в бытность последнего священником при лондонской нашей миссии, рекомендовал ему свою сестру и через его посредство – Самборский состоял уже тогда законоучителем великих князей Алек-

сандра и Константина Павловичей – она помещена была в дом Шуваловых.

XI. Зять графа Сперанского был не тайный советник, как говорит г. Булгарин, а действительный тайный советник, и назывался не Александр *Васильевич*, как сказано в «Воспоминаниях», а Александр *Алексеевич*[673].

XII. Г. Булгарин влагает в собственные уста графа Сперанского рассказ, что перевод его «О подражании Иисусу Христу» был им окончен и пересмотрен во время пребывания в Великополье. Имеющиеся у нас в руках подлинные *современные* письма свидетельствуют, что перевод «Подражания», начатый еще в 1805 году, окончен был в Перми и потом пересмотрен и исправлен в Пензе.

XIII. Указ 30 августа 1816 года приведен г. Булгариным весьма неточно, особенно же в последних, существенных его выражениях. Вот он в точном списке: «Пред начатием войны в 1812 году, при самом отправлении Моем к армии, доведены были до сведения Моего обстоятельства, важность коих принудила Меня удалить от службы тайного советника Сперанского и действительного статского со-

ветника Магницкого, к чему, во всякое другое время, не приступил бы Я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении Моем приступил Я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их и не нашел убедительных причин к подозрениям. Потому, желая преподать им способ усердную службою очистить себя в полной мере, Всемилоостивейше повелеваем: тайному советнику Сперанскому быть пензенским гражданским губернатором, а действительному статскому советнику Магницкому воронежским вице-губернатором».

XIV. «В то же время (т. е. при назначении Сперанского губернатором), – прибавляет г. Булгарин, – государь пожаловал ему 7000 десятин земли».

Сперанскому пожаловано было не 7000, а 5000 десятин земли и не при назначении его губернатором, а через полтора года после того (23 января 1818) «в воздаяние, – как сказано в указе, – отличных трудов».

XV. В «Воспоминаниях» упомянуто далее, что в 1819 г. Сперанский назначен был сибир-

ским генерал-губернатором и председателем двух комиссий: одной для исследования допущенных в Сибири злоупотреблений, другой для составления плана будущему ее управлению.

Никаких подобных комиссий никогда не существовало, и оба упомянутые поручения возложены были на Сперанского *лично*. В Сибири он наряжал потом несколько местных следственных комиссий, но единственно по собственному своему усмотрению, как главный начальник края.

XVI. Г. Булгарин говорит еще, что Сперанский назначен был сибирским генерал-губернатором *после* отрешения от должности иркутского гражданского губернатора Трескина.

Не *после*, а *прежде*. Сперанский, напротив, сам уже удалил Трескина от должности, по прибытии своем в Иркутск, и притом только в октябре 1819[674], вследствие рескрипта 19 сентября, которым он уполномочивался, «впредь до окончательного усмотрения, устранить Трескина на время от управления губерниею, если, по производству дел и по обозрению края, сие найдено будет нужным».

XVII. Далее прибавлено, что Сперанский в 1821 году составил план управления Сибири, который приведен в действие *под именем Сибирского уложения*.

Все законоположения, составленные Сперанским для Сибири – числом десять – изданы были совокупно 22 июля 1822 года; но как ни одному из них в частности, так и всем вместе нигде не дано имени *Сибирского уложения*. Главное названо *учреждением для управления сибирских губерний*, а из прочих шесть вышли с именовани*ем уставов* и три под заглави*ем положений*.

XVIII. Описывая возвращение Сперанского из Сибири, г. Булгарин говорит, что император Александр назначил его (сверх звания члена Государственного совета) членом Комиссии о составлении законов.

Сперанскому, при отлучках главноуправлявшего тогда Комиссиею законов князя Лопухина, трижды (в 1822, 1823 и 1824 годах) поручаемо было временное управление ею, но он никогда не был назнача*ем* ее членом. Указом, данным Государственному совету 3 ноября 1821 и рескриптом от того же числа на имя

князя Лопухина, он был только *поставлен в сношение* с комиссиею, для получения всех сведений и пособий по возобновленному в то время рассмотрению проектов уложений; но к самому *составу* ее он нисколько не принадлежал.

XIX. Граф Сперанский скончался в 1839 г., но не в январе, как пишет г. Булгарин, а 11 февраля.

XX. Говоря о том, что государственные труды отвлекали Сперанского от принятия деятельного участия в отечественной литературе, г. Булгарин прибавляет: «однако ж *среди государственных трудов* он успел *написать и издать...* 3) Правила высшего красноречия, напечатаны в 1844 году».

«Правила высшего красноречия» *написаны* были Сперанским, когда он состоял в числе преподавателей Александро-Невской семинарии, следовательно не среди государственных трудов; *изданы* же через пять лет после его кончины. Первое видно из предисловия издателя книжки[675], последнее – из года издания, самим г. Булгариным приведенного[676].

Однако Корф не удовлетворился публика-

цией статьи. Он инициировал рассмотрение болгаринских воспоминаний о Сперанском в упомянутом выше негласном комитете, созданном для надзора за печатью, одним из инициаторов создания которого он был и в котором играл ведущую роль. Корф подготовил как доклад комитету, так и итоговое его заключение:

Журнал Комитета высочайше утвержденного во 2-й день апреля 1848 года [677]

При обозрении последней (июньской) книжки журнала «Библиотеки для чтения» внимание комитета[678] остановлено было статьею «Воспоминания Фаддея Булгарина», в которой собраны, между прочим, разные подробности о покойном графе Сперанском.

Комитет не входит в разбор многих вкравшихся в эту статью исторических неверностей и ошибок, которые обличены уже особо одним из членов, близко изучавших биографию графа Сперанского[679]; но, обращаясь собственно к тому, что принадлежит в круг прямых его обязанностей, он нашелся в необходимости сделать на упомянутую статью следующие замечания:

1) Автор говорит, что император Александр поручал Сперанскому обработку всех важнейших дел и планов высшего государственного управления, передавал ему все поступавшие по этому предмету проекты и наконец поручил ему составление плана государственного образования. Независимо от *первого* вопроса: откуда взяты автором сведения, столь положительно выраженные, здесь рождается и *другой*: может ли частный человек распределять за эпоху, столь еще к нам близкую, и таким диктаторским тоном, славу государственных подвигов между Монархом и Его подданным?

2) В статье выведено, что Сперанский в 1812 г. пал жертвою вражды и зависти, которые успели очернить его и представить человеком вредным и опасным. Сочинитель прибавляет даже: «Не смею называть главных виновников несчастья Сперанского, хотя они все уже в могилах – там, где и жертва их злобы. Но могила не все прикрыла. Добрые и злые дела остаются и громко возопиют в потомстве». – Далее следуют подробности об удалении Сперанского в Нижний Новгород и

Пермь, описание его ощущений и пр.

По мнению комитета, вся эта выходка совершенно неуместна в печати. Представляя все событие несчастием незаслуженным и плодом одних происков, она как бы накидывает, перед публикою, тень на характер императора Александра, а с другой стороны прямо намекает на мнимую известность автору самых виновников удаления Сперанского и вообще всех подробностей такого дела, которое правительством всегда оставляемо было под покровом тайны и слишком – как упомянул комитет – близко к нашей эпохе, чтобы частное лицо дерзало, без особого призвания и, вероятно, и без достаточных к тому сведений, приподнимать всенародно край этого покрова.

3) Говоря о представленном Сперанским в 1810 году финансовом плане, автор пишет, что этот план «принес величайшую пользу и приносит ее до сих пор, предварительным рассматриванием смет и последовательною поверкою издержек в Государственном контроле, *который был страшен при покойном бароне Б. Б. Кампенгаузене, человеке с необык-*

новенным умом, деятельностью, беспристрастием и правдивостию». – Такую характеристику *прежнего*, выставленную как бы в противоположность и в укор *последующему* и *настоящему*, равно как и самое мнение, столь резко произносимое о пользе мер государственных, комитет не может также не признать совершенно неприличным.

4) В означенной статье приводится Указ 1816 года, которым Сперанский определен был снова в службу, в должность пензенского гражданского губернатора, но приводится не подлинными словами, а будто бы в виде *извлечения его содержания*, которое, между тем, представлено совершенно *превратно*. Так, в указе сказано, что не оказалось «убедительных причин к подозрениям» на Сперанского, тогда как в статье напечатано, что «по производственному следствию (сих слов совсем нет в указе) обвинения оказались неосновательными». – Такое искажение слов и смысла Высочайшего указа, в свое время гласно обнародованного, а теперь приводимого, как исторический цитат, в ином совсем виде, представляется комитету столько же дерзким, сколько

и предосудительным.

Наконец, 5) Приводя частный разговор свой с Сперанским о постигнувшем его в 1812 году несчастьи, автор влагает в уста покойного графа следующие слова: «Если б я был в фамильных связях с знатными родами, то, без сомнения, дело приняло бы другой оборот. Кто хочет держаться в свете, тот должен непременно стать на якорь из обручального кольца». – Едва ли нужно замечать, что если слова сии *и были точно сказаны* в минуту откровенной и не совсем, может быть, осторожной беседы, то, верно уже, не для оглашения их перед современною публикою, и комитет смеет думать, что нельзя допускать, чтобы память государственного человека, так сказать *вчера* еще оставившего поприще, а с тем вместе, в некотором отношении, и самый образ действия правительства были поносимы приписыванием первому подобных мнений.

Вследствие всех сих замечаний комитет полагал бы представить министру народного просвещения: 1) сделать автору приведенной статьи строгий за нее выговор и 2) сделать ответственное внушение и пропустившим

оную ценсорам, ибо если не было на прямой их обязанности сверять Указ 1816 года с подлинником, то никак, однако же, не следовало им пропускать прочих выше сего замеченных мест, по явной их неуместности в печати.

Такое заключение свое Комитет осмеливается всеподданнейше повергнуть в Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение.

№ 17

25 июня 1848 г.[680]

На докладной записке возглавлявшего комитет Д. П. Бутурлина, к которой был приложен этот журнал (т. е. протокол заседания), 27 июня император наложил следующую резолюцию: «Совершенно справедливо, сообщить о сем г[енерал]-а[дъютанту] г[рафу] А. Ф. Орлову»[681].

29 июня Бутурлин передал министру народного просвещения С. С. Уварову замечания императора, дословно воспроизводящие замечания комитета[682], тот 7 июля сообщил об этом попечителю Петербургского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину, который через

Петербургский цензурный комитет 11 июля отправил Булгарину точный текст императорских замечаний с заключением, что «вследствие всех сих замечаний его императорское величество высочайше повелеть изволил: сделать автору приведенной статьи строгий за нее выговор»[683].

Поскольку текст Корфа был опубликован в газете с изменениями, 2 июля 1848 г. он написал письмо министру народного просвещения графу С. С. Уварову:

Г-н Булгарин напечатал в «Библиотеке для чтения» статью о покойном графе Сперанском, изобилующую как погрешностями, так и рассуждениями, совершенно неуместными в тексте, предназначенном для публики. Комитет наш обратил внимание императора на последние, я же позволил себе ответить от себя лично на первые некоторыми замечаниями, каковые поместил в «Русском инвалиде» (24-го числа прошлого месяца). Возражая на утверждения автора касательно первоначальной фамилии графа, я пи-

сал: «Лица белогородуховенства обыкновенно имеют у нас особые прозвания, или фамилии, тогда только, когда они происходят из дворянства – фамилию их рода – или когда воспитывались в училищах – фамилию, даваемую по назначению духовно-ученого начальства» и далее: «следственно, все приведенные выше фамилии нельзя не признать за вымысел позднейших времен, когда прежний черкутинский церковник начал уже занимать собою общественное внимание». – Однако, к великой моей досаде, обнаружил я в печатном листке вместо первого из двух слов подчеркнутых слово иногда, которое полностью извращает не только смысл, но даже и грамматическое строение фразы, а на месте второго – священник, отчего вышло, что я Сперанского превратил в бывшего священника. Я незамедлительно написал редактору газеты письмо с просьбой поместить извещение об этих абсурдных опечатках; каково же было мое изумление, когда из его ответа узнал я, что речь идет вовсе не об опечатках, а просто-напросто об исправлениях, сде-

ланных цензором Крыловым, в доказательство чего были мне предоставлены листы с собственноручной правкой этого господина.

Поскольку под статьей стоит моя фамилия, благоволите согласиться, господин граф, что мне в моем положении неприятно и странно представлять перед публикой в столь смешном виде. Благоволите же позволить мне воззвать к Вашему чувству справедливости в отношении поступка незаконного и, осмелюсь сказать, бессмысленного, совершенного г-ном Крыловым, который вместо того чтобы запретить или вычеркнуть то, что счел он предосудительным, присвоил себе право вносить в статью свои поправки, что противоречит даже закону (Устав о цензуре. С. 15), и предавать тиснению за чужой подписью бессмыслицу собственного изобретения, даже не предупредив об том автора.

Уваров написал ему следующее:

В ответ на письмо Ваше от 2 июля, касающееся исправлений, которые цензор Крылов позволил себе внести в ста-

тью Вашу о г-не Сперанском, спешу сообщить Вашему сиятельству, что сделал я этому цензору строгий выговор; имея дело со статьей подписанной, обязан он был всенепременно с Вами поделиться своими сомнениями. Если желательно Вам объявить об ошибках, допущенных в печатной статье, предложил бы я Вам поместить об том извещение в публичных листках; сие явилось бы, полагаю, наилучшим способом исправить оплошность цензора; добавлю, что когда бы редактор «Инвалида», прежде чем отдавать статью в печать, обратился к начальству вышестоящему, замечание цензора поставлено было бы на голосование, и все сие происшествие не имело бы места.

Благоволите, господин барон, принять уверения в совершеннейшем моем почтении.

Граф Уваров.
3 июля 1848 года
На Карповке[684]

Булгарин, который в это время, как всегда, проводил лето в своем поместье Карлово (под Дерптом) и не знал ни о заключении неглас-

ного комитета, ни о реакции царя, попытался печатно ответить на критическую статью Корфа. Весь очередной свой фельетон из цикла «Журнальная всякая всячина» он посвятил этому сюжету. Лишь в середине июля он был подан в цензуру, поскольку нужно было время на то, чтобы газета с текстом статьи Корфа дошла в Дерпт, Булгарин обдумал и написал свой ответ и переслал его в Петербург. Поскольку цензурный комитет был напуган выговором цензорам за пропуск болгаринских воспоминаний о Сперанском, он передал Корфу новый текст Булгарина на эту тему. Корф прочел его и снабдил подробными замечаниями (они даны под строкой курсивом). В результате цензурный комитет запретил публиковать ответ Булгарина.

Журнальная всякая всячина

Однако ж в моем ливонском уединении я не только не получаю, но даже не вижу русских газет и журналов (кроме своей газеты и журналов, издаваемых министерствами), и не только не тоскую, а напротив, весьма счастлив и доволен. – Приятель мой прислал мне на днях № 138 «Русского инвалида», в ко-

тором напечатана статья, до меня касающаяся. Из уважения к лицу, написавшему эту статью, почитаю долгом отвечать на объяснения.

Дело идет о М. М. Сперанском, о котором я высказал, что знаю об нем и что можно было высказать, в пятой части моих «Воспоминаний». Автор статьи «Русского инвалида» полагает, что я *рано вспомнил* о М. М. Сперанском – и находит ошибки в представленных мною *фактах* и *числах*[685]. Уважаю каждое чистосердечное мнение и благонамеренное суждение, и прошу снисхождения к моему собственному мнению.

В светских обществах и в нашем миниатюрном литературном мире известно, что один весьма почтенный ученый и заслуженный муж занимался собиранием материалов для составления полной биографии М. М. Сперанского в *законодательном отношении*[686], потому что он более всех участвовал в исполнении великого предначертания наших государей к составлению полного и систематического Собрания законов. Таким образом, биография Сперанского будет заключать в се-

бе историю русского законодательства в царствование императора Александра и нынешнее благополучное царствование. Нет никакого сомнения, что творение, написанное человеком умным, талантливым и знающим совершенно законодательство, будет любопытно, поучительно и важно во всех отношениях, особенно потому, что из всех наших историй невозможно составить никакого систематического понятия о законодательствах каждой эпохи. Но мне кажется, что биография Сперанского в этом деле будет дело *постороннее* или, как говорится, hors d'oeuvres[687]. Жизнеописания важны только тогда, когда лицо действовало самостоятельно, как, например, наши дипломаты от кончины Петра Великого до вступления на престол императора Павла Петровича, и наши полководцы, облеченные полною властью. Но Сперанский вовсе не действовал самостоятельно в русском законодательстве, а только исполнял волю законодателей[688].

Сто раз слышал я от него (а верно слышали и все приближенные к нему люди), что он никогда не навязывался ни с какими проектами

и тогда только делал, когда ему что-либо поручали. Об этом я сказал и в моих «Воспоминаниях». В частной жизни Сперанского замечателен только один период, а вся его служба есть только честное, умное и человеколюбивое исполнение своих обязанностей, и это можно высказать несколькими словами, а именно, что он везде был примерный начальник, примерный подчиненный, умный, ученый и трудолюбивый исполнитель поручений. Иное дело, если б Сперанский написал записки о своей жизни, с собственными суждениями о делах и лицах, тогда это заменяло бы недостаток самостоятельности в действиях[689]. Мне кажется, что Сперанский именно принадлежит к тому роду людей, о которых не только современники, но даже история может только *вспоминать*[690]. Разум и познания Сперанского были велики, и следы этого остались в исполнении данных ему поручений; душа Сперанского была неисчерпаемый источник благодати и высоких чувствований, и если, по мнению почтенного автора статьи в «Русском инвалиде», и об этом предмете говорится неуместно, то и чувства благодарно-

сти и привязанности современников были бы также неуместными! И на чем бы тогда основался будущий историк? Просим извинения у почтенного автора статьи в «Русском инвалиде», но я того мнения, что любить, быть благодарным, справедливым и говорить истину, хотя бы вполнину, всегда уместно, и даже над свежую могилую добродетельного мужа, каков был Сперанский[691]. Я не писал биографии Сперанского, я только *вспомнил* об нем в моих «Воспоминаниях», вспомнил со слезами, с чувством беспредельной к нему любви и уважения[692].

Теперь взглянем на *неверности* и *недоразумения* в моих «Воспоминаниях», которые почтенный автор взялся исправить перед публикою, как сказано в статье: «для потомства».

По первому пункту. Я не имею, с моими «Воспоминаниями», ни малейшего притязания на жизнь в потомстве; но если эти «Воспоминания» дойдут до потомства, то ему совершенно будет равно, в 1771 году родился Сперанский или в 1772 или в 1773, как полагает *неопределенно* почтенный автор статьи, оканчивая свои изыскания о годе рождения

Сперанского словами: «но впоследствии Сперанский неизвестно почему перешел к 1771 году». Я вообще люблю *последствия* и привык беспредельно верить Сперанскому, и если он впоследствии определил год своего рождения, то *неизвестность* причин не должна, кажется, опровергать собственного показания. Вероятно, Сперанскому *известны* были причины, почему он назначил 1771 год годом своего рождения, и потому в «Воспоминаниях» моих это не *неверность* и не *недоразумение* [693].

По второму пункту. Сказано в «Воспоминаниях», что первоначальная фамилия Сперанского была *Грамотин*. Так называет Сперанского и И. И. Дмитриев, бывший в весьма коротких сношениях с Сперанским, по своему званию министра юстиции и литератора. Если это *неверность* и *недоразумение*, то почтенный автор статьи не исправил их своими догадками, сказав: «не сохранилось никаких сведений или преданий о родовом его прозвище и, напротив, все *положительно* утверждают, что *такого никогда не было*». После этого и говорить нечего! [694]

По третьему пункту. У кого и как учился Сперанский французскому и английскому языку, дело совершенно не важное. Главное здесь характеристика. В «Воспоминаниях» сказано, что Сперанский изучил эти языки уже в зрелых летах, и это яркая черта, означающая непрерывное стремление к приобретению познаний. Имена учителей и порядок переходения от одного предмета к другому в учительском звании – также мелочи, что не займут потомства, а для меня, современника, вовсе незанимательны[695].

По четвертому пункту. В «Воспоминаниях» моих я сказал: «известно, что он, т. е. Сперанский, преподавал уроки в доме князя А. Б. Куракина». Почтенный автор статьи говорит, что я ошибся, следуя в этом деле общему мнению. Почтенный автор статьи основывается на показании единственного сына князя А. Б. Куракина, якобы Сперанский не был учителем в доме, а дал только двенадцать уроков, и был домашним секретарем в доме князя, исключительно для частной переписки. Не подвергаю сомнению ничьих показаний, но не могу слепо верить тому, чтоб Сперанский,

профессор или старший учитель в семинарии, покровительствуемый знаменитым митрополитом Гавриилом, решился принять звание *домашнего* секретаря для *частной* переписки!!! В душе Сперанского всегда таилась благородная гордость, и он не был в такой нужде, чтоб идти в писцы, потому что *домашний* секретарь, для *частной* переписки, то же, что *писец*[696]. – Должен я мимовольно высказать, что словесные показания о первых годах службы выслужившихся чиновников весьма часто бывают неточны. В этом я особенно удостоверился, собирая сведения о М. М. Сперанском. Собственных слов Сперанского не привожу (хотя мог бы подкрепить мои показания свидетельством живых людей), но предположения, что Сперанский был *домашним секретарем* у князя А. Б. Куракина, для *частной переписки*, никак не могу принять! À tout seigneur tout honneur[697][698].

По пятому пункту не спорю. Был ли он секретарем или экспедитором в Министерстве юстиции – для потомства все равно, и для характеристики Сперанского – менее нежели ничего[699].

По шестому пункту. Почтенный автор статьи говорит, что Сперанский был назначен статс-секретарем не по ходатайству графа В. П. Кочубея, но без всякого постороннего ходатайства, по избранию тогдашнего начальника его Д. П. Троицкого. Быть может! Но как *письменных доказательств* на то, по чьему ходатайству Сперанский был назначен статс-секретарем, не существует, то я поверил слуху, т. е. словам самого М. М. Сперанского[700]. Впрочем, и это не важно для потомства и не изменяет характеристики Сперанского.

Противу седьмого пункта. В пятой части моих «Воспоминаний» на стр. 592 сказано: «В комиссии о составлении законов Сперанский составил две части Гражданского уложения и внес их в Совет. Третья часть, заключающая в себе Коммерческий устав и Уголовное право, требовала только отделки». Противу этих слов почтенный автор статьи представил возражение, основывая его на классическом или систематическом разделении законодательства, по древнему римскому делению и по всем новейшим системам, для доказательства, что Устав коммерческий и Уголовное

право никогда и нигде не входили и не могут входить в состав того разряда законов, который понимает юриспруденция под именем *Гражданского уложения* (Code du droit civil, Zivilrecht). Да разве я, автор «Воспоминаний», утверждал где-либо, что Коммерческий устав и Уголовное право входят в один разряд с *правами личными, правами на имущество и правами по обязательствам и договорам*, тремя основаниями Гражданского уложения??? Предполагаемый тогда *Свод законов* разделялся на три части или на три отделения не по школьному, но по практическому порядку. Первые две части или два отдела должныствовали заключать в себе *Гражданское уложение*, а третья часть *Устав коммерческий* и *Уголовное право*. Это вовсе не означает смешения всех этих отделов в одну категорию. В полном курсе математики начинают с арифметики, потом переходят к алгебре, планиметрии, стереометрии, тригонометрии прямой и криволинейной, потом к дифференциальным и интегральным исчислениям, и все это составляет математику, которую вы, при издании, можете разделить на сколько угодно частей и

отделов, и хотя предметы имеют свое особое свойство, но все вместе устремлены к одной цели. Я писал не биографию Сперанского и не историю законодательства; не мог и не должен был распространяться и разбирать (по ниточке) все действия Сперанского и, желая представить только его характеристику и биографический очерк, вовсе не останавливался на мелочах. Почтенный автор статьи говорит: «Сперанским действительно составлены были и Коммерческое уложение, и Уголовное уложение, в отдельных составах, но третья часть Уложения собственно Гражданского – Права по обязательствам и договорам – приготовлена была Комиссиею законов (т. е. о составлении законов) уже после него». Из этих слов выходит, что Сперанский составил два первые отдела Гражданского уложения (т. е. права личные и права на имущества), Коммерческий устав и Уголовное право, и все мое преступление в кратком биографическом очерке и характеристике Сперанского заключается в том, что одно отделение Гражданского уложения приготовлено было комиссиею! [701] Но для характеристики Сперанского

ранского довольно и того, что он сделал, по сознанию почтенного автора статьи! Впрочем, я писал не наобум! По возвращении моем в столицу я буду иметь честь представить уважаемому мною автору статьи *записку* (на французском языке), составленную одним из приближенных лиц к М. М. Сперанскому и пересмотренную им самим[702]. На основании этой *записки* и французский писатель Шницлер сказал то же, что сказано в «Воспоминаниях»[703]. В заключение скажу об этом седьмом пункте, что если б ось земная поколебалась (метафора, вроде преувеличения моих суждений о Сперанском), и миру угрожало разрушение, и если б спасение его зависело от изменения моего мнения о Сперанском, то и тогда, на развалинах мира, я бы воскликнул: «Сперанский, один Сперанский исполнил волю наших Мудрых Законодателей, и все его умные и сведущие сотрудники трудились по его указанию и заслуживают за то полную нашу благодарность!» Сперанского нет на свете, и после него не осталось наследников его имени и его значения, следовательно правда – голос души, а не лесть![704]

Противу осьмого пункта скажу почти то же. Здесь речь идет о словах, а не о делах. Почтенный сочинитель статьи говорит, что преобразование духовных училищ поручено было не лично Сперанскому, а Комитету, а из слов самого же почтенного сочинителя статьи выходит, что все сделано им самим, Сперанским, или «по первоначальным идеям и указаниям Сперанского»[705].

Противу 9 пункта. Почтенный автор статьи доказывает, что я, в изложении трудов Сперанского по финансовой части, пропустил многое. Справедливо! В «Воспоминаниях» я вспомнил только о важнейших трудах, предоставляя будущему его биографу все подробности[706].

Против 10 пункта. Фамилия супруги М. М. Сперанского пишется по-английски, как мне сказано, – *Stewents* и произносится *Стюенс*, а почтенный автор статьи утверждает, что эта фамилия пишется *Stewens* и произносится *Стивенс*[707]. Я последовал мнению одного из сыновей воспитанниц г-жи *Стюенс*, или *Стювенс* – но спорить не намерен, хотя знаю, что для произношения собственных имен ни

во французском, ни в английском языках нет постоянных правил, и еще более убежден, что для потомства нет важности в том, Стюенс или Стивенс была супруга М. М. Сперанского [708].

Против 11 пункта. Mea culpa, mea maxima culpa! [709] Виноват! Зять Сперанского был точно *действительный* тайный советник и назывался Александр Алексеевич! Товарищ мой, Н. И. Греч, засвидетельствует, что мой природный недостаток состоит в том, что я никак не могу упомянуть чинов и имени и отчество! [710] А ведь А. А. Фролов-Багреев был моим судьей в 3^м департаменте Правительствующего сената [711], и я часто видал его, когда он жил с М. М. Сперанским, на Фонтанке, в доме Лыткина! Имени и отчества М. М. Сперанского я никогда не забуду, а Александра Алексеевича забыл, в чем и виноват!

Против 12 пункта. Где и когда был начат, кончен и исправлен перевод книги «О подражании Иисусу Христу», кажется мне столько же важным, как и то, где была куплена бумага на напечатание этой книги. Если потомство почтет это важностию, то я радуюсь, что

по моей незначительности я не дойду до потомства![712]

Против 13 пункта. Указ, оправдывающий М. М. Сперанского, я поместил только в его сущности и умышленно не хотел поместить последних его выражений. Авторская воля, которую могу объяснить словесно[713].

Противу 14 пункта. В «Воспоминаниях» сказано, что Сперанскому пожаловано 7000 десятин земли, а почтенный автор утверждает, что 5000. *Ainsi soit-il!*[714][715]

Противу 15 пункта спорить не буду, потому что сказанное почерпнул из вышеупомянутой записки, на французском языке, *пересмотренной* Сперанским[716].

Противу 16 пункта. Вот одно замечание, которое я принимаю, потому что оно входит в разряд характеристики Сперанского. Он отрешил Трескина. Дело важное, возвышающее характер обожаемого мною мужа! Это непременно исправлю, если мои «Воспоминания» доживут до второго издания, и покорнейше благодарю почтенного автора статьи за поправку[717].

Противу 17 пункта. Я сказал, что Сперан-

ский составил *Сибирское уложение*. Почтенный автор статьи возражает, что *десять* законоположений для Сибири, составленные Сперанским, изданы совокупно и названы: *Учреждением для управления Сибирских губерний*. Справедливо! Но если в литературном сочинении частное выражение должно почитать *ошибкою*, то и я вправе заметить почтенному автору статьи, что он, обвиняя меня, сам впадает в то же самое прегрешение, называя в VII пункте обвинений *Комиссию о составлении законов Комиссиею законов*. И я вправе сказать, что *Комиссии законов* у нас никогда не было, как говорит почтенный автор, что у нас не было никогда *Сибирского уложения*! Это то же, что: *bonnet blanc, et blanc bonnet*[718]. Ужели это будет ошибка, за которую взыщет потомство, если я скажу: «*Приятель мой поехал в Сибирь*», вместо того, чтоб сказать: «*Приятель мой поехал в Сибирские губернии*» [719].

Противу 18 пункта. Был ли Сперанский членом Комиссии о составлении законов, по возвращении из Сибири, или только *поставлен в сношения* с комиссиею, это совершенно

не важно ни для потомства, ни для *характеристики* Сперанского. Главное в том, что ему было поручено рассмотрение составляемого тогда проекта Уложения, в чем сознается и сам почтенный автор статьи, т. е. что высокий ум и глубокие познания Сперанского были оценены. Мне только это и нужно! [720]

Противу 19 пункта. Сперанский скончался точно 11 февраля, а не в январе 1839 года. Но как во вступлении к статье сказано, что исправление неверностей и недоразумений в характеристике Сперанского предпринято для потомства, то мне кажется, что не только для потомства, но и для современников разница в нескольких днях кончины не составляет важности. Я даже не помню, в каком месяце умерли Кольберт, Питт, Каннинг, но знаю, что это были великие мужи! [721].

Противу 20 пункта. Чтоб доказать любовь Сперанского к литературе, я сказал, что он даже среди государственных трудов успел написать и издать в свет несколько сочинений. Почтенный автор уличает меня в *неверности показаний*, а именно, что одно сочинение Сперанского написано им в то время, когда он

был преподавателем в семинарии, и издано, по моему же показанию, после его кончины [722]. Не знаю, что скажет публика и потомство, но я почитаю эту неверность маловажною. Для характеристики Сперанского важно то, что он и посреди государственных трудов занимался литературою, и это *верно* [723].

Вот и все обвинения. Писал я не юридическую записку, где от каждого слова и выражения требуется математической верности, писал не полную биографию, а представил характеристику, т. е. ум и душу Сперанского, так, как понимал [724], и излил чувства собственной души к мужу, которого любил как отца родного и которого память священна для всех знавших его. Почтенный автор статьи в «Русском инвалиде» упоминает о Записках (рукописных) барона Розенкампа, бывшего некогда одним из близких к Сперанскому людей, в служебном отношении [725]. Эти рукописные Записки и другие бумаги барона Розенкампа о Сперанском *мне* известны [726], но я, по известным мне причинам, не принял ни одной мысли и ни одного показания господина барона. Для биографического

очерка я руководствовался двумя документами: рукописною запискою на французском языке, составленною близким к Сперанскому лицом, и другою запискою, приготовленною для Энциклопедического лексикона[727]. Обе эти записки пересматривал сам Сперанский, исключил из них все похвалы и оставил одну сущность, не вдаваясь в мелочи[728]. Что Сперанский сам пересматривал эти записки, на то могу представить неопровержимые доказательства, и даже намерен представить в будущих томах «Воспоминаний». Во всяком случае долгом считаю поблагодарить почтенного автора статьи в «Русском инвалиде» за то, что он обратил внимание на мои «Воспоминания», которые потому только мне дороги, что в них я могу излить чувства моей благодарности к благородным людям и выставить их ум, душу и заслуги, а если ошибся или ошибусь в числах и в подлинных названиях казенных бумаг, в числе, в имени и отчестве эпизодического лица, то думаю, что и публика и потомство не поставят мне этого в вину [729]. Принимая даже все исправления, представленные почтенным автором статьи «Рус-

ского инвалида», мой портрет Сперанского останется тот же! Пятна отысканы на раме портрета, а не на холсте[730]. При случае смою эти пятна на раме[731], но ни за что в мире не изменю ни одной черты в портрете, потому что пишу по чувству и по убеждению. Finis![732]

Если б дело шло не о графе М. М. Сперанском, я бы промолчал. Но как искусная критика побочных обстоятельств могла бы подвергнуть сомнению *сущность* дела, именно характеристику незабвенного мужа, я должен был объяснить, что хотя рама портрета может быть дурна, но если портрет верен, то цель художника достигнута[733].

Карлово, 13 июля 1848

ПОЛЕМИКА Я. К. ГРОТА С Ф. В. БУЛГАРИНЫМ ПО ПОВОДУ БУЛГАРИНСКИХ «ВОСПОМИНАНИЙ»

В 1849 г. профессор Александровского университета в Гельсингфорсе, переводчик и исследователь скандинавской литературы Я. К. Грот (1812–1893) опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 79–82) статью «Очерки из Финляндских походов в 1808 и 1809 годах (Статья первая)», где рассказал о творчестве шведско-финского поэта Йохана Людвига Рунеберга (1804–1877), бывшего ребенком во время этой войны и посвятившего ей сборник стихотворений «Fänrik Ståls sägner» («Рассказы фенрика Столя», 1848). При этом Грот заметил, что «несколько любопытных эпизодов из этой войны можно найти (к сожалению, не без примеси неточных и неверных показаний) в “Воспоминаниях” Фаддея Булгарина, участвовавшего в походе 1808 года» (№ 79. 13 апр.). Так началась «война о войне», растянувшаяся на полтора месяца.

Свет на вспыхнувшую критическую баталию проливает переписка Грота с П. А. Плетневым. Имя Булгарина встречается там довольно часто, причем в контексте, как правило, резко негативном[734]. Однако письмо Грота от 8 декабря 1848 г., посвященное «Воспоминаниям» Булгарина, отличалось своей тональностью: «Последние дни я провел за изучением воспоминаний Булгарина о финляндском походе в 1808 году. При всех его недостатках, у него таки есть много интересного. Я готовлюсь начать статью, для которой мне нужно это чтение», – и через несколько дней, 14 декабря, сообщал: «Кончил выписку из Булгарина о войне в Финляндии 1808 года» [735]. Плетнев, согласившись в ответном письме, что «у Булгарина действительно много сохранено фактов», тем не менее язвительно заметил: «Жаль, что он их все повернул в одну сторону, именно к возвышению гнусной фигуры своей», и в очередном письме от 22 декабря предложил так вести полемику: «Когда будешь ты выводить наружу все глупости Булгарина, то ради Бога не давай такого оборота статье, будто она для этого написана.

Нет, ты о своем пиши деле, а Булгарина бей по носу только при удобном случае, как советует Пушкин:

*И поучительной лозой
Зоила хлещет – мимоходом» (с.
373, 376)[736].*

Статья Грота свидетельствует о том, что он прислушался к совету – в продолжении, содержащем прозаическое переложение произведений Рунеберга с комментариями Грота (причем трудно было понять, какие сведения почерпнуты из поэтических сочинений Рунеберга, а какие представляют собой собственно комментарий), говоря о балладе, посвященной Я. П. Кульневу, Грот вновь коснулся «Воспоминаний» Булгарина: «Если верить г. Фаддею Булгарину, то и одежда Кульнева была такова, что иной легко мог принять его за казака; но Давыдов, описывающий ее иначе, заслуживает более веры, быв постоянным товарищем Кульнева в этом походе» (№ 82. 16 апр.).

Задетый Булгарин в очередном фельетоне потребовал доказательств: «Так дела не дела-

ются в литературе. Укажите на *неточные, неверные показания* и *докажите*, а без того слова ваши – ветер, господин переводчик *мечтаний* шведского поэта! Говорить такие вещи без доказательств, это уж слишком много!»[737]

Булгарин опроверг замечание Грота, что книги П. П. Сухтелена и А. И. Михайловского-Данилевского хорошо известны в России: «Сочинение графа П. П. Сухтелена напечатано на французском языке, в числе 200 экземпляров, роздано автором приятелям и коротким знакомым в России и Швеции, и никогда не было в продаже. Следовательно, нельзя сказать, что оно повсеместно известно». По поводу ошибок и неточностей в своих мемуарах он писал: «Не могу пропустить этого без замечания. Описание действий корпуса графа Каменского и переход генерала Баркляя де Толли чрез Кваркен написаны были мною за *тринадцать* лет до выхода в свет истории Финляндской войны А. И. Михайловского-Данилевского. Писал я по официальным документам, сообщенным мне его сиятельством графом А. А. Закревским, и по собственным

моим воспоминаниям, потому что я был очевидным свидетелем и, смею сказать, участником подвигов русских воинов. Ни граф П. П. Сухтелен, ни А. И. Михайловский-Данилевский, ни граф А. А. Закревский, бывший тогда адъютантом графа Н. М. Каменского, и ни один из товарищей и сослуживцев моих не сделал замечания на счет *неверностей* и *неточностей* в моем описании Финляндской войны, равномерно не показано *неверностей* и *неточностей* в честной, умной и благородной критике моего труда, напечатанной в 6❖й книжке Военного журнала на 1848 год <...>».

Кроме того, он оспорил некоторые свидетельства самого Грота о событиях этой войны, уличив его в многочисленных ошибках. Так, Грот писал, что «начальники русского войска сближались с жителями, давая им балы и пирушки <...> наши офицеры знакомились и братались с финляндскими и шведскими. Между нашим авангардом и неприятельским арьергардом враждебные отношения превращались иногда в самые мирные: тогда противники друг с другом забавлялись игрою в кости, которая в то время была в большом хо-

ду, и вместо стола служил им ряд барабанов, накрытых доскою. Сохранилось много анекдотов, свидетельствующих о рыцарском духе, оживлявшем образованную часть обеих войск». Это вызвало темпераментную отповедь Булгарина: «Никогда русские офицеры не играли в кости с шведскими офицерами на доске, положенной на барабаны; никогда мы не пировали с шведскими офицерами на форпостах, и хотя уважали их, но не имели времени дружить и брататься. Авангард наш знал одного капитана Фукса, командовавшего в шведском арьергарде эскадроном Саволакских драгун. Мы менялись иногда провизиею с капитаном Фуксом, но до пиров и игры в кости *никогда* не доходило».

Указал он и на географические неточности, содержащиеся в статье Грота (в № 80), заявив, что пролива Тайвола перед городом Куопио нет. «За какой *пролив* Тайвола удалился Сандельс? Сандельса встретили мы под Иорас-Киркой, преследовали до города Куопио, и он, защищавшись в городе пять часов сряду, сел с своим отрядом в лодки, в глазах наших, переправился чрез озеро Калавеси и

переехал на другой берег, заняв крепкую позицию возле селения Тайвола. <...> Оровайс точно такой *городок*, как селение Тайвола – *пролив*. Оровайс просто *кирка*, а возле кирки находится только жилище пастора, кистера, всего несколько домов. Что такое называется *кирка* в Финляндии, это объяснено в моих “Воспоминаниях”. Ни *городком*, ни даже *деревней* не был никогда Оровайс, и это родилось в *мечтаниях* поэта».

Оспорил он и комментарий Грота к стихотворению Рунеберга «Дебельн»: «...переводчик говорит, что Дебельн лежал больной в постели, в городе Ньюкарлеби, когда русский отряд, под начальством генерала Козачковского, подступил к городу. Больной, в постели, *якобы* говорит доктору: “Слышите ли, как пушки гремят? Там решается отступление финского войска. Мне надобно поспеть туда прежде, нежели успеют разбить мой (???) отряд. Загородят ли нам дорогу? Возьмут ли Адлеркрейца в плен?” и проч. Переводчик *мечтаний* шведского поэта *объясняет*, что больной Дебельн бросил лекарство, встал с постели, поспешил в сражение, и прибавляет:

“Тромкими криками встречен был Дебельн на поле сражения: ободренный присутствием любимого начальника, неприятель одержал поверхность над Козачковским и не пустил его в Ньюкарлеби”. Мечты! Мечты! Я сам был в этом сражении и описал его с натуры в IV части моих Воспоминаний, на стр. 483–484. Дебельн не мог сказать *мой отряд*, потому что шведским отрядом противу Козачковского командовал шведский генерал Гриппенберг. К какой стати Дебельн вспоминает об одном Адлеркрейце? Противу графа Н. М. Каменского, под Оровайси, шведским войском командовал фельдмаршал Клингспор, и под ним шведскими полками начальствовал генерал Фегезак, а генерал Адлеркрейц командовал только финскими вооруженными крестьянами. Почему же именно Адлеркрейцу надлежало попасться в плен, если б Козачковский занял Ньюкарлеби? Попался бы в плен Адлеркрейц, так с ним попались бы и другие. Генерал Гриппенберг оттого одержал поверхность над нами и отбил нас от Ньюкарлеби, что у него было 2000 регулярного войска, столько же отличных саволакских и карельских

стрелков, и что он занимал крепкую позицию, а у Козачковского всего с кавалериею было под ружьем только 1782 человека! Мы отступили не от *натиска шведов*, якобы *воспламененных* появлением Дебельна, а оттого, что убедились в невозможности овладеть с нашими силами шведскою позициею на возвышенностях, покрытых лесом, униженных пушками и фальконетами, и примыкающею левым флангом к реке. Отступили мы, когда стало смеркаться, и неприятель нас не преследовал. Переводчик и объяснитель принимает *мечты* поэта за историю и еще называет свою статью “Очерки из Финляндских походов 1808 и 1809 года”! Подумаешь, что правда! Надлежало бы назвать статью “Очерки мечтаний шведского поэта, с ошибками и промахами русского переводчика и толкователя”. И этот господин переводчик упрекает меня в *неточности и неверности показаний!!!* Жаль мне вас, господа *точные!*»

Плетнев немедленно уведомил Грота о болгаринской реакции, предложив такой алгоритм дальнейшей полемики:

Главнейшее, что хочется мне пере-

дать тебе немедленно, заключается в выходке против тебя, которую сегодня в фельетоне Северной пчелы напечатал Ф. Булгарин за твои о нем два слова, деликатные и даже уважительные, когда ты сказал, что его показания о финляндской войне, к сожалению, не точны и не верны. За это он напорол против тебя несколько страниц.

Чувствую, что теперь уже необходимо тебе серьезно взяться для защиты своей статьи. Но в том-то и дело, что с таким человеком, грубым и дерзким, каков Булгарин, нужно, чтобы твои строки резко были противоположны его строкам. Начни с объяснения, в какой мере твоя статья есть рассказ исторический. Это должно быть коротко, определительно и точно. После перейди к показанию источников, которыми ты руководствовался, их достоверности. Цитаты должны быть строго библиографические. В-третьих, скажи, как необходимо было выйти разнице в историческом рассказе, когда за него берется иногда человек, рассматривающий событие при ис-

точниках своего рождения, хода и окончания; а иногда хоть и действующий в событии, но мелкий участник, род корнета, не видящего далее сабель своего фронта или взвода. В-четвертых, выпиши для примера несколько грубых и важных ошибок из воспоминаний Булгарина. О мелочах ни слова. Наконец, прибавь, что историку этого свойства не стоило бы и отвечать на его критику; но ты в его же назидание здесь исправляешь места, им криво понятые и переформованные (с. 424–425).

Письмо Грота от 30 апреля 1849 г. свидетельствует о том, что он «тотчас же принялся за возражение», при этом «не счел нужным писать его в виде особой статьи», а решил включить свои замечания в продолжение «Очерков из Финляндских походов». Он просил Плетнева прислать свое мнение о статье и «немедленно отправить ее к [редактору «С.♦Петербургских ведомостей» А. Н.] Очкину, с тем, чтобы он, не теряя времени, напечатал ее и притом постарался обойтись без опечаток» (с. 425), опасаясь, что Булгарин ими воспользуется. Плетневу статья понравилась,

4 мая он отвечал: «Получив твой ответ Булгарину, я тотчас прочел его и послал к Очкину. Надеюсь, что он не замедлит напечатать его исправно, как я просил его о том. Мне очень понравился благородный тон возражений твоих и дельность их. По моему мнению, более ничего не нужно на эти пункты. Булгарин, я знаю, напорет целый фельетон против этих строк твоих; но тебе не следует пускаться в дальнейшие объяснения» (с. 427).

Вторая статья Грота с ответом Булгарину вскоре вышла с тем же названием (Санкт-Петербургские ведомости. 1849. № 101. 8 мая) [738]:

Поводом к первой статье моей, недавно напечатанной под этим заглавием в «С.П[етер]б[ургских] ведомостях», были изданные финляндским поэтом Рунебергом стихотворения по тому же предмету. <...> В подробностях описываемых случаев поэт дал волю своему воображению: они не были выдаваемы мною за строгую истину. <...> Объяснения мои, приложенные к этим переводам, основаны были частью на прочитанных мною и сличенных меж-

ду собой сочинениях о Финляндской войне, частью на преданиях и рассказах, слышанных от туземцев во время многолетнего пребывания моего в разных местах Финляндии. Но в первой статье моей, по самой цели ее, строгая история не могла быть главным предметом, чисто исторический элемент войдет в состав следующих статей.

В начале очерков моих, указывая на некоторые сочинения по этому предмету, упомянул я и о «Воспоминаниях» Фаддея Булгарина, но, из уважения к истине, должен был оговориться и заметил, впрочем, со всевозможной умеренностию, что в этих «Воспоминаниях» встречаются неточности и неверные показания (курсив Грота. — Н. А.). Может быть, в продолжении моих очерков нашел бы я случай подкрепить этот отзыв примерами, может быть, и не захотел бы я заводить тяжбу с литератором, которому нет места на поприще, мною проходимом. Для меня это было бы приятнее, а для автора «Воспоминаний» выгоднее, потому что тогда не обнаружилась бы

во всей наготе ненадежность его памяти. Но в 91 № «Северной пчелы» помещена против моих очерков выходка, которую он сам накликает на себя эту беду. Г[осподин] замечатель, выписчик и корреспондент не вправе, однако ж, ожидать, чтоб я посвятил ему особую статью и отвечал по порядку на все его замечания, которые, по большей части, сами в себе заключают и свое опровержение: я буду только при случае, мимоходом, оценивать его показания, а впрочем, предоставляю себе, в сущности, следовать тому самому плану, который первоначально назначил себе.

Грот упрекал Булгарина в том, что тот якобы не знал о переводе на русский язык труда П. П. Сухтелена. Рассмотрев далее известные труды об этой войне, он резюмировал: «Потому и всякий, участвовавший в тогдашних походах, если иногда память ему изменит, найдет в этих превосходных сочинениях обильный источник воспоминаний. Но не всякий будет уметь воспользоваться, как следует, этими воспоминаниями. Таков и тот воспо-

минатель, который по поводу снисходительного отзыва об одном из его произведений набросал на бумагу множество новых воспоминаний, которые соперничают с прежними, как блистательное доказательство его сведений, основательности, благородства и памяти. Замечательнейшие как из тех, так и из других, будут со временем разобраны в этих очерках, – не для оправдания моего, в котором я не нуждаюсь и которым не дорожу, но в назидание самого воспоминателя и тех, кого слова его могли бы ввести в заблуждение касательно сущности дела. На первый случай ограничусь замечанием “стяжал критику” (выражение, которое можно найти в 4♦й части “Воспоминаний”, на стр. 392♦й)».

Удовлетворенный быстрой публикацией статьи, Грот писал 13 мая из Гельсингфорса: «Конечно, эту статью удалось мне “взбесить бодливого врага”. Воображаю, как он зарычит, прочитав ее. Принять ли мне его рыкание молча или опять отвечать – будет зависеть от свойства его отражения и от мыслей, которые придут мне на ум при чтении его ответа. Может быть, я напишу и особый разбор

“Воспоминаний” о войне, чтобы уж после не возвращаться к ним» (с. 431). Дальнейшая майская переписка Грота и Плетнева говорит о том, что они ждали ответа Булгарина в ближайшем субботнем фельетоне, оценивая ситуацию при помощи военной риторики: «...насколько я могу судить, Булгарин пустит свой ответ непременно в субботу (14 мая), как я ожидаю. Поспешите прочитать этот № Северной пчелы. Во время объявленной войны надо быть беспрестанно настороже, чтобы не проглядеть действий врага и оплошностью не попасть в беду» (с. 431), – предупреждал Плетнев 21 мая и снова давал рекомендации, как писать новую статью против Булгарина (с. 436). В свою очередь Грот, сообщая о встрече с графом Армфельтом, докладчиком по делам Александровского университета при его канцлере цесаревиче Николае Александровиче, писал: «Он знал о моей войне с Булгариным и объявил за верное, что этот опять будет отвечать» (с. 439).

В итоге Грот решил «сработать на опережение»: написал статью, в которой дал основательную отповедь Булгарину в виде критиче-

ского обзора его мемуаров, посвященных Финляндской кампании. Статья должна была явиться ответом, «заранее подготовленным», на ожидаемую реакцию Булгарина, которая, однако, не последовала.

Недоумевающий Грот писал Плетневу из Выборга 24 мая: «Сейчас читал я в трактире газеты и удивляюсь, что Булгарин все еще не отлаивается. Вероятно, он ждет продолжения моей статьи, а может быть и боится, что этот спор придаст мне некоторую известность ко вреду его. <...> Я решился послать к тебе теперь прилагаемую статью с тем, чтоб ты ее напечатал, только что Булгарин опять отзовется против меня. Тогда попроси Очкина тиснуть ее поисправнее. Ты увидишь, что я в ней вычеркнул карандашом два места, которые, как мне казалось, не благоразумно было бы напечатать, потому что они доставили противнику открытые на мне места. Лучше я об этих двух предметах упомяну мимоходом в очерках» (с. 437–438). Ожидания Грота и Плетнева оказались тщетны: «И в сегодняшнем номере Северной пчелы еще ни слова нет к тебе от Булгарина. Но это потому, что он пере-

ехал в Карлово. Оттуда явится что-нибудь в Ливонских письмах (цикл статей Булгарина. – Н. А.)» (с. 438), – писал Плетнев 25 мая. В результате статья так и не появилась в печати. Последнее упоминание о ней – в письме Грота от 27 мая: «...даже могу и совсем не напечатать ее, если ты меня убедишь, что это лучше» (с. 439).

В архиве Грота сохранились подробные выписки из болгаринских «Воспоминаний», озаглавленные «Примеч[ания] при чтении Записок Булгарина IV и V. Перечень военных действий во время похода 1808 г. в Финляндии» (Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 20. Л. 7–8 об.) и черновик статьи (Там же. Л. 1–6 об.), который публикуется ниже.

Я. К. Грот

Критический обзор сочинения «Воспоминания Фаддея Булгарина». Ч. IV и V

Большую часть этих двух книг составляет описание Финляндского похода в 1808 году. Автор был в то время корнетом уланского полка и в конце зимы, когда военные дей-

ствия уже давно начались, отправлен был со своим батальоном на театр войны, а в исходе того же года возвратился в Петербург. Хотя таким образом участие в Финляндской войне было очень незначительно и хотя он, по тогдашнему чину своему, не мог ни видеть, ни знать многого, относившегося к войне, однако, все-таки тот, кто изучает ее во всей подробности, должен заглянуть и в рассказы г. Булгарина об этом предмете. Вот почему и я, предприняв написать ряд статей о походах 1808 и 1809 годов, счел обязанностью прочесть те главы «Воспоминаний», которые касаются Финляндской войны. Общее мнение мое об этих главах я уже высказал словами: «Несколько любопытных эпизодов из этой войны можно найти (к сожалению, не без примеси неточных и неверных показаний, в “Воспоминаниях” Фаддея Булгарина» (С. П[етер]б[ургские] вед[омости] № 79). Такое замечание не понравилось г-ну Булгарину, и он своим благонамеренным оправданием понудил меня выступить на довольно чуждое мне поприще полемики. В начале 2♦й статьи своей обещал я представить доказательства мо-

его мнения и тогда же не приступил к тому. Так как, между тем, продолжение труда моего может по обстоятельствам замедлиться, а автор «Воспоминаний», конечно, с нетерпением ожидает, чтобы я подкрепил свои слова о его книге надлежащими указаниями, то я решился теперь же удовлетворить такому справедливому требованию. Правда, уже в первой статье моей, говоря о Кульневе, я показал, каким образом друг и сподвижник его, известный Давыдов, опровергает точное и верное сведение г. Булгарина о наружности Кульнева, но автор «Воспоминаний» как-то не заметил у меня этого места и благоразумно умолчал о нем. Правда и то, что он, еще в прошлом году прочитав в «С. П[етер]б[ургских] ведомостях» (№ 144) мнение просвещенного государственного мужа «О воспоминаниях г-на Булгарина касательно графа М. М. Сперанского» [739], мог бы не удивиться, что и в других главах той же книги открылись неточности и неверности; но как-то случилось, что он очень удивился. Обязанность критики – разрешить его недоумение.

Прежде всего взглянем, какими источни-

ками кроме своей памяти он пользовался для рассматриваемых здесь «Воспоминаний». В конце 1 главы IV части он говорит: «Все случившееся до сих пор в Финляндии представил я в общем взгляде, как я *слышал* и как изобразили дела *историки* этой войны. Теперь стану рассказывать, что сам видел и что узнал в то время на месте, от товарищей». В V части на стр. 547 автор замечает: «Изображал я *более* то, что сам видел и испытал, и что тесно связано было с действиями корпуса графа Каменского, и пропускал иногда собственные впечатления, чтобы не прерывать и не затемнить повествования». Далее, на стр. 571, сказано: «Я описал *только* то, что сам видел и испытал, что передано мне друзьями моими и товарищами и что осталось навсегда запечатленным в моей памяти». Надобно согласиться, что в этих повторениях о содержании своих рассказов автор выражается не совсем определительно и точно. Сверх того г. Булгарин упоминает еще об официальных документах, которыми он пользовался, описывая поход 1808 года. Из всего этого можно заключить, что «Воспоминания» его распадаются

на четыре разные составные части: одно сам он видел, другое слышал, третье прочитал у историков, четвертое извлек из официальных документов. Жаль, что автор не везде указал, каким именно из этих источников он пользовался, догадки наши должны в этом отношении часто заменять уверенность.

Пределы, назначенные мною для этой критической статьи, не позволяют мне разобрать сочинение г. Булгарина во всей его подробности. В статьях моих о Финляндских походах я, по обещанию, возвращусь к его книге[740]; здесь же займусь преимущественно такими чертами ее, о которых неудобно будет распространяться там. Настоящая цель моя – подтвердить замечание мое и недостатки, точнее неверности, во многих сведениях, сообщаемых автором, и таким образом оградить себя от упреков в несправедливом обвинении. Для этого достаточно будет нескольких указаний.

К IV части, на стр. 388, г. Булгарин говорит: «В 1803 году шведский король Густав-Адольф IV, недовольный миром России с Франциею, ... велел пограничный мост, соединяющий *Малый Аборфорс* с островом *Герман-*

сари и выкрашенный наполовину русским официальным цветом (белою и черною красками с красными полосками), а наполовину шведским цветом (*серою* краскою), весь выкрасить шведским цветом». В этих немногих строках целые три неточности; слова, в которых они заключаются, подчеркнуты мною. *Малый Аборфорс* есть рукав реки Кюменя, он отделяется от другого рукава ее, *Большого Аборфорса*, островом *Гермунда* (Гермундсари); как же мост может соединять реку с островом? Мост проведен *через* Малый Аборфорс, а соединяет он твердую землю с островом. Через этот мост проезжает всякий, кто из Петербурга отправляется в Гельсингфорс[741]. Если б автор, несколько лет тому назад возвращаясь домой из Финляндии, обратил внимание на этот мост, то не написал бы фразы, которая для знающего звучит так же, как если б кто сказал: «Исаакиевский мост соединяет Неву с Васильевским островом». Г. Булгарин считает *серую* краску официальным шведским цветом. Это было бы простительно всякому, но не тому, кто воевал со шведами, кто потом был в Швеции и описал свою прогулку по это-

му краю. Любопытный человек, а тем более литератор, даже и гуляя, замечает все, что ему на пути встречается. *Желтый* и *синий* цвет – вот национальные краски Швеции; они являются там на флагах, на знаменах, на мундирах; ими выкрашен был и мост, о котором речь идет. Забыть эти цвета можно, но вместо того, чтоб наобум написать: «серою краскою», – надобно было справиться у надежного человека. Если б я хотел быть строгим, то в выписанных словах мог бы отметить еще неточность: Густава-Адольфа IV никогда не существовало. В истории шведской упоминаются два Густава-Адольфа: один пал при Люцене, а другой утратил Финляндию. Но Густавов было четыре[742], и тот король, с которым император Александр начал Финляндскую войну, известен под именем Густава IV Адольфа. Положим, однако, что это мелочь, не стоящая внимания, и пойдем далее.

На стр. 393 автор, исчисляя неприятельское войско согласно с показанием Михайловского-Данилевского, при слове «милиция» поставил в скобках: «vargering»[743] и в ученой выноске заметил: «Здесь мимоходом при-

поминаю изыскателям происхождения варягов, что это скандинавское прозвание *вольных воинов* и поныне существует в Швеции». Намек весьма глубокомысленный! Исследователи русской древности! поклонитесь перед пронизательностью г-на Булгарина. Теперь разрешены окончательно все ваши споры о загадочном происхождении слова «варяг». *Vargering* – варяги – не ясно ли, что это родные братья? Однако ж взглядемся поближе в слово «*vargering*» и посмотрим, точно ли оно означает, как сказано в выноске, «вольных воинов». Устройство шведского войска было уже прежде объясняемо мною. До исхода 17 века в Швеции существовал рекрутский набор; но Карл XI освободил народ от этой повинности с тем, чтобы крестьяне сами на своей земле содержали солдат, которые в известные сроки являлись бы на учение, а в случае войны – на защиту отечества. *Три* хозяйства должны были содержать *одного* солдата, отведя ему особый участок земли и снабжая его амунициею. Этот порядок сохранился доныне, и такое войско называется «*indelta*». Но сверх того каждые *шесть* хозяйств содержат

еще *одного резервного солдата*, однако ж без обязанности отдавать ему землю. Ясно, что резервного войска всегда бывает вдвое менее против *indelta*; резервный солдат также обязан участвовать в учениях и во всякое время быть готовым заменить выбывшего из *indelta*. Вот это-то резервное войско и называется «*vargering*». Но что это за слово? Оно происходит от французского глагола «*varier*» (пошведски «*vargera*»[744]) и означает, что устройство западной военной силы несколько отличается от образования настоящего, коренного войска. Итак, вот к чему мы пришли, почтенные изыскатели происхождения варваров! Название «варяг» взято из французского языка, а мы до сих пор и не догадывались, несмотря на то, что это так просто! Но куда же девались «вольные воины» с их скандинавским прозвищем? Спросите у г. Булгарина, который открыл мосты, соединяющие реки с островами; его показания всегда точны и верны.

IV глава, где автор желал изложить некоторые общие понятия о Финляндии и финнах, наполнена столь же грубыми ошибками. На

стр. 437 читаем: «Древнейший город в Финляндии – Выборг, основанный, однако ж, датчанами в 1229 году»[745]. Тут нет ни словечка правды. Древнейший город в Финляндии, как можно прочесть во всяком учебнике, есть Або; но г. Булгарин открыл, что все историки до сих пор ошибались: по его словам, время основания этого города «относится к 14 веку», тогда как, по финляндским известиям, Або уже в исходе 12 столетия разорен был русскими, о чем упоминает и Карамзин в 85-м примеч[ании] к III тому своей «Истории»[746]. Что касается до Выборга, то он основан не прежде 1293 года, и вовсе не датчанами, никогда так далеко не заходившими, а шведским полководцем Торкель-Кнутсоном, который покорил корелов и заложил Выборг для содержания их в повиновении. Тут же г. Булгарин исчисляет еще до 20-ти городов с означением года построения каждого из них. Но спрашивается, какой для читателя интерес в этой номенклатуре и хронологии, особливо когда последняя, судя по приведенным примерам, требует строгой проверки? И каким образом эта статья попала в «Воспоминания»?

Таких воспоминаний довольно в каждом книжном шкапу, и они годятся только для справок – разумеется, если они так же точны и верны, как сообщенное показание о построении Выборга датчанами.

Вообще автор необычайно тверд в хронологии. В 4 части (стр. 438) он отсчитал Абоскому университету 250 лет существования, а в 5♦й (стр. 551) уже отпраздновал и трехсотлетний юбилей его, тогда как этот университет основан не ранее 1640 года. Тут автор щедро надал целое столетие, так как прежде, говоря о самом Або, он у этого города отнял два века существования. Такое вознаграждение с одной стороны, конечно, справедливо, но с другой – не совсем удовлетворительно. Не почастливилось г. Булгарину знакомство с двумя из важнейших городов Финляндии, Або и Выборгом! Но станем ли мы слишком строго судить того, кто окончательно объяснил вопрос о происхождении варягов?

Такова же сила автора в топографии. Не говорю уже о том, что он почти все названия переименовывает по-своему, что он, например, везде пишет «Индесальми» вместо «Иден-

сальми», что «Лин-Киро» у него превращается в «Лиль-Кирку»[747], точно так же, как *колоши*, североамериканское племя, в «галоши» (Ч. V, стр. 559) и т. п.: к сожалению, книга пестреет и более важными промахами в географическом отношении. Пример тому мы уже видывали в «Малом Аборфорсе». Таким же образом кирка *Рауталамби* (IV, [стр.] 425) помещена между озерами «Конивеси» и «Кивисальми». Озера «Кивисальми» в целой Финляндии нет и быть не может: это видно из самого окончания «сальми» – слова, которое по-фински значит «пролив». *Кивисальми* есть станция, лежащая у пролива, который соединяет озера *Конивеси* и *Кейтеле*. Но церковь *Рауталампи* вовсе не лежит между озерами, а при длинном и узком заливе (*lampi*) последнего из названных озер. На следующей странице опять упомянуто небывалое озеро *Кивисальми*[748].

Напрасно г. Булгарин ссылается на карту, приложенную к его «Воспоминаниям» и будто бы скопированную с карты официальной: его карте недостает точности и полноты. На ней нельзя, например, найти таких мест, как

Рауталампи и Сикаиоки, которые не раз упоминаются в истории тогдашней войны и в самих «Воспоминаниях» г. Булгарина. Другие места, по самому размеру карты, не могли быть представлены с надлежащей верностью. Удивительно ли, что автор, не любя справляться с другими картами, кроме своей, открыл в Финляндии озеро *Кивисальми*?[749]

Целая половина первой статьи моей была посвящена изображению Кульнева, частью по новым, случайно доставшимся мне сведениям. Иноземный поэт[750], воспевший нашего героя, говорит в конце стихотворения:

*Но честь тому, кто совершил
Бесстрашно воина призванье!
Хвалу от сердца мы поем
Тому, кто бился молодцом,
Чем ни был нам он в жизни – братом
Иль грозным супостатом.*

Прекрасное движение, выразившееся в стихах, переданных этим слабым переводом, осталось чуждым изобретателю заметок, выписок и корреспонденций[751]. Этому не должно удивляться: нельзя требовать, чтобы

газетный труженик, обрешивший себя на самую прозаическую, мелочную работу, способен был разделять возвышенные чувства поэта. Но показать, что всякое доброе слово о бывшем неприятеле невыносимо для нашего слуха, значит поступить уже слишком не рыцарски, особенно, когда это слово высказано было писателем, который, в то же время, так благородно сочувствует славнейшим русским полководцам. Всем известное благородство г. Булгарина не позволяет, однако ж, сомневаться в благонамеренности отзывов его о поэте, которого сам он выхвалял, бывало, под именем Рюнберга. Чтобы устранить недоразумение автора «Воспоминаний», прибавлю, что, смотря на предмет с его точки зрения, у нас нельзя и не должно было бы отдавать справедливость и Наполеону, а тем менее переводить сочинения о нем французов, например, Тьера[752]. К счастью, немногие разделяют этот взгляд г. Булгарина. Просвещенное наше правительство первое подает пример уважения к исторической истине, и не по воле ли самого монарха военный наш писатель Михайловский-Данилевский изобразил в верной

картине военные дела царствования императора Александра? Блеск русского оружия таков, что нет надобности скрывать похвальные стороны побежденного неприятеля. Чувствуя это, г. Булгарин как в «Воспоминаниях», так и в других творениях своих позволяет себе иногда почти с каким-то своего рода энтузиазмом говорить о прежних врагах России и таким образом забавно противоречит самому себе.

«В то время, когда происходило сражение при Оровайсе, Козачковский подступал к Нью-Карлеби, но был сбит Гриппенбергом, не мог овладеть сим городом и остановился вблизи его». Так говорит Михайловский-Данилевский в своем описании Финляндской войны (стр. 255). Переведа отрывок из стихов Рунберга, изображающих участие Дебельна в деле под Ньюкарлеби, я передал остальное в самых кратких словах, заимствованных, однако ж, у поэта. Г. Булгарин, называя эти слова мечтами, прибавляет: «Дебельн не мог сказать *мой отряд*, потому что шведским отрядом противу Козачковского командовал шведский генерал Гриппенберг». Дебельн мог

сказать *мой отряд*, потому что действительно его отряд был в числе войска, которым командовал Грипенберг[753]. Поэт не выдумал, что Дебельн лежал больной в Ньюкарлеби, но, узнав о сражении близ этого города, поспешил на место и там «принял начальство над своими любимыми бьернеборгцами[754]», как говорит один писатель в своей истории этой войны. «После битвы, – рассказывает другой, – Дебельн воротился верхом в город и слег опять, так что до конца похода должен был оставаться в бездействии». Сухтелен тоже приписывает ему неудачу Козачковского. Но г. Булгарин, который, как он уверяет, сам участвовал в этом сражении, ничего не слышал о Дебельне, да и знать о нем не хочет. Жаль, что битва Козачковского так коротко и только мимоходом описана как у Сухтелена, так и у Михайловского-Данилевского; таким образом, более подробные показания о ней г. Булгарина можем мы сличать только с известиями шведов, а этого недостаточно для совершенного разъяснения всех обстоятельств.

Сбираясь отправиться на войну, больной Дебельн, при мысли о шведской армии, стояв-

шей южнее близ Оравайса, в стихотворении Рунеберга говорит, между прочим: «Загородят ли нам дорогу? Возьмут ли Адлеркрейца в плен?» Противник мой возражает: «К какой стати Дебельн вспоминает об одном Адлеркрейце? Противу графа Н. М. Каменского под *Оравайси* шведским войском командовал фельдмаршал Клингспор, и под ним шведскими полками начальствовал генерал Фегезак, а генерал Адлеркрейц командовал только финскими вооруженными крестьянами. Почему же именно Адлеркрейцу надлежало попасть в плен, если б Козачковский занял Нюкарлеби? Попал бы в плен Адлеркрейц, так с ним попали бы и другие». Вопросы эти опять показывают, как мало автор «Воспоминаний» успел ознакомиться с тогдашним положением дел в шведской армии. Рунеберг, лучше его изучивший современные обстоятельства, не напрасно заставляет Дебельна вспомнить об одном Адлеркрейце. Этот генерал, который после взятия Левенгельма в плен Кульневым, сделался начальником штаба шведской армии, был одним из замечательнейших лиц в неприятельском стане. Решителен и храбр,

но благороден и хладнокровен, он был душою военных действий со стороны шведов, и потому-то иностранный историк, приступая к описанию Оравайского дела, выразился так: «Чтобы задержать Каменского, пока не будет очищен путь на север, генерал-майор барон Адлеркрейц остановился при Оравайсе». Фельдмаршал Клингспор был тут же, но ни историк, ни поэт не упомянули о нем, как о полководце неискусном и слабом. На одного Адлеркрейца шведы возлагали всю свою надежду, от него ожидали они решения судьбы своей, и вот причина обстоятельства, которое озадачило г. Булгарина, разрешающего, впрочем, с удивительною легкостию и труднейшие задачи.

Откуда почерпнул он в приведенном примечании сведение, будто Адлеркрейц *«командовал только финскими вооруженными крестьянами»*? Нужна удивительная решимость и храбрость особого рода, чтобы возражать так опрометчиво, а с другой стороны, нельзя и критику обойти без особого самообладания, чтобы терпеливо опровергать такие возражения. В своих «Воспоминаниях» (IV, [стр.] 484)

тот же г. Булгарин сказал при этом случае: «Шведскими полками командовал генерал Фегезак, а финскими и крестьянами Адлеркрейц», и потом в выноске исчислил как шведские, так и *финские полки*. Это сведение извлечено им довольно точно из книги Михайловского-Данилевского (стр. 249), но при переходе из «Воспоминаний» в «Северную пчелу» остались под командою Адлеркрейца *«только»* финские крестьяне; а куда же подевались *финские полки*? Их г. Булгарин забыл, и под пером его главный неприятельский военачальник в Оравайском сражении сделался только предводителем шайки вооруженных поселян! Но это нужно было, чтоб яснее выставить все ничтожество Адлеркрейца. Кто не согласится, что подобные показания и верны, и точны? Можно ли не сочувствовать г-ну Булгарину, когда он, убежденный в своей правоте, восклицает о своем критике с негодованием: «И этот господин переводчик упрекает меня в *неточности и неверности* показаний», – и когда он потом прибавляет с состраданием: «Жаль мне вас, господа *точные!*»?

Хотя всеми предыдущими замечаниями

намерение мое, а с ним и справедливое требование почтенного автора «Воспоминаний» достаточно выполнены, однако ж я должен еще поговорить о двух предметах, поразивших меня при чтении 4♦й и 5♦й частей этого сочинения. Я едва верил глазам своим, встречая почти на каждой странице грамматические неисправности в книге старого литератора, который едва не в каждом номере своей газеты выдает себя за блюстителя чистоты русского языка и беспрестанно указывает у других малейшие, часто даже мнимые погрешности в этом отношении. Как вам понравится, например, следующий способ выражения: «Каким образом граф Буксгевден надеялся *опрокинуть, разбить и даже отрезать* Клингспору ретираду от Улеаборга и *принудить* к сдаче, когда у Клингспора было» и т. д. (IV, [стр.] 395)? Дательный падеж: *Клингспору* отнесен здесь к трем глаголам, требующим винительного; при грамматическом разборе этого падежа выйдет, что Клингспор надеялся *опрокинуть, разбить ретираду и ее же принудить* к сдаче. На стр. 417 (IV) читаем: «Для открытия сообщения *между Барклаем-де-Толли*

послан был внутрь края полковник Властов», – и недоумеваем, какое сообщение возможно *между* одним человеком или одним предметом.

Стр. 428: «Хотя бы Рахманову и удалось удержать город, *то* все же нам было бы плохо». Давно ли союзу *хотя* соответствует *то*? Стр. 413: «При хозяйке *оставался* работник, кухарка и служанка». Стр. 483: «Картечи и сильный ружейный огонь *принудил...*» Эта ошибка повторяется беспрерывно. Стр. 474: «Бурка составляла все его *прикрытие* от непогод», – сказано в описании; но слово *прикрытие* не употребляется в этом смысле, какой здесь ему придан. Стр. 482: «Однажды отряд наш едва не *подвергнулся разбитию*»; выражение это звучит нехорошо и напоминает мне слова, сказанные по случаю какой-то критики: «Однажды один автор подвергся разбитию в войне на перьях». Творительные падежи часто ставятся г. Булгариным очень неловко, напр., стр. 389: «почел себя *оскорбленным поступком*»; стр. 394: «Кульнев, будучи тогда полковником Гродненского гусарского полка и *командующим авангардом*»;

[стр.] 398: «он мог быть обойденным *Клингспором*»; [стр.] 444: «тишина лесов прерывается ... шелестом, *производимым крупным зверем*» и т. п. Всякий, кто выражается тщательно, избегает на письме подобных оборотов, в которых согласование причастия с существительным в падеже нередко производит неприятное действие на слух, но может затемнить и смысл. Особенно так не должен выражаться тот, кто имеет притязание служить образцом классического слога.

Примеры эти приведены мною наудачу при беглом перечитывании 4♦й части; легко было бы растянуть список подобных промахов на несколько страниц, но довольно и этого для верного суждения о языке «Воспоминаний» г. Булгарина. Вообще прочитанные мною главы их напечатаны чрезвычайно небрежно, как образчик грубых опечаток, которыми они наполнены, довольно указать две или три. На стр. 403 (IV) сказано, что гр[аф] Буксгевден «просил скорой и сильной *позиции*» (вм[есто] *помощи*); стр. 423: «*Нам шло о существование*» (последнее выражение составляет целый период, замкнутый с обеих

сторон точкою). Такие опечатки могут быть простительны в ежедневной газете, даже в журнале, но не в книге. Умалчиваю о неверностях в наименовании лиц, чинов, званий и т. п. Замечу только мимоходом, что *ленсманы* (*länsman*) превращены в «ландсманов» (стр. 398 и 494) и что «пасторатом» (стр. 452) названо жилище пастора, т. е. дом, где он живет, тогда как под этим словом разумеется всегда целый округ, находящийся под ведением одного пастора и имеющий одну общую церковь.

Другое, чем я поражен был при чтении «Воспоминаний» г. Булгарина о Финляндской войне, совсем в ином роде. Нельзя не позавидовать редкому счастью автора при встречах его с особами прекрасного пола. Всякий раз, когда он начинает говорить о какой-нибудь даме, можно наперед уже знать, что это будет необыкновенная красавица. Не думаю, чтоб кто другой мог похвалиться подобным счастьем. Было ли это действием особенно благоприятной автору судьбы или иное что, не умею объяснить, но только сроду не встречал я разом столько красавиц, как в немногих

главах «Воспоминаний» г. Булгарина. Читатель может сам судить о том, когда я приведу оттуда несколько мест, где упоминается о таких встречах: Ч. IV, стр. 452: «Дочери пастора были *красавицы*»; [стр.] 454: «Потом, обратясь к дочери хозяина, девочке лет десяти, *удивительной красавице...*»; Ч. V, [стр.] 502: «буфетом управляла дочь хозяина, молодая, *прекрасная девица*»; [стр.] 509: «Теперь только заметил я, что жена моего доброго хозяина *красавица*»; [стр.] 551: «Улеаборгские женщины славятся своею *красотою* (?) и образованностью»; [стр.] 557: «Женщина была *прекрасная*»; [стр.] 558: «В доме у них жила вдова, с дочерью, *красавицею*» и т. д.

Довольно. При мысли о стольких привлекательных образах, живущих в памяти автора, нельзя удержаться от желания, чтобы ко 2-му, буде можно великолепному, изданию «Воспоминаний» приложена была *галерея прекрасных женщин*, которых г-ну Булгарину случилось видеть в Финляндии.

Еще более были бы ему благодарны читатели, если б он будущее издание своей книги украсил, кроме того, по крайней мере, двумя

рисунками: 1. видом новоизобретенного моста, соединяющего реку с островом; 2. изображением вольного воина со скандинавским прозвищем – родоначальника варягов.

КОММЕНТАРИИ

ВОСПОМИНАНИЯ

Текст печатается по изданию: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб.: Изд. М. Д. Ольхина, 1846–1848. Ч. 1–6.

Первая часть вышла 7 декабря 1845 г. (см. объявление о выходе: Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.; цензурное разрешение от 6 октября 1845 г., цензор А. В. Никитенко), почти одновременно с выходом отдельного издания первая часть была опубликована в «Библиотеке для чтения» (1845. Т. 73. № 12. Паг. I. С. 133–252; цензурное разрешение от 30 октября 1845 г., цензоры: А. В. Никитенко, А. И. Фрейганг) – декабрьский номер журнала вышел 10 декабря (см.: Северная пчела. 1845. № 278. 10 дек.). Одновременный выход отдельного издания и журнального варианта определялся маркетинговой стратегией Булгарина и его издателя Ольхина, что стоило Булгарину больших усилий, о чем свидетельствуют его письма к цензору А. В. Никитенко (см. их в приложении). Публичная версия, предложен-

ная читателю, гласила: «Издание предпринял М. Д. Ольхин и вознамерился поместить две первые части в принадлежащем ему наполовину журнале “Библиотека для чтения” и отпечатать отдельно известное число экземпляров. Приятно ли, неприятно ли автору, делать нечего! Таков век; волею неволею полезай в журнал, когда так хочется издателю!» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.). Булгарин писал А. В. Никитенко 4 декабря 1845 г.: «У нас с Ольхиным заключено условие, что кто будет виноват, если “Биб[лиотека] для чт[ения]” и “Воспоминания” не выйдут вместе, тот платит другому 4 000 руб. сер. <...> не задерживайте ради Бога и всего для вас святого, здесь идет дело о 4 000 руб. сер[ебром]» (т. 2, с. 137). Следом появилось объявление о выходе отдельного издания первых двух частей, с указанием: «Первая часть вышла, а на вторую выдается билет» (Северная пчела. 1845. № 279. 11 дек.).

В журнальном варианте отсутствовали эпиграф, посвящение, предисловие, нумерованные концевые пояснения и приложения.

Кроме того, при сопоставлении журнального текста с текстом отдельного издания «Воспоминаний» выявлены разночтения, вызванные в том числе и вмешательством цензуры (см. об этом указанные письма Булгарина к Никитенко). Так, в варианте «Библиотеки для чтения» в ряде случаев смягчены высказывания Булгарина по «польскому вопросу» (см. комментарии). О том, что текст «Воспоминаний» при публикации в журнале подвергся редакторской правке, свидетельствуют также разночтения, связанные с колебаниями норм орфографии того времени, например: *лице*, *прикащик*, *эгоисм*, *шнуровка* и др. – в отдельном издании; *лицо*, *приказчик*, *эгоизм*, *снуровка* – в журнальном варианте.

В течение более полутора столетий «Воспоминания» Булгарина не переиздавались, хотя эта потребность отмечалась историками литературы. Выход в свет первого переиздания (М.: Захаров, 2001), со значительными купюрами и многочисленными искажениями текста, при отсутствии минимального справочного аппарата, не решил проблему. Вопреки утверждению издателя, что «текст печатается

полностью по первому и единственному изданию М. Д. Ольхина в шести томах», в переиздании, во-первых, в усеченном варианте дано авторское название текста (опущено: «Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни»), во-вторых, отсутствует большой фрагмент текста, включающий все болгаринские Пояснения к 1♦ой части, содержащие историю рода Булгариных, и все Приложения (не говоря уже о произвольно сокращенных авторских примечаниях, см., к примеру, 1♦е примеч. на с. 118: «Где ныне проезд на певческий мост», в оригинале далее: «...между Главным штабом его императорского величества и эрдерцир-гаузом»). Текст пестрит многочисленными опечатками (при этом искажение одной буквы нередко меняет смысл, к примеру, вместо фразы оригинала «Я был смешан в толпе...» – «Я был смешон в толпе...» (с. 118); река Кагул, место побед русского оружия, становится древнеримским консулом «Катулом» (с. 130)); пропусками букв, слогов и части предложений (так, в предложении оригинала «Тогда все, носившие немецкое платье, покрывали голову огромными па-

риками» опущены первые три слова, превращая текст в бессмыслицу (с. 69)); встречается и произвольная замена слов: к примеру, женская одежда «с фалборками» превращается в одежду «с фалдами» (с. 65); вместо «Прабабушка моя ... помнила ... все происходившее в ее детстве и молодости» – «...понимала... все происходившее в ее детстве и молодости» (с. 66); Павел I «дал свободу» не «польским» (как в оригинале), а «июльским узникам» (с. 94); вместо «лица близ поляков, проживавших в Петербурге» – «лица без поляков» (с. 95); «люди высшего общества» в переиздании стали «людьми высшего образования» (с. 96), граф А. С. Ржевуский – «Ржевский» (с. 95), граф А. С. Строганов – «Строгов» (с. 99); появляется фраза, отсутствующая в оригинале (т. е. у нее нет авторского аналога): «Все, что было сделано вследствие этого направления, данного им своей Империи» (с. 86) и т. д. См. также рецензию А. И. Федуты на это издание (Критическая масса. 2002. № 1. С. 124–126).

Попытки научного комментария к мемуарам Булгарина были предприняты в белорусском издании первой части «Воспоминаний»

(Булгарын Ф. Выбранае / Сост., вступ. статья и коммент. на белорусском яз. А. И. Федуты. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2003) и в сильно сокращенном варианте, адресованном широкому читателю (СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012; сост., вступ. статья и коммент. Н. Н. Акимовой).

В комментариях к настоящему изданию оговариваются разночтения вариантов текста отдельного издания и журнальной публикации, имеющие смысловой характер.

Орфография и пунктуация источника приведены в соответствии с современными нормами, при этом наиболее характерные стилистические особенности сохранены. К ним относятся написания, отражающие орфоэпические особенности (например, *турбан, успокоивать*), в том числе связанные со словообразованием и формами склонения имен существительных (например, *на фортепиане*, во множ. числе – *дома, учителя, мебели*), со словообразованием прилагательных и местоимений (например, *шляхетный, у всех их*), сохранены вариативные написания в окончаниях

существительных (например, *счастье/счастье*, в родительном падеже – *народа/народу, кадет/кадетов*), а также существительных, прилагательных и местоимений в творительном падеже (например, *судьбой/судьбою, новой/новою, своей/своею*), вариативные написания предлогов *чрез/через, пред/перед, противу/против*. Вариативные написания имен собственных изменены на современные, если не подразумевают фонетических различий (*Радзивилл/Радзивилл, Строгонов/Строганов*). По тем же принципам унифицированы цитаты из других источников, приводимые в комментариях.

Все постраничные примечания принадлежат Булгарину. Переводы иноязычных выражений, не поясненные автором, даются в комментариях.

Булгарин и его рецензенты нередко ссылаются в тексте на ту или иную страницу своих «Воспоминаний». В настоящем издании номера указываемых ими страниц заменены на номера страниц настоящего издания.

Текст воспоминаний подготовлен Н. Н. Акимовой. Комментарии написаны Н. Н. Аки-

мовой (ч. I, Более нежели введение или предисловие, гл. 6–7, Приложения; ч. II, гл. 1, 3, 4, Эпilog, Приложения; ч. IV; ч. V, гл. 1, 3, 4; ч. VI, гл. 1, 2, 4); А. И. Федутой и А. И. Рейтблатом (ч. I, гл. 1–5, Пояснения; ч. II, гл. 2; ч. III; ч. V, гл. 2; ч. VI, гл. 3, 5).

Эпиграф на титуле книги (в данном издании – на шмуцтитуле) представляет собой цитату из приписки монаха Лаврентия в конце Лаврентьевской летописи (1377): «И ныне, господа отци и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите, исправливая Бога для, а не клените...» (Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. 1. С. 209); приписывалась Нестору (см.: *Михельсон М. И.* Русская речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 130). При публикации была допущена опечатка: «исправлявливая» вместо «исправливая» (эпиграф без опечатки приведен Булгариным в его фельетоне, посвященном выходу «Воспоминаний», см.: Северная пчела. 1845. № 277. 8 дек.), см. этот же эпиграф, открывающий первое собрание сочинений Булгарина,

с более точным указанием на источник: «Из припис[ки] к Лаврентьевскому списку Нестора» (*Булгарин Ф. В. Сочинения: В 5 т., 10 ч. СПб., 1827–1828. Ч. 1. Титульный лист*). Ранее этой цитатой завершил свой «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греч (СПб., 1822). В журнальной редакции эпиграф отсутствовал. В отдельном издании третьей части «Воспоминаний» (СПб., 1847) в эпиграфе, сопровождавшем каждую часть, исправлена указанная опечатка, а в отдельном издании четвертой части (СПб., 1848) появляется новое указание на источник: «Послесловие в древней летописи». По всей видимости, исправления были вызваны рецензией Н. А. Полевого, посвященной второй части «Воспоминаний», в которой Полевой хотя и не уличил Булгарина в искажении цитаты, но привел ее в правильной редакции и расширенном виде, с более точным указанием источника, дав понять, что Булгарин этого источника не знает: «Слова, им приведенные, написал смиренный инок, списывавший Несторову летопись <...>. Но Фаддей Венедиктович не с ветхих книг списывал... Следовательно, эпиграф ему

не оправдание» (Литературная газета. 1846. № 3. 19 янв.). При публикации шестой части эпиграф впервые появился не только в отдельном издании, но и в журнальной редакции (Библиотека для чтения. 1849. Т. 93. Отд. I. С. 141).

В посвящении на втором шмуцтитуле имеются в виду жена Булгарина (с 1825 г.) Елена Ивановна Иде (1808–1889) и их сыновья Боле-слав (1832–1890), Владислав (1834–1894), Мечислав (1836–1862), Святослав (1840–1874) и дочери Елена (в замужестве фон Александрович; 1838 – ?) и Анеля (1844 – ?), умершая в младенчестве.

ЗНАКОМСТВО С НАПОЛЕОНОМ НА АВАНПОСТАХ ПОД БАУЦЕНОМ 21 МАЯ (Н. С.) 1813 ГОДА

Печатается по: Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н. с.) 1813 года: (Из воспоминаний старого воина) // Булгарин Ф. Полное собрание сочинений. СПб., 1843. Т. 5. С. 38–40.

В первой публикации (Сын Отечества. 1822. № 41. С. 13–20. Подп.: Ф. Б.) подзаголовок был иным: «(Из записок польского офицера,

находящихся еще в рукописи)».

ВСТРЕЧА С КАРАМЗИНЫМ

Печатается по: Встреча с Карамзиным (Из литературных воспоминаний) // Булгарин Ф. Полное собрание сочинений. СПб., 1843. Т. 5. С. 168–174.

Впервые опубликовано: Встреча с Карамзиным (Из литературных воспоминаний) // Альбом северных муз <...> на 1827 год. СПб., 1828. С. 137–168.

⁸ Ф. Б. Путь к богатству: (сновидение) // Северный архив. 1825. № 1. С. 85–100. Притча входила в Сочинения Булгарина.

К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ГРЕЧА

Печатается по: К портрету Николая Ивановича Греча // Греч Н. И. Соч. СПб., 1838. Ч. 5. С. I–XX.

ПОЕЗДКА В ГРУЗИНО В 1824 ГОДУ

Печатается по: Поездка в Грузино в 1824 году // Новоселье. СПб., 1846. Ч. 3. С. 201–220. Воспоминания были републикованы в сб.: Аракетеев: свидетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдовой, Е. Э. Ляминой и А. М. Пескова;

вступ. ст. Е. Э. Ляминой; подгот. текста и коммент. Е. Е. Давыдовой, Е. Э. Ляминой. М., 2000. С. 252–263. В настоящем издании частично использованы примечания из этого сборника.

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЗАБВЕННОМ АЛЕКСАНДРЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ГРИБОЕДОВЕ

Печатается по: Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Булгарин Ф. Полное собрание сочинений. Новое, сжатое издание, исправленное и умноженное. СПб., 1844. Т. 7. С. 245–257.

Опубликовано впервые: Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове // Сын Отечества. 1830. № 1. С. 3–42. Подп.: Ф. Б.

В комментарии использованы примечания Н. К. Пиксанова, сделанные при публикации воспоминаний в сборнике «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» (М., 1929).

А. С. Грибоедов познакомился с Булгариным в июне 1824 г. и быстро подружился с ним (см. публикуемые в настоящем издании

воспоминания Булгарина «Как люди дружатся»). Опубликованный в начале сентября 1824 г. в журнале «Литературные листки» (№ 16) памфлетный диалог «с ключом» «Литературные призраки» (в нем Грибоедов, выведенный под именем Талантин, был противопоставлен невежественным и не признающим необходимости высокой цели в поэзии А. А. Дельвигу, Е. А. Баратынскому и др.) был негативно воспринят Грибоедовым. Он написал Булгарину письмо о разрыве отношений, но вскоре вновь сблизился с ним. Грибоедов подготовил примечания к публикуемым в «Северном архиве» (1825. № 8, 9) путевым запискам Д. И. Цыкулина. Булгарин взял на себя проведение в печать «Горя от ума» (большой фрагмент пьесы ему удалось опубликовать в 1825 г. в своем альманахе «Русская Талия»); хлопотал за Грибоедова, когда тот был арестован по делу декабристов; оказывал ему услуги бытового характера. Выйдя из заключения летом 1826 г., Грибоедов поселился на даче у Булгарина и поместил в «Северной пчеле» (без подписи) очерк «Загородная прогулка» (1826. № 76) и стихотворение «Хищники на

Чегеме» (1826. № 143; с хвалебным примечанием Булгарина). Уезжая в Персию, Грибоедов оставил Булгарину список «Горя от ума» с надписью «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов». Во время пребывания Грибоедова в Персии Булгарин информировал его о ситуации в Коллегии иностранных дел и часто выполнял поручения по приобретению необходимых вещей и книг. После гибели Грибоедова Булгарин опубликовал обширные републикуемые «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», вывел его (под именем Светловидова) в своем романе «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>» (СПб., 1835), неоднократно писал о нем в рецензиях и фельетонах (см.: Северная пчела. 1831. № 31, 32; 1839. № 190; 1849. № 111; и др.). Их переписку см.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 2006. Т. 3; Рус. старина. 1874. № 6. С. 284–285; Рус. вестник. 1894. № 3. С. 199–201. Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. С. 152–185; *Вацууро В. Э.* Страницка из жизни Грибоедова // Пушкин и дру-

гие. Новгород, 1997. С. 172–175; А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980 (по указ.).

²⁷ Речь идет о гравюре Н. И. Уткина 1829 г. Она была впервые опубликована в том же номере журнала «Сын Отечества и Северный архив», что и републикуемые воспоминания Булгарина о Грибоедове. Оригиналом гравюры явился акварельный прижизненный портрет Грибоедова работы М. И. Терebeneва, вделанный в переплет списка «Горя от ума», подаренного Грибоедовым Булгарину. Портрет воспроизведен (в черно-белом варианте) в: Литературное наследство. М., 1946. Т. 47/48. С. 151. Известны и другие портреты Грибоедова: акварель Мошкова (1827), воспроизведена в: *Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений*. СПб., 1911. Т. 1; акварель Горюнова (?), воспроизведена в: Там же. СПб., 1913. Т. 2; рисунок М. Д. Резвого на списке «Горе от ума», сделанном А. И. Черкасовым (1825), воспроизведен в: *Гладыш И. А., Динесман Т. Г. Горе от ума. Страницы истории*. М., 1971. С. 30, и др. См.: *Попова Н. И. Иконография А. С. Грибоедова*

ва // А. С. Грибоедов: Материалы к биографии: сб. науч. тр. Л., 1989. С. 184–198.

⁴² В то время была напечатана только сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» (Московский вестник. 1827. № 1. С. 3–10). Целиком трагедия Пушкина «Борис Годунов» была опубликована в 1831 г.

⁴³ См.: Сиротка, или Картина человечества, во вкусе фламандской школы: (Отрывок из рукописи «Русский Жилблаз, или Похождение Ивана Выжигина» // Северный архив. 1827. № 1. С. 87–99.

⁵² Примечание было сделано при перепечатке воспоминаний во втором издании Сочинений Булгарина (ч. 12) в 1830 г. Отрывки из «Грузинской ночи» были впервые напечатаны в «Русском слове» (1859. № 5. С. 89–95, 115–116).

⁷⁴ Иронический намек на «Евгения Онегина», где в первой главе текст строф XIII и XIV заменен тремя строками точек.

⁷⁸ См.: Дополнение к статье «Воспоминания об А. С. Грибоедове». Описание последнего долга, отданного ему в Тифлисе // Сын Отечества и Северный архив. 1830. № 2. С. 84–87.

Текст был помещен без подписи, его автор – В. Н. Григорьев.

КАК ЛЮДИ ДРУЖАТСЯ

Печатается по: Как люди дружатся (Справедливый рассказ) // Северная пчела. 1837. № 47. 2 марта. Подп.: Из воспоминаний Ф. Б.

⁵ Автоэпитафия А. Пирона такова:

*Ci-gît Piron, qui ne fut rien,
Pas même académicien.*

*Здесь лежит Пиррон, который
был ничем,
даже не стал академиком (фр.).*

В стихотворном переводе В. Васильева:

*Пирон почитет здесь. Он был та-
кой тупица,
Что в Академию – и то не смог
пробиться.*

*(Французская классическая эпи-
грамма. М., 1979. С. 225).*

**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ АН-
ДРЕЕВИЧЕ КРЫЛОВЕ И БЕГЛЫЙ
ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕРИСТИКУ ЕГО**

СОЧИНЕНИЙ

Печатается по: Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений // Северная пчела. 1845. № 8, 9, 11, 12 янв. Подп.: Ф. Б.

Благодарю Н. В. Самовер и Е. Э. Лямину за ценные советы и уточнения к примечаниям к данному мемуару.

[ВОСПОМИНАНИЯ О ПИСАТЕЛЯХ]

²⁴ Стихотворение А. А. Дельвига «До рассвета поднявшись, извозчика взял Александр Ефимыч с Песков...» Булгарин цитирует, по видимому, по памяти. В оригинале: «Оттопырен карман: в нем торчит, как чурбан / Двадцатифунтовая тетрадь» (Дельвиг А. А. Соч. / Изд. подгот. В. Э. Вацуро. Л., 1986. С. 165).

¹¹¹ Булгарин имеет в виду свою книгу «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837), две части которой, посвященные статистике, он писал при участии Н. А. Иванова.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАСИЛЬЕ АНДРЕЕВИЧЕ КАРАТЫГИНЕ

Печатается по: Воспоминания о Василье

Андреевиче Каратыгине // Северная пчела.
1853. № 64. 21 марта. Подп.: Ф. Б.

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА МИХАЙ- ЛОВСКОГО-ДАНИЛЕВСКОГО

Печатается по: Краткий биографический очерк генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского // Северная пчела. 1848. № 252, 254. 9, 11 нояб.

Публикации статьи предшествовало рассмотрение ее не только обычной цензурой, но и Военно-цензурным комитетом. Читавший ее полковник Федор Иванович Горемыкин (1813–1850), профессор тактики в Военной академии, 4 октября 1848 г. докладывал председателю Военно-цензурного комитета барону Н. В. Медему: «Представляя обратно просмотренную мною по приказанию вашего превосходительства статью г. Булгарина о генерале Михайловском-Данилевском, имею честь доложить, что она вообще написана слабо и более, кажется, для того, чтобы показать, как г. Булгарин делал покойному генера-

лу заявления о правдивости и истине, но в цензурном отношении препятствия к печатанию оной не представляется. Одно только место, мною на самой статье отмеченное, казалось бы лучше выбросить или по крайней мере изменить, тем более, что оное предназначается для “Северной пчелы”, которая имеет разного рода читателей, из коих не все одинаково поймут смысл этой статьи» (РГВИА. Ф. 494. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 2).

7 октября Медем, переслав ее в Военное министерство, писал в сопроводительной записке директору канцелярии военного министра генерал-лейтенанту Н. Н. Анненкову: «На рассмотрение Военно-цензурного комитета поступала прилагаемая при сем статья г. Булгарина под заглавием “Краткий биографический очерк генерал-лейтенанта Александра Ивановича Михайловского-Данилевского”. Статья эта, предназначенная к напечатанию в “Северной пчеле”, заключает в себе между прочим некоторые (обозначенные с поля карандашом) критические замечания на “Историю войны 1812 года”, сочинения генерала Михайловского-Данилевского.

Принимая в соображение, что упомянутая “История” была составлена по Высочайшему повелению и что автор оной удостоился, в свое время, Всемилостивейшего рескрипта государя императора, я полагаю себя не в праве допустить напечатание вышеозначенных критических замечаний без соизволения на то г. военного министра. Вследствие сего покорнейше прошу ваше превосходительство испросить разрешение его сиятельства, должно ли воспрещать печатание всех вообще критических замечаний на книги, официально удостоенные Высочайшего одобрения, или можно допустить отчасти таковые замечания, смотря по их содержанию?

На случай разрешения его сиятельством вопроса в последнем смысле, я полагал бы возможным допустить к напечатанию замечания г. Булгарина на “Историю войны 1812 года”, за некоторым, однако ж, исключением, означенным мною в подчеркнутых карандашом строках» (Там же. Л. 3).

18 октября Медем получил следующий ответ от Анненкова: «Я доводил до сведения г. военного министра [А. И. Чернышева] по-

чтеннейшее письмо вашего превосходительства от 7 числа сего месяца <...>. Г. министр, рассмотрев эту статью, изволил вполне разделить мнение ваше, что критические замечания на “Историю 1812 года” неуместны в упомянутой биографии, потому что описание событий этой войны почерпнуто из официальных актов и вполне удостоилось в свое время высочайшего одобрения, а замечания г. критика, не объясняя никаких особенных фактов, выражают только личное его мнение о духе этой “Истории”. Впрочем, и сам г. Булгарин объясняет в начале своей статьи, что он будет говорить как литератор о литераторе, и собственная его программа не дает места исторической критике.

Обращаясь к вопросу вашего превосходительства: должно ли воспрепятствовать печатанию всех вообще критических замечаний на книги, удостоившиеся Высочайшего одобрения, г. министр изволил находить, что подобные замечания, если основаны на благонамеренном разборе фактов и документов, могут быть допущены цензурою, смотря по их содержанию и пользе, которую они могут принести воен-

ной науке и отечественной истории. В этом отношении князь Александр Иванович вполне полагается на опытный и просвещенный взгляд вашего превосходительства.

О сих разрешениях г. министра сообщая Вам, милостивый государь, имею честь возвратить статью г. Булгарина, на которой подчеркнуты карандашом критические замечания, которые не могут быть напечатаны» (Там же. Л. 4).

На листе с ответом Анненкова надпись: «Одобрена к напечатанию и отправлена его пр[евосходительст]ву Н. И. Гречу 20 октября 1848 года».

³ Имеется в виду Брестская уния 1596 г., когда ряд епископов Киевской митрополии Константинопольской православной церкви приняли католическое вероучение и перешли в юрисдикцию римского папы, сохранив богослужение на церковнославянском языке по православным обрядам.

⁴ Имеется в виду Киево-Могилянская академия – высшее православное учебное заведение, существовавшее в 1659–1817 гг.

⁵ Булгарин ошибся, А. С. Крюков умер в 1844 г.

²³ Австрийский императорский орден Леопольда, который вручался за гражданские и военные заслуги, был учрежден в 1808 г. в честь императора Леопольда II. Орден Красного орла – рыцарский орден Прусского королевства с 1792 г., которым награждались как военные, так и гражданские лица. Прусский орден «Pour le Mérite» («За заслуги» (*фр.*)) был учрежден в 1740 г. и с 1810 г. вручался только военным. Орден Золотого льва был учрежден в Гессен-Кассельском княжестве в 1770 г. Орден Церингенского льва – рыцарский орден, учрежденный в Великом княжестве Баден в 1812 г. в честь династии Церингенов.

КРИТИКА М. А. КОРФОМ ВОСПОМИНАНИЙ Ф. В. БУЛГАРИНА О М. М. СПЕРАНСКОМ И ОТВЕТ БУЛГАРИНА

²² Здесь слово «люди» употреблено в значении «слуги».

²⁴ Имеется в виду журнал «Zeitgenossen: ein biographisches Magazin für die Geschichte unserer Zeit», выходивший в Лейпциге в 1816–1841 гг.

²⁷ Упомянут имевший большой успех роман Булгарина «Иван Выжигин» (СПб., 1829).

³⁰ Кодекс ... регламент, правила (*фр.*).

³³ кто оправдывается, тот сам себя выдает (*фр.*) (ср.: На воре шапка горит).

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[755]

А *арон* (в миру Алексей Захарович Нарциссов; 1781–1842) – ректор Пензенской семинарии и настоятель пензенского Спасского монастыря (1812–1815), епископ Архангельский и Холмогорский (1826–1830) II

Аббас-Мирза (1783–1833) – сын персидского шаха Фетх-Али, с 1816 – наследник престола. В войне с Россией 1826–1828 командовал персидскими войсками II

Аблесимов Александр Онисимович (Анисимович; 1742–1783) – драматург-сатирик II

Август – см.: Октавиан Август

Август II Сильный (1670–1733) – курфюрст Саксонский; король Речи Посполитой (1697–1704, 1709–1733) I 72, 94, 96, 98; II

Август III (1696–1763) – курфюрст Саксонский (с 1733), король Речи Посполитой (с 1734) I; II

Аверин Павел Иванович (1775–1849) – правитель дел канцелярии ген.-прокурора А. А. Беклешова, обер-прокурор III департамента

Сената (1801–1803), областной начальник Краковского департамента Герцогства Варшавского (1813–1815), волынский гражданский губернатор (1828–1831), бессарабский гражданский губернатор (1833–1834) II

Агрикола Гней Юлий (40–93) – римский государственный деятель и полководец I; II

Агриппина Старшая (14 до н. э. – 33 н. э.) – жена римского консула Германика I; II

Аддингтон – см.: Эддингтон Г.

Аддисон Джозеф (1672–1719) – английский публицист, драматург, поэт, эстетик II

Адлеркрейц Карл Юхан, граф (1757–1815) – шведский военачальник, во время русско-шведской войны (1808–1809) полковник, командовал 2-й бригадой в Финляндии, с апр. 1808 – начальник штаба шведской армии в Финляндии I

Албрехт – см.: Альбрехт К. А.

Александр – помощник воздухоплователя А.-Ж. Гарнерена I

Александр I (1777–1825) – российский император с 1801 I; II

Александр Великий (Александр Македонский; 356–323 до н. э.) – македонский царь,

полководец I; II

Александр Павлович, великий князь – см.:
Александр I

Александра Павловна, великая княгиня
(1783–1801) – дочь императора Павла I, супруга (с 1799) австрийского эрцгерцога Иосифа I

Алексеев Василий Павлович – в Финляндскую кампанию (1808–1809) майор, с дек. 1808 подполковник, командир Белозерского мушкетерского полка (1808–1810) I; II

Алексеев Илья Иванович (Алексеев 1♦й; 1772, по другим данным, 1773 – 1830) – шеф Митавского драгунского полка (1806); в Финляндскую кампанию (1808–1809) ген.-майор (1807), командир Сердобольского отряда (1808), авангарда при переходе через Ботнический залив, Улеборгского корпуса и других соединений, участвовавших в сражениях в 1809; позднее ген.-лейтенант (1815) I; II

Алексей-курилец – см.: Чекин А. М.

Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь (с 1645) II

Алексей Петрович (1690–1718) – наследник российского престола, старший сын Петра I; осужден на смертную казнь как изменник I;

П

Алопеус Давид Максимович (1769–1831) – русский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе короля Швеции Густава IV (с 1803) I

Альбрехт Карл Андреевич (? – 1812) – во время Финляндской кампании (1808–1809) майор Лейб-гренадерского полка, позднее подполковник I

Ангальт Федор Евстафьевич (Фридрих; 1732–1794), граф – ген.-поручик (1783), ген.-ад. Екатерины II. Главный начальник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1786–1794 I; II

Ангальт-Бернбургский Виктор Амадей (Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хоймский; 1744–1790) – принц Ангальтского владетельного дома, дальний родственник Екатерины II, ген.-поручик русской армии (1782) I; II

Ангальт-Плесский, принц – см.: Фридрих Фердинанд Ангальт-Кётен-Плесский

Ангенский герцог – см.: Конде Л. А. А.

Андерс – артиллерии майор, участник Русско-шведской войны 1808–1809 I

Андреевский Иван Иванович (ок. 1754 –

1812) – в армии с 1770 сержантом; принимал участие в Русско-турецкой войне 1770; в Сухопутном корпусе с 1786 (казначей, подполковник, полковник), ген.-майор с февр. 1798, временно исполнял обязанности директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса с янв. 1798 по март 1799; отставлен ген.-лейтенантом в дек. 1799 I; II

Андржейкович – см.: Беннигсен М.-Л.

Аникеев Дмитрий Васильевич (1761 – ?) – ген.-майор (1800), шеф Фридрихсгамского гарнизонного полка в 1805–1809, комендант Фридрихсгамской крепости (1815–1816) I

Анисимов Николай Иванович – служащий Петербургского цензурного комитета II

Анна – нянька Булгарина I

Анна Иоанновна (1693–1740) – российская императрица (1730–1740) I; II

Анна Леопольдовна (1718–1746) – племянница императрицы Анны Иоанновны, в 1740–1741 регентша при сыне, российском императоре Иоанне VI Антоновиче I; II

Анна Луиза, княгиня Ангальт-Дессауская (урожд. Фёзе; 1677–1745) – супруга Леопольда I, князя Ангальт-Дессауского I; II

Анненский Николай Николаевич – статский советник, производитель дел Комиссии по принятию прошений I

Аннибал – см.: Ганнибал Барка

Ансель Луи (1736–1802) – французский бригадный ген. (1793) II

Ансельм – см.: Ансель Л.

Ансельм-де-Жибори Яков Иванович (? – 1843) – полковник русской службы с 1807, с июля 1808 в Гродненском гусарском полку; участник Финляндской кампании (1808–1809), с апр. 1809 – ген.-майор. В отставке с 1833 I; II

Ансонов – рядовой Александрийского гусарского полка, позднее унтер-офицер I

Анстедт Иван Осипович (Иоганн Протасиус фон Анштетт; 1766–1835), барон – российский дипломат, поверенный в делах в Вене (1803–1804, 1809–1812) I

Антонина, сестра Ф. В. Булгарина – см.: Булгарина А. С.

Антонио Паскуаль де Бурбон (1755–1817) – брат короля Испании Карла IV I

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф (1799) – ген.-майор (1796), ген. от артиллерии (1807), военный министр (1808–1810),

ген.-инспектор всей пехоты и артиллерии (1808–1819) I; II

Аракчеев Андрей Андреевич (? – 1796) – поручик, отец А. А. Аракчеева II

Аракчеева Елизавета Андреевна (урожд. Ветлицина или Ветлицкая; 1750–1820) – мать А. А. Аракчеева II

Арао-Тадзима-но-ками – губернатор Мацумаэ (Матсмая); Арао – фамилия, Тадзима-но-ками – титул, присвоенный потомкам феодалов провинции Тадзима I

Арвидссон Адольф Ивар (1791–1858) – финско-шведский поэт, историк, переводчик, доцент Абоского университета I; II

Арендт Николай Федорович (1786–1859) – врач, доктор медицины и хирургии (1821), лейб-медик (1829–1849) II

Арида – см.: Арыда А.

Армфельт Александр Густавович (1794–1875), граф – с 1841 статс-секретарь Великого княжества Финляндского II

Арндт Эрнст Мориц (1769–1860) – немецкий публицист и историк, профессор Грайфсвальдского университета с 1806 I

Арсеньев Константин Иванович

(1789–1865) – историк, географ и статистик; академик Петербургской академии наук (1841) I

Арсеньев Никита Васильевич (1775–1847) – ген.-майор (1816); в 1803–1806 – подполковник, командир роты в Первом кадетском корпусе; директор Императорского военно-сиротского дома и училища Мариинского института (1817–1828) I

Арсеньев Николай Дмитриевич (1749 или 1754 – 1796) – ген.-майор (1790), начальник русского гарнизона в Вильне (1794) I; II

Арсеньев Павел Иванович (1770–1840) – полковник, впоследствии ген.-майор (1816), ген.-лейтенант (1827) I

Архаров Николай Петрович (1740–1814) – ген. от инфантерии (1796), московский обер-полицмейстер (1772–1782), московский гражданский губернатор (1781–1784), ген.-губернатор Санкт-Петербурга (1795–1796), второй генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1796–1797) I; II

Архенгольц Иоганн Вильгельм (1741–1812) – немецкий офицер, историк II

Архимед (ок. 287 – 212 до н. э.) – древнегре-

ческий математик и физик I; II

Арыда Антоний (1736–1820) – сирийский ориенталист II

Аттила (? – 453) – вождь гуннов с 434 по 453 I; II

Афанасьев – отставной чиновник, живший в Кронштадте в 1809 I

Ахвердов Николай Исаевич (1754–1817) – ген.-майор (1807) I

Ахвердова Прасковья Николаевна (урожд. Арсеньева; ок. 1786 – 1851) – жена ген.-майора Ф. И. Ахвердова, приятельница Грибоедова II

Ашпергер Катажина (1795–1835) – актриса, певица; в варшавском Театре Народовом играла с 1815 I

Бабин – поручик в Сухопутном шляхетском (Первом) кадетском корпусе I

Бабушкин – певец (бас) в хоре Первого кадетского корпуса I

Багговут Карл Федорович фон (Карл Густав; 1761–1812) – ген.-майор (1799), ген.-лейтенант (1807), в Финляндскую кампанию с июня 1808 командир 5♦й пехотной дивизии I; II

Багратион Петр Иванович (1765, по другим данным, 1769 – 1812), князь – ген.-майор

(1799), ген.-лейтенант (1805), ген. от инфантерии (1809) I; II

Байков Илья Иванович (1768–1838) – лейб-кучер императора Александра I I; II

Байкова Анна Ивановна (во втором браке графиня Морелли де Розатти) – петербургская домовладелица I; II

Байрон Джордж Гордон (1788–1824) – английский поэт II

Балабин Степан Федорович (Балабин 2♦й; 1763–1818) – майор, полковник (1806), командир Атаманского полка (1806–1812), ген.-майор (1814) I

Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837) – обер-полицмейстер Петербурга (1808–1809), исполняющий должность петербургского военного губернатора (1809–1812), ген.-ад. (1809), член Гос. совета (1810), министр полиции (1810–1812), ген.-губернатор Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний (1819–1828), ген. от инфантерии (1823) I; II

Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847) – профессор политической экономии Петербургского педагогического инсти-

туда (с 1803), Петербургского университета (с 1819, одновременно ректор), управляющий II отделением Собственной его императорского величества канцелярии (1826–1847), сенатор (1839) I; II

Бальмен Антон Богданович де (1741–1790), граф – ген.-поручик (1780), директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса с 1784; во время Русско-турецкой войны (1787–1791) командир Отдельного Кавказского корпуса I; II

Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич (1788–1850) – историк, тобольский (1825–1828) и виленский (1836–1838) губернатор II

Барант Амабль Гийом Проспер Брюжьер де (1782–1866), барон – французский историк, публицист и дипломат II

Баратынский Евгений Абрамович (Баратынский; 1800–1844) – поэт II

Барклай-де-Толли Андрей Богданович (Генрих-Йоганн; 1766–1805) – майор артиллерии, брат М. Б. Баркляя-де-Толли I; II

Барклай-де-Толли Вейнгольд-Готтард (1726–1781) – отставной поручик русской армии; отец М. Б. Баркляя-де-Толли I; II

Барклай-де-Толли Елена Ивановна (Хелена-Августа; урожд. фон Смиттен; 1770–1828) – жена М. Б. Баркляя-де-Толли I

Барклай-де-Толли Иван Богданович (Эрих-Йоганн; 1759–1819) – ген.-майор, брат М. Б. Баркляя-де-Толли I; II

Барклай-де-Толли Маргарита Елизавета (урожд. фон Смиттен; 1733–1771) – мать М. Б. Баркляя-де-Толли I; II

Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1757–1818), граф (1813), князь (1815) – полководец, участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809; первый ген.-губернатор Финляндии после ее присоединения к России в 1809, военный министр с янв. 1810; ген.-фельдмаршал (1814) I; II

Барклай-де-Толли Питер (Питер Баркли из ветви Тоуи; 1600–1674) – предок М. Б. Баркляя-де-Толли I; II

Барта Никола-Тома (1737–1785) – французский драматург II

Бартелеми Жан-Жак (1716–1795) – аббат, французский археолог, лингвист, писатель I; II

Бартольд (Бертольд, Бертгольд) – инспектриса малолетнего отделения Сухопутного шляхетского кадетского корпуса I

Басов Петр Трофимович (1780–1856) – подполковник, командир Донского казачьего Басова полка во время Русско-турецкой войны 1826–1828, ген.-майор (1837) II

Батеньков Гавриил Степанович (1793–1863) – офицер, инженер. С янв. 1824 член Совета главного над военными поселениями начальника (А. А. Аракчеева), подполковник, с июля 1824 – старший член Комитета по отделениям военных кантонистов; декабрист II

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – поэт; в Финляндскую кампанию (1808–1809) прапорщик, затем подпоручик лейб-гвардии Егерского полка, участник Аландской экспедиции I; II

Башмаков Флегонт Миронович (1774–1859) – в Финляндскую кампанию штабс-капитан артиллерии, позднее полковник артиллерии (1812), участник наполеоновских войн; в 1820 разжалован в рядовые; член Южного общества декабристов, был сослан в

Сибирь I

Башуцкий Павел Яковлевич (1771–1836) – ген.-майор (1803), командир Измайловского полка (1808–1811); впоследствии ген.-ад. (1825), ген. от инфантерии (1828), петербургский комендант (1803–1805; 1814–1833) I

Баярд – см.: Террайль де Баярд П.

Бегичев Степан Никитич (1785–1859) – близкий друг А. С. Грибоедова, автор воспоминаний о нем. Познакомился с Грибоедовым в 1813, когда они вместе служили адъютантами ген. А. С. Кологривова II

Безак Павел Христианович (1769–1831) – правитель дел канцелярии ген.-прокурора II

Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), граф (1784), князь (1797) – статс-секретарь Екатерины II (с 1775), при Павле I – гос. канцлер I; II

Безбородко Илья Андреевич (1756–1815) – ген.-поручик (1795), сенатор (1798). Младший брат А. А. Безбородко I; II

Беклешов Александр Андреевич (1743 или 1745 – 1808) – ген. от инфантерии (1797), ген.-прокурор (1799 и 1801), член Гос. совета (1801) I; II

Белавин Василий Иванович (ок. 1786 – 1850) – во время Финляндской кампании 1808–1809 поручик Екатеринославского лейб-гренадерского полка; впоследствии член Союза благоденствия I

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик I; II

Бельзони – см.: Бельцони Дж.Б.

Бельцони Джованни Баттиста (1778–1823) – итальянский путешественник и египтолог II

Бемфорд Сэмюэл (1788–1872) – английский деятель рабочего движения; автор ряда песен, популярных в рабочих кругах I; II

Бендерский Константин Александрович (1784–1841) – артиллерист, поручик во время Финляндской кампании 1808–1809, позднее ген.-майор артиллерии (1826) I

Бенитцкий Александр Петрович (Беницкий; 1782–1809) – поэт, прозаик, журналист II

Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844), граф (1832) – генерал от кавалерии (1829), командующий императорской Главной квартирой, шеф жандармов и главный начальник III отделения (1826–1844), се-

натор (1826) I; II

Бенкендорф Константин Христофорович (1785–1828) – дипломат (1797–1812), военный (с 1812); камергер (1812), ген.-лейтенант (1826) I

Беннигсен Леонтий Леонтьевич фон (Левин Август Теофил; 1745–1826), барон, граф (1813) – на русской службе с 1773; ген. от кавалерии (1802), в 1805 командующий корпусом в составе союзной армии, в 1806 – русской армией в сражении при Прейсиш-Эйлау; в отставке с 1818 I; II

Беннигсен Мария-Леонарда Фадеевна (урожд. Буттовт-Андржейкович; 1775–1858) – четвертая жена Л. Л. Беннигсена, дочь дворянина Гродненской губернии I

Берг Бургардт Максимович фон (Берг 2♦й; Бернгардт Магнус; 1764–1838) – ген.-майор (1807), ген.-лейтенант (1826) I

Бергенстрале – см.: Бергштраль Ю.

Бергштраль Юхан (Бергенстрале; 1756–1840) – участник Русско-шведских войн 1788–1790 и 1808–1809, во время последней войны в чине полковника командовал корпусом; во время боя при захвате Вазы был кон-

тужен и взят со своим штабом в плен, вернулся в Швецию в конце 1808; ген.-майор (1813) I; II

Берд Чарльз (Карл Николаевич; 1766–1843) – шотландский инженер (в России с 1786), владелец завода I; II

Берко – см.: Иоселевич Б.

Бернадот Жан Батист Жюль (1763–1844), князь Понтекорво (1805) – маршал Франции (1804); в кампании 1805 командовал 1 $\blacklozenge$ м армейским корпусом Великой армии, в сражении при Аустерлице – центром французской позиции; с 1810 наследный принц Швеции, с 1818 – Карл XIV Юхан, король Швеции и Норвегии, основатель династии Бернадотов I; II

Берников Александр Сергеевич (1788–1844) – выпускник Первого кадетского корпуса, участник войн с наполеоновской Францией; полковник; в гражданской службе с 1822: тайный советник (1834), сенатор (1838); брат П. С. Берникова I

Берников Павел Сергеевич (1787–1845) – выпущен из Первого кадетского корпуса в лейб-гвардии Семеновский полк прапорщиком (1805), участник Бородинского сражения; впо-

следствии ген.-лейтенант (1833); брат А. С. Берникова I

Бёрноувель Пьер Риель де (1752–1821), маркиз, граф (1809) – французский военачальник; военный министр (1793), маршал (1816) II

Бертье Луи-Александр (1753–1815), герцог Невшательский, герцог Валанженский (1805), князь Ваграмский (1809) – маршал Франции (1804), военный министр (1799–1807) и начальник Главного штаба наполеоновской армии (1799–1814) I; II

Берцелиус Йенс Якоб (1779–1848), барон – шведский химик. Во время поездки в Швецию в 1838 Булгарин дважды посетил его (см.: Булгарин Ф. Летняя прогулка по Финляндии и Швеции, в 1838 году. СПб., 1839. Т. 2. С. 15–19, 339–340) I

Беседин Степан Степанович (1786 – ?) – в Уланском цесаревича Константина Павловича полку с 1803 корнетом, в Финляндскую кампанию 1808–1809 поручик 9-го эскадрона 2-го батальона этого полка; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк, в 1812 капитан этого полка I

Бессиер – см.: Бессьер Ж.-Б.

Бессьер Жан-Батист (1768–1813), герцог Истрийский (1809) – маршал Франции (1804), командующий гвардейской кавалерией Великой армии (1805–1807), французскими войсками в Испании (1808–1809) I; II

Бестужев Александр Александрович (псевдоним Марлинский; 1797–1837) – писатель, критик; декабрист II

Бибиков Александр Александрович (1765–1822) – дипломат, в частности чрезвычайный посланник и полномочный министр в Неаполе (1808–1810) I

Бибиков Владимир Матвеевич (Бибиков 2♦й) – портупей-прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, в сент. 1806 переведен в Гродненский гусарский полк; в Финляндскую кампанию 1808–1809 поручик Гродненского гусарского полка; в отставке по болезни с 1811 в чине штаб-ротмистра. Брат С. М. Бибилова I; II

Бибиков Степан Матвеевич (Бибиков 1♦й; 1769–1809) – полковник (1800), в 1803–1806 командир 7♦го эскадрона Уланского цесаревича Константина Павловича полка, с окт. 1806 командир Гродненского гусарского полка,

участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809, во время которой умер. Брат В. М. Бибикова I; II

Биньон Луи Пьер Эдуард (1771–1841), барон – французский дипломат, автор трудов по истории Франции при Наполеоне, написанных по желанию Наполеона, выраженному им в заветании. С 1810 французский резидент в Герцогстве Варшавском, в 1812 – комиссар французского правительства в Вильно I; II

Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772), граф (1730) – герцог Курляндии и Семигалии (1737), регент Российской империи (1740); фаворит императрицы Анны Иоанновны I; II

Бистром Адам Иванович фон (Бистром 2♦й; Адам Отто Вильгельм; 1774–1828) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 полковник (1807), с марта 1808 командир Литовского мушкетерского полка, в 1810 назначен шефом этого полка, переименованного в 33♦й егерский; впоследствии ген.-лейтенант (1826). Брат К. И. Бистрома I; II

Бистром Карл Иванович фон (Бистром 1♦й; Карл Генрих Георг; 1770–1838) —полковник (1805), командир лейб-гвардии Егерского пол-

ка (1809–1821), впоследствии ген.-ад. (1825),
ген. от инфантерии (1831) I; II

Бланшар Жан-Пьер Франсуа (1753–1809) –
французский изобретатель, воздухоплаватель
I

Бланшар Пьер (1772–1856) – французский
писатель, в основном для юношества I; II

Блинов Н. С. – петербургский домовладелец
II

Блюхер Гебгард Леберехт фон (1742–1819),
князь Вальштадтский (1814) – прусский ген.,
ген.-фельдмаршал (1813). В сражении при
Ауэрштадте (1806) командовал кавалерией в
авангарде армии князя Ф. Гогенлоэ, в нояб.
1806 попал в окружение и сдался в плен I; II

Бобров Андрей Петрович (1769–1836) – эконо-
м Первого кадетского корпуса (с 1804) I; II

Бобров Елисей Петрович (1778–1830) – актер
I; II

Бобрович Ян Непомук (1805–1881) – поль-
ский издатель, гитарист, композитор I

Богарне Франсуа (1756–1846), граф – фран-
цузский дипломат, старший брат Александра
Богарне, первого мужа императрицы Жозефи-
ны I

Богданович Ипполит Федорович
(1743–1803) – поэт I; II

Богуславский Войцех Ромуальд
(1757–1829) – польский актер, режиссер, драматург I

Богушевич Станислав (1751–1817) – минский межевой судья, депутат сейма Речи Посполитой (1773), выступавший против подписания акта, закреплявшего первый раздел Польши I

Богушевский – см.: Богушевич С.

Бодиско Николай Андреевич (1756–1815) – контр-адмирал (1808) I; II

Болтин Иван Никитич (1735–1792) – историк, ген.-майор II

Бонапарт Жером (1784–1860) – брат Наполеона I, король Вестфалии (1807–1813) I; II

Бонапарт Жозеф (1768–1844) – брат Наполеона I; король Неаполитанского королевства (1806–1808), король Испании (1808–1813) I; II

Бонапарт Иероним – см.: Бонапарт Жером

Бонапарт Иосиф – см.: Бонапарт Жозеф

Бонапарт Людовик (1778–1846) – брат Наполеона I, король Голландии (1806–1810), правитель великого герцогства Клеве-Юлих-Берг

при малолетнем сыне, носившем титул великого герцога (1810–1815) I

Бонапарт Мария Анна Элиза (1777–1820) – сестра Наполеона I; принцесса Луккская и Пьомбинская (1805–1814), великая герцогиня Тосканская (1809–1814) I

Боньот (Бониот) Александра Николаевна – дочь М. И. Боньот I

Боньот (Бониот) Елизавета Николаевна – дочь М. И. Боньот I

Боньот Мария Ивановна (Бониот; 1768–1843) – воспитательница малолетнего отделения Сухопутного шляхетского кадетского корпуса I

Боржемский Викентий Федорович (1783 – ?) – ротмистр Уланского цесаревича Константина Павловича полка I

Борн Иван Мартынович (1778–1851) – переводчик, поэт I; II

Боровский Леон – шляхтич, приближенный К. С. Радзивилла I

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – композитор, директор Придворной певческой капеллы, автор хоровых духовных композиций. Булгарин написал ему

некролог (Северная пчела. 1825. № 118) I

Боско Бартоломео (1793–1863) – итальянский иллюзионист I

Боуер Карл Федорович (Боур, Баур; 1761–1812) – ген.-лейтенант (1798), в 1796–1806 – шеф Павлоградского гусарского полка; инспектор по кавалерии Брестской и Украинской инспекций; в отставке с 1809 I; II

Браге Магнус (1790–1844), граф – шведский ген.-лейтенант (1830), затем маршал (1834), член Королевской академии наук Швеции (1837) I; II

Браницкая Александра Васильевна (1754–1838) – племянница Г. А. Потемкина, жена коронного гетмана К. Браницкого I; II

Бре София де (урожд. фон Левенштерн; 1788–1855) – жена Ф.-Г. де Бре (с 1805) I

Бре Франсуа-Габриэль де (1765–1832), граф – уроженец Франции. Посланник Баварии в России в 1808–1812 и 1815–1822. Ботаник, почетный член Баварской академии наук (1808) и Петербургской академии наук (1822), автор «Критического очерка истории Ливонии» (*Essai critique sur l'histoire de la Livland*. Dorpat, 1817) I

Брегет (Бреге) Абраам-Луи (1747–1823) – часовый мастер, автор многих изобретений и усовершенствований в часовом деле I

Брейтигам Иоганн Стефен (Иван Степанович) – уроженец Ганновера, сапожный мастер I; II

Брейтинг Герман (1804–1860) – немецкий оперный певец (драматический тенор). В 1837–1840 гастролировал в России, пел в немецкой оперной труппе в Санкт-Петербурге I

Бреклинг – майор артиллерии, участник Финляндской кампании 1808–1809 I

Бржезинская — дочь М. П. Бржезинской, впоследствии замужем за Ч-вым (возможно, Ф. С. Челябиным) I

Бржезинская Мария Петровна – вдова, жительница Кронштадта I

Бриль – см.: Брюль К. А. фон

Бринен Исаак Абрамович фон (Фан-Брин; 1768–1848) – русский генеральный консул (голландского происхождения) в Стокгольме (1819–1840) I; II

Бринкен Христофор Александрович – кадет Первого кадетского корпуса с 1797, выпущен в

лейб-гвардии Семеновский полк унтер-офицером (1802); впоследствии – прапорщик (1806), штабс-капитан, командир роты того же полка; участник войн с наполеоновской Францией, Бородинского сражения; полковник, командир Тверского драгунского полка (1820–1826); ген.-майор (1826) I

Броглио Август (Огюст-Сезар) (1783–1805), принц де Брольи-Ревель – поручик лейб-гвардии Преображенского полка, погиб в сражении при Аустерлице; старший из братьев Броглио I; II

Броглио Альфонс-Габриэль-Октав (Гавриил Евстафьевич; 1785–1867), принц де Брольи-Ревель – поступил в Первый кадетский корпус кадетом в 1798, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк в 1804; в период антинаполеоновских войн поручик, затем штабс-капитан (1811), полковник (1813) лейб-гвардии Семеновского полка, участник сражения при Бородино; уволен со службы в 1826. Брат А. и К. Броглио I; II

Броглио Карл (Шарль-Франсуа-Ладислас; 1788–1813), принц де Брольи-Ревель – поручик лейб-гвардии Семеновского полка, участник

сражения при Бородино, погиб в сражении под Кульмом; младший из братьев Броглио I; II

Брозе – поручик, участник Финляндской кампании 1808–1809 (возможно, Брозе Александр Мартынович (Броз 1♦й) – в 1812 капитан 48♦го егерского полка, участник Бородинского сражения, позднее командир Курского пехотного полка (1825–1831), подполковник (с 1826 полковник), затем командовал бригадой, с 1836 ген.-майор) I

Бролио – см.: Брольи В. Ф. де

Брольи Виктор Франсуа де (1718–1804), герцог – маршал Франции (1759), российский ген.-фельдмаршал (1797). В Семилетнюю войну – главнокомандующий французской армией (с 1759). В российской службе в 1796–1799 I

Брун (Broune) Чарльз – хозяин судостроительной верфи в Нью-Йорке I ; II

Брохоцкие – шляхетская семья, проживавшая в Виленской и Гродненской губерниях I

Брут (Марк Юний Брут; 85–42 до н. э.) – римский военачальник, убийца Гая Юлия Цезаря II

Брюер Жан Пьер Жозеф (1772–1813), барон

(1808) – французский дивизионный ген. (1809)

II

Брюлло Павел Иванович (1760–1833) – скульптор и художник, член Академии художеств (1794) I

Брюллов Александр Павлович (Брюлло; 1798–1877) – художник и архитектор I

Брюллов Карл Павлович (Брюлло; 1799–1852) – художник I

Брюль Карл Адольф фон (1741, по другим данным, 1742 – 1802), граф – ген. прусской армии, дипломат, музыкант-любитель I

Брюне Жозеф (Брюне-Мира; 1766–1851) – французский комический актер I

Бубликов Тимофей Семенович (наст. фамилия Бубличенко; ок. 1748 – ок. 1815) – с 1763 ведущий танцовщик придворной балетной труппы I; II

Будаев Семен Васильевич (1766 – ?) – полковник (1800); с 1803 в Уланском цесаревича Константина Павловича полку, командир 9-го эскадрона I

Будберг Андрей Яковлевич (1750–1812), барон – министр иностранных дел Российской империи (1806–1807) I; II

Буксгёвден Федор Федорович фон (Фридрих Вильгельм; 1750–1811), граф – ген. от инфантерии (1803); комендант Варшавы и губернатор Польши (1794–1796), военный губернатор Санкт-Петербурга (1797–1798), рижский ген.-губернатор (1807–1808); участник войн с наполеоновской Францией; в период Русско-шведской войны 1808–1809 главнокомандующий действующей армией (до дек. 1808) I; II

Булан Антон (Жан Антуан; 1750–1821) – ф-готист-виртуоз и композитор, служил при императорских Санкт-Петербургских театрах с 1783 I; II

Булатов Михаил Леонтьевич (1760–1825) – ген.-майор (1799), участник войн с наполеоновской Францией; во время Финляндской кампании 1808–1809 шеф Могилёвского мушкетерского полка; ген.-лейтенант (1823) I; II

Булгаков Константин Яковлевич (1782–1835) – служил в посольстве в Вене (с 1802); впоследствии московский почт-директор (1816–1819), петербургский почт-директор (1819–1835) I

Булгарин Бенедикт (Венедикт; 1746 – не позднее 1807) – отец Булгарина I; II

Булгарин Венедикт – см.: Булгарин Бене-
дикт

Булгарин Болеслав Фаддеевич (1832–1890) –
старший сын Булгарина I; II

Булгарин Владислав Фаддеевич
(1834–1894) – сын Булгарина; окончил в 1854
Петербургский университет, в 1855 поступил
на службу в III отделение в театральную цен-
зуру, позднее служил в Военном министер-
стве I; II

Булгарин Мечислав Фаддеевич (1836–1862) –
сын Булгарина, служил юнкером в лейб-гвар-
дии Уланском полку, затем в линейном бата-
льоне в Оренбурге I

Булгарин Михал – двоюродный дед Булга-
рина (дядя его отца), волковысский земский
писарь, депутат от Волковысского воеводства
на сейме 1773, участник патриотической оп-
позиции I; II

Булгарин Михал – дед Булгарина, подкомо-
рий (судья по спорам о границах имений) I; II

Булгарин Михал – сын отца Ф. В. Булгарина
от первого брака I

Булгарин Норберт (1757, по другим дан-
ным, 1761 – ?) – ксендз, приор доминиканско-

го монастыря в Россиенах (1797–1816), Паланечского доминиканского монастыря (с 1816), глава польских доминиканцев с 1818; двоюродный брат Ф. Булгарина I; II

Булгарин Павел (? – 1829) – двоюродный брат отца Ф. В. Булгарина, с 25 лет – маршал литовского трибунала, затем подконюший (т. е. шталмейстер) Великого княжества Литовского. Булгарин был его поверенным во время рассмотрения его тяжёлого дела в Сенате I; II

Булгарин Святослав Фаддеевич (1840–1874) – сын Булгарина I; II

Булгарин Станислав (? – после 1852) – староста яловский, четвероюродный брат Булгарина I; II

Булгарин Ян – прадед Булгарина I

Булгарина Анеля (урожд. Бучинская, в первом браке Менжинская) – мать Ф. В. Булгарина I; II

Булгарина Анеля Фаддеевна (1844 – ?) – дочь Булгарина, умершая в младенчестве I; II

Булгарина Антонина Степановна (урожд. Менжинская; ? – 1863) – младшая из сестер Булгарина по матери I; II

Булгарина Елена Ивановна (урожд. Иде;

1808–1889) – жена Булгарина I; II

Булгарина Елена Фаддеевна (в браке фон Александрович; 1838 – ?) – дочь Булгарина I; II

Булгарина Елизавета Степановна (урожд. Менжинская) – старшая из сестер Булгарина по матери I; II

Булгарина Марианна – дочь отца Булгарина от первого брака; в первом браке жена Корейвы, во втором – Гласко I

Буле Иоганн Теофил (1763–1821) – профессор естественного права и теории изящных искусств Московского университета (1804–1810) II

Бургиньон Луи-Доминик (по прозвищу Картуш; 1693–1721) – знаменитый парижский разбойник I; II

Бургуен Мари-Тереза-Этьенетта (1785–1833) – французская актриса I; II

Бутырский Никита Иванович (1783–1848) – профессор словесности Петербургского университета, поэт I

Бухарин Иван Николаевич – капитан 2♦го (1800), затем 1♦го ранга, главный командир Охотского порта (1805–1808) I; II

Бучинская А. – см.: Булгарина Анеля

Бучинский – кравчий в Великом княжестве Литовском, дядя Булгарина со стороны матери (возможно, Тадеуш Бучинский – оршанский кравчий в 1760–1780♦х) I

Бучинский – президент Витебского главного суда, дядя Булгарина со стороны матери I

Бучинский Рох – майор русской службы в конце XVIII – начале XIX в., впоследствии оршанский маршал I

Бучинский Ян – генерал-адъютант польского короля Станислава Августа, дядя Булгарина со стороны матери I

Бучинский Ян – польский шляхтич, секретарь Дмитрия Самозванца I

Бюффон Жорж-Луи Леклерк (1707–1788), граф – французский натуралист, математик и писатель I; II

Вавржецкий Томаш (1759–1816), граф – польский ген., участник восстания под предводительством Т. Костюшко I

Вакар Алексей Григорьевич (1773–1843) – земляк Булгарина, белорусский дворянин; будучи польским ротмистром, в 1798 вступил в русскую службу, в 1800–1809 служил в Петербурге переводчиком при ген.-рекетмейстере;

в 1810–1812 могилевский губернский прокурор I

Ваксель – офицер конногвардейской артиллерии I

Валевская Мария (урожд. Лончиньская; 1786–1817), графиня – любовница Наполеона, мать признанного им сына Александра Колонна-Валевского I

Валевский Анастазий (1736–1815) – польский шляхтич, шамбелян (камергер) польского двора, ротмистр; муж М. Валевской I; II

Валицкий Корнелиуш (ок. 1748 – 1818), шамбелян польского двора, брат М. Валицкого I

Валицкий Михал (Михаил Мартынович; наст. фамилия Мицкевич; 1746–1828), граф – польский шляхтич, игрок в карты, предприниматель, коллекционер, филантроп. Коронный подстолий (1789–1791), шамбелян польского двора. Член Варшавского королевского общества любителей наук I; II

Вальдемар II Победоносный (1170–1241) – король Дании с 1202, праправнук Владимира Мономаха, завоевавший земли в Эстонии, где впоследствии был построен Ревель I; II

Вальдштейн Иозеф Карл фон (1755–1814),

имперский граф – камергер императора Священной Римской империи I; II

Ванкувер Джордж (1758–1798) – английский мореплаватель I; II

Ванька Каин – см.: Осипов И.

Варварин Иван Федорович (1750–1825) – купец 2♦й гильдии, петербургский домовладелец I; II

Варламов Александр Егорович (1801–1848) – композитор, певец II

Варнек Лаврентий Лаврентьевич (? – 1807) – ген.-майор (1803) I

Варфоломей – слуга деда Булгарина I

Васильев Михаил (1739–1801) – священник, отец М. М. Сперанского II

Васильчиков Василий Алексеевич (1754–1830) – бригадир, новгородский предводитель дворянства I; II

Васильчиков Илларион Васильевич (1775–1847), граф (1831), князь (1839) – ген.-майор (1801), ген.-ад. (1801), ген. от кавалерии (1823), председатель Гос. совета и Комитета министров (1838–1847) I

Вахтмейстер Карл Фридрих, граф – актер-любитель при дворе Екатерины II, сын ка-

мергера и воспитателя Петра III А.-В. Вахтмейстера I; II

Вашингтон Джордж (1732–1799) – главнокомандующий Континентальной армией во время Войны за независимость (1775–1783), первый президент США (1789–1797) I

Вегзак – см.: Фегезак Э. Э. Г. фон

Веджвуд Джозайя (1730–1795) – английский керамист, владелец мануфактуры по производству фаянсовых изделий II

Вейдемейер Иван Андреевич (1752–1820) – правитель канцелярии Гос. совета (1801), сенатор (1806), член Гос. совета (1810) I

Вейротер Франц фон (1755–1806) – австрийский ген.-квартирмейстер I

Велисарий – см.: Флавий Велизарий

Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1852), герцог – британский полководец, фельдмаршал (1813), премьер-министр Великобритании (1828–1830, 1834) I

Вельяминов Алексей Александрович (1785–1838) – ген., начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса II

Вендорф Игнацы – ген.-ад. польского короля I

Вердеревский Николай Иванович (1769–1812) – ген.-майор (1799), командир лейб-гвардии Семеновского полка (1807–1809), ген.-лейтенант (1811) I

Верещагин – капитан Низовского или Азовского полка, участник Финляндской кампании 1808–1809 I

Вермелен Георг-Вильгельм фон – полковник русской армии, муж сестры матери М. Б. Баркляя-де-Толли I

Веровский Игнаций Юзеф Анджей (1783–1841) – актер Театра Народового в Варшаве (с 1815) I

Веспасиан, Тит Флавий (39–81) – римский полководец и император (с 79) I; II

Веспасиан, Тит Флавий (9–79) – римский полководец и император (с 69) I; II

Ветринский Иродион Яковлевич (1787–1849) – преподаватель философии в Петербургской духовной академии (1814–1826), цензор в Главном цензурном комитете (1826–1828), церковный историк, поэт II

Виельгорский Юрий Михайлович (Ежи Винцентий; 1753–1808), граф – с 1792 чрезвычайный и полномочный посол Польши в Петер-

бурге; с 1794 на русской службе: камергер, гофмаршал, с 1800 сенатор. Муж С. Д. Матюшкиной I

Визапур (Порюс-Визапурский) Александр Иванович (1783–1823), князь – полковник (1800); потомок индийского раджи из г. Биджапур, мальчиком прибывший в Россию в составе посольства. Окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус; с 1799 в Лейбгусарском полку; в отставке с 1802. Автор книги «Croquis de Petersbourg par le P. ... de V ... cidevant colonel aux gardes» (SPb., [1804]; перевод: Порюс-Визапурский А. И. Петербургские зарисовки / Сост. А. А. Мурашев. СПб., 2004) I

Виктор – см.: Перрен К.-В.

Виктория (1819–1901) – королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии (с 1837) II

Виланд Христоф Мартин (1733–1813) – немецкий поэт, прозаик, журналист II

Виллие Яков Васильевич (Вилье; 1768–1854), шотландский баронет (1819) – военный медик на российской службе (с 1790), с 1799 – лейбхирург российских императоров (Павла I, Александра I и Николая I) I

Вильбоа Павел Иванович (Павел Вильгельм; 1786–1808) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 прапорщик 3-го егерского полка I; II

Вильгельм I Гессенский (1743–1821) – курфюрст Гессенский (с 1803) I; II

Вильгельм V (1748–1806) – принц Оранский и Насау-Дицский, штальгальтер Нидерландов (1751–1795) I; II

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770–1818), барон – начал службу в австрийской и гессенской армиях, в 1797 перешел майором в русскую службу и вскоре стал ад. великого князя Константина Павловича; шеф Одесского гусарского полка (с мая по сент. 1803); ген.-ад. (1802), ген.-лейтенант (1812), ген. от кавалерии (1813) I; II

Виртембергский герцог – см.: Фридрих I

Виртембергский принц – см.: Евгений, принц Вюртембергский

Висковатов Александр Васильевич (1804–1858) – военный историк I; II

Висковатов Василий Иванович (1779–1812) – математик, академик Петербургской академии наук (1803) I

Висковатов Степан Иванович (1786–1831) – драматург, поэт, переводчик II

Витгенштейн Лев Петрович (1799–1866), граф, светлейший князь (с 1834) – полковник в отставке (с 1828); в прошлом член Союза благоденствия. Сын П. X. Витгенштейна I; II

Витгенштейн Петр Христианович (Петер Людвиг Адольф; 1768–1843), граф, светлейший князь (1834) – ген.-майор (1799), ген.-лейтенант (1807), ген. от кавалерии (1812), ген.-фельдмаршал (1826) I; II

Витт Эрнст Бернгард фон (Витте; с 1839 фон Вейсенберг; 1787–1842) – директор канцелярии финляндского ген.-губернатора I; II

Владимир – см.: Владимир Святославич

Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) – князь смоленский (1073–1078), черниговский (1078–1094), переяславский (1094–1113), великий князь киевский (1113–1125) II

Владимир Святославич (ок. 960 – 1015) – князь новгородский (970–988), великий князь киевский (с 978) II

Владимиров – ротмистр, командир эскадрона в Уланском цесаревича Константина

Павловича полку I

Владислав II Ягайло (1351? – 1434) – великий князь литовский (с 1377), король польский (с 1386) I; II

Властов Егор Иванович (1769–1837) – подполковник, шеф 24[♦]го егерского полка (1806–1807), участник войн с наполеоновской Францией; в Финляндскую кампанию полковник, позднее ген.-майор (1812), ген.-лейтенант (1815) I; II

Водзьбун Антон – сын Станислава Водзьбуна, стражника минского, брат М. Водзьбуна I

Водзьбун Матвей – сын Станислава Водзьбуна, брат А. Водзьбуна I

Воейков Александр Федорович (1778 или 1779 – 1839) – поэт, критик, журналист; член Российской академии (1819) I; II

Воейков Алексей Васильевич (1778–1825) – в Финляндскую кампанию майор, затем подполковник (1809) Лейб-гренадерского полка, адъютант М. Б. Барклая-де-Толли, директор Особенной канцелярии военного министра, ген.-майор (1812) I; II

Воейков Петр Иванович (1787–1816) – с 1807 корнет 2[♦]го батальона Уланского цесаревича

ча Константина Павловича полка, участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809, с 1809 поручик лейб-гвардии Уланского полка, штаб-ротмистр (1812) I; II

Воейкова Александра Андреевна (урожд. Протасова; 1795–1829) – жена А. Ф. Воейкова, племянница В. А. Жуковского I; II

Войшунд – правнук легендарного литовского верховного жреца Лидзейки XIV в. Со времени подписания им унии Литвы с Польшей в 1401 начинается историческая хроника рода Радзивиллов I

Волан Франц Павлович де (Деволант; 1752–1818) – инженер, ген.-лейтенант (1800), главный директор путей сообщения (1812–1818) I

Волконский, князь – корнет Кавалергардского полка в 1806 (возможно, ошибка, и речь идет о служившем в Кавалергардском полку в 1805–1813 поручике князе Сергее Григорьевиче Волконском, впоследствии ген.-майоре и декабристе) I; II

Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь – ген.-майор и ген.-ад.

(1801), в 1805 дежурный ген. и ген.-квартирмейстер сначала вспомогательного корпуса Ф. Ф. Буксгёвдена, затем, после объединения с армией М. И. Кутузова – объединенных русско-австрийских войск; министр Императорского двора и уделов (1826–1852), ген.-фельдмаршал (1850) I; II

Воллович Марциан Доминик (? – 1712) – великий маршалок литовский (с 1704) I

Волынский Артемий Петрович (1689–1740) – кабинет-министр (с 1738) при дворе Анны Иоанновны; казнен по обвинению в заговоре I

Вольгемут Иван Николаевич (Иоганн Гендрик; 1766–1837) – преподаватель физики в Сухопутном шляхетском (Первом) кадетском корпусе, а также физики, геометрии, горной механики, гидравлики, теоретической механики в Горном корпусе (1799–1831); член Вольного общества любителей российской словесности с 1819 I

Вольдемар, король Дании – см.: Вальдемар II Победоносный

Вольемут – см.: Вольгемут И. Н.

Вольтер (наст. имя Франсуа Мари Аруэ;

1694–1778) – французский писатель, публицист, философ I; II

Воробьев Яков Степанович (1769–1809) – актер и певец I; II

Воронихин Андрей Никифорович (1759–1814) – живописец и архитектор I

Воронцов Михаил Семенович (1781–1856), граф, светлейший князь (с 1845) – ген.-майор (1810), ген.-лейтенант (1813), ген.-ад. (1815), ген. от инфантерии (1825), ген.-фельдмаршал (1856); новороссийский и бессарабский ген.-губернатор (1823–1844) I; II

Востоков Александр Христофорович (наст. фамилия Остенек; 1781–1864) – поэт, филолог, член Российской академии (1820), академик Петербургской академии наук (1841) I; II

Вронченко Федор Павлович (1779–1852), граф (1849) – министр финансов (1845–1852), член Гос. совета (1845) I

Всеволожский Всеволод Андреевич (1769–1836) – действительный камергер, богач и меломан, владелец крепостного театра и одного из лучших крепостных оркестров I; II

Вуич Василий Афанасьевич (1777–1836) – с 1803 в Уланском цесаревича Константина

Павловича полку, поручик; позднее полковник, командующий Собственным его императорского величества конвоем (1828); участник войн с наполеоновской Францией. В 1811 вышел в отставку, вернулся в действующую армию во время Русско-турецкой войны 1828–1829, в 1831 участвовал в усмирении Польского восстания, окончательно вышел в отставку полковником в 1834 I; II

Вуич Николай Васильевич (1765–1836) – участник войн с наполеоновской Францией, с 1806 шеф 25♦го егерского полка; в 1808 во время Финляндской кампании полковник, командир отряда, действовавшего на Аландских островах, позднее ген.-лейтенант (1824) I; II

Вульф Джон – американский судовладелец II

Вульф Никита Иванович (? – 1807) – капитан лейб-гвардии Егерского полка I

Вульф Филипп Иванович (1781 – ?) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 поручик 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк I

Выбицкий Юзеф Руфин (1747–1822) – сенатор-воевода (1807), член правительственной комиссии Герцогства Варшавского (1807–1813), председатель Высшего суда Царства Польского (1817–1820); поэт, драматург, публицист I; II

Вышеславский – учащийся Александр-Невской главной семинарии II

Вышковский Северин (1771–1859), граф – муж Ж. А. Четвертинской I

Вяземская Екатерина Александровна (1769–1824), княжна – дочь А. А. Вяземского, жена графа Д. А. Толстого (1754–1832) I; II

Вяземский Александр Алексеевич (1727–1793), князь – ген.-прокурор Сената (1764–1793), сенатор (1765) I; II

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878), князь – поэт, литературный критик I; II

Гавриил (в миру Петр Петрович Петров-Шапошников; 1730–1801) – архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский (с 1770), митрополит (1783–1779), член Синода (с 1769); богослов, член Российской академии (1783) II

Гагарин Павел Гаврилович (1777–1850), князь – муж А. П. Лопухиной, фаворитки Пав-

ла I; ген.-майор (1799), ген.-ад. (1799); дипломат, поэт I

Гагарина Анна Алексеевна (1722–1804), княжна – фрейлина великой княгини Екатерины Алексеевны, впоследствии жена графа Д. М. Матюшкина I

Гаев – в Финляндскую кампанию 1808–1809 капитан 24-го егерского полка I

Гаевский Виктор Павлович (1826–1888) – критик, историк литературы II

Гаевский Семен Федорович (1778–1862) – врач, доктор медицины и хирургии (1807), профессор Медико-хирургической академии (с 1808), ген.-штаб-доктор гражданской части (с 1831), почетный лейб-медик (1833) II

Гамалея Платон Яковлевич (1766–1817) – капитан-командор (1804), почетный член Петербургской академии наук (1801) I

Гаммер-Пургшталь Йозеф фон (1774–1856), барон – австрийский дипломат, востоковед II

Ганеман Антон Леонтьевич (1772–1806) – в 1803–1806 ротмистр Уланского цесаревича Константина Павловича полка I; II

Ганнеман – см.: Ганеман А. Л.

Ганнибал Барка (247 или 246 – 183 до н. э.) –

карфагенский полководец и гос. деятель I; II

Гарнерен Андре-Жак (1769–1823) – французский воздухоплаватель, первый в мире парашютист I; II

Гассе – петербургский врач; возможно, Иван Иванович Гассе – доктор в Петербургской губернской гимназии I

Гассе Александр – сын дерптского знакомого Булгарина Ф. Гассе I; II

Гаугвиц Христиан Август (1752–1832) – прусский гос. деятель I; II

Гегель Георг-Вильгельм-Фридрих (1770–1831) – немецкий философ I

Гедеонов Александр Михайлович (1791–1867) – директор императорских санкт-петербургских театров (1833–1847), затем директор театров обеих столиц (1847–1858), обер-гофмейстер (1858) I; II

Гедеонов Степан Александрович (1816–1878) – драматург, историк; директор императорских театров (1867–1875), гофмейстер (1866) II

Гедимин (ок. 1275 – 1341) – великий князь литовский (с 1316) I; II

Геерен Арнольд Герман Людвиг

(1760–1842) – немецкий историк, почетный член Петербургской академии наук (1826); профессор философии и истории в Гёттингенском университете II

Гейнрих, принц Прусский – см.: Фридрих Генрих Карл, принц Прусский

Гельмшиерна Клас Леонард (1742–1810) – шведский адмирал, участник Русско-шведской войны 1808–1809 I

Генде – французский унтер-офицер из 10♦го гусарского полка I

Генсьен Петр Иванович (ок. 1795 – ок. 1815) – юнкер Иркутского гусарского полка II

Геннинг Иван Яковлевич (1758–1831) – врач, гоф-хирург при Высочайшем дворе (с 1796), причислен к Кабинету его величества (в 1797) II

Георг II (1683–1760) – король Великобритании (с 1727) I

Георг Вильгельм Брауншвейг-Люнебургский (1624–1705) – князь Брауншвейг-Люнебурга (с 1665) I

Гераков Гавриил Васильевич (Гераки; 1775–1838) – педагог и писатель, автор исторических сочинений; учитель истории в Сухо-

путном шляхетском кадетском корпусе (1797–1809) I; II

Герике Иван Христович (1760 – ?) – командир Великолуцкого мушкетерского полка (1804–1811), в Финляндскую кампанию 1808–1809 майор, затем подполковник (1808), полковник (1814), плац-майор Свеаборгской крепости и г. Гельсингфорса (1814) I

Герман Иван Иванович (1740–1801) – ген.-лейтенант (1797), ген. от инфантерии (1799) I; II

Герман Иван Филиппович (Бенедикт Иоганн Франц фон; 1755–1815) – минералог. На русской службе с 1782; член Петербургской академии наук (1790) I; II

Герман Карл Федорович (Карл Готлоб Мельхиор; 1767–1838) – статистик, историк, экономист. В России с 1795, преподавал в Сухопутном шляхетском (Первом) кадетском корпусе; профессор по кафедре статистики петербургского Педагогического института (с 1819 – университета; 1806–1821), член Петербургской академии наук (1836) I; II

Германик Юлий Цезарь Клавдиан (15 до н. э. – 19 н. э.) – римский военачальник, консул I;

П

Гермес Богдан Андреевич (1755–1839) – тобольский (с 1801) и пермский (с 1806) губернатор, сенатор (1817) II

Геррес Йоханн Йозеф фон (1776–1848) – немецкий писатель, редактор антинаполеоновской газеты «Рейнский Меркурий» (1814–1816) I

Герсдорф – минский адвокат I

Геслер Иван Федорович – обер-гардеробмейстер (придворный смотритель за платьем царских особ) Павла I, затем камердинер великого князя Александра Павловича I

Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) – немецкий поэт, драматург, гос. деятель I; II

Гиленбегель – шведский полковник, участник Русско-шведской войны 1808–1809 I

Гинц Лев Иванович – ротмистр, управляющий инспекторской канцелярией у великого князя Константина Павловича I

Гирс Александр Карлович (1785–1859) – участник войн с наполеоновской Францией, в 1810 подпоручик Финляндского драгунского полка; позднее полковник, ген.-майор (1852), инспектор пограничной стражи I

Гласков – в Финляндскую кампанию 1808–1809 майор (23-го егерского полка?) I

Глинка Федор Николаевич (1786–1880) – поэт, публицист, прозаик; декабрист I; II

Гнедич Николай Иванович (1784–1833) – поэт, прозаик, переводчик I; II

Гнейзенау – см.: *Нейдхардт фон Гнейзенау*
А. В. А.

Гогенлоге – см.: *Гогенлоэ-Кирхберг Ф. В.*

Гогенлоэ-Ингельфинген Фридрих Людвиг (1746–1818), князь – прусский ген. от инфантерии I

Гогенлоэ-Кирхберг Фридрих Виллиам (1732–1796), князь – австрийский фельдцейхмейстер II

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – писатель II

Годой Э. – см.: *Годой М.*

Годой Мануэль (1767–1851), маркиз Альварес де Фариа (1792), герцог Алькудиа (1792), князь де ла Пас (1795) – первый министр Испании (1792–1798), генералиссимус сухопутных и морских сил (1801). Друг короля Карла IV, фаворит королевы Марии-Луизы I; II

Гозий Станислав (лат. *Nosius Stanislaus*;

1504–1579) – теолог, кардинал (1561); поддерживал контакты с Эразмом Роттердамским II

Гозиус – см.: Гозий С.

Голдсмит Оливер (1730–1774) – английский писатель II

Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), граф (1811), светлейший князь Смоленский (1812) – полководец, ген.-фельдмаршал (авг. 1812); ген.-директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1794–1797; петербургский военный губернатор (1801–1802) I; II

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843), граф (1832) – ген.-майор (1800), ген.-ад. (1810), обер-полицмейстер Петербурга (1810–1811), петербургский военный генерал-губернатор (1825–1830), генерал от кавалерии (1826) I

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767–1829) – куратор Московского университета (1798–1803), попечитель Московского учебного округа (1810–1816), член Российской академии (1803), сенатор (1805) I

Голешев – поручик Калужского мушкетерского полка I

Голиков Иван Иванович (1735–1801) – купец, историк-любитель II

Голицын Александр Михайлович (1718–1783), князь – ген.-аншеф (1759), ген.-фельдмаршал (1769); главнокомандующий 1ой армией (1768–1769) в Русско-турецкую войну (1768–1774) I; II

Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь – обер-прокурор Синода (1803–1817), министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824), член Гос. совета (1810), сенатор (1812) I; II

Голицын Андрей Михайлович (1792–1863), князь – тульский губернатор (1840–1846), белорусский генерал-губернатор (1846–1853) I

Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), князь, затем светлейший князь (1841) – ген.-лейтенант (1802), участник войн с наполеоновской Францией; в Финляндскую кампанию командовал Вазаским корпусом, вышел в отставку в 1809, возвратился в армию в авг. 1812; московский военный ген.-губернатор (1820–1844) I; II

Голицын Михаил Андреевич (1765–1812), князь – гофмейстер, камер-юнкер I

Голицын Михаил Михайлович (1793–1856), князь – ген.-майор (1841) I

Голицын Николай Михайлович (1790–1812), князь – штабс-капитан (1810), участник войны с наполеоновской Францией; во время Финляндской кампании 1808–1809 поручик, батальонный ад. 2♦го батальона лейб-гвардии Егерского полка (с 1807) I; II

Голицын Сергей Федорович (1749–1810) – ген. от инфантерии (1797), рижский ген.-губернатор и инспектор по инфантерии в Лифляндии (1801–1804) II

Головин Илья Иванович – в Финляндскую кампанию 1808–1809 корнет 10♦го эскадрона полковника А. И. Гудовича 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк, в 1812 поручик этого полка I

Головнин Василий Михайлович (1776–1831) – мореплаватель, путешественник, вице-адмирал, член-корреспондент Петербургской академии наук. В 1807–1813 начальник кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана» I; II

Голстейн-Ольденбургский Г. – см.: Петр Фридрих Георг Ольденбургский

Голубцов Федор Александрович (1758–1829) – министр финансов (1807–1810) I

Голяшкин – кронштадтский мещанин I

Гомер – легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается авторство «Илиады» и «Одиссеи» I; II

Гораин – родственник Онюховской I

Гораций (Квинт Гораций Флакк; 65–8 до н. э.) – древнеримский поэт II

Горголи Иван Саввич (1773, по другим данным, 1767 или 1770 – 1862) – ген.-лейтенант (1825), сенатор (1825); выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса; участник Русско-французской войны 1805–1807, обер-полицмейстер Петербурга (1811–1821) I; II

Горновский – домовладелец в Петербурге I

Горчаков Алексей Иванович (1769–1817), князь – ген.-лейтенант (1800), в 1807–1814 шеф Белозерского мушкетерского (с 1811 пехотного) полка, участник войн с наполеоновской Францией; ген. от инфантерии (1814), во время Финляндской кампании (1808–1809), до прибытия Н. М. Каменского, командир 17❖й

дивизии; военный министр (1812–1815) I

Горчаков Андрей Иванович (1779–1855), князь – ген.-лейтенант (1800), ген. от инфантерии (1819) I; II

Горчаков Дмитрий Петрович (1756–1824), князь – поэт, член Российской академии (1807) I

Госс – каноник кафедрального католического костела в Несвиже I

Готовцев Александр Кондратьевич – в 1803–1806 подполковник, командир роты в Первом кадетском корпусе; ген.-майор, шеф Смоленского кадетского корпуса (1813–1820) I

Гоувальт (Гоувальд) Ежи – поручик российской армии, сын Онуфрия Гоувальта, председателя Виленского гродского суда, и Франтишки Булгариной, сестры Ст. Булгарина I

Гоувальт (Гоувальд) Кристоф – капитан российской армии, брат Е. Гоувальта I

Гоувальт (Гоувальд) Северин – брат Е. Гоувальта I

Гофер Андреас (1767–1810) – командующий тирольскими войсками в борьбе с французами; был расстрелян по приказу Наполеона I

Грабовский Михал (1758–1822) – великий конюший литовский I

Грабовский Стефан (1767–1847) – один из руководителей польского восстания 1794; дивизионный ген. Царства Польского (1826), член Гос. совета Царства Польского (с 1832) I; II

Грамотин – см.: Васильев М.

Грейг Самуил Карлович (Сэмюэль; 1736–1788) – адмирал (1782); в 1764 перешел на русскую службу из английского флота в чине капитана 1♦го ранга. В Чесменском бою (1770) командовал отрядом кораблей, уничтоживших турецкий флот I

Грессе Жан-Батист-Луи (1709–1777) – французский поэт и драматург II

Греф – домовладелец в Петербурге (возможно, Федор Богданович Грефе (1780–1851) – академик Петербургской академии наук и заслуженный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре греческой словесности) I; II

Греч – дядя Н. И. Греча по отцу II

Греч Александр Иванович (1789–1812) – по-ручик, брат Н. И. Греча II

Греч Алексей Николаевич (1814–1850) – журналист, сын Н. И. Греча. В конце 1830-х и в 1840-х выполнял функции секретаря редакции «Северной пчелы» II

Греч Иван Иванович (1754–1803) – обер-секретарь Сената (1798–1800), отец Н. И. Греча II

Греч Иван Михайлович (1709–1760) – педагог, дед Н. И. Греча II

Греч Катерина Яковлевна (урожд. Фрейгольд; 1769–1843) – мать Н. И. Греча II

Греч Михаил – прадед Н. И. Греча II

Греч Николай Иванович (1787–1867) – журналист, издатель, языковед, прозаик. Совместно с Булгариным редактор-издатель газеты «Северная пчела» (1825–1859) I; II

Греч Николай Николаевич (1820–1837) – студент Петербургского университета, сын Н. И. Греча II

Грибоедов Александр Сергеевич (1790, по другим данным, 1795 – 1829) – драматург, поэт, дипломат I; II

Грибоедов Федор Акимович (Иоакимович; ок. 1610 – 1673) – думный дьяк Казанского дворцового и Разрядного приказов, член ко-

миссии, подготовившей Соборное уложение 1649 II

Грипенберг Ханс Хенрик (1754–1813) – шведский ген.-майор I; II

Грот Яков Карлович (1812–1893) – филолог, историк шведской и финской литератур; профессор русского языка и словесности в Александровском (Гельсингфорсском) университете (1841–1852) I; II

Гротгус Яков Васильевич (? – 1813), барон – в Финляндскую кампанию 1808–1809 штаб-ротмистр Гродненского гусарского полка, позднее подполковник (1813) I

Грузинский Георгий Александрович (1762–1852), князь – действительный камергер, владелец села Лысково в Нижегородской губернии, предводитель дворянства Нижегородской губернии (1794–1797, 1807–1830) I; II

Грузинцев Александр Николаевич (ок. 1779 – ок. 1820) – поэт, драматург; помощник члена по репертуарной части Дирекции императорских зрелищ и музыки (1810) I; II

Губер Эдуард Иванович (1814–1847) – поэт и переводчик II

Гудович Андрей Васильевич (1731–1808) –

ген. от инфантерии (1796) I; II

Гудович Андрей Иванович (1781, по другим данным, 1782 – 1869), граф – полковник (1801), с 1803 в Уланском цесаревича Константина Павловича полку, ген.-майор (1812); сын И. В. Гудовича; предводитель дворянства Московской губернии (1832–1841) I; II

Гудович Иван Васильевич (1741–1820), граф (1797) – ген. от инфантерии (1796), ген.-фельд-маршал (1807), главнокомандующий войсками в Грузии и Дагестане (1806–1809); в 1809–1812 – главнокомандующий в Москве. Брат А. В. Гудовича, отец А. И. Гудовича I; II

Гудович Михаил Васильевич (1784–1868), граф – участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809; корнет (с дек. 1808 поручик) 6-го эскадрона 2-го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; в дек. 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк; позднее ген.-майор (1827). Племянник А. В. и И. В. Гудовичей I

Гуляев Иван Гаврилович – актер и певец I; II

Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825), граф (1819) – министр уделов

(1806–1825), министр финансов (1810–1823), член Гос. совета (1810) I; II

Гурьев Семен Емельянович (1766–1813) – математик и механик. Член Петербургской академии наук (1798) I

Густав I Ваза (1796–1560) – король Швеции (с 1523) II

Густав II Адольф (1594–1632) – король Швеции с 1611, прославился как полководец, изменивший методы ведения войны I; II

Густав III (1746–1792) – король Швеции (с 1771) I; II

Густав IV Адольф (1778–1837) – король Швеции (1792–1809) I; II

Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский поэт, романист, драматург I; II

Даву Луи Николя (1770–1823), герцог Ауэрштедтский (1806), князь Экмюльский (1809) – маршал Франции (1804) I; II

Давыдов Гавриил Иванович (1784–1809) – лейтенант флота. Состоял на службе в Российско-Американской компании; исследователь Русской Америки, Курильских островов и острова Сахалин, автор записок «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хво-

стова и Давыдова, писанное сим последним» (В 2 ч. СПб., 1810–1812) I; II

Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) – ген.-лейтенант (1831), партизан, поэт, военно-исторический писатель; участник войн с наполеоновской Францией; во время Финляндской кампании 1808–1809, будучи поручиком Лейб-гусарского полка, находился в составе авангарда Я. П. Кульнева, участвовал в Аландской экспедиции I; II

Давыдовский Яков Яковлевич (1758–1806) – полковник (1800); шеф 1го егерского полка (с 1802) I

Дальберг Карл-Теодор фон (1744–1817), князь-примас – курфюрст Майнцский и эрцканцлер I

Дамá Франсуа-Этьен де (1764–1828) – французский бригадный ген. II

Дамас – см.: Дамá Ф.-Э. де

Данилевский – см.: Михайловский-Данилевский А. И.

Данилова Мария Ивановна (наст. фамилия Перфильева; 1793–1810) – танцовщица, ученица Ш. Дидло и Е. И. Колосовой I II

Даргиц – вдова Даргица, помещица I

Даргиц – прусский майор I

Даргиц Альбертина – дочь Даргица I

Даргиц Леопольдина – дочь Даргица I

Дарю Пьер-Антуан-Ноэль-Матье-Брюно

(1767–1829), граф (1809), пэр Франции (1819) – ген.-квартирмейстер французской армии в Пруссии (1806) и в Австрии (1809). Ген.-интендант французской армии во время похода в Россию (1812). Премьер-министр Франции в период Ста дней I

Дашкевич Юзеф (Иосиф; Корибут-Дашкевич) – помещик в Минской губернии I II

Дашков Дмитрий Васильевич (1788–1839) – литератор, один из основателей литературного общества «Арзамас»; министр юстиции (1832–1839) II

Дёбельн Георг Карл фон (1758–1820), барон (1809) – шведский генерал I II

Девлет IV Герай (1730–1780) – крымский хан (1769–1770, 1775–1777) I II

Деволант – см.: Волан Ф. П. де

Делавинь Казимир Жан Франсуа (1793–1843) – французский поэт и драматург II

Делапорта – итальянцы, два брата, содержатели трактира в Кронштадте I

Дельви́г Анто́н Анто́нович (1798–1831), барон – поэт, издатель альманаха «Северные цветы» (1825–1831) и «Литературной газеты» (1830–1831) II

Деманж Жан Франсуа (1789 – ?) – французский ориенталист, профессор кафедры арабского языка в петербургском Главном педагогическом институте (1817–1819), Петербургском университете (1819–1822), затем по 1840 преподаватель в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте II

Дембовский – корнет Уланского цесаревича Константина Павловича полка; был ранен в 1805 в сражении при Аустерлице; позднее служил в армии Герцогства Варшавского, подполковник (1809) I

Демидов Николай Иванович (1773–1833) – во время Финляндской кампании ген.-майор (1803), шеф Петровского пехотного полка, командовал сводным отрядом в битвах при Вазе и Оровайсе (1808), защищал Аландские острова (1809); впоследствии ген. от инфантерии (1828) I II

Демидов Павел Григорьевич (1738–1821) – ученый-минералог, основатель ярославского

Демидовского лица I

Демут Е. Ф. – см.: Тиран Е. Ф.

Демут Филипп Яков (1750–1802) – купец, впоследствии коллежский асессор и директор Заемного банка в Петербурге; основатель гостиницы в Петербурге I II

Денисов Федор Петрович (1738–1803), граф (1799) – ген. от кавалерии (1798), наказной атаман Войска Донского I

Депрерадович Николай Иванович (1767–1843) – ген.-майор (1803), командир Кавалергардского полка (1803–1810); впоследствии ген.-ад. (1819), ген. от кавалерии (1826) I

Державин Гавриил Романович (1743–1816) – поэт, сенатор (1793), министр юстиции (1802–1893) I II

Дерон – француз, управитель дома у М. Валицкого I

Дерфельден Вилим Христофорович (Вильгельм; 1735–1819) – ген.-аншеф (1795), сподвижник А. В. Суворова во время европейских походов I

Дершау Федор Карлович (1821 – не ранее 1862) – писатель, журналист, издатель-редактор журнала «Финский вестник» II

Десе – см.: Дессе Ж. М.

Де-Симон Франц Егорович (1773–1818) – в русской службе поручик с 1789; с 1803 – ротмистр Уланского цесаревича Константина Павловича полка; с 1807 плац-ад. коменданта Киевского гарнизона, с 1814 преподаватель в Пажеском корпусе, подполковник (1816) I

Дессе Жозеф Мари (1764–1834), граф империи (1810) – французский дивизионный генерал (1809) I

Дзамбони Луиджи (1767–1837) – итальянский певец (комический бас). Выступал в России в 1802–1805 и с перерывами в 1811–1830 I

Дибич Иван Иванович (Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич; Дибич-Забалканский; 1785–1831), барон, граф (с 1827) – с 1810 в Свите императора по квартирмейстерской части, начальник штаба 1ой армии (1814–1823); член Гос. совета (1823), начальник Главного штаба с 1824, ген.-фельдмаршал (1829), главнокомандующий действующей армией во время Русско-турецкой войны (с 1829), главнокомандующий действующей армией в Польше (1831) I; II

Дидло Шарль Луи Фредерик (1767–1837) –

французский танцовщик и балетмейстер. В России служил в 1801–1811 и с 1816 до кончины I; II

Диоген Синопский (ок. 412 – 323 до н. э.) – древнегреческий философ, сторонник отказа от излишних потребностей и от общепринятых условностей в социальном общении I

Дитрихс (Дитерихс; Дидерикс) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 майор, командир понтонной роты I

Дитрихштейн Франц Иосиф фон (1767–1854), князь цу Никольсбург, граф Проскау и Лесли – немецкий генерал; обер-гофмейстер и управитель герцогства Рейхштадтского (1815) I

Дмитревский Иван Афанасьевич (наст. фамилия Дьяконов-Нарыков; 1734–1821) – актер, драматург, переводчик, педагог I; II

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт; сенатор (1806), член Гос. совета (1810), министр юстиции (1810–1814). Булгарин написал ему некролог (Северная пчела. 1837. № 267, 268) I; II

Дмитрий Иванович (1350–1389), прозванный Донским за победу в Куликовской бит-

ве – князь Московский (с 1359) и великий князь Владимирский (с 1363) II

Дмитрий Самозванец – именование правившего на Руси (1605–1606) самозванца, выдававшего себя за сына Ивана Грозного Дмитрия I; II

Дмушевский Людвик Адам (1777–1847) – польский драматург, журналист, актер Театра Народового с 1800 I; II

Долгоруков Василий Юрьевич (1776–1810), князь – ген.-майор (1801), шеф Черниговского мушкетерского полка (с 1802), ген.-ад. (1807) I

Долгоруков Иван Михайлович (1764–1823), князь – поэт, драматург, мемуарист I; II

Долгоруков Михаил Петрович (1780–1808), князь – флигель-ад. (1801), ген.-майор (1807), ген.-ад. (1807), шеф Курляндского драгунского полка (1807–1808), ген.-лейтенант (1808). Младший брат П. П. Долгорукова I; II

Долгоруков Петр Петрович (1777–1806), князь – ген.-майор (1798), ген.-ад. (1798) I; II

Домбровский Ксаверий Иосифович – ген.-майор (1797), ген.-лейтенант (1799) русской кавалерии, шеф Конного польского полка (1798–1799) I

Домбровский Ян Хенрик (1755–1818) – польский ген., дивизионный ген. французской армии; участник восстания Костюшко. После 3-го раздела Польши (1795) эмигрировал во Францию, в 1797 сформировал польские легионы в Италии, командуя которыми участвовал в войнах Франции против коалиции европейских держав в Италии. В 1812 участвовал в походе Наполеона в Россию. После создания Царства Польского в составе России (1815) был членом Польского военного комитета, участвовал в организации польской армии, получил чин ген. от кавалерии русской армии (1815), сенатор в Царстве Польском I; II

Дорохов Иван Семенович (1762–1815) – ген.-майор (1803), ген.-лейтенант (1812) I

д’Оссон Мураджа (Челепи Игнатиос Мураджаян; 1740–1807) – чрезвычайный и полномочный представитель и посланник Швеции в Османской империи (с 1795) II

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759–1816) – ген.-лейтенант (1799), ген. от инфантерии (1810) I; II

Драголевский Мартын Степанович (1778 – ?) – из польских шляхтичей; поступил юнке-

ром в 1802 в лейб-гвардии Конный полк, с авг. 1806 корнет 6♦го эскадрона 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка, с которым участвовал во многих сражениях, в том числе под Фридландом, в Финляндской кампании 1808–1809; в авг. 1809 переведен в Кронштадтский гарнизонный полк с переименованием прапорщиком, а оттуда в янв. 1811 в 47♦й егерский полк, в дек. 1811 по болезни уволен от службы I; II

Древич Иван Григорьевич (Иоганн фон Древиц; 1733–1783) – полковник, ген.-майор (1777), получил известность жестокостью в борьбе с участниками Барской конфедерации в 1768–1772 I; II

Древновский – белорусский дворянин, петербургский домовладелец (возможно, Виктор Иванович Древновский (ок. 1750 – ?)) I

Дрентельн – в 1802–1805 кадет Первого кадетского корпуса I

Дружинин Александр Васильевич (1824–1864) – писатель, переводчик, литературный критик II

Дружинин Яков Александрович (1771–1849) – директор канцелярии министра

финансов (с 1811), директор Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов (с 1830) I

Дука Илья Михайлович (1768–1830), барон – полковник (1799), ген.-майор (1807), ген.-лейтенант (1813), ген. от кавалерии (1826) I

Дункер Иоаким Закариас (1774–1809) – командир шведского саволакского партизанского отряда во время Русско-шведской войны 1808–1809, за отличие в битве при Пулккилла был произведен в майоры (май 1808), а за успешные действия в провинции Вестерботтен – в подполковники (1809), в битве под Гернефорсом 5 июля 1809 получил смертельное ранение I

Духовницкий Прокофий Михайлович (? – 1812) – правитель ген.-прокурорской канцелярии (с 1798) II

Дюваль Франсуа-Жан-Андре (1776–1854) – петербургский ювелир, придворный ювелир императрицы Марии Федоровны в 1803–1816 I

Дюге Никола Гийом – французский певец, баритон; актер французской труппы комической оперы в Петербурге (1773–1781) I

Дюкре-Дюминиль Франсуа Гийом

(1761–1819) – французский писатель, автор популярных сентиментально-моралистических романов с элементами романа тайн I; II

Дюма Александр (1802–1870) – французский прозаик, драматург и журналист I; II

Дюмурье Шарль Франсуа (1739–1823) – французский ген., главнокомандующий северной армией (в 1792) II

Дюпон де л'Этан Пьер-Антуан (1765–1840), граф (1808) – дивизионный ген. (1797); впоследствии военный министр правительства Людовика XVIII (1814) I; II

Дюпор Луи Франсуа (1786–1853) – французский танцовщик и балетмейстер. В Петербурге выступал в 1808–1812 I; II

Дюрок Жерар Кристоф Мишель (1772–1813), герцог Фриульский (1808) – французский дивизионный ген., первый ад. и постоянный спутник Наполеона, гранд-маршал (обер-гофмаршал) императорского двора (с 1805) I; II

Дюшенуа Катрин Жозефин Рафен (1777–1835) – французская трагическая актриса I; II

Евгений, принц Вюртембергский (1788–1857) – племянник императрицы Ма-

рии Федоровны (жены Павла I), на российской службе с 1797, ген. от инфантерии (1814) I; II

Егоров Алексей Егорович (1776–1851) – исторический живописец, член Академии художеств (1800) I

Эзоп – см: Эзоп

Екатерина I (урожд. Марта Самуиловна Скавронская; в первом браке Крузе; после перехода в православие Екатерина Алексеевна Михайлова; 1684–1827) – вторая жена Петра I (официально с 1721), правила страной с 1725 I; II

Екатерина II Алексеевна (1729–1796) – российская императрица (с 1762) I; II

Екатерина Алексеевна, великая княгиня – см.: Екатерина II

Екатерина Павловна, великая княгиня (1788–1818) – дочь Павла I; в первом браке принцесса Ольденбургская (1809–1812), во втором – королева Вюртемберга (1816–1819) I; II

Елагин Иван Перфильевич (1725–1794) – обер-гофмейстер, директор императорских театров (1766–1779), поэт II

Елизавета Петровна (1709–1761) – российская императрица (с 1741) I; II

Ермолаев Александр Иванович (1779–1828) – нумизмат, палеограф, хранитель рукописей Императорской публичной библиотеки I; II

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – полковник (1806), в 1806–1807 командовал конно-артиллерийскими ротами, ген.-майор (1808), ген.-лейтенант (1812), с 1816 командир Отдельного Грузинского (позднее – Кавказского) корпуса, с 1819 также главнокомандующий в Грузии, ген. от инфантерии (1818), ген. от артиллерии (1837). С 1827 в отставке. Член Гос. совета (1831) I; II

Ершов Петр Иванович (? – 1811) – ген.-майор (1807); шеф Тенгинского мушкетерского полка (1804–1810) I

Жаке Николай Николаевич (Жаке 2♦й; 1780 – ?), ротмистр, взявший 8 пленных в 1812 году под Витебском и награжденный золотым оружием «За храбрость» I

Жандр Александр Андреевич (1776–1830) – ротмистр, ад. великого князя Константина Павловича; впоследствии ген.-майор (1813), ген.-лейтенант (1826) I

Жандр Андрей Андреевич (1789–1873) – драматург. Правитель канцелярии военно-счетной экспедиции (1819–1827), начальник отделения Артиллерийского департамента Военного министерства (1827–1828), начальник отделения канцелярии начальника Морского штаба (1828–1833), директор канцелярии Морского министерства (1836–1853), сенатор (1853). Поддерживал дружеские отношения с Булгариным и бывал у него дома II

Жанлис (Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис; 1746–1830) – французская писательница, автор сентиментальных и нравоучительных романов, пользовавшихся широкой популярностью I; II

Жебелев ? Иванович – младший брат Г. И. Жебелева I

Жебелев Григорий Иванович (1766–1857) – артист императорских театров I

Жегулин Николай Семенович (? – 1807) – подполковник; командир Польского конного полка (1800–1807) I

Железников Петр Семенович (1770 – после 1810) – майор, учитель русского языка и литературы в Сухопутном шляхетском кадетском

корпусе; писатель, переводчик, составитель литературной хрестоматии «Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого кадетского корпуса» (В 4 ч. СПб., 1800–1804). В 1807 вышел в отставку I; II

Жеребцов Николай Иванович (1785 или 1786 – 1813) – корнет Уланского цесаревича Константина Павловича полка (с 1806), в Финляндскую кампанию 1808–1809 поручик 2-го батальона этого полка, в 1811 – штабс-ротмистр I

Жигулин – см.: Жегулин Н. С.

Жильбер Николя-Жозеф-Лоран (1751–1780) – французский поэт-сатирик I; II

Жозефина Мария Роза (в первом браке Богарнэ; 1763–1814) – императрица Франции, первая жена Наполеона (1796–1809) I

Жоке – см.: Жаке Н. Н.

Жомини Антуан-Анри (1779–1869), барон (1807) – бригадный ген. французской армии (1808); перешел в русскую службу в 1813 с чином ген.-лейтенанта и званием ген.-ад.; ген. от инфантерии (1826) I; II

Жорж Маргерит Жозефин (наст. фамилия Веймер; 1787–1867) – французская трагиче-

ская актриса; в 1808–1812 выступала в Петербурге и Москве I; II

Жуан де Браганса (1767–1826) – наследный принц португальский, будущий (с 1816) король Соединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарве (под именем Жуан VI) I; II

Жуи Виктор-Жозеф Этьен де (1764–1846) – французский писатель II

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – поэт. Булгарин был знаком с ним и состоял в переписке, написал ему некролог (Северная пчела. 1852. № 93) I; II

Жулковский Алоизий Фортунат Гонзаго (1777–1822) – польский актер Театра Народового в Варшаве (с 1798) I; II

Жюно Жан Андош (1771–1813), граф д'Абрантес (1809) – французский ген.-полковник гусар (1804), французский ген.-губернатор Португалии (1808) I; II

Завадовская Вера Николаевна (урожд. Апраксина; 1768–1845), графиня – фрейлина, жена П. В. Завадовского I

Завадовский Петр Васильевич (1738–1812), граф (1797) – сенатор (1780), министр народного просвещения (1802–1810), председатель Де-

партамента законов Гос. совета (с 1810) I; II

Завиша Казимир (1750 – после 1798) – ген.-майор польских, с 1793 – российских войск; владелец местечка Узда Минского повета Минского воеводства I

Завьялов – унтер-офицер Уланского цесаревича Константина Павловича полка I

Загорский Петр Андреевич (1764–1846) – физиолог, экстраординарный академик Петербургской академии наук (1807) I

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852) – исторический романист и комедиограф II

Заикин Иван Иванович – книготорговец, издатель II

Заикин Матвей Иванович (? – 1854) – книготорговец, издатель II

Зайончек Юзеф (1752–1826), князь (1818) – ген.-лейтенант польской армии (1794), активный участник восстания 1794. Дивизионный ген. французской армии (1802); в 1812 при переправе через Березину был взят в плен русской армией. Ген. от инфантерии русской армии (1815), первый наместник Царства Польского (1815–1826) I

Закревский Арсений Андреевич (1783, по

другим данным, 1786 – 1865), граф (1830) – участник войн с наполеоновской Францией, ад. графа Н. М. Каменского (с 1805), позднее – ген.-ад. (1813), ген.-лейтенант (1821); финляндский ген.-губернатор, министр внутренних дел (1828–1831), московский военный ген.-губернатор (1848–1859), член Гос. совета (1828) I; II

Закржевский Игнаций (1745–1802) – президент Варшавского городского совета и глава Временного совета в период Польского восстания 1794 I

Залуская Гонората (урожд. Стемпковская; ок. 1750 – 1819) – жена (1784–1794) графа Теофила Залуского, затем жена (с 1794) И. А. Игельстрома I; II

Замбони – см.: Дзамбони Л.

Замойский Анджей Иероним (1716–1792) – великий канцлер коронный Речи Посполитой (1764–1767) I; II

Занд Карл Людвиг (1795–1820) – студент Йенского университета I

Занфтлебен – петербургский домовладелец I; II

Захаров Яков Дмитриевич (1765–1836) – хи-

мик, член Петербургской академии наук (1798) I

Зейдлиц Фридрих Вильгельм фон (1721–1773), барон – прусский ген., командующий кавалерией в армии Фридриха Великого. Участник Семилетней войны I; II

Зейме Иоганн Готфрид (1763–1810) – немецкий прозаик, публицист и поэт I; II

Зеленка Петр (? – 1816) – с 1796 подпрапорщик в Низовском пехотном (затем мушкетерском) полку (с 1800 прапорщик, с сент. 1801 полковой ад., с 1804 поручик, с 1805 штаб-капитан), в составе которого принимал участие в Финляндской кампании 1808–1809; в 1809 переведен в Гангутский гарнизонный батальон, с 1811 в Брянском пехотном полку, с 1812 капитан, за ранами уволен майором в янв. 1815; определен смотрителем Витебского военно-сиротского отделения в окт. 1815, в июле 1816 за беспорядки в отделении был арестован и во время следствия умер I

Зеленков Петр Семенович – портной, впоследствии купец 1[♦]й гильдии, акционер Российско-Американской компании I; II

Зеленский Феодосий Григорьевич (1771 – ?) –

служил в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе с 1799, штаб-лекарь с 1802; см. воспоминания о нем в «Кадетском монастыре» Н. С. Лескова I

Зотов Рафаил Михайлович (1795–1871) – драматург, романист, театральный деятель и критик II

Зубов Валериан Александрович (1771–1804), граф (1793) – ген.-аншеф и ген.-ад. (1796), ген. от инфантерии (1800); участник подавления Польского восстания 1794, главнокомандующий во время Персидского похода (1796). Брат П. А. Зубова I; II

Зубов Платон Александрович (1767–1822), светлейший князь (1796) – фаворит Екатерины II; ген.-ад. (1792), ген. от инфантерии (1800); директор Первого кадетского корпуса (нояб. 1800 – февр. 1801), с февр. 1801 по 1822 – его шеф. Член Гос. совета (1801) I; II

Зубова М. Ф. – см.: Потоцкая М. Ф.

Зюдерманландский герцог – см.: Карл XIII

Зябловский Евдоким Филиппович (1764–1846) – географ, статистик; ректор Петербургского университета (1821–1825), декан историко-филологического факультета

(1828–1833) II

Иван IV Грозный (1530–1584) – великий князь Московский и всея Руси (с 1533); царь всея Руси (с 1547) I; II

Иван VI (Иоанн Антонович; 1740–1764) – российский император (1740–1741). Царствовал первый год своей жизни при регентстве Бирона, а потом своей матери Анны Леопольдовны; был свергнут Елизаветой Петровной и провел остальную жизнь в заключении I; II

Иваницкий Борис Иванович (1777–1853) – преподаватель грамматики, риторики и нравственной философии в Юнкерской школе при Сенате (1799–1805) II

Иванов Николай Алексеевич (1811–1869) – историк. Помогал Булгарину в работе над книгой «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» (СПб., 1837). Профессор русской и всеобщей истории в Казанском университете (1839–1855), профессор русской истории в Дерптском университете (1856–1859) II

Игельстром Иосиф Андреевич (Отто Генрих; 1737–1817), барон, граф (с 1792) – ген. от инфантерии (1796); участник Русско-турецкой

(1768–1774) и Русско-шведской (1788–1790) войн, оренбургский ген.-губернатор (1796–1798) I; II

Иене (Эне) – берейтор императора Александра I

Иероним (в миру Иван Степанович Фармаковский; 1732–1783) – епископ Владимирский и Муромский (1780–1783) II

Измайлов Александр Ефимович (1779–1831) – баснописец, прозаик, издатель I; II

Измайлов Ефим Федорович (1749–1814) – отец А. Е. Измайлова II

Иконина Мария Николаевна (Никоновна; 1788–1866) – танцовщица, ученица Ш. Дидло I; II

Илинская (Иллинская) Элеонора Антонина (1770 – ?), графиня – жена сенатора А. И. Илинского I

Илинский (Иллинский) Август Иванович (Юзеф Август; 1763–1844), граф (1792) – ген.-инспектор польской кавалерии, после третьего раздела Польши на русской службе – камергер, тайный советник, сенатор (1797) I; II

Иллер Николай Иванович (1747 – ?) – учи-

тель французского языка в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе (с 1770) I

Иловайский Григорий Дмитриевич (Иловайский 9♦й; 1778–1847) – полковник (1810), ген.-майор (1813) I

Иловайский Иван Дмитриевич (Иловайский 4♦й; 1767 – после 1827) – полковник (1797), ген.-майор (1799) I; II

Ильин Дмитрий Сергеевич (1738–1803) – лейтенант флота, герой Чесменского морского сражения, впоследствии капитан 1♦го ранга I; II

Ильин Павел Тимофеевич – соученик Булгарина по кадетскому корпусу, в Финляндскую кампанию 1808–1809 поручик 10♦го эскадрона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк I; II

Ильина Александра – дочь Д. С. Ильина I; II

Ильина Екатерина – дочь Д. С. Ильина I; II

Инглис Петр Александрович (? – 1855) – соученик Булгарина по кадетскому корпусу (поступил в 1794), выпущен прапорщиком в февр. 1805 в Екатеринославский гренадерский полк, подпоручик (1805), переведен во

2♦й кадетский корпус в 1806 и далее служил там, полковник (1832), в 1844, будучи наставником-наблюдателем и преподавателем артиллерии и физики, по болезни вышел в отставку в чине ген.-майора I

Инфантадо Педро де Алькантаро Альварес де Толедо (1768–1841) – испанский гос. деятель; фельдмаршал (1795). Один из активных участников заговора 1807 с целью возвести на престол принца Фердинанда, за что был лишен воинского звания и выслан I

Иоанн Антонович – см.: Иван VI

Иоанн (Ян) II Альбрехт (1459–1501) – король польский с 1492 I

Иоганн I фон Лихтенштейн (1760–1836) – князь Лихтенштейна с 1805; австрийский кавалерийский ген. I; II

Иоселевич Берко (1764–1809) – полковник (1794), участник восстания под руководством Т. Костюшко и наполеоновских войн I

Иосель – маковицкий корчмарь I

Искиердо Эухенио (1745–1813) – испанский ученый и дипломат I

Искрицкая А. С. – см.: Булгарина А. С.

Искрицкий Александр Александрович

(1806–1867) – сын А. М. Искрицкого и А. С. Искрицкой; ген.-майор (1848) I; II

Искрицкий Александр Михайлович
(1782–1843) – чиновник 3♦го департамента Сената; в 1800 коллежский асессор, при отставке в 1830 – действительный статский советник; муж сестры Булгарина Антонины, отец Д. А. Искрицкого I; II

Искрицкий Демьян Александрович
(1803–1831) – сын А. М. Искрицкого и А. С. Искрицкой; подпоручик (1825) Гвардейского генерального штаба, декабрист; был арестован, просидел шесть месяцев в крепости, потом переведен в Оренбургский гарнизон, затем на Кавказ, где принимал участие в Русско-турецкой войне 1828–1829 и в 1831 умер I; II

Истомина Авдотья Ильинична
(1799–1848) – танцовщица I; II

Йоркский герцог – см.: Фредерик, герцог Йоркский

Кабри – жена Ж. Кабри I; II

Кабри Жозеф (Иван) – французский матрос, привезенный в Россию экспедицией И. Ф. Крузенштерна; в 1808–1810 учитель Штурманского училища в Кронштадте I; II

Кажинский Виктор Матвеевич (1812–1867) – польский скрипач, дирижер, композитор, с 1845 капельмейстер Александринского театра в Петербурге. Булгарин был дружен с В. М. Кажинским, неоднократно писал о нем в своих газетных статьях I; II

Кажинский Матей (Матвей; 1767–1823) – виленский актер и антрепренер, отец В. М. Кажинского I

Казанова Джакомо Джироламо (1725–1798) – итальянский авантюрист, писатель и мемуарист I; II

Казачковский Кирилл Федорович (1760, по другим данным, 1759 – 1829) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 ген.-майор, командир сводных отрядов в сражениях при Куортане и Оровайсе, позднее ген.-лейтенант (1813) I; II

Казимир III Великий (1310–1370) – король Польши (с 1333) I; II

Казимир IV Ягеллончик (1427–1492) – великий князь литовский (с 1440) и король польский (с 1447) I; II

Кайданов Иван Кузьмич (1782–1843) – профессор Царскосельского лицея, автор учебников по истории I

Кайсаров Паусий Сергеевич (1783–1844) – правитель канцелярии М. И. Голенищева-Кутузова (1811–1812). Полковник (1811), ген.-майор (1812), ген.-лейтенант (1826), сенатор (1826), ген. от инфантерии (1833) II

Калинин Николай Игнатьевич (1762–1829) – петербургский почт-директор (1799–1819), сенатор (1819) I

Калмыков Дмитрий Семенович – петербургский купец, домовладелец I

Калькройт Фридрих Адольф фон (1737–1818) – прусский фельдмаршал, участник Семилетней войны и войн с наполеоновской Францией I; II

Каменский Михаил Федотович (1738–1809), граф (1797) – военачальник; ген.-майор (1768), ген.-поручик (1773), ген.-аншеф (1784), ген. от инфантерии (1796), ген.-фельдмаршал (1797). В Русско-прусско-французской войне 1806–1807 главнокомандующий русской армией, действовавшей против французов (нояб. 1806). Член Гос. совета (1806) I; II

Каменский Николай Михайлович (1776–1811), граф (1797) – генерал-майор (1799), шеф Архангелогородского мушкетерского

полка (с 1799); ген. от инфантерии (1809), в Финляндскую кампанию 1808–1809 командовал дивизией, затем корпусом; с 1810 главнокомандующий Дунайской армией в войне с Турцией. Сын М. Ф. Каменского I; II

Каминский – хозяин дома в Варшаве, в котором жил Ф. Булгарин II

Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772–1823), барон – государственный контролер (1811–1823), член Гос. совета (1811), сенатор (1811) I; II

Кандровский – улан Уланского цесаревича Константина Павловича полка I

Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг; 1774–1845), граф (1829) – ген. от инфантерии, министр финансов (1823–1844), член Гос. совета (1821); экономист, писатель I; II

Каннинг Джордж (1770–1827) – английский политический деятель, занимавший в разные годы посты премьер-министра и министра иностранных дел II

Капнист Василий Васильевич (1758–1823) – поэт и драматург I; II

Капостас Анджей (1757 – после 1796) – польский банкир, один из организаторов Вар-

шавского восстания 1794, вместе с другими руководителями восстания был отправлен в Петербург I

Капфиг Жан-Батист Оноре Раймон
(1801–1872) – французский историк и литератор I ; II

Карabanов Петр Матвеевич (1765–1829) – поэт, переводчик, член Российской академии (1803) I

Карамзин Николай Михайлович
(1766–1826) – писатель, поэт, историограф I; II

Каратыгин Александр Андреевич
(1800–1846) – чиновник при президенте Петербургской академии наук, секретарь министра народного просвещения С. С. Уварова; брат В. А. Каратыгина II

Каратыгин Андрей Васильевич
(1774–1826) – актер, отец Вас.А. Каратыгина II

Каратыгин Василий Андреевич
(1802–1853) – ведущий трагик Александринского театра I; II

Каратыгин Владимир Андреевич
(1803–1866) – чиновник; брат Вас.А. Каратыгина II

Каратыгин Петр Андреевич (1805–1879) –

комический актер и драматург, брат Вас.А.
Каратыгина I; II

Каратыгина Александра Дмитриевна
(урожд. Польшгалова; 1777–1859) – актриса,
мать Вас.А., Вл.А. и П. А. Каратыгиных I; II

Каратыгина Александра Михайловна
(урожд. Колосова; 1802–1880) – актриса, жена
Вас.А. Каратыгина II

Каратыгина Евгения Васильевна
(1828–1896) – дочь Вас.А. Каратыгина; жена В.
Е. фон дер Палена, во втором браке жена Е. А.
Тидеке II

Каратыгина Елизавета Андреевна
(1804–1883) – сестра Вас. А. Каратыгина, с 1826
жена Е. М. Семенова II

Карл III Бурбон (1716–1788) – король Испа-
нии (с 1759), отец Карла IV I; II

Карл III Филипп (1661–1742) – пфальцграф
Нойбурга, курфюрст Пфальца (с 1716); импер-
ский маршал (1696) I

Карл IV Бурбон (1748–1819) – король Испа-
нии (1788–1808) I; II

Карл V Габсбург (1500–1558) – король Испа-
нии (Кастилии и Арагона) под именем Карлос
I с 1516, король Германии с 1519 по 1556, им-

ператор Священной Римской империи (с 1519) I

Карл VIII (1470–1498) – король Франции с 1483, полководец II

Карл X (1757–1836) – король Франции (1824–1830) I

Карл X Густав (1622–1660) – король Швеции (с 1654) I; II

Карл XI (1655–1697) – король Швеции (с 1660) I; II

Карл XII (1682–1718) – король Швеции с 1697, полководец I; II

Карл XIII (1748–1818) – король Швеции с 1809 (до этого с 1772 – герцог Зюдерманландский) I; II

Карл Август (1757–1828) – герцог Саксен-Веймарский и Саксен-Эйзенахский с 1758, герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский с 1809 I; II

Карл Великий (Карл I; 742 или 747 или 748 – 814) – король франков (с 768) I

Карл Вильгельм Фердинанд (1735–1806) – герцог Брауншвейга с 1780; ген.-фельдмаршал Пруссии с 1787; главнокомандующий прусской армией и объединенными силами северогерманских государств во время антифран-

цузской военной кампании 1806. Был смертельно ранен в битве при Ауэрштедте I; II

Карл Людвиг Иоганн (1771–1847) – эрцгерцог Австрийский, герцог Тешенский, брат австрийского императора Франца I; полковник, ген.-фельдмаршал (1801), с 1805 военный министр Австрии I; II

Карл Филипп – см.: Карл III Филипп

Карлос Мария Исидра де Бурбон (1788–1808) – сын короля Испании Карла IV, брат Фердинанда VII I

Карлотта Жоакина де Бурбон (1775–1830) – дочь короля Испании Карла IV. Супруга (с 1790) наследного принца португальского (будущего короля Португалии Жуана VI) I; II

Карнеев (Корнеев) Захар Яковлевич (1748–1828) – минский гражданский губернатор (1797–1808), сенатор (1808), член Гос. совета (1810–1816), попечитель Харьковского учебного округа (1817–1822) I; II

Каро-и-Суреда Педро, маркиз де Ла Романа (1761–1811) – испанский ген.-лейтенант I

Карпенков Моисей Иванович (Карпенко; 1775–1854) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 подполковник, командовал 26♦м

егерским полком, отличился в ряде сражений (при Куортане, Куопио), участник ледового перехода через Ботнический залив; произведен в полковники в 1809; позднее ген.-лейтенант (1840) I

Карр Альфонс Жан-Батист (1808–1890) – французский прозаик и журналист II

Картанеев – см.: Карташев Д. П.

Карташев Дементий Петрович – иркутский городничий (1807–1813) I; II

Карташевский Григорий Иванович (1777–1840) – редакторский помощник в Комиссии составления законов (1807–1809); позднее попечитель Белорусского учебного округа (1829–1835), сенатор (1839) I; II

Картуш – см.: Бургиньон Л.-Д.

Каслри Роберт Стюарт (Castlereagh; 1769–1822), виконт – британский военный министр с 1805, министр иностранных дел (1812–1822) II

Кастлериг – см.: Каслри Р. С.

Катенин Павел Александрович (1792–1853) – поэт, критик, переводчик II

Катилина, Луций Сергий (ок. 108 – 62 до н. э.) – претор, предводитель заговора в Древнем

Риме; Цицерон произнес несколько разоблачающих его речей II

Катон Марк Порций Младший (95–46 до н. э.) – древнеримский политик и писатель, проповедовавший строгость нравов и борьбу с роскошью I; II

Кауслер Франц Георг Фридрих фон (1794–1848) – немецкий военный теоретик и историк II

Кахи – см.: Такадая Кахэй

Каховский Михаил Васильевич (1734–1800), граф (1797) – ген.-аншеф (1784) I; II

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк, литературный критик, журналист, ректор Московского университета (1837–1842) I; II

Квинт Курций – см.: Курций Руф, К.

Квитка Григорий Федорович (псевдоним Основьяненко; 1778–1843) – русский и украинский писатель II

Кегельхен Г. – см.: Кюгельген Ф. Г. фон

Кейт Яков Вилимович (Джеймс Фрэнсис Эдуард; 1696–1758) – шотландец; в 1728–1747 служил в русской армии, потом в прусской, ген.-фельдмаршал (1747) II

Келлерман Франсуа Кристоф (1735–1820), герцог де Вальми (1808) – маршал Франции (1804) I; II

Келлерман Франсуа Этьен (1770–1835), граф (1808), герцог де Вальми (1820) – французский дивизионный кавалерийский ген. I; II

Кёниг Генрих Йозеф (1790–1869) – немецкий прозаик и журналист I; II

Кернер Юстинус Андреас Кристиан (1786–1862) – немецкий поэт I

Керцели (Керцелли) Франц – уроженец Вены, виолончелист, капельмейстер, композитор и педагог в Москве (в период правления Екатерины II) I; II

Кеттерман (Кетерман) Карл Христофорович (? – 1812) – поручик 6[♦]го эскадрона 2[♦]го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка, в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк (штабс-капитан в 1812) I; II

Килинский Ян (1760–1819) – мастер сапожного цеха, один из организаторов Варшавского восстания в 1794, во время которого Т. Костюшко присвоил ему чин полковника, после

поражения восстания отправлен в Петербург
I; II

Кирцели Григорий Францевич (Керцели, Керцелий; 1776 – ?) – с 1803 подпоручик Уланского цесаревича Константина Павловича полка, в Финляндскую кампанию 1808–1809 штаб-ротмистр, командир 6♦го эскадрона; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк I; II

Киселев Дмитрий Михайлович (Киселев 2♦й; 1775–1843) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 войсковой старшина, командир Донского казачьего Киселева 2♦го полка, позднее подполковник (1819) Войска Донского I; II

Классен Иоганн Георг (Егор Иванович; 1776–1843) – в 1797 прибыл из герцогства Шлезвиг-Гольштейн в Архангельск, где вместе с В. И. Брандтом создал крупный торговый дом, торгующий с Европой и Америкой; в 1820 записался в архангельское купечество, потомственный почетный гражданин (1836) I

Клейн Доминик Луи Антуан (1761–1845), граф (1808) – французский дивизионный ген. (1799). В 1805–1807 командир 1♦й драгунской

дивизии корпуса Мюрата I

Клеркер Карл Натанаэл (1734–1817), барон (1809) – шведский ген.-лейтенант (1805), исполняющий обязанности главнокомандующего шведской армией в Финляндии в февр. 1808, главнокомандующий – с сент. 1808 I; II

Клерфет – см.: Клерфэ Ф. С. Ш. Ж. де Круа де
Клерфэ Франсуа Себастьян Шарль Жозеф де Круа де (1733–1798), граф – австрийский ген.-фельдмаршал (1795) II

Климовский Лев Васильевич (1772–1821) – в Уланском цесаревича Константина Павловича полку с 1803 поручиком, в Финляндскую кампанию 1808–1809 ротмистр 2♦го батальона этого полка, командовал 10♦м эскадронном; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк, полковник (1812); впоследствии командир Нижегородского драгунского полка (1816–1821) I; II

Клинггер Александр Федорович (1791–1812) – штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, ад. М. Б. Баркляя-де-Толли; участник Бородинского сражения. Сын Ф. И. Клингера I

Клинггер Елизавета Александровна (урожд. Алексеева; 1769–1844) – воспитанница (по слу-

хам, внебрачная дочь) фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова; жена Ф. И. Клингера I; II

Клиггер Федор Иванович (Фридрих Максимилиан; 1752–1831) – немецкий писатель, последователь Ж.-Ж. Руссо, друг И. В. Гете. На службе в России с 1780; гофмейстер цесаревича Павла Петровича, участник Русско-турецкой войны. С 1785 в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе: педагог, полковник, инспектор классов (1797–1801), директор (с февр. 1801 по апр. 1802). В 1803–1817 – попечитель Дерптского учебного округа и куратор Дерптского университета. Вышел в отставку в 1820 в чине ген.-лейтенанта I; II

Клингспор Вильгельм Мориц (1744–1814), граф – фельдмаршал (1808), главнокомандующий шведской армией во время Русско-шведской войны 1808–1809 (до сент. 1808) I II

Клоков Валериан Емельянович (1796–1843) – правовед, выпускник Главного педагогического института, профессор Горного корпуса (с 1816) I II

Клопшток Фридрих Готлиб (1724–1803) – немецкий поэт II

Клуген Иван Иванович фон (? – 1825) – ген.-

майор (1798), участник подавления Польского восстания в 1794; в 1802–1811 – шеф Кронштадтского гарнизонного полка и комендант Кронштадта I

Клушин Александр Иванович (1763–1804) – писатель, журналист II

Кнобельсдорф Фридрих Вильгельм (1752–1820) – прусский ген. и дипломат, посланник в Париже (1806–1808) II

Кнорринг Богдан Федорович фон (1746–1825) – ген. от инфантерии (1806); во время Финляндской кампании 1808–1809 сменил Ф. Ф. Буксгёвдена на посту главнокомандующего армией; в апр. 1809, после отказа поддержать план перехода русских отрядов по льду Ботнического залива в Швецию, отстранен от командования I II

Кнорринг Владимир Карлович (1784–1864) – ген.-майор (1817), ген.-лейтенант (1829), ген.-ад. (1838), ген. от кавалерии (1841) I

Кнорринг Карл Богданович фон (1774–1817) – полковник, командир Татарского конного полка (1806–1812), шеф его (1812–1814); ген.-майор (1812) I II

Кнорринг Отто Федорович фон

(1754–1812) – ген.-майор (1799). В 1807 назначен шефом Лейб-кирасирского его величества полка, с которым и участвовал в войне с Францией, в т. ч. в сражении под Фридландом I II

Кнутссон Торкель (Торгильс; ? – 1306) – шведский полководец II

Княжевич Александр Максимович (1792–1872) – сенатор (1854), министр финансов (1858–1862), член Гос. совета (1862). Был знаком с Булгариным и часто встречался с ним в начале 1820-х II

Княжнин Яков Борисович (1740 или 1742 – 1791) – драматург, поэт, переводчик, журналист; преподавал словесность и риторику в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе I; II

Князевич Кароль Отто (1762–1842) – поляк, дивизионный ген. (1812), участник восстания Т. Костюшко и наполеоновских войн I

Кожин Сергей Алексеевич (1769–1807) – ген.-ад. (1799), ген.-майор (1800) I

Козачковский – см.: Козачковский К. Ф.

Козлов Иван Иванович (1779–1840) – поэт, переводчик II

Козловский Викентий Михайлович – капитан на Кавказе II

Козловский Михаил Тимофеевич (1773–1853) – ген.-майор (1807), командир Преображенского полка (1805–1810) I

Козловский Осип Антонович (Юзеф; 1757–1831) – польский и русский композитор. Инспектор музыки императорских театров с 1799, директор придворной бальной музыки (с 1803) I; II

Козодавлев Осип Петрович (1754–1819) – сенатор (1799), член Гос. совета (1810), министр внутренних дел (1811–1819); писатель I

Коклес, Гораций Публий – легендарный древнеримский герой, по преданию живший в конце VI в. до н. э. и защитивший римский Свайный мост во время войны с этрусками I; II

Кокошкин Федор Федорович (1773–1838) – драматург, переводчик; директор московской труппы императорских театров II

Колен – в Финляндскую кампанию штабс-капитан Севского мушкетерского полка; в Отечественную войну майор Севского пехотного полка, адъютант генерала от инфан-

терии князя Лобанова-Ростовского; участник Русско-турецкой войны 1828–1829; возможно, ген.-майор (1828) Яков Яковлевич Колен (? – 1830) I

Коленкур Арман Огюстен Луи (1773–1827), маркиз, герцог Виченцкий (1808) – обер-штальмейстер императорского двора (1804–1807), посол в России (1807–1811), министр иностранных дел Франции (1813–1814; март–июнь 1815) I; II

Колзаков Павел Андреевич (1779–1864) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 лейтенант флота, позднее ген.-ад. (1831), адмирал (1843) I

Колин – см.: Колен

Коллонтай Гуго (1750–1812) – польский публицист, политик и общественный деятель; один из руководителей Эдукационной комиссии, руководившей системой образования в стране (1773–1794) I

Кологривов Андрей Семенович (1774 или 1775 – 1825) – участник войн с Наполеоном, ген. от кавалерии (1807). С 1812 командир кавалерийских резервов для усиления действующих армий II

Колокольцев

Иван

Михайлович

(1752–1821) – вице-адмирал (1807), с 1808 главный командир Кронштадтского порта, член Адмиралтейств-коллегии (1809), сенатор (1816) I

Колокольцева Варвара Александровна (урожд. Апраксина; 1764–1830) – жена И. М. Колокольцева I

Коломб Фридрих Август Петер фон (1775–1854) – кавалерийский прусский офицер, участник наполеоновских войн; майор, командир легкого кавалерийского отряда в авангарде 3го армейского корпуса (1813–1814), позднее – ген. от кавалерии I; II

Колосов Михаил Петрович (1776–1826) – музыкант в оркестре петербургских императорских театров II

Колосов Стахий Иванович (1757–1831) – священник храма Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (с 1784), протоиерей (1798); член Российской академии (с 1800); с 1809 настоятель Петропавловского собора, ректор Санкт-Петербургских духовных училищ и член конференции Александро-Невской академии (духовной) I

Колосова А. М. – см.: Каратыгина А. М.

Колосова Евгения Ивановна (урожд. Неелова; 1780–1869) – танцовщица I; II

Кольчев Степан Алексеевич (Кольчѣв; 1746–1805) – дипломат, вице-канцлер (1801); русский посланник в Париже (с февр. по июнь 1801) I; II

Кольбер Жан-Батист (1619–1683) – французский министр финансов II

Комаровский Евграф Федотович (1769–1843), граф (1803) – ген.-майор (1799), впоследствии ген.-ад. (1801), командующий внутренней стражей России (1811–1828), ген. от инфантерии (1828), сенатор (1828) I

Конарский Станислав (1700–1773) – польский юрист, педагог, литератор; с 1741 – провинциал (глава отделения) ордена пиаров I

Конде Луи Антуан Анри, герцог Энгиенский (1772–1804) – французский принц, последний представитель дома Конде (боковой ветви Бурбонов). С 1789 – в эмиграции, с 1792 сражался в рядах роялистской армии под командованием деда (армия Конде) против революционной Франции, позже жил на пенсию от английского правительства в герцогстве Баденском. Расстрелян по приговору наполео-

Новского военного суда I; II

Кондоиди Григорий Павлович (1754–1817) – президент Главного почтового правления (1805–1811), сенатор (1811) I

Кондрат – слуга Бенедикта Булгарина I

Кони Федор Алексеевич (1809–1879) – драматург-водевилист, журналист, издатель I; II

Коновницын Петр Петрович (1764–1822), граф (1819) – во время Финляндской кампании ген.-лейтенант (1808), дежурный ген. Финляндской армии (1808), начальник 3[◆]й дивизии (апр. 1809), с окт. 1809 шеф Черниговского мушкетерского (с 1811 пехотного) полка. Принимал участие в Отечественной войне 1812. С 1815 – военный министр, с 1817 генерал от инфантерии. Булгарин написал ему некролог (Граф Коновницын // Северный архив. 1822. Ч. 3. № 18) I; II

Коновницына Анна Ивановна (урожд. Корсакова; 1769–1843), графиня – жена П. П. Коновницына, сестра М. И. Лорер. Булгарин написал некролог Коновницыной (Северная пчела. 1843. № 28) I

Константин Павлович, великий князь (1779–1831) – цесаревич, младший брат Алек-

сандра I, ген.-ад. (1816); главноначальствующий Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (впоследствии – Первого кадетского) с янв. 1798 по июнь 1831; инициатор и участник формирования уланских полков (1803), участник войн с наполеоновской Францией, в войне 1806–1807 командовал гвардией; ген.-инспектор кавалерии (авг. 1807). После образования Царства Польского (1815) – главнокомандующий польской армией, с 1826 наместник Царства Польского. Во время Польского восстания 1830–1831 бежал из Варшавы, отступив с преданными ему частями к Белостоку, участвовал в сражениях с польскими повстанцами I; II

Коперник Николай (1473–1543) – польский астроном II

Корнель Пьер (1606–1684) – французский драматург I; II

Корсаков – см.: Римский-Корсаков А. М.

Корсаков Андрей Гаврилович – кадет Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса (окончил в 1780) II

Корсаков Никифор Гаврилович – кадет Артиллерийского и инженерного шляхетского

кадетского корпуса (окончил в 1780) II

Корф Модест Андреевич (1800–1876), барон, граф (с 1872) – камергер (1827), статс-секретарь (1834), член Гос. совета (1843), директор Императорской публичной библиотеки (1849–1861), главноуправляющий II отделением (1861–1864) I; II

Косиковский Андрей Иванович (1769–1838) – петербургский домовладелец, купец 1♦й гильдии, откупщик I; II

Косов – см.: Коссов К. Х.

Коссаковский Юзеф Антоний (1772–1842) – бригадный ген. французской армии, ад. Наполеона I

Коссов – петербургский домовладелец (возможно, К. Х. Коссов) II

Коссов Карл Христиан – придворный седельник I

Костенецкий Василий Григорьевич (1766–1831) – полковник (1798); впоследствии ген.-лейтенант (1826) I; II

Костров Ермил Иванович (1755–1796) – переводчик и поэт II

Костюшко Тадеуш (Анджей Тадеуш Бонавентура; 1746–1817) – польский генерал-майор

ор (1789), руководитель восстания 1794 I; II

Котенко (? – 1807) – улан из эскадрона Булгарина в Уланском цесаревича Константина Павловича полку I

Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761–1819) – немецкий драматург, романист и журналист I; II

Кочубей Василий Леонтьевич (1640–1708) – генеральный судья Войска Запорожского (1699–1708) II

Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф (1799), князь (1831) – министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1823), председатель Гос. совета (1827–1834) и Комитета министров (1827–1832); канцлер (1834) I; II

Кошелев Павел Иванович (1764 – после 1831) – ген.-майор (1802), шеф Нижнекамчатского гарнизонного батальона (1802–1806), начальник Камчатской области (1804–1806). В апр. 1806 отдан под суд, затем в отставке, с 1812 в ополчении I; II

Кошелев Родион Александрович (1749–1827) – обер-гофмейстер (1809), член Гос. совета (1810), председатель Комиссии по принятию прошений Гос. совета (1810–1818) I

Кошкуль Петр Иванович (1786–1852) – корнет Конно-гвардейского полка, впоследствии ген.-лейтенант (1835) I

Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист, издатель, редактор «Литературных приложений к “Русскому инвалиду”» (1837–1839), «Литературной газеты» (1840), «Отечественных записок» (1839–1867), «Санкт-Петербургских ведомостей» (неофициально в 1852–1862) I; II

Краснопольский Николай Степанович (1774 – после 1813) – переводчик, драматург I; II

Крафт Логин Юрьевич (Вольфганг Людвиг; 1743–1814) – астроном, физик, академик Петербургской академии наук (1771); с 1782 профессор в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе; член Императорского Вольного экономического общества, обществ естествоиспытателей в Москве, Берлине, Лондоне I

Крашевский Юзеф Игнацы (1812–1887) – польский прозаик и журналист I

Кребийон Проспер Жолио де (1674–1763) – французский драматург I; II

Кребильон – см.: Кребийон П. Ж. де

Крейц Киприан Антонович (1777–1850), барон, граф (с 1839) – полковник, командир Сумского гусарского полка (1808–1810), ген.-майор (1812), ген.-лейтенант (1824), ген. от кавалерии (1831), ген.-ад. (1831) I

Криденер Карл Антонович (Криднер; 1777–1856) – полковник (1805), ген.-майор (1822), командир Семеновского полка (1809–1812) I

Криднер – см.: Крюденер К. Г. фон

Кронштедт (Кронстедт) Карл Олаф (1756–1820) – шведский вице-адмирал I; II

Кронштедт (Кронстедт) Юхан Адам (1749–1836), граф – шведский ген.-лейтенант, во время Русско-шведской войны (1808–1809) командир Саволакской бригады (1808); командующий шведской группой войск в Умео (1809) I; II

Кропотов Андрей Фролович (1780–1817) – поэт, прозаик, журналист I; II

Крузенштерн Иван Федорович (Адам Иоганн; 1770–1846) – адмирал (1841), член-корреспондент Академии наук. Печатался в журнале Булгарина «Северный архив» (1822. № 4) I; II

Крылов Александр Лукич (1798–1853) – профессор истории, географии и статистики Петербургского университета (1833–1836), цензор Петербургского цензурного комитета (1831–1853). Цензурировал «Северную пчелу» (1833–1853; с перерывами) I; II

Крылов Андрей Прохорович (1736–1778) – капитан, позднее чиновник; отец И. А. Крылова II

Крылов Иван Андреевич (1769, по другим данным, 1766 или 1768 – 1844) – баснописец, комедиограф I; II

Крылова Мария Алексеевна (1750–1788) – мать И. А. Крылова II

Крюденер Грегор Густав фон (1766–1838) – сын К. Г. фон Крюденера I; II

Крюденер Карл Густав фон (1744–1822) – коллежский ассесор, владелец имения Карлово (в 1794–1827) I; II

Крюденер Карл Рейнгольд фон (1775–1836) – сын К. Г. фон Крюденера I; II

Крюденер Нильс Отто Густав фон (Антон Карлович; 1766–1838) – сын К. Г. фон Крюденера; служил в армии, вышел в отставку в чине майора; полицмейстер в Петербурге

(1809–1812), Риге (1812–1818), пермский гражданский губернатор (1818–1824); в 1828 Булгарин приобрел у него имение Карлово I; II

Крюденер Соломон Мориц фон (1779–1861) – сын К. Г. фон Крюденера I; II

Крюков Александр Семенович (1770–1844) – нижегородский вице-губернатор (с 1810), губернатор (1819–1827), губернский предводитель дворянства (1831–1837); отец декабристов А. А. и Н. А. Крюковых II

Крюковский Матвей Васильевич (1781–1811) – поэт, драматург, автор трагедии «Пожарский, или Освобожденная Москва» (1807); выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, а затем преподаватель в нем I; II

Ксавье – содержательница модного магазина в Петербурге I

Ксенофонт (ок. 445 – ок. 355 до н. э.) – древнегреческий писатель, историк и полководец I; II

Кудашев Николай Данилович (1784–1813), князь – в Финляндскую кампанию (1808–1809) штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка; ген.-майор (1812) I

Кузминский – майор 3-го егерского или Петровского мушкетерского полка I

Кук Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель I; II

Кукевич Винценты (Викентий) – камергер польского двора; маршалок Оршанского повета (между 1792 и 1797) I

Кукольник Василий Григорьевич (1765–1821) – правовед, профессор Главного педагогического института с 1803; позднее директор Нежинской гимназии высших наук (1820–1821). Отец Н. В. Кукольника I; II

Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) – поэт, прозаик и драматург. Булгарин был с ним в приятельских отношениях, посещал его вечера, но временами резко полемизировал с ним в печати I; II

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897) – украинский и русский писатель, фольклорист, историк II

Кульнев Яков Петрович (1763–1812) – подполковник, затем полковник (1808) и ген.-майор (дек. 1808) Гродненского гусарского полка, с 1811 – шеф этого полка. Погиб в сражении под Клястицами I; II

Куницын Александр Петрович (1783–1840) – правовед, профессор Царскосельского лицея и Главного педагогического института I

Купер Джеймс Фенимор (1789–1851) – американский писатель II

Куракин Александр Борисович (1752–1818), князь – вице-канцлер (1796), посол в Вене (1807–1808), член Гос. совета (1810) I; II

Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь – действительный камергер, ген.-прокурор (1796–1798), ген.-губернатор Малороссии (1802–1811), министр внутренних дел (1807–1811), председатель Департамента государственной экономии Гос. совета (с 1821), канцлер российских орденов (с 1826) I; II

Куракин Борис Алексеевич (1783–1850) – камергер (1804), сенатор (1822) II

Куракина Александра Алексеевна (1788–1819) – жена Н. С. Салтыкова (с 1806) II

Куракина Елена Алексеевна (1787–1869) – жена графа Н. И. Зотова II

Куракина Наталья Ивановна (урожд. Головина; 1766–1831), княгиня – жена Алексея Б. Куракина I; II

Куровская – племянница В. Кукевича I

Курций Руф, Квинт – римский историк, написавший «Историю Александра Великого Македонского» (ок. I в. н.э) I

Кусов Николай Иванович (1780–1856) – купец 1^й гильдии, коммерции советник, директор Российско-Американской компании (с 1824), петербургский городской голова (1824–1833), с 1828 – мануфактур-советник, действительный статский советник. Булгарин был хорошо знаком с ним II

Кутайсов Иван Павлович (1759–1834), граф (1799) – камердинер и фаворит Павла I; обер-штаблмейстер (1800) I

Кутузов – см.: Голенищев-Кутузов М. И.

Кутузов П. В. – см.: Голенищев-Кутузов П. В.

Кучаев II

Кушелев Иван Иванович (1751–1817) – ген.-майор (1790), сенатор (1797) I; II

Куэста Грегорио Гарсиа де ла (1741–1811) – испанский генерал I

Кювилье – мать М. И. Боньот I

Кюгельген Франц Герхардт фон (1772–1820) – немецкий художник, автор портретов и картин на исторические темы. Член Прусской и российской Императорской акаде-

мий художеств I

Кюстин Адам Филипп де (1740–1793), маркиз – французский дивизионный ген. II

Ла Романа – см.: Каро-и-Суреда II.

Лавров Лаврентий – учащийся Владимирской семинарии II

Лагарп Жан-Франсуа де (1739–1803) – французский писатель и журналист, литературный критик, теоретик классицизма II

Лагода Иван Григорьевич (1765–1843) – ремонтер гвардейской кавалерии; впоследствии ген.-контролер Военно-счетной экспедиции (1821–1831) I

Лажечников Иван Иванович (1792–1869) – романист, драматург, мемуарист II

Лакруа Сильвестр Франсуа (1765–1843) – французский математик II

Лаланд Жозеф Жером Франсуа де (1732–1807) – французский математик и астроном, член Парижской академии наук (1753) I; II

Ламб Иван Варфоломеевич (? – 1801) – ген.-аншеф (1798), вице-президент Военной коллегии в царствование Павла I. Член Непременного совета при императоре (1801) I; II

Ламберт Карл Осипович (1773–1843), маркиз, граф (с 1800) – ген.-майор (1799), ген.-ад. (1811), ген.-лейтенант (1812), ген. от кавалерии (1823) I

Лампе – учитель немецкого языка в Первом кадетском корпусе I

Ламсдорф Матвей Иванович фон (Густав Матиас Якоб; Ламздорф; 1745–1828), граф (1817) – ген.-лейтенант, директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (март 1799 – апр. 1800), воспитатель великих князей Николая и Михаила Павловичей I

Ланде Жан Батист (1697–1748) – французский танцовщик, балетмейстер, педагог. Выступал в Париже, Дрездене, Стокгольме. С 1730 ♦х работал в России, преподавал в Сухопутном шляхетском корпусе I

Ланн Жан (1769–1809), герцог де Монтебелло (1808) – маршал Франции (1804); друг Наполеона, в Аустерлицком сражении командовал левым крылом войск; внес существенный вклад в победы при Заальфельде, Йене, Пултуске и Фридланде I; II

Ланской Александр Дмитриевич (1758–1784) – фаворит Екатерины II в

1779–1784; действительный камергер (1779);
ген.-поручик (1783), ген.-ад. (1784) I

Лантинг Александр Андреевич (ок. 1781 –
?) – окончил Сухопутный шляхетский корпус
в 1798 и был оставлен при корпусе подпоручи-
ком, позднее поручик. В 1813–1814 служил
в чине майора управляющим Одесской та-
можней I; II

Ласси Петр Петрович (1678–1751) – полко-
водец, ген.-фельдмаршал (1736); ирландец по
происхождению, с 1700 служил в России II

Латур-Мобур де Фэ, Мари Виктор Никола
де (1768–1850), маркиз (1817) – французский
дивизионный ген. (1807) I

Лаудон Эрнст Гидеон фон (1717–1790), ба-
рон – австрийский военачальник, ген.-майор
(1857), впоследствии генералиссимус (1789) II

Лауниц, барон – отставной чиновник, жив-
ший в 1809 в Кронштадте I

Лафайет Мари Жозеф Жильбер де
(1757–1834), маркиз – участник войны северо-
американских штатов за независимость, во-
енный и политический деятель эпохи Фран-
цузской революции I; II

Лафонтен   *Август*   *Генрих*   *Юлий*

(1758–1831) – немецкий прозаик, автор большого числа сентиментальных и приключенческих романов, популярных в России в первой трети XIX в. II

Лафонтен Жан де (1621–1695) – французский баснописец II

Лаццилин Иосиф Николаевич (1770–1821) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 подполковник, командир Донского казачьего Лаццилина 1-го полка, позднее полковник (1813) I; II

Левальд Иоганн фон (1685–1751) – прусский военачальник, ген.-фельдмаршал II

Левашев Василий Васильевич (1783–1848), граф (1833) – штаб-ротмистр (1802); впоследствии ген.-майор (1812), ген.-ад. (1817), ген.-лейтенант (1826), ген. от кавалерии (1833), киевский военный губернатор и одновременно ген.-губернатор подольский и волынский (1832–1835), председатель Комитета гос. коннозаводства (с 1841), председатель Гос. совета и Комитета министров (1847–1848) I

Левашов Василий Иванович (Левашев; 1740–1804) – ген. от инфантерии (1797), действительный тайный советник, обер-егермей-

стер (1800); чрезвычайный посол в Неаполе (в 1800) I

Лёвенгельм Густав Карл Фредерик (1771–1856), граф – шведский военачальник, внебрачный сын шведского короля Карла XIII. Принимал участие в Русско-шведской войне (1808–1809), в 1808 был захвачен в плен I; II

Лёвенштерн Андреас Магнус Отто (1782–1852), барон – камер-юнкер (1823), камергер, действительный статский советник, в отставке с 1836. Сын К. О. фон Лёвенштерна I; II

Лёвенштерн Карл Отто фон (1755–1833), барон – лифляндский ландрат (1802); владелец ряда имений в Лифляндии, в т. ч. Кокенгузена (Кокнесе, Латвия) I

Ледоховская Юзефа Виктория Франтишка (урожд. Трускольская; 1781–1849) —польская актриса, с 1792 играла в Театре Народовом в Варшаве I

Ледуховская – см.: Ледоховская Ю. В. Ф.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий математик и философ I; II

Леклерк Шарль Виктор Эманюэль (1772–1802) – французский дивизионный ген.

(1799) I; II

Ленский Дмитрий Тимофеевич (наст. фамилия Воробьев; 1805–1860) – актер, драматург II

Леонид I – царь Спарты (491–480 до н. э.) I; II

Лепен Генрих Якоб (1804–1867) – домовладелец в Петербурге, владелец виноторговой фирмы I; II

Лесницкий Николай Николаевич

(1761–1814) – чиновник канцелярии Гос. совета I

Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781) – немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик I

Лесток Антон Вильгельм фон (1738–1815) – прусский ген.-лейтенант (1805) I

Лещинский Станислав (1677–1766) – король Речи Посполитой (1704–1709, 1733) I

Ливен Христофор Андреевич (1774–1838), граф (с 1799), светлейший князь (с 1826) – ген.-майор (1797), ген.-ад. (1798), ген.-лейтенант (1807), ген. от инфантерии (1819); посол России в Англии (1812–1834) I

Лидзейка Радзивилл – сын Войшунда I

Лиленфельд, сестры – дочери дерптского городского советника Карла Магнуса фон Ли-

лиенфельда Кристина Шарлотта Мария (1788–1870) и Анна Вильгельмина Элизабет (1789–1863) I; II

Липинский Кароль Юзеф (1790–1861) – польский скрипач-виртуоз и композитор I

Лисенков Иван Тимофеевич (1795–1881) – книгопродавец и издатель I; II

Лисянский Юрий Федорович (1773–1837) – мореплаватель, писатель, участник кругосветной экспедиции 1803–1806; капитан 1♦го ранга (1809) I; II

Лихтенштейн – см.: Иоганн I фон Лихтенштейн

Лобанов Василий Михайлович (? – 1809) – ген.-майор (1799), в Финляндскую кампанию 1808–1809 командир лейб-гвардии Гренадерского полка (нояб. 1808 – май 1809) I

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787–1846) – поэт, переводчик; член Российской академии (1828), почетный член (1841) и ординарный академик Петербургской академии наук (1845) II

Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838), князь – ген.-лейтенант (1797), ген. от инфантерии (1807); министр юстиции

(1817–1827) I; II

Логинов Василий Васильевич (1796–1847) – московский книгопродавец и издатель II

Лодий Петр Дмитриевич (1764–1829) – философ, правовед; профессор философии в петербургском Педагогическом институте, затем – теории общих прав в Петербургском университете I

Ломбар – см.: Ломбард И. В.

Ломбард Иоганн Вильгельм (1767–1812) – прусский гос. министр и кабинет-советник короля Фридриха Вильгельма III по иностранным делам I; II

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – естествоиспытатель, поэт; член Петербургской академии наук (1745) I; II

Лонгинов Николай Михайлович (1780–1853) – секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны (1812–1826), сенатор (1840) I

Лопатинский Яков Борисович (1783–1808) – корнет (1803), затем поручик (1807) 10-го эскадрона 2-го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; участник Финляндской кампании 1808–1809 I; II

Лопухин Павел Петрович (1789–1873), свет-

лейший князь – флигель-ад. (1798); впоследствии ген.-лейтенант (1835); сын П. В. Лопухина I

Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), светлейший князь (1799) – генерал-прокурор (1798–1799), министр юстиции и управляющий Комиссией составления законов (1803–1810), председатель Гос. совета и Комитета министров (1816–1827) I; II

Лорер Александр Иванович (1779–1824) – ротмистр Уланского цесаревича Константина Павловича полка с 1803, командир эскадрона; в 1809 подполковник, позднее со своим эскадроном переведен в лейб-гвардии Драгунский полк; участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809 I; II

Лорер Мария Ивановна (урожд. Корсакова; 1777–1873) – жена А. И. Лорера I

Лористон Жак Александр Бернар Ло (1768–1828), маркиз (1817) – французский посланник в Петербурге (1811–1812), маршал Франции (1823) I

Лоцилин – см.: Лацилин И. Н.

Лубье Жан Франсуа (1744–1824) – петербургский ювелир, швейцарский консул I

Луве де Кувре Жан-Батист (1760–1797) – французский писатель и политический деятель I; II

Лудовик Фердинанд Прусский – см.: Людвиг Фридрих Христиан Прусский

Луиза Августа Вильгельмина Амалия Мекленбургская (1776–1810) – супруга прусского короля Фридриха Вильгельма III I; II

Лукин Дмитрий Александрович (1770–1807) – капитан флота I; II

Луков Федор Алексеевич (1762–1813) – начал службу простым солдатом; во время Финляндской кампании 1808–1809 подполковник, командир Севского мушкетерского полка, отличился в боях при Куопио, Сальми, Оровайсе, Торнео и Умео; в авг. 1811 произведен в полковники, ген.-майор (1813) I

Лукьянович Николай Андреевич (1806 – после 1855) – военный историк I

Лыткин – купец, петербургский домовладелец II

Львов Павел Юрьевич (1770–1825) – писатель, переводчик, член Российской академии (1804) I

Львов Сергей Лаврентьевич (1740–1812) –

ген. от инфантерии (1800), участник Очаковского штурма и штурма Измаила I; II

Любомирский Константин Станислав (1786–1870), князь – ген.-майор русской армии I; II

Любомирский Франтишек Ксаверий (1747–1819), князь – польский аристократ; с 1777 на русской службе с чином ген.-лейтенанта. Первая супруга – А. Потоцкая, вторая (с 1786) – Т. Ржевусская, третья (с 1801) – М. Л. Нарышкина I; II

Людвиг Фридрих Христиан Прусский (1772–1806) – принц прусский, из рода Гогенцоллернов, ген.-лейтенант I; II

Людовик XIV (1638–1715) – король Франции (с 1643) I; II

Людовик XV (1710–1774) – король Франции (с 1715) I; II

Людовик XVI (1754–1793) – король Франции (с 1774); казнен во время Великой французской революции I; II

Людовик XVIII (1755–1824) – король Франции (с 1814, де-юре с 1795) I

Лялин Дмитрий Васильевич (1772–1847) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 полков-

ник, командир Навагинского мушкетерского полка, шеф Одесского мушкетерского полка (с окт. 1809), позднее ген.-майор (1813) I

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855) – член русской миссии в Париже (1800–1802); с 1803 сотрудник М. М. Сперанского по подготовке гос. преобразований; вместе со Сперанским попал в немилость в 1812, арестован и выслан в Вологду; позднее симбирский губернатор (1817–1819), с 1819 член Главного правления училищ, попечитель Казанского учебного округа (1819–1826), организатор разгрома Казанского университета I; II

Магомет (Мухаммед; 570–632) – арабский религиозный и политический деятель II

Мадалинский Антоний (1739–1805) – ген.-лейтенант (1794), участник восстания Т. Костюшко, один из создателей польских легионов I

Маджаранц Ованес (после натурализации Ян Маджарский) – мастер Слуцкой ткацкой мануфактуры Радзивиллов I; II

Мазарович Семен Иванович (? – 1852) – российский поверенный в делах в Персии (1818–1826) II

Мазепа Иван Степанович (1639–1709) – гетман Войска Запорожского (1687–1708) II

Майков Аполлон Александрович (1761–1839) – управляющий московских (1810–1821), а затем директор петербургских (1821–1825) императорских театров, камергер (1813) I

Майков Василий Иванович (1728–1778) – поэт II

Мак Карл, барон фон Лайберих (1752–1828) – австрийский ген., главнокомандующий австрийскими войсками (в сент. 1805) I; II

Макаров – во время Русско-шведской войны 1808–1809 капитан Белозерского мушкетерского полка I

Макаров Петр Иванович (1765–1804) – критик, журналист, переводчик и прозаик, принадлежавший к карамзинской школе. Сотрудничал в «Вестнике Европы», в 1803 издавал «Московский Меркурий» I

Максимилиан I (1459–1519) – король Германии (с 1486), император Священной Римской империи (с 1508) I; II

Максимилиан I Иосиф – см.: Максимилиан IV Иосиф

Максимилиан IV Иосиф (1756–1825) – курфюрст Баварии с 1799 по 1806, король Баварии
Максимилиан I с янв. 1806 I; II

Малевский Франц Семенович (1800–1870) –
правовед, журналист I

Малибран Мария Фелисита (урожд. Гарсиа; 1808–1836) – французская оперная певица (колоратурное меццо-сопрано) I

Малиновский (Яков Павлович?) – полковой
штаб-лекарь в полку Булгарина I

Мальм Карл Вильгельм (1772–1826) – майор,
во время Русско-шведской войны 1808–1809 командир шведско-финского партизанского отряда I

Мальцев Иван Сергеевич (1807–1880) – дипломат,
первый секретарь русской миссии в Персии (1828–1829) II

Малютин Петр Федорович (1774–1820) –
ген.-майор (1798), командир лейб-гвардии Измайловского полка (1799–1808), ген.-лейтенант (1800) I

Манвелов Николай Спиридонович (1777, по другим данным, 1780 – ?), князь – в Уланском
цесаревича Константина Павловича полку с 1803, поручик, участник войн с наполеонов-

ской Францией, в Финляндскую кампанию 1808–1809 командир 9♦го эскадрона 2♦го батальона; подполковник (1830) I; II

Манджолетти (Маджорлетти, Манжолетти; Manjorletti) – примадонна Итальянской оперы в Петербурге I; II

Мантейфель Иван Васильевич фон (Готгард Иоганн; 1771–1813), граф – полковник (1799), командир 5♦го эскадрона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; ген.-майор (1807) I

Марбург – врач в Минске I

Маре Юг-Бернар (1763–1839), герцог Бассано (1809) – гос. секретарь Франции (1799–1811), министр иностранных дел (1811–1813) I

Мариво Пьер Карле де Шамблен де (1688–1763) – французский драматург и прозаик II

Марин Аполлон Никифорович (1789–1873) – ген.-лейтенант (1856), участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813–1814; военный писатель, поэт, историограф; соученик Булгарина по кадетскому корпусу; брат поэта С. Н. Марина I; II

Марин Сергей Никифорович (1776–1813) –

поручик Преображенского полка, участник дворцового переворота 11 марта 1801, флигель-ад. Александра I (1807), полковник (1809); поэт-сатирик, автор «Преображенского марша», с которым русские войска в 1814 вступили в Париж I; II

Мария Антуанетта (1755–1893) – супруга (с 1770) дофина, затем короля Франции Людовика XVI. Казнена во время Французской революции I; II

Мария Изабелла де Бурбон и Бурбон-Пармская (1789–1848) – младшая дочь короля Испании Карла IV. Супруга (с 1801) Франческо, герцога Калабрийского, будущего короля Королевства обеих Сицилий (с 1825) I

Мария-Луиза Пармская (1751–1819) – королева Испании (1788–1808), супруга Карла IV, мать Фердинанда VII I

Мария-Луиза-Жозефина (1782–1824) – дочь короля Испании Карла IV. Супруга (с 1795) Луиджи, наследного принца Пармского (будущего короля Этрурии Людовика I); королева (1801–1803), а затем регент (1803–1807) Этрурии I; II

Мария Терезия Вальбурга Амалия Кристи-

на (1717–1780) – австрийская эрцгерцогиня, великая герцогиня Тосканская, королева Венгрии и Богемии (1740–1780) I

Мария Федоровна (урожд. принцесса Вюртембергская Доротея-София-Августа-Луиза; 1759–1828) – императрица, жена Павла I II

Мария Франческа Исабель (Мария I; 1734–1816) – королева Португалии (с 1777). В 1792 была признана невменяемой I

Марков Аркадий Иванович (Морков; 1747–1827), граф – дипломат, действительный тайный советник (1801), посланник в Париже (1801–1803) I; II

Марлинский А. – см.: Бестужев А. А.

Мармонтель Жан Франсуа (1723–1799) – французский писатель I; II

Марс (наст. имя Анн-Франсуаз-Ипполит Буте-Сальвета; 1779–1847) – французская актриса I; II

Мартенс Георг Фридрих (1756–1821) – немецкий правовед, профессор Геттингенского университета, специалист по международному праву II

Мартос Иван Петрович (1754–1835) – скульптор-монументалист I; II

Мартынов Иван Иванович (1771–1833) – переводчик, филолог, член Российской академии (1807) I

Масальский Игнацы Якуб (1727, по другим данным, 1726 или 1729 – 1794), князь – епископ Виленский (с 1762) I; II

Масальский Константин Петрович (1802–1861) – прозаик, поэт, журналист I; II

Масальский Петр Григорьевич (1771–1839) – друг Сперанского, во время ссылки последнего являлся его доверенным лицом и вел с ним тайную переписку. Отец К. П. Масальского II

Массальский Ксаверий (1745–1788) – региментарий, первый муж Ж. Радзивилл I

Массон Шарль Франсуа Филибер (1762–1807) – французский поэт, мемуарист, педагог. В 1786–1796 жил в России I; II

Матвеев Федор Михайлович (1758–1826) – художник-пейзажист I

Матушевич – таможенный чиновник в Кронштадте (возможно, Яков Тимофеевич Матушинский) I; II

Матушевич Тадеуш Викторин (ок. 1765 – 1819), граф – министр финансов Герцогства Варшавского (1810–1813), министр финансов

Царства Польского (1815–1817) I

Матюшкин Дмитрий Михайлович
(1725–1800), граф – камергер I; II

Матюшкина Софья Дмитриевна
(1755–1796), графиня – дочь Д. М. Матюшкина,
жена Ю. М. Виельгорского I; II

Мезенцов Михаил Иванович (Мезенцев;
1770–1848) – капитан в Уланском цесаревича
Константина Павловича полку с мая 1803, за-
тем майор (1806), подполковник (1809), пол-
ковник (1811), впоследствии ген.-лейтенант
(1826) I

*Мекленбургский, герцог – см.: Фридрих
Франц I*

*Мекленбургский принц – см.: Меклен-
бург-Шверинский К. А. X.*

*Мекленбург-Шверинский Карл Август Хри-
стиан* (1782–1833), принц Мекленбургского
дома – ген.-майор (1800), ген.-лейтенант (1812)
русской службы. Шеф Московского гренадер-
ского полка (1812) I

Мелас Михаэль Фридрих Бенедикт фон
(1729–1806), барон – австрийский военачаль-
ник; ген. от кавалерии (1799) II

Мелиссино Алексей Петрович (1759, по дру-

гим данным, 1766 – 1813) – ген.-майор (1801), шеф Лубенского гусарского полка (1807), участник Русско-турецкой войны 1787–1791 и войн с наполеоновской Францией. Сын П. И. Мелиссино I; II

Мелиссино Петр Иванович (1726–1797) – выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса; ген.-майор (1770), ген. от артиллерии (1796), с 1783 директор Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса. Отец А. П. Мелиссино I; II

Меллер-Закомельский Егор Иванович (1767–1830), барон (1788) – командир Уланского цесаревича Константина Павловича полка с сент. 1803; шеф Мариупольского гусарского полка с нояб. 1807, позднее ген.-ад. (1810), ген.-лейтенант (1813). Сын И. И. Меллер-Закомельского I; II

Меллер-Закомельский Иван Иванович (1725–1790), барон (1788) – ген.-аншеф от артиллерии (1783), участник Семилетней войны и Русско-турецкой войны 1787–1791; отец Е. И. Меллер-Закомельского I; II

Менжинский Иосиф Степанович – единокровный брат Булгарина; ротмистр Польско-

го конного полка (1801), участник войн с наполеоновской Францией, майор (с 1809) Лубенского гусарского полка I; II

Менжинский Степан – первый муж матери Булгарина I

Меншиков Александр Данилович (1673–1729), граф (1702), светлейший князь (1705) – ген.-фельдмаршал (1709) I

Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869), светлейший князь – начальник Главного морского штаба (1829–1836), адмирал (1833), морской министр (1836–1855); член Гос. совета (1830) I

Меншиков Никита Николаевич – купец 2 ♦-й гильдии, петербургский домовладелец I

Меняев Петр Федорович – коммерции советник, первостатейный петербургский купец, владелец дома, в котором Булгарин снимал квартиру (в 1837–1859) II

Мерзляков Алексей Федорович (1778–1830) – поэт, переводчик, профессор Московского университета I; II

Местр Ксавье Франсуа де (1763–1852), граф – эмигрант из Сардинского королевства, ген.-майор (1812) русской армии, литератор II

Меценат (Гай Цильний Меценат; ок. 70 – 8 до н. э.) – древнеримский покровитель искусств II

Мечислав I (Мешко; ок. 935 – 992) – первый исторически достоверный польский князь, основатель древнепольского государства I

Мещерская Екатерина Ивановна (урожд. княжна Чернышева; 1782 – ?) – дочь И. Л. Чернышева, жена П. С. Мещерского I; II

Мещерский Петр Сергеевич (1778 или 1779 – 1857), князь – обер-прокурор Синода (1818–1833), сенатор (1833) I

Мещерский Элим Петрович (1808–1844), князь – дипломат и поэт, писавший на французском языке, переводчик. Сын П. С. и Е. И. Мещерских I

Миклашевич Варвара Семеновна (урожд. Смагина; 1786–1846) – гражданская жена А. А. Жандра, писательница II

Милонов Михаил Васильевич (1792–1821) – поэт I; II

Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), граф (1813) – ген.-майор (1798), ген.-лейтенант (1805), ген. от инфантерии (1809), участник войн с наполеоновской Фран-

цией, Русско-турецкой войны (1806–1812); военный ген.-губернатор Санкт-Петербурга (с 1818) I; II

Миних Иоганн Буркхард Кристоф (1683–1767) – российский ген.-фельдмаршал (1732), в русской службе с 1721 I; II

Миних Сергей Христофорович (1773–1809) – полковник Астраханского полка, внук фельдмаршала И. Б. К. Миниха I

Мирабо Оноре Габриэль Рикетти (1749–1891), граф – депутат Генеральных штатов, политический деятель Французской революции I

Михаил Павлович, великий князь (1798–1849) – сын Павла I, брат Николая I; ген.-фельдцейхмейстер (1798), ген.-инспектор по инженерной части (1825), член Гос. совета (1825), командир Гвардейского корпуса (1826), сенатор (1834), главнокомандующий Гвардейским и Гренадерским корпусами (1844) I

Михайлов Василий – священник, дед М. М. Сперанского II

Михайлова Варвара Михайловна (1741 – ок. 1790) – танцовщица придворной балетной труппы I; II

Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1789–1848) – военный историк; участник Отечественной войны 1812 года, ад. М. И. Кутузова, ген.-майор (1823), ген.-лейтенант (1835), сенатор (1835), член Российской академии (1831) и Петербургской академии наук (1841). Булгарин состоял с ним в переписке I; II

Михайловский-Данилевский Иван Лукьянович (1744–1807) – старший директор Гос. заемного банка (1796–1807), отец А. И. Михайловского-Данилевского II

Михельсон Иван Иванович (1740–1807) – ген. от кавалерии (1797); командующий днестровской армией (1806–1807), действовавшей против Османской Порты I; II

Мицкевич Адам Бернард (1798–1855) – польский поэт I; II

Мовша – еврей-виноторговец в Слуцке I

Мойер Иван Филиппович (1786–1858) – ординарный профессор хирургии в Дерптском университете (1815–1836), ректор университета (1834–1835) II

Молво Кристина (1772–1828) – жена Я. Н. Молво I; II

Молво Яков Николаевич (1766–1826) – выходец из Германии, богатый сахарозаводчик и банкир, петербургский городской голова (1815–1818) I; II

Молдованджы Али-паша – турецкий великий визирь (с 12 авг. по 12 дек. 1769) I; II

Моллендорф (Мёллендорф) Вихард Иоахим Генрих фон (1724–1816) – прусский ген.-фельдмаршал, участник антинаполеоновских войн первой и четвертой коалиций I; II

Молчанов Петр Степанович (1772–1831) – статс-секретарь у принятия прошений (с 1807); в 1808–1815 занимал также пост управляющего делами Комитета министров, сенатор (1812) I

Молченко – в Финляндскую кампанию 1808–1809 штабс-капитан артиллерии I

Мольер Жан Батист (наст. фамилия Поклен; 1622–1673) – французский драматург II

Монгольфье Жозеф Мишель (1740–1810) – француз, изобретатель воздушного шара I

Мономах – см.: Владимир Всеволодович Мономах

Монтескиу – см.: Монтескью-Фезансак А.-П. де

Монтескью-Фезансак *Анн-Пьер* *де*
(1739–1798), маркиз – французский бригадный
ген. II

Монтескью-Фезансак де Амбруаз Анатоль
Огюстен (1788–1878), граф – полковник (1813),
капитан (1812); офицер для поручений импера-
тора Наполеона I

Моравская Теофилия Констанция (урожд.
Радзивилл; 1738–1818) – жена (с 1764) И. Ф. Мо-
равского I; II

Моравский Игнаций Феликс (1744–1790) –
ген.-лейтенант армии Великого княжества
Литовского (1783) I

Мордвинов Николай Семенович (1754–1845),
граф (1834) – адмирал (1797), морской ми-
нистр (1802), председатель Департамента
государственной экономики Гос. совета
(1810–1812, 1816–1818) I; II

Мориер Джеймс Джастин (1780–1849) – ан-
глийский дипломат и писатель II

Морикони Бенедикт Беньямин (1750–1839) –
великий писарь литовский I

Морикони Мария Виктория Майя (урожд.
Радзивилл; ок. 1755 – ?) – жена (с 1786) Б. Б.
Морикони I; II

Моро Жан Виктор (1763–1813) – французский генерал; был обвинен Наполеоном в заговоре и отправлен в изгнание; с 1804 жил в Северной Америке, в 1813 по приглашению Александра I стал военным советником в штабе союзных антинаполеоновских сил, но 27 авг. 1813 был смертельно ранен под Дрезденом I; II

Мортье Эдуар Адольф Казимир (1768–1835), герцог Тревизский (1808) – маршал Франции (1804). Посол в Петербурге (1830–1832), военный министр (1834–1835), премьер-министр (1834) I; II

Мостовский Тадеуш Анджей (1766–1842), граф – каштелян рационжский, сторонник патриотической партии; министр внутренних дел и исповеданий Герцогства Варшавского (1812–1815) и Царства Польского (1815–1825) I

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) – австрийский композитор I; II

Музеус Карл Иванович (Иоганн Карл Август; 1772–1831) – немецкий писатель I; II

Мур Федор Федорович (? – 1813) – мичман, член экипажа шлюпа «Диана» I; II

Муравьев – кадет Первого кадетского корпуса II

Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) – драматург, поэт, духовный писатель II

Муравьев Михаил Никитич (1757–1807) – поэт; сенатор (1801), попечитель Московского университета, товарищ министра народного просвещения (1803) I; II

Муравьева Екатерина Федоровна (урожд. баронесса Колокольцова; 1771–1848) – жена М. Н. Муравьева, мать декабристов А. М. и Н. М. Муравьевых, владелица дома в Петербурге II

Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) – попечитель Казанского учебного округа (1827–1845), Петербургского учебного округа (1845–1856) II

Мызников Василий Яковлевич (1799 – не ранее 1861) – подпоручик лейб-гвардии Гренадерского полка, ад. витебского ген.-губернатора кн. Н. Н. Хованского с 1828, позднее служил в разных подразделениях, уволен в 1847 с чином подполковника; автор стихотворений, пьес, переводчик I; II

Мыцельская А. – см.: Радзивилл А. Л. К. К.

Мюрат Иоахим (1767–1815), князь Понте-

корво (в 1806–1812) – маршал наполеоновской Франции (1804), командовал французской кавалерией; король Неаполитанского королевства (с 1808). Был женат на младшей сестре Наполеона Каролине I; II

Мятлев Петр Васильевич (1756–1833) – капитан гвардии, камер-юнкер; участник любительских спектаклей; главный директор зрелищ I

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – полководец; 1^й консул Франции с 1799, император Франции в 1804–1814 и 1815. Булгарин неоднократно писал о Наполеоне в панегирическом ключе и ввел его в число персонажей своего романа «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831) I; II

Нартов Андрей Андреевич (1737–1813) – ученый-лесовод, переводчик. Президент Берг-коллегии (1796–1798), председатель Российской академии (1801–1813). Сын А. К. Нартова I

Нартов Андрей Константинович (1693–1756) – ученый-механик I

Нарушевич Адам Тадеуш Станислав (1733–1796) – польский поэт и историк I; II

Нарышкин Александр Иванович (1788–1809) – прапорщик лейб-гвардии Егерского полка, участник Финляндской кампании I; II

Нарышкин Александр Львович (1760–1826) – обер-гофмаршал, обер-камергер, с 1819 канцлер российских орденов; главный директор императорских театров (1799–1819), почетный член Академии художеств I

Нарышкин Дмитрий Львович (1758–1838) – гофмейстер (1798), обер-егермейстер (1804) I

Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) – вельможа, фаворит Петра III. Был арестован после вступления на престол Екатерины II, однако вскоре освобожден и пожалован в обер-шталмейстеры. Отец Александра, Анны, Дмитрия, Марии и Натальи Нарышкиных I; II

Нарышкин Лев Александрович (1785–1846) – камергер (1799), поручик лейб-гвардии Преображенского полка (1803), штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка (1807), полковник (1812), ген.-майор (1814), шталмейстер (1824), ген.-ад. (1843), ген.-лейтенант (1844) I; II

Нарышкина Анна Львовна (1768–1826) – фрейлина Екатерины II, жена князя А. Понин-

ского I; II

Нарышкина Мария Антоновна (урожд. княжна Святополк-Четвертинская; 1779–1854) – фрейлина; жена Д. Л. Нарышкина I; II

Нарышкина Мария Львовна (1766–1806) – третья жена князя Ф. К. Любомирского I; II

Нарышкина Наталья Львовна (1761–1819) – фрейлина Екатерины II, вторая жена графа И. А. Соллогуба I; II

Натъе – театральная костюмер I

Ней Мишель (1769–1815), герцог Эльхингенский (1805), князь Москворецкий (1812) – маршал Франции (1804); сыграл значительную роль в победах при Йене и Фридрихсфельде, заставил капитулировать Ульм (1805) и Магдебург (1806). Командующий 6-м корпусом Великой армии (1805–1807). В марте 1815 перешел на сторону вернувшегося с о. Эльба Наполеона и после его падения в дек. 1815 был расстрелян как гос. изменник I; II

Нейдгардт Павел Иванович (1779–1850) – во время Финляндской кампании (1808–1809) майор-квартирмейстер 21-й дивизии П. И. Багратиона, позднее ген.-майор (1813) I; II

Нейдхардт фон Гнейзенау Август Вильгельм Антон (1760–1831), граф (1814) – прусский военный и гос. деятель; ген.-фельдмаршал (1825) I

Нейман (Nejmanowa) – владелица игорной залы в Варшаве I

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – поэт, прозаик и журналист I; II

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752–1828) – статс-секретарь Павла I в 1796–1798, в 1798 отставлен от службы, возвращен в конце 1800, сенатор (1813); поэт-лирик I; II

Немцевич Юлиан Урсын (1758–1841) – польский поэт, прозаик, историк и политический деятель. Участник восстания под предводительством Т. Костюшко и восстания 1830–1831, после подавления последнего находился в эмиграции. Состоял в переписке с Булгариным I

Ненчини Санти – итальянский певец, друг тетки жены Булгарина I

Неплюев Иван Николаевич (1750–1823) – сенатор (1801), член Гос. совета (1810) I; II

Несецкий Каспер (1682–1744) – польский ге-

неалог, лексикограф, теолог I

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф – советник российского посольства в Париже (1807–1810), впоследствии гос. канцлер (1845) I

Нестеров – в Финляндскую кампанию 1808–1809 сотник донских казаков I

Нестор (ок. 1056 – 1114) – монах Киево-Печерского монастыря, летописец I; II

Нефлис, барон – владелец суконной фабрики в г. Седан I

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – литератор, профессор русской словесности Петербургского университета (1832–1864), цензор Петербургского цензурного комитета (1833–1848) I; II

Никифоров – капитан 24♦го егерского полка во время Русско-шведской войны 1808–1809 I

Николай I (1796–1855) – российский император с 1825 I; II

Николай Павлович, великий князь – см.: Николай I

Николев Николай Петрович (1758–1815) – поэт и драматург, член Российской академии

(1792) I; II

Никольский Александр Сергеевич
(1755–1834) – автор учебников по грамматике и риторике, переводчик, член Российской академии (1802) I; II

Никольский Павел Александрович
(1791–1816) – критик, журналист, переводчик
II

Новиков Николай Иванович (1744–1818) – издатель, журналист II

Новицкий Людвик – статист в варшавском Театре Народовом, позднее разносчик печатных изданий I

Новосильцев Николай Николаевич
(1762–1838), граф (1835) – полномочный делегат при Правительственном совете Царства Польского (1815–1831), член Гос. совета (1831), председатель Гос. совета и Комитета министров (1834–1838) I

Норд Егор Егорович (1806 – ок. 1874) – полковник (1841), в начале 1870-х российский консул в Персии I; II

Нортон Эрдли (1728–1792) – английский часовщик и мастер музыкальных механизмов I

Ободовский Платон Григорьевич
(1803–1864) – переводчик, драматург, поэт, педагог II

Обольянинов Петр Хрисанфович
(1752–1841) – ген.-прокурор (1800–1801), сенатор (1799) I; II

Обрезков Александр Васильевич (Обресков; 1757–1812) – ген. от кавалерии (1800), финляндский военный губернатор и управляющий гражданской частью с 1805, с 1810 в отставке I

Обухов (возможно, Иван Трофимович) – во время Финляндской кампании (1808–1809) полковник Могилевского мушкетерского полка I; II

Огинская (Кристина или Елена) – тетка Г. А. Огинского I; II

Огинский Габриэль Юзеф Анжей
(1784–1842), князь – польский бригадный ген. (1831); в составе 1-го полка польских шевалежеров Императорской гвардии Наполеона принимал участие в военных действиях 1809–1814; участник Польского восстания 1830, вице-президент Временного правительства Литвы. Племянник М. К. Огинского I

Огинский Григорий Антон (Гжегож Антоний; 1654–1709) – польный гетман литовский; один из лидеров прорусской партии в Речи Посполитой I; II

Огинский Михаил Андреевич (Михал Клеофас; 1765–1833), князь – польский политический деятель, участник восстания под руководством Т. Костюшко, композитор; российский сенатор (1810); племянник М. К. Огинского I

Огинский Михаил Казимир (1730–1800) – воевода виленский (с 1764), гетман Великого княжества Литовского (1768–1793); поэт, писатель, драматург и композитор I; II

Огонь-Догановский Петр Александрович (? – 1807) – поручик лейб-гвардии Егерского полка I

Огюст Август Леонтьевич (наст. имя Огюст Пуаро; ок. 1780 – 1844) – танцовщик и балетмейстер. С 1798 служил в России I; II

Оде-де-Сион Карл Осипович (Шарль Мари Жозеф Жоашен Оде; 1758–1837) – французский монах-бенедиктинец, перешедший в военную службу, сначала польский, а затем (с 1791) – российский подданный; во время Польского

восстания 1794 был в русском гарнизоне при ген.-аншефе О. А. Игельстроме; в 1796–1798 воспитатель сына А. В. Суворова, в 1802–1827 инспектор классов в Пажеском корпусе, ген.-майор (1827) I

Одоевский Александр Иванович (1802–1839), князь – поэт; декабрист II

Одоевский Владимир Федорович (1804–1869), князь – писатель; директор Румянцевского музея с 1846, гофмейстер (1858), сенатор (1861) I; II

Ожаровский Адам Петрович (1776–1855), граф – полковник (1802), ген.-майор (1807), ген.-ад. (1807); впоследствии ген. от кавалерии (1826) I

Ожеро Пьер Франсуа Шарль (1757–1816), герцог де Кастильоне – маршал (1804–1814) и пэр Франции (с 1804); командир 7го корпуса Великой армии (1805–1807) I; II

Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) – ученый-естествоиспытатель, член Петербургской академии наук (1782) и Российской академии (1783) I

Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург I; II

Озеров Петр Иванович (1778–1843) – гофмейстер двора великого князя Константина Павловича (1807–1813), член Гос. совета (1837)
I

Октавиан Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август; 63 до н. э. – 14 н. э.) – политический деятель Древнего Рима, основатель Римской империи II

Олелькович С. – см.: Радзивилл С. А.

Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) – историк, археолог; член Российской академии (1786), директор Императорской публичной библиотеки (с 1811); член Гос. совета (1827), статс-секретарь по департаменту гражданских и духовных дел; государственный секретарь (1814–1827); президент Академии художеств (с 1817). Булгарин был знаком с ним и в начале 1820♦х поддерживал тесные контакты. Оленин поместил в «Северной пчеле» статью «Публичные библиотеки в Париже и публичная библиотека в С.Петербурге» (1832. № 85–87) I; II

Оленин Евгений Иванович (Оленин 1♦й, Аленин; 1774–1827) – в 1805 полковник, командир 2♦го эскадрона лейб-гвардии Конно-

го полка, отличился при Аустерлице; позднее
ген.-майор (1808) I

Олин Валериан Николаевич (ок. 1788 –
1841) – писатель, журналист, издатель II

Олсуфьев Захар Дмитриевич (1772–1835) –
ген.-майор (1798), ген.-лейтенант (1807) I; II

Олсуфьев Николай Дмитриевич
(1779–1817) – ад. великого князя Константина
Павловича (1800–1812), ген.-майор (1812) I

Ольхин Матвей Дмитриевич (1806–1853) –
петербургский книгопродавец и издатель I; II

Омар – см.: Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук

Онюховская (1697–1812) – прабабушка Ф. В.
Булгарина по линии отца I; II

Опочинин Федор Петрович (1779–1852) – ад.
великого князя Константина Павловича
(1800–1809), полковник (1807), в отставке с
1808 по болезни, действительный тайный со-
ветник (1838), член Гос. совета (1846) I

Орлов Александр Анфимович (1791–1840) –
московский низовой литератор I

Орлов Алексей Григорьевич (Орлов-Че-
сменский; 1737–1807), граф (1762), князь
(1770) – полководец, ген.-аншеф (1769). Брат
фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова I; II

Орлов Алексей Федорович (1786–1861), граф (1825), князь (1856) – ген.-ад. (1820), ген. от кавалерии (1833), член Гос. совета (1835), шеф жандармов и главный начальник III отделения (1844–1856), председатель Гос. совета и Комитета министров (1856–1861) I; II

Орлов Василий Петрович (1745–1801) – ген. от кавалерии (1798), войсковой атаман Донского казачьего войска (1797–1801) I; II

Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783), граф (1762), князь (1763) – фаворит Екатерины II; ген.-фельдцейхмейстер (с 1765) I; II

Орлов Михаил Федорович (1788–1842) – ген.-майор (1814), командующий 16-й пехотной дивизией (1820–1823). Декабрист, брат А. Ф. Орлова I; II

Орлов-Денисов Василий Васильевич (1775–1843), граф (1801) – командир эскадрона лейб-гвардии Казачьего полка (1806), ген.-майор (1807), в Финляндскую кампанию 1808–1809 командир лейб-гвардии Казачьего полка; впоследствии ген. от кавалерии (1826) I; II

Осипов Иван (прозвище Ванька Каин; 1718 – ?) – разбойник, потом московский сы-

щик II

Оскирко – семья в Могилевской или Минской губернии I

Остен-Сакен (Сакен) Фабиан Вильгельмович (1752–1837), граф (1821) – ген.-лейтенант (1799), ген.-фельдмаршал (1826) I

Остерман-Толстой Александр Иванович (1770–1867), граф (1796) – ген.-лейтенант (1806), ген.-ад. (1814), ген. от инфантерии (1817); командир 2-й дивизии (в 1806–1807) I

Остолопов Николай Федорович (1783–1833) – поэт, переводчик, директор императорских театров (1825–1829) II

Острогорский Павел Петрович (1764–1834) – учитель логики и красноречия в Юнкерской школе при Сенате (1797–1805), переводчик II

О’Фариль-и-Геррера Гонзало (1754–1831) – ген., командующий испанским экспедиционным корпусом в северной Италии I

Офарилья – см.: *О’Фариль-и-Геррера Г.*

Павел I (1754–1801) – российский император (с 1796) I; II

Павлов Николай Филиппович (1803–1864) – прозаик, журналист II

Паганини Никколо (1782–1840) – итальянский скрипач, гитарист-виртуоз, композитор I

Палён – шведский полковник, участник Русско-шведской войны 1808–1809 I

Пален Василий Владимирович фон дер (1853 – ?) – внук Василия А. Каратыгина, сын В. Е. фон дер Палена II

Пален Владимир Егорович фон дер (1815–1861) – полковник в отставке II

Пален Матвей Иванович фон дер (Карл Магнус; 1779, по другим данным, 1776 – 1863), барон – поручик (1796), во время Финляндской кампании 1808–1809 штабс-ротмистр, ад. ген.-лейтенанта Тучкова 1-го, затем (с июня 1809) ген.-лейтенанта Ф. П. Уварова, капитан (окт. 1809); впоследствии рижский военный губернатор, а также эстляндский, курляндский и лифляндский ген.-губернатор (с 1830), ген. от кавалерии (1843), член Гос. совета (1845) I; II

Пален Петр Алексеевич фон дер (Петер Людвиг; 1745–1826), барон, граф (с 1799) – ген. от кавалерии (1798); в 1798–1801 (кроме авг.-окт. 1800, когда был откомандирован в Ригу) вто-

рой ген.-губернатор Петербурга I; II

Пален Петр Петрович фон дер (1778–1864), граф – ген. от кавалерии (1827), ген.-ад. (1827).

Сын П. А. фон дер Палена I

Палицын – капитан Фанагорийского гренадерского полка I

Паллас Петер Симон (Петр Семенович; 1741–1811) – немецкий ученый-энциклопедист, член Петербургской академии наук (1766) I

Пальм Иоганн Филипп (1766–1806) – германский книготорговец и издатель; был казнен по обвинению в распространении книг, порочащих честь императора Франции I; II

Пальфи Франц фон (1785–1841), граф – австрийский уланский офицер, имперский камергер, из древнего венгерского графского рода Пальфи фон Эрдед I

Панаев Владимир Иванович (1792–1859) – статс-секретарь, писатель II

Панин Петр Иванович (1721–1789), граф – ген.-аншеф (1762), командующий 2[♦]й армией, действовавшей против турок (1769–1770) I

Папков Петр Афанасьевич (1772–1853) – ген.-майор (1807), петербургский обер-полиц-

мейстер (1809–1810) I

Парчевский – полковник I

Пасква (Паскуа) – итальянский певец (тенор) I

Паскевич Иван Федорович (1782–1856), граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831) – флигель-ад. (1800), гвардии капитан (1808); впоследствии командир Отдельного Кавказского корпуса с 1827, ген.-фельдмаршал (1829), наместник Царства Польского (1832–1856) I; II

Пассек Петр Петрович (1779–1825) – ген.-майор (1799) I

Паткуль фон Иоганн Рейнгольд (1660–1707) – лифляндский дворянин. С 1702 состоял на русской службе, ген.-лейтенант (1704) I; II

Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849), маркиз – служил в пьемонтской, потом в австрийской армии; в русской в чине полковника с 1807, участник Финляндской кампании (1808–1809), ген.-майор (июнь 1808), ген.-лейтенант (1810), ген. от инфантерии (1823). Рижский военный губернатор (с 1812), лифляндский, эстляндский и курляндский ген.-губер-

натор (с 1821). Выйдя в отставку в 1829, возвратился в Италию I; II

Педру III (1717–1786) – король-консорт Португалии, супруг Марии I (с 1760) I

Пель Вильгельм Христофор (Василий Васильевич) – аптекарь I

Пенхержевский Александр Лаврентьевич (1787–1851) – в Финляндскую кампанию (1808–1809) корнет 6♦го эскадрона 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; впоследствии ген.-лейтенант (1835), комендант Варшавы с 1831, комендант Киева и Киево-Печерской цитадели (1841–1851) I; II

Перепечин Николай Иванович (1749–1799) – поэт-любитель, театрал; с 1789 директор Ассигнационного банка I

Перец (Перу) Абрам Израилевич (1771–1833) – откупщик; коммерции советник (1801) I; II

Перич Яков Петрович (1770 – ?) – полковник (1800), с сент. 1803 – командир 4♦го эскадрона Уланского цесаревича Константина Павловича полка I

Перльберг – купец в Финляндии, хозяин

трактира в Гамлекарлеби I

Перовский Алексей Алексеевич (псевдоним Антоний Погорельский; 1787–1836) – писатель; попечитель Харьковского учебного округа (1823–1830) II

Перрен – аббат, кюре московской католической церкви (с 1812) I

Перрен Клод-Виктор (1764–1841), герцог Беллюно (1808) – маршал Франции (1807), получивший известность как маршал Виктор. В 1806 принял командование корпусом, проявил героизм в сражении при Фридланде. Во время Ста дней последовал за Людовиком XVIII, за что был удостоен звания пэра Франции. Военный министр (1821–1823) I

Персеваль – см.: Персиваль С.

Персиваль Спенсер (1762–1812) – премьер-министр Великобритании (1809–1812) II

Перский Михаил Степанович (1776–1832) – участник Итальянского и Швейцарского походов русской армии под командованием А. В. Суворова (1799); в годы учебы Булгарина майор Первого кадетского корпуса, в 1820–1832 директор корпуса (время его управления описано в очерке Н. С. Лескова «Кадет-

ский монастырь»), ген.-лейтенант (1828) I

Песоцкая – жена И. П. Песоцкого II

Песоцкий Иван Петрович (ок. 1823 – 1848) – издатель II

Песоцкий Петр – московский купец, отец И. П. Песоцкого II

Пестель Иван Борисович (1765–1843) – сенатор (1801), сибирский ген.-губернатор (1806–1818; отстранен от должности по обвинению в злоупотреблениях), член Гос. совета (1816) I; II

Петин Иван Александрович (1789–1813) – поэт-дилетант; в Финляндскую кампанию (в 1808) поручик лейб-гвардии Егерского полка, был тяжело ранен в окт. 1808; погиб в битве под Лейпцигом в чине полковника I; II

Петито Жан (1607–1691) – французский живописец миниатюрных портретов на эмали I; II

Петр I Великий (1672–1725) – царь и великий князь всея Руси (с 1682), с 1721 – первый российский император I; II

Петр II (1715–1730) – российский император (с 1727) I

Петр III (1728–1762) – российский импера-

тор (с 1761) I; II

Петр Фридрих Георг Ольденбургский (Георгий Петрович; 1784–1812) – принц Ольденбургский, ген. от кавалерии (1809), главный директор водных и сухопутных сообщений (1809–1812), муж великой княжны Екатерины Павловны (с 1809) I

Петров Василий Петрович (1736–1799) – поэт II

Печаткин Вячеслав Петрович (1819–1898) – книгопродавец, издатель, совладелец Красносельской бумажной фабрики II

Печаткин Петр Алексеевич (1792–1860) – владелец Красносельской бумажной фабрики (в 1839–1860) II

Пильнай (от древнеинд. Будхапати) – легендарный древнеиндийский баснописец, составитель сборника басен II

Пипер Карл (1647–1716), барон, граф (с 1697) – ближайший советник Карла XII I

Пирер Хейнрих Август (1794–1850) – немецкий лексикограф II

Пирон Алексис (1689–1773) – французский драматург и поэт II

Писемский Алексей Феофилактович

(1821–1881) – прозаик, драматург, журналист
II

Питт Уильям (1759–1806) – премьер-министр Англии в 1783–1801 и 1804–1806, активный противник революционной и затем наполеоновской Франции, один из главных организаторов европейских коалиций против нее I; II

Пишегрю Жан-Шарль (1761–1804) – французский дивизионный ген. (1793) II

Плавильщиков Алексей Алексеевич (1772 – после 1834) – директор 2♦го отделения Сохранной казны по займам Московского опекунского совета (1820–1828) II

Плавильщиков Василий Алексеевич (1768–1823) – книготорговец, издатель и библиотекарь II

Плавильщиков Петр Алексеевич (1760–1812) – драматург, журналист и актер II

Планта Джозеф (1744–1827) – главный библиотекарь Британского музея (1799–1827), брат А. Э. Стивенс II

Платов Матвей Иванович (1751, по другим данным, 1753 – 1818), граф (1812) – ген.-лейтенант (1801), ген. от кавалерии (1809), участник

войн с наполеоновской Францией; с 1801 –
войсковой атаман Войска Донского I

Платон (427–347 до н. э.) – древнегрече-
ский философ I; II

Плетнев Петр Александрович (1791–1866) –
критик, поэт; с 1832 профессор русской сло-
весности в Петербургском университете, в
1840–1861 его ректор I; II

Плещеев Александр Алексеевич
(1778–1862) – чтец, поэт, композитор; с окт.
1819 заведовал русской оперой и француз-
ским театром в дирекции императорских те-
атров, с 1820 – личный чтец императрицы
Марии Федоровны; член «Арзамаса» II

Плисов Моисей Гордеевич (1783–1853) – про-
фессор политических и юридических наук
Главного педагогического института (с 1817) I

Плутарх (ок. 45 – ок. 127) – древнегрече-
ский философ и писатель, автор жизнеописа-
ний политических деятелей Греции и Рима I;
II

Погоржельский Степан Филимонович – чи-
новник Министерства юстиции, в 1807–1813
губернский прокурор в Подольской губернии,
муж сестры Булгарина Елизаветы I

Подгоричани Федор Иванович (? – 1812), граф – серб по происхождению, подполковник Сумского полка, с 1808 полковник I; II

Подшивалов Василий Сергеевич (1765–1813) – прозаик, поэт, переводчик, издатель, педагог, чья деятельность составила существенный этап в развитии русского сентиментализма I

Покрошинские – семья в Могилевской или Минской губернии I

Полевой Ксенофонт Алексеевич (1801–1867) – журналист, литературный критик, писатель, издатель, младший брат Н. А. Полевого I; II

Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – журналист, писатель, историк, издатель журнала «Московский телеграф» (1825–1834) I; II

Полиньяк Иоланда Мартин Габриэль де (урожд. де Поластрон; 1749–1793), герцогиня – подруга королевы Франции Марии Антуанетты I

Поляков Василий Петрович (1810♦е – 1875) – петербургский книготорговец и издатель II

Понинский Адам (1732–1798), граф, князь (с

1774) – коронный дворецкий польский (1762), маршал сейма (1773–1775), казначей короны (с 1775); владелец мальтийского командорства, мальтийский рыцарь (с 1773) I; II

Понинский Александр (1766–1824), князь – польский политический деятель; сын Адама Понинского, муж А. Л. Нарышкиной I; II

Пономарева Софья Дмитриевна (урожд. Позняк; 1794–1824) – хозяйка литературного салона, литератор-дилетант II

Понятовский Станислав (1754–1833), князь – племянник Станислава Августа Понятовского; великий подскарбий литовский (1784–1791) I

Понятовский Станислав II Август (1732–1798) – польский король в 1764–1795. Был избран королем при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II; служил проводником русских интересов в Польше I; II

Понятовский Юзеф (Иосиф; 1763–1813), князь – племянник Станислава Августа Понятовского. Маршал Франции (1813) I; II

Попов Василий Степанович (1745–1822) – управляющий кабинетом ее величества

(1793–1797), сенатор (1798), член Гос. совета (1808), председатель Департамента духовных и гражданских дел Гос. совета (с 1819) I; II

Поповский Николай Никитич (1730–1760) – философ, поэт-переводчик II

Потанов Алексей Николаевич (1772–1847) – подполковник (1807), ген.-майор (1813), ген.-ад. (1825), ген.-лейтенант (1826), ген. от кавалерии (1834). Член Гос. совета (1846) I

Потемкин Григорий Александрович (1739–1791), граф (1775), светлейший князь Таврический (1787) – ген.-фельдмаршал (1784), фаворит Екатерины II (1774–1776). Ген.-губернатор Новороссийского края (с 1776); главнокомандующий русской армией во второй Русско-турецкой войне (1787–1791) I; II

Потемкин Яков Алексеевич (1781–1831) – полковник (1805), в Финляндскую кампанию командир 2♦го лейб-егерского батальона, шеф 2♦го егерского полка (с нояб. 1809), ген.-майор (1812), ген.-ад. (1814), ген.-лейтенант (1824) I; II

Потемкина Прасковья Андреевна (урожд. Закревская; 1763–1816), графиня – статс-дама, жена графа П. С. Потемкина, фаворитка Г. А.

Потемкина I; II

Потоцкая Мария Федоровна (Марианна Касперовна; урожд. Любомирская; 1773–1810), графиня – польская красавица, в первом браке жена А. П. Потоцкого, во втором В. А. Зубова, в третьем Ф. И. Уварова I

Потоцкий Игнатий (Роман Игнацы Франтишек; 1750–1809) – великий маршал литовский (1791–1794), участник сейма 1791, сторонник прусской ориентации, министр иностранных дел польского правительства в период восстания 1794; после подавления восстания арестован и отправлен в Россию, где содержался в Шлиссельбурге, освобожден Павлом I в 1796 I; II

Потоцкий Северин Осипович (1762–1829), граф – сенатор (1801), попечитель Харьковского учебного округа (1803–1817), член Гос. совета (1810) I; II

Потоцкий Станислав Станиславович (1787–1831), граф – в 1804 поручик лейб-гвардии Конного полка; участник войн с наполеоновской Францией, ад. великого князя Константина Павловича во время Аустерлицкого сражения; впоследствии ген.-ад. (1817), с 1826

тайный советник и обер-церемониймейстер I;
II

Потоцкий Станислав Феликсович – см.: Потоцкий С. С.

Потоцкий Юзеф (ок. 1734 – 1802), граф – польский магнат, великий коронный кравчий (1767–1780), отец С. О. Потоцкого I; II

Потье Шарль-Габриэль (1774–1838) – французский актер I

Похорский Александр Федорович (1778–1829) – типограф II

Прадт Доминик Дюфур де (1759–1837) – французский религиозный и политический деятель. После переворота 18 брюмера епископ и духовник Наполеона I

Прево Антуан Франсуа (1697–1763) – аббат; французский писатель I

Прже...ский (Пржечишевский?) – польский помещик I

Приказный – см.: Муравьев

Притвиц Карл Карлович фон (1759–1809), барон – участник Финляндской кампании 1808–1809, подполковник Финляндского драгунского полка, умер от ранения, полученного в сражении у Карстулы I

Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762–1848) – профессор минералогии и сельского домоводства Московского университета (1804–1818), директор университетского Благородного пансиона (1818–1826), ректор Московского университета (1819–1826), председатель Общества любителей российской словесности (с 1811) II

Протасова Екатерина Афанасьевна (урожд. Бунина; 1770–1848) – сводная сестра В. А. Жуковского II

Протасова Мария Андреевна (1793–1823) – дочь Е. А. Протасовой, жена профессора Дерптского университета И. Ф. Мойера II

Прохницкий Э. С. – фельдъегерь Александра II I I

Прошинский Гектор Станиславович – корнет в Уланском цесаревича Константина Павловича полку с 1806, участник сражения под Фридландом, за которое получил орден Св. Анны 3-й ст.; в 1809 поручиком переведен в лейб-гвардии Драгунский полк. Впоследствии ген.-майор (1826) I

Прошницкий – см.: Прохницкий Э. С.

Прушинский – см.: Прошинский Г. С.

Пуаро – француз, ресторатор в Варшаве I
Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742 – 1775) – предводитель крестьянского восстания 1773–1775 I; II

Пузина – помещик (Минской губернии?) I
Пурпур Андрей Яковлевич (? – 1804) – ген.-поручик (1774), ген.-директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса в 1773–1784. Отец К. А. Пурпура I; II

Пурпур Карл Андреевич (1771–1806) – преподаватель в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе: капитан (1796), полковник (с окт. 1799); командир Владимирского мушкетерского полка (1801 – окт. 1803), ген.-майор (1803); с окт. 1803 по сент. 1805 – шеф этого же полка. Сын А. Я. Пурпура I

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт I; II

Пушкин Василий Львович (1766–1830) – поэт, дядя А. С. Пушкина I; II

Пшеничный Григорий Григорьевич (1754–1826) – правитель канцелярии ген.-прокурора II

Пюже Леонтий Давыдович де (? – 1838), барон – наставник великих князей Николая и

Михаила Павловичей I

Пюклер-Мускау Герман-Людвиг-Генрих фон (1785–1871), граф, князь (с 1822) – путешественник, писатель I

Радзивилл Анна Катажина (урожд. княжна Сангушко; 1676–1746) – жена (с 1698) К. С. Радзивилла, мать И. Ф. Радзивилла I; II

Радзивилл Анна Людвика Каролина Кунегунда (урожд. Мыцельская; 1729–1771) – жена (с 1754) князя М. К. Радзивилла I

Радзивилл Богуслав (1620–1669), князь Священной Римской империи – магнат, великий хорунжий Великого княжества Литовского (с 1638), конюший великий литовский (с 1646), шведский фельдмаршал (1656), генеральный наместник герцогства Пруссия (Бранденбург-Пруссия; с 1657); сын Я. Радзивилла I

Радзивилл Варвара (Барбара; 1520–1551) – королева польская и великая княгиня литовская, жена великого князя литовского и короля польского Сигизмунда II Августа (с 1547) I

Радзивилл Вероника Иоанна (1754 – ?) – жена (с 1772) Ф. С. Чапского (Гуттен-Чапского) I; II

Радзивилл Доминик Иероним (1786–1813),

князь – камергер русского императорского двора (1804), полковник армии Герцогства Варшавского (1810), полковник французской гвардии (1812), участник похода французской армии на Москву I; II

Радзивилл Жозефина (Юзефа; 1762 – ?) – жена К. Массальского (с 1779), потом (после 1787) Г. Грабовского I; II

Радзивилл Иероним Винцент (1759–1786), князь – подкоморий литовский; сын М. К. Радзивилла, отец Д. И. Радзивилла I

Радзивилл Иероним Флориан (1715–1760), князь – великий хорунжий Великого княжества Литовского (с 1750), староста пшемысльский и кричевский I; II

Радзивилл Карл – см.: Радзивилл Кароль Станислав

Радзивилл Каролена – см.: Радзивилл Людовика Каролина

Радзивилл Кароль Станислав (прозвище Пане Коханку; 1734–1790), князь – воевода виленский; глава оппозиционной королю Станиславу Августу Барской конфедерации (1762–1772); был вынужден эмигрировать I; II

Радзивилл Катерина Каролина

(1740–1789) – жена Станислава Фердинанда Ржевусского, дочь М. К. Радзивилла I

Радзивилл Людовика Каролина (1667–1695), княжна – дочь Богуслава Радзивилла, жена маркграфа бранденбургского Людвига, а после его смерти – курфюрста Пфальца Карла III Филиппа I; II

Радзивилл Мария Каролина (урожд. Любомирская; ок. 1730 – 1795) – первая жена К. С. Радзивилла (в 1753–1760) I; II

Радзивилл Матей (Матвей) (1749–1800) – каштелян виленский, опекун своего племянника Д. И. Радзивилла в 1790–1796 I; II

Радзивилл Михал Казимир (1702–1762), князь – великий гетман литовский (с 1744), каштелян трокский (1735–1737), воевода виленский (с 1744) I; II

Радзивилл Николай (ок. 1470 – 1521) – воевода виленский и канцлер Великого княжества Литовского (с 1510) I

Радзивилл София Фридерика Доротея Генриетта (урожд. княжна Турн-и-Таксис; 1758–1800), княгиня – жена (с 1775) И. В. Радзивилла I; II

Радзивилл Софья Агнешка (урожд. княж-

на Слуцкая; 1585–1612) – жена (с 1600) князя Я. Радзивилла I; II

Радзивилл Теофилия Констанция (урожд. Моравская, в первом браке Старженская; 1791–1828) – дочь К. Моравского, вторая жена князя Д. И. Радзивилла, с 1816 – жена графа А. И. Чернышева I; II

Радзивилл Тереза Каролина (урожд. Ржевуская; 1742 – ?) – вторая жена К. С. Радзивилла I; II

Радзивилл У. – см.: Радзивилл Ф. У.

Радзивилл Франтишка Урсула (урожд. Вишневецкая; 1705–1753) – жена М. К. Радзивилла (с 1725), поэтесса и драматург I

Радзивилл Эльжбета (урожд. Мнишек; 1790–1852) – первая жена князя Д. И. Радзивилла (с 1807 по 1809) I; II

Радзивилл Януш (1579–1620), князь – каштелян виленский (с 1618), староста борисовский I; II

Радзивилл Януш (1612–1655) – польный гетман литовский (1646–1654), великий гетман литовский (1654–1655), князь Священной Римской империи на Биржах и Дубинках I

Радклеиф – см.: Радклиф А.

Радклиф Анна (урожд. Уорд; 1764–1823) – английская писательница, автор готических романов, включающих элементы таинственного и ужасного I

Радулович Дмитрий Гаврилович (1773 – ?) – ротмистр, командир 7♦го эскадрона 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка, позднее подполковник I; II

Раевские – см.: Раевский Г. А., Раевский И. А.

Раевский Григорий Александрович (1785 – после 1845) – с 1806 корнет 8♦го эскадрона Уланского цесаревича Константина Павловича полка, участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809; брат И. А. Раевского I

Раевский Илья Александрович (1786–1845) – с 1806 корнет 8♦го эскадрона Уланского цесаревича Константина Павловича полка, позднее участник войн с наполеоновской Францией и Финляндской кампании 1808–1809, полковник; впоследствии служил в ведомстве Министерства финансов; брат Г. А. Раевского I

Раевский Николай Николаевич (1771–1829) – ген.-лейтенант (1808), в Финляндскую кампа-

нию 1808–1809 командовал 21[◆]й пехотной дивизией; впоследствии ген. от кавалерии (1813) I; II

Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), граф – сенатор (1786), попечитель Московского учебного округа (1807–1810), министр народного просвещения (1810–1816) I

Раль Александр Александрович (1756–1833), барон (1800) – придворный банкир (1798–1817) I; II

Ранефт Карл Карлович (? – 1813) – майор, командир роты в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе I; II

Расин Жан (1639–1699) – французский драматург I; II

Растопчин – см.: Ростопчин Ф. В.

Раутенфельд Петр Иванович (1773 – ?) – майор (1800), с сент. 1803 в Уланском цесаревича Константина Павловича полку, командир 8[◆]го эскадрона I

Раутенштраух Юзеф (1773–1842) – полковник (1809), личный адъютант Ю. Понятовского (1809–1813), шеф его канцелярии I

Рахманов Василий Сергеевич (1764–1816) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 ген.-май-

ор (1803), шеф Низовского мушкетерского полка, участник сражений при Куопио и Иденсальми (1808), военный комендант Улеборга (март–дек. 1809); позднее ген.-лейтенант (1816) I; II

Рашетт Жан-Доминик (Яков Иванович; 1744–1809) – скульптор I

Регул Марк Атилий (? – ок. 248 до н. э.) – римский полководец, консул (256 до н. э.), прошедший пять лет в плену у карфагенян; по преданию был казнен ими I

Редклеиф – см.: Радклиф А.

Резанов Николай Петрович (1764–1807) – камергер (1803), дипломат, путешественник, один из основателей и руководителей Российско-Американской компании, начальник первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806) I; II

Резвой Модест Дмитриевич (1806–1853) – инженер, музыкант-любитель, музыковед II

Рейтан Михал (ок. 1740 – ?) – писарь новогрудский, хорунжий слуцкий, несвижский уездный маршалок; брат Т. Рейтана I; II

Рейтан Тадеуш (1742–1780) – участник Барской конфедерации, депутат сейма Речи

Посполитой (1773) от Новогрудского воеводства Великого княжества Литовского I; II

Рейтерн Христофор Романович
(1782–1833) – полковник (1813), ген.-майор (1819), ген.-лейтенант (1829) I

Реман Осип Осипович (1779–1831) – врач, лейб-медик (1813), ген.-штаб-доктор гражданской части (с 1821) II

Репинский Козьма Григорьевич
(1796–1876) – старший чиновник II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, один из ближайших сотрудников М. М. Сперанского по кодификации российского законодательства, сенатор (1856) I; II

Репнин Николай Васильевич (1734–1801) – посол России в Речи Посполитой в 1764–1769; в качестве доверенного лица Екатерины II сыграл ключевую роль при избрании Станислава Августа Понятовского королем. Ген.-фельдмаршал (1796), виленский ген.-губернатор (1794–1798) I; II

Репнин-Волконский Николай Григорьевич
(1778–1845), князь – посол в Вестфалии (1809–1810), генерал-адъютант (1813), генерал-губернатор Малороссии (1816–1834), ге-

нерал от кавалерии (1828), член Гос. совета (1834) I

Репнинский Николай Яковлевич (1790–1841) – во время Финляндской кампании 1808–1809 прапорщик лейб-гвардии Егерского полка, позднее ген.-майор (1827) I

Ржевуский Адам Адамович (1801–1888), граф – ген.-ад. (1849), ген. от кавалерии (1866), участник Русско-турецкой (1828–1829) и Крымской войн. Сын А. С. Ржевуского I

Ржевуский Адам Станиславович (1760–1825), граф – каштелян витебский; после разделов Польши – на русской службе: тайный советник (1797), предводитель дворянства Киевской губернии (1808), сенатор (1817). Автор сочинений политического характера и переводов античных авторов. Отец А. А., Г. А. и Э. А. Ржевуских. Булгарин написал ему некролог (Северная пчела. 1825. № 25) I

Ржевуский Генрих Адамович (1791–1866), граф – польский писатель, публицист; сын А. С. Ржевуского I; II

Ржевуский Станислав Фердинанд (1737–1786) – подстолий великий литовский (1759–1760), хоружий великий литовский

(1762–1782) I; II

Ржевуский Эрнест Адамович (1812–1862), граф – сын А. С. Ржевуского I

Ржимовский – польский шляхтич I

Риго Антуан (1758–1820), барон (1809) – французский бригадный ген. (1807), отличился при Аустерлице I

Ридигер Федор Васильевич фон (Фридрих Александр; 1783–1856), граф (1847) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 майор, командир эскадрона Гродненского гусарского полка, отличился при Гамлекарлеби, был ранен в бою у Карстулы; в дек. 1808 произведен в подполковники; позднее ген. от кавалерии (1831), ген.-ад. (1831) I

Рижский Иван Степанович (1755–1811) – писатель, филолог, член Российской академии (1802) I

Рикорд Петр Иванович (1776–1855) – моряк, путешественник, писатель; адмирал (1843), член-корреспондент Петербургской академии наук (1818). Будучи капитан-лейтенантом, вместе с В. М. Головниным в 1807–1813 совершил кругосветное плавание на шлюпе «Диана» I; II

Риман – майор Севского мушкетерского полка в Финляндскую кампанию 1808–1809. Возможно, Петр Петрович фон Риман (1775–1842) – подполковник (1811), полковник (1823), ген.-майор (1830) I

Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) – ген.-лейтенант (1798), ген. от инфантерии (1801) I; II

Робертс – англичанин, встреченный экспедицией И. Ф. Крузенштерна на острове Нукагива I; II

Робеспьер Максимилиан Франсуа Мари Исидор (1758–1794) – французский политик эпохи Революции: член Комитета общественного спасения (1793–1794), председатель Национального Конвента (1793) I

Родзянко (? – 1808) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 капитан Финляндского драгунского полка I

Родионов Михаил Степанович (ок. 1782 – 1828) – полковник, командир Донского казачьего полка II

Родофиникин Константин Константинович (1760–1838) – директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел

(1819–1837), сенатор (1832) II

Розберг Михаил Петрович (1804–1874) – литератор, переводчик, профессор русской словесности в Дерптском университете (1836–1867) I

Розен Егор Федорович (Карл Георг Вильгельм; 1800–1860), барон – драматург, поэт и литературный критик I; II

Розенгартен – содержатель ресторана и «Виленского отеля» в Варшаве I

Розенгорт – немец, ресторатор в Варшаве (возможно, описка или опечатка, и имеется в виду Розенгартен) I

Розенкамф Густав Андреевич фон (Густав Адольф; 1764–1832), барон (1817) – правовед; член Комиссии составления законов (с 1803), главный секретарь и первый референдарий Комиссии составления законов (с 1804), начальник гражданского отделения комиссии (с 1808), с 1812 – старший член совета комиссии I; II

Роллан – владелица магазина в Петербурге I

Ронкони Доменико (1772–1839) – певец (тенор) и музыкальный педагог; выступал в Пе-

тербурге в составе итальянской группы (1801–1805) I

Роот (Рот) Йохан Якоб (1772–1839) – шведский унтер-офицер, возглавлявший отряд финских партизан во время Русско-шведской войны 1808–1809, вышел в отставку в 1812 лейтенантом I

Рорбах Винно фон (? – 1209) – первый Великий магистр Ордена меченосцев (1202–1209) II

Россини Джоаккино Антонио (1792–1868) – итальянский композитор I; II

Ростовцев Яков Иванович (1803–1860) – ген.-ад., начальник штаба великого князя Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями, в молодости – литератор. Был знаком с Булгариным II

Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), граф (1799) – камер-юнкер (1792), ген.-майор (1796); исполняющий обязанности кабинет-министра по иностранным делам, член Коллегии иностранных дел (с 1798), член Совета при императоре (с 1800). В 1801 уволен в отставку. В 1812–1814 – московский военный губернатор и московский главнокомандующий в чине ген. от инфантерии, член Гос. со-

вета (1814) I; II

Рубини Джованни Баттиста (1794–1854) – итальянский оперный певец (тенор). Булгарин был знаком с ним, публиковал хвалебные отзывы о нем I; II

Рудаков Илья Дмитриевич – лейтенант, член экипажа шлюпа «Диана» (1807–1813), начальник Камчатки (1813 – апр. 1817), капитан-лейтенант (1822) I; II

Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф – министр коммерции (1802–1807), гос. канцлер (1809–1814); меценат. Сын П. А. Румянцева I; II

Румянцев Петр Александрович (1725–1796), граф (1744) – ген.-фельдмаршал (1770), за победы над турками удостоен титула Задунайский I; II

Румянцев Сергей Петрович (1755–1838), граф – член Гос. совета (1805). Сын П. А. Румянцева I

Рунеберг Йохан Людвиг (1804–1877) – шведско-финский поэт II

Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860) – попечитель Петербургского учебного округа (1821–1826); в 1821 осуществил разгром Петер-

бургского университета II

Рыкалов Василий Федорович (1771–1813) – актер I; II

Рыкс Франтишек (1732–1799) – камердинер польского короля Станислава Августа Понятовского I; II

Рюрик (? – 879) – новгородский князь I; II

Рюхель Эрнст Фридрих Вильгельм Филипп фон (1754–1823) – прусский ген., в сражении при Йене в 1806 его корпус был разбит французами I

Сабанеев Иван Васильевич (1770–1829) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 полковник (с нояб. 1809 ген.-майор), командир 3-го егерского полка, участник перехода по льду Ботнического залива на Аландские острова; позднее ген. от инфантерии (1823) I; II

Саблин – кадет, соученик Булгарина по Сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу I

Савари Анри Жан Мари Рене (1774–1833), герцог де Ровиго – с 1800 ад. и доверенное лицо Наполеона, директор бюро тайной полиции (с 1802), дивизионный ген. (1805), посол Франции в России (1807), министр полиции

(1810–1814) I; II

Савельев Калистрат Савельевич – аудитор Штаба военно-учебных заведений, муж воспитанницы И. А. Крылова Александры II

Савельева Александра – воспитанница Крылова, жена К. С. Савельева II

Сакен – см.: Остен-Сакен Ф. В.

Салтыков Александр Николаевич (1775–1837) – сенатор (1804), товарищ министра иностранных дел (1806–1809), член Гос. совета (1810) I

Салтыков Николай Иванович (1736–1816), граф (1790), светлейший князь (1814) – ген.-фельдмаршал (1796), член Гос. совета (1801), председатель Комитета министров и Гос. совета (1812) I

Салтыков Петр Иванович (1784–1812), граф – камергер (1798); поручик лейб-гвардии Гусарского полка. На свой счет сформировал в 1812 Московский гусарский полк I; II

Салтыков Петр Семенович (1698–1772), граф – ген.-фельдмаршал (1759), главнокомандующий русской армией (1759–1760) I; II

Самборский Андрей Афанасьевич (1732–1815) – протоиерей, настоятель русской

церкви в Лондоне (1768–1780). С 1784 законоучитель и преподаватель английского языка у великих князей Александра и Константина Павловичей II

Самойлов Василий Михайлович
(1782–1839) – певец (тенор) I; II

Самойлова Юлия Павловна (урожд. Пален; 1803–1875), графиня – фрейлина. Первый брак с флигель-ад. Александра I Н. А. Самойловым, второй с итальянским тенором Дж. Пери, третий с французским дипломатом графом Ш. де Морнэ I

Сандельс Юхан Август (1764–1831), граф (1809) – шведский военачальник, полковник (1799), ген.-ад. (июль 1808), ген.-майор (нояб. 1808); во время Русско-шведской войны 1808–1809 командовал 5♦й бригадой I; II

Сандунова Елизавета Семеновна
(1777–1826) – актриса и певица I; II

Сан-Карлос Хосе Мигель де Карвахаль-Варгас и Манрике (1771–1828), герцог – испанский политический и гос. деятель I

Сапега Александр Михал (1730–1793), князь – великий канцлер литовский (с 1775) I; II

Сапега Лев Иванович (1557–1633) – королевский секретарь, канцлер и великий гетман литовский, виленский воевода II

Сапега Франциск (1772–1829), князь – гос. деятель, богатый помещик, меценат I; II

Сарбевский Матей Казимир (1595–1640) – литовско-польский новолатинский поэт и теоретик искусства II

Сарториус Георг Фридрих (1765–1828), барон фон Вальтерсгаузен (с 1827) – немецкий историк; профессор Геттингенского университета II

Свинын Павел Петрович (1788–1839) – прозаик, журналист, издатель журнала «Отечественные записки» (1818–1830). С 1805 служил в Коллегии иностранных дел, в 1811–1813 – секретарь российского генерального консула в Филадельфии I; II

Свистунов Петр Семенович (1732–1808) – выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса; ген.-поручик (1775), белгородский губернатор (1775–1779), сенатор (1797); театрал-любитель, переводчик комедий Мольера и Вольтера, автор элегий и песен I

Святополк-Четвертинская Колетта Ада-

мовна (урожд. Холоневская; 1774–1840), княгиня – вдова А.-С. Святополк-Четвертинского I; II

Святополк-Четвертинские – семья Антония-Станислава Святополк-Четвертинского, повешенного повстанцами в Варшаве в 1794; его вдова и дети от первого (Жаннетта, Мария и Борис) и второго (Константин и Густав) браков были вывезены в Россию, заняв в Петербурге блестящее положение I

Святослав Игоревич (? – 972) – князь новгородский и великий князь киевский в 945–972, полководец I; II

Себастиани де Ла Порта Орас Франсуа Бастьен (1772–1851) – маршал Франции (1835), французский военачальник эпохи наполеоновских войн, дипломат I

Севербрик – см.: Сивербрик И. Е.

Севергин Василий Михайлович (1765–1826) – химик, геолог. Академик Петербургской академии наук (1793) I

Северин Андрей Иванович (Генрих Готфрид; 1770–1850) – купец первой гильдии и придворный банкир I; II

Северин Петр Иванович (Йохан Петер; 1771–1828) – купец первой гильдии и при-

дворный банкир I; II

Сезострис – легендарный древнеегипетский правитель-завоеватель I

Селиванов Александр Семенович – морской офицер, выпускник Морского кадетского корпуса; в 1804 произведен в мичманы, в 1808–1809 служил на корабле «Смелый» на Балтике и в Кронштадтском порту, в февр. 1810 уволен от службы в чине лейтенанта I

Селиванов Михаил Петрович – капитан 1-го ранга (1804), участник боевых действий в 1808 в Финляндии, в 1810 уволен со службы в чине статского советника II

Селим III (1761–1807) – султан Османской империи (с 1789) I; II

Семен – слуга Бенедикта Булгарина I

Семенов Евгений Макарович (1798–1866) – инспектор репертуара петербургских императорских театров (с 1843) II

Семенов Иосиф Васильевич (1803–1853) – секретарь Петербургского цензурного комитета (1831–1850) II

Семенова Екатерина Семеновна (1786–1849) – трагическая актриса, ученица И. А. Дмитриевского. Оставила сцену в 1826 после

замужества I; II

Семенова Нимфодора Семеновна (Семенова-меньшая; в браке Лестрелен; 1788–1876) – артистка оперной труппы императорских театров, младшая сестра Е. С. Семеновой II

Семичевский Николай Михайлович (? – 1816) – мичман (1800), в 1808 командовал 32 канонерскими лодками при Кронштадтском порте, лейтенант флота (1809), в 1809 переведен в Роченсальмский порт I

Сенека, Луций Анней (4 до н. э. – 65 н. э.) – римский философ и государственный деятель, сторонник философии стоицизма I; II

Сенковский – дед О. И. Сенковского II

Сенковский Иосиф – один из предков О. И. Сенковского II

Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – востоковед, писатель и журналист польского происхождения; профессор Петербургского университета (1822–1847) I; II

Сенковский Ян (ок. 1770 – ?) – отец О. И. Сенковского II

Сен-Мор Эмиль Дюпре де (1772–1854) – французский литератор II

Сен-При Луи (1789 – после 1852), граф – по-

ручик лейб-гвардии Егерского полка I

Сен-При Эммануил Францевич (1776–1814) – полковник (1801), командир лейб-гвардии Егерского полка (1806–1809), ген.-майор (1810), ген.-ад. (1810), ген.-лейтенант (1812) I

Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831) – адмирал (1826), участник Русско-турецкой войны (1806–1812) I

Сераковский Кароль (1750–1820) – польский военачальник, военный инженер, активный участник восстания 1794 I

Сербин Климентий Семенович (? – 1838) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 капитан Могилевского мушкетерского полка; впоследствии полковник I; II

Сибирский Александр Васильевич (1779–1836), князь – полковник в Финляндскую кампанию 1808–1809, с июля 1808 шеф Могилевского мушкетерского полка, за взятие Торнео произведен в ген.-майоры (1809), впоследствии ген.-лейтенант (1824) I; II

Сивербрик Иван Ефимович (1778–1852) – учитель фехтования в Первом кадетском корпусе и других военных учебных заведениях; обучал фехтованию Николая I и великих кня-

зей I; II

Сигизмунд I Старый (1467–1548) – великий князь литовский и король польский (с 1506) II

Сигизмунд II Август (1520–1572) – великий князь литовский (с 1529), король польский (с 1530), король Речи Посполитой с титулом «король польский и великий князь литовский» (с 1569) I; II

Сигизмунд III Ваза (1566–1632) – король Речи Посполитой (с 1588) I; II

Силин Василий Михайлович (? – 1848) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 майор Гродненского гусарского полка; впоследствии ген.-майор (1831); в отставке с 1834 I

Симонов Дмитрий – матрос, находившийся в японском плену вместе с В. М. Головинным I; II

Симонов Иван Яковлевич – полковник, комендант Яицкого городка II

Синицин (?) Семен Фролович – помещик I; II

Сихра Андрей Осипович (1773–1850) – композитор, гитарист и педагог чешского происхождения, старший сын Й. Цыхры I

Сихра Людовик (Людвиг) Осипович – младший сын Й. Цыхры, педагог, гитарист I

Скобелев Иван Никитич (1778–1849) – поручик во время Финляндской кампании 1808–1809, впоследствии ген. от инфантерии (1843); писатель, хороший знакомый Булгарина I; II

Скотт Вальтер (1771–1832) – английский писатель I; II

Скуратов Малюта (Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович; ? – 1573) – сподвижник Ивана Грозного, известный своей жестокостью I

Сленин Иван Васильевич (1789–1836) – петербургский книгопродавец и издатель II

Смирдин Александр Александрович (1834–1862) – книготорговец, сын А. Ф. Смирдина, унаследовавший его книготорговое дело II

Смирдин Александр Филиппович (1795–1857) – издатель, книгопродавец. В 1830♦х был тесно связан с Булгариным: в 1830 издал его роман «Димитрий Самозванец», в 1835 – роман «Памятные записки титулярного советника Чухина <...>»; в 1838 выступил в роли издателя «Северной пчелы» и журнала «Сын Отечества и Северный архив» I; II

Смит Уильям Сидней (1764–1840) – английский адмирал (1837) I

Смитт Фридрих фон (1787–1865) – русский историк немецкого происхождения II

С—н Семен Фролович – белорусский помещик I

Собакин – см.: Яковлев С. Я.

Соколов Петр Иванович (1764–1835) – филолог, член Российской академии (1793), ее неперемный секретарь (с 1802) I; II

Соколовский – улан, сослуживец Булгарина по Уланскому цесаревича Константина Павловича полку I

Соколовский Иосиф Карлович (1763 – после 1836) – выпускник Несвижского кадетского корпуса, ген.-майор (1813) I

Сокольников Михаил (1760–1816) – польский ген., соратник Т. Костюшки, участник наполеоновских походов I

Сократ (ок. 469 – 399 до н. э.) – афинский философ. Булгарин высоко ценил его учение, основывая на нем собственную философию «здравого смысла» I; II

Соллогуб Александр Иванович (1787–1843), граф – церемониймейстер, меценат и коллек-

ционер; сын И. А. Соллогуба, отец В. А. Соллогуба I; II

Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882), граф – писатель; сын А. И. Соллогуба I; II

Соллогуб Иван Антонович (1742–1812), граф – польский ген.-майор, на русской службе с 1777 I; II

Сомов Орест Михайлович (1793–1833) – писатель, журналист; в 1825–1829 активно сотрудничал в «Северной пчеле» I; II

Сомов Осип Григорьевич (ок. 1771 – 1812) – с 1782 солдат, с 1806 в 24 $\blacklozenge$ м егерском пехотном полку (майор), с 1807 подполковник, с марта 1811 – командир полка I; II

Сперанская Елизавета Михайловна (в браке Фролова-Багреева; 1799–1857) – фрейлина (с 1821), писательница, дочь М. М. Сперанского I; II

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), граф (1839) – статс-секретарь (с 1801), член Комиссии составления законов, секретарь Гос. совета (1810). С 1812 в опале и ссылке в Нижнем Новгороде и Перми. Пензенский гражданский губернатор (1816–1819),

сибирский ген.-губернатор (1819–1821); член Гос. совета (1821) I; II

Спиноза Бенедикт (1632–1677) – нидерландский философ I

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – филолог, этнограф; академик Петербургской академии наук (1851), декан историко-филологического факультета Петербургского университета (1855–1880) II

С—ский – главарь разбойничьей шайки в Могилевской губернии I

Стадион – см.: Штадион И. Ф.

Сталинский Михаил Васильевич (1768 – ?) – в Уланском цесаревича Константина Павловича полку с 1803, ротмистр; позднее подполковник (1810), участник Русско-турецкой войны (1787–1791), войн с наполеоновской Францией. С 1811 в отставке I

Станислав Август – см.: Понятовский Станислав II Август

Старженский Юзеф – первый муж Э. Радзивилл I

Старжинский Тит Людвигович – корнет, потом поручик Уланского цесаревича Константина Павловича полка. С 1809 в отставке

I; II

Старчевский Альберт Викентьевич (1818–1901) – журналист, историк, филолог. В 1848–1853 редактировал «Справочный энциклопедический словарь» издателя К. Края в 12 т.; в 1850♦х был вторым редактором журнала О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» II

Старынкевич Иван Александрович (1785–1846) – чиновник Комиссии составления законов, впоследствии директор Московского благородного пансиона (1830–1836) I; II

Стединг Курт Богислав Людвиг Кристофер фон (1746–1837), граф – шведский посланник в Петербурге (1790 – февр. 1808; сент. 1809 – 1811) I; II

Стенбок Яков Федорович (Стейнбок, Штейнбок; Яков Понтус; 1744–1824), граф – бригадир (1778) лейб-гвардии Конного полка; композитор, дирижер и музыкант-любитель I; II

Стерн Лоренс (1713–1768) – английский писатель II

Стефан Баторий (1533–1586) – король польский и великий князь литовский (с 1576). Основал в 1579 Виленский университет;

стабилизировал финансовую систему Речи Посполитой I; II

Стивенс Анна Элизабет (урожд. Планта) – жена Г. Стивенса, мать Е. А. Стивенс I; II

Стивенс Генри (? – 1789) – отец Е. А. Стивенс II

Стивенс Елизавета Андреевна (1781–1799) – жена М. М. Сперанского I; II

Строганов Александр Павлович (1794–1814), граф – подпоручик Главного штаба, сын П. А. Строганова; погиб в битве при Краоне I; II

Строганов Александр Сергеевич (1733–1811), граф (1798) – сенатор (1775), обер-камергер (1797), член Российской академии (1783), президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки (1800–1811), член Гос. совета (1804); крупнейший землевладелец и уральский горнозаводчик; коллекционер и меценат I; II

Строганов Григорий Александрович (1770–1857), барон, граф (с 1826) – российский посланник в Испании (1804–1808), в Турции (1816–1821), член Гос. совета (1827) I; II

Строганов Павел Александрович

(1774–1817), граф – ген.-майор (1807), ген.-лейтенант (1812), ген.-ад. (1811); во время Финляндской кампании (1808–1809) под начальством П. И. Багратиона участвовал в переходе на Аландские острова. Сын А. С. Строганова от второго брака; близкий друг Александра I, член Негласного комитета I; II

Строганов Сергей Григорьевич (Строгонов; 1794–1882), барон, граф (с 1826) – ген.-ад. (1835), сенатор (1837), ген. от кавалерии (1852), попечитель Московского учебного округа (1835–1847), член Гос. совета (1856), меценат II

Строганова Софья Владимировна (урожд. Голицына; 1775–1845), графиня – фрейлина; художница, хозяйка салона, который посещали литераторы и художники; сестра Д. В. Голицына, жена (с 1794) П. А. Строганова I; II

Строгонов А. С. – см.: Строганов А. С.

Строгонов Г. А. – см.: Строганов Г. А.

Строгонова С. В. – см.: Строганова С. В.

Струмило – арендатор имения, приятель отца Ф. В. Булгарина I

Стюэнс – см.: Стивенс Е. А.

Суворов Александр Васильевич (1729–1800), граф Рымникский (1789), князь Италийский

(1799) – полководец, генералиссимус (1799).
Булгарин написал его биографию (Суворов.
СПб., 1843) I; II

Суворов-Рымникский Александр Аркадьевич (1804–1882), граф, светлейший князь Итальянский – ген.-ад. (1846), ген. от инфантерии (1859). Участвовал в Русско-персидской войне 1827–1828, лифляндский, эстляндский и курляндский ген.-губернатор (1848–1861), петербургский военный ген.-губернатор (1861–1868)
II

Сульт Николая Жан де Дьё (1769–1851), герцог Далматский (1807) – маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн. В 1805–1807 командовал 4-м корпусом Великой армии I; II

Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – поэт и драматург I; II

Сухозанет (Иван Онуфриевич (1788–1861), ген. от артиллерии; ген.-ад., главный директор Пажеского и всех сухопутных корпусов (с 1832), или его брат Николай Онуфриевич (1794–1871), генерал от артиллерии (1852), военный министр (1856–1861)) I; II

Сухтелен Павел Петрович фон (Сухтелен

2♦й; Пауль; 1788–1833), барон, граф (с 1822) – участник войн с наполеоновской Францией, Русско-шведской (1808–1809) и Русско-турецкой (1811, 1828–1829) войн. В Финляндскую кампанию находился в Гродненском гусарском полку волонтером, в марте 1808 пожалован во флигель-ад.; участник перехода по льду Ботнического залива на Аландские острова, в мае 1809 произведен в штабс-ротмистры; позднее ген.-лейтенант (1826), ген.-ад. (1828). Предоставлял для журнала Булгарина «Северный архив» исторические документы. Сын П. К. Сухтелена I; II

Сухтелен Петр Корнильевич фон (Сухтелен 1♦й; Иоганн Петер; 1751–1836), барон, граф (с 1822) – выходец из Голландии на русской службе, инженер-ген.; с 1801 ген.-квартирмейстер русской армии; во время Финляндской кампании (1808–1809) ген.-квартирмейстер и начальник инженерных войск действующей армии. Руководил осадой Свартгольма и Свеаборга, принимал участие в подготовке Фридрихсгамского мирного договора. По окончании войны – посланник в Швеции (1809–1811, 1812–1813). Отец П. П. Сухтелена I; II

Сю Эжен (1804–1857) – французский писатель I; II

Сюше Луи-Габриель (1772–1826), граф (1808), герцог Альбуферский (1813) — дивизионный ген. (1799), маршал Франции (1811) I; II

Сюшет – см.: Сюше Л.-Г.

Табулевич – улан Уланского цесаревича Константина Павловича полка I

Тагайчинов Александр Иванович – кадет Первого кадетского корпуса, брат М. И. Тагайчинова, соученик Булгарина; в 1807 выпущен из корпуса подпоручиком в 16-ю артиллерийскую бригаду; участник войн с наполеоновской Францией I

Тагайчинов Михаил Иванович (1790 – ?) – кадет Первого кадетского корпуса, брат А. И. Тагайчинова, соученик Булгарина; в 1807 выпущен из корпуса подпоручиком в 16-ю артиллерийскую бригаду; участник войн с наполеоновской Францией; впоследствии ген.-майор (1844), ген.-лейтенант (1858); попечитель калмыцкого народа I

Такадая Кахэй (Такатай Кахи; 1769–1827) – владелец крупной японской торговой компании I; II

Талейран Шарль-Морис де (Талейран-Перигор; 1754–1838), князь Беневентский (1806) – председатель Национального собрания Франции (1788–1791), министр иностранных дел (1797–1799, 1799–1807, 1814–1815), премьер-министр (июль–сент. 1815) I; II

Талуэ Огюст-Фредерик-Бон-Амур де (1788–1842), маркиз, барон империи (1810) – офицер по особым поручениям при императоре Наполеоне (1807–1812), полевой маршал (1815), пэр Франции (1819) I

Таль Христиан Яковлевич (1764–1835) – нарвский купец, один из директоров в правлении учрежденного в 1817 Гос. коммерческого банка I

Тальма Франсуа-Жозеф (1763–1826) – французский актер I; II

Тальони Мария (1804–1884) – итальянская балерина I; II

Тальран – см.: Талейран Ш.-М. де

Тараканова Елизавета (между 1745 и 1753 – 1775) – политическая авантюристка, претендентка на российский престол, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа А. Г. Разумовского I; II

Тардиф – содержатель ресторана в Петербурге I; II

Татищев Василий Никитич (1686–1750) – историк, географ, экономист и гос. деятель II

Тауенцин Виттенберг Богислав Фридрих Эмануэль фон (1760–1824) – прусский ген., участник наполеоновских войн I; II

Тацит Публий (Гай) Корнелий (ок. 56 – ок. 117) – древнеримский историк I; II

Темпельгоф Георг Фридрих Людвиг фон (1737–1807) – прусский ген.-лейтенант, военный теоретик и историк; ген.-лейтенант (1802) II

Теплов Алексей Григорьевич (1757–1826) – музыкант-любитель; впоследствии действительный тайный советник, сенатор (1802); сын Г. Н. Теплова I

Теплов Григорий Николаевич (1716, по другим данным, 1717 – 1779) – сенатор (с 1775), действительный член Петербургской академии наук, почетный член Академии художеств; писатель, композитор-любитель, музыкант I

Теплова Мария Григорьевна (1763 – ?) – актриса-любительница, дочь Г. Н. Теплова I; II

Теплова Наталья Григорьевна (1758 – ?) – актриса-любительница, дочь Г. Н. Теплова I; II

Терлаич Григорий Иванович (1766–1811) – правовед, экстраординарный (1805–1809), затем ординарный профессор Главного педагогического института (1809–1811) I

Террайль де Баярд Пьер (1473–1524) – французский рыцарь, прозванный «рыцарем без страха и упрека» I

Тесницкая – капитанша, жившая в 1809 в Кронштадте I

Теш – инженер-поручик, участник Финляндской кампании 1808–1809 I

Тизенгауз Антоний (Тизенгаузен; 1733–1785) – литовский надворный подскарбий (казначей) с 1775, гродненский староста при Станиславе Понятовском; финансист, меценат II

Тиман Михаил Адамович (? – 1833), граф – двоюродный брат Булгарина. В 1807 из поручиков Изюмского гусарского полка переведен в лейб-гвардии Гусарский полк. Участвовал в боевых действиях Отечественной войны 1812, полковник (1813), командир Изюмского гусарского полка (1815–1816), генерал-майор (1829)

I; II

Тимковский Иван Осипович (1768–1837) – доктор медицины, цензор Петербургского цензурного комитета (1804–1821), директор гимназий и училищ Петербургской губернии (1811–1822) II

Тиран Елизавета Филипповна (Елизавета Терезия; урожд. Демут; 1781–1837) – жена Ф. И. Тирана, дочь Ф. Я. Демута, содержательница знаменитого в начале XIX в. Демутова трактира в Петербурге I

Тиран Франц Иванович (Франциск Людовик; 1778–1847) – майор, в русской службе с 1797, ад. ген.-губернатора Санкт-Петербурга гр. П. А. фон дер Палена (с 1800) I

Тит – см.: Веспасиан, Тит Флавий (39–81)

Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.) – древнеримский историк I

Толстой Николай Александрович (1765–1816), граф – обер-гофмаршал императорского двора (1801–1816) I

Толстой Петр Александрович (1770–1844), граф – ген. от инфантерии (1814), посол во Франции (1807–1808) I

Толстой Федор Иванович (1782–1846),

граф – участник кругосветной морской экспедиции под началом И. Ф. Крузенштерна; служил в Преображенском полку, участвовал в Финляндской кампании (1808–1809) и Отечественной войне 1812; в отставку вышел в чине полковника; игрок, дуэлянт, бретер I; II

Толь Карл Федорович (Карл Вильгельм фон Толль; 1777–1842), граф (с 1829) – в 1812 ген.-квартирмейстер 1ой армии, затем ген.-квартирмейстер главной армии, с дек. 1812 – ген.-квартирмейстер главного штаба его величества; ген. от инфантерии (1826), с 1833 главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями II

Томара (Тамара) – кадет, соученик Булгарина по Сухопутному шляхетскому кадетскому корпусу I

Торквемада Томас де (1420–1498) – член доминиканского ордена, великий инквизитор Испании (с 1483) II

Торкель-Кнутсон – см.: Кнутссон Т.

Тормасов Александр Петрович (1752–1819), граф (1816) – генерал от кавалерии (1801), главнокомандующий в Грузии (1808–1812) I

Тортус – коновал Уланского цесаревича

Константина Павловича полка I

Траверсе Иван Иванович (Жан Франсуа; 1754–1831), маркиз – адмирал (1801), член Гос. совета (1810), министр морских сил (1811–1828; в 1815 переименован в морского министра) I

Тремо Поль (1733–1810) – кухмистр (придворный повар) короля Станислава Августа; автор книг по кулинарии I; II

Тремон – см.: Тремо П.

Трескин Николай Иванович (1763–1842) – иркутский гражданский губернатор (1806–1819) I; II

Трощинский Андрей Андреевич (1772–1852) – полковник (1799), командир Императорского батальона милиции (дек. 1806 – дек. 1807), с которым принимал участие в войне с наполеоновской Францией, с дек. 1807 – ген.-майор. С 1811 в отставке I

Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) – статс-секретарь в 1793, позднее сенатор (1798), министр уделов (1802–1806), министр юстиции (1814–1817) II

Трубецкой Александр Никитич (1751–1778), князь – капитан-поручик, камергер; сын ген.-

прокурора и ген.-фельдмаршала Н. Ю. Трубецкого I; II

Трубецкой Василий Сергеевич (1776–1841), князь – действительный камергер (1798), флигель-ад. (1806), полковник, командир эскадрона Кавалергардского полка (1806), ген.-майор (1807), ген.-ад. (1807); впоследствии ген. от кавалерии (1826), сенатор (1826), член Гос. совета (1835) I

Тугаева Авдотья Максимовна (в браке Толстая; 1791–1861) – жена Ф. И. Толстого I; II

Тургенев Александр Иванович (1784–1846) – служил в Комиссии составления законов (с 1805), позднее директор Департамента духовных дел (1810–1824), камергер (1819); литератор и историк I; II

Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809) – ген.-поручик (1784), затем ген. от инфантерии (1798). В 1793–1796 – управляющий Минской, Брацлавской и Изяславской губерниями I

Тучков Николай Алексеевич (Тучков 1♦й; 1765, по другим данным, 1761 – 1812) – ген.-лейтенант (1799), во время Финляндской кампании 1808–1809 командир 5♦й дивизии; военный губернатор Каменец-Подольска (1811).

Брат П. А. Тучкова I; II

Тучков Павел Алексеевич (Тучков 3♦й; 1776–1858) – ген.-майор (1800), во время Финляндской кампании 1808–1809 шеф Вильманстрандского мушкетерского полка, командир отдельного сводного отряда. Младший брат Н. А. Тучкова I; II

Тышкевич Винцент (1757–1816), граф – референдарий великий литовский (1780–1781), сенатор Великого княжества Литовского; владелец местечка Свислочь I

Тышкевич Мария Тереза (урожд. княжна Понятовская; 1761–1834) – племянница короля Станислава Августа Понятовского, жена В. Тышкевича (с 1778). В 1781 разъехалась с мужем, жила во Франции, где была любовницей Ш.-М. Талейрана I

Тышкевич Ян (1801–1862), граф – первый ординат Биржанского ордината (майората) I

Тьер Мари Жозеф Луи Адольф (1797–1877) – французский политик и историк II

Тюревников Алексей Алексеевич – в Финляндскую кампанию 1808–1809 майор Тульского мушкетерского полка, позднее полковник (1814) I

Убри Петр Яковлевич (1774–1847) – дипломат, секретарь русского посольства во Франции в нояб. 1803 – авг. 1804; в мае–июле 1806 находился в Париже для ведения переговоров о мирном договоре I; II

Уваров Сергей Семенович (1786–1855), граф (с 1846) – президент Академии наук (с 1818), министр народного просвещения (1833–1849) I; II

Уваров Федор Петрович (1773, по другим данным, 1769 – 1824), граф – ген.-майор (1798), ген.-ад. (1798), шеф Кавалергардского полка (1799), ген.-лейтенант (1800), ген.-ад. (1801), ген. от кавалерии (1813) I; II

Уваров Федор Семенович (1786–1845) – полковник (1812), ген.-майор (1817). Брат С. С. Уварова I

Угрюмов Григорий Иванович (1764–1823) – исторический живописец и портретист, член Академии художеств (1797) I

Удино Николая Шарль (1767–1847), граф (1808) – бригадный ген. (1794), маршал империи (1809) I

Узловский – польский помещик I

Улан Давыд Александрович – подполков-

ник Татарского конного полка (1801–1806), с 1808 полковник, в 1813–1814 командир Нарвского драгунского полка I

Уланд Людвиг (1787–1862) – немецкий поэт, драматург и историк литературы. Вместе с Ю. Кернером стоял во главе кружка немецких романтиков, т. н. «швабской школы» I; II

Ульман – см.: Уланд Л.

Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук (Омар; 585–644) – второй праведный халиф (с 634) I; II

Уткин Николай Иванович (1780–1863) – гравер II

Ушаков Павел Петрович (1759–1840) – полковник, воспитатель великих князей Николая и Михаила Павловичей; впоследствии ген.-ад. (1825), ген.-лейтенант (1826) I

Ушаков Федор Александрович (1768 или 1769 – 1841) – ген.-майор (1800), участник Финляндской кампании 1808–1809, шеф Литовского мушкетерского полка I

Фац Вильгельм Александрович (1782, по другим данным, 1780 – ?) – с 1803 поручик в Уланском цесаревича Константина Павловича полку, позднее полковник (1811) I

Фегезак Эберхард Эрнст Готхард фон

(1763–1818) – шведский ген.-лейтенант (1811), во время Русско-шведской войны 1808–1809 ген.-майор (1809) I; II

Федоров Василий Михайлович (ок. 1778 – не ранее 1833) – драматург, поэт, переводчик II

Федоров Федор – учащийся Владимирской семинарии II

Федорова Прасковья (ок. 1741 – 1801) – мать М. М. Сперанского II

Фелис-Андриё – см.: Филлис Ж.

Фельет (Фильетти) Луи – устроитель маскарадов в Петербурге I; II

Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651–1751) – французский писатель, теолог I; II

Феофилакт (в миру Федор Гаврилович Русанов; 1765–1821) – епископ (с 1808 – архиепископ) Калужский (1799–1809), Рязанский (1809–1819), экзарх Грузии (1819–1821), митрополит (с 1819) II

Фердинанд I (1503–1564) – король Венгрии и Богемии (с 1526), король Германии (с 1531), император Священной Римской империи (с 1558) I

Фердинанд IV (1751–1825) – король Неаполя

(1759–1806, 1815–1816), король Сицилии (под именем Фердинанда III; 1759–1816), король Обеих Сицилий (под именем Фердинанда I; 1816–1825) I; II

Фердинанд VII (1784–1833) – принц Аранхуэсский, затем король Испании (март–май 1808; 1814–1833) I

Фердинанд, принц Брауншвейгский (1721–1792) – прусский ген.-фельдмаршал, сподвижник Фридриха Великого, во время Семилетней войны командовал объединенной армией союзников I; II

Ферзен Иван Евстафьевич (1739, по другим данным, 1743 или 1747 – 1799) барон, граф (с 1795) – ген. от инфантерии (1798); директор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса с дек. 1797 по янв. 1798 I; II

Фермор Виллим Виллимович (1702–1771), граф (с 1758) – русский военачальник, ген.-аншеф II

Фетх-Али (1772–1834) – персидский шах (с 1797) II

Филипп V (1683–1746) – король Испании (с 1700) I

Филиппонов – ямщик в Белоруссии I

Филис Жанетта (в браке Андриё; 1780–1838) – французская певица, сопрано итальянской оперы в Санкт-Петербурге (1803–1812) I; II

Филисов Павел Андреевич (1769–1821) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 полковник, шеф Полоцкого мушкетерского полка, позднее ген.-майор (1809) I; II

Философов Михаил Михайлович (1732–1811) – ген. от инфантерии (1796), член Гос. совета (1801) I

Фитингоф Теодора фон (в первом браке Забелло) – жена ген. фон Фитингофа I

Фишер Станислав (1769–1812) – польский бригадный ген.; участник восстания под предводительством Т. Костюшко, ранен в бою под Мацейовицами и взят в плен, содержался в Петропавловской крепости, затем в Нижнем Новгороде; после освобождения воевал в составе польского легиона; начальник штаба войск Герцогства Варшавского (1808), участник похода Наполеона в Россию I

Фиандт Отто фон (Фиандт; 1762–1823) – во время Русско-шведской войны 1808–1809 шведский майор, затем подполковник, ко-

мандовал партизанскими отрядами на территории Финляндии I; II

Флавий Велизарий (ок. 505 – 565) – византийский полководец II

Флориан Жан-Пьер-Клари де (1755–1794) – французский писатель, автор произведений в пасторальном и нравоучительном духе I; II

Фок Александр Борисович (1763–1825) – ген.-майор (1799), дежурный ген. при графе Л. Л. Беннигсене (1807–1810), ген.-лейтенант (1813) I; II

Фок Максим Яковлевич фон (Магнус Готфрид; 1782, по другим данным, 1771, 1774, 1775 – 1831) – служил в Министерстве коммерции (1802–1806), в Особенной канцелярии Министерства полиции (1811–1826; с 1819 – директор), управляющим III отделением (1826–1831) I; II

Фокс Чарльз Джеймс (1749–1806) – английский политический деятель, лидер радикального крыла вигов; в 1806 министр иностранных дел Великобритании I; II

Фоларт Иван Иванович (Фолгарт, Фолар; 1754 – ?) – из гессен-дармштадтских дворян; с 1786 служил в лейб-гвардии; после отставки

(1787) библиотекарь Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, капитан (1789), надворный советник (1803) I; II

Фома Кемпийский (ок. 1379 – 1471) – немецкий монах, теолог I; II

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792) – драматург, прозаик I; II

Франсиско де Паула (1794–1865), герцог Кадикский – младший сын короля Испании Карла IV, брат Фердинанда VII I

Франц II (1768–1835) – последний император Священной Римской империи (1792–1806); первый император Австрии (с 1804), король Богемии и Венгрии (с марта 1792; под именем Франца I) I; II

Францкевич Мартын Антонович (1782 – ?) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 корнет 6-го эскадрона 2-го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; впоследствии подполковник Чугуевского уланского полка (1828) I; II

Франческо, герцог Калабрийский (1777–1830) – король королевства Обеих Сицилий с 1825 (под именем Франциск I) I; II

Фредерик, герцог Йоркский (1763–1827) –

фельдмаршал, сын английского короля Георга IV, главнокомандующий британскими сухопутными силами; командующий англо-русской экспедицией в Голландии в 1788 II

Фрейганг Андрей Иванович (1805–1875) – цензор Петербургского цензурного комитета (1836–1859), цензурировал «Северную пчелу» (1837–1848; с перерывами) II

Фрейгольд Александр Яковлевич (1767–1804) – артиллерийский офицер, дядя Н. И. Греча II

Фрейгольд Яков Филиппович (1728–1786) – майор, дед Н. И. Греча по матери II

Фрейман – в Финляндскую кампанию 1808–1809 капитан Ревельского мушкетерского полка I

Фрейман Федор Юрьевич фон (1725–1796) – ген.-майор (1760). В 1772 руководил подавлением мятежа яицких казаков, в 1774 участвовал в окончательном подавлении восстания Пугачева; ген.-поручик (1779) II

Френ Христиан Данилович (1782–1851) – ориенталист, академик Петербургской академии наук (с 1817) II

Френцель – владелец трактира в Петербур-

ге I

Фрер Джон Гукхем (1769–1846) – английский дипломат, чрезвычайный и полномочный посланник Англии при испанском дворе (1808) I; II

Фрерон Эли Катрин (1719–1776) – французский журналист, критик и писатель I; II

Фридрих I (Фридрих Вильгельм Карл; 1754–1816) – брат императрицы Марии Федоровны, с 1782 на российской службе; герцог (с 1797), затем курфюрст (с 1803), затем король Вюртемберга (с 1806) I; II

Фридрих II Великий (1712–1786) – король Пруссии (с 1740) I; II

Фридрих Август I – см.: Фридрих Август III

Фридрих Август III (1750–1827) – курфюрст саксонский с 1763, король саксонский под именем Фридрих Август I (с 1806) I; II

Фридрих Вильгельм I (1688–1740) – король Пруссии (с 1713) I

Фридрих Вильгельм II (1744–1797) – король Пруссии (с 1786) I; II

Фридрих Вильгельм III (1770–1840) – король Пруссии (с 1797) I; II

Фридрих Вильгельм Вюртембергский – см.:

Фридрих I

Фридрих Генрих Карл, принц Прусский (1781–1846) – прусский военачальник; в 1806 полковник, участник битвы при Ауэрштедте; брат короля Фридриха Вильгельма III I

Фридрих Фердинанд Ангальт-Кётен-Плесский (1769–1830) – князь Ангальт-Кётенский с 1818. Ген.-майор прусской армии (1806), губернатор Силезии (1806–1807) I

Фридрих Франц I Мекленбургский (1756–1837) – герцог Мекленбург-Шверина (с 1785) I; II

Фролов Григорий Николаевич (? – 1812) – полковник (1806), командир 4♦го егерского полка (1806–1807) I; II

Фролов-Багреев Александр Алексеевич (1785–1845) – черниговский губернатор (1818–1824), сенатор (1834), зять М. М. Сперанского I; II

Фукс – шведский капитан, во время Русско-шведской войны 1808–1809 командир саволакских драгун I; II

Фукс Егор Борисович (1762–1829) – историк, ад. А. В. Суворова, директор военной канцелярии М. И. Голенищева-Кутузова (1812–1813) I;

П

Фультон Роберт (Фултон; 1765–1815) – американский инженер-изобретатель, создатель одного из первых пароходов I; II

Фусс Николай Иванович (1755–1825) – швейцарский математик, академик Петербургской академии наук (1783), профессор в Первом кадетском корпусе, автор нескольких учебников по математике, написанных для кадетов I

Ханьков Петр Иванович (1743–1813) – адмирал (1799), главный начальник Кронштадтского порта (с 1801) I

Хвостов Александр Семенович (1753–1820) – дипломат, переводчик I

Хвостов Дмитрий Иванович (1757–1835), граф (1802) – поэт, переводчик, член Российской академии (1791) I; II

Хвостов Николай Александрович (1776–1809) – лейтенант флота. Состоял на службе в Российско-Американской компании; исследователь Русской Америки, Курильских островов и острова Сахалин I; II

Хемницер Иван Иванович (1745–1784) – баснописец; дипломат II

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) –

поэт, прозаик и драматург I; II

Хитрово Николай Федорович (Хитров; 1771–1819) – ген.-майор (1801) I

Хлебников Андрей Ильич (1777–1868) –
штурман 9♦го класса, член экипажа шлюпа
«Диана» I; II

Хлевинский – богатый польский помещик,
владелец дома в Слуцке в начале XVIII в. I

Хлопицкий Тадеуш – ковенский земский судья,
брат Ю. Г. Хлопицкого I

Хлопицкий Юзеф Гжегож (1771–1854) – полковник (1807), затем ген.-лейтенант (1814).
Участник Франко-испанской войны (1808–1814) в составе польского легиона на стороне Франции, диктатор Польского восстания 1830–1831 (нояб. – дек. 1830) I

Хмельницкий Николай Иванович (1791–1845) – драматург II

Хованский Василий Алексеевич (1755–1830), князь – капитан лейб-гвардии Семеновского полка, с 1775 флигель-ад. ген.-фельдмаршала А. М. Голицына, впоследствии сенатор; музыкант и актер-любитель I; II

Хованский Николай Николаевич (1777–1837), князь – ген. от инфантерии (1828),

ген.-губернатор витебский, смоленский и моголевский (1823–1836) I; II

Ховен Роман Иванович (1775–1861) – ген.-майор, тифлисский гражданский губернатор (1818–1829) II

Ходкевич Ян Кароль (1560–1621) – великий подचाший литовский (1596), генеральный староста жмудский (1599–1616), польный гетман литовский (1600–1605), воевода виленский (1616–1621), гетман великий литовский (1605–1621) I

Хомутов – в 1803–1805 кадет Первого кадетского корпуса I

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – поэт, публицист, мыслитель II

Хрипков Александр Дмитриевич (1799 – ?) – изучал военные науки в Дерптском университете, потом служил в армии, вышел в отставку в чине лейтенанта и поселился в Дерпте II

Худинский Иосиф Михайлович (1790 или 1791 – не ранее июля 1849) – в военной службе с 1807, участник войн с наполеоновской Францией, Финляндской кампании 1808–1809, Русско-турецкой войны (1828–1829); служил в Пермском пехотном полку, потом в Севском,

в Казанском, в Одесском пехотном (командовал последним в 1823–1830), затем командовал 3-й егерской бригадой 19-й пехотной дивизии, ген.-майор (1833), с 1833 командир 1-й бригады 22-й пехотной дивизии. В 1840 уволен от службы I

Цветков Михаил Никитич (1771–1813) – инспектор Юнкерской школы при Сенате, редактор газеты «Северная почта» (с 1809), переводчик с французского учебных пособий II

Цезарь Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н. э.) – римский полководец и гос. деятель I; II

Цейер Франц Иванович – председатель Симферопольской межевой комиссии II

Цесарь – см.: Цезарь Гай Юлий

Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.) – древнеримский оратор, писатель, гос. деятель II

Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806), князь – ген. от инфантерии (1804) I; II

Цыбульский Иван Денисович (1771–1837) – выпускник Несвижского кадетского корпуса, ген.-майор (1800) I

Цыхра (Сихра) Йозеф (Осип) – педагог I

Цыхра А. О. – см.: Сихра А. О.

Цыхра Л. О. – см.: Сихра Л. О.

Ч–в – см.: Челябин Ф. С.

Чавчавадзе Александр Гарсеванович
(1786–1846), князь – ген.-майор, начальник
Эриванской области; поэт. Тесть А. С. Грибо-
едова II

Чавчавадзе Мария Ивановна, княгиня –
мать С. И. Чавчавадзе, бабушка Н. А. Чавча-
вадзе II

Чавчавадзе Нина Александровна
(1812–1857), княжна – жена А. С. Грибоедова (с
1828) II

Чавчавадзе Саломе Ивановна (урожд. Орбе-
лиани; ? – 1836), княгиня – мать Н. А. Чавча-
вадзе II

Чаликов Антон Степанович (Шалика-
швили; 1754–1821) – в Уланском цесаревича
Константина Павловича полку с 1803 полков-
ник, с янв. 1807 – командир, ген.-майор (1807),
с 1809 – командир лейб-гвардии Уланского
полка, с 1818 – командир легкой Гвардейской
кавалерийской дивизии I; II

Чаплиц Ефим Игнатьевич (1768–1825) –
ген.-майор (1801), ген.-лейтенант (1812) I

Чапский Франтишек Станислав (Гут-

ген-Чапский; 1725–1802) – воевода хелмский I

Чарторийский Адам Ежи (Чарторыйский, Чарторижский; Адам Адамович; 1770–1861), князь – близкий друг и советник Александра I, член Негласного комитета (1801–1803), министр иностранных дел (1804–1806), попечитель Виленского учебного округа (1803–1824), сенатор (с 1805), член Гос. совета (1810). Позднее – участник польской оппозиции, председатель Народного правительства Польши (1831); после поражения восстания (1831) жил во Франции, возглавляя польскую эмиграцию I; II

Чарторийский Адам Казимир (1734–1823), князь – генеральный староста подольский (с 1758), австрийский ген.-фельдмаршал. Польский политик, просветитель и меценат; поэт и драматург. Отец А. Е. Чарторийского I; II

Чарторийский Константин Адамович (Константин Адам Александр Казимир; 1773–1860), князь – польский ген.; в русской службе (ад. великого князя Константина Павловича) до 1799, после увольнения от службы ген. Герцогства Варшавского и участник похода Наполеона в Россию. Младший брат А. Е.

Чарторийского I; II

Чацкий Тадеуш (Фаддей Феликсович; 1765–1813) – польский гос. и общественный деятель, историк, публицист I; II

Чацкий Фаддей (Тадеуш?) – родственник Д. И. Радзивилла I

Чекин Алексей Максимович – житель Курильского острова Расшуа I; II

Челяев Федор Степанович (Челеев; 1764–1828) – полковник, впоследствии генерал-майор (1826); автор книги «Полное и подробное наставление о составлении увеселительных огней, фейерверками именуемых, с присовокуплением приуготовления военных огнестрельных и зажигательных вещей в пользу артиллеристов и любителей сего упражнения» (СПб., 1824) I; II

Чемоданов Павел Иванович – отставной прапорщик (лейб-гвардии Измайловского полка?), отец А. П. Чемодановой II

Чемоданова Анна Павловна (1801–1832) – жена А. И. Михайловского-Данилевского II

Черкасов Петр Андреевич (1740 – ?) – коллежский ассессор, учитель в Первом кадетском корпусе I

Черкасский Иван Николаевич (1791? – 1811?), князь – штабс-капитан, в Финляндскую кампанию 1808–1809 подпоручик (с 1807), затем поручик (с янв. 1809) лейб-гвардии Егерского полка I

Черни – дочь Я. Черни I

Черни Я. (Czerny J.) – профессор физики, организатор полета на воздушном шаре в Петербурге I; II

Чернозубов Петр Аврамович (? – 1811) – командир лейб-гвардии Казачьего полка (1802–1808), ген.-майор (1807) I

Чернышев Александр Иванович (1785–1857), граф (1826), светлейший князь (1841) – дипломат, выполнял поручения Александра I, впоследствии военный министр (1832–1852), председатель Гос. совета и Комитета министров (1848–1852) I; II

Чернышев Иван Львович (1736–1793) – ген.-поручик (1783), сенатор (1784); отец А. И. Чернышева I

Чернышева Евдокия Дмитриевна (урожд. Ланская; не ранее 1760 – 1816) – жена И. Л. Чернышева, мать А. И. Чернышева I

Чернышева Мавра Ивановна (1784–1806) –

дочь И. Л. и Е. Д. Чернышевых I; II

Ческий Иван Васильевич (Чесский; 1777–1848) – художник-гравер, член Академии художеств (1807) I

Чесновский Станислав Викентьевич – в Финляндскую кампанию 1808–1809 корнет, затем поручик 10♦го эскадрона 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка I

Четвертинская Жанетта Антоновна (Святополк-Четвертинская; 1777–1854), княжна – фаворитка великого князя Константина Павловича. В 1816 вышла замуж за графа С. Вышковского I

Четвертинская, княжна – см.: Святополк-Четвертинская К. А.

Четвертинская М. А. – см.: Нарышкина М. А.

Четвертинские – см.: Святополк-Четвертинские

Четвертинский Борис Антонович (Святополк-Четвертинский; 1784–1865), князь – полковник (1803), в 1807 служил в Александрийском гусарском полку; шталмейстер (1827), обер-шталмейстер (1856) I

Чичагов Павел Васильевич (1767–1849) – адмирал (1807), морской министр (1807–1811), член Гос. совета (1811), командующий 3[♦]й армией (в 1812) I; II

Чоглоков Павел Николаевич (1772–1832) – во время Финляндской кампании 1808–1809 полковник, шеф Перновского полка, затем ген.-майор (июнь 1808), ген.-лейтенант (1813) I

Шабо Альфред Жан Этьен, барон – содержатель католического пансиона в Петербурге II

Шаво – француз, ресторатор в Варшаве I

Шампаньи Жан Батист Номпер де (1756–1834), герцог де Кадор (1808), пэр Франции (1819) – министр внутренних дел (1804–1807), министр иностранных дел (1807–1811) I; II

Шапошников – петербургский купец I

Шарлотта Р. – французская шпионка I

Шармуа Франсуа Бернар (1793–1869) – профессор персидского языка в Главном педагогическом институте (1817–1819), Петербургском университете (1819–1822, 1831–1835), Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте (1823–1835) II

Шаров – петербургский извозчик I

Шахбаз Герай (1731–1793) – претендент на престол Крымского ханства, присоединенного к России в 1783. В 1787 турецкий султан назначил его крымским ханом, но реально он контролировал лишь Буджак I; II

Шаховской Александр Александрович (1777–1846), князь – драматург, член репертуарной части императорских театров (1802–1818, 1821–1825) I; II

Швейковский – аббат в Варшаве, родственник Булгарина I

Швендровский – секретарь польского короля С. Понятовского I; II

Шебуев Василий Козьмич (1777–1855) – исторический живописец, заслуженный ректор Академии художеств (1832) I

Шевич Иван Егорович (1754–1813) – ген.-лейтенант (1813), командир лейб-гвардии Гусарского полка (1808–1813) I

Шевнин Нил Иванович (1772–1824) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 подполковник Лейб-гренадерского полка, позднее ген.-майор (1816) I

Шевырев Степан Петрович (1806–1864) –

поэт, литературный критик, литературовед I;
II

Шекспир Уильям (1564–1616) – английский поэт и драматург I; II

Шеллинг Фридрих Йозеф (1775–1854) – немецкий философ I

Шелудяков Данила Григорьевич (1725 – не ранее 1777) – яицкий казак I; II

Шепетковский Кирилл Иванович – капитан, затем майор, командир роты в Сухопутном шляхетском (Первом) кадетском корпусе I

Шереметев Борис Петрович (1652–1719), граф (1706) – ген.-фельдмаршал (1701) I; II

Шереметев Дмитрий Николаевич (1803–1871), граф – флигель-ад. (1831), камергер (1838), гофмейстер (1856); филантроп I; II

Шереметев Николай Петрович (1751–1809), граф – обер-камергер (1798), сенатор (1786); меценат и филантроп I

Шерер Александр Николас (Александр Иванович; 1771–1824) – химик, член Петербургской академии наук (1815) I; II

Шидловский – во время Русско-шведской войны 1808–1809 капитан Севского мушкетер-

ского полка I

Шиллер – немец, ресторатор в Варшаве I

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) – немецкий поэт и драматург I; II

Шиль Фердинанд фон (1773–1809) – прусский поручик (майор с 1808); создатель и руководитель волонтерского подразделения для борьбы с французской армией, национальный герой Германии I

Шиль – см.: Шиль Ф. фон

Шиповский – учащийся Александро-Невской главной семинарии II

Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790–1853), князь – директор канцелярии Министерства народного просвещения, в 1842–1850 – товарищ министра народного просвещения, с 1850 и до смерти – министр народного просвещения. Член Российской академии (1828) II

Ширков Павел Семенович (1770 – ?) – ген.-майор (с 1803 по 30 окт. 1826), инспектор трех морских полков и шеф 1-го морского полка (1803–1811), начальник 25-й пехотной дивизии (январь – окт. 1811); в отставке с окт. 1811 I; II

Шишков Александр Семенович (1754–1841) –

писатель, переводчик, филолог. Адмирал (1824). Гос. секретарь (1812–1814), президент Российской академии (1813–1841); член Гос. совета (1814), министр народного просвещения (1824–1828). Отрицательно относился к творчеству Булгарина I; II

Шлейснер Павел Христианович (ок. 1760 – 1838) – педагог II

Шлёцер Август Людвиг (1735–1809) – немецкий историк, академик Петербургской академии наук (1764), профессор Геттингенского университета (с 1772) II

Шмидт Александр Христианович (1780–1848) – поручик, преподаватель полевой фортификации в Сухопутном шляхетском (Первом) кадетском корпусе; впоследствии ген.-майор (1829) I

Шмит – см.: Шмидт А. Х.

Шмитт – см.: Смитт Ф. фон

Шницлер Иоганн Генрих (1802–1871) – французский историк и статистик II

Шперберг Иван Яковлевич (1770–1856) – ротмистр (1807), ад. великого князя Константина Павловича; подполковник (1811), полковник (1814), ген.-майор (1814) I

Шрёк Иоганн Матиас (1733–1808) – немецкий историк II

Штабс Фридрих (1791–1809) – немецкий студент, пытавшийся убить Наполеона I

Штадион Иоганн Филип, граф фон Вартгаузен (1763–1824) – посол Австрии в Петербурге (1804–1805), министр иностранных дел (1805–1809) I

Штадлер – начальница госпиталя при Сухопутном шляхетском кадетском корпусе I

Штакельберг Антон Густав Отто фон (1793–1808) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 поручик 3♦го егерского полка I; II

Штакельберг Густав Оттонович (1766–1850) – дипломат, в частности чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пруссии (1807–1808) I

Штакельберг Оттон Магнус фон (1736–1800), барон, граф (с 1775) – камергер, русский посланник (с 1772), затем чрезвычайный посланник и полномочный министр в Варшаве (1775–1790). В 1792–1793 возглавлял русскую миссию в Швеции I; II

Штейн Генрих Фридрих Карл (1757–1831) – прусский гос. деятель, премьер-министр

(1807–1808) I

Штейнгель Фаддей Федорович фон (Фабриан Годгард, Фабриан Готхард; 1762–1831), граф (1812) – ген.-майор (1798), ген.-лейтенант (1807), ген. от инфантерии (1819). Ген.-губернатор Финляндии (1809) I

Штенбок – см.: Стенбок Я. Ф.

Штиглиц Людвиг Иванович фон (1777–1842), барон (1828) – российский придворный банкир, уроженец Германии I

Шторх Андрей Карлович (1766–1835) – экономист, историк и библиограф. Академик (1804), вице-президент (1830) Петербургской академии наук I; II

Шуберт Фридрих Теодор (Федор Иванович; 1758–1825) – математик, астроном, геодезист. Академик Петербургской академии наук (1789) I

Шувалов Андрей Павлович (1817–1876), граф – предводитель дворянства Петербургской губернии (1872–1876) I; II

Шувалов Андрей Петрович (1744–1789), граф – камергер (1761), сенатор (1782), предводитель дворянства Петербургской губернии (1784–1785), писатель I; II

Шувалов Иван Иванович (1727–1797) – ген.-ад. (1760), обер-камергер (1778), меценат, основатель Московского университета и Академии художеств II

Шувалов Павел Андреевич (1776–1823), граф – ген.-ад. (1808), ген.-лейтенант (1809). Сын Андрея Петровича Шувалова I; II

Шувалов Петр Иванович (1711–1762), граф (1746) – камергер (1741), сенатор (1744), ген.-фельдмаршал (1762) II

Шувалов Петр Павлович (1819–1900), граф – предводитель дворянства Петербургской губернии (1857–1862), камергер (1860) I; II

Шувалова Александра Андреевна (1775–1847) – жена (с 1797) Ф. И. Дитрихштейна I

Шувалова Екатерина Петровна (урожд. Салтыкова; 1743–1817), графиня – жена Андрея Петровича Шувалова I

Шувалова Прасковья Андреевна (1767–1828) – писательница, жена М. А. Голицына I

Шульгин Александр Сергеевич (1775–1841) – подполковник (1802), ад. великого князя Константина Павловича в 1808, 1813–1814, ген.-

майор (1814), московский обер-полицмейстер (1816–1825), петербургский обер-полицмейстер (1825–1826) I; II

Шумский Михаил Андреевич (1803–1851) – воспитанник Аракчеева; с апр. 1824 – флигель-ад.; в июне 1830 уволен от службы с чином поручика II

Шух – немец, ресторатор в Варшаве I

Щеглов Василий Харитонович (1776 – ?) – поручик (1800) Сумского гусарского полка, с 1803 Уланского цесаревича Константина Павловича полка, затем ротмистр I

Щербатов Алексей Григорьевич (1776–1848), князь – ген.-майор (1800), ген.-лейтенант (1813), ген.-ад. (1816), ген. от инфантерии (1823). Московский военный ген.-губернатор (1844–1848) I

Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790), князь – историк, публицист II

Эддингтон Генри (1757–1844) – спикер британской палаты общин с 1784, премьер-министр (1801–1804) II

Эдуард – в 1802–1805 кадет Первого кадетского корпуса I

Эзон – легендарный древнегреческий бас-

нописец II

Эльснер Юзеф Антоний Франтишек (1769–1854) – польский композитор немецкого происхождения; главный дирижер Театра Народового (1799–1824) I

Эльфингстон Джон (1722–1785) – английский морской офицер на русской службе (1769–1774) I

Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775–1837) – ген.-лейтенант, с 1826 командовал линейными войсками на Кавказской линии II

Энгель – хозяин трактира в Ревеле I

Энгель Федор Иванович (1766–1837) – статс-секретарь Департамента экономии Гос. совета (1810–1818), сенатор (1820), член. Гос. совета (1828) I

Энгельгардт Василий Васильевич (1785–1837) – полковник в отставке. Владелец дворца в Петербурге, где проходили балы, концерты и т. д. I; II

Энгельгардт Ольга Михайловна (урожд. Кусовникова; 1796–1853) – домовладелица, жена полковника В. В. Энгельгардта II

Энгельман Григорий Иванович (между 1758

и 1762 – 1832) – инженер, управляющий Стрельнинской мызой, садовод, член Императорского Вольного экономического общества I; II

Энгиенский, герцог – см.: Конде Л. А. А.

Эпиктет (ок. 50 – 138) – древнегреческий философ-стоик I

Эрик IX Святой (ок. 1120 – 1160) – шведский король (1156–1160), организатор первого крестового похода в Финляндию I

Эриксон Иван Матвеевич (? – 1811) – ген.-майор (авг. 1808), шеф 26[♦]го егерского полка (1806) I; II

Эскойкис Мората Хуан (1747–1820) – испанский религиозный деятель, писатель и педагог. Был воспитателем (с 1796) принца Аранхуэсского, будущего короля Фердинанда VII; за участие в 1807 в заговоре с целью возвести его на престол был отправлен в монастырь, где пребывал до отречения Карла IV I

Эссен Иван Николаевич фон (Эссен 1[♦]й; Магнус Густав; 1759–1813) – ген.-лейтенант (1799), шеф Черниговского мушкетерского полка (с 1797); в 1805 командовал корпусом в составе союзной армии в Восточной Пруссии;

рижский военный губернатор и главноуправляющий по гражданской части Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (1810–1812) I; II

Эстер (Эстерка, Эстер Малах; XIV в.) – еврейка, возлюбленная короля польского Казимира III I; II

Эстерхази де Галанта де Гродек, Балинт Ласло (Валентин Ладислас; 1740–1805), граф – венгерский магнат, полевой маршал французской службы (1780). В 1790 эмигрировал в Россию I; II

Юге – содержатель трактира Демута в 1802–1809 I

Юденев – в Финляндскую кампанию майор Петровского мушкетерского полка I

Юдицкий Юзеф (ок. 1725 – после 1800), граф – ген.-лейтенант польских войск I; II

Юсупов Борис Николаевич (1794–1849), князь – гофмейстер; сын вельможи и мецената Н. Б. Юсупова I; II

Яворский Иван Васильевич (? – 1799) – премьер-майор в Магистратской конторе Петербурга; музыкант-любитель I

Языков Дмитрий Иванович (1773–1845) – историк, переводчик, действительный член и

непременный секретарь (с 1835) Российской академии II

Языков Николай Михайлович (1803–1845) – поэт. В очерке «Прогулка по Ливонии» Булгарин писал о нем, как о «человеке с необыкновенным дарованием», находя в его стихах «глубокое чувство и свежесть мыслей» (Северная пчела. 1827. № 75). В «Северной пчеле» Языков поместил три стихотворения (1825. № 60; 1827. № 19; 1828. № 49) II

Якимов Василий Петрович (Екимов; 1758–1837) – литейный мастер, заведующий Литейным домом Академии художеств (1805–1837) I

Яков I (1566–1625) – английский король (с 1603) I; II

Яковлев Александр Александрович (1787–1849) – в Финляндскую кампанию 1808–1809 корнет, батальонный ад. 2♦го батальона Уланского цесаревича Константина Павловича полка; в 1809 переведен в лейб-гвардии Драгунский полк, в 1812 поручик этого полка, участник войн с наполеоновской Францией; в отставке с 1816 в чине капитана I; II

Яковлев Алексей Иванович (1768–1849) – внук С. Я. Яковлева, владелец Верх-Исетского горнозаводского округа, богач I; II

Яковлев Алексей Семенович (1773–1817) – трагический актер, ученик И. А. Дмитревского I; II

Яковлев Савва Яковлевич (наст. фамилия Собакин; 1713–1784) – предприниматель, богач, меценат I

Яковлева Прасковья – воспитанница С. Я. Яковлева, жена К. Х. Кеттермана I; II

Яковлевы – петербургские домовладельцы II

Ян II Казимир Ваза (1609–1672) – польский король (1648–1668) I; II

Ян III Собесский (1629–1696) – король польский и великий князь литовский (с 1674), полководец. Разгромил турецкую армию в битве в 1683, навсегда прекратив турецкие походы в Европу I

Ян Фридрих-Людвиг (1778–1852) – немецкий педагог и политик, содействовал возникновению движения буршенштафта I; II

Янкович Иван Федорович (Янкович-де-Мириево; 1778–1811) – ген.-майор (1803), коман-

дир лейб-гвардии Конного полка; впоследствии ген.-лейтенант (1811) I; II

Янчин Александр – откупщик I

Ярослав Владимирович (Ярослав Мудрый; ок. 978 – 1054) – князь ростовский (987–1010), князь новгородский (1010–1034), великий князь киевский (1016–1054) I; II

Ясинский Якуб (1759 или 1761 – 1794) – польский ген., поэт; организатор и участник восстания в Вильно, избранный главнокомандующим литовских повстанческих войск (1794) I

Ястребцов Иван Иванович (1776–1839) – педагог, переводчик II

Bignon – см.: Биньон Л. П. Э.

Blanchard P. – см.: Бланшар П.

Bobrowicz J. N. – см.: Бобрович Я. Н.

Cotin Charles (Котен Шарль; 1604–1682) – французский писатель, аббат II

Gorani Giuseppe (Горани Джузеппе; 1740–1819) – итальянский историк, писатель и дипломат I

Niesiecki K. – см.: Несецкий К.

Pierer H. A. – см.: Пирер Х. А.

Reyten T. – см.: Рейтан Т.

Stanhope Hester Lucy (Стенхоуп Эстер Люси; 1776–1839) – путешественница, археолог I; II

Vehse Carl Eduard (Фезе Карл Эдуард; 1802–1870) – немецкий историк и архивист II

Примечания

Гёрлиц – город в Саксонии.

[^^^]

2

Сражение под саксонским городом Бауценом между Наполеоном и русско-прусской армией состоялось 20–21 мая 1813 г. Закончилось оно отступлением союзников в Силезию и заключением через две недели перемирия до 11 августа.

[^^^]

В аттестате Булгарина о службе во французских войсках, выданном 11 октября 1814 г., указано, что с августа 1810 г. он служил подпоручиком в 3^м легионе французских улан, с 1811 г. воевал в составе Польского легиона французских войск в Испании (в Каталонии, под командованием маршала Сюше), в 1812–1814 гг. находился в составе Великой императорской армии, под командованием маршала Удино; участвовал в сражениях под Кульмом, Лейпцигом, Ганау и удостоен ордена Почетного легиона (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 368).

[^^^]

4

Ошибка. Имеется в виду Жан Пьер Жозеф Брюер.

[^^^]

5

Ошибка. Ж. П. Ж. Брюер не был племянником Бертье, он был женат на его племяннице.

[^^^]

Булгарин в октябре 1806 г., когда ему уже исполнилось 17 лет, был выпущен из Первого кадетского корпуса в Уланский его императорского высочества государя цесаревича полк и вскоре принял участие в военных действиях против наполеоновских войск.

[^^^]

Кстати (*фр.*).

[^^^]

То есть в рот ей был вложен мундштук – железные удила, которые при натягивании поводя закручивают язык лошади.

[^^^]

9

Луидор – французская золотая монета XVII–XVIII вв., вес которой составлял 8–9 г.

[^^^]

Это настоящий! (*нем.*).

[^^^]

Либо оформление повышения затянулось, либо Булгарин для эффектной концовки допустил небольшую неточность: по данным упомянутого в примеч. 3 аттестата он получил чин капитана (в 7^м легионе французских улан) только в ноябре 1813 г., то есть через полгода после описываемых событий.

[^^^]

Если верить Булгарину, это была не последняя его встреча с Наполеоном. Известно следующее мемуарное сообщение: «...во время отступления из Москвы, когда бригада генерала Корбино, в которую входил уланский полк Любеньского, получила приказ обследовать местность между Старым Борисовом и Стадзенкой для облегчения переправы через Березину и наведения там мостов, Булгарин как литвин, знакомый с местностью, указал брод через Березину и первый переправился, что я сам видел, не зная еще тогда Булгарина, который мне позднее об этом рассказал, утверждая, что это он был тем офицером» (J. Z. [J. Załuski] Dwaj z najznakomitszych terazniejszych pisarzy rossyjskich polacy // Biblioteka naukowego zakladu imienia Ossolinskich. Lwów, 1843. T. 8. S. 156). Н. И. Греч, ближайший друг Булгарина, также вспоминал, что он «коротким друзьям своим из либералов поверял за тайну, что на переправе Наполеона чрез Березину при Студянке (деревне, будто бы принадлежавшей его матери) он

был одним из тех польских улан, которые по
рыхлому льду провели лошадь, несшую полу-
замерзшего императора французов» (*Греч Н.
И. Записки о моей жизни.* М.; Л., 1930. С.
675–676). Ср.: *Граббе П. Х. Записная книжка.*
М., 1888. С. 379; а также замечания Булгарина
по поводу картины П. фон Гесса «Переход
французских войск через Березину» (*Ф. Б.
Журнальная всякая всячина // Северная пче-
ла.* 1846. № 93. 27 апр.).

[^^^]

о мертвых ничего, кроме хорошего (*лат.*).

[^^^]

В. Э. Вацуро установил, что речь идет о бароне Альфреде Жане Этьене Шабо, содержавшем в Петербурге католический пансион. Дом его находился в 3♦й Адмиралтейской части на Фонтанке, близ Обухова моста (сейчас участок дома № 117 по набережной Фонтанки; см.: *Вацуро В. Э. Встреча (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 139*). В этом пансионе воспитывался племянник Карамзина Борис, сын его брата Александра.

[^^^]

Издатель антологии на французском языке.

[^^^]

В некрологе Э. Д. де Сен-Мору Булгарин писал: «Литераторы и петербургское общество первых трех двадцатых годов помнят господина де Сен-Мора (Émile Dupré de Saint-Maure), который посещал Петербург и Москву, был знаком почти со всеми русскими литераторами и во всех известных домах читал публично лучшие стихотворения на французском языке, и наконец, возвратясь во Францию, написал “Русскую антологию” (“Anthologie Russe”), “Пустынника в России” (“L’Hermite en Russie”) и в Париже напечатал собрание своих стихотворений “Вчера и сегодня” (“Hier et aujourd’hui”). Г. де Сен-Мор был не из знаменитых литераторов, но был честный и весьма добрый человек, приятный в обществе, скромный и уживчивый» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1854. № 193. 28 авг.). Ср. другое его воспоминание о Сен-Море: «Еще есть люди в Петербурге, которые помнят французского литератора Сен-Мора, дававшего в 1820 и 1821 годах здесь и в Москве публичные чтения, в которых читал

стихи и различные отрывки из французской литературы. Выбирая пьесы для публичного чтения, он был чрезвычайно разборчив и даже у классических авторов заменял некоторые стихи и выражения своими стихами и фразами, повторяя часто: “On est très ici chaste aux oreilles!” (т. е. “Здесь весьма благопристойны – ушами”»)» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1855. № 256. 19 нояб.). О Сен-Море см.: Заборов П. Р. «Русская самобытность» в литературном наследии Эмиля Дюпре де Сен-Мора // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 113–142.

[^^^]

В. Э. Вацуро установил, что имеется в виду поэт и чтец Александр Алексеевич Плещеев, сын друзей Карамзина (см.: *Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 140*).

[^^^]

Статья эта не была опубликована.

[^^^]

Ср.: «Г-жа Е. В. пишет ко мне из Одессы, что она, уважая великих наших писателей Карамзина и Крылова, желала бы иметь их портреты, писанные масляными красками. Госпожа Е. В. видела только тот гравированный портрет Карамзина, на котором он изображен в бекеше на меху, а Крылова портрет нашла только в книге «Сто русских литераторов». Госпожа Е. В. спрашивает меня: похожи ли эти гравюры? Отвечаю: лучшая гравюра Карамзина приложена к *второму* изданию его «Истории Российского государства» (издания покойного И. В. Сленина) [Т. 4. СПб., 1818]; только в этой гравюре (работы нашего знаменитого Н. И. Уткина), сохранено полное выражение физиономии историографа. Гравюра И. А. Крылова очень хороша и похожа в книге «Сто литераторов». На вопрос: какие были волосы, глаза и цвет лица у Карамзина и Крылова, отвечаю: волосы у Карамзина были темно-каштанового цвета с порядочною проседью (когда издана гравюра), глаза карие, лицо бледное. Крылов, когда издавалась книга «Сто

литераторов”, был сед, можно было однако же заметить, что волосы у него были темного цвета. Под конец жизни Крылов был сед, как лунь. В лице у него не было краски, и глаза были серые» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1848. № 259. 17 нояб.).

[^^^]

Прошу читателей заглянуть в статью мою
«Путь к богатству»8.

[^^^]

Ср. со впечатлениями И. И. Лажечникова: «Увидеть *Карамзина* было одним из самых пламенных желаний: сколько раз собирался я идти к нему, чтобы положить перед ним мой сердечный поклон! Раз в театре мне указали его; он был с женой в креслах. Во все представление я не видал ничего, кроме Карамзина; когда, во время антракта, он вставал, я устремлял на него так пристально глаза, что он раз улыбнулся и, перешептываясь с женой, указал ей осторожно на меня. В последовавшую затем ночь я не спал от блаженства, что видел великого человека и был им замечен» (*Лажечников И. И. Новобранец 1812 года // Лажечников И. И. Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М., 1989. С. 392*).

[^^^]

По мнению Вацуро, описываемый вечер состоялся в декабре 1819 г.

[^^^]

Как не вспомнить при сем случае о доме А. Н.
Оле[ни]на!

[^^^]

Позднее Булгарин писал по этому поводу: «...Н. М. Карамзин полагал (в изустной беседе), что одна из древнейших русских песен, это: “Ивушка, ивушка, зеленая моя”, – потому что тут упоминается о новгородских боярах» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1848. № 292. 29 дек.). Ср.: «Знаменитый наш историограф Н. М. Карамзин еще в молодости своей имел намерение издать полное собрание русских народных сказок с объяснениями или комментариями и, как мы слышали впоследствии из уст его, сожалел, что другие занятия воспрепятствовали ему исполнить это желание. Он был убежден, как и мы, что народные сказки (то же самое, что скандинавские саги) лучше всего объясняют характер эпохи и нравственный быт народа» (Ф. Б. [Примечание к публикации И. П. Сахаровым сказки «Анкудин»] // Северная пчела. 1841. № 4. 7 янв.). Об интересе Карамзина к фольклору и его вкладе в фольклористику см.: *Кочеткова Н. Д.* Карамзин Н. М. // Русские фольклористы: библиографич. сло-

[^^^]

В «Рассуждении о стиле» (1753) Бюффон писал, что «стиль <...> – это сам человек» (перевод В. А. Мильчиной). Карамзин в статье «Что нужно автору?» (1794) вслед за ним утверждал, что «творец всегда изображается в творении своем» (*Карамзин Н. И. Избранные сочинения*. М.; Л., 1964. С. 120), а потом передал слова Бюффона таким образом: «Слог должен быть верным изображением писателя» (*Вестник Европы*. 1802. № 6. С. 127).

[^^^]

См.: Сочинения Николая Греча. Ч. 1–5. СПб., 1838. Портрет был помещен в последнем, 5^м томе, который включал и публикуемый текст Булгарина.

[^^^]

См., например, биографии Булгарина: Conversations-Lexikon der neuesten Zeit und Literatur: In vier Bänden. Leipzig, 1832. Vol. 1. S. 342–343; Encyclopédie des gens du monde: répertoire universel des sciences, des lettres et des arts. Paris, 1834. Т. 4. Р. 30. Подпись под статьей: J. H. S. [И. Г. Шницлер].

[^^^]

Имеется в виду книга немецкого писателя Генриха-Иосифа Кенига «Literarische Bilder aus Russland» (Stuttgart; Tübingen, 1837; рус. перевод: Очерки русской литературы. СПб., 1862), подготовленная на основе бесед с Н. А. Мельгуновым. В ней дана резко отрицательная характеристика Булгарина и Греча. Свою роль в создании книги Г. Кенига Мельгунов осветил в брошюре «История одной книги» (М., 1839). Подробнее см.: *Кирпичников А. И.* Между славянофилами и западниками. Н. А. Мельгунов // *Кирпичников А. И.* Очерки по истории новой русской литературы. 2♦е изд., испр. М., 1903. Т. 2. С. 171–190; *Ботникова А. В.* Книга Г. Кёнига «Литературные картины России» (из истории русско-немецких литературных связей) // Сборник материалов 2♦й научной сессии вузов Центрально-черноземной зоны: литературоведение. Воронеж, 1969. С. 115–136; *Harer K.* Из литературно-политической полемики конца 1830♦х годов: Неопубликованная статья С. П. Шевырева и Н. А. Мельгунова против «Северной пчелы» //

Vademecum: к 65-летию Лазаря Флейшмана.
М., 2010. С. 27–39.

[^^^]

Речь идет о многотомной книге «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях: Ручная книга для русских всех сословий Фаддея Булгарина». Вышли лишь 6 частей: Истории ч. 1–4. СПб., 1837; Статистики ч. 1–2. СПб., 1837. Из-за банкротства издателя А. А. Плюшара остальные тома (в том числе и история русской литературы) не были выпущены.

[^^^]

С 1732 г. по 1743 г. это учебное заведение называлось Рыцарской академией.

[^^^]

См.: Греч И. М. Политическая география: Сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, для употребления учащегося во оном корпусе шляхетства напечатана / [Пер. С. Ф. Наковальнина]. СПб., 1758. Ч. 1. И. М. Греч выпустил еще переработку грамматики И. К. Готшеда: Греч И. М. Немецкая грамматика, сочиненная в пользу и употребление благородного юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе / [Пер. Е. С. Харламова]. СПб., 1760.

[^^^]

Имеется в виду Русско-турецкая война
1768–1774 гг.

[^^^]

См. воспоминания Н. И. Греча об учебе в Юнкерской школе в 1801–1804 гг.: *Греч Н. И. Записки о моей жизни*. М.; Л., 1930. С. 214–235. Школа существовала при Сенате, в ее задачи входило «образование благородных чиновников» для гражданской службы.

[^^^]

Речь идет о Министерстве внутренних дел.

[^^^]

Педагогический институт был создан в 1804 г. с целью подготовки преподавателей для средних и высших учебных заведений (в 1816 г. преобразован в Главный педагогический институт, в 1819 г. – в С.-Петербургский университет).

[^^^]

Греч был награжден за перевод с немецкого книги Шрёдера Ф. А. «Некоторые мысли о современных происшествиях» (СПб., 1806).

[^^^]

Исторический и политический журнал-газета «Гений времен» (Петербург, 1807–1809) выходил два раза в неделю и содержал статьи о политике и экономике европейских стран. В 1808–1809 гг. Греч был его соиздателем.

[^^^]

См.: Коцебу А. Ф. Ф. фон. Леонтина / Пер. с нем.
СПб., 1808. В 4 т.

[^^^]

См.: Таблицы русских склонений [на открытом листе]. СПб., 1809; Опыт о русских спряжениях. СПб., 1811.

[^^^]

Булгарин ошибается: журнал Общества любителей словесности, наук и художеств «Санкт-Петербургский вестник» выходил не в 1811♦ м, а в 1812 г. Греч печатал там рецензии, а в № 37 анонимно опубликовал эпиграмму на А. С. Шишкова (см.: *Эрмион* [Греч Н. И.] Газетные заметки // Северная пчела. 1857. № 125. 10 июня).

[^^^]

В 4-ю часть Сочинений Греча входили «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 году» и «Действительная поездка в Германию в 1835 году».

[^^^]

Воспитательный дом в Петербурге был учрежден в 1770 г. для призрения незаконнорожденных детей, сирот и детей бедняков; находился на Миллионной улице, с 1797 г. – в одном из корпусов бывшего дворца К. Г. Разумовского на Мойке (совр. адрес: наб. Мойки, 48).

[^^^]

Н. И. Греч всячески пропагандировал школы взаимного обучения. Он напечатал (без подписи) большую статью: Ланкастерские школы // Сын Отечества. 1818. № 31–33; в том же году выпустил «Руководство к взаимному обучению», а в сентябре того же года выступил одним из инициаторов создания такой школы (идея была выдвинута в масонской ложе «Избранного Михаила») (см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 391–395, 401–409). Он же был одним из создателей Санкт-Петербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения, устав которого подписали Ф. Толстой, Ф. Глинка, Н. Греч и Н. Кусов (см. публикацию устава, утвержденного Александром I 14 января 1819 г.: Сын Отечества. 1819. № 7. С. 3–9), а среди членов (списки которых также публиковались в «Сыне Отечества»; см.: Сын Отечества. 1819. № 14–15) были И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Д. И. Хвостов, В. К. Кюхельбекер, А. Г. Венецианов и др. Материалы о ланкастерских школах регулярно печатались в журнале Н.

Греча «Сын Отечества».

[^^^]

В некрологе французскому писателю Эмилю Дюпре де Сен-Мору, который в 1819 г. устраивал в Петербурге публичные чтения по французской литературе (см. о нем в примеч. 3 к мемуару «Встреча с Карамзиным») Булгарин писал: «Сен-Мор чрезвычайно мне памятен, как по дружбе своей ко мне, так и потому, что он был причиною первого моего знакомства с Николаем Ивановичем Гречем, неизменным и верным моим товарищем в течение тридцати четырех лет! Время немалое! Не будучи во все лично знаком с Н. И. Гречем, я принес к нему в кабинет статейку, написанную мною о публичных чтениях Сен-Мора. Мы поразговорились в первое свидание, подружились и стали говорить друг другу *ты!* Это случилось со мною только *однажды, в первый и последний раз в жизни!*» (Северная пчела. 1854. № 193. 28 авг.).

[^^^]

В эти годы Булгарин принимал участие в наполеоновских войнах: сначала в русской армии, потом во французской.

[^^^]

Булгарин издавал «журнал истории, статистики и путешествий» «Северный архив» в 1822–1828 гг., после чего он был объединен в журнал «Сын Отечества» и выходил под названием «Сын Отечества и Северный архив».

[^^^]

См.: Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности, изданные Николаем Гречем: В 4 т. СПб., 1819–1822. «Опыт краткой истории русской литературы» составил 4-й том этого издания.

[^^^]

В одном из фельетонов Булгарин писал: «“Северная пчела” основана Н. И. Гречем вместе со мною, и я, с первого ее номера по нынешний, был ее соиздателем, вместе с Н. И. Гречем. Позволение на издание ее выдано нам вместе, и просьба была подана от нас обоих» (Ф. Б. Хвалить столь же опасно, как и порицать // Северная пчела. 1840. № 92. 26 апр.).

[^^^]

См.: Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827; Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827. Позднее Булгарин вспоминал: «...в исходе 1827 года, когда Н. И. Греч выпускал в свет *первое* издание составленных им грамматик, и я *принужден* был написать предисловие к его “Пространной грамматике”. *Принужден был*, говорю, потому, что собственное предисловие автора никуда не годилось: он говорил в нем с публикою как красная девушка при первом свидании с женихом: заикался, мялся, краснел, извинялся. Я уничтожил это предисловие и написал другое, в котором прямо и решительно изложил важность и затруднительность предмета, обработанного автором, труды его и пользу, которую книга его принесет изучению и употреблению русского языка. Я не ошибся: прошло четверть века, “Грамматика” Греча распространилась по всей России, переведена на многие иностранные языки (между прочим и на еврейский) и видимо способствовала к

установлению правил языка и к распространению правильности и отчетливости в употреблении русской грамоты» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1853. № 2. 3 янв.).

[^^^]

См.: Практические уроки русской грамматики, изданные Николаем Гречем. СПб., 1832.

[^^^]

В цитированной в примеч. 24 статье Булгарин писал также: «...не излишним считаю сказать несколько слов вообще о грамматических трудах Н. И. Греча и о правах его на внимание и признательность отечественной публики. Некоторые из прежних наших грамматик написаны литераторами и учеными неоспоримого достоинства, но не имевшими практики и опыта в преподавании: они нередко толковали учащимся о правилах, немало ненужных, оставляя без внимания необходимое. Другие авторы учебников были записные учителя, а не литераторы: они хорошо преподавали теорию языка, но не могли подкрепить своих уроков примерами и образцами, потому что сами писать не умели. Греч соединил в себе эти две стихии: он был несколько лет сряду учителем русского языка и потому знает, что и как должно преподавать детям и молодым людям. Притом он и писатель, известный правильностью, чистотой и изяществом своего слога: по этой причине он имел возможность и право давать об-

разцы для изучения и подражания. Еще одно обстоятельство способствовало Гречу в составлении практического руководства к правильному употреблению русского языка. Занимаясь в течение сорока лет (с 1812 г.) редакцией “Сына Отечества” и “Северной пчелы”, он должен был рассмотреть и исправить *несколько тысяч статей* разнородных писателей. При этой ежедневной работе отмечал он ошибки, встречавшиеся у наших писателей чаще других, и при составлении правил грамматики обращал внимание преимущественно на эти, так сказать, стереотипные промахи. Главное достоинство грамматики Н. И. Греча, по моему мнению, состоит в обработке им русского синтаксиса. Сравните скудные, бессвязные, непрактические главы синтаксиса прежних грамматик с теми же главами в руководствах Греча: разница превеликая! Он дал характер и наименование всем отдельным частям фразы, предложениям простым и предложениям сложным. Он составил впервые полную систему русской конструкции, изгнав варварское правило старых писак, которые утверждали: “Удивительное

свойство русского языка – ставь слова как угодно, смысл не переменится”. Он доказал противное, доказал, что в русском языке каждое слово должно занимать свое место и что расстановка слов совершенно меняет смысл. Польза, принесенная грамматиками Греча, не подлежит никакому сомнению. Он может сказать как Карамзин, что сделал русскую грамматику известнее “для многих, даже и для строгих своих судей” (цитата из Предисловия Карамзина к “Истории государства Российского”. – А. Р.). Но отчего сочинения Греча подвергались жестоким критикам, были даже предметом насмешек? Отчего? Во-первых, Греч журналист, следовательно, по ремеслу своему, враг всем педантам и неучам, которые на его книгах старались выместить что-либо для них неприятное в скромном жужжании “Пчелы”; во-вторых, он делит эту участь со всеми хорошими и полезными писателями. Вспомните, как критиковали, бранили Карамзина, Жуковского, Пушкина, как насмехались над ними, даже выводили их на сцену и т. п. Где теперь эти критики? А творения истерзанных ими писателей живут и

процветают <...>».

[^^^]

С 1834 г. велась работа над «Энциклопедическим лексиконом» (издатель А. А. Плюшар), редакцию которого возглавлял Греч. В начале октября 1836 г. из-за интриг О. И. Сенковского он был вынужден оставить пост главного редактора (см.: *Греч Н.* История первого энциклопедического лексикона в России // *Греч Н.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 592–623).

[^^^]

«Библиотека для чтения» выходила с 1834 г.

[^^^]

Известные басни.

[^^^]

Имеются в виду басни Эзопа, обработанные Лафонтеном: «Ворона в павлиньих перьях» (переведена И. А. Крыловым под названием «Ворона», 1825), «Осел в львиной шкуре» (так, не лиса!) и «Волк, ставший пастухом» (переведена М. В. Ломоносовым без названия: «Лишь только дневный шум замолк...», 1748).

[^^^]

Пенелопа – персонаж «Одиссеи» Гомера, жена царя Итаки Одиссея. После длительного отсутствия мужа к ней стали настойчиво свататься многие аристократы, и, чтобы не выходить замуж, она дала обещание выбрать жениха, когда соткет саван свекру, но по ночам распускала то, что соткала за день.

[^^^]

Имеется в виду оптический телеграф – система передачи информации при помощи световых сигналов, получившая распространение в начале XIX в. На кровле строений размещались семафоры – шесты с подвижными поперечинами. Каждой букве алфавита соответствовала определенная фигура, образуемая различным расположением поперечных брусьев относительно опорного шеста.

[^^^]

Возможно, имеется в виду Г. С. Батеньков.

[^^^]

От *фр.* faire des courbettes – низкопоклонничать.

[^^^]

Эспланада (*фр.* esplanade от *лат.* explanare – «выравнивать») – широкое открытое пространство перед зданиями или крепостью.

[^^^]

Речь идет о подаренной императором яхте «Роченсальм», которую Аракчеев переименовал в «Волхов».

[^^^]

Мф. 23: 12.

[^^^]

Имеется в виду М. А. Шумский.

[^^^]

Имеется в виду очерк П. П. Свиньина «Поездка в Грузино» (Отечественные записки. 1818. № 39. С. 3–4, 19–34; № 40. С. 49–53, 57–74).

[^^^]

Воспроизводится легенда об ослеплении Велизария по приказу императора Юстиниана, не подтверждаемая историческими источниками.

[^^^]

Аренда – форма награждения чиновников и военных высоких рангов за службу, предоставление земельных угодий или доходного владения во временное пользование.

[^^^]

Булгарин в составе русских войск принимал участие в Русско-шведской войне 1808 г. на территории Финляндии (Лапландии), а позднее в составе французских войск участвовал в военных действиях в Испании.

[^^^]

Сыновья бежецкого соседа Аракчеевых Гаврилы Ивановича Корсакова Никифор и Андрей.

[^^^]

Так называли езду на своих лошадях. Поездка в Петербург и поступление Аракчеева в Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус состоялись в 1783 г.

[^^^]

Речь идет о Павле Петровиче, будущем императоре Павле I.

[^^^]

Ср. свидетельство М. Бороздина: «Сад Гру́зинский славился чистотою. Дети крестьян таились в кустах; их обязанность состояла [в том, чтобы] подбирать листья, падающие с деревьев» (*Бороздин М. Воспоминания // Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб., 1871. С. 23*).

[^^^]

Рядом с собором стоял подаренный императором бельведер с чугунными колоннами ионического ордера, в центре которого находилась отлитая по модели И. П. Мартоса бронзовая статуя апостола Андрея.

[^^^]

Булгарин посетил Грузино, желая получить согласие А. А. Аракчеева на издание им и Н. И. Гречем газеты «Северная пчела». А. Е. Измайлов со слов известного своей лживостью П. П. Свинына писал П. Л. Яковлеву 5 ноября 1824 г., что Аракчеев «не так-то милостиво принял Фадея. Он сделал ему неожиданный вопрос: для чего в 1812 или 1813 году служил он против России? – “Малешенок после бабюшки остался”, – отвечал Фадей с лицемерною харею. “Вот как худо оставаться без родителей, – сказал граф, обратясь к какому-то мальчику, – попадешь в дурное сообщество и забудешь самые священные обязанности!”» (цит. по: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 161–162). Однако поездка Булгарина была успешной, газета стала выходить 1 января 1825 г. Хорошо знавший Булгарина О. А. Пржецлавский вспоминал: «...Булгарин, ездивший за этим нарочно в Грузино, выпросил у гр. Аракчеева позволение на свою “Северную пчелу” <...>» (Пржецлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в пер-

вой половине XIX века. М., 2010. С. 190).

[^^^]

См., например, в «Северной пчеле» за 1825 г.: «Дешево и дорого» (№ 1); «Провинциал в столице» (№ 4); «Провинциал в обществе большого света» (№ 11); «Подарки в Новый год» (№ 6); «Воздушный шар Архипа Фаддеевича, или Утешение в горестях» (№ 79); «Чувствительное путешествие по передним» (№ 119, 120); «Хладнокровное путешествие по гостинным» (№ 128, 133, 137, 142).

[^^^]

Вопрос о дате рождения Грибоедова является предметом дискуссий. В разных источниках фигурируют 1782, 1790, 1793, 1794, 1795 гг. Наиболее вероятной датой современные исследователи считают 4 января 1795 г., однако в послужных списках Грибоедова с 1818 г. стоял 1790 г.

[^^^]

Фамилия Грибоедова встречается в исторических документах с XVI в. По одной из них, его предок Федор Грибоедов был потомком польского выходца Яна Гржибовского (см.: Ромодановская Е. К. Грибоедов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 230), по другой – жившего в Москве в 1720-х гг. государынина сына боярского Акима (Якима) Грибоедова.

[^^^]

Имеется в виду Ф. А. Грибоедов.

[^^^]

Имеется в виду Соборное уложение – свод законов, принятый Земским собором в 1649 г. и действовавший до 1832 г.

[^^^]

Литовский статут – свод законов Великого княжества Литовского, составленный в XVI в. и продолжавший действовать на бывшей его территории после присоединения к России по 1840 г.

[^^^]

Через год в рецензии на книгу В. Берха «Царствование царя Алексея Михайловича» (СПб., 1831) Булгарин развил эту мысль: «Есть причины верить, что Уложение взято из Статута Литовского. Статут первоначально написан был по-русски, канцлером Львом Сапегою, и впоследствии уже переведен на польский язык. Непонятые и исковерканные поляками в переводе русские слова находятся в настоящем их значении в Уложении царя Алексея Михайловича» (Северная пчела. 1831. № 50. 5 марта). На самом деле благодаря подканцлеру Сапеге была напечатана третья редакция Статута, а действовать Литовский статут стал почти за 60 лет до этого, когда была принята первая его редакция. Хотя Булгарин преувеличил зависимость Уложения от Статута (у него были и другие источники), тем не менее он первым указал в печати на этот факт. Г. М. Магнер показал, что об этом он узнал от Грибоедова (см.: *Магнер Г. И.* «Дух времени» и «Государственный быт России» (Грибоедов как историк русского права) // Проблемы

творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С.
209–216).

[^^^]

Неизвестно, о какой надписи идет речь у Булгарина. На известных изображениях герба Грибоедовых (см. в кн.: А. С. Грибоедов и его сочинения. Издание Е. Серчевского. СПб., 1858; *Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 2 т.* / Под ред. И. А. Шляпкина. СПб., 1889) надписи нет. С другой стороны, Булгарин мог видеть герб Грибоедова, по крайней мере тот писал Булгарину 12 июня 1828 г.: «Матушка посылает тебе мое свидетельство о дворянстве, узнай в Герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т.* СПб., 2006. Т. 3. С. 148).

[^^^]

О предках Грибоедова см.: *Семевский М. И.* Несколько слов о фамилии Грибоедовых // *Москвитянин*. 1856. № 9. С. 309–323; *Николаев Б. П., Овчинников Г. Д., Цымбал Е. В.* Из истории семьи Грибоедовых: (По архивным материалам) // *А. С. Грибоедов: Материалы к биографии*. Л., 1989. С. 76–92.

[^^^]

Вначале воспитателем Грибоедова был Иван Данилович (Иоганн-Бернгард) Петрозилиус (1774–1846) – преподаватель немецкого и латинского языков, содержавший в Москве один из лучших пансионов, впоследствии библиотекарь в Московском университете. Его сменил Ион (Богдан Иванович) Готлиб (1787–1852), который окончил Гёттингенский университет в 1810 г. и, приехав в Россию, сразу стал воспитателем Грибоедова. В 1812 г. он защитил диссертацию на степень доктора права, а впоследствии управлял немецким театром в Петербурге.

[^^^]

Грибоедов учился в университете с 1806 г., в 1808 г. окончил словесное отделение со степенью кандидата и стал слушать лекции на этико-политическом отделении.

[^^^]

Грибоедов тогда дебютировал в печати двумя публикациями о корпусе: Письмо из Бреста-Литовского к издателю // Вестник Европы. 1814. № 15. С. 228–238 (о празднике в честь генерала А. С. Кологривова); О кавалерийских резервах // Там же. 1814. № 22. С. 116–124 (о формировании их в 1812 г.).

[^^^]

С. Н. Бегичев был племянником А. С. Кологри-
вова; его брат Д. Н. Бегичев исполнял тогда
обязанности правителя канцелярии Кологри-
вова. Племянница С. Н. Бегичева Е. П. Соков-
нина вспоминала: «Нравственное влияние С.
Н. Бегичева на Грибоедова, начавшееся с 1812
года, когда Грибоедов, попав из университета
в гусары, увлекался рассеянной жизнью воен-
ной молодежи, продолжалось до конца его
жизни. Степан Никитич был на 9 лет старше
Грибоедова, и Александр Сергеевич уважал
в нем человека с большим умом и здравым
смыслом, необычайно доброго, без всяких эго-
истичных и честолюбивых целей, и всегда
поддавался благотворному влиянию своего
друга. Могу прибавить к этому, что С. Н. Бегичев
всегда входил в материальные интересы
Грибоедова, которые бывали очень стеснены,
вследствие расточительности его матери.
Дружеская помощь Степана Никитича не раз
выручала его из затруднений» (Соковнина Е.
П. Воспоминания о Д. Н. Бегичеве // А. С. Гри-
боедов в воспоминаниях современников. М.,

1980. C. 95).

[^^^]

См.: Грибоедов А. Молодые супруги: Комедия в одном действии, в стихах. СПб., 1815. Это переделка пьесы французского драматурга О. Крезе де Лессе «Le secret du ménage [Домашний секрет]».

[^^^]

См.: *Шаховской А.* Своя семья, или Замужняя невеста: комедия в трех действиях, в стихах. СПб., 1818. Соавторы в книге не были указаны, Грибоедов написал 1^е – 5^е явления 2го действия.

[^^^]

Булгарин неверно указал год, премьера состоялась 11 февраля 1818 г. См.: *Грибоедов А., Жандр А.* Притворная неверность: Комедия в одном действии в стихах / Переведена с французского в стихах. СПб., 1818. Пьеса представляет собой переделку пьесы Н. Т. Барта «Les fausses infidélités [Притворные измены]».

[^^^]

В «Сыне Отечества» под своей подписью Грибоедов поместил лишь две статьи: «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады “Ленора”» (1816. № 30. С. 150–160); «Письмо к издателю из Тифлиса от 21 января» (1819. № 10. С. 187–191), в которых не идет речь о театре. Возможно, Булгарин имеет в виду одну небольшую заметку, которая в академическом издании Грибоедова представлена в разделе «Статьи, приписываемые Грибоедову» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 583*): «Письмо к издателю» (1817. № 2. С. 88. Подп.: N. N.).

[^^^]

Н. И. Греч утверждал в воспоминаниях, что Булгарин познакомился с Грибоедовым у него в доме; см.: *Греч Н. И. Записки о моей жизни.* М.; Л., 1930. С. 687.

[^^^]

Этот поход состоялся в сентябре 1819 г.

[^^^]

Имеется в виду Фетх-Али.

[^^^]

Грибоедов создал к этому времени только два первых акта.

[^^^]

Работа над «Горем от ума» была завершена осенью 1824 г.

[^^^]

«Горе от ума» широко распространялось в рукописи. Приятель Грибоедова, довольно крупный чиновник Госконтроля, вспоминал: «У меня была под руками целая канцелярия: она списала “Горе от ума” и обогатилась, потому что требовали множество списков» (цит. по: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 274). Другой мемуарист писал, что в 1825 г. в Петербурге «литературные деятели захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова “Горе от ума”, не надеясь никоим образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у [А. И.] Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтоб в несколько рук списывать комедию под диктовку» (*Завалишин Д. И. Записки декабриста. 2-е изд. СПб., [1910]. С. 100.* См. также: *Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 216*). И в Москве эту пьесу «списывали нарасхват, поручая эту работу наемным, малограмотным писцам, почему в копиях было такое множество нелепейших ошибок. Моло-

дежь читала эти копии с восторгом и заучивала наизусть многие стихи <...>» (*Петербургский старожил В. Б. [Бурнашев В. П.] Забавный случай из жизни А. С. Грибоедова // Рус. мир. 1872. № 82. 30 марта*). А. Д. Галахов, учась в Московском университете (1822–1826), восхищался «Горем от ума», ходившим в рукописи. Он упоминает, что «математики и медики не хуже словесников знали наизусть почти всю пьесу Грибоедова <...>» (*Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 87*). Только в основных библиотеках и архивах Москвы хранится около 300 списков комедии (см.: *Краснов П. Рукописные списки «Горя от ума» в библиотеках и архивах Москвы // Вопросы литературы. 1966. № 10. С. 253–256*), но это лишь ничтожная часть общего числа списков того времени.

[^^^]

В изданном Булгариным театральном альманахе «Русская Талия на 1825 год» (СПб., 1824) были в искаженном виде опубликованы 7^е – 10^е явления 1го действия и 3^е действие.

[^^^]

См.: *Дмитриев М.* Замечания на суждения «Телеграфа» // *Вестник Европы.* 1825. № 6. С. 111–115; *Пилад Белугин* [*Писарев А. И.*] Несколько слов о мыслях одного критика о комедии «Горе от ума» // Там же. 1825. № 10. С. 108–121.

[^^^]

Речь идет о популярном в России в начале XIX в. труде французского драматурга и теоретика литературы Жана-Франсуа де Лагарпа «Лицей, или Курс древней и новой литературы» («Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne», 1799–1805. Т. 1–16; рус. пер. 1810–1814. Ч. 1–5), написанном в духе последовательного классицизма.

[^^^]

Впервые «Горе от ума» было издано (с цензурными купюрами) в Петербурге в 1833 г.

[^^^]

В это время я упросил его позволить списать с себя портрет, собственно для меня. Это единственный портрет его. Зная, что доставим удовольствие многим, я и товарищ мой, Н. И. Греч, вознамерились издать оный. Знаменитый наш художник, Н. И. Уткин, исполнил наше желание²⁷.

[^^^]

См.: Телешовой // Сын Отечества. 1825. № 1. С. 106–108 (написано в связи с петербургской премьерой балета «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» (либретто А. П. Глушковского, музыка Ф. Шольца), состоявшейся 8 декабря); Отрывок из Гёте // Полярная звезда на 1825 год. СПб., 1825. С. 306.

[^^^]

См.: Хищники на Чегеме // Северная пчела.
1826. № 143. 30 нояб.

[^^^]

Грибоедов был 22 января 1826 г. арестован в крепости Грозной, 11 февраля привезен в Петербург, а 2 июня был освобожден с «очистительным» аттестатом.

[^^^]

Это был, как вспоминал В. Н. Григорьев, нанимаемый Булгариным каждое лето вместо дачи «деревянный дом с садом на Выборгской стороне, на самом берегу Малой Невки, почти супротив Аптекарского сада» (цит. по: *Пиксанов Н. К. Русские писатели в неизданных воспоминаниях В. Н. Григорьева // Современник. 1925. Кн. 1. С. 135*). В записке К. Ф. Рылеева указан адрес: «...на Самсоньевской ул., у будки в доме Калугиной», сейчас участок д. № 49/10 на углу Большого Сампсоньевского пр. и ул. Смолячкова (см.: *Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 145, 198*).

[^^^]

В частности, он вместе с Булгариным ездил в Парголово. Булгарин вспоминал: «Когда мы, с покойным А. С. Грибоедовым, ехали в Парголово, летом 1826 года, грусть овладела им при виде бесплодной дикости петербургских окрестностей, и он, передавая в “Северной пчеле” свои впечатления, написал тогда о петербургской природе, что она “с величайшим усилием производит веники”» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 111. 21 мая.). Имеется в виду опубликованный без подписи очерк «Загородная поездка (Отрывок из письма южного жителя)» (Северная пчела. 1826. № 76. 26 июня).

[^^^]

То есть по мирным договорам.

[^^^]

По-видимому, в первом случае речь идет о малороссах, во втором – о поляках, а в третьем – о народах Балканского полуострова.

[^^^]

Это произошло в начале сентября 1826 г.

[^^^]

И. Ф. Паскевич был женат на двоюродной сестре Грибоедова.

[^^^]

Это и приводимые далее письма Грибоедова Булгарин публикует с купюрами, в основном за счет пассажей, которые не пропустила бы цензура или которые имели нелестный для него характер. Полный текст см. в: *Грибоедов А. С. Полн. собр. соч. СПб., 2006. Т. 3.*

[^^^]

Булгарин далее вычеркнул фразу: «А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будут».

[^^^]

Имеется в виду Ермолов.

[^^^]

Стихотворение А. А. Жандра «Минуты жизни» было помещено в «Северной пчеле» (1827. № 2. 4 янв.) без подписи.

[^^^]

Стихотворение «К моей Музе» (Северная пчела. 1827. № 8. 18 янв.) было опубликовано без подписи, но с указанием, что оно принадлежит тому же автору, что и «Минуты жизни».

[^^^]

Трагедия «Борис Годунов», соч. А. С. Пушкина,
находящаяся в рукописи⁴².

[^^^]

В романе «Иван Выжигин». Тогда я сочинял сей роман и напечатал 1-ю главу в «Сыне Отечества»⁴³.

[^^^]

Далее пропущена следующая фраза: «Я несколько раз заставлял моего Александра, когда он это читал вслух своим приятелям».

[^^^]

Вот черта, характеризующая Грибоедова. В последнюю Персидскую войну он проезжал верхом, вместе с князем Италийским, графом Суворовым-Рымникским, внуком великого, под выстрелами неприятельских орудий. Ядро оконтузило лошадь кн. Суворова, и она в испуге поднялась на дыбы. Грибоедов, любя князя и думая в первую минуту, что он ранен, пришел в некоторое смущение. Полагая, что страх вкрался в его душу, он решился наказать себя. При первом представившемся случае сел на батарею и выдержал, не сходя с места, 124 неприятельских выстрела, чтобы освоиться с ядрами, как он говорил.

[^^^]

Туркманчайский трактат – мирный договор между Российской империей и Персией, завершивший Русско-персидскую войну 1826–1828 гг. на весьма выгодных для России условиях. Был подписан 10 февраля 1828 г. в деревне Туркманчай (близ Тебриза).

[^^^]

Имеется в виду Демутов трактир – петербургская гостиница на набережной р. Мойки, принадлежавшая Ф. Я. Демуту, в которой останавливались состоятельные люди. После его смерти в 1802 г. она переходила из рук в руки, сохраняя старое название «Демутов трактир».

[^^^]

15 марта в прибавлении к № 32 «Северной пчелы» за 1828 г. Булгарин поместил заметку о приезде Грибоедова.

[^^^]

Вес золотого червонца в то время – 3,5 грамма. Ср. в письме Булгарина к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу от 23 февраля 1830 г.: «Когда Грибоедов приехал в Петербург с Туркменчайским трактатом и получил от щедрот государя императора 4000 червонных, то тотчас же отдал мне деньги на сохранение. Князь [В. Ф.] Одоевский (служащий в иностранной цензуре), пришед в квартиру Грибоедова, удивился, застав меня, считающего деньги без хозяина квартиры. Я посоветовал другу моему составить капиталец, и он отдал мне 36000 рублей для сохранения. Между тем, прежде нежели разменяли червонцы и положили деньги в ломбарт, Грибоедов, имея нужду одеться, жить и уплатить кое-какие долги, взял у меня 5000 рублей, с тем, чтоб возвратить при получении жалования до отъезда в Москву или после. Не надеясь даже быть посланником, он хотел ехать на лето со мною в деревню мою» (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998. С.

389).

[^^^]

Речь идет об имении Булгарина Карлово под
Дерптом.

[^^^]

В этот же день Грибоедов оставил рукопись «Горя от ума» Булгарину с надписью: «Горю мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828» (*Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.* СПб., 1995. С. 267); о ней Булгарин позже писал: «Грибоедов, уезжая посланником в Персию, дал мне полное право собственности собственноручною надписью на подлинной комедии и особою формальною бумагою» (Письмо Ф. В. Булгарина к Михаилу Александровичу [Дондукову-Корсакову] из Петербурга от 1 марта 1832 года // Библиографические записки. 1859. № 20. Стб. 621).

[^^^]

У Грибоедова – это духи ведьмы Али.

[^^^]

Ныне (в ноябре 1830 года) получил я известие, что отрывки из сей трагедии и некоторые другие сочинения Грибоедова уцелели⁵².

[^^^]

Так Грибоедов именуется Булгарина, поскольку тот издавал (вместе с Н. И. Гречем) газету «Северная пчела».

[^^^]

Бонд-стрит (*англ.*) – с XVIII в. улица элитных магазинов в Лондоне, место прогулок модников и модниц.

[^^^]

Турецкий город Анапа был взят русской армией 12 июня 1828 г.

[^^^]

Незлюбная – станица на левом берегу реки Подкумок, основанная в 1786 г. Была восстановлена в 1831 г.; ныне находится в Георгиевском районе Ставропольского края.

[^^^]

Родионов погиб 9 июня 1828 г.

[^^^]

Селение Горячие Воды в 1830 г. стало городом и получило новое название – Пятигорск.

[^^^]

То есть Паскевич.

[^^^]

Карс – город и крепость на северо-востоке Турции.

[^^^]

Улус (*монг.*) – государство, народ, люди. Здесь в значении: владения.

[^^^]

Карс был взят 23 июня 1828 г. Сообщение об этом, перепечатанное из газеты «Тифлиссские ведомости», было помещено в приложении к № 85 «Северной пчелы» за 17 июля 1828 г.

[^^^]

Речь идет о будущей жене Грибоедова Н. А. Чавчавадзе.

[^^^]

«Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам» (*фр.*).

[^^^]

С. И. Чавчавадзе.

[^^^]

М. И. Чавчавадзе.

[^^^]

А. Г. Чавчавадзе.

[^^^]

Безобдал – Безобдальский хребет на границе Грузии и Армении с перевалом высотой 2528 м.

[^^^]

Гумры (Гюмри) – город в Армении.

[^^^]

Пашалык – административно-территориальная единица в Турции.

[^^^]

Имеется в виду Донской казачий полк, командиром которого был П. Т. Басов.

[^^^]

Арпа-чай – приток реки Аракс.

[^^^]

Имеются в виду друзья Грибоедова В. С. Ми-
клашевич и А. А. Жандр.

[^^^]

Эти строфы и точки поставлены Грибоедовым в шутку, в подражание модным поэмам⁷⁴.

[^^^]

Эчмиадзин – монастырь, основанный в 303 г.,
местопребывание католикоса всех армян,
недалеко от Еревана.

[^^^]

Траппер (от *англ.* «trap» – «ловушка») – охотник на пушных зверей в Северной Америке; в данном случае имеется в виду главный персонаж цикла романов Дж. Ф. Купера. «Прерия» (*фр.*) – один из романов этого цикла, опубликованный в 1827 г. Грибоедов читал его, скорее всего, во французском переводе и приводит название по-французски.

[^^^]

Имеется в виду декабрист А. И. Одоевский, за которого Грибоедов хлопотал перед Паскевичем, но его просьбы не увенчались успехом.

[^^^]

В следующей книжке сообщу описание похорон его, доставленное мне из Тифлиса: читатели увидят, как целая страна любила и уважала Грибоедова⁷⁸.

[^^^]

Беляны и Воля – районы Варшавы, расположенные в западной части города.

[^^^]

Доломан (долман) – часть гусарского мундира: короткая (до талии) однобортная куртка со стоячим воротником и шнурами.

[^^^]

Иркутский гусарский полк летом 1814 г. находился в Брест-Литовске.

[^^^]

Булгарин издавал журнал «Северный архив»
с 1822 г.

[^^^]

Свидетель Н. И. Г[реч]. С ним мы сошлись почти так же. В первую четверть часа подружались, и вот этому уже прошло семнадцать лет.

[^^^]

Pirron ne fut rien, etc.5

[^^^]

Началом этого «затмения», т. е. упадка, Булгарин считал конец 1830-х гг., когда в 1839 г. начал выходить обновленный журнал «Отечественные записки».

[^^^]

По другим версиям Крылов родился в 1769 или 1766 г.

[^^^]

А. П. Крылов служил в Оренбургском драгунском полку.

[^^^]

Пугачевцы в конце 1773 – начале 1774 г. в течение трех с половиной месяцев осаждали Яицкий городок (Уральск), обороной которого руководил И. Я. Симонов, но так и не смогли взять его.

[^^^]

С 1775 г. А. П. Крылов служил ассессором палаты уголовного суда Тверского наместничества.

[^^^]

Крылов был зачислен туда в 1777 г.

[^^^]

То есть соблазном.

[^^^]

В Тверской магистрат Крылов перешел в 1778
г.

[^^^]

Повытчик – чиновник, ведавший повытьем (отдельным делопроизводством в судах XVI–XVIII вв.), позднее человека, исполняющего эти функции, стали называть столоначальником.

[^^^]

Имеется в виду П. А. Плавильщиков.

[^^^]

Имеется в виду Екатерина II.

[^^^]

В петербургских журналах «Санкт-Петербургский вестник» (1778–1781) и «Собеседник любителей российского слова» (1783–1784) печатались лучшие русские писатели того времени: И. Ф. Богданович, Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Д. И. Фонвизин, И. И. Хемницер, М. М. Херасков и др.

[^^^]

Баскак (*тюрк.*) – чиновник монгольского хана, занимавшийся сбором дани на завоеванных землях.

[^^^]

«Кофейница» сохранилась. Впервые была опубликована в: Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук. 1869. Т. 6. С. 219–272.

[^^^]

Это произошло в 1783 г. Крылов служил в Петербургской казенной палате по 1787 г., а потом перешел в Горную экспедицию, где служил по 1788 г.

[^^^]

Все названные журналы Крылов издавал в Петербурге («Зритель» совместно с А. И. Клушиным и П. А. Плавильщиковым; «Санкт-Петербургский Меркурий» – с А. И. Клушиным), причем «Почта духов» (выходившая и в 1790 г.) целиком написана им самим.

[^^^]

При издании «Северного архива», в 1822 году, а потом, с Н. И. Гречем, при издании «Сына Отечества» и «Северной пчелы». Пример наш должен был побудить и других к тому же.

[^^^]

Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год // С.-Петербургский Меркурий. 1793. Ч. I. С. 32–52; Похвальная речь Ер-малафиду, говоренная в собрании молодых писателей // Там же. Ч. II. С. 26–55.

[^^^]

Утешение Аняте // С.-Петербургский Меркурий. Ч. II. № 4. С. 56–63; Мое оправдание. К Аняте // Там же. № 6. С. 188–199.

[^^^]

В мае 1792 г. был произведен обыск в «Типографии Крылов с товарищи», которую Крылов содержал совместно с И. А. Дмитриевским, П. А. Плавильщиковым и А. И. Клушиным в 1791–1796 гг. Крылов был вызван на беседу к Екатерине.

[^^^]

«Типография Крылова с товарищи» в 1797 г. перешла к другим владельцам и стала именоваться Типографией губернского правления, а с 1804 г. – Театральной типографией. Позднее, с 1806 г., Крылов совместно с А. Н. Олениным и актером В. Ф. Рыкаловым владел Типографией Императорского театра. Вначале официальным содержанием числился А. И. Ермолаев, с 1809 г. им стал Рыкалов, а в 1813 г., после его смерти, – А. Ф. Похорский. Крылов в 1815 г. вышел из числа совладельцев. Об этих типографиях см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Беспечен как Лафонтен»: заработки, доходы и жизненные стратегии И. А. Крылова // *Семиотика поведения и литературные стратегии.* М., 2017. С. 70–80, 86–89.

[^^^]

Проказники: комедия // Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. 1793. Ч. 40. С. 153–329; Сочинитель в прихожей: комедия в 3♦х действиях // Там же. 1794. Ч. 41. С. 149–228; Бешеная семья: комическая опера в 3♦х действиях // Там же. 1793. Ч. 39. С. 1–74.

[^^^]

Крылов стал домашним секретарем С. Ф. Голицына в 1797 г., а когда опала Голицына кончилась и в 1801 г. он получил пост лифляндского, курляндского и эстляндского военного губернатора, последовал за ним в Ригу и занимал там должность правителя дел его канцелярии.

[^^^]

См.: Модная лавка: комедия в трех действиях. СПб., 1807; Урок дочкам: комедия в одном действии. СПб., 1807.

[^^^]

«Драматический вестник» (С.-Петербург; 1808) – первый русский театральный журнал (издатели – Крылов, С. Н. Марин, А. А. Писарев, Д. И. Языков).

[^^^]

В альманахе Карамзина «Аглая» (Ч. 1–2. М., 1794–1795) произведения Крылова не печатались, два его стихотворения (не басни) были помещены в другом альманахе Карамзина – «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (М., 1796). Первые басни Крылова «Дуб и Трость» и «Разборчивая невеста» действительно были опубликованы по рекомендации И. И. Дмитриева, но не в «Аглае», а в журнале «Московский зритель» (1806. № 1. С. 73–78). Приписываться Дмитриеву они не могли: там имелось примечание издателя П. И. Шаликова: «Я получил сии прекрасные басни от И*И*Д*. Он отдает им справедливую похвалу и желает, при сообщении их, доставить и другим то удовольствие, которое они принесли ему»; басни были помещены с подписью Крылова.

[^^^]

См.: [Жуковский В. А.] Басни Ивана Крылова // Вестник Европы. 1809. № 9. С. 35–67.

[^^^]

См.: Басни Ивана Крылова: вновь исправленные. Вторым тиснением. СПб., 1811; Новые басни Ивана Крылова. СПб., 1811. Вторая книга являлась дополнением к первой.

[^^^]

А. С. Строганов с 1800 г. по 1811 г. был главным директором императорских библиотек, а А. Н. Оленин в 1808 г. был назначен товарищем (то есть заместителем) директора.

[^^^]

189

Это произошло 2 января 1814 г.

[^^^]

Служба в библиотеке отнюдь не была синекурой; Крылов выполнил там ряд ответственных работ; см.: *Бабинцев С. М.* И. А. Крылов: Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955; *Голубева О. Д.* И. А. Крылов. СПб., 1997.

[^^^]

В 1814 г. Крылов читал басню «Водолазы», в 1816 г. – басни «Пруд и река», «Лиса-строитель», «Мартышка и зеркало», в 1817 г. – «Кукушка и Горлинка», «Сочинитель и разбойник», «Похороны».

[^^^]

Крылов в 1811–1815 гг. многократно читал свои басни в «Беседе любителей русского слова»; см.: *Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова. 2-е изд., доп. М., 2007. С. 214–250.*

[^^^]

Имеется в виду В. А. Плавильщиков.

[^^^]

Речь идет об издании 1830 г., которое Смирдин переиздавал с дополнениями в 1831, 1833, 1834, 1835, 1837 и 1840 гг.

[^^^]

Булгарин имеет в виду стихотворение П. А. Вяземского «Ивану Ивановичу Дмитриеву (В день его именин)» (Сын Отечества. 1822. № 48. С. 82–83). Вяземский, отвечая на упрек Булгарина, так оправдывался в 1869 г. в «Приписке» к своей статье о Дмитриеве: «Когда-то, в Иванов день, написал я куплеты в честь именинника Дмитриева. В этих стихах упоминаю кстати о тезках его: Иване Лафонтене и Иване Хемницере. А зачем не упомянули вы и об Иване Крылове? – строго и грозно допрашивает меня мой литературный следственный пристав. – Не упомянул я о живом Крылове в похвальном приветствии живому Дмитриеву по той же причине, но которой не стал бы выхвалять красоту живой соперницы в мадригале красавице, пред которою хотел бы я полюбезничать» (*Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 85*).

[^^^]

См.: *Вяземский П. А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // *Дмитриев И. И.* Стихотворения. СПб., 1823. Ч. 1. С. I–LII. Вяземский трактовал Крылова как последователя Дмитриева, использовавшего в своем творчестве выработанные Дмитриевым язык и слог (см.: *Вяземский П. А.* Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева // *Вяземский П. А.* Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 75–76).

[^^^]

Здесь не место доказывать, как неграмматически составлен этот период.

«Вот наши строгие ценители и судьи!»
(Грибоедов).

[^^^]

Критический отклик на статью Вяземского Булгарин напечатал вскоре после ее публикации (Литературные листки. 1824. № 2. С. 59–64), Вяземский сразу же ответил ему (Несколько вынужденных слов // Сын отечества. 1824. № 14. С. 306–312). Булгарин завершил полемику следующей репликой, напечатанной без названия в «Литературных листках» в рубрике «Литературные новости, замечания и проч.»: «Из уважения к пиитическим дарованиям и государственным заслугам достопочтеннейшего И. И. Дмитриева я совершенно прекращаю спор, возникший с сочинителем статьи под заглавием “Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева”, припечатанной к сочинениям сего знаменитого писателя, коего имя должно произноситься с благоговением на русском Парнасе и не упоминаться по-пустому в статьях, выходящих за пределы ученой критики» (1824. № 7. С. 277). См. также примеч. 13 на с. 247–248.

[^^^]

Впервые опубликована в: Северные цветы на 1825 год. СПб., 1825. О правильности указываемого Булгариным адресата басни см. в воспоминаниях М. Лобанова и В. А. Олениной: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 84, 148, 418.

[^^^]

В возникшей в следующем, 1825 г. «Северной пчеле» Крылов в первых номерах опубликовал две басни: «Булжжик и алмаз» (№ 1) и «Свинья под дубом» (№ 5), а в 1830 г. еще одну – «Осел» (№ 58).

[^^^]

Вяземский был сильно уязвлен касающимся его болгаринским пассажем в воспоминаниях и в том же январе 1845 г. написал следующую эпиграмму, опубликованную в журнале «Москвитянин» (1845. № 2. С. 87):

*К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный.
В живых ни одного он друга не найдет;
Зато, когда из лиц почетных кто умрет,
Клеймит он прах его своею дружбой грязной.
– Так что же? Тут расчет: он с прибылью двойной,
Презренье от живых на мертвых вымещает,
И, чтоб нажать друзей, как Чичиков другой,
Он души мертвые скупает.*

Не ограничившись ею, Вяземский по поводу театральных рецензий Булгарина написал и опубликовал исключительно резкую басню «Хавронья» (Отечественные записки. 1845.

№ 4. С. 328), представляющую собой перелицовку басни Крылова «Свинья». Разгневанный Булгарин поместил в «Северной пчеле» (1845. № 101. 7 мая. Подп.: Ф. Б.) стихотворный ответ:

Любезным моим сатирикам, памфлетистам, куплетистам, эпиграмматистам и безграмматистам

*От правды честной и упрямой
Не защититесь эпиграммой;
Нет, мне не повредите вы
И ваши грязно-желчны речи,
Пока моей вы головы
Не сдвинете на ваши плечи.
Теперь же бранный этот вздор
Мне торжество, а вам – укор!*

Помимо этого он через несколько дней отозвался о басне и в фельетоне «Журнальная всякая всячина» (Северная пчела. 1845. № 106. 12 мая): «Это образец безвкусицы! В русской литературе никогда не появлялось картины отвратительнее, как стихотворение “Хавронья”».

«Почта духов» выходила с 1789 г., в 1788 г. Крылов печатался в журнале «Утренние часы».

[^^^]

Этот пост занимал тогда С. С. Уваров.

[^^^]

Венок был только поднесен Крылову, но не был одет на его голову, см.: *Лямина Е., Самовер Н.* Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен // *Транснациональное в русской культуре*. М., 2018. С. 47–48.

[^^^]

Булгарин не упоминает о скандальной ситуации, связанной с организацией юбилея, когда С. С. Уваров исключил из числа членов оргкомитета Н. И. Греча, Н. В. Кукольника и ряд других лиц, а Греч и Булгарин в знак протеста не пошли на празднование юбилея. См.: *Греч Н. И. Юбилей Крылова* // Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 624–631, 825–830; *Лямина Е., Самовер Н. Крыловский юбилей 1838 г. как культурный и идеологический феномен*. С. 28–39, 54, 57–64.

[^^^]

Неточность: в доме, принадлежавшем библиотеке, Крылов жил с 1816 по 1841 г., т. е. 25 лет (см. комментарии А. М. Гордина и М. А. Гордина в: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 415).

[^^^]

Это произошло в 1823, а не в 1824 г.

[^^^]

В 1843 г., т. е. за год до смерти Крылова.

[^^^]

Речь идет о дочери Крылова Александре (которую он официально не признавал и называл воспитанницей) и ее муже К. С. Савельеве. О них см.: *Смирнов-Сокольский Н.* Необыкновенные книги // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 1003–1006.

[^^^]

После выхода в отставку Крылов прожил всего три года.

[^^^]

Крылов завещал все свое состояние не воспитаннице, а ее мужу. См.: *Смирнов-Сокольский Н.* Указ. соч. С. 1004–1005.

[^^^]

Позднее в одном из фельетонов Булгарин привел следующие воспоминания о Крылове: «Знаменитый наш хирург и оператор, заслуженный профессор и академик Илья Васильевич Буяльский, оказал несколько раз пособие нашему великому баснописцу Ивану Андреевичу Крылову, и они более двадцати лет находились в самых дружеских сношениях. И. А. Крылов всегда обедал в семейном кругу И. В. Буяльского, в день его именин, 20 июля; но в 1836 году не мог явиться к обеду, и И. В. Буяльский получил, чрез незнакомого ему человека, пакет, в котором находились следующие стихи:

Имениннику, Илье Васильевичу Буяльскому

*Тебя я не видал, но знаю:
Ты человечество живишь...
Чего же я тебе желаю?
Того, чем ты других даришь:
Чтобы цвело все оживленьем,
Чтоб мир был в теле и в сердцах...*

*Я не парю воображеньем,
Но чту везде – добро в делах.*

Неизвестный. 20 июля 1836. СПб.

Когда, чрез несколько дней, И. А. Крылов появился в семействе И. В. Буяльского, все стали приставать к нему, чтоб он сознался, не он ли прислал стихи. Крылов улыбался и отвечал: *“Не знаю... стишки плоховаты, но намерение доброе”*. – Но каковы бы ни были стишки, а они, по всей вероятности, Крылова, потому что хотя он и хотел изменить почерк, но не умел, а только поставил буквы покрупнее. Когда нам на днях показали подлинник, мы, не зная дела, тотчас узнали почерк И. А. Крылова. Стихи эти хотя и не высокого пиитического достоинства, но обнаруживают прекрасную черту характера знаменитого баснописца, и потому мы поместили их на листах *“Северной пчелы”*» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1848. № 16. 21 янв.).

[^^^]

Большое число «ключей» было собрано в кн.:
Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические
примечания к басням И. А. Крылова. Изд.
2-е. СПб., 1878.

[^^^]

По мнению Н. Л. Степанова, басня направлена против критиковавшего «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина автора статьи «О свойствах царя Иоанна Васильевича» (Вестник Европы. 1821. № 18), опубликованной анонимно и приписанной читателем редактору журнала М. Т. Каченовскому (см.: *Степанов Н. Л. И. А. Крылов. М., 1949. С. 146–147*). На самом деле статья принадлежала Н. С. Арцыбашеву.

[^^^]

Булгарину изменила память, это он сказал не в 1824 г., а 1825♦м, в статье «Письма на Кавказ». Там он писал о баснях Крылова, напечатанных в «Северных цветах»: «Они прекрасны, замысловаты, но... право, не хочется высказать, – по рассказу не могут сравняться с прежними его баснями, в которых с прелестью поэзии соединено что-то русское, национальное. В прежних баснях И. А. Крылова мы видим русскую курицу, русского ворона, медведя, соловья и т. п. Я не могу хорошо изъяснить того, что чувствую при чтении его первых басен, но мне кажется, будто я где-то видал этих зверей и птиц, будто они водятся в моей родительской вотчине» (Д. Р. К. Письма на Кавказ. 2 // Сын Отечества. 1825. № 3. С. 313). Этот факт должен учитываться при атрибуции текстов в «Сыне Отечества» и «Северной пчеле», подписанных криптонимом Д. Р. К.

Имеется в виду П. А. Вяземский, который высмеял этот пассаж в статье «Жуковский. – Пушкин. – О новой пиитике басен» (Московский телеграф. 1825. № 4. С. 352–353).

[^^^]

См. «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» в настоящем издании.

[^^^]

Через некоторое время Булгарин поместил в газете «Объяснения», где писал: «В № 8 “Сев[ерной] пчелы” было напечатано “Воспоминание об И. А. Крылове”. Припоминаем читателям, что это не *биография*, а только *воспоминание*, в котором главное: характеристика человека и его творений, а не *мелочи* жизни. В это “Воспоминание”, писанное из памяти и по собственным заметкам, вкрались две неточности, впрочем весьма мелочные. Первые басни И. А. Крылова напечатаны не в “Аглае” Карамзина, а в “Московском зрителе” князя Шаликова, в 1806 году. Не имея времени справляться, сочинитель “Воспоминания” прибегнул к одному ученому библиографу и попал впросак. Вина, однако ж, хотя и не тяжкая, падает отчасти и на сочинителя “Воспоминания”. Другой промах, еще незначительнее, но все же промах, требующий покаяния. В “Воспоминании” сказано, что И. А. Крылов содержал типографию *едва ли* не с Похорским. Дело такое давнее, что едва ли кто помнит! Нашелся, однако ж, человек, который

все это еще застал. Это старейший из книгопродавцев, а ныне знаменитый букинист, Иван Ильич Ильин. Он сказал нам, что И. А. Крылов содержал типографию с тогдашним литератором, Александром Ивановичем Клушиным (умершим в 1804 году), а потом с актером Рыкаловым (знаменитым комиком, которого мы еще видали на сцене и каких ныне нет и давно не бывало) и что книгопродавец Плавильщиков был с ними в части. Типография эта была некоторое время в руках И. И. Ильина, вместе с Похорским, и они напечатали первую книгу басен Крылова и издали первый портрет его. Потом типография, оставшись за Похорским, получила название театральной типографии. Хотя все эти мелочи вовсе не изменяют характеристики И. А. Крылова и в сущности ничего не значат, но все же мы обязаны произнести: *mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa* [моя вина, моя вина, моя величайшая вина (лат.) – формула покаяния у католиков]!» (Северная пчела. 1845. № 24. 30 янв.).

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 141, 142. 28, 30 июня.

[^^^]

В этой серии (1846–1855) ко времени написания настоящего мемуара вышли произведения В. А. Озерова (1846), Д. И. Фонвизина (1846), Г. Р. Державина (1847), А. Д. Кантемира (1847), М. Ю. Лермонтова (1847), М. В. Ломоносова (1847), И. И. Хемницера (1847), Я. Б. Княжнина (1847–1848), И. Ф. Богдановича (1848) и др.

[^^^]

Измайлов А. Е. Сочинения: В 2 т. СПб., 1849.
(Полное собр. соч. русских авторов). См. расширенное переиздание сочинений в стихах:
Измайлов А. Е. Избр. соч. / Изд. подгот. М. Амелин. М., 2009.

[^^^]

По поводу выхода Сочинений Фонвизина Булгарин писал о серии Смирдина в очередном фельетоне «Журнальная всякая всячина»: «Предприятие истинно патриотическое, благородное, достойное внимания всех грамотных людей в России и сильной поддержки со стороны всех сословий, от А до Z!» – и всячески расхваливал издание (Северная пчела. 1846. № 242. 26 окт.).

[^^^]

Этот фельетон Булгарина из цикла «Журнальная всякая всячина» имел подзаголовок «Письмо к А. Н. Г[речу], в Заманиловку, близ Парголова», т. е. был обращен к сыну Н. И. Греча Алексею, исполнявшему в то время обязанности секретаря редакции.

[^^^]

В 1826 г. А. Е. Измайлов был назначен вице-губернатором Тверской губернии (А. Н. Гречу было тогда 12 лет), в 1828 г. переведен на такой же пост в Архангельскую губернию, в 1829 г. вернулся в Петербург, а в начале 1831 г. умер.

[^^^]

Воля ваша, но в русском языке нет слова, вполне выражающего полное значение французского слова naïf. Лексикографы переводят это слово: чистосердечный, естественный, откровенный, нехитрый, простодушный.

[^^^]

Измайлов в 1792 г. поступил в Горное училище (основанное в 1773 г.), покинул его в 1797 г., а в 1804 г. училище было преобразовано в Горный кадетский корпус (ныне Санкт-Петербургский государственный горный институт им. Г. В. Плеханова).

[^^^]

Булгарин ошибается. В 1799 г. вышла первая часть этой повести, а в 1801 г. – вторая.

[^^^]

Термин «натуральная школа» был впервые использован самим Булгариным в одном из фельетонов в «Северной пчеле» (26 января 1846 г.) для критической характеристики Гоголя и его последователей, но впоследствии был применен В. Г. Белинским как удачное название для ориентированных на «реализм» современных русских писателей.

[^^^]

Бой прекратился из-за отсутствия бойцов (*фр.*) – цитата из трагедии П. Корнеля «Сид».

[^^^]

См.: Разсуждение о нищих, каким способом можно уменьшить у нас в России великое число оных и доставить всем прочим безнужное пропитание безо всякаго на то иждивения от казны, написанное Александром Измайловым. СПб., 1804; Вчерашний день, или Некоторые размышления о жалованье и о пенсиях. СПб., 1807.

[^^^]

Описание издания см. в примеч. 3.

[^^^]

Речь идет об «индийской сказке» Александра Петровича Беницкого (1782–1809) «На другой день», опубликованной в журнале «Цветник» (1809. № 1). В анонимной заметке «Двойник» (Северная пчела. 1840. № 69. 27 марта), принадлежащей, по-видимому, Булгарину, говорилось про «литератора Беницкого, оставившего после себя весьма немного сочинений, но внесенного в историю русской литературы за одну только превосходную повесть “На другой день”». А. А. Бестужев также писал, что «Беницкий написал только три сказки, зато образцовою прозою. Из них “На другой день, или Завтра” будет на всех языках оригинальною, ибо кипит мыслями» (*Бестужев-Марлинский А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России [1823] // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 528*).

[^^^]

Точное название книги: Соч. в прозе и стихах.
Ч. 1. Проза. СПб., 1826. (Ч. 2 не выходила.)

[^^^]

Имеются в виду сообщения Измайлова о причинах задержки номеров типа следующих: «Виноват издатель: гулял на праздниках» (Благонамеренный. 1819. № 7. С. 68), «Опять виноват издатель:

*Как русский человек, на праздниках гулял;
Забыл жену, детей, не только
что журнал» (1820. № 6. С. 442).*

[^^^]

Альманах «Календарь муз» Измайлов издавал вместе со своим племянником П. Л. Яковлевым.

[^^^]

Тут описка Булгарина или опечатка в газете,
это издание вышло в 1839 г.

[^^^]

Здесь и далее курсив Булгарина.

[^^^]

Эта «сказка» представляет собой сатирическое изображение писателя и журналиста П. П. Свинына. Булгарин так характеризовал его: «...Павел Петрович Свинын, пламенный патриот, основал и издавал “Отечественные записки”, вполне соответствовавшие своей цели. Каждый месяц выходила в свет небольшая книжка, в которой помещалось только одно *отечественное*. Добрый П. П. Свинын, в пламенной любви своей ко всему отечественному, иногда погрешал противу истины, превеличивая дело и ставя на ходули отыскиваемых им чудных мальчиков-живописцев и мясников-астрономов, и это была его слабая сторона; но в целом журнал был превосходный и принес много пользы» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 242. 25 окт.).

[^^^]

Речь идет о заметке Измайлова (подписанной криптонимом И.) в постоянной рубрике «Сатирические ведомости» в № 1 «Благонамеренного» за 1824 г. Там описывалось торжественное собрание некоего Общества баловней поэтов и прозаиков, на котором «г. Безграмотный [читая “Смотр поэтам и прозаикам”,] с фонарем критики прошел скорым шагом по всем рядам поэтов и прозаиков и в красноречивом рапорте своем публике *обличил* таланты и успехи каждого писателя» (с. 64). Под Безграмотным Измайлов имел в виду А. А. Бестужева. В его статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» в «Полярной звезде на 1824 г.» (положительная рецензия Измайлова на этот альманах была опубликована в том же № 1) говорилось, что стихотворение В. И. Туманского «обличает талант молодого певца» и что Булгарин «с фонарем археологии спускался в неразработанные еще рудники нашей старины» (Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подгот. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Лев-

кович. М.; Л., 1960. С. 268, 270). Выпад Измайлова был вызван замечанием Бестужева в обзоре, что «Благонамеренный» «забавен для своего круга» (Там же. С. 269).

В. П. Бурнашев запечатлел следующий рассказ Измайлова: «...зимою 1824 года за обедом у издателей “Полярной звезды” я дал торжественное слово Булгарину сделать его бессмертным. Но, прежде чем совершить казнь, я хотел заставить Фаддея с братиею вытерпеть ряд разнообразных юмористических пыток, в уповании, что когда дойдет до последнего удара секиры, все эти господа волею-неволею отрекутся от своего, брошенного ими на ветер, мнения, что “Благонамеренный” забавен только для своего круга. Для этого я не пренебрегал никакими случаями, чтоб Фаддея с Орестом Сомовым, бывшим моим сотрудником, а теперь критиканом “Литературных обозрений” в “Полярной звезде”, представить в их настоящем свете. Одним из таких случаев был в Москве маскарад на святках в доме моих друзей и кумов, Дорогомыжских, куда каждый из гостей должен был явиться в каком-нибудь характерном костюме

ме. Я избрал своим костюмом “Полярную звезду”. Я надел на себя пестрое арлекинское платье, само собою разумеется нарочно сшитое по моему слоновьему росту театральным костюмером Натье. На грудь и на спину я прицепил себе две громадные звезды из серебряной бумаги, по крайней мере по аршину в диаметре каждую. На арлекинской шапочке торчала у меня маленькая серебряная звездочка. К поясу прикреплен был *фонарь критики* – детский игрушечный барабан с яркою надписью: “Ах! Лучше барабан поэта, Чем сиплый критика свисток!” – это стихи Туманского, напечатанные им в “Полярной звезде” 1824 года». В своей речи о современной литературе Измайлов стал превозносить «в самом карикатурном виде некоторых современных знаменитостей и в том числе лающего критика-юмориста, в котором, без упоминания имени, все узнали издателя “Волшебного фонаря”, “Листков” и нынешнего сотоварища Греча по изданию “Северной пчелы”» (*Эртаулов [Бурнашев В. П.] Воспоминания об А. Е. Измайлове // Дело. 1874. № 4. С. 176–177*). О. Сомов печатал обзоры русской литературы позд-

нее, в «Северных цветах» на 1828–1831 гг., а во всех выпусках «Полярной звезды» подобные обозрения помещал А. А. Бестужев. Либо память подвела Бурнашева, либо он не хотел упоминать подвергшегося наказанию декабриста. «Эпиграмма» В. И. Туманского процитирована Бурнашевым или Измайловым неточно, в оригинале: «Оставил барабан поэта / За грязный критика свисток». «Волшебный фонарь» – рубрика болгаринского журнала «Литературные листки».

[^^^]

Булгарин, похвалив в рубрике «Литературные новости» басню Измайлова «Лгун», помещенную в № 1 «Благонамеренного» за 1824 г., иронически заметил, имея в виду процитированную выше заметку, что в том же номере Измайлов «весьма забавно описал собственную литературную вечеринку и назвал себя и своих сотоварищей именами, которые конечно каждый примет за шутку» (Литературные листки. 1824. № 2. С. 66). Чуть позже в заметке по поводу отзыва издателя газеты «St. Petersburger Zeitschrift» Е. И. Ольдекопа об Измайлове Булгарин оспорил положительную оценку его критических выступлений, заметив, что тот не печатал статей о поэзии и что в журнале вообще не рассматривались серьезно поэтические произведения (Ф. Б. Литература // Литературные листки. 1824. № 4. С. 139–143). Измайлов резко ответил Булгарину в статье «Изъявление благодарности гг. издателям St. Petersb. Zeitschrift (так! – А. Р.) и Литературных листков, журнала нравов и словесности» (Благонамеренный. 1824. № 5. С.

368–375), заявив, что критические статьи (пусть не его, а других авторов) печатались в журнале в большом числе, а в заметке об обществе литераторов изображен вовсе не он и не его знакомые. Булгарин не остался в долгу. Он писал, что «сказал только, что в нем [“Благонамеренном”] не были разбираемы *беспристрастно и основательно* пиитические творения <...>», а что касается заметки о Безграмотном, то нехорошо вкладывать в уста якобы придуманных персонажей хорошо известные многим слова реально существующих людей. Булгарин спрашивал Измайлова, понравится ли ему, если «другой представит критика *с осанкой важной, в броне сермяжной*, который, желая смыть все литературные свои погрешности, *очутился у полыни* и едва не потонул» (Ф. Б. Ответ издателю Благонамеренного на его изъявление благодарности Литературных листков (см. № 5 Благонамеренного на стр. 368) // Литературные листки. 1824. № 6. С. 237).

[^^^]

Вечера у Измайлова проходили в первой половине 1820-х гг. Там бывали Н. Ф. Остолопов, И. Б. Чеславский, Э. П. Перцов и др.

[^^^]

Магазин книгопродавца И. В. Сленина в доме
Энгельгардта на Невском проспекте воспет
Измайловым в стихотворении «Сленина лав-
ка» (1824).

[^^^]

В шуточном стихотворении барона Дельвига сказано о А. Е. Измайлове, между прочим:

*Оттопырен карман,
В нем торчит, как чурбан
Трехпудовая тетрадь²⁴.
Описание с натуры!*

[^^^]

Но он позволил мне списать басню, и списал ее для меня, тут же на месте, покойный О. М. Сомов.

[^^^]

Правильно: «Слон и собаки». Басня была написана 2 апреля 1824 г. и впервые опубликована в «Литературной газете» (1831. № 23. 21 апр.), которую издавал О. М. Сомов, а не А. Ф. Воейков.

[^^^]

В сохранившемся в РНБ автографе раннего варианта басни собака была названа Цербером, а свинья охарактеризована как американская, что было очевидным намеком на П. П. Свинына (см. комментарий Г. В. Ермаковой-Битнер в: Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л., 1959. С. 693–694; там же на с. 353–354 текст самой басни). Из содержательной (к сожалению, неопубликованной) кандидатской диссертации О. А. Проскурина 1984 г. «А. Е. Измайлов и литературная жизнь первой трети XIX века», где на с. 248–249 цитируется рукописный сборник произведений Измайлова (Т. 3. Басни, юмористические произв. и проч. Автограф. 1825–1829 // РНБ. Ф. 210. Ед. хр. 3. Л. 13–14), можно узнать, что в рукописи пес был польский, а другой пес, немецкий, имел кличку Грач (т. е. прототипом его был Н. И. Греч). При публикации был сделан целый ряд замен, чтобы затушевать прототипов басни. В рукописи было: «Цербер, задорный польский пес, / С американскою большою Свиной схватился...», в печатном варианте:

«Брылан, задорный беглый пес, / С большой
Свиньей схватился...», в рукописи: «Знай, го-
ворил он ей, знай каковы поляки!», в книге:
«Знай, наши каковы кусаки!», в рукописи:
«Вот я тебя, или не польской я кобель», в кни-
ге: «Заставлю пролежать в сарае пять
недель», и т. п.

[^^^]

Помимо басни «Слон и собаки» против Булгарина направлены сатирические стихотворения Измайлова «Фаддей с фонарем», «Судья Фаддей», «Сленина лавка», «Песня» («Пусть задорный пес Фаддей...»), эпиграмма «Ну, исполать Фаддею!» (все – 1824).

[^^^]

Булгарин имеет в виду следующее стихотворение, помещенное в «Благонамеренном» в 1823 г. (№ 16. С. 274–275):

На день рождения А. Е. И.

*Когда б ты был в числе вельмо-
жей
Или имел с Фортуной связь,
Тогда б в сей день в твоей прихо-
жей
Толпа народу собралась:
Спешили бы к тебе принести
С поклонами дары и лесть.
Но ты, увы! Поэт, писатель,
Народный русский фабулист,
Журнала скромного издатель
И на беду не романист!
Итак, покорен будь судьбе,
Даров в сей день не жди себе.
Пусть Зависть с гнусной Клеве-
тою,
Ударив дружно по рукам,
Гласит в плохих стихах трубою,
Что ты писатель не для дам.
Нет, нет! ты вопреки врялям,*

Писатель для мужчин и дам.
Зато писатели собором,
В сей день пришедши в твой при-
ют,
Измайлову согласным хором
Хвалу не лестную поют:
Ликуй, Измайлов, журналист!
Ликуй, поэт и фабулист!
Дай Бог подписчиков тебе,
Сотрудников – и вдохновенье;
Дай Бог, чтоб нажил ты себе
Трудами славу и именье;
Трудись и наживай добра:
Ура! Измайлов наш, ура!

14 апреля 1823

Б-Н

[^^^]

Измайлов писал 3 мая 1823 г. П. Л. Яковлеву, что на следующий день после празднования его дня рождения, который приходился на 14 апреля, пришли к нему гости, придворные певчие, и «запели стихи, сочиненные на день моего рождения сарматом Булгариным. <...> Сюрприз был самый приятный» (ИРЛИ. 14.163. Л. 31 об.).

[^^^]

Булгарин неверно передает последовательность событий: приведенное стихотворение создано до басни «Слон и собаки» и других направленных против Булгарина эпиграмм и басен Измайлова. После указанных выше взаимных выпадов Булгарин отозвался о редактировании Измайловым Сочинений В. А. Озерова как о «событии, неслыханном поныне в истории словесности просвещенных народов», демонстрируя на примерах, что своей правкой Измайлов во многих местах «превратил смысл стихов Озерова, лишил их сладкозвучия и несносною перестановкою слов совершенно ослабил действие речей драматических лиц, выведенных на сцену Озеровым» (Литературные листки. 1824. № 8. С. 315–316). Измайлов ответил на это стихотворением «Судья Фаддей» и рядом других стихотворений и эпиграмм, которые опубликовать ему не удалось, но они широко распространялись в рукописи. В печать попали только мелкие выпады и намеки в «Благонамеренном» (№ 9. С. 229; № 11. С. 320–322, 333–334), после кото-

рых Булгарин прекратил полемику, заявив следующее: «[Измайлов] усиливается доказать мое *бессилие* по части критики и находит у меня множество ошибок. Сожалею, что не могу ему услужить тем же: я в нем *ничего* не вижу. *Ex nihilo nihil fit* [Из ничего ничто не происходит (*лат.*)]» (Краткие литературные замечания, наблюдения и проч. // Литературные листки. 1824. № 11/12. С. 430). Но к концу года отношения их стали теплее, в начале 1825 г. Измайлов поместил в «Благонамеренном» сочувственный отзыв об изданном Булгариным театральном альманахе «Русская Талия» (№ 1. С. 40–42), в начале следующего года Булгарин расхвалил изданный Измайловым альманах «Календарь муз» (Северная пчела. 1826. № 6. 14 янв.). (Об их взаимоотношениях см. также: *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 151–194.) В 1826 г. Измайлов выпустил «Благонамеренный» только за первое полугодие и прекратил издавать журнал, а в конце года уехал из Петербурга служить в провинции.

Вернулся в столицу он только в мае 1829 г. и вскоре опубликовал в «Северной пчеле» сатирический очерк «Письмо к издателям Северной пчелы» с подписью Михей Простенков (1829. № 92. 1 авг.), а также заметки о нравах и анекдоты (*Изм... А. Смесь // Северная пчела. 1829. № 100, 102. 20, 24 авг.*). После его смерти в «Северной пчеле» был помещен теплый некролог, где про Измайлова говорилось, что «в литературе русской он известен своими баснями и сказками и изданием разных журналов, в частной жизни был он человек честный, благородный, добродетельный, добрый сын, супруг и отец; в сердцах друзей своих оставляет он неизгладимое временем воспоминание» (1831. № 15. 20 янв.). В. П. Бурнашев в цитированных выше воспоминаниях об Измайлове утверждал, что во время службы в Твери Измайлов публиковал в «Северной пчеле» «легкие статеечки в стихах» с подписью А. И. (Дело. 1874. № 4. С. 196, см. также с. 194), но стихи с подобной подписью в «Северной пчеле» не печатались.

Эпитафия помещена на могильном памятнике Е. Ф. Измайлову на Смоленском кладбище (Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 260); опубл. в «Новых баснях и сказках» Измайлова (1817).

[^^^]

«Воспоминания» Булгарин не завершил и об Измайлове написать не успел.

[^^^]

В начале фельетона Булгарин жаловался на холодное лето в Лифляндии.

[^^^]

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1858. № 95. 5 мая.

[^^^]

По-видимому, речь идет о П. С. Савельеве, который писал предисловие к Собранию сочинений Сенковского, см.: *Савельев П.* О жизни и трудах О. И. Сенковского // Сенковский О. И. Собр. соч. СПб., 1858. Т. 1. С. XI–CXII. Возможно, имеется в виду и вдова Сенковского, которая работала над книгой о нем: *Сенковская А. А.* Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус): Биографические записки его жены. СПб., 1858.

[^^^]

Имеется в виду А. А. Смирдин, унаследовавший после смерти А. Ф. Смирдина его книго-торговое дело.

[^^^]

Булгарин познакомился с Сенковским в Вильне, когда жил там, посещал вольнослушателем Виленский университет и вступил в Общество шубравцев, членом которого был и Сенковский. После приезда Сенковского в Петербург в 1819 г. Булгарин находился с ним в приятельских отношениях, печатал в «Северном архиве» (1822. № 1, 5, 7, 16; 1826. № 1) и «Северной пчеле» (1827. № 105–110, 129–133; 1828. № 72–78; 1833. № 4, 17, 137, 152, и др.). Сенковский цензурировал «Северную пчелу» в 1829–1830 гг. и книги Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830), Сочинения (Ч. 12. СПб., 1830), «Картина войны России с Турциею <...>» (СПб., 1830), «Петр Иванович Выжигин» (СПб., 1831). В дальнейшем, когда с 1834 г. Сенковский стал редактировать журнал «Библиотека для чтения», отношения стали более сложными. Хотя Булгарин и печатался в «Библиотеке для чтения» (см.: 1834. Т. 1, 4, 6, 8; 1838. Т. 28; 1845. Т. 68, 69; 1847. Т. 80–82, и др.), но они с Сенковским то раздражались преувеличенными похвалами друг другу, то высту-

пали с резкими нападками (об их взаимоотношениях см.: *Jabłonowski A. Orientalista Sękowski w korespondencyi z Lelewelem // Jabłonowski A. Pisma. Warszawa, 1913. T. 7. S. 1–177; Каверин В. А. Барон Брамбеус: История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». 2-е изд. М., 1966; Рейтблат А. И. Булгарин и Сенковский в 1810–1820-х годах // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 177–187).*

[^^^]

См.: Справочный энциклопедический словарь: В 12 т. / Издание К. Крайя. СПб., 1855. Т. 9, ч. II.

[^^^]

Названы города и села различных польских воеводств.

[^^^]

Имеется в виду Иосиф Сенковский.

[^^^]

как свободный со свободным, как равный с равным (*польск.*).

[^^^]

Сенковский учился в Минском коллегиуме (Rhetorum Collegium Minscensis), но недолго и, не кончив его, перешел в Виленский университет.

[^^^]

Сенковский перевел басни не легендарного индийского мудреца Пильпая (Бидпая), а легендарного арабского мудреца – Локмана. См.: *Amsal Lokman el-hakim. Podobeństva i bayki mędrca Lokmana*. Wilno, 1818; перевод подписан криптонимом Т. Н.

[^^^]

См.: *Ohsson I. M. d'*. Tableau général de l'Empire ottoman. Paris, 1788–1824. Vols. 1–7. Рус. пер. первых двух томов: *д'Оссон*. Полная картина Оттоманския империи: В 2 ч. СПб., 1795. Сенковский опубликовал изложение содержания этой книги и ее разбор в журнале «*Dziennik Wileński*» (1819. Т. 1. S. 342–368, 481–500, 609–634; Т. 2. S. 359–372, 493–507, 597–621).

[^^^]

Друзы – арабы, исповедующие друзизм, очень специфическое ответвление мусульманства.

[^^^]

См.: Dzieńnik podryży... z Wilno przez Odessę do Sztambułu [Дневник путешествия... из Вильно через Одессу в Стамбул] // Dzieńnik Wileński. 1819. Т. 2; Opis Odessę [Описание Одессы] // Dzieńnik Wileński. 1820. Т. 1; фрагменты в пер. на русский – Вестник Европы. 1820. № 1, 7.

[^^^]

Булгарин ошибается. В марте 1822 г. Сенковский действительно отклонил предложение Виленского университета занять кафедру ориенталистики.

[^^^]

Неверное утверждение. Сенковский покинул Египет в июле 1821 г. и в октябре прибыл в Петербург.

[^^^]

Сенковский писал: «На другой день посетили мы вторую пирамиду. Г. Бельзони, проникший в нее вместе с каирскими любителями древностей, хвалился сим отважным и великим подвигом. При входе и в Царской комнате он украсил стены надписями, в которых хотел сказать, что он открыл сию пирамиду (Scoperta da Giovanni Belzoni il 2 marzo 1818). Он сделал еще более: составил акт в канцелярии английского консула в Каире, чтобы в потомстве утвердить славу свою, какой не достаивался еще ни один из *фигляров* в свете» (Посещение пирамид. Из путевых записок Иосифа Сенковского // Сын отечества. 1822. № 1. С. 27). В примечании к этому пассажи, помещенном в конце статьи, Сенковский утверждал, что Бельзони «отнюдь не стоит той славы ученого антиквария, которую он сам себе восписал в книге, изданной в Лондоне под именем его жены». По словам Сенковского, Бельзони был всего лишь надзирателем над арабами, осуществлявшими раскопки, руководство раскопками осуществляли другие ли-

ца, гораздо более компетентные (Сын отечества. 1822. № 3. С. 122–123). В конце марта в том же журнале было напечатано «Оправдание г. Бельзони» (1822. № 12. С. 221–226).

[^^^]

Возможно, именно с этой целью Булгарин поместил в рубрике «Смесь» своего журнала «Северный архив» выдержанную в панегирических тонах заметку о Бельцони, приехавшем в Петербург в первой половине марта 1822 г. Булгарин писал, что «никто из путешественников нашего времени не обратил на себя столько внимания, как г. Бельзони», называл его «прославившимся своими путешествиями по Египту и Нубии (1815–1819) и открытием драгоценных памятников искусств древних египтян», а труды его характеризовал как «блистательные» (Северный архив. 1822. № 7 (апрель). С. 76–77).

[^^^]

Булгарин поддърживал контакти с Д. П. Руничем и оказывал ему услуги.

[^^^]

После испытания у Х. М. Френа Сенковский в декабре 1821 г. был определен переводчиком в Коллегию иностранных дел и лишь в июне 1822 г. стал ординарным профессором арабской и турецкой словесности Петербургского университета.

[^^^]

См.: Collectanea z dziejopisyw tureckich rzeczy do historii polskiej służących z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag [Выборка из сочинений турецких историков, касающихся польской истории, с прибавлением необходимых пояснений и критических замечаний]. Warszawa, 1824–1825. Т. 1–2.

[^^^]

Книга «Sur les origines russes [О происхождении русских]» (St. Petersburg, 1825) действительно принадлежит Й. фон Гаммер-Пургшталю, и по поводу ее Сенковский написал памфлет «Письмо Тютюнджю-Оглу-Мустафы-Аги, настоящего турецкого философа, к одному из издателей Северной пчелы» (Северная пчела. 1827. № 129–133), в переводе на французский язык и с дополнениями вышедший в Петербурге в том же году отдельным изданием; в этом «остроумном, исполненном глубоких сведений и необыкновенной веселости письме своем», пародируя высокопарный восточный слог, Сенковский доказывал Гаммеру, «что все им написанное есть совершенно пустой набор слов» ([Полевой Н. А.] [Рец. на кн.: Гаммер И. О начале Руси, извлечение из восточных рукописей. СПб., 1827; Тютюнджю-Оглу-Мустафа-Ага. Письмо к Ф. В. Булгарину. СПб., 1828] // Московский телеграф. 1828. № 23. С. 336, 334). Книга же «Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, contenant un Abrégé de l'histoire de la

domination des Uzbéks dans la grande Bukharie... [Дополнение к общей истории гуннов, турок и монголов, содержащее в себе сокращенную историю владычества узбеков в Великой Бухарии...]» (St. Petersburg, 1824) издана самим Сенковским и является дополнением к книге французского ориенталиста Жозефа Дегина (De Guignes) «Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols...» (Paris, 1756–1758. Т. 1–4).

[^^^]

Имеется в виду вольный перевод сатирических книг английского дипломата и писателя Джеймса Джастина Мориера, высмеивающих стяжательство, лицемерие, религиозное ханжество и деспотизм, – «Мирза Хаджи-Баба Исфгани в Лондоне» (СПб., 1830. Ч. 1–4; отрывки: Северная пчела. 1830. № 7, 8, 65–67) и «Полождения Хаджи-Бабы Исфгани в Персии и Турции, или Персидский Жилблаз» (СПб., 1831. Ч. 1–4; отрывки: Сын Отечества и Северный архив. 1831. № 21–23; Северная пчела. 1831. № 30–38); обе книги были переизданы под названием «Мирза Хаджи-Баба Исфгани» (СПб., 1845).

[^^^]

О. И. Сенковский был вынужден 14 апреля 1833 г. покинуть цензуру после скандала, связанного с пропуском им драмы В. Гюго «Лукреция Борджиа» в журнале «Revue étrangère» (1833. Кн. 5). Номер был уничтожен, а убытки по распоряжению С. С. Уварова взысканы с Сенковского (см.: [Стасов В. В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 3. С. 573).

[^^^]

В «Северной пчеле» Сенковский под крипто-
нимом ССС поместил в 1833 г. ряд нравописа-
тельных очерков: «Петербургская барышня»
(№ 4), «Личности» (№ 17), «Человечек» (№ 137),
«Моя жена» (№ 152). В альманахе «Новоселье»
(СПб., 1833), составленном Сенковским, под
псевдонимом Барон Брамбеус он напечатал
юмористический очерк «Незнакомка» и пам-
флет «Большой выход у Сатаны». В этом же го-
ду Сенковский выпустил книгу «Фантастиче-
ские путешествия Барона Брамбеуса» (СПб.) и
в «Северной пчеле» с этой же подписью опу-
бликовал нравоописательные очерки «Ариф-
метика» (№ 209–210), «Заколдованный клад»
(№ 220).

[^^^]

В другом фельетоне Булгарин так характеризовал это издание: «...журнал, обративший на себя общее внимание, был “Библиотека для чтения” (1834). Журнал этот основали Осип Иванович Сенковский, приняв в заведование литературную часть, и А. Ф. Смирдин, управлявший хозяйственной частью. Любимый всеми русскими литераторами А. Ф. Смирдин начал издавать журнал *от имени всех русских литераторов*, избрав в редакторы первого русского грамотея, Н. И. Греча. Но Н. И. Греч наблюдал только за чистотою слога и правильностью языка, а журнал составлял с первой книжки О. И. Сенковский. Библиографию, критику, ученые и литературные известия, т. е. живую часть журнала составлял О. И. Сенковский, человек истинно ученый, умный, остроумный, одаренный пересмешистым, весьма забавным юмором (causticité). Журнал имел необыкновенный успех и мог быть сравниваем с лучшими иностранными *обзорами* (revues)» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 242. 25

OKT.).

[^^^]

См.: Барон Брамбеус [Сенковский О. И.] Резолюция на челобитную сего, оного, такового, коего, поелику, якобы и других, причастных к оной челобитной, по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. Отд. 6. С. 26–34.

[^^^]

Любовно-авантюрный роман «История о храбром рыцаре Францыле Венциане и о прекрасной королевне Ренцивене», созданный на основе старинного французского романа, проник на Русь в первой трети XVIII в. и получил широкое распространение в рукописном виде. Впервые был издан в Москве в 1787 г., впоследствии неоднократно переиздавался.

[^^^]

См., например, обширный список разного рода выпадов и негативных характеристик в публикациях Булгарина 1835–1839 гг. в: *Каверин В. А. Указ. соч.* С. 220–225.

[^^^]

Имеется в виду А. В. Дружинин, который редактировал «Библиотеку для чтения» в 1856–1860 гг. См.: *Дружинин А. В.* О. И. Сенковский: некролог // Библиотека для чтения. 1858. № 4. С. 80–96.

[^^^]

Выражение это Булгарин заимствовал из русского перевода романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (6 т. СПб., 1804–1807). У Стерна не Варвара, а Дина, см. подробнее: *Кошелев А. В.* «Варвара мне тетка, а правда сестра»: стернианская пословица в русской литературе // *Литературный факт.* 2016. № 1/2. С. 237–244.

[^^^]

«Я сказал, [что нужно было сказать]!» (лат.).

За десять лет до этого Булгарин несколько иначе характеризовал печатно и самого Сенковского, и круг языков, которыми он владел: «Осип Иванович Сенковский получил классическое образование под руководством ученых, снискавших европейскую славу, и с юношеского возраста посвятил себя изучению восточных языков, не по особенной страсти собственно к языкам, но к Востоку вообще, т. е. к его истории, географии, этнографии, словом, к существованию древнему и новому восточных народов, наших предшественников в образованности. За двадцать семь лет пред сим, в первой молодости, О. И. Сенковский, имея уже достаточные сведения в арабском языке, отправился к знаменитому ориенталисту Ариде, жившему в каком-то монастыре в горах Ливанских, и под его руководством изучил основательно древний и современный язык арабский и язык турецкий, путешествовал по Востоку, посетил Египет и Нубию и, прожив несколько времени в Константинопо-

ле, возвратился на родину. Сколько нам известно, О. И. Сенковский знает языки: греческий, древнееврейский, латинский, арабский (письменный и новый разговорный), турецкий, персидский, татарский, древнеисландский (на котором написаны саги), французский (на нем пишет он свободно), английский, немецкий, итальянский, испанский и все славянские наречия. Мы нисколько не преувеличиваем, исчисляя столько языков. Иным это покажется даже сомнительным, однако ж это суцая истина. Само по себе разумеется, что он не все эти языки знает в совершенстве, но на всех читает и все понимает, а для ученых трудов этого довольно. Когда здесь был турецкий посланник Галиль-Паша, то по произношению О. И. Сенковского принял его за природного турка. Сколько можно было бы сделать с таким богатым запасом сведений, с умом О. И. Сенковского и с его трудолюбием! Было время, когда он, изучая языки и историю Востока, занимался по десяти и даже по двенадцати часов в сутки, и по нескольку месяцев не выходил из дому! Мы помним время, в которое О. И. Сенковский

принялся за изучение языка китайского и занимался составлением сравнительного словаря восточных языков, взяв за основание знаменитый Словарь Меннинского [Francisci à Mesgnien Meninski institutiones linguae Turcicae cum rudimentis parallelis linguarum Arabicae et Persicae. 2 Bde. Wien, 1765], и когда намеревался написать по восточным источникам историю хазаров, народа поныне почти неизвестного. Сколько света пролилось бы из этой истории на историю русскую, если б начатое было кончено! О. И. Сенковский воздвигнул бы себе незабываемый памятник в области наук и прославил бы наше отечество. На бесплодном поле русской журналистики иссякли все эти ученые предприятия, и разрушились все надежды знавших коротко глубокую ученость и необыкновенные способности О. И. Сенковского!» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. № 30. 7 февр.). См. также записку о Сенковском, написанную Булгариным для III отделения в апреле 1828 г.: «Сенковский воспитывался в Виленском университете и приобрел там первоначальные сведения в арабском языке, отправился

на Восток в 1818 году для усовершенствования себя в восточных языках, жил долго на горе Либане у знаменитого ориенталиста Ариды, был в Египте, Нубии и, возвратившись в Константинополь, по своим познаниям в турецком и арабском языках был причислен графом Строгоновым к константинопольской миссии. Возвратясь в Петербург, Сенковский определен по высочайшему повелению в Коллегию иностранных дел в 1821 году, с тем, чтобы занять первое вакантное место драгомана, а за успешное приготовление себя к сему роду службы награжден 200 червонцев. Поелику не предвиделось, чтобы Сенковский нашел скоро вакантное место драгомана, то в 1822 году по высочайшему повелению определен ординарным профессором восточных языков в С.-Петербургском университете. В сие время Сенковский изданными сочинениями и переводами с восточных языков приобрел себе европейскую славу, и первые ориенталисты в Европе, Абель-Ремюза, Сильвестр де Саси и другие признали публично Сенковского отличнейшим ориенталистом и *первым* знатоком истории и гео-

графии Востока.

Сенковский знает совершенно турецкий язык и арабский, как книжный, так и разговорный. Кроме того, он знает хорошо по-персидски и по-татарски. Из европейских языков он пишет с равною легкостью по-русски, по-польски, по-французски и по-итальянски и знает сии языки совершенно. Он читает и переводит с языков испанского, немецкого и английского. Вообще филологические познания и ученость Сенковского поставляют его в число необыкновенных людей, и можно смело сказать, что едва ли в Европе есть другой человек, который бы знал столько языков и так совершенно, как Сенковский.

Но должно при сем сказать, что характер его не соответствует его необыкновенному уму и познаниям. Он человек беспокойного нрава, честолюбив и самолюбив до крайности, спорщик с гордости и неуживчив с людьми. Во время своего деканства в университете он надоел товарищам и подчиненным строптивостию своего характера и для выказанья своего усердия делал самые пустые и вздорные доносы. Сенковский не любит хоро-

шо говорить о людях, даже оказавших ему благодеяния, и если знает, что может возвыситься или приобрести выгоды по службе, то не пожалеет лучшего приятеля. Он вкрадчив, скоро входит в фамилиарность и любит вредить людям, чтоб дать почувствовать свое могущество. Как драгоман, он может быть употреблен с величайшею пользою для службы. Но, награждая его за службу, его надобно всегда держать в отдалении и не употреблять ни для каких дел, где только участь человека зависит от его свидетельства. Если следовать правилу, что из каждого человека надобно извлекать для пользы службы то, что составляет главное его качество, Сенковский единственный человек как драгоман – но лишь позволить ему действовать нравственно в делах – он тотчас употребит во зло малейшую частичку власти или доверенности. – Он чрезвычайно остроумен и весьма искусен в диалектах» (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 267–268).

[^^^]

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1854. № 175. 7 авг.

[^^^]

Отклик на некрологи академикам, представленные П. А. Плетневым в Отчете по Второму отделению имп. Академии наук за 1853 г. (были прочитаны в публичном собрании Академии наук 29 декабря 1853 г.).

[^^^]

Отчество инженера, члена-корреспондента Академии наук и музыканта-любителя М. Д. Резвого в некрологе Плетнева указано верно: Дмитриевич.

[^^^]

См.: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.

[^^^]

Булгарин перечисляет сражения между армией Наполеона и войсками антинаполеоновской коалиции: при Люцене (городок в 20 км к юго-западу от Лейпцига) 2 мая 1813 г., при Бауцене (город в Саксонии) 20–21 мая 1813 г., под Кульмом (местечко в Богемии в 40 км к югу от Дрездена) 29–30 августа 1813 г., под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г. (все даты даны по новому стилю).

[^^^]

Причиной отставки Катенина в 1820 г. стал его конфликт с вел. кн. Михаилом Павловичем; за фрондерство Катенин в 1822 г. был выслан из Петербурга. В 1829 г. он писал своему другу Н. И. Бахтину: «Однажды навсегда жребий мой брошен, по грехам моим – я литератор; службу я оставил, кажется, навсегда, богатства у меня едва достает, чтобы с горем, скукой и нуждой жить, семейства я не имею, стало живейшие мои желания и чувства обращены на один предмет, на приобретение некоторого уважения и похвалы, как писатель, при жизни и по смерти» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911. С. 163).

[^^^]

Начатый Карамзиным период русской литературы Булгарин именовал Карамзинским, включая в него творчество Грибоедова и Пушкина и оканчивая его Лермонтовым (см.: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1856. № 100. 5 мая). Булгарин полагал, что «в последние годы царствования императрицы Екатерины II и в царствование императора Александра I сделано все возможное по части филологии и эстетики, чтоб утвердить и упрочить правила русского языка и составить легкую, выразительную прозу и блистательное стихосложение. И прежде, и теперь [в 1854 г.], если писатель желал нравиться умным, благовоспитанным и образованным людям, то должен был приближаться в чистоте и правильности слога и языка, в прозе к Карамзину, в стихах к Жуковскому и Пушкину. Это были и суть наши *первообразы* (прототипы) слога и языка» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1854. № 4. 7 янв.).

[^^^]

См.: *Расин Ж. Б. Есфирь: Трагедия из священного писания / Пер. с фр. [в стихах] Павел Катенин. СПб., 1816.* В этом же году пьеса была поставлена в Петербурге.

[^^^]

«Ложные признания» (фр.).

[^^^]

«Злой» (фр.).

[^^^]

См.: Корнель П. Сид: Трагедия. СПб., 1822; Мариво П. К. де Ш. Обман в пользу любви: Комедия в 3 д. СПб., 1827; Катенин П. А. Сплетни: Комедия в трех действиях в стихах; подражание Грессетовой комедии: *Le Méchant*. СПб., 1821; Он же. Говорить правду, потерять дружбу: комедия в 1 д. Соч. Мариво. Переделанная с фр. П. А. Катениным // *Букет: карманная книжка для любителей и любительниц театра на 1829 год*. СПб., 1829. «Баязета» Расина Катенин переводил вместе с А. А. Жандром, перевод не был опубликован и рукопись не сохранилась; «Горацийев» П. Корнеля он перевел с Чепеговым, А. А. Жандром, А. А. Шаховским. Пьеса была поставлена в Петербурге в 1817 г., опубликовано только 4^е действие, переведенное Катениным: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 2. С. 43–56. «Недоверчивый, или Елена и Клерваль» – переделка комедии Ш. Колле «*Du puis et Des Ronais*»; «Нечаянный заклад, или Без ключа дверь не отопрешь» – переделка комедии М. Ж. Седена «*La gageur imprévue*» (две по-

следние пьесы не опубликованы, рукописи хранятся в Санкт-Петербургской театральной библиотеке).

[^^^]

См.: Катенин П. А. Андромаха: Трагедия в 5 д., в стихах. СПб., 1827. Третье действие этой трагедии Булгарин поместил в своем альманахе «Русская Талия». Романтическая комедия А. А. Шаховского «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиного Сердца» по роману В. Скотта «Айвенго» была поставлена в Петербурге в 1821 г. Пролог Катенина к ней «Пир Иоанна Безземельного» был опубликован в: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 1. С. 123–162.

[^^^]

Булгарин принадлежал к числу приятелей Каратыгина и мог слышать об этом от него. В другом месте он писал: «Страсть к театру была в нем [В. А. Каратыгине], так сказать, врожденная, и отец его, видя в нем сценические способности, устроил домашний театр, на котором Василий Андреевич играл, следуя наставлениям отца. С семейством Каратыгиных был знаком в то время пламенный любитель драматического искусства, известный литератор и переводчик многих театральных пьес Павел Александрович Катенин, служащий тогда капитаном лейб-гвардии в Преображенском полку. Он занялся сценическим образованием Василия Андреевича по господствовавшим тогда формам классической трагедии. Василий Андреевич вышел в отставку, определился на службу в Дирекцию Императорских театров 3 мая 1820 года и в том же году дебютировал в “Фингале”, трагедии Озерова, с большим успехом. <...> Василий Андреевич, пока господствовала на сцене классическая декламация, придерживался наставле-

ний П. А. Катенина, с которым остался дружен до конца своей жизни» (*Булгарин Ф.* Воспоминания о Василье Андреевиче Каратыгине // *Северная пчела.* 1855. № 64. 21 марта). Об отношениях Катенина с В. А. Каратыгиным и его семейством см.: *Каратыгин П.* Записки. Л., 1970 (по указ.). Катенин был театральным наставником и А. М. Колосовой (с 1828 г. – жена В. А. Каратыгина), письма Катенина к ней см. в: *Русская старина.* 1893. № 3, 4.

[^^^]

Отрывок был опубликован: *Катенин П. А.*
Вражда и любовь: (Из комедии) // *Невский*
альманах на 1830 г. СПб., 1829.

[^^^]

См.: Катенин П. А. Размышления и разборы // Литературная газета. 1830. № 4, 5, 9–11, 19–21, 33, 33, 40–44, 50, 51, 67–72.

[^^^]

Булгарин поместил резко отрицательную рецензию на это издание (Северная пчела. 1833. № 97, 98. 3, 4 мая).

[^^^]

Стихотворение, о котором пишет Булгарин, не было обнаружено и в дальнейшем.

[^^^]

Ср. с запиской о Катенине, написанной Булгариным для III отделения в ноябре 1826 г.: «Павел Александрович Катенин был некогда оракулом Преображенского полка, регулятором полкового мнения и действий молодых офицеров. Он воспитывался в родительском доме на скорую руку, выучился по-французски, танцевать и на 14 году от роду вступил в статскую [службу], а в 1809 году был уже титулярным советником. В 1810 он перешел в Преображенский полк и в 1820 году произведен был в полковники; в том же году вышел в отставку, на 28 году от роду: ему теперь только 34 года.

Не получив никакого основательного воспитания и вышедши на 14 году в свет, с умом быстрым и пылким характером, страстью к литературе и чтению, он бросился на философский словарь Вольтеров и все творения энциклопедистов, а имея необыкновенную память, испестрил ум свой блесками и мишурою, которые казались драгоценными предметами молодым офицерам и даже по-

жилым безграмотникам. Оттого-то он почитался в полку *гением* и поддерживал свою славу охотою к спорам диалектическим и самонадежностью. Некоторые успехи в литературе и на сцене еще более утвердили его в сем мнении о себе. Но гвардейские офицеры превозносили его, а литераторы не любили за крутой нрав, вспылчивость и даже дерзость в обхождении. В это время он был вреден своим влиянием и распространением волтеррианства. Говорят, что покойный государь знал это и велел ему выдти в отставку (под рукою). Должно однако ж сказать, что Катенин более желал *блистать*, нежели *действовать* к какой-либо вредной цели. Он был *frondeur* не образа правления или политической системы (о которых не имеет понятия), но был *frondeur des personnes*, *порицателем лиц*. Рассердившись на графа Милорадовича за то, что он протезировал дурных актрис-красавиц, Катенин без умолку ругал его во всех домах. Он называл покойного графа *Tyran*, *mais plutôt âne que tigre* [тираном, но скорее ослом, нежели тигром (*фр.*)]. Это дошло до графа, и он отомстил ему. Однажды в театре начали

вызывать Азаревичеву, любимицу Милорадовича, и Катенин как иступленный кричал: “Не надо, не надо!” – Граф отпрапортовал покойному государю в Верону, и государь, по прежнему замечанию, велел выслать Катенина из города в свою деревню [7 ноября 1822 г.]. – С тех пор он весьма переменился, сделался скромнее в речах и в поступках, и как он никогда не был в душе ни якобинцем, ни атеистом, а болтал только в молодости, чтобы казаться выше других умом, то и самые зародыши сей идеи исчезли в нем. Он тем менее опасен ныне, что все прежние его поклонники и друзья-литераторы его оставили, а старые офицеры переменились, и сам Катенин сделался другой человек. Страшное дело! Я слышал от величайших защитников Катенина, что с ним нельзя теперь говорить, что он отстал в понятиях о литературе и вообще в суждениях. Так просвещение невидимо идет вперед. Теперь Катенин проводит время у Колосовой и других актрис, переводит и сочиняет для них пиесы и удивляется, что прежние его друзья и поклонники охладели к нему. Суждение Грибоедова о нем прекрасное: “Кате-

нин не поглупел, но мы поумнели, и оттого он кажется нам ничтожным”.

Я оттого распространился столько о Катенине, что если сравнить прежнее его поведение с нынешним, то он совершенно *два* человека, и сколько *прежний* Катенин мог казаться опасным, столько *нынешний* безопасен» (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 81–82).

[^^^]

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1854. № 12. 16 янв.

[^^^]

Цикл публикаций В. П. Гаевского о Дельвиге состоит из четырех статей (Современник. 1853. № 2, 5. 1854. № 1, 9).

[^^^]

А. А. Дельвиг в 1821–1822 гг. часто встречался с Булгариным на заседаниях Вольного общества любителей российской словесности, бывал у него дома (см.: *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 371, 375, 379; *Вацуро В. Э.* С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989. С. 105, 134), в 1823 г. поместил в булгаринских «Литературных листках» (№ 4) стихотворение «На выпуск птички». В июне 1824 г. конфликт между Булгариным и Дельвигом чуть не завершился дуэлью, с этих пор Дельвиг отзывался о литературной деятельности Булгарина резко негативно (см. его письмо П. А. Вяземскому от 10 сентября и письмо Пушкину от 28 сентября 1824 г.: *Дельвиг А. А.* Соч. / Изд. подгот. В. Э. Вацуро. Л., 1986. С. 284, 286). Личные отношения Булгарина и Дельвига были восстановлены в январе 1825 г., но ненадолго. В «Литературной газете» Дельвиг поместил отрицательные рецензии на «Димитрия Самозванца» (1830. № 14; без подписи) и на немецкий перевод «Ивана Вы-

жигина» (1830. № 34), а также ряд других антибулгаринских публикаций.

[^^^]

У Булгарина описка: Иванович.

[^^^]

Курсив в цитатах здесь и далее Булгарина.

[^^^]

Эти *серебряные четвертаки* составляют всю сущность произведений барона Дельвига. Нет ни одного червонца!

[^^^]

Это говорит автор статьи о Дельвиге.

[^^^]

«Монах» – поэма, которую собирался написать Дельвиг (замысел не был осуществлен).

[^^^]

Цитируется письмо Пушкина Дельвигу от 23 марта 1821 г.

[^^^]

В другом своем фельетоне Булгарин писал: «В начале моего деятельного участия в русской литературе, т. е. с 1820 года, в Петербурге во многих домах были общества, в которые приглашались писатели, обратившие на себя внимание, художники и артисты. Припомню петербургским старожилам дом государственного секретаря, президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, Алексея Николаевича Оленина, у которого собирались на вечер каждое воскресенье, дом русского историографа Николая Михайловича Карамзина, который был открыт каждому знакомому ему, ежедневно, в девять часов вечера. Графиня Софья Владимировна Строганова (урожденная княжна Голицына) и государственный канцлер граф Н. П. Румянцов приглашали также, довольно часто, литераторов и художников на обеды и вечера. Умалчиваю о других собраниях. Во всех этих обществах не играли в карты, а беседовали о литературе, художествах и изящных искусствах. Многие в

этих литературных беседах научились тому, чему никогда бы не научились иным образом. Более прочих обществ имело влияние на литераторов и художников общество у Алексея Николаевича Оленина, которого память непременно сохранится в истории литературы лучшей ее эпохи. Он ободрял литераторов в их трудах, советовал им и принимал даже отеческое участие в их судьбе. Добрый, благородный, умный, незабвенный муж в истории просвещения России! – Недостатком всех этих русских литературных обществ в *двадцатых* годах был недостаток в них дам, которые бы принимали сердечное участие в русском языке и в русской литературе. Недоставало только женщин для упрочения этого стремления к высокой цели, потому что без женщин *изящное и прекрасное* может только появляться вроде метеора, но не утвердаться в гражданском быту» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1854. № 256. 13 нояб.).

[^^^]

В. П. Гаевский не раз цитирует болгаринский мемуар «Встреча с Карамзиным».

[^^^]

Литературные собрания у А. Ф. Воейкова начались в 1822 г., на них бывали В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Н. И. Гнедич, Н. М. Карамзин, И. И. Козлов, И. А. Крылов, П. А. Плетнев, В. А. Перовский, Дельвиг и др. О вечерах Воейкова см.: *Бурнашев В. П.* Мое знакомство с А. Ф. Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // *Русский вестник*. 1871. № 9–11.

[^^^]

Имеется в виду С. Д. Пономарева. Ее салон возник в середине 1810-х гг. и просуществовал до ее смерти в 1824 г. Его посещали Гнедич, Крылов, А. Е. Измайлов, П. А. Катенин, Н. И. Греч, Баратынский, Дельвиг, О. М. Сомов, В. И. Панаев, К. Ф. Рылеев, М. Л. Яковлев. См.: *Вацуро В. Э. Указ. соч.*

[^^^]

Салон Карамзиных в конце 1810-х – 1830-х гг. посещали Жуковский, Вяземский, Батюшков, А. С. Пушкин, А. И. Тургенев, Воейков, Гнедич, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков, В. П. Титов и др. Салон А. Н. Оленина существовал в 1810–1830-х гг. Там бывали Крылов, Гнедич, Пушкин, Батюшков, Вяземский, А. С. Грибоедов, В. А. Озеров, Греч, А. А. Шаховской и др. В другом месте Булгарин вспоминал про «бывшего государственного секретаря, президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки, Алексея Николаевича Оленина, мужа ученого, знатока и любителя литературы и всего изящного. Дом покойного Алексея Николаевича был дом патриархальный, в полном значении слова; каждое воскресенье он принимал у себя, по вечерам, ученых, литераторов, художников и всех любителей изящного. В доме его бывали и Карамзин, и Жуковский, и Пушкин, и Крылов, и Гнедич, словом, все деятели, большие и малые, тогдашней знаменитой литературной эпохи. Добрый и благородный Алексей Нико-

лаевич призрел и меня, в начале моего литературного поприща, весьма часто руководствовал мудрыми своими советами при издании “Северного архива” и первый одобрил мои труды в изящной словесности. Пока будет биться во мне сердце, не иссякнет в нем благодарность к этому почтенному мужу, и я об нем буду говорить пространнее в отрывках из моих “Воспоминаний”. Супруга Алексея Николаевича Оленина, Елисавета Марковна, урожденная Полторацкая, была *олицетворенная доброта*, и все их семейство обходилось с посетителями чрезвычайно ласково и предупредительно» (Дорожные впечатления Ф. Б. // Северная пчела. 1854. № 33. 10 февр.). Подробнее о салоне Оленина см.: *Тимофеев Л. В.* Приют, любовью муз согретый. СПб., 2007; о салонах Пономаревой, Карамзиных, Олениных и др. см. также: *Муравьева И.* Салоны пушкинской поры: Очерки литературной и светской жизни Санкт-Петербурга. СПб., 2008.

[^^^]

У Булгарина – Федоровны, что является явной опiskeй, поскольку далее в этом же тексте он правильно указывает отчество Воейковой.

[^^^]

То есть за рамками таблицы о рангах, включавшей 14 классов. Анонимный рецензент книги «Басни и сказки Александра Измайлова» (СПб., 1821) писал, что автор «особенно отличается точным и близким изображением *низкой природы*: его сказки, в которых главную роль играют люди *пятнадцатого* класса, могут назваться *единственными* в нашей литературе!» (Сын Отечества. 1821. № 36. С. 135). В это время А. Ф. Воейков был соредактором Н. И. Греча в «Сыне Отечества» и отвечал за литературный отдел. Есть еще одно свидетельство, что эта рецензия написана Воейковым: «[Измайлов] принял тон забавника, шутника, любезника в обществе людей *пятнадцатого* класса, как выразился о нем <...> Воейков в печатной статье» (Полевой К. А. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Николай Полевой: материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 173). В 1823 г. этот оборот был использован в стихотворении Баратынского, Дельвига и др. «Певцы

15♦го класса» (1822), в котором высмеяны А. Е. Измайлов и близкие ему литераторы. См.: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3, ч. 1. С. 160–162.

[^^^]

См.: *Булгарин Ф. В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. Речь идет о стихотворении «С. Д. П[ономарев]ой при посылке книги “Воспоминание об Испании”, соч. Булгарина», опубликованном в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г.

[^^^]

В конце 1818 г. Батюшков уехал на службу в Италию, а после возвращения в 1822 г. у него обострилось психическое заболевание, от которого он в дальнейшем уже не излечился.

[^^^]

У Измайлова в басне «Слон и собаки» (1824): «...в родню хоть толст, / Да не в родню, быть может, прост». Он обыгрывает слова из басни Крылова «Слон на воеводстве» (1808): «...в родню был толст, да не в родню был прост».

[^^^]

В басне намек на самого Измайлова. История басни изложена в публикуемых в этой подборке воспоминаниях об Измайлове.

[^^^]

Жуковский был влюблен в М. А. Протасову, но попытки его вступить с ней в брак не имели успеха.

[^^^]

Общую квартиру на Невском проспекте в доме Меншикова Жуковский и семья Воейкова снимали в 1822–1826 гг.

[^^^]

Письмо Пушкина см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.* Л., 1937. Т. 13. С. 85.

[^^^]

В другом месте Булгарин писал о письмах Пушкина следующее: «Я был журналистом в то самое время, когда А. С. Пушкин писал много и иногда необдуманно. Хвалил я его всегда, как первоклассного поэта, но позволял себе некоторые замечания. Имею собственноручные письма А. С. Пушкина, что он благосклонно ценил мои замечания, и скажу более, даже дорожил моим мнением, но, прислушиваясь к разным литературным сплетням, часто гневался, что и доказывается пасквильными его выходками» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1858. № 20. 25 янв.). Помимо письма, упомянутого в предыдущем примечании, известна только одна записка Пушкина Булгарину от ноября 1827 г. (см.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1937. Т. 13. С. 346*). Булгарин даже цитировал одно из неизвестных писем Пушкина: «Покойный Пушкин (знаменитый поэт), негодуя на то, что мы не хотели признавать поэтом одного из его приятелей, рифмоплетов (речь шла, по-видимому, о Дельвиге. – А. Р.), писал

к нам: “Публика не стоит того, чтоб для нее ссориться с приятелями”. Мы отвечали: “Приятель, требующий несправедливости, не стоит того, чтоб для него лгать перед публикою”» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 43. 22 февр.). Впрочем, в другой публикации он утверждал, что эти слова Пушкина были сказаны в разговоре: «Однажды покойный А. С. Пушкин сказал нам, при свидетелях, в ответе на наше мнение о беспристрастии в критике: “Публика не стоит того, чтобы для нее ссориться с приятелями. Справедливою и строгою критикою вы не приобретете друзей, а верно лишитесь их”. А. С. Пушкин мог быть практически прав, но мы не последовали его совету и, посвятив жизнь свою литературе, приняли на себя обязанность говорить правду и другу и недругу» (Ф. Б. [Рец. на: Маяк современного просвещения и образованности. 1830. Ч. 3] // Северная пчела. 1840. № 89. 23 апр.).

[^^^]

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 20. 25 янв.

[^^^]

Имеются в виду «С.-Петербургские ведомости», издателем которых являлась Академия наук.

[^^^]

См.: *Шевырев С. П.* Николай Михайлович Языков // Московский городской листок. 1847. № 6, 7.

[^^^]

Так, еще в 1824 г. в «Литературных листках» Булгарин писал: «Гений Пушкина обещает много для России; мы бы желали, чтоб он своими гармоническими стихами прославил какой-нибудь отечественный подвиг» (№ 1. С. 25). В 1830 г. в рецензии на VII главу «Евгения Онегина» он развил эту мысль: «Мы думали, что автор “Руслана и Людмилы” устремился на Кавказ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов – и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... Сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину» (Северная пчела. 1830 № 35. 22 марта).

В своих «Воспоминаниях» Булгарин не успел написать об этом.

[^^^]

Ср. об А. Д. Хрипкове: «Это был человек, в известном отношении, не от мира сего. Он – орловский помещик, роздал свое имение родственникам, сделался артистом (в значении – «человеком искусства». – А. Р.); уехал в Дерпт на несколько времени и оставался тут 20 лет; доходил иногда до того, что нуждался в мелочах, но был со всеми знаком, всеми любим, хотя ни у кого не заискивал и всем за взятое отплачивал или своими артистическими произведениями, или своею дружескою компаниею» (*Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Пирогов Н. И. Сочинения. Киев, 1910. Т. 2. С. 610–611*).

[^^^]

Так прозвал его любезный мой товарищ по изданию Русской статистики¹¹¹, ныне профессор Казанского университета, Н. А. Иванов.

[^^^]

Булгарин приобрел имение Карлово под Дерптом в 1828 г. Он вспоминал в 1858 г.: «...я, продав мое имение в западном крае России, переселился в Лифляндию. Признаюсь вам, что вновь заведенный тогда в Лифляндии порядок (крестьяне там были освобождены от крепостной зависимости. – А. Р.) побудил меня к этому. Это тот же самый порядок, который предполагается теперь ввести во всех населенных имениях в России. Я не мог отдельно завести этого порядка в упомянутом моем имении и потому решился отказаться от него и переселиться туда, где этот новый порядок уже существовал. Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, и я испытал пользу того, что теперь намерены сделать во всей России. По долгу веры и по всем законам человечества так быть должно, и наконец мы дождались, что так будет у нас в России» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1858. № 235. 25 окт.).

Языков жил в Дерпте 7 лет, с 1822 по 1829 г.

[^^^]

Булгарин имеет в виду следующие издания:
Языков Н. Стихотворения. СПб., 1833; *Он же.*
Новые стихотворения. М., 1845.

[^^^]

Знаменитый гермейстер ордена меченосцев.

[^^^]

Развалины рыцарских замков.

[^^^]

Перепечатка стихотворения Языкова не прошла Булгарину даром. В конце января 1847 г. Н. И. Греч писал Булгарину: «У меня был Л. В. Д[убельт] и объявил, что приведение стихов Языкова о Лифляндии принято было с неудовольствием, потому что теперь не время на такие выходки» (Наша старина. 1916. № 1. С. 70). Замечание было сделано редакции «Северной пчелы», хотя стихотворение печаталось отнюдь не в первый раз: впервые оно было опубликовано в альманахе «Мнемозина» (1825), затем входило в сборник стихотворений Языкова 1833 г.

[^^^]

Стихотворение Языкова 1822 г.

[^^^]

Имеется в виду стихотворение «Воспоминание об А. А. Воейковой» (1831). Языков был влюблен в жену А. Ф. Воейкова, племянницу В. А. Жуковского А. А. Воейкову.

[^^^]

Этот пост занимал тогда Д. В. Дашков.

[^^^]

Неточно цитируется стихотворение И. И. Дмитриева «Эпитафия» (1803). См. примеч. 340 на с. 336.

[^^^]

Булгарин имеет в виду В. Г. Белинского, который в 1840-е гг., после сближения Языкова со славянофилами, неоднократно негативно отзывался о его творчестве. В статье 1842 г. «Русская литература в 1841 году» он писал, что Языков «утратил даже свой звонкий и разгульный стих» и у него «не сорвалось с пера ни одного русского слова, ни одного русского выражения, на которые отозвалась бы русская душа или в котором отозвалась бы русская душа» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 313). В этом же 1842 г. в рецензии на «Стихотворения Полежаева» он назвал Языкова стихотворцем, который «ошибочно провозглашается поэтом» (Там же. М., 1979. Т. 5. С. 12). В статье Белинского «Русская литература в 1844 г.» Белинский даже утверждал, что «в эстетическом отношении общий характер поэзии г. Языкова чисто риторический, основание зыбко, пафос беден, краски ложны, а содержание и форма лишены истины» (Там же. М., 1981. Т. 7. С. 459).

[^^^]

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1854. № 175. 7 авг.; 1852. № 99. 3 мая; 1855. № 244. 5 нояб.; 1847. № 8. 11 янв.

[^^^]

Воспоминания написаны по поводу книги П. А. Кулиша «Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем» (СПб., 1854), вышедшей под псевдонимом Николай М+.

[^^^]

Кулиш писал, что 10 апреля 1830 г. Гоголь «определился на службу в Департамент уделов и занял место помощника столоначальника, – но не прослужил здесь и году» (Кулиш П. А. Указ. соч. С. 42).

[^^^]

Булгарин имеет в виду себя.

[^^^]

Памятник архитектуры раннего классицизма.
Построен в 1760–1770-х гг. (ул. Почтамтская).
Дом не сохранился.

[^^^]

После того как в 1936 г. Вас. Гиппиус опубликовал документы о службе Гоголя в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий и привел аргументы против болгаринской версии (см.: Документы о службе Гоголя в департаменте государственного хозяйства и публичных зданий / Публ. Вас. Гиппиуса // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Вып. 1. С. 291–294), она стала считаться недостоверной. По мнению Гиппиуса, после обнаружения публикуемых им документов «для “болгаринской версии” в биографии Гоголя не остается <...> места» (с. 294). Но из болгаринских воспоминаний следует, что Гоголь числился на службе в III отделении очень недолго. Следовательно, все отводимые Гиппиусом хронологические точки вполне подходят для этого. Гиппиус утверждает, что «поступление на службу до заграничной поездки невероятно. Если еще можно было допустить, что Гоголь для успокоения матери выдумывал несуществующие службы, то обратное было бы абсурдом; *скрывать от*

матери свою службу, зная, как она ждет от него известий о поступлении, Гоголь, конечно, не стал бы» (Там же). Это не совсем так. Если Гоголь, поступив в III отделение, сразу пожалел об этом и решил не служить там, то он не стал бы информировать мать о поступлении, чтобы не пускаться в сложные и малопонятные матери мотивы ухода с этой службы. Это могло происходить в апреле или мае 1829 г., до отъезда в Германию. Отводит Гиппиус и сентябрь 1829 г., так как «слова в письме от 27 октября – “в скором времени я надеюсь определиться на службу” – в общем контексте письма заставляют думать, что речь идет о первой службе» (Там же). Однако Гоголь мог скрывать от матери факт поступления на службу в III отделение. Наконец, что касается месячного промежутка между увольнением из Департамента государственного хозяйства и поступлением в Департамент уделов, то, по мнению Гиппиуса, «слова письма от 2 апреля – “после бесконечных исканий, мне удалось, наконец, сыскать место”, – говорят о том, что и в марте 1830 г. Гоголь, скорее всего, нигде не служил» (Там же). Последнее утвер-

ждение не представляется достаточно убедительным. Если Гоголь писал о «бесконечных исканиях», среди которых и служба в Департаменте государственного хозяйства, то что мешало ему включать в число этих «бесконечных исканий» и кратковременную службу в III отделении? Таким образом, доводы Гиппиуса представляются неубедительными.

Показательно, что когда Министерство народного просвещения «просигнализировало» III отделению о статье Булгарина, где «неуместно и двусмысленно говорится о службе покойного Гоголя в III отделении», то Дубельт в своем ответе, признавая, что воспоминания не должны были быть опубликованы, также мотивировал это «неуместностью», но отнюдь не их недостоверностью (публикацию переписки см.: Литературный музей. Пб., 1921. С. 175–180). Характерно, что не вызвала сомнения достоверность воспоминаний и у такого сторонника Гоголя, как И. С. Аксаков, который 27 августа 1854 г. писал родителям: «Очень могло быть (Булгарин обещает в случае нужды напечатать и стихи и письмо Гоголя – последнее чуть ли не о деньгах), что

мальчик Гоголь, попавши в П[етер]бург и не имея ни о чем верного понятия, ни о Булгарине, ни о III-м отд[елении], последовал совету какого-нибудь приятеля, уверившего его, что таков обычай и порядок, что так у практических людей заведено и проч. Вообще люди с натурами чисто художническими способны делать страшные глупости и простым, ясным, здравым умом не отличаются большею частью» (Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 1994. С. 303).

[^^^]

Архив Булгарина утрачен, и упоминаемые письма и стихи неизвестны.

[^^^]

Еще в 1852 г., в письме некоему Василию Васильевичу (по мнению И. А. Виноградова, В. В. Толбину, см.: Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников / Подгот. И. А. Виноградов. М., 2013. Т. 3. С. 977), предложившему для публикации в «Северной пчеле» свою статью, Булгарин писал: «Гоголь в первое свое пребывание в Петербурге обратился ко мне, чрез меня получил казенное место с жалованием, и в честь мою писал стихи, которые мне стыдно даже объявлять!» (Киевская старина. 1893. № 5. С. 321). Большинство биографов Гоголя не склонны доверять этому свидетельству Булгарина и либо вообще не упоминают о нем (см., например: *Жданов В. В. Н. В. Гоголь. М., 1959; Степанов А. Н. Н. В. Гоголь. М.; Л., 1966*), либо подозревают Булгарина в обмане (см.: *Золотусский И. Гоголь. М., 1984. С. 89–90; Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1854. М., 2004. С. 175–178; Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 978–979*), либо прямо пишут о «клеветническом сообщении» (*Гиллельсон М.*

И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 41) или «инсинуации» (*Машинский С. Художественный мир Гоголя.* М., 1979. С. 366). Лишь немногие исследователи склонны с доверием отнестись к воспоминаниям Булгарина (см.: *Lavrin J. Nikolai Gogol.* N. Y., 1962. P. 92; *Lindstrom T. S. Nikolay Gogol.* N. Y., 1974. P. 30). Попытки на основе имеющейся информации опровергнуть эти утверждения Булгарина не были удачными, поэтому игнорировать его мемуары нет оснований; подробнее см.: *Рейтблат А. И. Служил ли Гоголь в III отделении? // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении.* М., 2001. С. 261–267.

[^^^]

Булгарин имеет в виду П. А. Кулиша.

[^^^]

Повести посвящены покойному князю В. П. Кочубею. Диканька – наследственное имение Кочубея.

[^^^]

Этот отклик Булгарина был вызван следующей статьей: *Писемский А.* Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Часть вторая // Отечественные записки. 1855. № 10. Отд. 3. С. 57–76.

[^^^]

Эти слова из лексикона натуральной школы. По-русски говорится: грязно и пошло. Подумаешь, что дело идет о сальных свечах!

[^^^]

Булгарин имеет в виду себя, О. И. Сенковского
и Н. А. Полевого.

[^^^]

Речь идет о В. А. Жуковском, В. Ф. Одоевском и П. А. Вяземском. Карамзин перебрался из Москвы в Петербург в 1816 г., Жуковский переселился в Петербург в конце 1815 г., Одоевский – в 1826 г., Вяземский – в 1830 г.

[^^^]

Журнал «Литературные листки» выходил в 1823–1824 гг. в качестве приложения к журналу Булгарина «Северный архив».

[^^^]

Имеется в виду генеральный судья Войска Запорожского В. Л. Кочубей, казненный в 1708 г. по обвинению в ложном доносе на гетмана Мазепу.

[^^^]

Имеется в виду журнал «Отечественные записки», выходявший с 1839 г.

[^^^]

Это мнение было высказано в брошюре К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”» (М., 1842).

[^^^]

Булгарин имеет в виду как свои многочисленные высказывания о Гоголе в «Северной пчеле», о которых см. нашу статью: Гоголь и Булгарин: к истории литературных взаимоотношений // Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы. М., 2016. С. 188–223 (в приложении дан список публикаций Булгарина о Гоголе в «Северной пчеле»), так и рецензии на «Мертвые души» Н. И. Греча (Северная пчела. 1842. № 137. 22 июня), Н. А. Полевого (Русский вестник. 1842. № 5/6. Отд. III. С. 33–57), О. И. Сенковского (Библиотека для чтения. 1842. Т. 53. Отд. VI. С. 24–54), К. П. Масальского (Сын Отечества. 1842. № 6. Июнь. Отд. VI. С. 1–30) .

[^^^]

Речь идет о рецензиях на «Мертвые души» С. П. Шевырева (Москвитянин. 1842. № 7. С. 207–228; № 8. С. 253–260), П. А. Плетнева (Современник. 1842. Т. 27. С. 19–61), Н. Д. Мизко (Отечественные записки. 1843. Т. 27. Отд. 5. С. 23–48) и прежде всего многочисленных статьях и рецензиях В. Г. Белинского в «Отечественных записках» (1842. № 7, 8, 9, 11; 1843. № 2, 5, и др.) и «Современнике» (1847. № 1).

[^^^]

Печатается по: Воспоминание о добром книгопродавце, московском купце Василье Алексеевиче Плавильщикове, содержателе типографии, книжного магазина и библиотеки для чтения // Булгарин Ф. Полное собрание сочинений. СПб., 1843. Т. 5. С. 36–37. Первая публикация: Московский купец Василий Алексеевич Плавильщиков, содержатель типографии, книжного магазина и библиотеки для чтения // Литературные листки. 1823. № 3. С. 37–39. Подп.: Ф. Б. (Помещено под рубрикой «Некрология».)

[^^^]

В оригинале опечатка, указан 1824 г.

[^^^]

Третий брат, Алексей Алексеевич, избрал гражданскую службу и находится ныне в Москве, в чине статского советника.

[^^^]

См.: Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная: В 3 ч. СПб., 1820.

[^^^]

См.: *Лакруа С. Ф.* Курс математики / Соч. Лакруа; пер. с фр. П. Смирнов. СПб., 1817–1823. Ч. 1–7; *Шрёк И. М.* Древняя и новая всеобщая история / Соч. И. М. Шрекком, для обучения юношества; пер. с нем. СПб., 1824; *Кошанский Н. Ф.* Таблица латинской грамматики. СПб., 1817; *Павловский А. П.* Грамматика малороссийского наречия, или Грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб., 1818; *Голдсмит О.* История римская от основания Рима до падения Западной Римской империи: В 4 ч. / Соч. Гольдсмита; пер. с фр. Павел Яковлев. СПб., 1815–1818; *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Изд. 2^е. СПб., 1818. Среди изданий Плавильщикова произведений И. М. Долгорукова нам обнаружить не удалось.

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1949. № 241. 29 окт.

[^^^]

См., например: О Ваньке Каине славном воре и мошеннике: Краткая повесть. СПб., 1775; История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина: Со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом / Писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году. М., 1782; *Комаров М.* Обстоятельныя и верныя истории двух мошенников: перваго российского славнаго вора, разбойника и бывшего московскаго сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумозбродною свадьбою и разными забавными его песнями; втораго французскаго мошенника Картуша и его сотоварищей. М., 1794; [*Сумароков А. П.*] История Ваньки Каина: со всеми его сысками, розысками, и сумазбродною свадьбою. Краткая повесть о бунтовщике и разбойнике Стеньке Разине. СПб., 1815.

См. примеч. 95 на с. 351.

[^^^]

Недостоверные сведения. Вначале были изданы книгой 6 песней: Гомерова Илиада / Переведенная Ермилом Костровым. Во граде с. Петра, 1787. Костров продолжал работать над переводом, и переведенная им часть (7-я, 8-я и начало 9♦й песни) были опубликованы после его смерти (Вестник Европы. 1811. № 14, 15). «Причиной незавершенности перевода “Илиады” было, вероятно, то, что К[остров] пришел к выводу о невозможности продолжать переделывать гомеровский эпос по канонам фр[анцузского] классицизма, которые перестали его удовлетворять» (Шишкин А. Б. Костров Е. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 133).

[^^^]

Смирдин купил право на издание басен Крылова в течение 10 лет. Первое из изданий Смирдина вышло в 1830 г.: Басни Ивана Крылова в осьми книгах. Новое изд., вновь исправленное и умноженное. Иждивением книгопродавца Смирдина. СПб., 1830.

[^^^]

Имеется в виду стихотворение «Певец во стане русских воинов», написанное в 1812 г., когда В. А. Жуковский служил при штабе М. И. Кутузова.

[^^^]

Т. е. сладостно и пристойно жить честным трудом.

[^^^]

Так с 1849 г. назывался отдел фельетона (в нижней части газетного листа) в «Северной пчеле».

[^^^]

См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. 3♦е изд. СПб., 1830–1831. Т. 1–12; Жуковский В. А. Баллады и повести: В 2 ч. СПб., 1831; Он же. Стихотворения: В 8 т. Изд. 4♦е, исправленное и умноженное. СПб., 1835–1837; Он же. Ундина. СПб., 1837; Пушкин А. С. Руслан и Людмила. Изд. 2♦е, исправленное и умноженное. СПб., 1828; Он же. Борис Годунов. СПб., 1831; Он же. Евгений Онегин. СПб., 1831; Он же. Поэмы и повести: В 2 ч. СПб., 1835; Козлов И. И. Безумная. СПб., 1830; Он же. Собрание стихотворений: В 2 ч. СПб., 1833. К. Н. Батюшкова Смирдин до того времени не издавал, он выпустил его Сочинения (в 2 т.) только в следующем, 1850 г.

[^ ^^]

Журнал «Библиотека для чтения» выходил с
1834 г.

[^^^]

Вышли две части альманаха «Новоселье» (1834, 1835; в 1845–1846 первые две части были переизданы с добавлением новой третьей части) и три тома альманаха «Сто русских литераторов» (1839, 1841, 1845).

[^^^]

В 1843 г. было разыграно книг на 300 тыс рублей ассигнациями, в 1844 г. – на 400 тыс рублей.

[^^^]

«Полное собрание сочинений русских авторов» А. Ф. Смирдина – уникальная книжная серия (1846–1855), не имевшая в русском книгоиздании аналогов ни ранее, ни позднее. В нее вошли сочинения почти 40 писателей: А. О. Аблесимова, К. Н. Батюшкова, И. Ф. Богдановича, Д. В. Веневитинова, Н. И. Гнедича, Н. И. Греча, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, В. И. Даля, А. А. Дельвига, Г. Р. Державина, И. М. Долгорукова, Екатерины II, А. Е. Измайлова, А. Д. Кантемира, В. В. Капниста, Н. М. Карамзина, Я. Б. Княжнина, И. И. Козлова, Е. И. Кострова, М. В. Крюковского, Н. В. Кукольника, М. Ю. Лермонтова, М. В. Ломоносова, М. В. Милонова, М. Н. Муравьева, А. Н. Нахимова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, В. А. Озерова, А. Погорельского (А. А. Перовского), В. Л. Пушкина, Ф. В. Растопчина, Н. Р. Судовщикова, В. К. Тредиаковского, Д. И. Фонвизина, И. И. Хемницера, Н. И. Хмельницкого.

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 36. 15 февр.

[^^^]

См.: *Булгарин Ф. В. Иван Выжигин*. СПб., 1829
(2-е изд. – 1829; 3-е изд. – 1830).

[^^^]

Орлов А. А. Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина, род его, племя с тетками, дядями, тестем и со всеми отродками: нравственно-сатирический роман: В 4 ч. М., 1831. Орлов выпустил и ряд других книг, посвященных Выжигину и его семье: Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина: В 2 ч. М., 1831; Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина: сатирический роман. М., 1831; Крестный отец Петра Выжигина, или Два кума Ивана Выжигина: аллегорический роман. М., 1831; Смерть Ивана Выжигина: нравственно-сатирический роман. М., 1831; Церемониал погребения Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина: нравственно-сатирический роман. М., 1831; Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу: нравственно-сатирический роман. М., 1832; Федор Кривой, или Елисавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина: нравственно-сатирический роман: В 3 ч. М., 1832.

См.: Русские повести и рассказы: В 8 ч. СПб., 1832–1834 (в этом издании автор не был указан); Русские повести и рассказы А. Марлинского: В 8 ч. 2^е изд. СПб., 1835–1837.

[^^^]

Имеется в виду следующее издание: Русские повести и рассказы А. М-го: В 3 ч. М., 1834. Автор книги – А. П. Протопопов.

[^^^]

Испытывавший нехватку денег А. Ф. Смирдин «делал частые поездки в Москву для продажи своих изданий, но там его положительно обирали. Например, обратится он с предложением товара к какому-либо московскому книгопродавцу, хоть к Логинову; тот, если уступки 20%, берет немного, рублей на 1000 или 1500, а если 30%, то берет на 10 т[ысяч], и то на годичный или полугодичный срок. Из нужды А[лександр] Ф[илиппович] соглашается на стеснительные условия; а когда нужно получать векселя, Логинов предлагает взамен их наличные деньги, разумеется, с вычетом еще 15%, так что товар оказывается проданным с уступкою 50» (*Овсяников Н. Г. Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 года // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб., 1879. С. 14*).

[^^^]

Помимо детских и гадательных книг, в также песенников Логинов выпустил и несколько изданий, рассчитанных на более искушенного читателя: *Масселен Ж. Г.* Свет в малом виде, или Жизнь человеческая в противоположных отношениях / Пер. с фр. М., 1821; *Новый живописец общества и литературы*, составленный Николаем Полевым: В 6 ч. М., 1832; *Ушаков В. А.* Киргиз-Кайсак: повесть: В 2 ч. 2-е изд. М., 1835; *Гранд, Эгрон А. С.* Палестина и места, освященные учением и страданиями апостолов: сорок восемь живописных видов по рис. Гардинга, Турне и др. знаменитых художников: В 4 ч. / Пер. с фр. Н. Бобылева. М., 1838; *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России: В 3 ч. 3-е изд. М., 1842, и др.

[^^^]

Пятнадцатого класса, т. е. за рамками Табели о рангах, где низшим был четырнадцатый класс. Булгарин имеет в виду рецензию А. Ф. Воейкова на четвертое издание «Басен и сказок» А. Е. Измайлова (СПб., 1821), помещенную без подписи в журнале «Сын Отечества» (1821. № 36). См. примеч. 96 на с. 457.

[^^^]

Имеется в виду Повесть о Бове Королевиче, сюжет которой восходит к французским сказаниям о рыцаре Бово д'Антоне. Через ряд языков-посредников (сербохорватский, затем старобелорусский) она в XVII в. проникла на Русь, а в XVIII в. перешла в лубочную книгу и в лубочные картинки, а затем и в фольклор. Подробнее см.: *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр золотых ключей. М., 1964.

[^^^]

Печатается по: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. № 187. 21 авг.

[^^^]

Это неверно, Песоцкий опубликовал несколько текстов, см.: Несколько слов от издателя «Репертуара русского театра» // Репертуар русского театра. 1840. № 12. Смесь. С. 29–32; Литературное объяснение Репертуара русского театра с Пантеоном русского и всех европейских театров // Северная пчела. 1840. № 51. 5 марта; Берлинские театры. Письмо издателя к редактору // Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1842. № 9. Отд. 2. С. 1–8; Первый и последний отзыв Ф. Кони, или Раз-навсегда! // Репертуар и пантеон. 1843. № 5. Внутр. сторона обложки; [От издателя] // Репертуар и пантеон. 1846. № 7. Вклейка без пагинации в начале номера.

[^^^]

Выявить книги, изданные Песоцким до начала выхода «Репертуара русского театра», нам не удалось. Наиболее ранние известные нам датируются 1840 г. (все – СПб.): «Очерк жизни Фридриха-Вильгельма III, короля прусского»; Гофман Э. Т. А. «Кот Мурр: Повесть в 4 ч.»; Варен Ш., Шапо А., Моннэ Э. «Бал у банкира: Комедия-водевиль в 1♦м д.».

[^^^]

«Репертуар русского театра» выходил с 1839 г.

[^^^]

Булгарин неточно излагает судьбу «Репертуара русского театра». В 1842 г. этот журнал и издаваемый с 1840 г. В. П. Поляковым журнал «Пантеон русского и всех европейских театров» были объединены в один под названием «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров» (издатели – Песоцкий и Поляков). С 1843 по 1847 г. его издавал один Песоцкий (название все время несколько варьировалось). С 1848 г. (когда Песоцкий был очень болен и вскоре умер) его издателем стал Ф. А. Кони (журнал стал называться «Пантеон и Репертуар русской сцены» и просуществовал по 1856 г.). Подробнее о «Репертуаре русского театра» и Песоцком см.: *Федотов А. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов*. Tartu, 2016.

[^^^]

«Эконом» выходил с 1841 г. под редакцией Булгарина. Там он в первое время своего редакторства поместил целый ряд статей, посвященных как «идеологии» хозяйствования на земле («Русские письма о торговле и фабричной и мануфактурной промышленности», 1841, тетр. 1, 2; «Управление имением», 1841, тетр. 11, 12; «Практический домашний курс сельского хозяйства для начинающих хозяйничать», 1842, тетр. 56, 57, 59, 66, 70, и др.), так и конкретным вопросам («Самый простой и легкий способ возделывания картофеля, средства к его сохранению и совет, как заставить русского человека полюбить его», 1841, тетр. 1; «О полевых рвах», 1841, тетр. 16; «Несколько мыслей об оброчных имениях», 1842, тетр. 69, и др.). Но потом стал писать реже, а после конфликта с Песоцким (завершившегося 15 мая 1843 г. дракой) вскоре снял с журнала свою подпись и прекратил печататься там. Позднее он утверждал, что заведовал редакцией «Эконома» до мая 1844 г. (см.: Северная пчела. 1845. № 285. 18 дек., а также: Там же.

1849. № 59. 16 марта).

[^^^]

Тут, видимо, описка или опечатка. Журнал «Сын Отечества» выходил в 1838–1840 гг. под неофициальной редакцией Н. А. Полевого. К. А. Полевой не был его редактором.

[^^^]

Помимо книг, упомянутых в примеч. 28 и называемых Булгариным ниже, нам, если не считать отдельных оттисков пьес из «Репертуара русского театра», известно только одно его издание: *Араго Ж.* Воспоминания слепого: Путешествие вокруг света Жака Араго / Пер. П. А. Корсакова и др.; Изд. В. Межевича и И. Песоцкого, украшенное 50 картинками, рисованными и гравированными в Париже. СПб., 1844–1845. Т. 1–2.

[^^^]

Речь идет о следующем выходившем выпусками издании: Русский певец: собрание русских песен / Аранжированных для пения с акомпаньеманом на фортепиано А. Варламовым, с вариациями [для фортепиано] на каждую песню, составленными В. Кажинским. [СПб., 1846–1848].

[^^^]

Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр 1 и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца...: Жизнеописания соч. ген.-лейт. А. И. Михайловского-Данилевского / Портр. с подлинников Дова рисованы парижск. худож. Гюо и Долле. СПб., 1845–1849. Т. 1–6. Первые три тома Песочкий выпустил сам, 4♦й – совместно с В. С. Межевичем, а 5♦й и 6♦й издал П. А. Печаткин.

[^^^]

Не ясно, в какой связи Булгарин упоминает «Литературную газету», к которой Песоцкий не имел никакого отношения. Ее издавали А. А. Краевский (1840, 1847–1848), Ф. А. Кони (1841–1843), А. И. Иванов (1844–1846), В. Р. Зотов (1849).

[^^^]

См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российскаго. СПб., 1816–1821. Т. 1–9.

[^^^]

Вольное общество любителей словесности, наук и художеств действовало в Петербурге в 1801–1826 гг., а Вольное общество любителей российской словесности (известное и под названием «Вольное общество соревнователей просвещения и благотворения» и с 1818 г. издававшее журнал «Соревнователь просвещения и благотворения») – в 1816–1826 гг.

[^^^]

Ср.: «Было время, когда русские литераторы, журналисты и любители русской литературы сходились, или у одного из журналистов и литераторов, или собирались в литературных обществах, читали небольшие русские литературные новости, разговаривали и рассуждали о литературе, или проводили время в приятной беседе о других предметах изящного, шутили, смеялись, словом приятным образом отдыхали после трудов и занятий умственных. В этих обществах сходились и критикующие, и критикуемые, но не показывали и вида малейшей между собою неприязни! Тонкая шутка, ловкая, безобидная эпиграмма, обличала соперничество, но не вражду. Словом, не только все литераторы знали друг друга, но и любители литературы были знакомы между собою. Протекло лет тридцать, и все переменилось» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1856. № 31. 2 февр.). См. также примеч. 90 к подборке «[Воспоминания о писателях]».

[^^^]

О реформе, произведенной В. А. Каратыгиным в исполнении классицистских пьес, Булгарин писал: «[В молодости В. А. Каратыгин] был не то, что теперь, ибо в каждом искусстве есть постепенность и до верха совершенства надобно дойти по тернистому пути труда и науки. Однако ж и тогда В. А. Каратыгин был гением, понимал совершенно свои роли и вся его ошибка состояла в том, что он, не надеясь еще на собственные силы, следовал иногда старинным преданиям о *декламации и жестах*. Но он скоро увидел свою ошибку, и я помню, что первый его раскол <...> состоял в том, что он отказался *кантировать* стихи, т. е. *читать нараспев*, как тогда было в обычае и как читал сперва сам Тальма, как читали всегда Дмитревский и Яковлев. Это был закон, который В. А. Каратыгин ниспровергнул силою своего таланта и вместо напева или *кантирования* александрийских стихов создал свою собственную дикцию, которая, как всякое нововведение, возбудила против себя сопротивление в артистах» (Булгарин Ф. Драма-

тические письма // Письмо первое (к князю А. А. Шаховскому) // Репертуар европейского и Пантеон иностранных театров. 1843. Т. 1, кн. 1. С. 120).

[^^^]

Упомянуты роли в трагедиях «Фингал» (1805) В. А. Озерова, «Эдип-царь» (1811) А. Н. Грузинцева, «Андромаха» (1667) Ж. Расина, «Радамист и Зенобия» (1711) П. Кребийона, «Сид» (1636) П. Корнеля, «Димитрий Донской» (1807) Озерова.

[^^^]

Булгарин писал за несколько лет до публикации этого мемуара: «Беспристрастные знатоки дела, издавшие первого французского трагика Леметра и первого английского трагика Макреди, отдадут пальму первенства В. А. Каратыгину, следовательно он теперь первый трагик в Европе, что должно радовать нас, русских. Дмитревского мы знаем только по преданиям, но видели Яковлева – и потому можем судить о В. А. Каратыгине по сравнению с первым русским трагиком, которого место он занял с честью и во многом превзошел его. Во все время сценической деятельности В. А. Каратыгина я желал видеть его в роли Вольфа, в драме Коцебу “Гусситы под Намбургом”, оцененной некоторыми критиками несправедливо. Яковлев был превосходен в роли Вольфа, и В. А. Каратыгин, играя эту роль в прошлом году, вполне удовлетворил меня. Всегда мне нравилась игра В. А. Каратыгина, но лучше всех ролей, по моему мнению, он играл в “Вильгельме Теле”, трагедии Шиллера. Спокойствие В. А. Каратыгина в первом

действии, в роли поселянина, доброго отца семейства, это спокойствие, в котором отсвечивалось будущее геройство – было истинно высшее (sublime), а самоотвержение и пылкость в четырех остальных актах доведены были до высшей степени изящества. Тут я узнал, что такое Каратыгин!» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1850. № 100. 6 мая).

[^^^]

В другом месте Булгарин вспоминал: «Мы видели первый Французский театр (Théâtre Français), в Париже, в самую блистательную его эпоху, при Наполеоне, когда этот театр пользовался всемирною славою и когда украшением его были великий Тальма, Флери, Ларив, г-жи Рокур, Дюшенуа, Марс, Жорж, Бургоэн (Bourgoïn)» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 237. 20 окт.).

[^^^]

Речь идет о трагедии П. Корнеля «Гораций» (1640), которая шла в Петербурге в 1817–1823 гг. под названием «Горации» (а в Москве ставилась в 1820 г. под названием «Горации и Куриации»).

[^^^]

Умереть! (*фр.*).

[^^^]

«Заколдованный дом» («Das böse Haus»; 1834) – драма немецкого писателя Й. фон Ауфенберга, шла в Александринском театре с 1836 г.

[^^^]

Персонаж трагедии «Елизавета и граф Эссекс»
(1832) немецкого драматурга И. Г. фон Дика.

[^^^]

Названы персонажи пьес «Ломоносов, или Жизнь и поэзия» (1843) Н. А. Полевого и «Ермак» (1829) А. С. Хомякова.

[^^^]

Имеется в виду историческая драма «Денщик» (1851) Н. В. Кукольника.

[^^^]

Упомянуты персонажи следующих пьес:
«Козьма Рощин, рязанский разбойник» (1836;
на основе повести М. Н. Загоскина «Кузьма
Рощин») К. А. Бахтурина, «Кин, или Гений и
беспутство» (1836) А. Дюма, «Тридцать лет,
или Жизнь игрока» (1827) В. Дюканжа и М.
Дино, «Бенвенуто Челлини» (1852) П. Мериса,
«Велизарий» (1826) Э. Шенка.

[^^^]

Полное название – «Замок Плесси-Летур, или Смерть Людовика XI» (1851).

[^^^]

«Кай-Марций Кориолан» – осуществленный В. А. Каратыгиным перевод «Кориолана» У. Шекспира, «Нашла коса на камень» – комедия Э. Ожье «L'aventurière», переделанная в стихах В. А. Каратыгиным (1851), «Двое за четверых, или Ревность и шутка» («Défiance et malice, ou Le prêté rendu») – комедия М. Дьелафуа, переведенная в стихах В. А. Каратыгиным (1827).

[^^^]

В. А. Каратыгин и А. М. Каратыгина находились в Мазано (вилла Джованни Рубини под Миланом) 21–28 июня 1845 г. (по н.ст.). Запись рассказа Каратыгина об этом посещении была опубликована: Воспоминания о Рубини (Из путевых рассказов В. А. Каратыгина) // Иллюстрация. 1846. № 1. С. 10–11.

[^^^]

Речь идет о 1844 г., когда Булгарин занимался возведением правой части своего дома в Карлове (см.: *Шор Т.* «Нелитературное» Карлово и его обитатели: (обзор документов Национального архива Эстонии) // Новое литературное обозрение. 2014. № 129. С. 183).

[^^^]

Сближение Булгарина с Каратыгиными датируется октябрем 1844 г. (см.: *Каратыгина А. М. Воспоминания* // Каратыгин П. А. Записки. Л., 1930. Т. 2. С. 197–202, 207). См. теплые письма В. А. Каратыгина (Русская старина. 1895. № 8. С. 40; ОР РНБ. Ф. 371. Ед. хр. 108) и А. М. Каратыгиной (ОР РНБ. Ф. 865. Ед. хр. 137) Булгарину.

[^^^]

Трагедия А. Н. Грозинцева «Эдип-царь» (СПб., 1811) была поставлена в 1811 г.

[^^^]

Премьера водевиля С. Потемкина «Последняя песнь лебедя» состоялась 18 февраля 1853 г.

[^^^]

Драма Н. В. Кукольника «Денщик» в 1853 г. шла только 27 февраля, а В. А. Каратыгин умер 13 марта.

[^^^]

Булгарин намекает на М. А. Корфа и Н. А. Полевого, которые предъявляли подобные претензии к воспоминаниям Булгарина. См. в этом томе публикации, посвященные их полемике с Булгариным.

[^^^]

Год рождения А. И. Михайловского-Данилевского приведен Булгариным правильно. См.: *Бокова В. М. Михайловский-Данилевский А. И. // Русские писатели, 1800–1917: Биографич. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 106.*

[^^^]

Иван Лукьянович Михайловский-Данилевский происходил из древнего дворянского рода, переселившегося из Польши в Малороссию, во время неурядиц и преследований за веру, при основании Унии³. Он родился в 1744 году. В 1764 году он был студентом в Киевской академии⁴, и в 1781 имел звание войскового товарища в Малороссии. В 1776 году И. Л. Данилевский отправился в чужие края для усовершенствования себя в науках, и пробыл восемь лет, на собственном иждивении, в Германии и во Франции. В 1784 году выдержал блистательный экзамен в Геттингенском, знаменитом тогда университете и получил звание доктора медицины. Но Иван Лукьянович никогда не практиковал, а учился медицине единственно из любви к естественным наукам, почитая медицину, по справедливости, ключом к истинной мудрости. Возвратясь в отечество, Иван Лукьянович получил чин надворного советника и определен был правителем канцелярии Государственного заемного банка, а по именному указу импе-

ратора Павла Петровича, 11 декабря 1796 года, назначен старшим директором того же банка, в котором продолжал служение до своей кончины, последовавшей 19 августа 1807 года. Иван Лукьянович Михайловский-Данилевский был человек ученый, честный и добродушный, всеми любимый и уважаемый.

[^^^]

Александр Семенович Крюков служил в Конной гвардии ротмистром, в конце царствования императрицы Екатерины II и потом был уволен от службы с чином титулярного советника. При восшествии на престол императора Александра Павловича, Крюков произведен прямо в надворные советники и определен советником в Государственный ассигнационный банк. Потом был нижегородским вице-губернатором, а впоследствии губернатором, и умер в глубокой старости за два года пред сим, т. е. в 1846 году⁵.

[^^^]

Петершуле – немецкое училище при лютеранской церкви Св. Петра, основанное в 1710 г. В 1918 г. превращено в государственную школу.

[^^^]

Московский университетский благородный пансион (1779–1830) существовал при Московском университете и представлял собой закрытое учебное заведение для мальчиков из дворянских семей.

[^^^]

431

То есть во время вакаций (каникул).

[^^^]

Мундир этот был общеармейский.

[^^^]

См.: Фукс Е. Б. История генералиссимуса, князя италийского, графа Суворова-Рымникского: В 2 ч. М., 1811; *Он же*. История российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса, князя италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского: В 3 ч. СПб., 1825–1826; *Он же*. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова Рымникского. СПб., 1827.

[^^^]

Имеется в виду сражение между русскими и французскими войсками под селом Тарутино 18 октября 1812 г. Михайловский-Данилевский писал письмо маршалу И. Мюрату.

[^^^]

Булгарин перечисляет сражения между армией Наполеона и войсками антинаполеоновской коалиции: при Люцене (городок в 20 км к юго-западу от Лейпцига) 20 апреля 1813 г., при Бауцене 20–21 мая 1813 г., при Дрездене 26–27 августа 1813 г., под Кульмом (местечко в Богемии в 40 км к югу от Дрездена) 29–30 августа 1813 г., под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г., под французским городом Бриенном 29 января 1814 г., при городке Арси-сюр-Об 20–21 марта 1814 г., при Фер-Шампенуазе (около 100 км к востоку от Парижа) 25 марта 1814 г., под Парижем 19 марта 1814 г. (все даты даны по новому стилю).

[^^^]

В Венском конгрессе, проходившем с сентября 1814 по июнь 1815 г., участвовали представители почти всех стран Европы, которые определили новые границы европейских государств.

[^^^]

Александр I выехал из Парижа 13 (25) сентября и приехал в Петербург 2 (14) декабря 1815 г.

[^^^]

Ахенский конгресс с участием глав Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции проходил в прусском городе Ахене (Аахене) с 29 сентября по 22 ноября 1818 г. На нем обсуждался вопрос вывода оккупационных войск из Франции и приема ее в союз участвовавших в конгрессе стран, а также ряд более частных вопросов.

[^^^]

От первой юности до конца своей жизни А. И. Михайловский-Данилевский сохранил чувства сыновней привязанности и благодарности к г. Крюкову, и в разговорах с ним не называл его иначе, как *папенькой*.

[^^^]

Описание Отечественной войны в 1812 году,
по высочайшему повелению соч. ген.-лейт.
Михайловским-Данилевским: В 4 ч. СПб., 1839.

[^^^]

Описание войны 1813 года, по высочайшему повелению соч. ген.-лейт. Михайловским-Данилевским: В 2 ч. СПб., 1840; Описание похода во Франции в 1814 году: В 2 ч. СПб., 1836.

[^^^]

Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году, по высочайшему повелению соч. ген.-лейт. и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб., 1844; Описание второй войны императора Александра с Наполеоном, в 1806 и 1807 годах, по высочайшему повелению соч. ген.-лейт. и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб., 1846; Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах, по высочайшему повелению соч. ген.-лейт. Михайловским-Данилевским. СПб., 1841.

[^^^]

Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года, по высочайшему повелению сочиненное ген.-лейт. и членом Военного совета Михайловским-Данилевским: В 2 ч. СПб., 1843.

[^^^]

Записки 1814 года А. Михайловского-Данилевского. СПб., 1831; Воспоминания. Из записок 1815 года А. Михайловского-Данилевского. СПб., 1831; переиздание: Записки 1814 и 1815 годов А. Михайловского-Данилевского, бывшего флигель-адъютанта императора Александра Павловича. 2-е изд. СПб., 1832.

[^^^]

Александр 1 и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца... Жизнеописания соч. ген.-лейт. А. И. Михайловского-Данилевского / Портр. с подлинников Дова рисованы парижск. худож. Гюо и Долле: В 6 т. СПб., 1845–1849. С 5♦го тома, вышедшего в 1848–1849 гг., уже после смерти Михайловского-Данилевского, в книге появилась следующая информация: «Жизнеописания сост. под ред. ген.-лейт. А. В. Михайловского-Данилевского и гвардии полковника А. В. Висковатова».

[^^^]

Текст этого исследования Михайловского-Данилевского так и не был опубликован, но сохранился в архиве в его личном фонде (ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 3). См.: Сапожников А. И. А. Н. Михайловский-Данилевский и его неопубликованный труд «Описание войны императора Александра против Австрии в 1809♦м году» // Клио. 1997. № 2. С. 25–36.

[^^^]

Сражение при польской деревне Грохов (недалеко от Варшавы) состоялось 13 февраля 1831 г.

[^^^]

Он имел следующие иностранные ордена: австрийский Леопольда 3^й степени; прусские: Красного Орла 1^й степени и За военные достоинства; Гессен-Кессельский Золотого Льва; баденский военный орден 2^й степени Церингенского Льва²³.

[^^^]

Позднее Булгарин писал: «Я знал покойного [А. И. Михайловского-Данилевского] в течение двадцати шести лет, любил и уважал его, и говорил ему всегда в глаза откровенно мое мнение, *когда он спрашивал меня*, и скажу к чести покойного, что он никогда не гневался за противное мнение или за замечание. Некоторым лицам не понравилось в написанной мною биографии, что после отца Александру Ивановичу достался *деревянный дом* в Петербурге, что он был обязан благодарностью д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Крюкову за попечение о нем в юности и за женитьбу, и до гроба не изменил этому благородному чувству, напротив называл всегда г. Крюкова отцом, что относится к чести Александра Ивановича, и наконец, что в описаниях войн покойный Александр Иванович, как очевидец и участник подвигов русских войск, иногда увлекался личным своим чувством, освещая иные места, а другие поставляя в тени. О последнем обстоятельстве я говорил в глаза Александру Ивановичу, и он сознавал-

ся, что современнику невозможно быть совершенно беспристрастным и избежать первых впечатлений. Александр Иванович сознавался в этом, потому что при всей своей учености был чрезвычайно умен. Не понравилось также некоторым лицам сказанное в написанной мною биографии, что Александр Иванович обладал прекрасным слогом, но в отношении грамматических трудностей языка прибегал к совету опытных литераторов. Дело гласное и всем литераторам известное, потому что Александр Иванович никогда в этом не скрывался. Насчет *деревянного дома* отвечать нечего. Был дом *деревянный*, так нельзя же превратить его в *каменный*! Насчет посещения Александром Ивановичем Московского университета я не уверен. Так мне сообщено одним старым приятелем, и если это ошибка, то всего *одна* ошибка в биографии. Все прочее, я уверен, подтвердил бы Александр Иванович, если б биография написана была при его жизни» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1849. № 97. 4 мая). К словам «достался деревянный дом в Петербурге» Булгарин сделал при-

мечание: «В то время деревянных домов было множество, даже в лучших кварталах города, и многие вельможи жили в деревянных домах. Приведем в пример дом Льва Александровича Нарышкина, на Мойке, где ныне Демидовский дом трудолюбия». Сведениями об учебе Михайловского-Данилевского в Московском университетском пансионе мы не располагаем.

[^^^]

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1146.

[^^^]

См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 581.

[^^^]

РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1317.

[^^^]

См.: Усов П. С. Ф. В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни // Исторический вестник. 1883. № 8. С. 301; Видок Фиглярин: Письма и записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 586–588.

[^^^]

Цит. по: *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 395.

[^^^]

Русская старина. 1900. № 1. С. 175. О цензурных запретах материалов для «Северной пчелы» см. также: [Стасов В. В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 4. С. 169, 174–177; № 7. С. 141–144; № 8. С. 419–420; № 9. С. 649–651, 657–658; 1904. № 2. С. 440–441.

[^^^]

РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 98–1854. Л. 1–2.

[^^^]

См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 445.

[^^^]

РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 717.

[^^^]

См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 1298.

[^^^]

См.: ОР РНБ. Ф. 865. Ед. хр. 386. Л. 28 об.

[^^^]

См.: РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2682.

[^^^]

Александр Лукич Крылов (1798–1858) – цензор Петербургского цензурного комитета в 1831–1853 гг. Крылов цензурировал (с перерывами) «Северную пчелу» в 1833–1853 гг. Николай Васильевич Елагин (1817–1891) – цензор Петербургского цензурного комитета (1848–1857). В 1848, 1849 и 1853 гг. цензурировал «Северную пчелу».

[^^^]

Гунны, авары и аланы – кочевые народы Античности и Средневековья, исчезнувшие до Нового времени. Тут упомянуты в качестве диких, нецивилизованных людей.

[^^^]

Булгарин цитирует последнюю фразу следующего фрагмента сочинения Публия Корнелия Тацита «О жизни и характере Юлия Агри' колы» (98♦й год): «Мы прочитали о том, что восхвалявшие Тразею Пета – Арулен Рустик, Гельвидия Приска – Геренний Сенецион были осуждены за это на смерть и что казни подверглись не только сами писатели, но и их книги, ибо триумвирам вменили в обязанность сжечь в той части форума, где приводятся в исполнение приговоры, творения этих столь светлых умов. Отдавшие это распоряжение, разумеется, полагали, что подобный костер заставит умолкнуть римский народ, пресечет вольнолюбивые речи в сенате, задушит самую совесть рода людского; сверх того, были изгнаны учителя философии и наложен запрет на все прочие возвышенные науки, дабы впредь нигде более не встречалось ничего честного. Мы же явили поистине великий пример терпения; и если бывшие поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы – такое же пора-

бощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (Agricola: 2, 1; пер. А. С. Бобовича).

[^^^]

Речь идет о книге М. С. Куторги «История афинской республики от убиения Иппарха до смерти Мильтиада» (СПб., 1848). По-видимому, Елагина смутило то, что книга посвящена республике, в то время как публикации о республиканском образе правления всегда вызывали в имперской России настороженное отношение. Объявление о продаже книги в магазине И. И. Глазунова все же было напечатано через 10 дней (Северная пчела. № 249. 5 нояб.).

[^^^]

ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 45.

[^^^]

См.: Гиллельсон М. И. Литературная политика царизма после 14 декабря 1825 г. // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 195–218. Ряд опубликованных в этой статье записок (на с. 202–203, 214–215, 217), атрибутируемых автором по почерку М. Я. Фоку, принадлежат, с нашей точки зрения, Булгарину и только переписаны Фоком. См. также: Видок Фиглярин. С. 89–90, 123, 132, 156, 184, 205, 218–219, 223, 281–282, 345–346.

[^^^]

См.: *Рейтблат А. И.* Борьба Булгарина за отмену запрета на публикацию театральных рецензий // *Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин...* С. 224–241.

[^^^]

См.: Видок Фиглярин. С. 84–85, 120–121, 219, 288–289, 301, 543–545.

[^^^]

ИРЛИ. 18439.

[^^^]

Русская старина. 1900. № 1. С. 172–184.

[^^^]

ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 43.

[^^^]

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.
216. Оп. 5. Ед. хр. 93.

[^^^]

Печатаются по: ИРЛИ. 18439. Часть писем была опубликована ранее (см.: Русская старина. 1900. № 1. С. 172–184), здесь воспроизводятся как письма, не вошедшие в указанную подборку, так и некоторые из представленных там (с устранением неточностей и восполнением пропусков), связанные с изданием «Воспоминаний» Булгарина, что необходимо для более полного освещения этого сюжета.

[^^^]

В изданной первой части всего 7 глав.

[^^^]

Под окончанием первой части Булгарин имеет в виду, по-видимому, завершающие ее Пояснения и Приложения.

[^^^]

Вскую – напрасно, без причины (*церк.-слав.*).

[^^^]

Книгопродавец М. Д. Ольхин был издателем
«Воспоминаний» Булгарина.

[^^^]

Имеется в виду Петербургский цензурный комитет. В случае сомнений цензор мог перенести решение спорного вопроса на заседание комитета.

[^^^]

Речь идет о доме купца Петра Федоровича Меньяева. В этом доме Булгарин жил с 1837 г. до конца жизни.

[^^^]

«Зван бых и приидох» – пословица, отсылающая к евангельской притче о брачном пире (Мф. 22: 1–14; Лк. 14: 16–24).

[^^^]

с сотоварищами (*фр.*).

[^^^]

смягчающие обстоятельства (*фр.*).

[^^^]

В результате эти главы перешли из первой части во вторую и стали там соответственно 1♦й и 2♦й главами либо были сокращены до одной 1♦й главы.

[^^^]

В итоге имя, отчество и фамилия Горголи были восстановлены, но это место оказалось в 1♦й главе второй части (той, что была 8♦й по старому счету).

[^^^]

Санта-германдад – испанская жандармерия, основанная в XV в. для борьбы с разбоем, обладала также судебными полномочиями. Булгарин имеет в виду Петербургский цензурный комитет.

[^^^]

Первая часть «Воспоминаний» вышла 7 декабря, а номер «Библиотеки для чтения», включавший эту часть, – 10 декабря.

[^^^]

Булгарин цитирует тропарь кресту.

[^^^]

Речь идет об обширной рецензии Я. Я. Я. (псевдоним Л. В. Бранта) на октябрьский и ноябрьский номера «Отечественных записок», в которой давалась общая характеристика журнала. Она была опубликована через несколько дней (Северная пчела. 1845. № 274–276. 4, 5, 7 дек.). Рецензент утверждал, что «Отечественные записки» представляют собой «огромную кучу печатной бумаги, заключающей в себе унижение едва не всех русских литераторов, похвалу единственно сотрудникам своим, превратные понятия об искусстве, томы плохих переводов с иностранного и *ничего отечественного*, вопреки названию журнала, ничего, кроме порчи отечественного языка и дурного примера молодым писателям» (№ 276).

[^^^]

Основной критик «Отечественных записок» В. Г. Белинский постоянно утверждал, что романы Булгарина малохудожественны и что он печатается только ради денег, обвинял Булгарина в самохвальстве и т. д. См., например: [Белинский В. Г.] Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1843. № 10. Отд. VIII. С. 123–126; [Он же.] Сочинения Зенеиды Р-вой. СПб., 1843 // Там же. № 11. Отд. V. С. 5. См. также: Рейтблат А. И. Круги по воде, или Большие последствия одного письма Ф. В. Булгарина // Рейтблат А. И. Классика, скандал, Булгарин. М., 2020. С. 177–199.

[^^^]

Булгарин сделал это в марте 1846 г., подав в III отделение посвященную «Отечественным запискам» записку «Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие» (см.: Видок Фиглярин. С. 490–499).

[^^^]

В 1[◆]м примечании к первой части «Воспоминаний» Булгарин привел цитату из этой метрики (на латинском языке).

[^^^]

Булгарин включил в свой фельетон анонимное письмо из Вены с критикой западных иллюстрированных журналов (см.: Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1845. № 100. 5 мая). В ответ Н. Кукольник писал: «В чем же обвиняют “Иллюстрацию”?.. Прямо и косвенно, изустно и печатно продолжают эти нападения. При этом случае самые усердные порицатели пишут сами к себе письма из Вены, из Парижа; в азарте бросаются на иностранные иллюстрации; обвиняют их в помещении рисунков с фабрик, магазинов и проч. Так как эти господа вовсе незнакомы с Западом, то и в этих письмах обнаруживают то же незнание, как и во всем, чего они коснутся. Не только немецкие, но английские и французские иллюстрации помещают гравюры и статьи о разных фабриках и магазинах; не только помещают, но и получают деньги на художественные расходы...» (От редакции // Иллюстрация. 1845. Т. 1. № 6. 12 мая. С. 81). Публикацию этого письма Рубини нам разыскать не удалось, но его письма к

Булгарину сохранились (ИРЛИ. Ф. 623. № 14), а другое письмо опубликовано (Русская старина. 1901. № 2. С. 407).

[^^^]

Булгарин имеет в виду басню «Хавронья»
(Отечественные записки. 1845. № 4).

[^^^]

Предисловие, в котором Булгарин излагал свою версию причин вражды к нему литераторов и критики, было опубликовано в первой части «Воспоминаний».

[^^^]

Имеется в виду, что в этот день еженедельно проходило заседание цензурного комитета.

[^^^]

Имеется в виду И. В. Семенов – секретарь
Петербургского цензурного комитета в
1831–1850 гг.

[^^^]

См. примеч. 15.

[^^^]

АМИНЬ (*лат.*).

[^^^]

500

То есть сравнить.

[^^^]

Булгарин ошибочно поставил дату «1845». Письмо относится к началу 1846 г., в нем идет речь о выпуске из типографии второй части «Воспоминаний»; ср. предшествующее письмо. 4 января в «Северной пчеле» сообщалось о выходе из печати второй части «Воспоминаний».

[^^^]

Печатается по: СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 5. Ед. хр.
93.

[^^^]

Имеется в виду журналист А. В. Старчевский. В 1848–1855 гг. он был вторым редактором журнала «Библиотека для чтения».

[^^^]

Попечитель Петербургского учебного округа и председатель Петербургского цензурного комитета в 1845–1856 гг. М. Н. Мусин-Пушкин в конце 1840-х – начале 1850-х гг. находился под влиянием Булгарина. Вот характерный пример. В 1849 г. Я. К. Грот, публикуя перевод «Очерков из финляндских походов» шведского поэта Й. Л. Рунеберга, написал в сопроводительном тексте, что «несколько любопытных эпизодов из этой войны можно найти (к сожалению, не без примеси неточных и неверных показаний) в “Воспоминаниях” Фаддея Булгарина, участвовавшего в походе 1808 года» (С.-Петербургские ведомости. 1849. № 79. 13 апр.). Обиженный Булгарин писал по этому поводу, что делать подобные заявления без доказательств не принято, и находил к тому же массу ошибок и неточностей в комментариях Грота (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1849. № 91. 27 апр.). Грот написал ответ Булгарину и через П. А. Плетнева направил его в «С.-Петербургские ведомости». Плетнев писал Гроту 7 мая:

«Очкин [редактор «С.-Петербургских ведомостей»] в ответ на мою записку при отсылке ему статьи твоей против Булгарина написал мне в тот же день, что он ее напечатает в воскресенье, т. е. завтра, 8 мая. При этом он прибавил, что хотя нельзя написать скромнее и основательнее возражений, как написал ты, однако же он не совсем уверен, чтобы цензор Срезневский чего-нибудь не вымарал из статьи твоей по тому обстоятельству, что все цензоры боятся Булгарина, который успел низостями своими приобрести особенное к себе благоволение председателя цензурного комитета Мусина-Пушкина» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 429; ответ Грота был опубликован 8 мая в № 101 «Санкт-Петербургских ведомостей»). О влиянии Булгарина на Мусина-Пушкина см. также: *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 351.

[^^^]

В опубликованном тексте о Кучаеве ничего не говорится.

[^^^]

Об этом Булгарин писал не раз; см., например: Суворов. СПб., 1843. Ч. 1. С. 55–56.

[^^^]

При публикации шестой части Булгарин столкнулся с серьезными цензурными проблемами. Он писал редактору «Библиотеки для чтения» А. В. Старчевскому 5 мая 1849 г.: «Почтеннейший Алберт (так! – А. Р.) Викентьевич! Я отдал вчера корректуры попечителю; он обещал вчера же прочитать и сегодня утром отослать к цензору Срезневскому – но часа, в который отошлет – не означил! Журнал – не почтовая карета, чтоб съехать со двора хоть пустым, лишь бы в срок! Да и что вас гонит? Один день – ничего не значит! Подождите. Съездите сами в полдень к Срезневскому, а я в час пополудни заеду в типографию. Подождем денек. Прошу Вас об этом для пользы журнала. С уважением и преданностью, Ф. Булгарин». По-видимому, Старчевский не внял его просьбе, и Булгарин в тот же день еще раз написал ему: «Милостивый государь Алберт Викентьевич! Вы великий хлопотун, как и должно быть редактору, только хлопчете не там, где должно хлопотать, т. е. стучитесь не у тех дверей. Г-ну Срезневскому

удобно было узреть *политику* там, где ее не бывало. Вчера вечером я отдал попечителю корректурные листы, он обещал в тот же вечер прочесть и сегодня утром возвратить г. Срезневскому. В 3 часа пополудни сегодня я был у г-на Срезневского, и он мне сказал, что корректурных листов от попечителя не получал. В 7 часов вечера я послал письмо к попечителю с просьбою об отсылке корректурных листов г. Срезневскому. Теперь надобно заехать к г. Срезневскому и узнать: получил ли он листы от попечителя, и если не получил, попросить, чтоб завтра утром заехал к попечителю. Вот где надо Вам хлопотать. Я хлопочу – как никогда не хлопотал. Если выпустить книжку без этого окончания “Воспоминаний” – лишитъ меня 1000 руб. серебром. Забегите к г. Срезневскому. Он и без того хотел заехать к попечителю. С уважением и преданностью, ваш Ф. Булгарин». На следующий день он вновь информировал Старчевского о ходе дел: «Милостивый государь Альберт Викентьевич! Непостижимо, почему попечитель, обещав мне возвратить вчера цензору листы, – не возвратил. В 7 часов вечера я по-

слал ему письмо. Вероятно, он хочет видаться с г. Срезневским. Г. Срезневский был так ласков вчера, что хотел съездить к попечителю. Попросите его об этом – он не откажет. Дело удивительное. *Casus exceptionales!* [Исключительный случай! (*лат.*)]. Пусть скажут одно: всё ли запрещают или кое-что исключают. Если всё запрещают – нечего делать, печатайте отрывки, если же исключают часть – я в полчаса исправлю. Ради Бога, умолите г. Срезневского, чтобы он *как-нибудь* кончил с попечителем – и отпустил душу на покаяние. С уважением, преданностью Ф. Булгарин» (ИРЛИ. Ф. 583. Ед. хр. 343. Л. 4, 6, 8). В результате довольно значительная финальная часть текста в журнал не вошла и была опубликована лишь в вышедшем в следующем году отдельном издании.

Старчевский вспоминал: «Едва появилась первая книжка 1849 года, как и Булгарин поспешил доставить в редакцию часть своих “Воспоминаний”, которых первые пять частей были прежде напечатаны в “Библиотеке для чтения”. С этими “Воспоминаниями” мне пришлось порядочно повозиться в цензуре, и

дело не обошлось без доклада председателю цензурного комитета Мусину-Пушкину. Булгарин кидался во все стороны, отстаивая поправки, сделанные цензором. Из-за него я задержал выход книжки на четыре дня и, наконец, выпустил ее без его статьи. Булгарин разразился страшным гневом и отделал меня, что называется, на все корки в своей “Пчелке”. С этого времени я потерял к нему последнее, хотя и не большое уважение... “Воспоминания” его явились во 2♦й и 5♦й книжках “Библиотеки для чтения”» (Старчевский А. В. Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1891. № 8. С. 335–336). Речь у Старчевского идет о следующих словах Булгарина по поводу майского номера: «Заступающий место редактора “Библиотеки для чтения” А. В. Старчевский, не дожидаясь корректуры автора последних двух форм в гранках и не прислав автору сводки первых форм, изволил тиснуть начисто и выпустить в свет книжку с опечатками, искажениями смысла и собственных имен. <...> Журнал у него, как почтовая карета, отправляется в известные часы, с тою разницею, что пассажирам жур-

нала не дают знать вперед о времени отправления. Не явился пассажир или корректура, журнал поскакал, хотя бы пустой или с опечатками...» (Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. // Северная пчела. 1849. № 103. 11 мая). Отметим, что «Библиотека для чтения» славилась соблюдением срока выхода: в Петербурге журнал выдавали подписчикам первого числа каждого месяца.

[^^^]

В. П. Печаткин издавал журнал «Библиотека для чтения» в 1848–1864 гг.

[^^^]

Великое герцогство Варшавское было создано Наполеоном в 1807 г. из польских территорий, принадлежавших Пруссии и Австрийской империи. На Венском конгрессе 1815 г. было решено присоединить большую его часть к Российской империи как автономное Царство Польское.

[^^^]

Речь идет о драме поэта и прозаика графа Владимира Александровича Соллогуба «Местничество» (Литературный сборник с иллюстрациями. СПб., 1849. С. 13–142). Однако в театре шло в 1849 г. только 1♦е действие (см.: История русского драматического театра. М., 1979. Т. 4. С. 350–351), а попытка поставить пьесу целиком не завершилась успехом – она была запрещена (см.: *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. СПб., 2017. Ч. 1. С. 53, 201) именно из♦за наличия в драме указанных Булгариным сцен.

[^^^]

Пассажи о бедственном положении Герцогства Варшавского и причинах падения Польши в опубликованном тексте есть (соответственно в 5♦й и 3♦й главах шестой книги «Воспоминаний», хотя, возможно, первоначально они были острее или обширнее). Пассаж же о Пугачеве отсутствует, хотя сохранился рассказ о его сподвижниках, с которыми Булгарин встречался в Кронштадте и от которых слышал рассказы о Пугачеве. Булгарин опубликовал фрагмент из невышедшей второй части книги «Суворов» под названием «Поимка Пугачева» (Северная пчела. 1844. № 291. 23 окт.).

[^^^]

«вместе с голосом мы бы утратили также самую память» (*лат.*). См. примеч. 15.

[^^^]

И на Западе, и в России бытовало поверие, что колокола обладают магической очистительной силой и что сказанное под колокольный звон правдиво. Поэтому существовала, например, очистительная присяга при колокольном звоне. Считалось, что такая присяга нерушима, была даже поговорка: «Хоть при колокольном звоне под присягу пойду».

[^^^]

Речь идет о бронзовых статуэтках, найденных в конце XVII в. в немецкой деревне Прилвиц в Мекленбурге и во второй половине XVIII в. принятых за идолов славянского племени вендов. И. И. Срезневский писал о них: «Долго верили, а иные верят и теперь в неподложность этих древностей; но, присматриваясь к ним, нельзя не отказаться от всякой возможности доказывать их подлинность; в числе изображений встречаются фигуры рыцарей и охотников, маркиз и маркизов, амуров и психей, к которым руны так же не идут, как и смысл рун и значение вещей к религии славян балтийских. Очевидно, что поддельщик воспользовался старыми дразгами XVI–XVII века, искажил их, сколько считал нужным, кое-что кое-где поприделал и, сообразно с учеными искательствами того времени и своим понятиям, украсил рунами, смело надеясь на слабость знаний своих ценителей. Некоторые из вещей могли быть и действительно найдены; но, конечно, ни одной не найдено с рунами» (Срезневский И. И. Древние письмена

славянские // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Ч. 59. Отд. 2. С. 22). Булгарин, рецензируя книгу Срезневского «Исследования о языческом богослужении древних славян» (СПб., 1848), писал, что это «основательный и полезный труд», автор которого продемонстрировал «огромную начитанность и глубокое познание своего предмета. До сих пор мы не имели ничего подобного» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1849. № 153. 13 июля). Однако по вопросу о прилвицких идолах он вступил в полемику со Срезневским. Срезневский в своей книге назвал Булгарина и других авторов, веривших в их подлинность, «людьми, которые без всякой критики пользовались всем, чем могли» (с. 53). Булгарин указывал, что в своей книге «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении» (Истории ч. 1. СПб., 1837) он на 20 страницах разбирал доводы оппонентов, так что его нельзя причислять к числу некритически подходящих к вопросу о подлинности прилвицких идолов. Хотя большинство исследователей считают эти статуэтки поддель-

ными, но высказывались и иные мнения; см.:
Громов Д., Бычков А. Славянская руническая
письменность: факты и домыслы. М., 2005. С.
115–142.

[^^^]

С апреля 1849 г. русская армия, которой командовал генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич, по просьбе австрийского правительства участвовала в подавлении венгерского восстания. Венгры были разбиты в конце августа, и русская армия отправилась в обратный путь. Ее потери составили 700 убитых, около 2500 раненых и около 11 000 умерших от болезней.

[^^^]

Тугендбунд («Союз добродетели» (нем.)) – патриотическое общество в Пруссии (1808–1810), которое ставило своей целью воспитание молодежи в патриотическом духе, а в конечном счете – восстановление целостности Пруссии, утратившей половину своей территории после поражения от Наполеона.

[^^^]

См. настоящее издание, т. 1, с. 681–683.

[^^^]

Помилосердствуйте! (лат.).

[^^^]

Срезневский никогда не приезжал к Булгарину в Карлово.

[^^^]

Печатается по: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1916.
Л. 1–1 об.

[^^^]

См. отзывы на «Воспоминания» Булгарина в упомянутых изданиях: Отечественные записки. 1846. Т. 46. № 5. Отд. VI. С. 40–53; Финский вестник. 1846. Т. 7. Библиографическая хроника. С. 30–49; Т. 8. Библиографическая хроника. С. 49–55; Иллюстрация. 1845. № 36. С. 570; 1846. № 6. С. 87–90; № 45. С. 717.

[^^^]

К просьбе был приложен номер журнала «Иллюстрация» (1846. № 45), датированный 30 ноября, где в разделе «Еженедельник» (без подписи; скорее всего, автором был редактор журнала Н. В. Кукольник) говорилось, что в «Воспоминаниях» Булгарин рассказывает небылицы и что он плохо знает русский язык.

[^^^]

Кукольник отличался любовью к спиртному и имел кличку Ключокольник (см.: *Соколов П. П. Воспоминания.* Л., 1930. С. 78).

[^^^]

В тот же день, которым помечена просьба, цензорам А. Никитенко и А. Крылову было поручено представить доклад по этому вопросу. Они сочли, что жалоба Булгарина «совершенно неосновательна, ибо не подкрепляется никакими доказательствами, никакими ссылками на подлинные выражения» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1916. Л. 2). В результате на заседании комитета 10 декабря было решено отказать Булгарину в его просьбе.

[^^^]

Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Н. Орлова. Л., 1934. С. 180.

[^^^]

Ф. Б. «Очерки русской литературы», сочинение Н. Полевого // Северная пчела. 1840. № 65. 21 марта. Подробнее о полемике см.: Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1826 годах // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик: Сб. статей. М., 2019. С. 294–312.

[^^^]

Булгарин имеет в виду статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года» в альманахе «Полярная звезда» на 1825 год (с. 488–499).

[^^^]

Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 242. 25 окт.

[^^^]

См.: Об «Истории русского народа», издаваемой г. Полевым // Северная пчела. 1829. № 129, 130; [Рец. на: Полевой Н. История русского народа. М., 1830. Т. 2] // Там же. 1830. № 110; Критический взгляд на новые русские романы: [о романе Н. А. Полевого «Клятва при гробе Господнем»] // Там же. 1833. № 151–154; Исторические пояснения на замечания Н. А. Полевого о сочинении Ф. Булгарина «Россия» // Библиотека для чтения. 1838. Т. 28. Прил. С. 1–8; «Уголино», драматическое представление в пяти действиях, в стихах и прозе, с пением, соч. Н. А. Полевого <...> // Северная пчела. 1838. № 25, 29, 36; [Рец. на: Новогодник. СПб., 1839] // Там же. 1839. № 80; [Рец. на: Полевой Н. Очерки русской литературы. СПб., 1839] // Там же. 1840. № 26, 32, 65; Журнальная всякая всячина // Там же. 1841. № 207; 1842. № 52, 130, 142, 233, 285; 1843. № 35, 95; 1844. № 107, 217; 1845. № 39, 43; 1846. № 22; и др.

См.: Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. С. 50, 53; Т. 2. С. 152–153; Сын Отечества. 1840. Т. 1. С. 434–435; Русский вестник. 1842. № 4. Отд. 3. С. 20–27; Отд. 4. С. 46–60. Подп.: Фома Мошкин; Северная пчела. 1843. № 84. Подп.: ZZ, и др.

[^^^]

Письмо Н. Полевого брату Ксенофонту от 8 февраля 1846 г. цит. по: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 579–580.

[^^^]

Каратыгин П. «Северная пчела». 1825–1859 //
Русский архив. 1882. Кн. 2. С. 289.

[^^^]

См.: Видок Фиглярин: Письма и записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 482–483.

[^^^]

См.: Северная пчела. 1846. № 67; 1847. № 48; 1849. № 213, и др. Подробнее о взаимоотношениях Полевого и Булгарина см.: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого (по указ.); *Полевой Н. А. Дневник // Исторический вестник.* 1888. № 3, 4.

[^^^]

Булгарин печатался в польскоязычных изданиях с 1819 г., в русской печати он выступал с 1820 г.

[^^^]

Печатается по: ОР РГБ. Музейное собрание. К.
8566. Д. 14. Л. 1.

[^^^]

неопределенные, нечеткие выражения (нем.).

[^^^]

Н. И. Греч так пояснял это слово: «*Нихтбеш-тимтзагер*, или немецкая *немогузнайка* – известное выражение Суворова» (Греч Н. И. Сочинения. СПб., 1838. Ч. 4. С. 126).

[^^^]

Книгу Н. Полевого «Очерки русской литературы» (СПб., 1839. Ч. 1) предварял текст «Несколько слов от сочинителя», являвшийся автобиографией автора. В отклике на эту книгу Булгарин писал, в частности: «...злейший враг не может отказать в уважении человеку, который с таким усердием, с такою железною волею пробивался, собственными силами, сквозь гранитные стены невежества и тяжких обстоятельств, чтоб выйти на вольный свет просвещения и науки! Это истинно великий подвиг, подвиг Ломоносовский, ежели не более. Ломоносов на первом шагу встретил помощь и все средства к удовлетворению жажды душевной, а Н. А. Полевой, напротив, должен был до тех пор бороться с величайшими трудностями, пока сам себе не создал самостоятельного бытия» (Северная пчела. 1840. № 32. 9 февр.).

[^^^]

Подобной публикации не было.

[^^^]

«Се человек!» (*лат.*) – слова Понтия Пилата об Иисусе Христе; выражение употребляется в значении: вот человек, достойный сострадания.

[^^^]

Булгарин по инерции датировал письмо декабрем, хотя уже начался январь. В декабре 1846 г. Булгарин никак не мог написать это письмо, поскольку рецензия Полевого на первую часть «Воспоминаний» была опубликована 1 января, а 22 февраля 1846 г. Полевой скончался.

[^^^]

Возможно, измененная цитата из песни в «Димитрии Самозванце» Булгарина «В чистом поле и в шатрах / Бьются и пируют...».

[^^^]

См.: *Булгарин Ф. В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823; *Он же.* Знакомство с Наполеоном на аванпостах под Бауценом 21 мая (н. с.) 1813 года: (Из записок польского офицера, находящихся еще в рукописи) // *Сын Отечества.* 1822. № 41. С. 13–20.

[^^^]

Скорее всего, Полевой имеет в виду О. И. Сенковского.

[^^^]

Цитируются «Послания» Горация (Кн. 2. Послание 2. Строка 102). Ср.:

*Много терплю, чтоб смягчить
раздражительных племя поэтов,
Если пишу я стихи и ловлю одоб-
ренья народа;
Кончив же труд и опять рассудок
себе возвративши,
Смело могу я заткнуть для чте-
цов открытые уши.
(Перевод Н. С. Гинцбурга.)*

Полевой отсылает к цитате, использованной Булгариным во второй части «Воспоминаний» при рассказе о судьбе В. Озерова.

[^^^]

Так называли мелких чиновников, служащих канцелярий. Приказы – органы центрального государственного управления в Русском царстве; позднее слово «приказный» употреблялось для презрительного наименования чиновников низших рангов.

[^^^]

См.: Шкуна Ньюкарлеби: Исторический анекдот времени Петра Великого // Репертуар русского театра. 1841. Кн. 10. Чаг. I. С. 1–21. Пьеса шла в Александринском театре в сентябре 1841 г.

[^^^]

Геракл – персонаж греческой мифологии, сын Зевса, наделенный громадной физической силой и храбростью (в Италии именовался Геркулесом). Один из главных его атрибутов – палица, символ сокрушительной силы.

[^^^]

Имеется в виду басня И. И. Дмитриева «Дряхлая старость» (1803).

[^^^]

Оту́лка (*польск.*) – ошибка, погрешность, заблуждение.

[^^^]

Жители центральной гористой части Пелопоннеса Аркадии занимались в древности скотоводством и земледелием, и в литературе XVII–XVIII вв. их жизнь изображалась как счастливая и беззаботная.

[^^^]

Полевой цитирует Предисловие к «Истории государства Российского». Целиком высказывание выглядит так: «Есть *три* рода истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Деесписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* – и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями» (Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 17–18).

[^^^]

«Повесть о Бове королевиче», источником которой являются французские сказания о подвигах рыцаря Бово д'Антоня конца XII в. или начала XIII в., после многочисленных переработок проникла на Русь в XVI в., постепенно вошла в фольклор, а с XVIII в. много раз издавалась в различных версиях.

[^^^]

Тéндер – морское парусное одномачтовое судно с косыми парусами.

[^^^]

Так у Н. А. Полевого. Видимо, должно быть «оказываются» или «сказываются».

[^^^]

Светоний писал в «Жизни двенадцати цезарей» («Божественный Август», XXV. 4), что «Поспешай медленно» (*Festina lente* (лат.)) было одним из любимых выражений Октавиана Августа.

[^^^]

Лк. 4: 24. Впервые встречается в латинском переводе Библии Вульгате.

[^^^]

Н. И. Греч с 1844 г. до июня 1846 г. жил за рубежом.

[^^^]

Булгарин цитирует книгу Н. А. Полевого «Очерки русской литературы» (СПб., 1839). Слова эти сказал при прощании вспыльчивому отцу Полевого его отец, т. е. дед Полевого.

[^^^]

В предисловии к своему роману «Клятва при гробе господнем» (1832) Н. А. Полевой писал: «...кто читал, что писано мною доньше, тот, конечно, скажет нам, что *квасного* патриотизма я точно не терплю, но Русь знаю, Русь люблю, и еще более – позвольте прибавить к этому – Русь меня знает и любит». Многие современники сочли это высказывание проявлением самоуверенности и хвастовства автора.

[^^^]

«Пришел, увидел, победил» (*лат.*) – слова, которыми, как писал Плутарх в «Изречениях царей и полководцев», Гай Юлий Цезарь в августе 47 г. до н. э. уведомил о победе над войсками Понтийского царства.

[^^^]

См.: *Полевой Н. А.* Речь о невещественном капитале. М., 1832.

[^^^]

Дагерротип – медная пластина, покрытая тонким слоем серебра, позволяющая получить фотографическое изображение. Изобретение сделал в 1839 г. француз Л. Дагер.

[^^^]

Полевой Н. А. История русского народа: В 6 т.
М., 1829–1833.

[^^^]

Булгарин имеет в виду, что в дагерротипе, как и в фотографии, вначале получается негативное изображение.

[^^^]

Smitt F. von. Suworow's Leben und Heerzüge im Zusammenhange mit der Geschichte seiner Zeit. Wilna, 1833. Th. 1.

[^^^]

Булгарин ошибся, книга вышла раньше, см.: Антинг И. Ф. Победы князя Италийского графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, или Жизнь его и военные деяния против Пруссии, Турции, Польши и Франции: С присовокуплением некоторых его писем и анекдотов, показывающих характер и гений сего великого человека. Изд. 2. М., 1815 (1-е изд. (с несколько иным названием) вышло в Москве в 1809–1810 гг.).

[^^^]

Полевой Н. А. История князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск. СПб., 1843. На обл.: История Суворова.

[^^^]

См.: Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России; Собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 12 ч. М., 1788–1789 (2^е изд. – М., 1837–1843); Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: В 4 ч. СПб., 1840–1841. Книга с названием «Жизнь русских генералов» не выходила. Возможно, Булгарин имеет в виду следующую книгу, издатель которой в ней не назван: Ушаков С. И. Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах, с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную: В 4 ч. СПб., 1822.

[^^^]

См.: *Полевой Н. А.* История Петра Великого: В 4 ч. СПб., 1843; *Он же.* Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I: жизнеописание. СПб., 1845.

[^^^]

См.: Картинки русских нравов: В 6 кн. СПб., 1842–1843 (Кн. 1. *Булгарин Ф. В.* Салопница. Кн. 2. *Он же.* Корнет. Кн. 3. *Мятлев И. П.* Петергофский праздник: Три песни. Кн. 4. *Греч А. Н.* Невский пароход. Кн. 5. *Казак Луганский [Даль В. И.]* Находчивое поколение. Кн. 6. *Кукольник Н. В.* Преферанс или + и -).

[^^^]

См.: Были и небылицы: Статейки, вырванные из большой книги, называемой Свет и люди: Философическо-филантропическо-гуморическо-сатирическо-живописные очерки, сост. под ред. Ивана Балакирева [Н. А. Полевого] / Рис. А. Коцебу. СПб., 1843. Кн. 1.

[^^^]

Карл Моор – главный герой трагедии Ф. Шиллера «Разбойники» (1782).

[^^^]

См.: *Полевой Н. А.* Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь: Драматическое представление в 5 д. [в стихах]. СПб., 1845.

[^^^]

См.: *Полевой Н. А.* Смерть или честь: драма в 5-ти д. // Репертуар русского театра. 1839. Т. 1, кн. 2. С. 1–58.

[^^^]

Имеется в виду опера Кароля Карпинского «Łaska Imperatora» (1814) в одном действии на либретто Людвика Адама Дмушевского, в основе которого зингшпиль (оперетта) в одном действии немецкого писателя Августа фон Коцебу «Феодора» (1812) (благодарю за справку Марию Пруссак).

[^^^]

Имеется в виду повесть К. де Местра «Прасковья, или Молодая сибирячка» (1815); рус. перевод: *Местр К. де. Молодая сибирячка: истинное происшествие* / Пер. с фр. А. Попова. СПб., 1840.

[^^^]

Полевой Н. А. Параша-Сибирячка: русская быль в 2 д. СПб., 1840. Любопытно, что, рецензируя эту пьесу, Булгарин утверждал совсем иное: реагируя на замечания Ф. Кони, что пьеса Полевого «переведена на наш язык с польского с некоторыми изменениями и потому названа оригинальною» (Кони Ф. Переписка богов // Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. Кн. 2. С. 162), он писал: «“Парашу Сибирячку” почитаю я торжеством таланта г. Полевого <...>. Н. А. Полевому неизвестно было, что на польском языке существует драма, основанная на этом самом происшествии. <...> пьеса Н. А. Полевого не переведена с польского. Это две крайности. Сюжет известен всему миру <...>. Шекспир брал свои сюжеты из итальянских сказок и датских легенд, а Полевому ставят в укор то, что он взял сюжет из народных событий, описанных г-жею Котен и графом Местром! Господа, опомнитесь!» ([Рец. на: Полевой Н. Параша Сибирячка // Репертуар русского театра. 1840. Кн. 2] // Северная пчела. 1840. № 48).

[^^^]

Постоянным сотрудником «Библиотеки для чтения» Полевой был в 1836 и 1837 гг. В конце 1837 г. он переехал в Петербург, поскольку Смирдин взял в аренду у Греча и Булгарина «Северную пчелу», купил у них журнал «Сын Отечества» и предложил Полевому с 1838 г. редактировать эти издания. Однако С. С. Уваров не дал согласия на то, чтобы Полевой был официальным их редактором. Он стал редактировать их неофициально, но Греч и Булгарин через несколько месяцев вынудили его отказаться от редакторства в «Северной пчеле», и у Полевого остался только «Сын Отечества», где большую часть материалов он публиковал без подписи (в первой половине 1840 г. он покинул и «Сын Отечества»). В 1841–1842 гг. Полевой негласно редактировал «Русский вестник» (в 1841 г. совместно с Н. В. Кукольниковом и Н. И. Гречем, который в эти годы был его издателем и официальным редактором). В 1843–1844 гг. он много печатался в «Северной пчеле», а «Листок для светских людей» он редактировал, судя по всему, в 1843 г.

[^^^]

Такое высказывание нам обнаружить не удалось. Возможно, имеется в виду историческая фраза Елизаветы I в 1599 г. «Mortua sed non sepulta» («Мертва, но не погребена» (*лат.*)) по поводу слухов о ее смерти (см.: Душенко К. Цитаты из всемирной истории. М., 2006. С. 158).

[^^^]

См.: *Полевой Н. А.* Русский человек добро помнит: драматическая быль в 1 д. // Репертуар русского театра. 1839. Кн. 6. С. 1–23.

[^^^]

«Универсальный словарь, или Полный энциклопедический словарь, изданный Н. А. Пирером» – один из основных немецких энциклопедических словарей. Первое издание его вышло в 26 томах в 1824–1836 гг. Переиздавался до 1960-х гг.

[^^^]

Т. е. нашего 25 июля. Г. Полевой, выписывая откуда-то числа, записался или описался.

[^^^]

Так у Булгарина. Правильно: первым.

[^^^]

См.: *Archenholz J. W. v. Geschichte des siebenjährigen krieges in Deutschland von 1756 bis 1763. Manheim, 1788* (3^е изд. – Berlin, 1793); *Архенгольц И. В. История Семилетней войны в Германии, с 1756 по 1763 год. 2^е изд. М., 1841.*

[^^^]

См.: Энциклопедический лексикон. СПб.: А. Плюшар, 1835. Т. 3.

[^^^]

«Скрижали истории» (нем.).

[^^^]

CM.: *Vehse K. E.* Tafeln der Geschichte. Die Hauptmomente der äußern politischen Verhältnisse und des innern geistigen Entwicklungsgangs der Völker und Staaten alter und neuer Welt; in chronologischer und ethnographischer Ordnung. Dresden, 1834.

[^^^]

См.: Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. СПб., 1843. Ч. 7. Курсив Булгарина.

[^^^]

591

Имеется в виду В. А. Зубов.

[^^^]

«Доказательства дружелюбного отношения
Наполеона к Пруссии» (*фр.*).

[^^^]

«Битва при Вальми 20 сентября 1792» (*фр.*).

[^^^]

См.: *Полевой Н.* История Наполеона: В 5 т.
СПб., 1844–1848.

[^^^]

3-й пункт Полевого Булгарин не комментирует.

[^^^]

Предварительные (лат.).

[^^^]

См.: *Полевой Н. Елена Глинская*: драматическое представление в 5 д. в стихах // Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров. 1842. Кн. 2. С. 1–44.

[^^^]

Булгарин цитирует фразу из монолога Гамлета (действ. 2, явл. 3) в переводе (1837) Н. А. Полевого:

*Стыд женщины, супруги, матери
забыт...*

*Когда и старость падает так
страшно,*

Что ж юности осталось?

Страшно,

За человека страшно мне.

Последняя фраза у Шекспира отсутствует, она сочинена самим Полевым.

[^^^]

Франкония – историческая область на юго-западе Германии, часть нынешней федеральной земли Бавария.

[^^^]

«Отец мой принялся опять за американские дела (т. е. за торговые дела Компании), но не долго пробыл он (где?) и принужден отказаться от своей должности. Надобно было что-нибудь делать. Еще кровь его кипела деятельностью; средства казались неистощимы. Он завел выделку морских котов и за небольшие деньги, какие успел собрать, решился основать в Сибири фаянсовую фабрику. Имя Веджвуда произносил он с восторгом. Материалы нашлись близ Иркутска: двое каких-то ссыльных мастеров, токарь и лепщик, бывшие некогда на петербургском фарфоровом заводе, были первыми его помощниками» (Очерки русской литературы, соч. Николая Полевого: *Несколько слов предварительно*, стр. XXVII и XXVIII).

[^^^]

Barante A.-G.-P. de. Histoire des Ducs de Bourgogne de la Maison Valois (1364–1477). Paris, 1824–1826. 13 vols.

[^^^]

В ходе полемики «Северной пчелы» и «Московского телеграфа» Булгарин многократно высмеивал плохое знание Полевым французского языка. В «Московском телеграфе» (1825. № 14. С. 309) цвет «gris roussiere» («пыльно-серый») был переведен как «грипусье», что было высмеяно в газете в статье «Письмо сильного фабриканта издателям» (Северная пчела. 1825. № 116. 26 сент. Подпись: Николай Лесной) и стало причиной возникновения прозвища Грипусье (см.: *Этьенн Грипусье. Письмо к издателям // Северная пчела. 1825. № 125. 17 окт.*). После того как в «Московском телеграфе» (1825. № 15. С. 185, 186) в переводе «Истории герцогов Бургундских» Баранта имена собственные Guy, Le comte d'Eu; Vouciscault; sires de Bar были транскрибированы как Гюй Эю, Буссиколь, Сиры Барские, возникли новые прозвища (см.: *Этьенн Грипусье, Сиры Барские, Гюй Эю, Буссиколь. Созвездие Рака (Письмо к издателям «С[еверной] п[челы]») // Северная пчела. 1825. № 132. 3 нояб.*). Позднее Булгарин вспоминал: «...Николай

Алексеевич Полевой, писатель с большим дарованием, но обязанный всем только щедрой матери природе, часто без нужды употреблял иностранные слова, и увлекаясь красноречием французских писателей, невольно излагал свои мысли галлицизмами, особенно в печатных работах. Было время, что “Московский телеграф”, основанный Н. А. Полевым, имел сильное влияние на новое поколение, и молодые читатели “Московского телеграфа” переняли многие из его нововведений. Для примера укажем на слово *факт*, которое до того сделалось употребительным, что даже принято некоторыми умными писателями» (Ф. Б. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1850. № 140. 24 июня). Подробнее о полемике 1820-х гг. см.: Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах // Ф. В. Булгарин – писатель, журналист, театральный критик. М., 2019. С. 302.

[^^^]

разгадка (*фр.*), буквально: «горшок с розами».

[^^^]

См.: *Гедеонов С. А. Смерть Ляпунова: драма в 5 д., в прозе. СПб., 1846.*

[^^^]

См., например, болгаринские фельетоны
«Журнальная всякая всячина» (1845. № 289;
1846. № 10).

[^^^]

Кукольник Н. В. Рука всевышнего отечество спасла: драма из отечественной истории, в 5 актах, в стихах / Соч. Н. К. СПб., 1834; *Он же.* Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский: драма в 5 актах, в стихах / Соч. Н. К. СПб., 1835.

[^^^]

Кукольник Н. В. Торквато Тассо: большая дра-
матическая фантазия, в стихах / Соч. Н. К.
СПб., 1833.

[^^^]

П. Г. Ободовский написал не одну, а ряд пьес: «Великий князь Александр Михайлович Тверской» (шла в Александринском театре в 1836 г.), «Боярское слово, или Ярославская кружевница» (Репертуар русского театра. 1841. Кн. 5), «Русская боярыня XVII столетия» (Пантеон. 1843. Кн. 1), «Царь Василий Иоаннович Шуйский, или Семейная ненависть» (опубл. в: Сто русских литераторов. СПб., 1845. Т. 3). Ошибка Булгарина может объясняться тем, что в 1836 г. он не жил в Петербурге и не видел пьесу, а «Боярское слово...» и «Русская боярыня...» – пьесы одноактные, которые он не брал в расчет.

[^^^]

Пьеса Е. Ф. Розена «Осада Пскова» шла в 1834 г. в Александринском театре, когда Булгарин жил в Дерпте, но она была издана (СПб., 1834), и Булгарин мог прочесть ее. Что касается А. Г. Ротчева, то он, по сути, не писал оригинальных пьес. Но его вольные переводы пьес Шиллера имели большой успех, и, поскольку Булгарин критиковал стихотворные пьесы русских авторов, Полевой упомянул его.

[^^^]

Цитируется русская народная песня XVIII в.

[^^^]

ПО КОГТЯМ ЛЬВА (*лат.*).

[^^^]

Цитируется стихотворение А. С. Пушкина
«Воспоминание» (1828).

[^^^]

Полевого, в отличие от Булгарина, переводили мало, причем преимущественно в Российской империи. Например, на немецком при его жизни вышли только следующие книги: *Polevoj N. Simeon Kirdiapa / Russische Bibliothek für Deutsche. Heft. 1 / C. v. Knorring. Reval, 1831; Idem. Parascha, das Mädchen von Sibirien: Schauspiel übersetzt von C. Mohr. St.Petersburg, 1840; Idem. Der Stammvater der russischen Flotte / Eine russische Begebenheit, dramatisirt übersetzt von C. Mohr. St.Petersburg, 1840.*

[^^^]

Полевой имеет в виду рецензию Булгарина на его «Очерки русской литературы» (СПб., 1839. Ч. 1–2), см. выше примеч. 15.

[^^^]

615

Хорошо смеется тот, кто смеется последним (*фр.*) – французская пословица.

[^^^]

Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях: Ручная книга для русских всех сословий, Фаддея Булгарина. Истории ч. 1–4. СПб., 1837.

[^^^]

Зябловский Е. Ф. Российская статистика. СПб., 1831.

[^^^]

Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях: Ручная книга для русских всех сословий, Фаддея Булгарина. Статистики ч. 1–2. СПб., 1837.

[^^^]

Булгарин Ф. Петербургские нетайны: (Небы-
вальщина, в роде правды, из записок петер-
бургского старожила) // Северная пчела. 1843.
№ 266, 272, 278, 279, 284, 289, 293, 294.

[^^^]

А. Карр с 1839 г. издавал журнал «Les Guêpes» («Осы»).

[^^^]

Булгарин Ф. Комары: Всякая всячина. Рой 1.
СПб., 1842.

[^^^]

Крылатое латинское выражение.

[^^^]

См. примеч. 71 на с. 390.

[^^^]

624

То есть глиняных (*церк.-слав.*).

[^^^]

Ты этого хотел, Жорж Данден, ты этого хотел, ты этого очень хотел (*фр.*) – цитата из комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж» (1668). Крестьянин Данден надеялся, что, женившись на дворянке, будет счастлив. Однако от жены-дворянки у него были одни неприятности. От огорчения он произнес процитированные слова, ставшие поговоркой.

[^^^]

Цитата приведена неточно, см. т. 1, с. 178 настоящего издания. Курсив Н. Полевого.

[^^^]

Сафар – второй месяц мусульманского лунного календаря. Эгира (хиджра (*араб.*) – переселение) – летоисчисление у мусульман, исходной точкой которого является переселение мусульман Магомета из Мекки в Медину в 622 г.

[^^^]

«Кто презирает Котена, тот не уважает своего короля и, если верить Котену, не имеет ни короля, ни Бога, ни веры» (из сатиры Н. Буало, направленной против аббата и писателя Ш. Котена; в оригинале «...ni Dieu, ni foi, ni loi», т. е. «ни Бога, ни веры, ни совести»).

[^^^]

«Бюллетень Великой армии» выходил в 1805–1812 гг. Он печатался в правительственной газете «Le Moniteur universel», а копии его расклеивались на стенах общественных зданий и рассылались местным органам власти. В 1812 г. было опубликовано 29 бюллетеней. Последний (Vingt-neuvième bulletin de la Grande Armée) появился в газете 16 августа и содержал информацию о неуспехе похода в Россию, причем главной причиной его были названы сильные холода.

[^^^]

Молодечно – ныне город в Минской области
Белоруссии.

[^^^]

Булгарин родился в имении Перышево Минского воеводства Великого княжества Литовского, ныне это Узденский район Минской области.

[^^^]

Conversations-Lexikon (нем.) – энциклопедический словарь.

[^^^]

В 1795 г. в Базеле было подписано соглашение, по которому Испания передала Франции Санто-Доминго, а в 1800 г. в испанском городе Сан-Ильдефонсо был заключен договор, по которому Испания передавала Франции контроль и над Луизианой.

[^^^]

В 1803 г. генерал Ж.-Ш. Пишегрю готовил вместе с Ж. Кадудалем роялистский заговор против Директории, в котором согласился участвовать и генерал Ж. В. Моро. В январе 1804 г. все трое были арестованы после провала заговора. Пишегрю покончил с собой в заключении, Кадудаль осужден и казнен, а Моро приговорен к высылке из страны.

[^^^]

шедевр (*фр.*).

[^^^]

когда внезапно военное счастье переменилось ужасным образом (*нем.*).

[^^^]

637

военное счастье, военная удача (нем.).

[^^^]

См.: *Tempelhof G.* Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland zwischen dem Könige von Preußen und der Kaiserin Königin mit ihren Alliirten [История Семилетней войны в Германии между королем Пруссии и императрицей-королевой с ее союзниками]. Th. 1–6. Berlin, 1783–1801; *Kausler F.* Wörterbuch der Schlachten, Belagerungen und Treffen aller Völker [Словарь битв, сражений и осад всех народов]. Т. 1–4. Ulm, 1825–1833; *Idem.* Synchronistische Uebersicht der Kriegsgeschichte und ihrer gleichzeitigen Quellen [Синхронный обзор военной истории и ее источников]. In 4 Abtheilungen. Ulm, 1825–1830; *Idem.* Atlas der merkwürdigsten Schlachten, Treffen und Belagerungen der alten, mittleren und neueren Zeit in 200 Blättern, nach den besten Quellen [Атлас самых замечательных сражений, битв и осад старого, среднего и Нового времени на 200 листах, по лучшим источникам]. Karlsruhe; Freiburg, 1831–1837.

Jomini A.-H. de. Traité des grandes opérations militaires [Трактат о больших военных операциях] (5 vol., 1805); рус. перевод: *Жомини Г. В. Разсуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона: с собранием важнейших правил военного искусства, оправданных подвигами сих двух великих полководцев: с картами и планами: В 8 ч. / Пер. с фр. Ф[едор] Х[алчинский]. СПб., 1809–1817.*

[^^^]

В начале Семилетней войны 19 (30) августа 1757 г. у деревни Грос-Егерсдорф в Восточной Пруссии русские войска одержали победу над прусскими.

[^^^]

Сражение при Лютцене (город недалеко от Лейпцига) 20 апреля (2 мая) 1813 г. между французской и русско-прусской армиями закончилось отступлением русско-прусской армии и подчинением Саксонии Наполеону. Об остальных сражениях см. в комментариях к воспоминаниям Булгарина.

[^^^]

642

Имеется в виду П. И. Шувалов.

[^^^]

У Полевого ошибка или опечатка, должен быть не 1706 г., а 1760 г. Имеется в виду сражение Семилетней войны 23 июня 1760 г. в Силезии при Ландесхуте (ныне город Каменна-Гура в Польше) между прусской и австрийской армиями, в котором прусский корпус был разбит и почти полностью уничтожен.

[^^^]

В наполеоновской армии Булгарин имел чин капитана.

[^^^]

Имеется в виду, по-видимому, Франсуа-Этьен де Дамá, но его публикации на эту тему нам разыскать не удалось, как, впрочем, и других Дама (Дамасов).

[^^^]

См.: *Jomini A.-H. de. Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution, nouvelle édition, rédigée sur de nouveaux documens et augmentée d'un grand nombre de cartes et de plans* [Критическая и военная история войн Революции, новое издание, составленное на основании новых документов, с приложением большого числа карт и планов]. Paris, 1820–1824. Т. 1–15; *Dumouriez Ch. F. Mémoires du général Dumouriez: Écrits par lui-même*. Francfort; Leipzig, 1794.

[^^^]

647

Имеется в виду Ф. Э. Келлерман.

[^^^]

если только не было там каких-то секретных переговоров, о которых мы не знаем (*фр.*).

[^^^]

Полевой цитирует «Послание к Пизонам о стихотворстве» («Наука поэзии») Горация в переводе А. Ф. Мерзлякова (стих 124; впервые: Утренняя заря. 1808. № 6). У Мерзлякова пунктуация иная: («Учиться – нет стыда; невеждой – стыдно быть!»).

[^^^]

Досталось нам за эти *Заальбург* и *Заальфельд*! «Саальбург, г-н Полевой, – восклицает Ф. В. Булгарин, – а не Заальбург, Саальфельд, а не Заальфельд». Так по саксонскому произношению от реки *Саалы*, но по франконскому *Заалы*, а так всегда писали у нас прежде. Русское ухо не может привыкнуть к именам: Саальфельд, Аахен, Генуа, Стеттин, и стоило ли замечать такие вещи?

[^^^]

Шёнбруннский мирный договор, подписанный в Шёнбруннском дворце в Вене 14 октября 1809 г., которым завершилась Австро-французская война, не касался герцогства Ганновер. Полевой ошибся, он имел в виду Парижский договор 15 февраля 1806 г., завершивший Русско-австро-французскую войну 1805 г. По этому договору герцогство Ганновер, с 1803 г. оккупированное Францией, оккупировала Пруссия.

[^^^]

Имеется в виду немецкое имперское княжество Ансбах, в 1792 г. вошедшее в состав Пруссии.

[^^^]

Немецкий книготорговец и издатель И. Ф. Пальм был расстрелян в 1806 г. по приказу Наполеона за публикацию направленного против французских оккупантов памфлета И. К. фон Йелина «Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung». См. рус. переводы: Германия в глубоком унижении своем / Пер. с нем. С присовокуплением описания несчастной судьбы Пальма, военного суда над ним произведенного и приговора, по которому был он лишен жизни в Браунау 25 августа 1806 года. СПб., 1807; Немецкая земля в глубоком своем унижении: Сочинение сие есть самое то, за которое невинно пострадал ниренбергский книгопродавец Пальм и послужил в новый довод кровожадливости, бесчеловечия, насильства и неправосудия мучителей Европы, новых франков: С присовокуплением писем самого сего страдальца пред его смертью, также браунавского пастора Пешля, приготовлявшего его к кончине, писанного им к оставшейся вдове Пальмовой, и ее к благотворителю, собравшему и приславшему в пользу ее деньги:

Новый пер. с нем. СПб., 1807.

[^^^]

Ваше величество пытались лишить меня чести, вы могли быть уверены в моем ответе. Следовательно, между нами ведется война, альянс разорван навсегда... Сир, ваше величество будете побеждены (*фр.*).

[^^^]

Публикацию письма Рикорда Булгарин предварил следующими словами: «Получив от его высокопревосходительства Петра Ивановича Рикорда письмо, с удовольствием помещаем его, присовокупляя с нашей стороны, что мы ссылались на П. И. Рикорда не как на государственного сановника и безусловный авторитет, но как на автора “Путешествия” (имеется в виду кн.: *Рикорд П. И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к Японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816. – А. Р.*) и т. п., привыкшего видеть свое имя в печати. Точно, в нашем рассказе есть неточность в именах городов, Охотска и Петропавловска, но это вовсе не изменяет дела. Повторяем, что “Воспоминания” не история; в “Воспоминаниях” рассказывается, что было *делано* и *говорено* в свое время, и это именно характеризует эпоху. Что за важность для истории в анекдоте о Хвостове и Давыдове? Какой *точности* в именах и числах ищет г-н Полевой? Просто смешно! Что же касается до желания его высоко-

превосходительства П. И. Рикорда не употреб-
лять его имени в прениях литературных, то
мы исполним это весьма охотно, тем более,
что имеем *верное основание*, на котором
утвержден рассказ наш о Хвостове и Давыдо-
ве, а именно письма В. М. Головнина, напеча-
танные во втором томе “Воспоминаний”. В
том же, что мы смешали имена городов, ви-
нимся, но все почитаем это мелочью».

[^^^]

В указанном месте Булгарин писал о современном обществе: «...мы теперь или все знаем, или хотим все знать, и если не можем проникнуть истины, то лжем и клеветем, чтоб только показаться всезнающими».

[^^^]

Имеется в виду Елизавета Михайловна Сперанская, в браке Фролова-Багреева.

[^^^]

Позднее воспоминания Г. А. Розенкампа были частично опубликованы: *Розенкамп Г. А. Отрывки из автобиографии* / Публ. П. М. Майкова // *Русская старина*. 1904. № 10. С. 140–185.

[^^^]

В оставшихся после него записках, доселе также еще рукописных. Дмитриев знал Сперанского еще в генерал-прокурорской канцелярии, при императоре Павле, когда сам был обер-прокурором, а потом в 1810–1812 годах, Сперанский состоял при нем товарищем по званию министра юстиции.

[^^^]

См.: *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь // *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986. С. 346. 1♦
е изд.: [*Дмитриев И. И.*] Взгляд на мою жизнь: Записки д. т. с. Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866.

[^^^]

Современные биографы Сперанского в вопросе о дате его рождения и фамилии отца следуют Корфу. См., например: *Томсинов В. А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М. М. Сперанского*. Изд. 5^е, обновл. и доп. М., 2013. С. 3, 5.

[^^^]

Вместе с ним привезены были два товарища его Шиповский и Вышеславский, которых дальнейшие судьбы нам неизвестны.

[^^^]

Сперанский уволен от семинарии 20 декабря 1796 г. и определен в гражданскую службу 2 января 1797 года.

[^^^]

См.: Письма графа М. М. Сперанского к его дочери // Русский архив. 1868. Вып. 7/8. Стб. 1178–1194.

[^^^]

В Пензе же Сперанский выучился и еврейскому языку, под руководством ректора тамошней семинарии Аарона (потом епископа Архангельского и Холмогорского) и одного пензенского жителя из евреев, незадолго перед тем принявшего христианскую веру.

[^^^]

Все эти сведения выбраны не из послужного списка покойного графа, который начинается только со времени перехода его в гражданскую службу, а из дел С.♦Петербургской духовной консистории и семинарского правления. Из них же видно, что по *первой* должности Сперанскому положено было жалованья 150 р., по *второй* 50 р. и наконец по *третьей* весь оклад его составлял 275 р.

[^^^]

667

Имеется в виду Б. А. Куракин.

[^^^]

Имеются в виду Е. А. Куракина и А. А. Куракина.

[^^^]

Здесь некоторая несообразность в числах. И в официальных ведомостях об учителях Александро-Невской семинарии, и в приведенных нами «Эпохах Сперанского» единогласно говорится, что он прибыл в нее в январе 1790 года. Должно думать, что в просьбе своей он означил время не действительного поступления, а перевода по бумагам, т. е. перечисления или предназначения его в эту семинарию из Суздальской.

[^^^]

Свод законов (в 15 т.) был принят в 1833 г.
и вступил в действие в 1835 г.

[^^^]

Самые уставы вышли, впрочем, гораздо уже позже, и именно 30 августа 1814 года.

[^^^]

Имеется в виду Джозеф Планта и следующий его труд: *Planta J. The History of the Helvetic Confederacy*. 2 vols. London, 1800. Однако особой научной ценности книга Плянты не представляла, поскольку основывалась на труде Иоханнеса фон Мюллера (Müller J. von) «Die Geschichte der schweizerischen Eidgenossenschaft» (4 vols., 1780–1805).

[^^^]

Имеется в виду А. А. Фролов-Багреев.

[^^^]

Сперанский определен был генерал-губернатором в марте.

[^^^]

«Правила высшего красноречия» М. М. Сперанского издал и снабдил предисловием И. Я. Ветринский.

[^^^]

Позднее в своей книге Корф привел также свидетельства, что свидание Сперанского с Александром I в 1821 г. описано Булгариным неверно, см.: *Корф М.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 263.

[^^^]

Этот и следующие материалы печатаются по подборке документов, сохраненной Корфом (РНБ. Ф. 859. К. 30. Д. 1. Л. 142–197).

[^^^]

Комитет 2 апреля 1848 г., существовавший с апреля 1848 г. по декабрь 1855 г., осуществлял «высший надзор, в нравственном и политическом отношении, за духом и направлением» периодики и книгоиздания. Он находился в непосредственном ведении императора. Председателем комитета в 1848 г. был Д. П. Бутурлин, в него входили М. А. Корф и П. И. Дегай. О комитете см.: *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 428–430; *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 192–308; *Гринченко Н. А.* Комитет 2 апреля 1848 года и Императорская публичная библиотека // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития.* М., 2016. С. 28–33.

[^^^]

Имеется в виду статья М. Корфа «О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского», опубликованная накануне заседания комитета. Корф долгое время служил под началом М. М. Сперанского и работал в это время над биографическим трудом о нем, см.: *Корф М. А. Жизнь графа Сперанского: В 2 т. СПб., 1861.*

[^^^]

В копии этого документа Н. К. Шильдер поместил: «В дневнике бар. Корфа сказано, что журнал “равномерно мною весь составлен”» (РНБ. Ф. 859. К. 30. № 1. Л. 164).

[^^^]

Граф А. Ф. Орлов в 1844–1856 гг. занимал пост главноуправляющего III отделением.

[^^^]

Опубликованы в: [Стасов В. В.] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 7. С. 142–144.

[^^^]

Русская старина. 1871. № 11. С. 522; весь текст письма на с. 520–522.

[^^^]

Оба письма написаны по-французски; благодарю В. А. Мильчину за перевод.

[^^^]

Нигде этого не было сказано. Если б я так думал, то и сам сохранил бы молчание. Мнение мое было, что «произнесение суда над личностью С[перанского], даже и самая оценка, или разъяснение многих событий и переворотов его жизни составляют покамест задачу совершенно еще преждевременную». Не переменяю этого мнения и теперь, ибо, при условиях нашего общественного устройства и нашей цензуры, кто же может теперь напечатать правду об отношениях С[перанского] к и[мператору] Александру, о приготовленном им проекте конституции, о причинах и последствиях его изгнания и пр. Но факты, факты, о! давайте их нам сколько можно больше и вспоминайте тут сколько угодно, лишь бы и эти воспоминания были тоже – правдою.

[^^^]

Кто же ему сказал и в каком обществе он узнал, что биография моя ограничивается одними пределами законодательного круга?

[^^^]

687

вставной эпизод, нечто лишнее (*фр.*).

[^^^]

Совершенное неведение, на которое можно только отвечать – самую биографию Сперанского. Притом дело не в том, действовал ли кто самостоятельно или по поручению, а в том, что кто произвел.

[^^^]

Где же вся поэтическая сторона жизни человека, ставшего из последних ступеней общественной лестницы на первую, любимца государева и опального, первого у нас государственного мыслителя, человека, основавшего все нынешнее государственное устройство, преобразователя делового нашего языка, первостепенного философа, филолога и богослова? Жизнь С[перанского] – самый занимательный роман, целая эпопея и вместе государственная книга, а г. Булгарин думает ограничить ее одним ответом на графу формуляра: способен и достоин.

А если б г. Булгарин знал, что точно есть такие записки и суждения, про себя и в открытых письмах, и притом в самых огромных размерах?

[^^^]

Это и понять трудно: вспоминать , так сказать, наглядно, могут современники; но как же делать это истории иначе как имея в руках материалы к таким воспоминаниям, т. е. биографию.

[^^^]

Противуречие с предыдущим. Безусловная хвала, без права и возможности порицания, есть – китайская картина без теней, а история не может основываться на таких картинах.

[^^^]

*Я и вменяю ему в грех не это благодарственное воспоминание, а то, что он пустился в психологическую часть биографии **перед публикою** , которой нельзя еще высказать всего. Говорить истину вполовину значит – лгать.*

[^^^]

Если г. Булгарин, издавая не политическую брошюру и не водевиль, назначение коих одна современность, а книгу, не имеет притязания на жизнь ее в потомстве, то, стало быть, имеет притязание только на карманы современников. Но это дело постороннее. В моем означении года рождения С[перанского] нет **неопределенности**. Я прямо говорю: «следственно С[перанский] родился 1 января 1772» и этим оканчиваю мои изыскания, а не теми словами, которые влагает мне г. Б[улгарин] и которые находятся в середине изысканий. Следственно, тут ложь за ложью. Давать предпочтительную веру собственному показанию перед документами можно только – в подобной антикритике, ибо кто же присутствовал при собственном рождении? Столько же нелепо доказывать, что в биографии великого человека не важна эпоха его рождения, особливо после того, что в «Воспоминаниях» – книге **напечатанной** и, следственно, написанной не для одного личного удовольствия автора, так точно и подробно означен-

ны год и день собственного его рождения.

[^^^]

Дмитриев никогда не был в коротких, а тем более в **весьма** коротких сношениях с С[перанским], а что он называет его Грамотин, это г. Б[улгарин] взял из **моей же** статьи. С моей стороны, в утверждении, что С[перанский] никогда не имел этой фамилии, нет никаких **догадок**: это просто единогласное показание всех местных современников и всей его семьи. **После этого точно говорить нечего**, но не в том смысле, как восклицает г. Булгарин.

NB. Г. Б[улгарин], разделяя мой 1♦й пункт на два, чтоб показать, будто бы ни оставит ни **одного** моего замечания без возражения, совсем обходит 2♦й.

[^^^]

Здесь нет ответа на мои замечания, доказывающие совершенную неточность сведений г. Б[улгарина]. Если ж он считал эти подробности незанимательными (они все же занимательнее, нежели помещенные в «Воспоминаниях» об учителях и ученических летах г. Б[улгарина]), то незачем было ему и печатать их в своей книге.

[^^^]

Забавно, что в самих «Воспоминаниях» сказано: «К[нязь] Куракин... предложил ему **место частного своего секретаря** , которое С[перанский] принял охотно» – а теперь сам же г. Б[улгарин] против этого спорит.

[^^^]

Почему же г. Б[улгарин], мимоходом **вспомнивший** о С[перанском], считает свои показания более точными, нежели мои, т. е. человека, посвятившего несколько лет на самые деятельные и подробные о нем изыскания, и нежели показания того лица, которому по словам самого г. Б[улгарина] С[перанский] преподавал уроки?

Любопытно бы слышать эти собственные слова и подтверждения этих свидетелей.

А что бы сказал еще г. Б[улгарин], если б знал, что С[перанский] жил вместе с **людьми** 22 к[нязя] Куракина, что он ел с ними и играл в карты и что даже двух камердинеров его считал своими патронами?

[^^^]

По месту и почет (*фр.*).

[^^^]

Неужели это маловажнее формуляра г. Булгарина? На пропуск, в числе генерал-прокуроров, кн. Лопухина, он ничего не отвечает.

[^^^]

Сперанский **не мог** этого говорить, ибо самому Кочубею рекомендован был Трощинским, на что у нас есть и **письменные** доказательства.

[^^^]

*Не в том, а в том, что **третья** часть **Гражданского уложения** названа – **Коммерческим уставом** и **Уголовным правом**, чего все это многословное возражение нисколько не опровергает. Как ни делить математику, а все же алгебру нельзя назвать тригонометрией, и наоборот.*

[^^^]

Записка составлена не приближенным лицом, а самим Сперанским, и черновая у нас в руках. Там сказано только, что третья часть Гражданского уложения тоже была подготовлена Сперанским и требовала еще только отделки; но нигде не сказано, чтоб эта третья часть заключала в себе – Коммерческий устав и Уголовное право.

*Взамен записки, которую собирается мне представить – вероятно в копии – г. Булгарин, я могу услужить ему **подлинною** рукою С[перанско]го и немецким ее переводом, напечатанным в «Zeitgenossen»²⁴.*

[^^^]

Речь идет о следующей книге: *Schnitzler J. H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas: et particulièrement pendant la crise de 1825.* Paris, 1847. Т. 1–2.

[^^^]

*Откуда попала сюда эта выходка? Ни к селу, ни к городу. Уж не хочет ли г. Б[улгарин] намекнуть, что я стремлюсь убавить славу Сперанского и что он собирается – защищать ее **против** меня?!!*

[^^^]

*Замечание мое останется в своей силе, именно что нельзя сказать, как сказал г. Б[улгарин], что «Сперанскому дано было поручение преобразовать все духовные училища в России», когда это поручение дано было **не ему**, а Комитету, состоявшему из шести членов, **в числе коих** и он находился.*

[^^^]

Пропущенное составляет точно также «важнейшие труды», частью еще важнейшие, нежели приведенное.

[^^^]

Тут дело не в русском произношении, а в английском правописании.

[^^^]

Таким образом, при допущении подобных неточностей в биографиях, не останется в них и ничего не только важного, но даже достоверного для потомства.

[^^^]

Моя вина, моя большая вина! (*лат.*).

[^^^]

710

*Зачем же тогда и включать в **воспоминания** чего нельзя **упоминать** .*

[^^^]

711

Очень важно нам знать.

[^^^]

Здесь важно то, что г. Б[улгарин] влагает в уста С[перанского] ложь. Но для наблюдателя и мыслителя – несмотря на плоскую шутку г. Б[улгарина] – очень любопытно знать, где и в каком положении своей тревоженной жизни совершил С[перанский] этот труд, – гораздо важнее, во всяком случае, нежели знать, когда и где написан был «Выжигин» 27.

[^^^]

*Авторская воля не может ломать истории, и эта **умышленная** переделка доказывает, сколько можно полагаться на другие показания г-на Б[улгарина].*

[^^^]

*Автор не утверждает, а ссылается на указ и, вместе, исправляет и другую, вероятно, тоже **умышленную** переделку г-на Б[улгарина] о времени пожалования, здесь очень важном.*

[^^^]

Да будет так! (*φρ.*).

[^^^]

*Того, что говорит г. Б[улгарин], в означенной записке **нет**, а спорить нельзя, хоть бы и хотелось, потому что мое показание утверждается на документах.*

[^^^]

*Выше видно, что если он не принял, то не мог и оспорить или опровергнуть **ни одного** из других замечаний. О настоящем же трудно понять, почему оно входит в характеристику Сперанского, когда последний, отрешая Трескина, привел только в действие полученное о том высочайшее повеление.*

[^^^]

шляпа белая и белая шляпа (*фр.*). Французская поговорка, русский аналог: «Что в лоб, что по лбу».

[^^^]

Это возражение не стоит опровержения. Уложение есть Code, а Учреждение есть Règlement 30 , и для всякого, даже не юриста, понятна коренная между этими двумя вещами разность, отделяющая их, не только по названию, но и по самому существу, как небо от земли. Что касается до Комиссии законов, то я покажу г-ну Б[улгарину] 50 указов и полтора роста собственных ее журналов, где она именно так названа. Это все равно что сказать просто Сенат или Правительствующий сенат.

[^^^]

*Если не важно, то незачем было г-ну Б[улгари-
ну] о том и говорить; что же касается до мо-
его **сознания** «о поручении Сп[еранском]у **рас-
смотрения** составленного тогда проекта
Уложения», то такового в моей статье нет и
быть не могло, ибо С[перанский] составлял
проект, а **рассматривал** его Госуд[арствен-
ный] совет.*

[^^^]

Я, напротив, в самом начале отстранил всякое суждение о **характеристике**, как еще преждевременное, и во всей статье касался только **материальной части** биографии, т. е. фактов и чисел. Может быть г. Б[улгарин] не знает даже и в каком году умерли приводимые им великие люди, но это не мешает другим желать знать, когда погасла какая отечественная слава, и во всяком случае желать, чтобы когда печатают уже числа, то печатали бы истину, а не ложь.

[^^^]

Не **одно** сочинение просто, а одно из указанных 2♦х [Булгариным] в числе написанных С[перански]м среди, будто бы, государственных трудов .

[^^^]

723

Против этого и спору не было.

[^^^]

*Первоначальная фамилия С[перанско]го, его
теща, его зять и пр. едва ли принадлежат к
изображению его ума и души .*

[^^^]

Упоминает в каком смысле? Для опровержения показания его, будто бы родовое прозвание С[перанско]го было Уткин. Более о Розенкампе у меня и слова нет.

[^^^]

Не верю, чтоб были известны г-ну Б[улгарину] Записки Розенкампа, отысканные мною в 1846 г. в хламе старых бумаг, никем после его смерти не тронутых. Экземпляр их – его собственноручный – есть только у меня.

[^^^]

Имеется в виду Энциклопедический лексикон, который выпускал издатель А. А. Плюшар. Он выходил в 1834–1841 гг. и был доведен только до буквы Д.

[^^^]

Эти записки были для современной печати, а беспристрастные, правдивые и полные биографии – в России – могут быть только делом потомства.

[^^^]

В замечаниях моих, ничем не опровергнутых, выведено, что тут есть более нежели такие ошибки.

[^^^]

730

*До пятен на холсте я и не прикасался, объявив
вперед, что теперь это было бы еще прежде-
временно.*

[^^^]

Здесь г. Б[улгарин] сознается в этих пятнах, хотя в самых опровержениях своих везде утверждает, что это – не пятна.

[^^^]

Конец! (*лат.*).

[^^^]

Не о том было дело в моих замечаниях, а оправдываясь так усиленно против того, чего совсем не касался обвинитель, г. Б[улгарин] прямо и сам кладет себя под нож французской поговорки «qui s'excuse s'accuse!» 33

[^^^]

См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым:
В 3 т. / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896 (по указ.).

[^^^]

Там же. Т. 3. С. 368, 372. Далее страницы этого тома переписки приводятся в тексте в скобках.

[^^^]

Плетнев цитирует стихотворение А. С. Пушкина «Из письма к Гнедичу» (1821).

[^^^]

Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б. //
Северная пчела. 1849. № 91. 27 апр.

[^^^]

Об обстоятелстватах публикации статьи см.
примеч. 55 на с. 475.

[^^^]

Речь идет о статье М. А. Корфа «О воспоминаниях г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанского», опубликованной в «Русском инвалиде» (1848. № 138. 24 июня) и перепечатанной в «С.-Петербургских ведомостях» (1848. № 144. 1 июля).

[^^^]

Грот свое обещание не сдержал: в следующем очерке (Я. Г. Очерки из Финляндского похода в 1809 году // Современник. 1855. № 5. С. 1–14) к «Воспоминаниям» Булгарина он не обращался.

[^^^]

741

Мост этот в нескольких шагах от станции
Аборфорс, близ Ловизы.

[^^^]

Имеются в виду Густав I Ваза, Густав II Адольф, Густав III и Густав IV Адольф.

[^^^]

Михайловский-Данилевский, на которого опирался Булгарин, при упоминании численности милиции слово «vargering» не использовал, см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах. СПб., 1841. С. 15. Согласно шведским документам, так назывались в Швеции военный запас и земское ополчение, или милиция, см.: Шведская война 1808–1809 гг. / Сост. военно-историческим отделом шведского Генерального штаба. СПб., 1906. Ч. 1. С. 85.

[^^^]

Шведы в правописании иностранных слов руководствуются почти исключительно выговором; они пишут: notis, talang, filosofi.

[^^^]

В отечественной историографии датой основания Выборга считается 1293 г. Сведения о более раннем основании Выборга Булгарин мог почерпнуть из «Истории России» (Ч. 1. Гл. 4) В. Н. Татищева.

[^^^]

746

Поселение Або (совр. Турку) известно с XIII в.,
однако статус города получило в XIV в.

[^^^]

Шведско-финские географические названия в том же написании, что и у Булгарина, встречаем у многих современных ему авторов (см., к примеру: *Батюшков К. Н. Сочинения*. СПб., 1885. Т. 2. С. 195).

[^^^]

Далее следовал вычеркнутый Гротом фрагмент, в котором он оправдывался в собственной неточности в предыдущей статье при упоминании географических названий в описании действий Сандельса при Куопио и в подробной справке давал свое представление об озерах, заливах и проливах в Финляндии.

[^^^]

Далее Грот вычеркнул большой фрагмент с рассуждением, является ли Оравайс городом или деревней. Признав справедливость замечаний Булгарина, Грот, однако, упрекал его, что он дал представление об этом населенном пункте не в «Воспоминаниях», а лишь в газетной полемике, иначе «можно было бы поблагодарить его за верные сведения».

[^^^]

Имеется в виду Й. Л. Рунеберг – автор баллады «Kulneff» («Кульнев»), входящей в книгу стихов «Рассказы фенрика Столя». Грот приводит отрывок из нее в своем переводе.

[^^^]

Грот обыгрывает название фельетонной рубрики Булгарина «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б.».

[^^^]

Тьер А. История Консульства и Империи: В 5 ч. / Пер. с фр. И. Д-ч. СПб., 1845–1846.

[^^^]

По словам шведов, сам *Грипенберг* прибыл на поле битвы уже *после* отражения Козачковского Дебельном, но так как я этого обстоятельства не успел еще окончательно исследовать, то и не употребляю его против г. Булгарина, который в своем описании этого дела все говорит только о Грипенберге как начальнике неприятельского войска.

[^^^]

Имеется в виду Бьернеборгский полк, которому Рунеберг посвятил стихотворение «Бьернеборгский марш».

[^^^]

В указателе отражены только лица, упомянутые в публикуемых текстах Булгарина и его критиков. Используются следующие сокращения: ад. – адъютант, ген. – генерал, гос. – государственный. Сведения о ряде персонажей уточнены на основе фондов РГВИА.

[^^^]